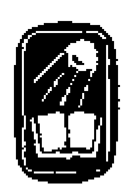
Альберт Захарович Манфред(Отв.редактор) В. М. Далин В. В. Загладин С. Н. Павлова С. Д. Сказкин
История Франции т. 2

Альберт Захарович Манфред(Отв. редактор), В. М. Далин, В. В. Загладин, С. Н. Павлова, С. Д. Сказкин
История Франции. Т. 2

1. Великая французская революция

Начало революции

Тысяча семьсот восемьдесят девятый год стал переломным в истории Франции.

Уже давно, с середины XVIII столетия, ряд признаков, ряд примет предвещали близость больших событий. Даже осмотрительные, осторожные люди, не лишенные наблюдательности, в доверительных беседах предсказывали приближение революции[1].

И вот гроза, давно ожидаемая, всеми предвиденная и все-таки неожиданная, наконец разразилась.

С 1788 г. тучи стали сгущаться. В коммерческих делах, в торговле, в промышленном производстве наступил застой. Лето 1788 г. было неурожайным. С полей было нечего собирать. Затем наступила непривычно суровая для Франции зима: многие реки замерзли; морозы, доходившие до 18° по Реомюру, погубили виноградники.

Беспримерные бедствия, голод, нужда обрушились на народные массы деревень и городов. Доведенные до отчаяния, крестьяне покидали насиженные места, уходили бродяжничать, поднимали мятежи. То здесь, то там в разных провинциях королевства вспыхивали крестьянские восстания. В городах голодающая беднота громила продовольственные лавки и склады. Общественное возбуждение охватывало всю страну. В Париже, в саду Пале-Рояля происходили какие-то загадочные сборища. В городе раскидывали антиправительственные листовки. Дошло до того, что в Итальянской опере к бархату ложи королевы Марии-Антуанетты был приколот лист бумаги с угрожающей надписью: «Трепещите, тираны, вашему царству наступает конец»[2].

Это ощущение конца старого мира не только воодушевляло недовольных, смело ввязывавшихся в борьбу, оно охватывало и привилегированные сословия, и окружение короля – все, что составляло опору монархии.

Королевский двор искал и не находил выхода из углубляющегося кризиса. Людовик XVI по необходимости должен был менять государственных контролеров финансов – столь же бездарных, сколь и расточительных – Жоли де Флери, Д'Ормессона, Калонна, оказавшихся в состоянии лишь непрерывно увеличивать государственный долг, но не пополнять пустую казну. После неудачи с собранием нотаблей, созванным в 1787 г., король должен был в августе 1788 г. вновь вернуть к власти Неккера и согласиться на созыв Генеральных штатов. И возвращение к руководству финансов опального женевского банкира, и самый факт созыва Генеральных штатов, без которых французские короли обходились более полутораста лет, были доказательством того, что монархия не в силах уже поддерживать порядок в стране старыми методами.

Становилось очевидным, что «верхи» не могут уже управлять по-старому, а «низы» не хотят жить по-старому. Это был верный признак того, что во Франции в 1788–1789 гг. сложилась революционная ситуация.

Неурожаем, заминкой в торговле, крестьянской нуждой, даже голодом миллионов людей во французском королевстве никого нельзя было удивить. Они были хорошо известны и не раз повторялись в тысячелетней истории монархии. Так почему же теперь, в 1788–1789 гг. все чувствовали, все понимали, что назревает нечто большее, что речь идет не о привычных бедствиях крестьянства, а что страна находится на пороге больших перемен, крутой ломки всех общественных отношений, что в двери уже стучится революция?

И торгово-промышленный кризис, и голод крестьян, и бедствия городской бедноты

---

1 *Fr. M. Crimm.* Correspondance litteraire, philosoohique et critique de Grimra et de Diderot depuis 1753…, t. II, Paris, 1829, p. 81.

2 *F. Roquain.* L'Esprit revolutionnaire avant la Revolution. 1715–1789. Paris, 1878, ch. XII.

могли лишь обострить и ускорить приближение революционного взрыва[3], но не они были главными причинами революции. Ее коренные, главные, неустранимые причины лежали глубже. Революция была неизбежной потому, что господствовавший в течение многих столетий феодально-абсолютистский строй полностью уже изжил себя, стал преградой экономическому, социальному и политическому развитию страны.

Это выражалось прежде всего в глубоком и неразрешимом конфликте между третьим сословием, составлявшим огромное большинство населения страны, и привилегированными сословиями, количественно ничтожными, но обладавшими полнотой политической власти. Но за этой сословной оболочкой скрывалось вполне определенное классовое содержание. Неизбежность революции порождалась неразрешимостью классовых противоречий.

Привилегированные сословия – духовенство и дворянство, представляли собой класс феодалов. Каковы бы ни были у них частные расхождения с двором, они оставались оплотом и опорой феодально-абсолютистской монархии.

Третье сословие по своему классовому составу было разнородно. В него входили и богатая, экономически самая сильная (хотя также неоднородная) буржуазия – политически бесправная, но рвущаяся к власти, и закабаленное бесконечными феодальными поборами и повинностями многомиллионное крестьянство, и городское плебейство, или, как позже его стали называть, городское санкюлотство – рабочие, ремесленники, с трудом добывающая себе всеми способами пропитание беднота.

Конечно, интересы и задачи разных классов, входивших в состав третьего сословия, во многом расходились. «Liberte!» – «свобода!», – самое популярное с\ово, кружившее умы в 1789 г., понималось совсем по-разному графом Мирабо – аристократом, примкнувшим к враждебным абсолютизму силам, Жаном Жозефом Мунье – богатым буржуа и юристом, возглавлявшим оппозицию в Дофинэ, или типографом Антуаном Моморо, будущим членом Клуба кордельеров. Но в ту пору – в 1788–1789 гг. еще сильнее, чем эти различия, была общность интересов, объединявшая и сплачивавшая третье сословие в борьбе против феодально-абсолютистского строя. Весь ход предшествующего исторического развития привел к тому, что в 1789 г. все третье сословие выступало единым в конфликте со старым феодальным миром.

Некоторым современным французским историкам представляется, будто развитие революционного процесса во Франции распадалось, или вернее сказать, расчленялось, на ряд революций. Такой выдающийся исследователь истории французской революции, как покойный профессор Жорж Лефевр, различал «аристократическую революцию», «буржуазную революцию», «крестьянскую революцию». Свержение монархии в августе 1792 г. он называл «второй революцией». Восстание 31 мая – 2 июня 1793 г., установившее власть якобинцев, рассматривалось им также как особая революция. Получалось, что в рамках одной революции было как бы несколько революций[4].

В известном труде таких крупных историков, как профессора Эрнест Лабрусс и Марк Булуазо, в рамках событий 1789–1794 гг. также укладываются три революции; правда, здесь на первый план выдвигаются различия юридического порядка[5]. В той или иной форме это расчленение единого революционного процесса на ряд революций можно встретить и у многих других авторов, например в последней по времени общей истории революции Фюре

---

[3] См. *E. Labrousse.* La crise de l'economie francaise a la fin de l’ancien regime et au debut de la Revolution francaise, t. 1. Paris, 1944.

[4] *C. Lefebvre.* La revolution francaise. Paris, 1952.

[5] *R. Mousnier* et *E. Labrousse* (avec la collaboration de M. Bouloiseau). Le XVIII siecle. L’epoque des «Lumieres». Paris, 1963.

и Рише[6] или даже в широко распространенных школьных учебниках.

С этой точкой зрения, с учетом всех ее модификаций, нельзя согласиться. На наш взгляд, революционные события во Франции конца XVIII в., или, скажем точнее, 1789–1794 гг., представляли собой не ряд сменяющих друг друга революций, но единый и целостный революционный процесс, не поддающийся расчленению. Это была одна и единая революция, со всеми присущими ей противоречиями.

Эти противоречия были заложены в самом характере, в самой природе Великой французской революции. В эмбриональной, зачаточной форме они содержались уже в третьем сословии, в союзе тех классовых сил, которые весной 1789 г. выступили сообща – и это было не случайно, к этому они были подведены всем ходом предыдущего исторического развития – против старого феодально-абсолютистского мира.

Французская революция XVIII в. по своему объективному содержанию, т. е. независимо от воли и сознания творивших ее людей, могла быть только буржуазной революцией и никакой иной. Но своеобразие начинавшегося революционного процесса заключалось в том, что ход исторического развития привел к союзу буржуазии с народом, что движущими силами революции были буржуазия, крестьянство и плебейство. Поэтому сказать, что близящаяся революция будет только буржуазной, и поставить на этом точку, ограничить этой констатацией свой анализ было бы также неправильным. Участие народа, т. е. крестьянства и плебейства, в революции на достигнутом уровне общественного развития не могло пройти бесследно. Оно должно было отразиться на самом характере революции и наложить на нее свой отпечаток.

Соотношение и расстановка классовых сил накануне революции, скажем мы, забегая вперед, не только предопределяли внутренние противоречия революции и неизбежность их обострения. Можно было предвидеть, исходя из анализа движущих сил революции, что эта буржуазная по своим объективным задачам и целям революция может победить только как народная по своему характеру революция.

Но к этому мы должны будем возвратиться позднее. Вернемся сейчас к событиям 1789 г.

Когда началась Великая французская революция? Что следует считать ее началом?

Революционная ситуация, сложившаяся еще в 1788 г., с началом следующего года стала быстро обостряться. В марте и апреле 1789 г. по ряду провинций королевства снова прокатилась волна крестьянских волнений. В то же время на почве острой нужды в городах выступила беднота, требовавшая хлеба, установления дешевых цен на продовольствие. Это не были случайные выступления. Волнения городской бедноты произошли и на севере – в Лилле, Дюнкерке, Камбре, и на юге – в Марселе, Тулоне, Эксе, и в ряде других городов[7]. В конце апреля – 27 и 28 – в самой столице королевства – в Париже, в Сент-Антуанском предместье, – рабочие этого и прилегающих к нему плебейских кварталов разгромили дома крупных мануфактуристов Ревельона и Анрио и в течение нескольких дней ожесточенно сражались против правительственных войск, двинутых для восстановления порядка в мятежном квартале[8].

Открывшиеся в этой накаленной обстановке 5 мая 1789 г. заседания Генеральных штатов в Версале, естественно, привлекли к себе внимание всей страны.

Зал «малых забав» Версальского дворца, где собрались представители трех сословий, с первого же дня заседаний Генеральных штатов превратился в арену острых конфликтов

---

6 *Furet* et *Richet.* La Revolution francaise. Paris, 1965.

7 См. П. Кропоткин. Великая французская революция 1789–1793. М. 1918, гл. VII, VIII; C. Lefebvre. Quatre-vingt-neuf. Paris, 1939; F. Braech. 1789. L’annee cruciale. Paris, 1941, и др.

8 См. С. *А. Лотте.* «Республиканское сословие». – «Французский ежегодник. 1960». М. 1961.

между двором и привилегированными сословиями, с одной стороны, и третьим сословием – с другой. Спор начался с процедурного вопроса: как проводить заседания и голосования – посословно или большинством голосов. Но нетрудно понять, что за этим процедурным вопросом крылось нечто гораздо большее: спор о задачах Генеральных штатов, о правах третьего сословия, о завтрашнем дне страны, о будущности Франции[9].

На протяжении двух с половиной месяцев продолжались словесные сражения между депутатами третьего сословия и представителями королевской власти, поддерживаемой церковной и дворянской знатью. То было время ораторских дуэлей, смелых жестов и громких, рассчитанных на историю фраз, растущей славы Мирабо, поражавшего мощью своего дара трибуна, удивлявшей дерзости депутатов третьего сословия, осмеливавшихся не подчиняться приказам короля и неожиданно, благодаря этой дерзости, достигавших успеха.

Вдохновляемые постоянной поддержкой народа – парижане, приезжие, все стремились в Версаль, чтобы заполнить галереи огромного зала, – депутаты третьего сословия за короткий срок добились немалого. 17 июня собрание третьего сословия провозгласило себя Национальным собранием. Само звучание этих слов казалось современникам необычайно смелым и новым. Старому, средневековому, феодальному делению на сословия был противопоставлен новый и высший принцип – нация. Провозгласив себя Национальным собранием, третье сословие преодолело сословную ограниченность; оно приобрело право говорить от имени всей французской нации, от имени всего народа; оно становилось самым полноправным и представительным органом всей страны.

Попытки королевского двора воспрепятствовать осуществлению этого решения потерпели неудачу. Памятная клятва в зале для игры в мяч (20 июня) и неповиновение приказу короля разойтись (23 июня) означали поражение абсолютистского режима. Национальное собрание нельзя было отменить простым королевским приказом. Вчерашние депутаты третьего сословия, объявив себя представителями всей французской нации, почувствовали важность созданного ими органа: это было высшее законодательное и представительное учреждение французского народа. Им оставалось сделать последний логический вывод, и он был сделан 9 июля.

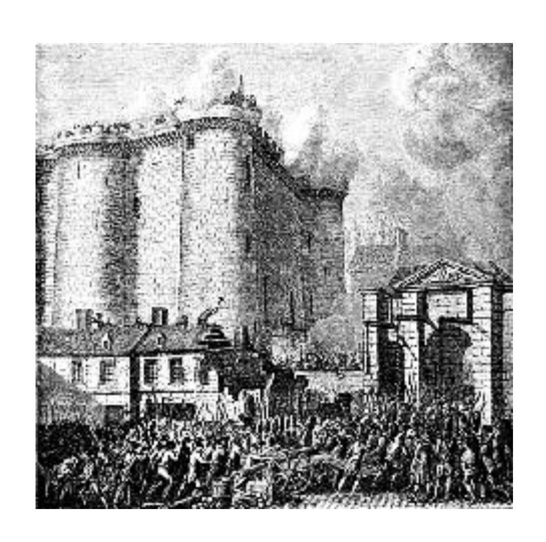
Национальное собрание провозгласило себя Учредительным собранием. Этим названием подчеркивалась важнейшая задача высшего законодательного органа французской нации – учредить новый общественный строй, выработать конституцию.

Вся страна, затаив дыхание, следила за развитием событий в Версальском дворце. Именно в эту пору возникло новое для Франции явление – рождение великого множества газет. Политические события, развертывавшиеся в стране, встречали в разных общественных кругах различное отношение. Поэтому сразу создалось много газет разных политических пристрастий, придерживающихся нередко противоположных взглядов. Новым было и множество листовок, брошюр, воззваний, обращений к народу. Невиданный ранее поток политической литературы затопил страну; вернее сказать города, так как в деревне крестьянство в подавляющем большинстве было неграмотным. Но и оно, естественно, с огромным вниманием прислушивалось к доходившим, нередко весьма произвольным, толкованиям вестей из Версаля.

Но как ни велико было политическое значение событий, происходивших в Версале, они все еще оставались в рамках парламентского конфликта, с весьма ограниченным числом участников. Народ, основные силы страны не были еще втянуты в борьбу.

---

[9] См. «Recit des seances des deputes de communes depuis le 5 mai 1789 jusqu'au 12 iuin suivant». Reimpression par A. Aulard. Paris, 1895.

Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Гравюра Берто с картины Приера

Революция началась лишь со времени вступления на политическую арену народных масс. Это произошло **13–14** июля, когда в ответ на увольнение Неккера и попытку королевского двора перейти в контрнаступление народ Парижа стихийно поднялся на борьбу.

Народное вооруженное восстание 13–14 июля, завершившееся штурмом и падением Бастилии, казавшейся неприступной крепостью, и было началом революции. Все подробности этого знаменитого дня так детально освещены [10], что нет нужды здесь снова их напоминать. Потрясший всех современников поразительный, казавшийся почти невероятным успех парижан, овладевших грозной Бастилией, с ее восемью башнями, поднятыми подъемными мостами, рвами, пушками, сильным гарнизоном, объяснялся в сущности просто. Победа 14 июля была одержана прежде всего потому, что против ненавистной крепости-тюрьмы, против абсолютистского режима выступило единым и сплоченным все третье сословие, или – что то же – союз всех классовых сил, объединяемых этим термином вчерашнего дня, и, прежде всего, народные массы.

Это было понято и оценено и в противоположном лагере. Абсолютизм потерпел поражение. Король возвратил к власти уволенного им было Неккера, признал решения Национального собрания и 17 июля явился в Париж, чтобы скрепя сердце приветствовать победоносный народ.

Революция, одержавшая первую победу 14 июля в Париже, затем раскатилась широкой волной по всей стране. Во всех городах королевства, как только туда доходила весть о событиях в Париже, народ выходил на улицу, смещал старые власти и замещал их новыми выборными органами – муниципалитетами, в большинстве своем составленными из наиболее именитых представителей третьего сословия. В ряде городов – в Страсбурге, в Труа, в Амьене, Руане, Шербуре – эта «муниципальная революция», как стали называть эти события, сопровождалась вооруженными столкновениями, разгромом ненавистных народу зданий, олицетворявших абсолютистский гнет, – ратуш, тюрем. В других городах переход власти в руки буржуазии совершался более или менее мирно. К концу августа повсеместно, во всех городах королевства, были созданы новые муниципальные органы – буржуазные по своему составу.

Несколько позже, чем в города, весть о падении Бастилии проникла в деревню. Голодающим, измученным феодальным гнетом крестьянством она была воспринята как сигнал к выступлению. С конца июля, в августе-сентябре в самых разных концах

---

[10] Новейшей работой, наиболее полно описывающей события 13–14 июля 1789 г., является монография: J. *Godechot.* La prise de la Bastille. Paris, 1966; см. также *P. Chauvet.* 1789. L’insurrection parisienne et la prise de la Bastille. Paris, 1946.

королевства поднимаются широкие бурные крестьянские движения. Крестьяне громят ненавистные им замки сеньеров, «пускают петуха» – сжигают помещичьи усадьбы, делят между собой помещичьи луга и леса. Эти грозные крестьянские выступления, внушавшие «великий страх» помещикам, всем крупным землевладельцам, бежавшим спешно из деревни, сыграли немаловажную роль в поражении абсолютистского режима[11].

На этом начальном этапе революции все классы и классовые группы, входившие в третье сословие: буржуазия, крестьянство, плебейство – были заинтересованы, хотя и по-разному, в сокрушении абсолютистского режима и потому выступали – в главном – вместе и сообща против общего врага.

Это нашло свое отражение в программном документе огромной революционной силы, принятом Учредительным собранием 26 августа 1789 г., – Декларации прав человека и гражданина.

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», – гласила первая из 17 статей Декларации. В суровый век господства в большинстве стран феодально-абсолютистского строя с его догматами божественного происхождения монаршей власти, сословным неравенством, рабством, крепостничеством этот тезис о равенстве в правах всех людей звучал как вызов всему старому миру. Столь же смело и революционно в ту эпоху звучали и провозглашенные в Декларации священными и неотчуждаемыми правами человека и гражданина свобода личности, свобода слова, свобода совести, право на сопротивление угнетению.

Одна из статей Декларации провозглашала священным и неприкосновенным право частной собственности. В этом сказывался буржуазный характер Декларации с присущими ей противоречиями. Провозглашая право собственности священным, Декларация тем самым опровергала первый из записанных ею принципов – равенство людей в правах, и увековечивала имущественное неравенство. Но эта статья в ту пору имела и прогрессивное – антифеодальное – содержание. Провозглашая право собственности священным (в терминах почти буквально повторявших известную формулу Руссо), Декларация стремилась защитить крестьянскую и буржуазную собственность от покушения на нее феодалов.

В целом Декларация прав человека и гражданина 1789 г. прозвучала как манифест революции, возвещавший начало новой исторической эпохи. Знаменитые лозунги Великой французской революции, сжато формулировавшие идеи Декларации – «свобода, равенство, братство», – были восприняты как вызов, брошенный старому миру реакции, насилия и бесправия; они были встречены с величайшим сочувствием всеми угнетенными и порабощенными во всем мире, всеми передовыми людьми, стремившимися изменить завтрашний день человечества, сделать его лучшим.

Господство крупной буржуазии

Однако иллюзии братства, всеобщего единения нации, господствовавшие в первые дни революции, продолжались недолго. Все третье сословие выступило сообща против абсолютистского режима и одержало над ним победу. Но плоды этой победы достались не всем сражавшимся, они достались лишь буржуазии, и даже не всей буржуазии, а лишь небольшой, самой богатой ее части – крупной буржуазии, или «буржуазной аристократии», как ее нередко называли.

В первые дни революции в Париже, а вслед за ним и в провинциальных городах была создана вооруженная сила, призванная защищать ее завоевания, – Национальная гвардия. Крупная буржуазия поспешила прибрать ее к рукам. Было постановлено, что лица, вступающие в Национальную гвардию, должны за свой счет приобретать мундир – нарядный, дорогостоящий, практически не доступный небогатым людям. Тем самым в

---

[11] См. С. Lefebvre. La grande peur de 1789. Paris, 1932; idem. Etudes orleanaises, t. 1. Paris, 1962.

Национальную гвардию был закрыт доступ не только бедноте, но вообще демократическим слоям. Главнокомандующим Национальной гвардии был назначен маркиз Лафайет, прославившийся как участник войны за независимость Соединенных Штатов Америки, «герой Нового и Старого Света», весьма популярный в первые дни революции, но в действительности далекий от понимания нужд и чаяний народа.

В парижском муниципалитете, где мэром стал осторожный и расчетливый Жан Байи, ученый-астроном, пользовавшийся полным доверием крупной буржуазии, и в провинциальных муниципалитетах власть почти повсеместно была в руках ставленников буржуазии.

В Учредительном собрании на первых порах руководящая роль также принадлежала представителям крупной буржуазии и либерального дворянства. Самым популярным деятелем революции, не только в Собрании, но и в стране, был первоначально граф Оноре де Мирабо (1749–1791). Воспитанный в богатой и аристократической семье, превосходно и разносторонне образованный, наделенный от природы несомненным литературным и ораторским даром, Мирабо еще до революции приобрел шумную известность в Европе своими острыми памфлетами и политическими выступлениями и своими скандальными романическими похождениями. Поразительный ораторский талант, смелость, непоколебимая самоуверенность обеспечили ему на первом этапе революции, в период словесных дуэлей с абсолютистским режимом, роль признанного лидера Учредительного собрания. Его авторитет и популярность в это время были огромны. Однако быстрое нарастание революционной волны, внушая Мирабо тревогу, остудило его революционный пыл; он осторожно начал поворачивать вправо.

Хитрый, скупой на слова, но ко всему прислушивающийся аббат Сиейес, еще до революции примкнувший к третьему сословию, ловкий адвокат из Ренна Ле Шапелье, Лафайет были также авторитетными деятелями Учредительного собрания. Признанные руководители партии «конституционалистов», как стали позднее называть представителей крупной буржуазии, они стали практически руководящей, направляющей силой Учредительного собрания.

Но крупной буржуазии было мало фактического господства, она стремилась закрепить его и юридически. Через несколько дней после того, как Учредительное собрание приняло знаменитую Декларацию прав человека и гражданина, оно стало обсуждать внесенный Мунье проект, в прямом противоречии с Декларацией предлагавший установление имущественного ценза для избирателей. Законодательством октября-декабря 1789 г. эти антидемократические проекты приобрели законную силу.

В основу избирательной системы был положен имущественный ценз. Граждане разделялись на две неравноправные категории – активных и пассивных. Первые, обладавшие имущественным цензом и платящие прямые налоги в разных размерах, имели право избирать и быть избранными. Вторые, не отвечающие этому требованию, были лишены избирательных прав. Граждане, объявленные пассивными, составляли подавляющее большинство населения [12]. Так крупная буржуазия, отделившись от своих недавних союзников по третьему сословию, установила фактически и юридически свое господство в стране.

Но для правильного понимания характера законодательства Учредительного собрания при господстве крупной буржуазии должно быть принято во внимание, что борьба против феодально-абсолютистских сил была еще далеко не завершена, что и руководившая Собранием партия (употребляя этот термин, понятно, условно) конституционалистов (Мирабо, Лафайет, Мунье и др.) не могла не считаться с настроениями и требованиями народных масс, Что, наконец, сама крупная буржуазия была заинтересована в преобразовании Франции на буржуазных основах. Именно в силу этого многие из законов,

[12] *J. Godechot.* Les institutions de la France sous la Revolution et l’Empire. Paris, 1951.

принятых Учредительным собранием, имели несомненно прогрессивное значение.

В 1789–1790 гг. было проведено административное переустройство Франции, имевшее крупное политическое значение. Старое, средневекового происхождения, деление королевства на провинции, женералите, бальяжи, уже давно не отвечавшее ни экономическим интересам страны, ни реально сложившимся отношениям, было упразднено. Вместо него вся страна была разделена на 83 более или менее равных по величине департамента, поставленных в единообразные в административном отношении условия. Сколь жизненно правильной была эта административная реформа, можно судить по тому, что и сейчас, почти 200 лет спустя, установленное Учредительным собранием в 1790 г. деление Франции по департаментам в основном сохранилось[13].

2 ноября 1789 г. Учредительное собрание по предложению Талейрана, бывшего епископа Отенского, постановило конфисковать все имущество и земельную собственность церкви, передав их в распоряжение нации. Церковные земли, объявленные национальным имуществом, были пущены в распродажу. Эта мера должна была сломить, могущество церкви, являвшейся важной опорой феодально-абсолютистского строя, и в то же время способствовать разрешению финансового кризиса в стране. Церковь была лишена также ряда важных прав и обязанностей (регистрация рождения, брака, смерти), перешедших к государству, установившему контроль и над всей ее деятельностью.

Учредительное собрание уничтожило все старые сословные деления. Это был важный шаг на пути создания нации. 19 июня 1790 г., чтобы полностью обеспечить юридическое равенство граждан и чтобы лишить бывшее дворянство каких-либо формальных преимуществ, Учредительное собрание отменило все дворянские титулы и самый институт наследственного дворянства. Все старые дворянские титулы: князь, герцог, граф, маркиз, виконт и т. д. – были упразднены, и пользование ими запрещено.

Так обоим привилегированным сословиям – духовенству и дворянству – были нанесены сокрушительные удары. Впрочем, при общем бесспорно прогрессивном характере этого законодательства и в нем сказалась противоречивость, присущая политике буржуазного Учредительного собрания. Духовенство было лишено не только юридических преимуществ, связанных с его прежним статусом первого сословия, но и экономических. Секуляризация церковных земель подорвала экономическую мощь духовенства.

Но на феодальную собственность буржуазное Собрание не решилось покуситься, напротив, оно взяло ее под защиту[14].

В обстановке грозных крестьянских восстаний, потрясавших королевство, и «великого страха», охватившего бегущих из усадеб помещиков, Учредительное собрание не могло пройти мимо аграрного вопроса; он встал одним из первых в порядок дня его работы. Знаменитая «ночь чудес» 4 августа 1789 г., породившая столько легенд, стала лишь началом обсуждения практических мер, затянувшегося почти на неделю. Аграрное законодательство Учредительного собрания 4-11 августа 1789 г. было отмечено крайней противоречивостью. Собрание торжественно провозгласило феодализм отмененным, и само это утверждение, хотя оно и осталось чисто, декларативным, имело большое революционное и революционизирующее (вопреки намерениям законодателей) значение. Но практические решения находились в прямом противоречии с этим широковещательным утверждением.

Дворяне и владевшие феодальными рентами буржуа согласились «пожертвовать», т. е. отказаться без выкупа от так называемых личных феодальных прав (серваж, право мертвой руки, право охоты и т. п.), которые фактически с начала крестьянского движения были

---

[13] *A. Brette.* Les limites et divisions territoriales de la France en 1789. Paris, 1907.

[14] Лучшей по этому вопросу остается старая работа: *Ph. Sagnac.* La legislation civile de la Revolution francaise. Paris, 1898 (русск. пер.: *Ф. Саньяк.* Гражданское законодательство Французской революции. М., 1928).

потеряны. Все же остальное и, главное, так называемые реальные платежи и повинности, связанные с собственностью на землю, – чинш, натуральный оброк, единовременные пошлины сеньеру и т. д. – сохранялись: они подлежали выкупу на непосильных для крестьян условиях[15]. Тем самым коренное, главное требование крестьянства – земля, безвозмездная ликвидация всех феодальных повинностей и поборов – осталось невыполненным.

Законодательство Учредительного собрания в области торговли и промышленности, продиктованное прежде всего интересами буржуазии, имело объективно прогрессивный характер. Вдохновленные идеями физиократов, буржуазные законодатели стремились обеспечить ничем не ограничиваемую свободу хозяйственной инициативы. Все формы ограничений, регламентации средневекового происхождения были упразднены, отныне ничто не препятствовало предпринимательской деятельности и хозяйственной инициативе.

В феврале 1791 г. был издан декрет об упразднении цехов, что также ликвидировало один из пережитков средневековья. Но несколькими месяцами позже, 14 июня 1791 г., по предложению депутата Ле Шапелье огромным большинством голосов был принят декрет, прямо направленный против рабочих. По закону Ле Шапелье рабочим воспрещалось объединение в союзы или иные объединения и под страхом сурового наказания запрещались стачки. Это был первый продиктованный своекорыстно классовыми интересами буржуазии антирабочий закон.

Противоречивость политики конституционалистов, т. е. партии крупной буржуазии, пришедшей к власти, проявилась особенно ярко и в ее отношении к королевскому двору и к народу.

Королевский двор, ставший естественным центром притяжения всех контрреволюционных сил, всех сторонников старого режима, даже после падения Бастилии отнюдь не считал свое дело проигранным. С сентября контрреволюционная партия, направляемая королем и еще в большей мере королевой Марией-Антуанеттой, стала готовить контрнаступление. В Версаль и Париж подтягивались верные королю воинские части. Людовик XVI отказался утвердить Декларацию прав человека и гражданина и постановления 4-11 августа. 1 октября банкет в честь офицеров Фландрского полка в одном из залов королевского дворца в Версале был превращен в открыто контрреволюционную манифестацию. Громко произносились угрозы Парижу, срывались трехцветные кокарды, их заменяли белыми кокардами – цветом Бурбонов.

В Париже с тревогой следили за этими почти открытыми приготовлениями к контрреволюционному перевороту. Париж простых людей, Париж санкюлотов в эти осенние месяцы 1789 г. голодал. В столице не было хлеба; перед закрытыми дверьми булочных и хлебопекарен с раннего утра становились длинные очереди. Нужда накаляла политическую атмосферу в столице. В этой тревожной обстановке из левых политических кругов, прежде всего со страниц издаваемой Маратом газеты «Друг народ», раздался призыв к походу на Версаль.

5-6 октября 1789 г. огромные толпы парижан, главным образом женщины-работницы, торговки грошовым товаром, обитательницы бедных кварталов, острее всего страдавшие от продовольственной нужды, пошли походом на Версаль. Народ окружил королевский дворец; он заставил короля, а вслед за ним и Учредительное собрание переехать из Версаля в Париж.

Народное выступление 5–6 октября 1789 г. сорвало контрреволюционные планы двора. Вынужденный переезд короля и Учредительного собрания в столицу поставил их фактически под контроль народных масс. Правда, престиж монархии и лично Людовика XVI в народе еще оставался высок, и все-таки события 5–6 октября что-то изменили в общественной психологии масс.

Учредительное собрание, избавившись от опасности, угрожавшей ему со стороны

---

[15] См. «Les comites des droits feodaux et de legislation et l’abolition du regime seigneurial (1789–1793)». Doc. publ. par Sagnac et Caron. Paris, 1907.

двора, но еще более напуганное революционной инициативой народа, 21 октября 1789 г. приняло закон, предусматривавший применение военной силы для подавления народных выступлений. Крупная буржуазия, достигнув господствующего положения и осуществив все преобразования, соответствующие ее интересам и целям, считала задачи революции в основном исчерпанными.

Наиболее ярко это изменение позиции крупной буржуазии отразил в своей эволюции Мирабо. Уже к концу 1789 г. знаменитый трибун пришел к мысли, что революцию необходимо остановить. С начала 1790 г. Мирабо вступил в тайные связи с королевским двором, помогая ему – за крупное вознаграждение – советами. Мирабо умер в 1791 г., еще окруженный почетом и уважением, и лишь позже его измена была документально доказана. Но измена Мирабо революции не была только страницей его личной биографии. Она скрывала за собой и большее – эволюцию политической линии всей партии конституционалистов.

Если в начальную пору ее политика была противоречивой, то по мере выполнения намеченной ею программы преобразований все явственней обнаруживалось превращение крупной буржуазии в консервативную силу. Она стремилась теперь не к углублению революции, напротив, ее усилия были направлены на то, чтобы затормозить революцию, остановить ее на достигнутом уровне.

Народ, а также не принадлежавшая к верхам буржуазия считали проведенные Учредительным собранием реформы лишь началом. Их основные социальные требования не получили разрешения, и поэтому, они, естественно, стремились к дальнейшему развитию революции.

Крестьянство, убедившись в том, что законодательство Учредительного собрания не дало ожидаемого, что феодализм в сельском хозяйстве в действительности не искоренен и даже не сломлен, возобновило с 1790 г. выступления. Крестьяне прекращали уплату феодальных поборов и налогов, в разных частях страны вспыхивали вооруженные столкновения [16].

Городское плебейство оставалось таким же бесправным, как раньше. Революция не улучшила его положения, а нужда возросла. Эмиграция из Франции части дворянства резко снизила заказы на предметы роскоши, в делах возникла заминка. В то же время цены на хлеб и прочие продовольственные товары в Париже и других городах возросли.

Средние слои, демократическая буржуазия оставались по-прежнему отстраненными от политического руководства. Им чужда была политика поисков компромисса с силами старого мира, которую тайно или открыто проводила крупная буржуазия. Поэтому вместе с народом они готовы были добиваться дальнейшего развития революционного процесса.

Чем яснее проступал антидемократический характер законодательства Учредительного собрания, тем определеннее и резче становилась его критика и громче звучал голос народного недовольства.

В самом Собрании политику большинства оспаривала небольшая – в несколько человек – группа депутатов, самым выдающимся из которых был Максимилиан Робеспьер. Депутат из Арраса резко осуждал антинародную политику большинства, стремившегося установить власть новой аристократии. «Если одна часть нации самодержавна, а другую ее часть составляют ее подданные, то такой политический строй означает создание режима аристократии. И что это за аристократия! Самая невыносимая из всех – аристократия богатых, гнету которых вы хотите подчинить народ, только что освободившийся от гнета феодальной аристократии» [17].

---

[16] См. *А. В. Адо.* Крестьянское движение ео Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971, гл. IV.

[17] *M. Robespierre.* Oeuvres completes. Edit, preparee sous la direction de M. Bouloiseau, G. Lefebvre, A. Soboul, t. VI. Paris, 1950, p. 131.

Оказывали ли эти речи какое-либо воздействие на аудиторию? Прислушивалось ли Собрание к советам, требованиям, предложениям, которые настойчиво, упорно, не считаясь с царившими в зале настроениями, навязывал высшему законодательному органу Робеспьер? Ни в малой мере. Вначале его просто не слушали; считали его провинциальным, старомодным, почти смешным. Газеты давали произвольное изложение его выступлений, искажали его фамилию. Постепенно твердость и последовательность защиты отстаиваемой политической линии, презрительное пренебрежение к насмешкам, непоколебимая уверенность в своей правоте заставили депутатов прислушиваться к негромкому голосу Робеспьера. Его слушали уже со вниманием, иронические реплики смолкли, но все его предложения по-прежнему столь же единодушно отвергались.

Робеспьера это не смущало. Он обращался не к этим самодовольным господам, уже вкусившим власти и полным напускной важности. Через их головы он обращался к народу, к Франции; он видел уже ее завтрашний день.

И голос депутата из Арраса доходил до страны. Его популярность быстро росла. Он получал множество писем из больших и малых городов и сел, от незнакомых людей, выражавших искреннее одобрение «депутату всего человечества», как назвал его юный Сен-Жюст в письме из Блеранкура в августе 1790 г.

За пределами Собрания демократические тенденции были много сильнее. Они были представлены прежде всего печатью, в особенности несколькими газетами, которые стали приобретать большое влияние на народ. Среди изданий демократического направления должны быть названы в первую очередь «Друг народа» Жана Поля Марата, «Революции Франции и Брабанта» блестящего журналиста, «генерального прокурора фонаря», как он сам себя называл, Камилла Демулена, «Парижские революции» честного демократа Лустало[18].

Немногие из политических деятелей той поры возбуждали такую жгучую ненависть одних и горячую любовь других, как Жан Поль Марат[19]. Крупный ученый – доктор медицины, физик, естествоиспытатель, автор специальных исследований в области оптики, лишь изредка и в анонимной форме касавшийся социально-политических проблем[20], Марат с первых дней революции круто меняет весь уклад жизни: он покидает свой тихий кабинет ученого на улице Старой голубятни и отдает все свои силы, талант, опыт политической борьбе.

С сентября 1789 г. стала выходить издаваемая им газета «Друг народа». Эта напечатанная крупным, нередко неровным шрифтом, на толстой желтовато-серого цвета бумаге, газета по своему внешнему оформлению была хуже многих иных. Ее автор не обладал таким громким именем, как, скажем, издатель «Курьера Прованса» знаменитый Оноре Мирабо. Для широких кругов читателей имя Марата вначале ничего не говорило. И все же прошло немного времени, и эта невзрачная газета стала одной из самых популярных в народе.

В чем была разгадка этого непостижимого на первый взгляд успеха? Прежде всего «Друг народа» отличался от всех иных изданий и тоном, и самим характером своих выступлений.

«О французы, народ свободный и легкомысленный, доколе же не будете вы предвидеть

---

18 «L’ami du peuple», «Les revolutions de France et Brabant», «Les revolutions de Paris» – полный комплект газет в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

19 *См. Жан Поль Марат.* Избр. произв., состав. В. П. Волгин и А. 3. Манфред, комментарии В. М. Далина, т. I–III. М., 1956 (самое полное из всех когда-либо выходивших изданий сочинений Марата).

20 См. *[Marat],* The chains of slavery… London, 1774 (фр. изд. 1793); J. P. Marat. Plan de legislation criminelle. Paris, 1790 (первое изд. 1780) (русск. пер.: *Ж. П. Марат.* Избр. произв., т. I. М., 1956).

тех бед, которые вам угрожают, доколе же будете вы спать на краю пропасти?»[21]. Так писал Марат в середине сентября 1789 г., и этот суровый предостерегающий голос был совсем не похож на восхищенное упоение победой, хор славословий Национальному собранию, преобладавший в литературных и устных выступлениях той поры.

Марат был первым политическим деятелем, кто посмел, исходя из задач защиты интересов народа, гласно обвинить прославленных вождей революции в пренебрежении нуждами народа, а позже – в измене делу революции. Сила критики Марата была в том, что он осуждал направленную против народа политику не в общей, анонимной форме, как это позволяли себе порой и некоторые иные демократы, а называл противников по именам, персонифицируя зло.

Он выступил сначала против Неккера[22], затем против Мирабо, затем против Лафайета[23]. Верным революционным инстинктом он ранее других сумел предугадать измену крупной буржуазии и ее лидеров и призывал народ к действенному вмешательству в революционный процесс.

Аристократия, крупная буржуазия, все консервативные и умеренные элементы видели в Марате своего врага и сумели организовать, даже в ту пору, когда только что была провозглашена свобода печати, систематическую травлю издателя «Друга народа». Это была единственная газета, подвергавшаяся с осени 1789 г. непрерывным преследованиям и запретам. Марат ушел в подполье и наладил нелегальное издание газеты. Он продолжал разоблачать тайные происки двора, двоедушие и склонность к измене лидеров «аристократии богатства». Он последовательно отстаивал интересы бедных людей – крестьянства, плебейства, «мелкого люда». И потому, несмотря на все преследования и гонения, его влияние в народе непрерывно росло, – он становился уже не по названию газеты, а по общественному признанию – истинным другом народа.

Важными центрами политической жизни стали клубы, выполнявшие тогда в какой-то степени роль партий. Среди политических клубов крупную роль стало играть «Общество друзей конституции», более известное под именем Якобинского клуба, как он обычно именовался по помещению библиотеки монахов-якобинцев, в котором проходили его заседания. На протяжении революции состав Якобинского клуба менялся. Первоначально он был очень широким – объединял всех сторонников нового революционного порядка от Мирабо до Робеспьера. В 1790 г. из клуба выделилась его правая часть – умеренные либералы (Мирабо, Байи, Ле Шапелье и др.), образовавшие «Общество 1789 года».

---

[21] «L’ami du peuple», N 8 et 9. 18–19.IX 1789 (русск. пер. *Ж. П. Марат.* Избр. произв., т. II, стр. 63).

[22] «Denonciation faite au tribunal public, par M. Marat, l’Ami du peuple contre M. Necker, premier Ministre de finances» (1790).

[23] См. «L’Ami du peuple», 15.VI 1790, 27.IV 1791, и др.

Жорж Дантон. Гравюра Сандо по рис. Бонвиля

Но и после ухода этих консервативных элементов в Якобинском клубе постепенно начала определяться новая линия размежевания между более умеренными и единомышленниками Робеспьера[24].

Более радикальным по своим настроениям и демократическим по составу был Клуб кордельеров (названный так по имени церкви, в помещении которой он заседал), или «Общество прав человека и гражданина», как он официально именовался. В отличие от Якобинского клуба в составе кордельеров было мало депутатов Учредительного собрания, да и членские взносы в нем были значительно ниже. Наибольшим влиянием в нем пользовались на начальном этапе адвокат Жорж Дантон, смелый оратор, обладавший громоподобным голосом, Камилл Демулен, считавший себя одним из первых республиканцев, разделявший также республиканские идеи адвокат Франсуа Робер, Моморо и др.

«Социальный кружок» («Cercle social»), основанный в 1789 г. аббатом Клодом Фоше и Никола Бонвиллем, и тесно связанная с ним широкая организация, называвшаяся «Всемирная федерация друзей истины», объединяли довольно разнородные демократические круги. Вопрос о «Социальном кружке» надо признать еще недостаточно выясненным в исторической литературе [25]. С его трибуны и со страниц издаваемой Бонвиллем газеты «Буш де фер» («Железные уста») нередко пропагандировались идеи эгалитаристско-утопического характера. В то же время нельзя считать случайным, что в рядах «Федерации друзей истины», да и в самом «Социальным кружке» немалую роль играли люди, которые позднее окажутся в рядах жирондистов.

В Париже и во многих других городах в разное время возникли многочисленные народные общества. Их деятельность также еще полностью не изучена, но из того, что известно, видно, что они оказывали влияние на развитие политической активности народных низов.

Демократическое движение, питаемое неудовлетворенностью народных масс практическими результатами революции, росло, ширилось, становясь важной движущей силой революционного процесса. Его рост ускорял и политическое размежевание внутри

---

[24] См. «La Societe des Jacobins». Recueil des documents. Red. et introd. par A. Aulard, t. 1–6. Paris, 1889–1897.

[25] См. *А. Р. Иоаннисян.* Коммунистические идеи во время Великой французской революции. М., 1966; *В. С. Алексеев-Попов.* «Социальный кружок» и демократическо-республиканское движение в 1791 г. – «Из истории общественных движений и международных отношений». Сб. памяти акад. Е. В. Тарле. М., 1957, стр. 170–208; *В. М. Далин.* Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М. 1963, стр. 317–325.

бывшего третьего сословия: чем сильнее становилось демократическое движение, тем определеннее и резче поворачивали вправо крупная буржуазия и ее политические руководители.

Первый же острый политический кризис должен был раскрыть всю глубину этих процессов. Он наступил летом 1791 г., когда парижане однажды – 21 июня, – проснувшись от пушечных выстрелов и звона набата, узнали поразившую всех весть: король и королева тайно бежали из своего дворца.

Подозреваемая измена короля была вскоре же подтверждена и доказана. Недалеко от границы, в местечке Варенн, беглецы были задержаны. Король и королева Франции были узнаны в слугах, сопровождавших мчавшуюся на восток карету русской баронессы Корф. Их опознал сын почтмейстера в Сен-Менегу Друэ. Когда Учредительное собрание постановило выдать Друэ 30 тыс. ливров в знак благодарности, Друэ отказался от них с негодованием; он выполнял лишь долг французского гражданина, сказал он.

Праздник федерации в Париже 14 июля 1790 г. Гравюра Берто с картины Приера.

За два года, прошедшие с начала революции, французский народ стал иным. Это доказывал не только частный случай Друэ; это показало все поведение народа в дни Вареннского кризиса[26].

Бегство, а затем пленение народом королевской четы глубоко потрясло Францию. Позднее было документально доказано, что бегство Людовика XVI и Марии-Антуанетты было частью тщательно подготовленного плана контрреволюционного переворота. Беглецы должны были достичь пограничной крепости Монмеди, где стояли верные войска под командованием маркиза де Буйе. В планы королевской четы входили также расчеты на ускорение интервенции иностранных держав. Не случайно к организации бегства был косвенно причастен и русский посол во Франции И. М. Симолин[27].

Простые люди во Франции в июне 1791 г. не могли знать того, что позже стало известно из документов. Но политическая зрелость народа так возросла, что в главном он правильно понял и оценил происшедшее. В Париже и в провинциальных городах разбивали бюсты короля, рвали его изображение. Крестьяне в пограничных департаментах стали создавать добровольческие батальоны. Недавно еще безгранично веривший «королю-отцу» народ понял, что король совершил акт измены, предал интересы нации и Франции. Идее монархизма, недавно еще владевшей умами миллионов французов, в дни Вареннского кризиса был нанесен непоправимый удар. Требование республики, с которым выступали

---

[26] О Вареннском кризисе см.: A. Mathicz. Le club des Cordeliers pendant la crise de Varenne et le massacre du Champ-de-Mars. Paris, 1910; см. также прессу тех дней.

[27] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Сношения России с Францией. Опись 95/6. Донесения 1791 г.

Клуб кордельеров. «Социальный кружок», многие демократы[28], за. несколько дней обрело великое множество сторонников.

Конституционалисты – партия господствующей крупной буржуазии, страшившейся углубления революции, – заняли позицию защиты короля. Смысл этой позиции был ясно раскрыт в речи Антуана Барнава, одного из самых умных руководителей этой партии, 15 июля 1791 г. в Учредительном собрании: «Нам причиняют огромное зло, когда продолжают до бесконечности революционное движение. В настоящий момент, господа, все должны чувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась»[29].

Конечно, это был не «общий интерес», а интерес господствующей «буржуазной аристократии». Барнав лишь повторял Мирабо. И, чтобы «революция остановилась», надо было прежде всего спасти короля и укрепить монархию. В этих целях Учредительное собрание выдвинуло насквозь лживую версию о «похищении короля» и, опираясь на нее, приняло постановление, реабилитирующее короля-изменника.

Передовые демократические организации встретили это решение Собрания бурей протестов. Клуб кордельеров составил петицию, призывающую народ осудить монархию. В Якобинском клубе обсуждение этого вопроса привело к расколу. Левая часть клуба присоединилась к петиции кордельеров. Правая часть 16 июля вышла из его состава и образовала новый клуб, получивший по монастырю, где он заседал, название Клуба фейянов, лидерами которого стали Барнав, Александр Ламет, Дюпор – три друга, так называемый «триумвират», фактически руководивший партией конституционалистов после смерти Мирабо. Фейяны стали политической организацией крупной буржуазии [30].

17 июля на Марсовом поле в Париже собралось несколько тысяч парижан, явившихся по призыву кордельеров, чтобы подписать петицию, осуждавшую монархию. Это была мирная манифестация безоружных людей. Несмотря на это, вопреки торжественно провозглашенным в Декларации правам гражданина, Национальная гвардия открыла огонь по мирной демонстрации. Десятки людей остались на Марсовом поле убитыми, сотни были ранены.

Расстрел 17 июля означал открытый раскол еще недавно единого бывшего третьего сословия. Пролитая на Марсовом поле кровь доказывала, что крупная буржуазия из консервативной силы превращалась в контрреволюционную. Она применила оружие против народа, и это значило, что она становилась на путь, к которому давно призывали «аристократы», участники и приверженцы контрреволюционной партии двора.

В обстановке политической реакции и наступления на демократию господствующие в Учредительном собрании фейяны поспешили завершить работы по выработке конституции, начатые с 1789 г. 13 сентября конституция была подписана королем, утверждена Собранием и приобрела законную силу [31].

Во Франции устанавливалась конституционная монархия. Главой исполнительной

---

[28] Из их числа должны быть исключены крупнейшие революционные вожди Робеспьер и Марат, занимавшие – каждый по-своему в этом вопросе ошибочную позицию. Даже в мае 1792 г. Робеспьер продолжал еще утверждать, что вопрос о монархии или республике не имеет существенного значения, и в конечном счете высказывался против республики (см. *M. Robespierre.* Exposition de mes principes. – Oeuvres completes, t. IV, p. 5–15). Марат, требуя низложения Людовика XVI, не ставил вопроса об уничтожении монархии вообще (см. «L'Ami du peuple», N 497, 22.Vi 1791; N 500 et 501, 25 et 26.VI 1791).

[29] *J. Jaures.* Histoire socialiste de la Revolution francaise. Edition revue et annotee par A. Soboul. Paris, 1968, t. I, p. 1049.

[30] Позже термин фейяны стал распространяться и на партию конституционалистов 1789–1791 гг., т. е. на более раннее время, когда Клуба фейянов еще не существовало.

[31] «La Constitution francaise, proclamee le 18 septembre 1791». Strasbourg, s. a.

власти являлся «божьей милостью и силой конституционных законов» король, наделенный довольно широкими правами. Высшим органом законодательной власти было Законодательное собрание, избираемое двухстепенными выборами на два года. Избирательная система строилась, как уже говорилось, на основе имущественного ценза. Так называемые пассивные граждане, составлявшие большинство граждан мужского пола (права женщин в то время вообще не обсуждались), были лишены избш· рательных прав на всех ступенях, т. е. при выборах в Законодательное собрание и в департаментские и местные выборные органы.

Конституция 1791 г. была противоречивым политическим документом. Конечно, по сравнению с самодержавно-крепостническим режимом, господствовавшим в ряде государств Европейского континента, буржуазная конституция 1791 г. была, безусловно, более прогрессивной. Но в сопоставлении с «Декларацией прав человека и гражданина» 1789 г. она была шагом назад. Хотя в конституции и было записано: «От нации происходят все власти», – всем своим конкретным содержанием она попирала принцип верховенства нации, как и провозглашенный в Декларации принцип равенства граждан. Буржуазная цензовая конституция 1791 г. была призвана увековечить имущественное и политическое неравенство, лишая неимущих, т. е. большинство граждан, всех политических прав.

Избранное на основе конституции 1791 г. Законодательное собрание торжественно начало свою работу 1 октября 1791 г. [32] По своему составу оно отличалось от Учредительного собрания. Его правую часть составляли уже не крайние роялисты, не аристократы, как это было в Учредительном собрании, а фейяны. Опираясь на многочисленную группу депутатов центра, фейяны господствовали первоначально в Законодательном собрании.

Оппозицию им составляли депутаты, связанные с Якобинским клубом. Но и в рядах левой отчетливо обозначались два направления. Большинство депутатов-якобинцев принадлежало к той группировке, которую называли по имени их лидера, талантливого, но честолюбивого журналиста, редактора влиятельной газеты «Патриот франсе» Бриссо бриссотинцами, или, позднее, жирондистами. В их среде был ряд выдающихся ораторов: блестящий импровизатор Верньо, Инар, Гаде и др. Жирондисты были связаны с торгово-промышленной и отчасти земледельческой провинциальной буржуазией; в отличие от фейянов, упорно защищавших конституционную монархию, жирондисты стали склоняться к буржуазной республике.

Крайне левую составляла немногочисленная группа сторонников Робеспьера [33]. Нередко вместе с бриссотинцами они сообща выступали против фейянов. Но чем дальше шло время, тем явственнее обнаруживались разногласия между жирондистами и крайней левой – монтаньярами (горой), как их стали называть по самым верхним скамьям, которые они занимали в Законодательном собрании, а позже – в Конвенте.

В целом Законодательное собрание по своему составу, по преобладающим настроениям уже представляло вчерашний день революции и с первых же своих шагов разочаровало народ.

Экономическое положение страны с начала 1792 г. резко ухудшилось. Свертывание отраслей промышленности, работавших на двор и аристократию, падение экспорта породили безработицу. Восстание негров-рабов в Гаити в 1791 г. прекратило подвоз колониальных товаров. Исчезновение из продажи сахара, чая, кофе повлекло за собой повышение цен на все другие продовольственные товары. От роста дороговизны продуктов страдала прежде всего городская беднота, санкюлоты. В январе 1792 г. в Париже, весной в некоторых городах

---

[32] «Proces-verbal de l’Assemblee nationale (legislative) imprime par son ordre…», t. 1-16. Paris, 1791–1792.

[33] Как известно, по предложению Робеспьера ии один из депутатов Учредительного собрания не мог быть переизбран в Законодательное. Следовательно, и он сам не входил в его состав.

и сельских округах произошли крупные волнения на почве нужды и голода[34].

Главный вопрос революции – аграрный – оставался по-прежнему нерешенным, и крестьянство, не избавившееся от ненавистных феодальных тягот и по-прежнему тщетно рвущееся к земле, после напрасных ожиданий теперь открыто выражало свое недовольство. С конца 1791 г. вновь поднялась волна крестьянских волнений в стране; она могла стать угрожающей; терпение крестьянства истощалось.

Напряженность политической обстановки обострялась еще тем, что на противоположном полюсе, в лагере контрреволюции, снова подняли голову защитники феодально-абсолютистского строя. Аристократы, как стали их называть в народе, пытались разжечь мятеж на юге. Католическое духовенство почти открыто вело агитацию против новых порядков. В близости от границы, в германском городе Кобленце бежавшие из страны аристократы создали центр контрреволюционной эмиграции. В этом осином гнезде собрались самые непримиримые враги новой, революционной Франции. Сюда вели нити заговоров, связывавшие Кобленц с контрреволюционным подпольем в самой Франции, с правительствами держав феодально-абсолютистской Европы, уже давно готовившими вооруженную интервенцию против мятежной Франции.

Свержение монархии

Революция, начавшаяся в 1789 г. во Франции, потрясла Европу, весь мир. Весть о падении Бастилии была встречена в Лондоне и Риме, Петербурге и Мадриде, Берлине и Афинах как событие огромного значения. Передовые люди во всех странах восторженно приветствовали революцию; они видели в ней начало новой исторической эры. Английский поэт Кольридж написал оду на взятие Бастилии. Знаменитый философ Кант и прославленные поэты Фридрих Шиллер, Виланд, Клопшток в стихах и в прозе славили французскую революцию. В. Англии Шеридан, Вордсворт, Томас Пэн объявили себя сторонниками революции, начавшейся по ту сторону Ла-Манша. В Испании, в итальянских государствах, в Греции, даже в далеких испанских и португальских колониях в Латинской Америке революция во Франции была воспринята передовыми людьми как призыв к освободительной борьбе.

В екатерининской России, где только что было подавлено крестьянское восстание Пугачева, передовые люди с величайшим вниманием и по необходимости скрываемой симпатией следили за событиями в далекой Франции. Выходившие в то время в России газеты «С. Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» публиковали подробные сведения о происходившем в мятежном французском королевстве. В 1790 г. вышла ставшая знаменитой книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», перекликавшаяся некоторыми мыслями с Французской революцией. Радищев был не одинок. Исследования советских историков показали, как широка была группа радикально или даже революционно настроенных разночинцев, разделявших «вольнолюбивые мечты» и, естественно, с глубоким сочувствием принявших вести из Франции. К известным именам Ф. В. Кречетова, И. Г. Рахманинова, Н. И. Новикова, И. А. Крылова прибавилось много новых [35].

В сопредельных с Францией странах влияние революции оказалось еще более сильным. В Бельгии национально-освободительное движение против австрийского гнета с осени 1789 г. переросло в революцию. В западных германских землях – в Рейнской области, в Майнцском курфюршестве, в Саксонии и некоторых других малых немецких государствах –

---

[34] *A. Mathiez.* La vie chere et le mouvement social sous la terreur. Paris, 1927 (русск. пер.: *А. Матьез.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928).

[35] См. *М. М. Штранге.* Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг. М., 1956; он *же.* Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965.

поднялось сильное антифеодальное крестьянское движение. Но не только крестьянство вступало в борьбу. В Гамбурге 14 июля 1790 г. местные буржуа организовали демонстрации в честь взятия Бастилии. Все громче звучал голос немецких демократов[36]. Большое влияние оказала Французская революция и на венгерское национально-освободительное движение[37].

Но если все угнетенные, все бесправные, все стремившиеся избавиться от феодально-самодержавной тирании с надеждой и радостью прислушивались к раскатам грома, доносившимся из Парижа, то совсем иным, прямо противоположным было восприятие революции приверженцами старого мира. Монархи, правительства, аристократия, церковная знать больших и малых государств Европы видели во Французской революции нетерпимое попрание «законного порядка», бесчинство, мятеж, опасный своей заразительностью.

Империя Габсбургов, империя Романовых, монархия Гогенцоллернов по самой своей природе должны были стать противниками революционной Франций. В той же мере ими были и монархии малых государств, чувствовавшие еще больше шаткость своих тронов. Но и буржуазно-аристократическая Англия в лице своих правящих классов встретила Французскую революцию с неменьшей враждой. Не случайно самый злобный памфлет против Французской революции был создан английским автором: уже в 1790 г. были опубликованы «Размышления о французской революции» Эдмонда Берка[38], давшие идейное оружие всем противникам революционной страны.

Но старый мир склонен был защищать свои позиции отнюдь не только идейным оружием. Гораздо большие надежды он возлагал на оружие в собственном смысле слова – на силу штыков. С конца 1789–1790 г. мысль о вооруженной интервенции против Франции стала практически обсуждаться в Лондоне и Петербурге, Вене и Берлине. Контрреволюционные эмигранты из Франции, возглавляемые братьями короля графом Прованским и графом д’Артуа, заполнившие все приемные дворов европейских монархов, подогревали эти настроения.

Необходимость борьбы против «революционной заразы», грозящей всем монархиям, заставляла их преодолевать распри.

27 июля 1790 г. Австрия и Пруссия, враждовавшие до того, заключили соглашение, разрешавшее все спорные вопросы. То было необходимой предпосылкой вооруженной интервенции против Бельгии. Подавление же бельгийской революции должно было быть первым шагом к подавлению революции во Франции.

Действительно, после того как силой оружия революция в Бельгии была сломлена, венский и берлинский дворы стали договариваться о совместных действиях против «мятежной Франции». 27 августа 1791 г. император Леопольд II и прусский король Фридрих-Вильгельм II, встретившись в замке Пильниц, подписали декларацию об общих действиях в защиту французского монарха. Пильницкая декларация была по существу манифестом, провозгласившим интервенцию против революционной Франции. Полгода спустя, 7 февраля 1792 г., реализуя Пильницкую декларацию, Австрия и Пруссия заключили договор о военном союзе против революционной Франции. Обе союзные державы должны были двинуть против взбунтовавшейся Франции по 40–50 тыс. солдат каждая.

Таким образом, угроза вооруженной интервенции европейских монархий против

---

36 H. Schell. Suddeutsche Jakobiner… Berlin, 1962; J. Droz. L'Allemagne et la Revolution francaise. Paris, 1949.

37 См. «A magyar jakobinusok iratai», 1–3. k. Budapest, 1952–1957; K. Benda. A magyar jakobinus mozgalom tortenete. Budapest, 1957.

38 E. Burke. Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative in a Letter Intended to Have Been Sent to a Gentleman in Paris. London, 1790. Но надо помнить, что одновременно в Англии развернулось и сильное общественное движение в пользу Французской революции (см. S. Maccobu. Englisch radicalism, 1786–1832. London, 1955).

французского народа к началу 1792 г. стала несомненной. Нельзя было обманываться и в масштабе, размахе начинавшегося контрреволюционного похода: Австрия и Пруссия были лишь застрельщиками; вслед за ними в вооруженную борьбу против восставшего народа должны были вступить и другие силы контрреволюционной Европы.

Какой же тактики в этих условиях должна была придерживаться сама Франция? Какую позицию должно было занять Законодательное собрание? Что надлежало делать?

Людовик XVI, чувствовавший себя после неудачной попытки бегства пленником на троне, все свои надежды, все расчеты на успех связывал с войной. Поддержать рушащееся здание монархии могли только иностранные штыки; собственные были для этого слишком слабы. Явная подготовка Австрии и Пруссии к вооруженному вмешательству во внутренние французские дела воодушевила контрреволюционную партию. Из королевских покоев, в особенности из покоев королевы Марии-Антуанетты, незримые нити протягивались к императорскому двору в Вене. Королевский двор и его ближайшее окружение хотели войны и тайно торопили ее приближение; их поддерживали в этом Лафайет и некоторые другие фейяны.

Жирондисты и прежде всего их лидер Бриссо по иным мотивам с осени 1791 г. выступили с энергичным требованием немедленного объявления войны. Внешне позиции жирондистов выглядели крайне революционно. Они рисовали опасность, нависшую над Францией со стороны европейских деспотов, и призывали, не дожидаясь интервенции, первыми нанести удар тиранам [39] . Действительные их побуждения имели более прозаическую подоплеку. Представляя по преимуществу интересы торгово-промышленной буржуазии, они надеялись победоносной войной добиться расширения границ Франции, усиления ее экономических позиций в Европе. К тому же, обеспокоенные растущей требовательностью народных масс, они хотели отвлечь их от социальных вопросов и косвенно, с их помощью, прийти к политическому господству. Но каковы бы ни были субъективные побуждения жирондистских вождей, пропаганда ими революционной войны была на руку партии двора.

Максимилиан Робеспьер первым разгадал опасность этой авантюристической политики. В речах в Якобинском клубе 12 и 18 декабря Робеспьер предостерегал, что при сложившейся расстановке политических сил во Франции объявление войны пойдет на пользу только двору и внутренней контрреволюции[40] с последующих выступлениях по этому самому острому вопросу дня Робеспьер вновь и вновь доказывал, что, пока не подавлена внутренняя контрреволюция, нет шансов на победу над внешней контрреволюцией. Он раскрывал крайнюю опасность для народа воинственно-революционной бравады жирондистов, их планов «освободительной войны», т. е. «экспорта революции», пользуясь терминологией нашего времени. Он предостерегал, что «вооруженное вторжение может оттолкнуть от нас народы», и решительно отвергал пропагандируемую жирондистами идею, будто бы «свободу можно принести народам на острие штыка»[41].

Робеспьера поддержал Жан Поль Марат[42]. Но вожди революционной демократии не смогли переубедить даже Якобинский клуб[43]. Пропаганда войны жирондистами была

---

[39] См. S. P. Brissot. Memoires… publ. par C. Perroud, t. 2. Paris, 1911; H. A. Coetz-Bernstein. La diplomatie de la Gironde. Paris, 1912; Edith Bernardin. J. M. Roland et le ministere de l'Interieur (1792–1793). Paris, 1964.

[40] M. Robespierre. Oeuvres completes., t. VIII. Paris, 1953, p. 39–42, 47–67.

[41] Ibid., p. 132–152.

[42] См. «L’Ami du peuple», N 627, 12. IV; N 628, 13. IV 1792.

[43] В феврале 1792 г. Якобинский клуб принял обращение к своим членам, в котором говорилось, что «нация

поддержана народом; она отвечала его патриотическим чувствам.

Позиция жирондистов, как это сразу же понял Робеспьер, соответствовала тайным расчетам двора. В марте король призвал жирондистов к власти. Жирондистское министерство означало войну. Действительно, 20 апреля Франция объявила войну королю Богемии и Венгрии – австрийскому императору. Но, несмотря на то, что Франция первой объявила войну, но своему характеру эта война была справедливой, оборонительной с ее стороны, так как она защищала завоевания революции от интервенции европейских феодально-абсолютистских держав.

Как и предсказывал Робеспьер, война, с легким сердцем объявленная жирондистами, вскоре же привела к поражениям на фронте. Эти поражения не были следствием недостаточной храбрости и стойкости солдат. Напротив, армия, как и весь народ, была охвачена патриотическим порывом. Но командующие армиями генералы Лафайет, Люкнер, Рошамбо, высшие и старшие офицеры были настроены контрреволюционно и косвенно способствовали успеху противника. Из королевского дворца в Париже нити измены протягивались к штабам интервенционистских армий. Французские войска отступали по всему фронту. Над революционной Францией нависла грозная опасность. Король, уже уверенный в близком торжестве, 13 июня уволил министров-жирондистов и снова вернул к власти фейянов.

Ни Законодательное собрание, ни жирондисты – «партия государственных людей», как иронически называл ее Марат[44], не могли, не умели организовать силы народа. Эту задачу взяли на себя Робеспьер, Марат, революционные демократы-якобинцы. Они раньше выступали против объявления войны. Но раз война идет, раз на Францию движутся войска контрреволюционной Европы, ее надо вести по-революционному.

Их призывы были услышаны. Народ ответил на возрастание опасности широким патриотическим движением. Повсеместно, во всех департаментах, стали создаваться батальоны добровольцев, торопившихся грудью встретить врага. Под звуки «Песни рейнской армии», гениального творения Руже де Лилля, воплотившего гнев и отвагу революционного народа, марсельские добровольцы-федераты шли на фронт. Вскоре «Марсельезу» пела вся страна. Вооруженный народ был полон решимости преградить дорогу иностранным завоевателям, шедшим на Париж.

Под давлением народа 11 июля Законодательное собрание объявило отечество в опасности Все мужчины, способные носить оружие, должны были в рядах армии защищать родину. Но нерешительное, колеблющееся Законодательное собрание не обладало ни волей, ни способностью претворить декрет 11 июля в жизнь Оно не умело и не хотело осуществить главное – искоренить измену, гнездящуюся в самом Париже, во дворце короля.

Народ это понимал К неудовлетворенности социальными и политическими результатами революции присоединились страх за судьбу родины, оскорбленное национальное чувство, ненависть к предателям и изменникам, умножающим бедствия страны. Народный гнев сосредоточился теперь против монархии, против королевы-«австриячки» и двоедушного, лживого короля, обманывавшего свой народ.

желает войны», – («La Societe des Jacobins», t. II. Paris, 1889, p. 513).

44 «Journal de la Republique francaise», N 138. 2.III 1793.

«Марсельеза» Рельеф Ф. Рюда на Трицмфальной арке в Париже

Требование свержения монархии с конца июня – начала июля обретает все новых и новых сторонников в батальонах федератов, в народных низах столицы и провинции. Тщетно жирондисты, напуганные огромным размахом движения, призывали к уважению конституционных норм. «Надо спасти государство каким бы то ни было образом: антиконституционно лишь то, что ведет к его гибели», – возражал Робеспьер[45], и это был истинно революционный взгляд на вещи. Лишь инициатива народа, его действенное вмешательство в ход событий могли спасти революцию.

3 августа в Париже стал известен опубликованный за неделю до этого манифест герцога Брауншвейгского, командующего армией интервентов. Манифест раскрывал цели интервенции: австрийская и прусская армии «намерены положить конец анархии во Франции… и восстановить законную власть короля». Манифест грозил покарать бунтовщиков и подвергнуть Париж, в случае если будет затронута особа французского короля, военной экзекуции и полному уничтожению.

Герцог Брауншвейгский, публикуя от имени австрийского императора и прусского короля это угрожающее послание, рассчитывал запугать французов. Манифест произвел прямо противоположное впечатление. Он вызвал гнев французских патриотов и лишь ускорил уже назревавшее народное восстание. 47 из 48 секций Парижа потребовали от Законодательного собрания низложения Людовика XVI. С 5 августа почти открыто парижские секции стали готовиться к выступлению.

10 августа народ Парижа, поддержанный отрядами федератов, прибывшими из провинций, поднял восстание. Тюильрийский дворец, защищаемый наемными швейцарскими солдатами, был взят штурмом. Король и королева, укрывшиеся было в здании Законодательного собрания, по требованию революционной Коммуны, руководившей восстанием, были арестованы и заключены в крепость Тампль. Монархия, существовавшая во Франции около тысячи лет, была свергнута[46].

По требованию Коммуны Законодательное собрание декретировало проведение

---

45 *M. Robespierre.* Oeuvres completes, t. IV, p. 307.

46 См. *P. Chaumctte.* Memoires sur la Revolution de 10 aout 1792. Paris, 1893; *F. Braech.* La commune du 10 aout 1792. Paris, 1911; *A. Maihiez.* Le dix aout Paris, 1931, h ap.

выборов в Национальный конвент на основе новой избирательной системы, свободной от всех ограничений, связанных с имущественным цензом. Это значило, что вместе с монархией была ликвидирована и антидемократическая цензовая избирательная система. Французская революция, продолжая развиваться по восходящей линии, все явственнее обнаруживала свой народный характер.

Борьба горы и жиронды

Народное восстание 10 августа свергло не только тысячелетнюю монархию, но и политическое господство крупной буржуазии и ее партии – фейянов. На смену фейянам к политическому руководству пришли жирондисты. Они господствовали в Законодательном собрании, опираясь на поддержку перешедших на их сторону депутатов центра: в их руках фактически было правительство.

Но своеобразие положения, сложившегося после 10 августа, заключалось в том, что, наряду со старыми органами власти – Законодательным собранием и Исполнительным советом, возник новый орган, располагавший реальной властью в Париже – революционная Коммуна, опиравшаяся на революционный народ. Политическое руководство Коммуной принадлежало монтаньярам – якобинцам. Робеспьер, Марат, Шометт, Паш, в разное время вошедшие в ее состав, стали ее фактическими руководителями.

Уже на другой день после 10 августа обнаружились разногласия между Законодательным собранием и Коммуной. Все обострявшийся конфликт между официальными, «законными» органами власти и рожденной революционным творчеством масс Коммуной Парижа скрывал за собою более глубокое содержание. Прежде всего это была борьба Горы и Жиронды.

Жирондисты, при всех индивидуальных различиях их лидеров – Бриссо, Верньо, Бюзо, Ролана, представляли в конечном счете интересы провинциальной торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, выигравшей от революции и потому на ранних ее этапах смело выступавшей против феодально-абсолютистских сил. Но, достигнув власти, превратившись, благодаря народному восстанию 10 августа (в котором они не участвовали), в правящую партию, жирондисты стали стремиться – как и ранее фейяны – к торможению революции. Они превращались в консервативную, а затем антиреволюционную силу, логикой борьбы скатывавшуюся к контрреволюции.

Гора, или якобинцы, представляла собой блок демократической – средней и низшей – буржуазии, крестьянства и плебейства. Эти классово неоднородные силы еще не добились удовлетворения своих интересов в революции, и, хотя у разных классовых групп были разные задачи и цели, их объединяла и сплачивала на данном этапе общая революционно-демократическая программа, решимость защищать завоевания революции и двигать ее дальше.

Таким образом, борьба Горы и Жиронды была лишь выражением более глубоких процессов. Гора шла с теми социальными силами, которые стремились углубить революцию, Жиронда пыталась остановить революцию на достигнутом уровне. Столкновение было неизбежно.

Важнейшей силой революции по-прежнему оставалось крестьянство. Прошло три года с начала революции, а его главные требования все еще не были удовлетворены. С 1791 г. крестьянские движения в стране вновь резко усилились. Считаясь с тем, что на выборах в Конвент крестьяне составят основную массу избирателей, жирондисты поспешили провести в Законодательном собрании аграрные законы, шедшие навстречу крестьянским требованиям. По августовскому законодательству 1792 г., общинные земли подлежали разделу между крестьянами, часть земель эмигрантов подлежала также распределению между ними, отменялись все судебные дела против крестьян, возникшие на основе феодальных претензий. Впрочем ни декрет о разделе общинных земель, ни декрет о разделе земель эмигрантов не были практически реализованы, так как Законодательное собрание

даже не определило порядка проведения этой аграрной реформы.

Августовское аграрное законодательство 1792 г. было следствием народного восстания 10 августа. Оно было встречено крестьянами сначала сочувственно, но далеко не удовлетворило их требований. Крестьянство по-прежнему оставалось движущей силой революции; оно стремилось добиться от нее главного – земли и полной ликвидации феодальных отношений во всех их формах.

Ожесточенность борьбы Горы и Жиронды усугублялась еще крайней напряженностью военной обстановки, быстрым возрастанием опасности для страны, для революции по мере продвижения войск интервентов. К концу августа – началу сентября положение стало катастрофичным. 19 августа прусская армия вступила на территорию Франции; 23-го без боя врагу была сдана крепость Лонгви. 2 сентября противник овладел Верденом. Больше на пути к Парижу крепостей не оставалось; армия интервентов уверенным маршем шла на столицу Франции.

В эти критические часы жирондисты проявили растерянность, колебание, трусость. Устами Ролана они предложили покинуть Париж и перенести резиденцию правительства и Собрания в Блуа.

Якобинцы с негодованием отвергли этот призыв к бегству. В час опасности они обнаружили твердость, храбрость, веру в беспредельные силы народа. Именно тогда Дантон, показавший себя в грозное время великим, полным революционной энергии патриотом, произнес знаменитые слова: «Набат гудит, но это не сигнал тревоги, это угроза врагам отечества. Чтобы победить их, нужна смелость, смелость, и еще раз смелость – и Франция будет спасена!»

Народ Франции поднялся на защиту родины. Спешно формировались отряды добровольцев и стремительным маршем шли на фронт – навстречу врагу. Женщины шили бойцам одежду. Рабочие, ремесленники переплавляли металлическую церковную утварь, свинцовые гробы в пики, холодное оружие. Огромный патриотический подъем охватил страну. Все понимали – в эти дни решается будущность Франции.

21 сентября 1792 г. в Париже открылись заседания Конвента, избранного на основе новой, более демократической избирательной системы – всеми мужчинами, достигшими 21 года. В партийном отношении его состав был неоднороден: якобинцы имели в нем не более 100 мест; жирондисты значительно больше. Подавляющее большинство депутатов принадлежало к «равнине», или «болоту», как их иронически называли; они поддерживали ту группировку, которая в данный момент была сильнее.

21 сентября Конвент начал свою работу актом об отмене монархии. «Дворы – это мастерские преступления, очаги разврата, логовища тиранов. История королей – это мартиролог наций», – заявил под гром аплодисментов якобинец Грегуар. Провозгласив день 21 сентября начальной датой «новой эры» – IV года свободы, первого года Республики, – Конвент тем самым возвестил установление во Франции республиканского строя [47].

Работы Конвента начались при знаменательных обстоятельствах. Накануне, 20 сентября, в сражении при Вальми французские войска впервые с начала войны одержали победу над интервентами. Армии революционной Франции перешли в наступление. Они вступили на территорию Бельгии, тесня отходящего противника; 6 ноября в битве при Жемаппе разбили австрийцев, вышли на средний Рейн, заняли Аахен, Вормс, овладели Франкфуртом-на-Майне. Блистательные победы революционного оружия окрылили французский народ.

Якобинцы, стремясь к сплочению всех патриотических сил, протянули жирондистам руку примирения. Марат открыто объявил о том на страницах своей новой газеты[48]. Но

---

[47] См. «Debats de la Convention nationale, ou analyse completes des seances…», II. Pans, 1828.

[48] «Journal de la Republique francaise, par Maral, l’Ami du peuple…», N 1 (без даты, сентябрь 1792 г.)

жирондисты, переоценивая силу своего влияния в стране, отвергли примирение. Напротив, они выступили с яростными нападками на Робеспьера, Марата. Борьба между двумя партиями возобновилась с новой силой. 10 октября 1792 г. Бриссо и другие жирондисты были формально исключены из Якобинского клуба.

Разногласия между жирондистами и якобинцами охватывали почти все вопросы революции. Но наиболее острым, или вернее сказать, выдвинувшимся на первый план стал вопрос о судьбе короля. Якобинцы требовали казни короля; жирондисты – прямо или, чаще, маскируясь – брали его под защиту. Но это не был спор о личной судьбе Людовика Капета; это был спор о большем – о революции, о том, должна ли она идти вперед.

Преданный суду Конвента бывший король, вопреки всем маневрам жирондистов, большинством голосов был приговорен к смертной казни[49]. 21 января 1793 г. он был гильотинирован.

Война требовала огромного напряжения сил страны. С начала 1793 г. в антифранцузскую коалицию вступили Англия, Голландия, Испания, ряд итальянских и германских государств. Контрреволюционная коалиция все расширялась. В марте 1793 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж в Вандее, быстро распространившийся на ряд северо-западных департаментов. Число врагов росло.

С осени 1792 г. военные действия развивались для Франции успешно. Но в марте 1793 г. командовавший войсками в Бельгии генерал Дюмурье, тесно связанный с жирондистами, пытался повернуть армию против Парижа и, потерпев неудачу, бежал в лагерь врага [50]. После измены Дюмурье французская армия начала отступать из Бельгии. Одновременно теснимые превосходящими силами французы отходили из занятых земель Германии. Противник перехватил инициативу; он вторгся на территорию Франции и перешел в наступление на всех фронтах.

Внутреннее положение страны также резко ухудшилось. Война требовала огромных расходов. Не желая возлагать издержки войны на богатых – облагать их налогом, жирондистское правительство встало на путь непрерывных эмиссий. Выпущенные в большом количестве ассигнаты резко пали в цене. Следствием этого был рост дороговизны на продовольственные товары. Произведенные правительством реквизиции сельскохозяйственных продуктов для снабжения армии привели к тому, что зажиточные крестьяне стали припрятывать хлеб. В результате всего этого беднейшее население городов и сельская беднота, не имея средств на покупку продуктов по взвинченным ценам, оказались обреченными на муки голода. С осени 1792 г. в Конвент стало поступать множество петиций и жалоб на то, что народ голодает.

В Париже и других городах начались волнения на продовольственной почве. Большое влияние среди санкюлотов стала приобретать политически не оформленная, распыленная группа народных агитаторов, вошедших в историю под именем «бешеных». «Бешеные» – Жак Ру, Варле, Леклерк – поддержали выдвигавшееся беднотой требование установления максимума – твердых цен на продукты питания. Жак Ру, священник в церкви Николая на полях, в секции Гравилье, в Париже смело обличал «аристократию имущих» и требовал жестоких мер наказания против спекулянтов и барышников. Он был одним из первых проповедников политики социального террора, т. е. террористических мер против богатых. «Необходимо, чтобы серп равенства прошелся по головам богатых», – говорил он. Его популярность в кварталах бедноты быстро росла. Он был избран в члены Коммуны, выступал в Клубе кордельеров, составлял смелые обращения к Конвенту[51].

---

[49] «Le pour et le contre. Recueil complet des opinions prononcees a l'Assemblee conventionelle dans le proces de Louis XVI». Paris, 1793; *A. Soboul.* Le proces de Louis XVI. Paris, 1966.

[50] См. *A. Chuquct.* Dumouriez. Paris, 1914.

[51] Вопрос о «бешеных» нельзя считать еще полностью исследованным исторической наукой. Наиболее

Смутные, неотчетливые стремления низов к иному, более справедливому общественному строю находили отражение и в ряде утопических проектов социального переустройства. Безбожник и материалист Сильвен Марешаль – позднее участник заговора Бабефа, требовал, чтобы по окончании войны было произведено уравнение имуществ, устраняющее все преимущества богатых[52]. Сам Гракх Бабеф уже во время революции подходил к коммунистическим взглядам[53]. Коммунистические утопии развивали в эти же годы Буассель, Шапюи и другие неизвестные ранее выразители социальных чаяний народных низов, открытые лишь в последние годы исторической наукой[54].

Между якобинцами и «бешеными», не говоря уже о мечтателях-коммунистах, остававшихся по большей части одиночками, сторонившихся политической борьбы, существовали немалые различия. Правда, среди якобинцев и их вождей были люди, последовательно и твердо защищавшие интересы бедноты, и среди них в первую очередь должно быть снова названо имя Марата[55]. Но в целом якобинцы уделяли значительно больше внимания вопросам политическим, чем социальным. Они отнеслись первоначально отрицательно к требованию максимума на продовольствие, видя в нем нечто «старорежимное» – ограничение свободы в экономической сфере. Они не скрывали и своего недоверия к «бешеным» в целом.

Но сила якобинцев в том и заключалась, что они прислушивались к голосу народа. Под влиянием требований народных низов они пересмотрели свое отношение к максимуму. Сначала за поддержку требований максимума высказалась Коммуна Парижа, затем и якобинцы в Конвенте. Поддержка якобинцами требований максимума означала установление на практике блока с «бешеными». К этому вела и логика борьбы с жирондистами.

Несмотря на ухудшающееся положение на фронтах, жирондисты, пренебрегая опасностью, нависшей над родиной, направляли все свои усилия на борьбу против Горы, на разжигание внутренних разногласий. В апреле 1793 г., нарушая депутатскую неприкосновенность, они добились предания Марата суду революционного трибунала. Но процесс против Друга народа превратился в его триумф. Трибунал оправдал Марата, и народ на руках принес его в здание Конвента.

4 мая жирондисты потерпели поражение и в Конвенте. Несмотря на их яростное сопротивление, большинство проголосовало за внесенные якобинцами предложения об установлении твердых цен на зерно. Первый максимум, декретированный Конвентом, с неизбежностью влек за собою и другие меры государственного регулирования торговли и распределения продуктов[56].

крупный вклад в изучение этой темы внесли Я. М. Захер и Вальтер Марков (см. *Я. М. Захер.* «Бешеные». Л., 1930; он же. Движение «бешеных». М., 1961 (в этом издании исправлены ошибочные оценки, данные в ранних работах того же автора) и ряд его статей во «Французском ежегоднике» за 1959, 1961 и 1965 гг., *IV. Markov.* Robespierristen und Jacqueroutins. – «Maximilien Robespierre». Berlin, 1961; *idem.* Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966; *idem.* Die Freiheiten des Pristers Roux. Berlin, 1967, и его статьи во «Французском ежегоднике» за 1960, 1964 гг.; *idem.* Jacques Roux und Karl Marx. Berlin, 1965; см. также статьи Л. С. Сытина о «бешеных» в «Ученых записках Ульяновского гос. пед. ин-та» за 1956 и 1959 гг.).

52 *M. Dommangel.* Sylvain Marechal, l'egalitaire, «L'homme sans Dieu». Paris, 1950 (там же библиография).

53 *В. М. Далин.* Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М. 1963.

54 *А. Р. Иоаннисян.* Коммунистические идеи во время Великой французской революции. М., 1966.

55 *А. Р. Манфред.* Жан Поль Марат – друг народа. – *А. Манфред.* Очерки истории Франции. М., 1961; *он же.* Марат. М., 1962; *Ц. С. Фридлянд.* Ж. П. Марат и гражданская война XVIII в. М., 1958.

56 *Н. М. Лукин.* Избр. труды, т. I. М., 1960, стр. 259.

Но понесенные поражения не отрезвили жирондистов. Они выступили с прямыми угрозами революционному Парижу, пытаясь противопоставить страну столице. Скатываясь к контрреволюции, они установили в ряде городов фактический блок с роялистами, а в Лионе подняли открытый мятеж. 18 мая им удалось создать в Конвенте комиссию 12-ти для расследования деятельности Коммуны. В момент, когда пять иностранных армий, вторгшихся на территорию Франции, теснили отступающие войска республики, жирондисты подготавливали удар по революционным организациям столицы.

Народное восстание 31 мая – 2 июня 1793 г., возглавленное Коммуной Парижа, пресекло эти гибельные попытки и сбросило власть Жиронды. Конвент распустил комиссию 12-ти, а затем 2 июня по предложению Жоржа Кутона декретировал арест 29 депутатов-жирондистов. Народное восстание восторжествовало. Власть перешла в руки якобинцев.

Якобинская революционно-демократическая диктатура

Якобинцы пришли к руководству республикой в самое трудное для нее время. Армии контрреволюционной коалиции, объединившей почти все страны Европы, с севера и юга, востока и запада двигались в глубь французской территории. Армии республики, обороняясь, отступали. В Вандее и северо-западных департаментах роялистский мятеж разрастался все шире. Бежавшие из-под домашнего ареста жирондистские главари подняли контрреволюционный мятеж в Бордо, южных и юго-западных департаментах. В середине июня из 83 департаментов 60 были охвачены мятежом. Власть Конвента простиралась лишь над голодающим Парижем и ближайшей к нему территорией. Казалось, республика доживает свои последние часы.

Но в это грозное время якобинцы проявили величайшую революционную энергию, смелость и решительность.

В дни восстания 31 мая – 2 июня Робеспьер набросал следующие слова: «Нужна единая воля. Она должна быть или республиканской, или роялистской… Внутренние опасности исходят от буржуазии; чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ… Надо, чтобы народ присоединился к Конвенту и чтобы Конвент воспользовался помощью народа…»[57]

В этих беглых заметках сформулирована широкая политическая программа. Якобинцы, сплачивая и объединяя народ вокруг Конвента, стали выковывать «единую волю». Они понимали, что это может быть достигнуто не словами, а действиями. Они отдавали себе отчет в непримиримости и беспощадности борьбы. «Самой страшной опасностью, угрожающей отечеству, является гражданская война, вспыхнувшая в нескольких департаментах», – писал Марат и делал отсюда вывод: «Патриотическая партия должна уничтожить вражескую клику, или она сама будет уничтожена»[58].

Но как сплотить народ и выковать «единую волю»? Как победить «вражескую клику» или вернее вражеские клики, намного превосходившие силами «патриотическую партию»?

Якобинцы нашли эти средства. Они прежде всего пошли навстречу главным требованиям крестьянства. На другой день после победы народного восстания, 3 июня 1793 г., Конвент принял декрет, устанавливавший льготный порядок продажи земель эмигрантов – мелкими участками, с рассрочкой платежа на 10 лет. Через несколько дней, 10 июня, Конвент принял декрет, окончательно возвращавший крестьянам все общинные земли, захваченные помещиками, и устанавливавший порядок их раздела поровну на душу, по требованию трети жителей общины. Наконец декретом от 17 июля Конвент объявлял

---

57 Цит. по: A. Mathiez. La Revolution francaise, t. III. Paris, 1965, p. 4.

58 «Le Publiciste de la Republique francaise», N 224, 23.VI 1793.

полностью, окончательно и безвозмездно уничтоженными все феодальные права, повинности и поборы. Все феодальные документы подлежали сожжению, а хранение их объявлялось преступлением, караемым каторгой[59].

То, что не смогли сделать ни Учредительное, ни Законодательное собрания, ни жирондистский Конвент в течение четырех лет революции, было сделано якобинцами в первые шесть недель после прихода к власти. Они нанесли сокрушающий удар по феодализму и сломили его, и, хотя крестьянство, особенно беднейшее, не получило земли в тех размерах, к которым оно стремилось, главные его требования были удовлетворены. Якобинская власть освободила крестьян от веками порабощавшей их феодальной зависимости и тем обеспечила переход основных масс крестьянства на свою сторону. Отныне крестьянство стало мощной опорой якобинской республики в ее борьбе против неисчислимых сил внутренней и внешней контрреволюции.

С такой же быстротой – в две недели – якобинский Конвент принял и утвердил новую конституцию, призванную стать политической платформой, объединяющей и сплачивающей народ.

Максимилиан Робеспьер. Бронзовый медальон работы неизвестного автора

Конституция 1793 г. существенно отличалась от первой – 1791 г. Это была самая демократическая из всех известных конституций XVIII и XIX вв. Она базировалась на политических идеях Руссо – на принципах свободы, равенства и народного суверенитета, лаконично формулированных в написанной Робеспьером новой Декларации прав человека и гражданина[60]. Конституция 1793 г. устанавливала во Франции республиканский строй. Высшая законодательная власть принадлежала Законодательному собранию, избираемому сроком на один год всеми мужчинами, достигшими 21 года. Законопроекты, принятые Собранием, подлежали еще рассмотрению и утверждению первичных собраний. Высшая исполнительная власть принадлежала Исполнительному совету из 24 человек, избираемых Законодательным собранием из числа кандидатов, представляемых департаментскими

---

[59] См. «Archives parlementaires», 1 serie, t. 66, p. 225–229; t. 69; p. 98; «Les partages des biens communaux…», publ. par G. Bourgin. Paris, 1908; G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la terreur. Strasbourg. 1932; idem¦ Etudes sur la Revolution francaise. Paris, 1963; «Etudes sur la vente des biens nationaux» par O. Hatzfeld et J. Bosom. – «Bulletin d’Hisloire economique et sociale de la Revolution francaise». Paris, 1967, p. 48–153.

[60] См. «Constitution francaise, precedee de la Declaration des droits de l'homme et du citoyen, decretee par la Convention Nationale de France en 1793 et presentee a l’acceptation du peuple francais». Paris, l'an II.

собраниями; каждый год половина членов Исполнительного совета обновлялась. В августе новая конституция была поставлена на утверждение народа; она была одобрена огромным большинством голосов. В духе новой конституции была отмена рабства на о. Гаити, провозглашенная там комиссарами Конвента. В связи с этим на сторону французов перешел руководитель восстания рабов Туссен-Лувертюр, который в 1801 г. стал генерал-губернатором острова. Но в 1802 г. он был захвачен французскими войсками и отправлен во Францию.

Принятие демократической Конституции 1793 г. было, несомненно, мерой, способствовавшей сплочению, консолидации народа вокруг якобинского Конвента. Но революционная сила и зрелость якобинцев сказалась не только или, вернее, не столько в создании этой новой, демократической конституции, а в том, что, приняв ее, они не провели ее в жизнь. Это парадоксальное утверждение может быть понято, лишь учитывая общее положение республики к осени 1793 г.

Политическая обстановка в стране в течение летних месяцев 1793 г. продолжала ухудшаться. Армии интервентов наступали, создавая угрозу Парижу, самому существованию республики. Жирондисты, смыкаясь с фейянами и роялистами, поддерживали, где могли, огонь мятежей; большая часть департаментов была во власти мятежников. Контрреволюция повсеместно поднимала голову. 13 июля Друг народа Жэн Поль Марат был заколот кинжалом у себя дома, в ванне, Шарлоттой Корде, вдохновленной на этот террористический акт жирондистами. Через три дня в Лионе был убит вождь местных якобинцев Шалье. Еще ранее жертвой контрреволюционного террора пал один из самых благородных якобинских руководителей Лепелетье де Сен-Фаржо. Жирондистская контрреволюция становилась на путь террора.

Туссен-Лувертюр

Резко ухудшилось экономическое, в особенности продовольственное, положение Парижа и других городов. Ассигнаты – бумажные деньги стремительно падали в цене. Продукты дорожали, становились недоступными для бедных людей, подвоз продовольствия в города сократился, не хватало хлеба, самого необходимого пропитания. В Париже и других городах начался голод.

Созданный еще в апреле 1793 г. Комитет общественного спасения, возглавляемый Дантоном, в этих критических условиях не проявлял необходимых смелости и инициативы. 10 июля Конвент обновил состав Комитета общественного спасения. Дантон и его ближайшие сподвижники были устранены. В состав Комитета были введены

единомышленники и друзья Робеспьера Сен-Жюст и Кутон. 27 июля в Комитет вошел Робеспьер. В августе в его со· став был введен Лазар Карно, в сентябре – Бийо-Варени и Колло д’Эрбуа. Еще ранее членами Комитета были избраны Барер, Жанбон Сент-Андре, Робер Ленде, Приер из Марны, Приер из Кот д’Ор. Этот состав комитета остался неизменным до конца июля 1794 г. Его главной задачей было обеспечить перелом в ходе войны и победу республики. Он это выполнил и вошел в историю под именем Великого комитета общественного спасения.

Ожесточенность классовой войны не оставляла места для мирных демократических преобразований. Контрреволюционный терроризм можно было сломить только ответными мерами. 1 августа по докладу Комитета общественного спасения Конвент принял ряд репрессивных декретов. Бывшая королева Мария-Антуанетта была предана революционному трибуналу; он приговорил ее к смертной казни. На эшафот была отправлена и Шарлотта Корде. Еще ранее, 27 июля, Конвент, удовлетворяя требования санкюлотов, декретировал наказание смертной казнью за спекуляцию и сокрытие продовольствия. Роль Комитета общественной безопасности, ведавшего борьбой с контрреволюцией, значительно возросла.

Но одних мер устрашения было недостаточно. Надо было найти немедленно действующие средства, чтобы остановить движущиеся со всех сторон армии контрреволюционной европейской коалиции. Но как найти столько людей, откуда взять необходимые пополнения для армий республики?

Решение было подсказано инициативой народных масс. В низовых первичных собраниях родилась мысль о всеобщей, поголовной мобилизации всего французского народа. Комитет общественного спасения услышал и подхватил инициативу, идущую снизу, из гущи народа. 23 августа Конвент по предложению Комитета общественного спасения принял декрет, объявлявший всеобщую мобилизацию всей нации. Все французы, «до тех пор пока враги не будут изгнаны за пределы территории республики, объявляются в состоянии постоянной реквизиции».

Народ приветствовал это беспримерное в истории решение. Словно из-под земли выросли новые батальоны, полки. В кратчайшие сроки проведенный первый набор дал около полумиллиона бойцов. К 1794 г. республика противопоставила войскам интервентов 14 хорошо вооруженных армий.

Во главе революционных войск были поставлены новые командиры, выдвинутые самой революцией. Бывший конюх Лазар Гош был произведен в дивизионные генералы и назначен командующим армией в возрасте 25 лет. Бывший мелкий торговец Жур-дан начал военную службу унтер-офицером; в 31 год он был назначен командующим Северной армией и одержал решающую победу над армиями противника при Флерюсе. Погибший в возрасте 27 лет генерал Марсо, слывший олицетворением отваги, был до начала военной службы простым писцом. Революция распахнула двери перед всеми талантами из народа. Сын каменщика Клебер, бывший контрабандист Массена, сын трактирщика Мюрат стали позже прославленными военачальниками армии республики. Общее руководство организацией обороны республики и военными операциями принадлежало двум членам Комитета общественного спасения – замечательному математику Лазару Карно [61] и 26-летнему Сен-Жюсту [62], юному другу Робеспьера.

Но победа революции над ее неисчислимыми врагами зависела не только от организации сил обороны. Сама организация обороны была теснейшим образом связана со всей системой политической власти, с непосредственным участием масс в революции.

Чтобы одолеть врагов, надо было поднять весь народ, всю Францию на вооруженную

---

[61] Лучшей биографией Карно остается: *Marcel Reinhard.* Le grand Carnot, t. 1–2. Paris, 1950–1952.

[62] Сен-Жюст еще не имеет должной биографии; ее заменяют издания его сочинений (см. *Saint Just.* Oeuvres completes, t. 1–2. Par Ch. Vellay. Paris, 1910); *M. Dommanget* Saint-Just, 1971.

борьбу с противником. В этом был смысл декрета от 23 августа о мобилизации всех французов. Но уже первые шаги по организации обороны республики показали необходимость самой жесткой централизации и создания сильных авторитарных органов власти. Этого же требовали задачи подавления внутренней контрреволюции. Сама жизнь заставляла якобинцев становиться на путь создания революционной диктатуры. Ходом событий Конвент и, в особенности, Комитет общественного спасения стали выполнять функции и приобретать права, далеко выходящие за рамки конституции. Конвент соединил в своем лице законодательную и исполнительную власть. Комитет общественного спасения приобрел фактически права Революционного правительства, обладавшего непререкаемой властью. Они все более решительно вмешивались во все сферы общественной жизни, пытаясь подчинить и направить ее по определенному курсу.

Это была новая форма организации власти, рожденная революционным творчеством масс, подсказанная и даже навязанная требованиями самой жизни. Это была революционная диктатура.

В исторической литературе порою встречаются попытки противопоставить якобинскую революционную диктатуру – демократии, санкюлотской демократии в частности. С таким толкованием трудно согласиться. Якобинская революционная диктатура, на наш взгляд, отнюдь не противостояла демократии. Напротив, по самому своему существу она являлась революционно-демократической диктатурой.

В самом деле, строго централизованная власть якобинского правительства сочеталась с самой широкой народной инициативой снизу Революционное правительство – Конвент и Комитет общественного спасения находились в постоянном контакте с народом, опирались на народ, прислушивались к его голосу. Во всей своей деятельности Революционное правительство опиралось на революционные комитеты и народные общества Революционные комитеты, избираемые в составе 12 членов во всех коммунах и секциях городов Франции, стали самой широкой формой участия масс в государственном строительстве. Сотни тысяч людей вовлекались через революционные комитеты в политическую жизнь страны[63]. Огромную роль в политической организации народа играли также местные муниципальные органы, народные общества, политические клубы, в особенности самый массовый и разветвленный по всей стране Якобинский клуб.

В Якобинском клубе все его члены были равны – должности, как бы высоки они ни были, не играли никакой роли; здесь все служили одной высшей цели – революции, благу народа. Через революционные комитеты, через муниципальные органы, через Якобинский клуб и народные общества народ оказывал постоянное воздействие на высшие органы власти – Конвент и его комитеты, во многом определяя и направляя их политику.

Порою народ оказывал и более прямое влияние на решения Конвента. Так было 4–5 сентября 1793 г., когда выступления парижских санкюлотов, явившихся со своими требованиями к Конвенту, заставили его «поставить террор в порядок дня», усилить репрессивную политику по отношению к контрреволюционным и спекулятивным элементам. Под влиянием народного выступления 4–5 сентября Конвент позднее, 29 сентября, принял декрет, устанавливающий твердые цены (максимум) на все важнейшие товары по всей Франции.

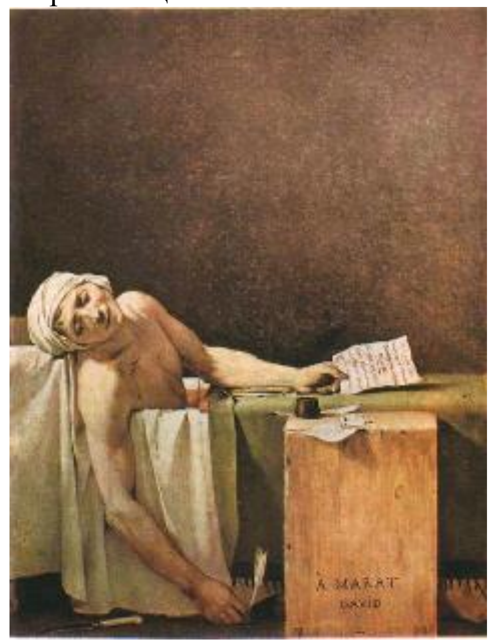
Так самим ходом вещей, внутренней логикой развития революции во Франции установилась революционно-демократическая якобинская диктатура. В отличие от демократической конституции, теоретически давно предвосхищенной и обоснованной в работах Жан-Жака Руссо, идея революционно-демократической диктатуры не была разработана в дореволюционной литературе[64]. Ее родила сама жизнь, она была создана

---

63 A. Sofcoul. Les sans-cullottes parisiens en l'an II. Paris, 1958 (русск. пер.: *А. Собуль.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966).

64 В интересах точности надо сказать, что идея революционной диктатуры была теоретически предвидена

необходимостью, революционным творчеством масс, но сила якобинцев сказалась в том, что, приняв и усовершенствовав эти подсказанные самой жизнью формы революционной власти, они сумели их теоретически осмыслить и обобщить. «Теория революционного правления, – говорил Робеспьер 25 декабря 1793 г. – так же нова, как и революция, создавшая этот порядок правления. Напрасно было бы искать эту теорию в книгах тех политических писателей, которые не предвидели революции…»[65]

Смерть Марата. Картина Луи Давида.

В чем же суть революционного правления? В каком соотношении она находится с конституционным режимом? Робеспьер это определял так: «Революция – это война между свободой и ее врагами; конституция – это режим уже достигнутой победы и мира свободы»[66]. В другом выступлении – в феврале 1794 г. Робеспьер уточняет эту мысль: «Для того чтобы создать и упрочить среди нас демократию, чтобы прийти к мирному господству конституционных законов, надо довести до конца войну свободы против тирании и пройти с честью сквозь бури революции…» [67]

Итак, революционное правление, якобинская революционно-демократическая диктатура – это «война свободы против тирании». Это великолепное определение вождь якобинского правительства дополняет иным, еще более точным: «Революционное правление опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасения и на самое бесспорное из всех оснований – необходимость» [68].

Эта созданная самой жизнью, творчеством народных масс высшая форма организации

Жан-Жаком Руссо в его знаменитом «Общественном договоре» (см. J. *J. Rousetiu.* Contrat social. Paris, 1955, p. 190–193). Однако у Руссо мысль о диктатуре, опиравшаяся на опыт римской истории, была дана, так сказать, в эмбриональной форме; позже он к ней не возвращался, и современниками она была оставлена без внимания.

65 *M. Robespierre.* Qeuvres completes, t. X. Paris, 1967, p. 274.

66 Ibidem.

67 Ibid., p. 353.

68 Ibid., P. 275.

революционной власти – революционно-демократическая диктатура – оправдала себя и доказала свои преимущества в ходе гражданской войны. То, что казалось современникам невероятным, немыслимым, почти чудом, было осуществлено якобинцами в исторически предельно краткий срок – менее чем за один год. Якобинцы не только выдержали и устояли против яростного натиска во много раз превосходивших сил внутренней и внешней контрреволюции, не только преодолели голод, разруху, полное расстройство экономических связей, но и вышли победителями из этой неравной борьбы.

Величайшее напряжение сил народа, защищавшего свои завоевания в революции, оправдало себя. Революция выстояла, отбила натиск врагов, а затем сама перешла в контрнаступление. Это стало возможным лишь благодаря тому, что якобинцы смогли опереться на силы народа, развязывали энергию народа, полностью доверяя его инициативе, его способностям, его самоотверженности. Историческое величие якобинцев в том прежде всего и заключалось, что они были «якобинцы с народом». В. И. Ленин об этом замечательно сказал: «… чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев)»[69].

Мобилизовав и сплотив силы народа вокруг Конвента, Революционное якобинское правительство шаг за шагом отвоевывало победу. Жирондистский мятеж был подавлен. Лион, Бордо были освобождены. Распространение вандейского мятежа было остановлено; затем армии республики начали теснить мятежников. Обозначился перелом и на бескрайних фронтах сражений с иностранными интервентами. 6–7 сентября 1793 г. в ожесточенном сражении при Гондсхооте французы заставили отступить объединенные силы английской, гессенской и ганноверской армий. 15–16 октября в сражении при Ваттиньи французы, руководимые Карно и Журданом, нанесли поражение армии герцога Кобургского и овладели крепостью Мобеж. В декабре был освобожден от англичан Тулон. В конце декабря Гош, назначенный командующим Мозельской и Рейнской армиями, смело атаковал австрийцев под Вейссенбургом, а затем принудил к отступлению пруссаков. Вдоль всей восточной границы территория Франции была освобождена, и инициатива военных операций повсеместно переходила в руки французов.

Вся страна была поставлена на службу обороны. В тылу старики, женщины, подростки в быстро созданных, нередко под открытым небом, кузницах и мастерских ковали оружие, производили из селитры порох, переплавляли колокола и церковную утварь в пушки. Крупнейшие ученые того времени – химики, физики, математики (Бертолле, Монж, Гитон-Морво, Лагранж и др.) – работали над вооружением французской армии; и она вскоре стала по своему техническому вооружению и по применяемой ею тактике одной из самых передовых [70].

К весне 1794 г. более 600 тыс. солдат стояло уже под ружьем. В тылу формировались резервы; вооруженные силы республики достигли 1 млн. 200 тыс. бойцов – армии по тем временам беспримерной по своей численности.

Уже миновали времена, когда завоеватели, пошедшие походом против французской республики, предвещали ее близкое падение. Республика стала самой сильной военной державой в Европе; ее армии наносили разящие удары противникам. В лагере коалиции уже стали обнаруживаться симптомы близкого распада.

Весной 1794 г. военные операции почти повсеместно были перенесены на территорию

---

[69] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 37.

[70] См. О. *В. Старосельская-Никитина.* Наука и техника во время Французской буржуазной революции. М., 1946.

противника. Французские войска вступили в Италию и Испанию. Северная армия 18 мая разбила австрийцев при Туркуэне, захватив много трофеев и пленных. 17 июня, форсировав Самбру, она добилась еще более крупных успехов. 25 июня Арденнская армия одержала победу под Шарлеруа. Наконец, 26 июня в знаменитом сражении под Флерюсом французские войска под командованием генерала Журдана разгромили главные силы противника и тем самым решили исход всей кампании. Победа при Флерюсе не только сняла опасность вторжения во Францию, но и открыла французским войскам возможность широких наступательных операций в Бельгии, а затем и Голландии.

Война была выиграна. Республика в единоборстве с могущественной коалицией, объединившей почти все европейские монархии, – вышла победительницей.

Но блистательные победы революционного оружия странным образом не способствовали укреплению внутреннего положения республики. Скорее напротив, чем явственнее становился перелом в ходе военных действий, чем ближе Франция подходила к победе, тем очевиднее становилось нарастание внутренних противоречий якобинской диктатуры.

Уже в ближайшие месяцы после народного восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. развернулась борьба между победителями – якобинцами и шедшими с ними в блоке «бешеными».

«Бешеные» в июле – августе 1793 г. выступили с критикой политики якобинского Конвента. Они осуждали Конституцию 1793 г., считая, что она не обеспечивает защиты интересов бедноты, требовали введения всеобщего максимума и усиления революционного террора, в особенности против спекулянтов. Критика «бешеных» была отвергнута якобинцами. В полном единодушии они все выступили против «бешеных». В начале сентября Жак Ру был арестован; в тюрьме он покончил жизнь самоубийством. Движение «бешеных» было разбито и сошло со сцены [71].

Победа при Флерюсе 26 июня 1794 г. Гравюра Берто с картины Свебах-Дефонтена

Выступление санкюлотов Парижа 4–5 сентября 1793 г. показало, что хотя «бешеные» как группировка потерпели поражение, но многие их идеи продолжали жить. Требования расширения максимума, обуздания спекулянтов, защиты интересов бедных продолжали оставаться главными требованиями городских санкюлотов Их теперь поддерживала группа левых якобинцев – Шометт, Эбер, Паш, пользовавшихся большим влиянием в Коммуне Парижа, Клубе кордельеров. Выступление санкюлотов 4–3 сентября, возглавленное Коммуной, как уже говорилось, оказало влияние на политику Конвента, принявшего главные их требования.

Террор был усилен. В соответствии с требованиями народа Парижа была учреждена особая «революционная армия», составленная в основном из санкюлотов, в задачи которой входило подавление внутренней контрреволюции, в особенности пресечение всякой

---

[71] См. *Я. М. Захер.* Последний период деятельности Жака Ру. – «Французский ежегодник. 1958». М., 1959; *Walter Markov.* Jacques Roux oder vom Elend der Biographie.

спекуляции и обеспечение Парижа продовольствием[72]. В сентябре были приняты также законы о введении всеобщего максимума.

Политика Революционного правительства осенью 1793 г. уже обнаружила не только сильные стороны якобинской диктатуры, но и присущую ей противоречивость. Якобинцы разгромили левую группировку, опиравшуюся на санкюлотов, – «бешеных», и в то же время приняли и провели в жизнь главные из требований санкюлотов, повторявших многое из того, что выдвигали «бешеные».

Приняв принцип установления твердых цен на предметы потребления и твердой рукой добиваясь осуществления его на практике, якобинцы действительно способствовали защите интересов бедноты. Твердые цены спасали бедноту от мук голода, обуздывая произвол торговцев, спекулирующих на нехватке товаров. Но, установив твердые цены на предметы потребления, якобинцы в то же время ввели и максимум зарплаты, т. е. установили предельные, высшие ставки оплаты труда рабочих. Таксация зарплаты была мерой, направленной против рабочих, прямо противоречившей их интересам. В равной мере интересам рабочих противоречило и сохранение в силе закона Ле Шапелье, запрещавшего стачки и профессиональные объединения рабочих. Уже в этом сказалась противоречивость, двойственность якобинской политики. Но эта противоречивость была присуща и другим ее мероприятиям, самой якобинской диктатуре в целом.

Якобинская диктатура разрешила в кратчайший срок все основные задачи, поставленные объективным ходом исторического развития перед буржуазной революцией. Она смогла выполнить эту великую историческую миссию так полно и основательно главным образом потому, что по своему характеру она была народной революцией и действовала плебейскими методами.

Уже говорилось о том, что якобинство представляло собой блок разнородных классовых сил – демократической буржуазии, крестьянства и плебейства, действовавших, пока исход борьбы не был решен и сохранялась опасность реставрации, сообща и согласованно.

Политика якобинского Революционного правительства определялась не только безотлагательными требованиями, диктуемыми задачами обороны республики. Якобинское правительство имело и позитивную программу, оно сознательно, преодолевая заботы и трудности текущего дня, пробивалось к определенной цели. Это было стремление осуществить на практике, воплотить в жизнь великие идеи Руссо, прежде всего разделяемое всеми его учениками, принимаемое якобинцами как первая заповедь учение о равенстве, – программу эгалитаризма.

Пьер Гаспар Шометт Гравюра Леваше

---

[72] См. *R. Kobb.* Les armees revolutionnaires, v. 1-IL Paris, 1961–1963.

Политика принудительных займов у богатых, прогрессивноподоходный налог, ограничение права наследования, подушный раздел общинных земель, законодательство, способствующее дроблению продаваемых земельных участков, террористические меры против спекулянтов, нарушителей максимума, наконец, знаменитые вантозские декреты (26 февраля – 3 марта 1794 г.), предусматривавшие конфискацию собственности врагов революции и раздел ее среди неимущих, – все это подтверждало настойчивое стремление Революционного правительства претворить в жизнь свою эгалитаристскую программу, установить царство «добродетели и справедливости».

Но объективным содержанием этой политики, независимо от стремлений и мечтаний якобинцев, были рост, развитие капиталистических отношений в стране. Якобинцам многие из их начинаний не удалось осуществить. Это относится прежде всего к вантозским законам, так и оставшимся не реализованными, да и к ряду других мер. Но даже то, что они успели сделать – а они успели сокрушить и уничтожить феодализм, – привело к росту на почве Франции, очищенной от всех феодальных пут, капиталистических отношений Как жестоко ни карала якобинская диктатура спекулянтов и крупных буржуа, отправляя их на гильотину, как властно она ни вмешивалась в сферу распределения, оставляя нетронутым частный способ производства, – вся ее жесткая репрессивная и ограничительная политика не могла задержать непрерывного роста экономической мощи крупной буржуазии и развития капиталистических отношений в стране в целом. Трагедия Робеспьера. Сен-Жюста и их единомышленников – якобинцев была в том, что они сами и простые бедные люди, которых они воодушевляли на подвиги, вопреки своим помыслам и стремлениям трудились и сражались на деле не ради общего счастья и блага людей, как они надеялись, а на пользу богатых.

Они долго не осознавали этого истинного смысла происходившей борьбы, а когда к некоторым из них, например Робеспьеру, пришла пора прозрения [73], то было уже поздно Да и что было можно вообще изменить?

В этом все углублявшемся расхождении между идеалами и целями, к которым стремились руководители революции, и ее действительным содержанием и конкретными результатами коренилось глубочайшее противоречие якобинской диктатуры. Вместо обещанного справедливого строя равенства, она, сокрушив все феодальные преграды, привела только к росту могущества богатства, к установлению экономической власти крупной буржуазии. Это было прямым следствием противоречий, заложенных в самой природе буржуазной революции.

Но из этого противоречия вырастали и иные противоречия.

До тех пор пока оставалась реальной угроза реставрации, пока приобретшие за годы революции состояния, дворянские и церковные земли буржуа дрожали за свою новую собственность, они мирились с суровым ограничительным режимом якобинской диктатуры и рукоплескали декретам Конвента. Они отдавали себе отчет в том, что только железная рука якобинской диктатуры сможет остановить и подавить стремление могущественных сил старого мира отнять у них завоеванное революцией. Но как только положение на фронтах усилиями народа, возглавляемого якобинцами, стало меняться к лучшему, крупнособственнические элементы стали обнаруживать свое недовольство режимом революционной диктатуры. Особо активной в этом отношении стала выросшая за годы революции новая, спекулятивная, хищническая буржуазия.

Несмотря на все ограничительные и даже террористические меры Революционного правительства, созданные войной условия питали рост спекулятивных элементов. Перепродажа звонкой монеты, игра на меняющихся курсах бумажных и твердых денег, спекуляция дефицитными товарами, перепродажа национальных имуществ, нажива на

---

[73] См., например, его речь у якобинцев 21 мессидора (*M. Robespierre.* Oeuvres copmletes, I. X, p. 519–524)

поставках в армию и т. п. служили источником обогащения, огромного накопления богатств. Рискуя угодить под суд революционного трибунала и сложить голову на эшафоте, спекулянты и казнокрады не хотели терять ни одного шанса, сулившего им в руки золото; они сколачивали миллионные состояния.

Те же стремления, та же жажда обогащения воодушевляла и верхушку крестьянства, зажиточные слои деревни, успевшие быстро разбогатеть вследствие лихорадочного роста цен на сельскохозяйственные продукты. Но вслед за сельской буржуазией стало поворачивать вправо и среднее крестьянство – самая многочисленная его часть. Крестьянин в солдатской шинели дрался на фронтах, совершал подвиги, поддерживал якобинскую власть до тех пор, пока он боялся возврата сеньера, восстановления старых, ненавистных ему феодальных порядков. Он защищал в рядах армии якобинской республики клочок земли, к которой стремились он, его отец, дед и прадеды и который дала ему якобинская власть. Но когда крестьянин увидел, что опасность устранена, угроза его земле миновала, тогда и он стал тяготиться жестким принудительным режимом якобинской диктатуры с ее твердой политикой максимума, реквизиций и мобилизаций. Крестьянин хотел воспользоваться плодами приобретенного полностью, немедленно и так, как он считал лучшим, без всяких ограничений. Твердая власть якобинской диктатуры препятствовала этому, и основные массы крестьянства – среднего крестьянства, – как только непосредственная необходимость в чрезвычайных мерах защиты республики миновала, выступили против диктатуры[74].

Так совершился поворот вправо – против якобинского Революционного правительства – основных классовых сил, поддерживавших до сих пор якобинцев, – республиканской буржуазии, зажиточного и среднего крестьянства.

Но и на противоположном полюсе – среди рабочих, в рядах городской и сельской бедноты – также росла неудовлетворенность. Беднота считала меры якобинского правительства в защиту его интересов недостаточными. «Реквизиции» – мобилизации сельскохозяйственных рабочих, равнодушие к требованиям сельской бедноты вызывали ее недовольство. Рабочие городов не скрывали своего раздражения установлением максимума на заработную плату. Конечно, было бы неправильным считать, что все санкюлотство повернулось против якобинской диктатуры, – это опровергается фактами; но неверным была бы и недооценка роста недовольства части народных низов якобинской политикой.

Итак, якобинство, представлявшее еще недавно сплоченный блок классовых сил, выступавших против контрреволюции, и сильное прежде всего своей сплоченностью, год спустя после прихода к власти стало испытывать действие центробежных сил. Внутренние противоречия, присущие якобинской диктатуре, стали проявляться и на поверхности. Блок распадался. В его рядах с неизбежностью должна была начаться внутренняя борьба.

Действительно, уже с осени 1793 г. в рядах якобинской партии обозначились два оппозиционных Революционному правительству течения.

Одна группировка, получившая прозвище «снисходительных», стала складываться вокруг Дантона и его ближайших друзей. Со времени ухода из Комитета общественного спасения Дантон как бы отстранился от активной политической борьбы. Но его влияние в рядах якобинского блока, в стране, его личная популярность оставались велики. Он стал притягательным центром, вокруг которого группировались недовольные Революционным правительством. В его окружении, среди его ближайших друзей – Камилла Демулена, Филиппо, Лежандра, Делонэ, Делакруа – росло стремление «умерить» политику Революционного правительства, притупить ее острие – ослабить репрессии против врагов революции, отказаться от террора, восстановить свободу печати, создать Комитет милосердия и т. д. Рупором настроений дантонистов стала издававшаяся Камиллом Демуленом газета «Старый кордельер», в форме достаточно прозрачных намеков и

---

[74] См. *Н М. Лукин.* Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика? Конвента в период действия второго и третьего максимума. – Избр. труды, т. I. М., 1960, стр. 254–306; см. также C. *Lefebvre.* Etudes orleanaises, t. 11; *Richard Cobb.* Terreur et subsistances 1793–1795. Paris, 1965.

исторических параллелей осмеивавшая политику революционной диктатуры.

Матьез, много сделавший для разоблачения культа Дантона, созданного в свое время Оларом, приписывал знаменитому трибуну и преступления – связь с внешним врагом, личную продажность, которые так и остались недоказанными[75]. Но если нельзя согласиться с теми обвинениями, которые позже, во время процесса, были предъявлены Дантону, то остается несомненным, что в его окружении и в рядах «снисходительных» вообще было немало людей, сохранявших лишь внешнюю принадлежность к якобинской партии, а на деле переродившихся – ставших спекулянтами, казнокрадами, взяточниками. Фабр Д'Эглантин, Шабо, Базир и другие депутаты Конвента, разоблаченные по делу Ост-Индской компании в воровстве и взяточничестве, – лишь один пример, показывающий, как далеко зашла коррупция среди части якобинцев. В целом группа дантонистов-«снисходительных», атаковывавшая справа якобинскую революционно-демократическую диктатуру, объективно являлась политическим представительством новой, выросшей за годы революции спекулятивной хищнической буржуазии.

Другой политической группировкой, оказывавшей давление на Революционное правительство с иных, скорее противоположных, позиций, были левые якобинцы.

Самое понятие левых якобинцев в исторической литературе нельзя считать окончательно установившимся, и в толковании связанных с этим вопросов существуют порою разные взгляды. Нам представляется, что под левыми якобинцами следует понимать то направление в рядах якобинской партии, представленное Шометтом, Пашем, Моморо, Бушоттом, Анрио и др., которое было наиболее тесно связано с народными низами и сознательно стремилось к улучшению положения городской бедноты, к смягчению ее нужды, уделяя большое внимание социальным вопросам. Влияние левых якобинцев сильнее всего чувствовалось в Коммуне Парижа, где Шометт и Эбер играли руководящую роль, в Клубе кордельеров. В самом Революционном правительстве, в Комитете общественного спасения, левоякобинские круги были представлены Бийо-Варенном и Колло Д’Эрбуа. К ним были близки входившие в состав Комитета общественной безопасности Вадье, Вуллан, отчасти Амар. Под влиянием левых якобинцев в значительной мере находилось и командование революционной армии, в частности ее главнокомандующий Ронсен и его помощники[76]. Наконец, левые якобинцы, как и дантонисты, имели свой печатный орган – газету Эбера «Пер Дюшен» [77], излагавшую в стиле простонародного или, вернее, псевдонародного языка, пересыпанного площадной бранью, самые крайние взгляды, и при всем том все же пользовавшуюся немалой популярностью в кругах санкюлотов.

Ни в организационном, ни в идейном отношении левые якобинцы не представляли собой чего-либо единого и оформленного Одно время – осенью 1793 г. – их сближала общность пропаганды и даже осуществление на практике политики так называемой дехристианизации – насильственного закрытия церквей и замены религиозного культа искусственно насаждаемым «культом разума». Но после того как политика «дехристианизации», вызывавшая недовольство крестьян, была в ноябре осуждена Робеспьером, а в декабре Конвент провозгласил свободу культов, Шометт, Эбер, а вслед за ними и другие «дехристианизаторы» отказались от этой политики как ошибочной. Вскоре между руководителями левых якобинцев – Шометтом и Эбером – обозначились разногласия.

С зимы 1794 г. из рядов левых якобинцев стала выделяться особая группировка,

---

[75] *A. Mathiez.* Autour de Danton. Paris, 1926.

[76] Для понимания состава, практической деятельности и идеологии «революционной армии» лучшей является уже упоминавшаяся работа Ричарда Кобба: *R. Cabb.* Les armees revolutionnaires.

[77] «Pere Duchesne» – полный комплект газеты хранится в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

возглавляемая Эбером и именуемая по его имени обычно эбертистской. Расхождение между Эбером и другими левыми якобинцами, возглавляемыми Шометтом, начиналось с главного вопроса того времени – отношения к Революционному правительству. Тогда как Шометт и другие левые якобинцы считали необходимым поддерживать якобинскую диктатуру и ее органы, Эбер и его приверженцы сначала осторожно, в замаскированной форме, а затем все более откровенно перешли к прямым нападкам на Революционное правительство.

В конце февраля – начале марта – в вантозе – Революционное правительство, как уже говорилось, приняло декреты о конфискации имущества врагов революции и разделе его среди неимущих. Если бы эти декреты были проведены в жизнь, то они означали бы экономическое разоружение контрреволюции и значительное расширение числа мелких собственников. Не случайно вантозское законодательство было встречено сочувственно народом и в то же время наткнулось на противодействие, а затем прямой саботаж со стороны крупнособственнических слоев. Казалось бы, вантозское законодательство делает беспредметной критику эбертистами Революционного правительства [78].

Тем не менее сразу же после принятия вантозских законов, когда еще нельзя было даже сказать, чем они хороши и чем плохи, 4 марта, эбертисты предприняли попытку – в Клубе кордельеров – поднять восстание против Революционного правительства. Но Коммуна Парижа, которую эбертисты рассчитывали увлечь за собой, отказалась поддержать их и осудила призыв к восстанию. Секции также не поддержали эбертистов. Их призыв повис в воздухе, и, убедившись в том, что санкюлоты их не поддерживают, эбертисты стали искать примирения с Революционным правительством.

Но уже было поздно. 14 марта Эбер, Ронсен и некоторые их единомышленники были арестованы, а затем преданы суду революционного трибунала, соединившего их с группой Проли – Перейра, обвиняемой в шпионаже На процессе Эбер держал себя малодушно, перекладывал вину на других [79]. Все обвиняемые, кроме одного, были приговорены к смертной казни и 24 марта гильотинированы. Революционная армия, руководители которой были замешаны в процессе, была распущена.

Арест эбертистов, а затем процесс против них необычайно воодушевил правых В окружении Дантона полагали, что теперь пришел их час. Они не только обливали грязью эбертистов, но с неслыханной дерзостью атаковали в лоб Революционное правительство. 7-й номер газеты «Старый кордельер» Демулена столь открыто нападал на режим революционной диктатуры, что правительство приказало задержать номер, а издателя арестовать.

30 марта, через шесть дней после казни эбертистов, комитеты общественного спасения и общественной безопасности постановили арестовать Дантона, Демулена, Делакруа и Филиппо. Дантону накануне ареста его друзья предложили бежать. Он ответил словами, вошедшими в историю: «Разве можно унести отечество на подошве башмаков?»

Процесс против дантонистов, начавшийся 2 апреля, как и состоявшееся накануне обсуждение в Конвенте показали растущее противодействие политике правительства Фукье-Тенвилль, руководивший организацией процесса, объединил или, как говорили тогда, «амальгамировал» дантонистов с генералом Вестерманом, арестованным по делу Ост-Индской компании, и др. – всего 16 обвиняемыми. Подсудимые требовали вызова свидетелей. Дантон построил свое выступление как обвинительный акт против Революционного правительства. Его громовой голос, яростность его нападок, сила убежденности потрясли слушателей. На третий день процесса Фукье-Тенвилль все еще не

---

[78] Из этого отнюдь не следует, что вантозское законодательство представляло собой всего лишь тактический маневр Робеспьера и его сторонников, как это утверждали в свое время Жорж Лефевр (С. *Lefebvre.* Questions agraires au temps de la terreur, p. 5) и некоторые историки.

[79] Arch. Nat W 76, 77. 78 – материалы процесса эбертистов.

мог добиться желаемого результата. Лишь путем нарушения судебной процедуры процесс был завершен. 4 апреля революционный трибунал вынес смертный приговор обвиняемым. На следующий день он был приведен в исполнение. Дантон, поднимаясь на эшафот, обратился к палачу со словами: «Покажи мою голову народу – она стоит того»[80].

Разгром эбертистов и дантонистов, казалось бы, по первому впечатлению, должен был укрепить позиции Революционного правительства. Но в действительности это было не так. Кризис якобинской диктатуры не был преодолен; напротив, он углублялся.

Разгромив «снисходительных», Революционное правительство нанесло удар по силе, ставшей опасной для революции. Но оно само оказалось не в состоянии довести эту борьбу до конца. Ближайшие друзья Дантона Лежандр, Тальен, Тюрио и др. продолжали играть крупную политическую роль. А главное, та социальная среда, которая питала и взращивала «снисходительных», сохранялась непоколебленной и даже нетронутой; на место нескольких казненных она рождала сотни и тысячи новых противников революционной диктатуры.

Нанеся удар по эбертистам, призывавшим к мятежу, Революционное правительство не ограничилось этим. Несмотря на то что Шометт решительно осудил выступление эбертистов, он, как и некоторые другие левые якобинцы, был арестован и предан суду революционного трибунала. 13 апреля Шометт был казнен. В этом сказалась непоследовательность, ошибки даже таких великих революционеров, как Робеспьер, Сен-Жюст и их друзья. Одной рукой они карали врагов революции, другой – наносили удар по ее защитникам. Эта непоследовательность, эта противоречивость косвенно отражали противоречия, заложенные в самой природе этой революции – народной по своему характеру, плебейской по методам, стремящейся к установлению равенства и братства, а на деле – по своим объективным возможностям – способной лишь установить буржуазный порядок.

Хотя Робеспьер, как и его друзья – руководители Революционного правительства и не могли осознать истинных противоречий революции, они чувствовали, конечно, что ход вещей складывается иначе, чем они рассчитывали. У них не хватало решимости настаивать на осуществлении вантозского законодательства, натолкнувшегося на прямое нежелание правительственного и административного аппарата проводить его в жизнь.

Стремясь найти политическую платформу, которая сплотила и объединила бы народ, Робеспьер в мае 1794 г. выступил в Конвенте с планом создания новой государственной религии – культа «верховного существа», т. е. культа природы, идеи которого были почерпнуты у Руссо. Конвент единодушно одобрил проект Робеспьера. 8 июня в Париже, в Тюильрийском саду, а затем на Марсовом поле, состоялись торжества по поводу принятия закона о «верховном существе». Робеспьер с колосьями ржи в руках с трибуны обратился к народу: «Французы, республиканцы, вам надо очистить землю, которую загрязнили тираны, и призвать вновь справедливость, которую они изгнали»[81].

Но кого могли увлечь эти слова и прославления матери-природы? Спекулянтам, мздоимцам, новым богачам, до поры до времени маскирующимся в защитные якобинские цвета, эти призывы к справедливости были чужды. До простых людей, до истинных защитников революции они не доходили. Новая религия «верховного существа» не делала хлеб дешевле. Попытка подменить решение социальных вопросов религиозными реформами была обречена на полный провал. Культ «верховного существа» был формально одобрен, но сам Робеспьер сознавал, что кризис республики углубляется.

Уже в конце апреля и мае в недрах Конвента и даже в самом Революционном правительстве – комитетах общественного спасения и безопасности, стала складываться

---

80 J. F. *Robinet.* Le proces des dantonistes… Paris, 1879. Эта старая работа сохраняет свое значение.

81 *M. Robespierre.* Oeuvres completes, t. X, p. 482, p. 655; см. подробнее: *A. Mathiez.* Robespierre et le culte de l'etre supreme. Paris, 1910.

новая, враждебная Робеспьеру, группировка. Она создавалась как блок разнородных элементов – людей, близких частью к дантонистам, частью к эбертистам, либо не связанных с этими фракциями, но не довольных режимом революционной диктатуры. Этот враждебный Робеспьеру блок действовал скрытно, тщательно маскируя свои истинные цели и намерения. Тайно между собой они говорили о борьбе против «тирании Робеспьера», но, как показали последующие факты, главные силы в этом блоке были направлены не только против Робеспьера, но и против якобинизма, против революционно-демократической диктатуры. Направляющей классовой силой блока была новая, спекулятивная буржуазия, торопившаяся покончить с ограничивавшим ее стяжательские стремления революционным режимом, а за нею шли все крупнособственнические и собственнические слои вообще, включая крестьянство. Об этом говорилось раньше. Главными вдохновителями и организаторами блока заговорщиков были перерожденцы – Тальены, Баррасы, Фрероны – все эти казнокрады и воры, преступлениями сколотившие себе состояние и дрожавшие за свои головы. Но по тактическим мотивам на первый план они выдвигали левых, близких к эбертистам Колло Д'Эрбуа, Бийо-Варенна, Вадье и др. Вероломный ловкий Фуше, связанный и с теми и с другими, был соединяющим звеном между двумя этими разветвлениями заговора; его невидимая роль в подготавливавшемся перевороте была велика.

Робеспьер был не из тех людей, которых мог бы провести какой-нибудь Баррас или Фуше, при всем их двуличии и изворотливости. Он разгадывал тайные замыслы врагов[82]. 10 июня (22 прериаля) Кутон от имени Комитета общественного спасения предложил Конвенту проект закона, усиливающего террор. Конвент, несмотря на сопротивление части депутатов, опасавшихся, что закон повернется своим острием против них, принял декрет, предложенный Кутоном. После прериаля террор усилился.

Однако Робеспьер скоро мог убедиться, что применение закона от 22 прериаля на практике поворачивается против Революционного правительства, против него лично. Те, кто должен был страшиться террора, сумели использовать его в своих целях; они усиливали, раздували террор, надеясь, что гнев и негодование его жертв, негодование народа обрушатся на Робеспьера.

Робеспьер разгадал и эти расчеты своих врагов. Он осуждал этот разгул террора. Но руль государственной власти уже не повиновался его руке. Им управляли иные, незримые руки. С июня Робеспьер перестал посещать заседания Комитета общественного спасения. С 24 прериаля в течение полутора месяцев он не выступал и в Конвенте. Конечно, это было не случайно. Он понимал, видимо, что люди, оставшиеся верными идеалам якобинизма, заветам Руссо, составляют там меньшинство. Изредка он выступал у якобинцев; его речи были полны горечи. «…Глубокое молчание, царящее у якобинцев, есть следствие летаргического сна; он не позволяет им открыть глаза на опасности, угрожающие родине…» – говорил он в речи 21 мессидора (9 июля) [83]. Те же чувства владели и Сен-Жюстом: «Революция оледенела, все ее принципы ослабели, остались лишь красные колпаки на головах интриги»[84].

Ни Робеспьер, ни Сен-Жюст не обманывались в оценке складывавшегося положения; они точно представляли силы противника, размеры опасности.

В начале термидора уже стали открыто арестовывать людей, близких к Робеспьеру,

---

[82] См. подробнее сохранившую все свое значение работу: *Arne Ording.* Le Bureau de Police du Comite de Salut public… Oslo, 1930; а также «Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets…» publ. par P. Caron, t. 1–5. Paris, 1910–1958.

[83] *M. Robespierre.* Oeuvres completes, t. X, p. 522.

[84] *Saint-Just.* Oeuvres completes, t. Il, p. 508.

например гражданина Шалабра из коммуны Ванвр[85]. Кольцо заговора смыкалось все теснее. Робеспьер видел, как оттачивает против него ножи «лига всех клик», как метко назвал он этот комплот, как все ближе надвигается опасность. Он все видел, все слышал, но не действовал. Он не действовал потому, что понял, убедился в том, что революция, с которой он связал свою судьбу, свои надежды, не та. Она не повинуется больше голосу справедливости, заботе о народном благе. Она привела не к торжеству равенства и добродетели, а к господству пороков и богатства.

Сен-Жюст. Портрет работы Луи Давида (?)

Историки много спорили о странном, нелегко объяснимом поведении Робеспьера накануне и во время событий 9 термидора[86]. Здесь остается, конечно, широкое поле для догадок. Важно лишь обратить внимание, на наш взгляд, на то, что его знаменитое последнее выступление в Конвенте 8 термидора было до известной степени вынужденным. Не Робеспьеру принадлежала инициатива в этой битве; более того, он, видимо, не намеревался 8–9 термидора давать решающее сражение своим врагам. «Не думайте, что я пришел сюда, чтобы предъявить какое-либо обвинение; меня поглощает более важная забота, и я не беру на себя обязанностей других…»[87] В этих начальных словах его речи скрыто, видимо, больше, чем обычно полагали.

Последующие события 8–9 термидора известны до мельчайших деталей. Престиж Робеспьера был еще так велик, что в этом собрании, где большинство составляли его враги, эта грозная речь была покрыта громом рукоплесканий. «Сражение» в Конвенте 8 термидора закончилось ничем; оно не дало победы ни одной стороне. Почему? Да потому, что заговорщики не посмели открыто напасть на Робеспьера, а «Неподкупный» и не искал сражения, а следовательно, и выигрыша. Вечером он повторил эту речь у якобинцев, где она была принята восторженно. Но снова Робеспьер уклонился от практических действий, от самых простых мер подготовки к борьбе.

Вопреки намерениям Робеспьера, заговорщики, «термидорианцы», как их стали с этого

---

85 Arch. Nat., F^7, 4432, pl. 2. 15.

86 См. A. Mathiez. Eludes sur Robespierre. Paris, 1958 (особенно p. 184–213); Louis Barlhou. Le Neuf thermidor. Paris, 1926; К. П. Добролюбский. Термидор… Одесса, 1949; E. Soreau. A la veille du 9 Thermidor. Paris, 1933.

87 M. Robespierre. Qeuvres copmletes, t. X, p. 546.

дня называть, 9 термидора возобновили в Конвенте сражение. По тщательно разработанному заранее плану они сорвали доклад Сен-Жюста и в обстановке намеренно созданной сумятицы и шума провели решение об аресте Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста и их друзей.

«Республика погибла. Настало царство разбойников!»-это были последние слова Робеспьера в Конвенте.

Но в последний час, когда, казалось, все было кончено, совершилось непредвиденное. Когда Робеспьер и другие руководители Революционного правительства уже были отвезены в разные места заключения, народ Парижа, санкюлоты столицы поднялись на их защиту. Они освободили арестованных и перевезли их в Ратушу – в здание Коммуны Парижа. Ночью Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, Леба, Робеспьер-младший вновь соединились – свободные, все вместе, окруженные народом.

Исследователи этих событий тщательно изучают, как вели себя разные секции и какие из них поднялись на защиту Революционного правительства[88]. Обширные архивные материалы, находящиеся в распоряжении историков[89], дают возможность весьма детально восстановить эту картину.

На наш взгляд, в анализе событий этого дня недостаточно принимается во внимание одно существенное обстоятельство. В отличие от предшествующих крупных народных восстаний – 10 августа 1792 г., 31 мая-2 июня 1793 г., политически долго и тщательно подготавливаемых, – народное движение 9 термидора возникло спонтанно, стихийно, без какого-либо плана, без руководителей. Их и быть не могло, так как это движение никем не предвиделось. Конечно, при общем соотношении классовых сил – не в Париже, а во всей стране – падение революционно-демократической диктатуры якобинцев было неизбежный!. Если бы оно не совершилось 9 термидора, оно произошло бы в другой день. Но тем замечательнее, тем убедительнее эта мгновенная и спонтанная реакция значительной части санкюлотов Парижа. В потоке противоречивых, сбивающих с толку сведений, поступающих в секции в этот смутный день, санкюлоты безошибочным революционным инстинктом сумели почувствовать главное: там, где Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон – там революция. Защищая вождей якобинского правительства, они защищали и себя, защищали народ, саму революцию.

Робеспьер в последние часы своей жизни понял это. Когда Кутон предложил ему подписать воззвание к армии от имени Конвента – «разве Конвент не там всегда, где мы?» – Робеспьер это отверг. «Нет, – ответил он – будет лучше: от имени французского народа»[90]. Имя французского народа оставалось для него выше всех самых авторитетных представительных учреждений.

Но уже не народ решал судьбу Франции.

Одной из контрреволюционных частей удалось проникнуть в здание Ратуши. Робеспьер был ранен. Леба застрелился. Сопротивление было невозможно. Все было кончено.

Утром 10 термидора Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и их ближайшие друзья и сподвижники, 22 человека, без суда были гильотинированы на Гревской площади.

9 термидора было последним днем демократической революции. Она закончилась. Современники это не могли сразу понять. Они говорили о «революции 9 термидора» и о свержении «тирании Робеспьера». Но 9 термидора победила не революция, а буржуазная

---

[88] Здесь пришлось бы перечислять множество работ, начиная со старого исследования Н. И. Кареева (*Н. И. Кареев.* Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. Пг. 1914) и кончая трудом Собуля *(A. Soboul.* Les sans-culottes parisiens…).

[89] Arch. Nat. F^7, 4432, pl. 3, 4, 5, 6, 9; см. также F^7 4738 dos. 3 (Hanriot). Af. II, 47, pl. 364–367.

[90] Цит. по: *A. Mathiez.* Robespierre a la Commune le 9 thermidor. – «Etudes sur Robespierre», p. 207–208.

контрреволюция и была свергнута не «тирания Робеспьера», а якобинская революционно-демократическая диктатура. Гибель Робеспьера и его единомышленников стала и гибелью революции.

С этого времени ход событий пошел в противоположном направлении – от термидорианской буржуазной контрреволюции к реакции Директории, к буржуазной диктатуре консульства и империи, а затем к реставрации Бурбонов и дворянско-клерикальной реакции. Но, хотя ход событий поворачивал все вправо и вправо, хотя великие деятели революции давно уже сложили свои головы, хотя все от нее отреклись и она была осуждена и оплевана и самое упоминание о ней считалось преступлением, нельзя было ни искоренить, ни даже изменить огромных и уже не устранимых преобразований, внесенных революцией в жизнь Франции, в жизнь Европы, мира.

Французскую революцию, как подлинно великую революцию, нельзя было победить. Она так глубоко перепахала почву Франции, почву Европы, что уже никакими запретами и насильственными мерами нельзя было остановить неудержимо взраставшие новые всходы.

2. Падение первой республики (от 9 термидора до 18 брюмера)

Термидорианский конвент

Формально Первая республика просуществовала до 1804 г., до провозглашения Империи, но смертельный удар был ей нанесен еще в июле 1794 г.

В развитии великой демократической революции 9 термидора было поворотным пунктом. Этим днем закончилась поступательная линия в развитии революции; начался ее упадок, завершившийся установлением личного, авторитарного режима Наполеона Бонапарта.

На следующий день после казни Робеспьера, Сен-Жюста и их сподвижников, 11 термидора в тележках проследовал на гильотину еще 71 деятель якобинской диктатуры. Аресты робеспьеристов начались по всей стране и в армии; преследования коснулись между прочим и генерала Бонапарта, пользовавшегося в южной армии, где он находился, особой поддержкой брата Максимилиана Робеспьера – Огюстена. Но пружина термидорианской реакции в первые недели и месяцы после переворота развертывалась еще сравнительно медленно.

«Термидорианский блок», свергнувший Робеспьера, был неоднородным. Его подлинными вдохновителями были противники диктатуры справа, деятели буржуазии, тяготившиеся якобинской республикой, всей ее социально-экономической политикой, направленной против капиталистического стяжательства. Но в этом блоке были и «левые термидорианцы», считавшие политику робеспьеристского Комитета общественного спасения недостаточно революционной. Падение Робеспьера приветствовали некоторые представители санкюлотского Парижа из числа бывших эбертистов и «бешеных», обвинявших Робеспьера в свертывании демократии. К ним примыкал в течение нескольких недель даже Гракх Бабеф, надеявшийся, что «революция 9 и 10 термидора», устранив помехи для осуществления полной, народной демократии, приведет к дальнейшему подъему революции. Термидорианским руководителям приходилось также считаться с тем, что в стране и в армии, продолжавшей после поражения войск коалиции под Флерюсом победоносное наступление в Бельгии (как раз в день 9 термидора были заняты Брюссель и Антверпен), были очень сильны революционные настроения. К тому же санкюлотский Париж, еще не сломленные революционные предместья столицы представлялись термидорианцам опасной угрозой. Вдохновители реакции действовали поэтому на первых порах осторожно и медленно, но шаг за шагом они усиливали свои позиции.

Уже через несколько недель после переворота (4 и 7 фруктидора – 21 и 24 августа) было отменено пособие, выплачивавшееся санкюлотам Парижа за посещение заседаний

секций, и число их было сокращено до одного в декаду. Секционные наблюдательные комитеты, главный низовой орган революционной диктатуры, были упразднены и заменены комитетами 12-ти вновь созданных округов (секций было 48), в которых сразу усилилось буржуазное влияние.

Ослабляя таким образом влияние санкюлотов в парижских секциях, термидорианцы направили одновременно удар против «охвостья Робеспьера» – виднейших деятелей якобинской диктатуры, Бийо-Варснна, Колло д’Эрбуа, Барера, Бадье, составлявших левое крыло «термидорианского блока» и рассчитывавших после свержения Робеспьера возглавить Революционное правительство. Теперь наступил их черед. Уже 1 сентября они вынуждены были подать в отставку. К началу октября из состава Комитета общественного спасения были выведены все, кто был в нем при Робеспьере, вплоть до «организатора победы» Лазара Карно, хотя он занимал уже довольно умеренную позицию.

Реакция, требовавшая расправы с «кровопийцами», со всеми деятелями революционной диктатуры, со всеми революционными организациями, этим не довольствовалась. Еще в сентябре – октябре 1794 г. в Париже действовали Якобинский клуб, пытавшийся влиять на термидорианский Конвент, и так называемый Электоральный клуб (собиравшийся в помещении епископства, где обычно происходили выборы – elections), объединявший деятелей революционных секций, бывших эбертистов и «бешеных», в котором очень активную роль играл Бабеф. Против них начали бесчинствовать вооруженные банды «золотой молодежи», возглавляемые членом Конвента Фрероном. Их налеты на Якобинский клуб были использованы Конвентом для запрещения деятельности этой организации (11 ноября). Вслед за ней был ликвидирован и Электоральный клуб.

В начале декабря были восстановлены в правах 78 депутатов, поддерживавших жирондистов. Реакция добилась судебного процесса против одного из деятелей Якобинского клуба, депутата Конвента Карье, который был казнен 26 фримера (16 декабря). Две недели спустя была создана комиссия для расследования деятельности «четырех» – Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Бадье. Банды «золотой молодежи» терроризовали Париж, избивали санкюлотов, требовали повсеместного исполнения нового гимна «Пробуждение народа против террористов», которым они стремились заменить «Марсельезу».

На юге страны начали возникать вооруженные отряды имени Иисуса, Иеговы, Солнца, добивавшиеся ареста и расправы с «террористами». 2 февраля 1795 г. в Лионе произошла первая расправа с заключенными в тюрьмах. За ней последовали другие акты массового белого террора. Устрашенный всеми этими выступлениями термидорианский Конвент, несмотря на свое стремление держаться более примирительной «средней» линии, принял 12 вантоза III г. (2 марта 1795 г.) решение об аресте Барера, Бийо-Варенна, Колло д’Эрбуа. «Если вы их не накажете, – угрожал один из наиболее кровожадных правых термидорианцев, бывший маркиз Ровер, – каждый француз будет иметь право их задушить». «Очистите землю от этих людоедов», – требовалось в одном из адресов, посланных тогда же в Конвент.

Политической реакции сопутствовала реакция социальная. Путем огромного напряжения сил революционной Франции удалось преодолеть опасность, нависшую над страной в 1792–1793 гг., дать отпор армиям первой коалиции и освободить территорию Франции, а также подавить внутреннюю контрреволюцию. Но эта победа была бы немыслима без известного вторжения якобинской диктатуры во всю экономическую жизнь страны. Внешняя торговля была национализирована, создана государственная военная промышленность, введены твердые цены – максимум, с помощью реквизиции всех хлебных и некоторых других продовольственных ресурсов государство снабжало армию в 1 млн. 200 тыс. человек и население городов, свобода торговли была уничтожена.

Экономическая политика термидорианского Конвента направлена была к постепенной ликвидации всех этих ограничений капиталистического накопления и хищнической спекуляции. В первые же недели после падения Робеспьера была отменена национализация внешней торговли, ликвидирована государственная военная промышленность, отменено якобинское законодательство о распродаже национальны? имуществ, создававшее льготы

для мелких покупателей.

Собственнические слои деревни, особенно ее зажиточная верхушка, сопротивлявшаяся продовольственной политике якобинцев, настойчиво требовали ее полной ликвидации. 4 нивоза III года (24 декабря 1794 г.) термидорианский Конвент отменил максимум и восстановил свободу хлебной торговли. Но это сразу привело к резкому возрастанию цен и усиленному выпуску ассигнатов. К концу 1794 г. в обращении было около 8 млрд, ассигнатов. К весне 1795 г. их число дошло до 11,5 млрд. Курс их круто снижался, а после ликвидации максимума ценность ассигнатов стала падать катастрофически. Индекс цен (если принять за 100 цены 1790 г.) головокружительно поднялся. По некоторым подсчетам, к апрелю 1795 г. он составлял 758, на продовольственные товары – 819, а в Париже поднялся даже до 900.

Чтобы не обострять недовольства санкюлотов, особенно рабочих, в столице продолжали продавать хлеб по пониженной цене. Но крестьяне, особенно зажиточные, решительно отказывались продавать хлеб за ассигнаты. Эте создавало особые трудности для продовольственного снабжения городов, особенно Парижа с его 600-тысячным населением. У хлебных лавок начинали выстраиваться «хвосты». Недостаток хлеба, невероятный рост дороговизны вызывали все большее недовольство масс. Известная пассивность, наступившая накануне и после 9 термидора, стала сменяться новым возбуждением.

Часть вожаков парижских предместий находилась в тюрьмах, но некоторые из них продолжали свою деятельность, решительно выступая против термидорианского Конвента. Очень большую роль в это время играл Гракх Бабеф и его газета «Трибун народа, или Защитник прав человека» (первые номера выходили под заголовком «Газета свободы печати»). Меньше двух месяцев длились его иллюзии, что переворот 9 термидора, устранив излишества террора, приведет к новому подъему революции. Резкие и несправедливые нападки на Робеспьера и Якобинский клуб, отличавшие первые номера его газеты, сменяются решительной критикой термидорианского Конвента. Уже через два месяца после переворота Бабеф провозгласил «великую истину: дни 9 и 10 термидора вовсе не произвели революции, они послужили только тому, чтобы лучше склепать цепи народа». Это смелое выступление Бабефа вызвало приказ о его аресте. Он вынужден был скрываться и на время прекратил издание своей газеты[91].

Но, когда два месяца спустя он получил возможность снова издавать ее, он с присущим ему мужеством и прямотой признал ошибочность своей первоначальной позиции: «Когда я одним из первых страстно выступал за то, чтобы разрушить чудовищную систему Робеспьера, я совсем не предполагал, что содействую сооружению здания, которое… будет столь пагубным для народа; я вовсе не предвидел, что моей проповедью терпимости… и полной свободы слова воспользуются для того, чтобы подорвать Республику в самом ее основании»[92].

Близкий к нуждам рабочих масс Бабеф со всей силой подчеркивал ухудшение продовольственного положения, наступившее при термидорианской реакции.

В центре всей агитации Электорального клуба он предлагал поставить вопрос о хлебе: «Часто два слова народа могут лучше выразить его желания, чем самые возвышенные речи. Пусть народ заявит: *свобода; хлеб, и хороший хлеб; все предметы первой необходимости, и в полном изобилии»* [93] (курсив наш. – *Ред.).*

В середине декабря 1794 г., накануне ликвидации максимума, Бабеф резко критиковал

---

91 «journal de la liberte de la presse», N 18, 6 vendemiaire l'an 111 (28 сентября 1794 г.).

92 «Le Tribun du peuple ou le defenseur des droits de l’homme», N 28, 28 frimaire l'an III (18 декабря 1794 г.), p. 257.

93 ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 455.

экономическую политику термидорианцев: «Огромная дороговизна… заставляет голодать бедного рабочего. Угроза прекращения работы в общественных мастерских… вынуждает опасаться еще более горького будущего. Упразднение максимума… заставит голодать класс санкюлотов»[94]. Несколько недель спустя, уже вскоре после отмены максимума, Бабеф писал, что «чудовищное возрастание цен на все предметы продовольствия сводит на нет все ресурсы рабочего класса», «рабочий народ не может больше жить»[95].

В эти тяжелые месяцы зимы 1794/95 г. Бабеф первым выступил со страстным призывом к восстанию. «Когда вы довели нас до того, что мы не можем достать ни хлеба, ни дров, ни одежды, когда вы вызвали чудовищно высокие цены, недостаток всего и лишили нас возможности найти работу… когда вы нарушили все права народа, у нас остается один священный и неприкосновенный долг… это восстание». Это «мирное восстание» Бабеф представлял себе как выступление народных масс Парижа по типу 31 мая 1793 г. – демонстрацию санкюлотов и предъявление петиции Конвенту. Над составлением этой петиции Бабеф лихорадочно работал [96].

Но открытая проповедь такого «мирного восстания» вызвала возмущение правящих кругов.

В феврале 1795 г. Бабеф был арестован и препровожден в Аррасскую тюрьму. Однако призыв к восстанию пал на благоприятную почву.

Санкюлотские предместья Парижа не были еще сломлены. Опыт победоносных выступлений 5–6 октября 1789 г., 10 августа 1792 г., 31 мая – 2 июня 1793 г. был у всех в памяти. Казалось, что достаточно будет десяткам тысяч санкюлотов с пиками окружить Конвент, чтобы добиться новой, бескровной победы. Все ухудшавшееся продовольственное положение столицы доводило народное отчаяние до предела. В начале вантоза (в феврале 1795 г.) в столице выдавалось 1,5 фунта хлеба на душу взрослого населения и 2 фунта на рабочего, «живущего тяжелым трудом». Уже 8 вантоза выдача сократилась до 1 ф. и 1,5 ф. для рабочих. Но и эту норму снабжения приходилось снижать. Еще в декабре 1794 г. запасы муки в Париже составляли около 12–15 тыс. мешков. К началу весны они резко сократились. 5 жерминаля (26 марта) на складах столицы оставалось всего 115 мешков муки[97]. Норма выдачи хлеба в некоторых секциях снизилась до полуфунта; ее приходилось дополнять и заменять небольшими порциями риса. Ночные очереди у лавок все увеличивались. Никогда еще санкюлотское население Парижа не переживало таких бедствий и нищеты.

Уже через несколько дней после отмены максимума наблюдатели парижской полиции сообщали: «Класс неимущих дает порядочным людям повод для беспокойства, они опасаются последствий этой небывалой дороговизны». К весне 1795 г. этих поводов стало неизмеримо больше – Париж стоял накануне выступлений санкюлотов, доведенных до отчаяния и возмущенных неравенством, вызывающей роскошью термидорианской буржуазии.

В Конвенте возникла группа, прозванная «Вершиной», ее члены были возмущены успехами реакции, возвращением жирондистов, перемирием, заключенным с вандейцами на чрезвычайно благоприятных для них условиях. Эта группа не могла возглавить движение санкюлотов, но она готова была к нему присоединиться.

---

[94] «Le Tribun du peuple…», N 28, 28 frimaire l'an III (18 декабря 1794 г.), P: 249.

[95] «Le Tribun du peuple…», N 29, 1 – 19 nivose l'an III (22 декабря 1794 г. – 10 января 1795 г.), p. 259, 269; N 31, 9 pluviose l'an III (30 января 1795 г.). P. 319.

[96] «Le Tribun du peuple…», N 31, p. 313, 316, 321 («Plan de l’insurrection pacifique»).

[97] *K. Tonnesson.* La defaite des sans-culottes. Mouvement populaire et reaction bourgeoise en l’an III. Oslo – Paris, 1959, p. 130.

Термидорианское большинство готовилось к борьбе. 1 жерминаля III года (21 марта 1795 г.) Конвент одобрил закон, внесенный Сиейесом, руководителем «болота» в Конвенте, вошедшим вскоре после падения Робеспьера в Комитет общественного спасения. Предвидя, какие формы примет санкюлотское движение, закон предусматривал наказание ссылкой каждого, кто будет провозглашать мятежные возгласы в помещении Конвента, и смертной казнью тех, кто «заранее будет об этом сговариваться». Если Конвент будет силой вынужден к роспуску, его члены должны будут покинуть столицу и возобновить свои заседания в Шалоне-на-Марне под охраной вооруженных сил. Термидорианцы хорошо запомнили урок 31 мая-2 июня и готовы были на все, чтобы избежать его повторения. В секциях и национальной гвардии производился тщательный отбор «порядочных граждан», из них создавались вооруженные отряды для защиты Конвента.

Сиейес. Современная гравюра

Несмотря на все эти меры предосторожности, 12 жерминаля III года (1 апреля 1795 г.) доведенные до отчаяния санкюлоты (среди них было много женщин) двинулись к Конвенту. Движение носило в основном стихийный характер: во всяком случае между секциями, принявшими в нем наиболее активное участие, не было связи; не было никакого единого центра. К помещению Конвента собралось около 10 тыс. безоружных санкюлотов. Им удалось проникнуть в здание. Представитель секции Сите Ванек – бельгийский революционер, позднее участник движения бабувистов – огласил петицию. В ней выдвигалось требование немедленного введения в действие конституции 1793 г., освобождения всех патриотов, арестованных после 9 термидора, и, самое главное, законов против голода.

Демонстранты пробыли в здании Конвента около четырех часов. Но у них не было определенного плана действия. Руководители термидорианского Конвента сохранили связь с верными ему секциями и их вооруженными отрядами. Главнокомандующим был назначен генерал Пишегрю, уже тогда вступивший в связь с монархистами, его помощниками стали термидорианские депутаты – Поль Баррас и Мерлен из Тионвилля. К вечеру буржуазные батальоны национальной гвардии окружили Конвент и очистили его здание. В ту же ночь было решено отправить на каторгу, в Кайенну, Бийо-Варенна, Колло д’Эрбуа (они там и погибли), Барера и Вадье (последний сумел скрыться). Были арестованы восемь якобинских депутатов, поддерживавших «Вершину». Аресты и преследования начались в парижских секциях, а затем и во всей стране. Усилился массовой белый террор, участились расправы с заключенными в тюрьмах.

Но неудача жерминальского выступления еще не сломила санкюлотов. Бабеф восторженно принял сообщение о восстании. Находясь в Аррасской тюрьме, он писал в проекте воззвания к «Антуанскому предместью, санкюлотам Парижа и всей Республике»: «Что я вижу! Что я узнал! Какие утешительные известия пришли ко мне, в мое заточение! Люди 14 июля, 6 октября, 10 августа и 31 мая вновь обрели себя! Бессмертный Париж! Ты воспрянул, вновь кипит твоя былая потрясающая энергия! Ты опять прибег к великолепному образу действия, который при всех кризисах приносил народу победу. О, моя темница! Даже ты имеешь свое очарование, когда сквозь сумрачное слуховое окно проникают дневные лучи, которые вновь приносят свет нашей свободы…» [98].

И Бабеф, и многочисленные политические узники в парижских тюрьмах, считая необходимым новое выступление, стремились придать ему более организованный характер. Как сообщает Буонарроти, в парижской тюрьме Плесси существовала группа во главе с Лебланом (деятелем секции Гравильеров и будущим комиссаром на Сан-Доминго) и Клодом Фике (администратором парижской полиции во время якобинской диктатуры, впоследствии бабувистом), готовившая новое восстание[99]. К нему были причастны инженер Шевалье, занимавшийся изготовлением воспламеняющихся ракет для нужд армии, впоследствии казненный Наполеоном, находившийся в тюрьме председатель Электорального клуба, один из руководителей секции Гравильеров, Креспен и др. 30 флореаля (19 мая) в Париже распространялся памфлет «Восстание народа, чтобы получить хлеб и вновь завоевать свои права» – программа будущего восстания.

Вся обстановка делала новое выступление в Париже неизбежным. После жерминаля продовольственное положение в столице продолжало ухудшаться. Со второй половины жерминаля ежедневная выдача хлеба, как правило, стала ограничиваться $^1/_2$-$^1/_4$ фунта, причем и эта норма не всегда обеспечивалась из-за сокращения подвоза и отсутствия запасов. Так как курс ассигната к апрелю 1795 г. дошел до 8 % первоначальной стоимости, цены на все предметы питания росли непрерывно. Мера картофеля, стоившая в жерминале 6 ливров, через месяц, к концу флореаля, поднялась до 28–35 ливров. В Париже начался форменный голод. Люди на улице падали от истощения. В этих условиях призыв идти к Конвенту и требовать хлеба приобретал неудержимую силу. Париж жил в напряженной обстановке надвигающегося восстания. Улицы, по словам одного участника событий, были полны «группами граждан, которые кричали, что народ умирает от голода, что нужно собираться и толпами идти к Конвенту» [100].

1 прериаля (20 мая 1795 г.) началось новое выступление. В революционных секциях ударили в набат. На этот раз к санкюлотам, окружившим Конвент, примкнули и три вооруженных батальона национальной гвардии из Сент-Антуанского предместья. К середине дня они вторглись в здание и оставались его хозяевами до позднего вечера. Все выступление шло под флагом требования «Хлеба и конституции 1793 года». Этот лозунг был на шляпах у тех, кто ворвался в Конвент. Среди них было очень много наемных рабочих. Когда позднее начались суды над участниками выступления, не менее трети обвиняемых составляли именно рабочие.

Прериальское выступление было, несомненно, более организованным, чем жерминальское. Но, окружив и захватив здание Конвента, санкюлоты проявили в дальнейшем нерешительность и беспомощность. Они не арестовали правительственные комитеты и не прекратили их деятельности, дав тем самым термидорианцам возможность

---

98 Подлинник этого воззвания пока не разыскан: выдержки из него были опубликованы в каталоге рукописей Шараве («Fichier Charavay», v. X, p. 20. – см. «Repertoire des manuscrits de Babeuf». Paris, 1965).

99 *Ф. Буонарроти.* Заговор во имя равенства, т. I. М… 1963, стр. 119.

100 *Е. В. Тарле.* Жерминаль и прериаль – Собр. соч., т. 6.

собрать свои силы. Только поздно вечером представители «Вершины» – Жильбер Ромм, Гужон, Дюруа, Субрани – потребовали освобождения всех депутатов и патриотов, арестованных после 9 термидора, выпечки единого сорта хлеба, установления непрерывности заседаний секций, ареста жирондистов и смещения комитета общей безопасности.

Но уже было поздно – Конвент был окружен вооруженными силами, поддерживавшими термидорианцев. Их руководители, по-видимому, сознательно спровоцировали «Вершину». Как только ее представители выступили в защиту восставших, уже почти в полночь, в здание были введены термидорианские батальоны, очистившие Конвент от санкюлотов. Тут же ночью принято было решение об аресте 14 депутатов-монтаньяров.

На этом борьба не закончилась. 2 прериаля снова, как и накануне, загудел набат, и опять поднялось Сент-Антуанское предместье. Санкюлоты выступили, надеясь, что, как и в 1793 г., вслед за относительной неудачей 31 мая наступит победа 2 июня. В их руках оказалось здание парижского муниципалитета, и Конвент вновь был окружен. Но делегация, высланная им навстречу, дала ряд обещаний и сумела умиротворить санкюлотов. Вооруженного столкновения удалось избежать. Все эти колебания и промедление оказались роковыми. Еще 1 и 2 прериаля перевес сил был на стороне восставших. Но на третий день положение изменилось. Термидорианцы впервые после 1789 г. нарушили запрещение вводить в столицу армию. В Париж был вызван сперва отряд конных егерей, которым командовал капитан Мюрат – будущий наполеоновский маршал и неаполитанский король. За ним последовали и другие кавалерийские части. Главной же вооруженной опорой термидорианцев явились заранее подобранные отряды национальной гвардии. «Мы обязаны нашим спасением, – писал тогда же Ровер, – только энергии добрых граждан, отобранных по одному в каждой секции. Если бы мы не отстранили чернь, мы погибли бы… Мы обратились к честным гражданам *имеющим состояние, которое им нужно было оберегать* (курсив наш. – *Ред.)*. Мы призвали их из каждой секции и сразу же обрели армию в 50 тыс человек, которые вместе с вызванной кавалерией спасли нас»[101].

Но Сент-Антуанское предместье продолжало еще угрожать. 3 прериаля восставшим удалось освободить нескольких арестованных, обвинявшихся в убийстве термидорианского депутата Феро, и привести их в предместье. Это было использовано как предлог для оправдания вооруженного вторжения. Правда, первая попытка утром 4 прериаля занять предместье потерпела полную неудачу. Санкюлотские батальоны национальной гвардии вернули себе пушки, которые у них были отняты. Но тогда к предместью стянуты были десятки тысяч национальных гвардейцев и солдат. Было предъявлено ультимативное требование выдачи «убийц Феро» и возвращения пушек. В противном случае термидорианцы угрожали прекращением выдачи хлеба и вооруженной расправой. Перед лицом явного неравенства сил предместье капитулировало. Сейчас же вслед за этим началось его поголовное разоружение. Так, впервые за годы революции выступление парижских предместий потерпело полную неудачу, и санкюлоты оказались разоруженными. Эта неудача вслед за поражением в термидоре ускорила развязку и привела вскоре к падению Первой республики.

Волна белого террора, последовавшая за этим выступлением парижских санкюлотов, была еще более сильной, чем в жерминале. Приступили к действию военные суды. По их приговору были осуждены на смертную казнь шесть депутатов-якобинцев, выступивших в Конвенте 1 прериаля, Ромм, Дюруа, Гужон, Бурботт, Дюкенуа, Субрани. После оглашения приговора они покончили с собой, передавая друг другу кинжал. Так погибли «последние монтаньяры», «мученики прериаля», память о которых сохранилась надолго. Были

---

101 «Correspondance intime du conventionnel Rovere avec Goupilleau de Montaigu en mission dans le midi apres la Terreur». Nimes, 1908, p. 184.

арестованы и десятки других якобинских депутатов, в том числе бывший член комитета общей безопасности, знаменитый художник Давид, вскоре, правда, освобожденный и ставший впоследствии придворным живописцем Наполеона. Не дожидаясь ареста, покончили с собой якобинские депутаты Рюль и Мор.

Одновременно и в столице, и по всей стране начались массовые аресты всех «принимавших участие в ужасах тирании, предшествовавшей 9 термидора», т. е. деятелей якобинской диктатуры, участников «гнусных революционных комитетов». После прериаля в тюрьмах находилось около 25–30 тыс. заключенных. С «террористами», находившимися в тюрьмах Лиона, Гавра, Нанта, Тулузы и т. д., беспощадно расправлялись. «Повсюду убивают», – признавался один из депутатов-термидорианцев.

В стране подняли голову монархисты – сторонники реставрации Бурбонов. Чрезвычайно оживилась деятельность агентов находившихся в эмиграции принцев – братьев Людовика XVI. Вновь ожило контрреволюционное движение в Вандее и на северо-западе Франции.

Наиболее крайние монархисты полагали, что наступил момент для решительного выступления. Одному из их руководителей, Пюизе, удалось уговорить Питта снарядить флотилию для высадки вооруженных сил эмигрантов на побережье Франции, в расчете на то, что этот десант явится сигналом для массового контрреволюционного восстания. 9 мессидора III года (27 июня 1795 г.) английский флот высадил на полуострове Киберон свыше тысячи эмигрантов. К ним сейчас же присоединились несколько тысяч шуанов, заранее оповещенных о предстоящей операции.

Но правительству, благодаря счастливой случайности, удалось перехватить сообщение о времени и месте высадки. В районе Киберона заранее были сосредоточены войска во главе с одним из самых блестящих революционных генералов, Лазаром Гошем. Высадившиеся сразу попали в кольцо, и их попытки прорваться оказались безнадежными. К тому же в их руководстве начались жестокие распри [102]. Только части эмигрантов удалось в конце концов вернуться на английских судах. Несколько тысяч были взяты в плен, и 718 эмигрантов, захваченных в английской форме, были расстреляны как изменники родины.

Киберонская экспедиция еще раз показала тесную зависимость монархистов от иностранных интервентов, прежде всего от Англии. В сохранившемся рукописном дневнике одного очень умеренного современника запись об этом монархистском выступлении гласит: «Такова была эта роковая экспедиция, позорная для Англии; еще и сегодня название Киберон не может быть произнесено без ужаса и содрогания… Всеобщий крик негодования поднялся против беспощадной Англии» [103].

Усиление монархистской опасности, высадка в Кибероне вынудили большинство термидорианского Конвента, остававшегося на позициях буржуазного республиканизма, к некоторому сдвигу влево. В глазах роялистов термидорианцы, в своем подавляющем большинстве голосовавшие за смертную казнь Людовика XVI, оставались «цареубийцами», с которыми надлежало расправиться в случае реставрации Бурбонов. Тёрмидорианцы оказывались, таким образом, между двух огней. Отличительной чертой их политики являлись поэтому зигзаги то вправо, то влево. Это отразилось на принятой Конвентом 5 фруктидора (22 августа 1795 г.) конституции III года.

Хотя конституция 1793 г. – самая демократическая конституция из всех, которые знала Франция до 1945 г., – не проводилась в жизнь, она, как мы видели на примере жерминальского и прериальского выступлений, пользовалась большой популярностью в массах. Посягнуть на нее термидорианцы решились только в конце жерминаля, после

---

[102] См. *M. Hutt.* Puisaye d'apres Ies archives anglaises. – «Annales historiques de la Revolution francaise», 1964, N 175.

[103] ЦПА ИМЛ, Ф. 320, ед. хр. 69/74.

подавления первого выступления санкюлотов. Новая конституция представляла большой шаг назад по сравнению с 1793 г. Из нее была исключена знаменитая статья Декларации прав человека и гражданина – «все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Вычеркнута была также важнейшая статья о том, что «целью общества является общее благосостояние». Вся конституция проникнута была стремлением обеспечить безраздельное господство собственников. «Вы должны гарантировать, наконец, собственность богача, – заявил докладчик комиссии по пересмотру конституции Буасси д'Англа. – Страна, управляемая собственниками, находится в цивилизованном состоянии; если же в стране властвуют не имеющие собственности, она находится в первобытном состоянии»[104]. Поэтому в одной из основных статей конституции было закреплено положение, что «обработка земель, все производство, весь общественный порядок покоится на сохранении собственности».

«750 давят меня». (750 – Совет пятисот и Совет старейшин). Современная гравюра

Конституция 1795 г. отменила важнейшее завоевание революции – всеобщее избирательное право. Она восстанавливала ценз. Правда, для участия в первичных собраниях он был невысок – требовалось проживать в течение года на одном месте и уплачивать хоть какой-нибудь налог. Но для выборщиков, от которых зависело назначение депутатов, имущественный ценз был установлен очень высокий: наличие имущества, приносящего доход не меньше чем оплата 200 рабочих дней, наем помещения, за которое платили не менее чем оплата 150 рабочих дней, или земельная собственность со значительным доходом. В руках 30 000 выборщиков, этих подлинных буржуазных «нотаблей», и сосредоточивалась фактически политическая власть. Для самих депутатов устанавливался только возрастной ценз.

Близкая вообще по своим принципам к конституции 1791 г., новая конституция сохраняла, однако, республику, но вводила – на что не решились буржуазные либералы из Учредительного собрания – двухпалатную систему: Совет старейшин (из 250 депутатов не моложе 40 лет) и Совет пятисот (из 500 депутатов не моложе 30 лет). Утверждение законов являлось прерогативой Совета старейшин, инициатива же подготовки законопроектов принадлежала первой палате. Верховная власть вверялась Директории из пяти человек, назначаемой Советом старейшин из списка кандидатов, предлагавшегося Советом пятисот.

---

104 A. Soboui. Precis d’histoire de la Revolution francaise. Paris, 1962, p. 380.

Конституцию III года характеризовало недоверие к исполнительной власти, страх перед длительным сохранением власти в одних руках. Ежегодно подлежал смене один из пяти членов директории. Директория могла общаться с советами пятисот и старейшин только путем письменных посланий.

Боязнью термидорианцев утратить власть продиктованы были и два декрета (5 и 13 фруктидора III г. – 22 и 30 августа 1795 г.), по которым в составе новых законодательных органов должно было оказаться не менее $^2/_3$ бывших членов Конвента. Декретом предусматривалось, что если на выборах такое количество термидорианцев не пройдет, то переизбранные члены Конвента соберутся отдельно в качестве «избирательного собрания Франции» и доизберут недостающее до $^2/_3$ количество.

Это стремление термидорианцев во что бы то ни стало удержаться у власти вызвало явное недовольство в стране. В правых кругах надеялись, что новые выборы принесут монархистам большинство в палатах, но декреты Конвента делали это невозможным. Хотя референдум (при очень большом количестве воздержавшихся от голосования) одобрил конституцию, против декретов, голосовавшихся отдельно, выявилась большая оппозиция. В Париже большинство буржуазных секций провалило их.

В столице усилилась деятельность монархических элементов, подготовлявших контрреволюционный переворот и разгон Конвента. Подавление движений в жерминале и прериале вызвало в народных массах известную апатию, во всяком случае безразличие к судьбам термидорианского Конвента, и это повышало шансы такого переворота.

Мятеж вспыхнул 13 вандемьера III года (5 октября 1795 г.). Против Конвента выступило почти 20 тыс. вооруженных секционеров. Положение осложнилось тем, что командующий вооруженными силами Конвента генерал Мену держался чрезвычайно примирительный политики по отношению к восставшим. Термидорианцам приходилось искать поддержку слева. Были срочно сформированы три батальона «патриотов 1789 г.» Угроза, нависшая над республикой, сразу всколыхнула демократов, в частности тех, кто находился в тюрьмах. Сохранились записи активного робеспьериста Марка-Антуана Жюльена, находившегося в это время в парижской тюрьме Плесси: «Весь день в Париже бил набат; под вечер стали слышны пушки; издалека доносился шум сражения. Вдруг наступила страшная тишина. Приближалась ночь. Гудел набат… Мрачное и глубокое беспокойство заметно было на лицах заключенных».

В тюрьме Плесси находились в то время Бабеф (переведенный вновь в Париж из Аррасской тюрьмы), Буонарроти, К. Фике (один из организаторов прериальского восстания) и др. Несмотря на их справедливое возмущение политикой термидорианского Конвента, они готовы были в этот решающий для судеб республики момент принять непосредственное участие в вооруженной борьбе на стороне Конвента против участников монархического мятежа. Эта верность республике, готовность жертвовать за нее жизнью и в дальнейшем будет, как мы увидим, отличительной чертой французских демократов.

Сохранилось написанное рукой Бабефа обращение заключенных тюрьмы Плесси, требовавших своего хотя бы временного освобождения для участия в вооруженной борьбе против мятежников: «…мы слышим призыв набата, и мы вправе испытывать живейшую тревогу в момент, когда решается, возможно, судьба и национального представительства, и Республики… Если Конвент находится под угрозой, они готовы соорудить вокруг него защитный вал из своих тел, чтобы сражаться, умереть или победить рядом с народными представителями… Вместо того чтобы жертвовать нами в угоду подлой мести королевской партии, предоставьте нам возможность пролить кровь за отечество, перед которым мы всегда преклоняемся; доверьтесь нашей республиканской честности, обязательству вернуться в оковы после победы, которое мы на себя принимаем…»[105]

Правительство не использовало этого предложения. К тому времени оно вновь стало

[105] ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 802 и 805.

хозяином положения. Термидорианцы поставили во главе своих вооруженных сил Барраса, который привлек ряд генералов-республиканцев, бывшего кордельера Брюна, Карто и др., а главное, Наполеона Бонапарта, который из-за своих робеспьеристских симпатий был отстранен от всякой активной военной деятельности и должен был довольствоваться ничтожной должностью в картографическом бюро генерального штаба.

13 вандемьера Бонапарт обнаружил ту же энергию и инициативу, которые выдвинули его на первое место и при осаде Тулона. По его распоряжению Мюрат, уже проявивший себя в прериале, молниеносно доставил орудия из военного лагеря вблизи Парижа. Опираясь на перевес в артиллерии, Наполеон окружил мятежников и под угрозой пушек заставил их сдаться. Это подавление мятежа снова вернуло Бонапарта на авансцену. Баррас добился его назначения командующим «внутренней армией», т. е. парижским гарнизоном. «Генерал 13 вандемьера», как прозвали теперь Бонапарта, приобрел, благодаря расправе с монархистами, большую популярность среди республиканцев.

Через три недели после подавления мятежа термидорианский Конвент закончил свое существование. 4 брюмера IV года (26 октября 1795 г.) на последнем заседании была провозглашена амнистия по всем делам, «связанным с революцией». Она распространилась на десятки тысяч «террористов», заключенных в тюрьмы после 9 термидора. Все они, в том числе и Бабеф, были освобождены.

Термидорианский Конвент оставлял сложное и трудное наследство. Народные массы, так горячо поддерживавшие республику, имели все основания быть недовольными термидорианской политикой, обрекшей их на невиданные страдания. Но термидорианцы имели сильных противников и справа в лице монархистов. [106]

Бонапарт – генерал внутренней армии. По Герену

Умеренные круги буржуазии склонялись на их сторону. Республика вступала в полосу неустойчивости и политических кризисов, приведших к ее крушению.

Не менее сложно было и международное положение Франции. Правда, термидорианцам удалось пожать плоды героических усилий якобинской диктатуры, всей блестящей деятельности робеспьеристского Комитета общественного спасения. После победы под Флерюсом (26 июня 1794 г.) территория Франции была окончательно освобождена, и все дальнейшие военные операции велись за ее рубежами.

Летом 1794 г. французские войска заняли всю Бельгию, а к декабрю и Голландию. В январе 1795 г. на ее территории образовалась Батавская республика, первая из «дочерних

[106] L'Esprit, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 802 и 805.

республик», возникших под влиянием французской революции. Армии Конвента заняли территории и ряда немецких курфюршеств на левом берегу Рейна. Французская армия наступала и на юге. Перейдя Пиренеи, она заняла некоторые испанские провинции.

Положение Франции значительно улучшилось и благодаря тому, что войска держав, входивших в состав первой коалиции – Пруссии и Австрии, – все больше отвлекались на восток, к Польше. В марте 1794 г. здесь вспыхнуло героическое восстание, возглавленное Тадеушем Костюшко Это вынудило пруссаков перебросить с Рейна на Вислу значительную часть своих сил. Опасаясь, что новый, третий раздел Польши будет проведен только между Россией и Австрией, прусский король Фридрих-Вильгельм II продолжал держать свои войска на территории Польши и вступил с Францией в переговоры о сепаратном мире. После третьего раздела Польши (январь 1795 г.) он подписал в отместку своим союзникам в апреле 1795 г. в Базеле мир с Францией. Секретными статьями этого договора предусматривалось, что в случае, если Германский союз уступит Франции владения по левому берегу Рейна, Пруссия за определенные территориальные компенсации не будет против этого возражать.

Так был поставлен вопрос об «естественных границах» Франции – левый берег Рейна, Пиренейские горы и Атлантический океан. Большинство термидорианцев, в особенности вновь избранные члены Комитета общественного спасения Сиейес и Рёбель, настаивали на этих «естественных границах». 9 вандемьера (1 октября 1795 г.) Конвент провозгласил присоединение к Франции всей Бельгии, из которой составились девять новых департаментов.

Вслед за Базельским миром с Пруссией был заключен (27 флореаля-16 мая) договор и с Голландией, по которому Франция получила некоторые территории, право размещения на голландской территории 25-тысячного оккупационного корпуса и контрибуцию в 100 тыс. флоринов. Война начинала приносить буржуазной Франции прямые выгоды. В июле того же года был подписан мирный договор с Испанией, уступившей Франции испанскую часть о-ва Сан-Доминго; год спустя (август 1796 г.) с ней был заключен и договор о военном союзе (глава испанского правительства Годой получил за это даже титул «князя мира»).

Но все эти дипломатические успехи не могли привести к прекращению военных действий. Став на точку зрения продолжения войны до обеспечения «естественных границ», термидорианцы делали тем самым невозможным заключение мира, так как Австрия и Англия категорически противились присоединению к республике Бельгии и немецкой территории до левого берега Рейна. Несмотря на примирение с Пруссией и Испанией, война продолжалась. Обеспечить стране мир дипломатическим путем термидорианцы оказывались неспособными.

Директория

Термидорианцам удалось, таким образом, сохранить власть в своих руках. Правда, на выборах 1795 г. прошло только 379 бывших члена Конвента, и притом из числа наиболее умеренных. Но предусмотренное декретами «избирательное собрание Франции» из уже переизбранных термидорианцев пополнило их число, и в новых законодательных органах из 750 членов оказалось вновь 511 членов бывшего Конвента-«постоянных», как их стали иронически называть. Однако вновь избранная треть депутатов состояла почти исключительно из монархистов различных оттенков.

В состав первой Директории (1795–1797 гг.) вошли исключительно бывшие члены термидорианского Конвента, все «цареубийцы», голосовавшие за казнь Людовика XVI, в том числе бывший жирондист, довольно умеренный республиканец, хотя и последовательный антиклерикал Ларевельер-Лепо и Рёбель, наиболее способный из всех членов Директории, руководитель ее внешней политики, сторонник политики «естественных границ» После отказа Сиейеса в Директорию избран был также бывший член робеспьеристского Комитета общественного спасения Лазар Карно, очень, однако, поправевший; за ним послушно следовал другой термидорианец – Летурнер, совершенно бесцветная фигура. Бессменным

членом Директории, вплоть до ее падения (.1799 г.) был Поль Баррас, «воплощавший в себе все пороки старого и нового общества, лишенный всяких моральных устоев, циник, искавший власти только ради денег и связанных с ними удовольствий… готовый продаться кому угодно и заботившийся только о личных интересах»[107]. Один из организаторов термидорианского переворота, руководитель военных сил в Париже и 9 термидора, и в прериале, и 13 вандемьера, Баррас казался термидорианской буржуазии столь необходимым ей «сильным человеком». Дальнейшие события показали всю неосновательность этого мнения.

Продолжавшая в основном линию термидорианского Конвента, Директория на первых порах проводила политику известного крена влево, отличавшую деятельность Конвента в последние недели его существования, после подавления мятежа 13 вандемьера. Результаты выборов трети депутатов встревожили термидорианцев. Выдвинуто было предложение об аннулировании выборов. Но на это термидорианцы не решились. Конвент ограничился принятием на своем предпоследнем заседании 3 брюмера декрета, предусматривавшего ряд мер против угрозы монархической реставрации. Все лица, связанные с эмигрантами, все их родственники лишались права занимать общественные должности. Число эмигрантов составляло около 120 тыс. человек, и эта мера коснулась, таким образом, довольно значительной группы населения. Предусматривалось также усиление репрессий против контрреволюционного духовенства, «неприсягнувших» священников и т. д.

Одновременно Директория попыталась привлечь на свою сторону некоторых якобинцев (например Фуше) путем предоставления им должностей, субсидирования левых газет. С ноября 1795 г. в Париже была разрешена деятельность Общества друзей республики, собиравшегося в здании Пантеона и привлекшего около 9 тыс. членов. Среди деятелей этого клуба, наряду со сторонниками Директории, был освобожденный по амнистии Филипп Буонарроти, убежденный робеспьерист, ставший в тюрьме ближайшим единомышленником Бабефа, и другие активные демократы. Однако вся экономическая и социальная политика правительства, целиком определявшаяся интересами новой буржуазии – финансистов, банкиров, военных поставщиков, приобретателей национальных имуществ, спекулянтов, скупщиков, – очень быстро положила предел этой попытке «объединения республиканцев» вокруг Директории.

Усиленная инфляция, выгодная буржуазии, проводилась чрезвычайно последовательно. К концу существования термидорианского Конвента в обращении находилось свыше 10 млрд, ассигнатов. За первые четыре месяца пребывания у власти Директории количество ассигнатов выросло почти до 39 млрд. К. Маркс обратил внимание на то, что в эти месяцы ассигнаты выпускались по преимуществу крупными купюрами. Было выпущено более 7 млрд. ассигнатов купюрами по 10 тыс., 11 млрд. – по 2 тыс., около 6 млрд. – по 1 тыс. фр. и только 1,7 млрд ассигнатов меньше чем по 100 фр. Эта «лавина эмиссии крупными купюрами» осуществлялась в интересах «банкиров и военных поставщиков… За восемь месяцев ассигнаты потеряли около 90 %… Так подготовлялось банкротство… Стоявшие у власти сами хотели покончить с ассигнатами»[108].

Эта сознательно проводившаяся политика усиленной инфляции вызывала страшную дороговизну и невероятно обострила нужду масс, особенно в столице. «Могу ли я медлить, – писал Бабеф в своем „Трибуне народа“, издание которого он возобновил через месяц после своего освобождения, – когда я не ел вот уже 48 часов? Когда утром я не знаю, не придется ли мне продать последнюю пару брюк, уже изношенную старую одежду, или худое одеяло, или все вместе взятое, чтобы раздобыть огромную сумму, необходимую для того, чтобы

---

107 *A. Mathiez.* Le Directoire. Paris, 1933, p. 45.

108 ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп 1. ел. хр. 3920, стр. 19 (конспект Маркса книги: С. *Avenel.* Lundis revolutionnaires. Paris, 1875).

обеспечить пропитание на один день»[109].

Правда, Директория сохраняла выдачу хлеба в столице по пониженным ценам. Но в связи с полным обесценением ассигнатов крестьяне упорно отказывались продавать зерно за бумажные деньги, подвоз хлеба все сокращался, и выдача хлеба доходила до 2 унций. Хлеб приходилось поэтому докупать на черном рынке. Между тем рост цен продолжался. «Люди страдают от недостатка во всем, – с отчаянием писал Бабеф, – нет хлеба, нет дров, нет обуви, нет одежды, нет даже самого убогого ложа – все, до последней койки, продано»[110]. Царит «ужасающий голод», «трудящийся, рабочий народ разорен спекулянтами и плутами»[111].

К весне 1796 г. ассигнаты были совершенно обесценены. 28 вантоза IV г. (18 марта 1796 г.) Директория прекратила их выпуск. Была создана новая система бумажных денег – так называемые «территориальные мандаты», обеспеченные все теми же национальными имуществами, в том числе и новыми владениями, конфискованными у церкви в Бельгии. «Мандаты» были выпущены первоначально в количестве 2 млрд. 400 млн.; они могли обмениваться на ассигнаты, причем курс, установленный для обмена, с самого же начала был установлен чрезвычайно выгодный для спекулянтов, для владельцев крупных купюр. «Мандаты» в свою очередь обесценились в невероятно короткий срок. Уже в апреле их курс составлял всего лишь около 20 %, а в июле их отказывались принимать в обращение; к сентябрю «мандат» был совершенно обесценен.

Но эта операция оказалась источником огромного обогащения для термидорианской буржуазии. «Мандаты» принимались в уплату за национальные имущества, которые продавались теперь уже без всяких аукционов. Крупные покупатели, обогатившиеся сперва на выгодном обмене ассигнатов на «мандаты», расплачивались теперь за свои приобретения обесцененными мандатами и извлекали из этих операций колоссальные выгоды. «В IV году, – писал Маркс в своем конспекте книги Авенеля, – начата была кампания мандатов, которую вели еще быстрее, чем Бонапарт итальянский поход. Чтобы покончить с ассигнатами, потребовалось восемь месяцев; кредит новых денег исчерпали за 4 месяца с тем, чтобы приобрести имущества эмигрантов за самую низкую цену». Кроме вновь конфискованных имуществ в Бельгии, тогда были распроданы большие участки лесов и бывшие королевские резиденции в Сен-Клу, Венсене, Сен-Жермене, Рамбуйе – «короли финансов становились хозяевами замков прежней монархии»[112].

Нужда народных масс с введением «мандатов» только возросла. Возникли три цены – на ассигнаты, на «мандаты» и на звонкую монету, бывшую тогда еще чрезвычайной редкостью. «Забастовка» имущих слоев деревни продолжалась. Подвоз хлеба в города, особенно в Париж, все сокращался, выдача дешевого хлеба уменьшалась. В этой обстановке инфляции, страшной дороговизны, «голода среди изобилия» и возник знаменитый «Заговор во имя равенства», возглавленный Гракхом Бабефом.

Коммунистические взгляды Бабефа, складывавшиеся еще до революции, достигли к тому времени полной ясности. Если в первые годы революции Бабеф считал несвоевременным выступать с открытым забралом, то после жерминаля и прериаля он полагал, что только смелая программа «совершенного равенства» может вывести массы из господствовавшего после поражений состояния апатии, безразличия, полного упадка политической инициативы.

Уже в Аррасской тюрьме, весной 1795 г., он составил проект «Манифеста плебеев». Он

---

109 «Le Tribun du peuple…», N 35, 9 frimaire l'an IV (29 ноября 1795 г.), p. 76.

110 «Le Tribun du peuple…», N 37, 30 frimaire l'an IV (21 декабря 1795 г.)t p 141.

111 «Le Tribun du peuple…», N 41, 10 germinal l'an IV (30 января 1796 г.), P 272.

112 ЦПА ИМЛ, ф. 1, он. 1, ед. хр. 3920, с. 21, 22.

опубликовал его почти тотчас же после освобождения, в 35-м номере «Трибуна народа». «Народ! Пробудись, – заканчивался „Манифест“, – выйди из своего оцепенения… Пусть это произведение станет молнией, которая оживит, возродит всех преисполненных когда-то жаром и мужеством… Пусть народ узнает подлинную идею равенства… пусть развернется борьба вокруг этого знаменитого завета подлинного равенства и отрицания собственности. Пусть будут низвергнуты все старые, варварские учреждения. Пойдем смело к равенству. Пусть будет видна нам цель общества, пусть будет видно общее благоденствие»[113].

Бабеф Гравюра Перонара

Для осуществления этого подлинного равенства Бабеф предлагал уничтожить частную собственность, обязать каждого человека сдавать все продукты его труда в натуре на общие склады; установить администрацию продовольствия, которая, учитывая всех граждан и все ресурсы, будет распределять их на основе самого строгого равенства[114]. Эта программа отличалась примитивным и грубоватым уравнительством, но она была первой попыткой связать коммунистический идеал с революционной борьбой широких народных масс. Коммунизм переставал быть отвлеченной книжной теорией, какой он был для Мабли и Морелли, – впервые в истории коммунистическая идея становилась знаменем революции.

Ядро будущего «заговора» сложилось еще в 1795 г., в Аррасской и парижских тюрьмах. В число заговорщиков входили члены Совета Парижской коммуны после 10 августа, Центрального комитета, готовившего восстания 31 мая – 2 июня, деятели наблюдательных комитетов, революционных трибуналов, администраторы революционной полиции, участники жерминаля и прериаля. Наряду с бывшими эбертистами и «бешеными» в движении участвовали и робеспьеристы, такие как Филипп Буонарроти, Александр Дарте (один из виднейших деятелей якобинской диктатуры в департаменте Па-де-Кале, ближайший сподвижник казненного после 9 термидора члена Конвента Ж. Лебона), Шарль Жермен, Ф.

113 «Le Tribun du peuple..», N 35, 9 friuiaire I an IV (29 ноября 1795 г.), p. 106–107.

114 Ibidem.

Лепелетье, сделавшие свои выводы из уроков революции и, в значительной мере под влиянием пропаганды Бабефа, перешедшие от мелкобуржуазного эгалитаризма к коммунизму.

Освобожденные из тюрьмы после амнистии 4 брюмера, будущие бабувисты широко использовали клуб Пантеона, где они постепенно завоевали решающее влияние. Директория приняла тогда решение о закрытии клуба, и эта операция была осуществлена Бонапартом как командующим «внутренней армией» (7 вантоза IV г. – 24 февраля 1796 г.). Пять дней спустя Бонапарт был поставлен во главе армии, предназначенной для военных действий в Италии.

Лишенные легальных возможностей, бабувисты создали тайную организацию. 10 жерминаля IV г. (30 марта 1796 г.) был создан повстанческий комитет, в состав которого вошли Бабеф, Буоиарро-ти, Дарте, Антонелль (бывший член Законодательного собрания, при якобинской диктатуре – член парижского революционного трибунала), Сильвен Марешаль (известный атеист, активный деятель революции, один из редакторов «Парижских революций»), Феликс Аепелетье, брат убитого члена Конвента, знаменитого Мишеля Лепелетье.

Комитет развил лихорадочную деятельность для подготовки вооруженного восстания и свержения Директории. Париж был разбит на 12 округов, во главе каждого из них стоял «тайный агент» из среды виднейших деятелей парижских секций. Одним из руководителей военной организации стал Жан Россиньоль, рабочий-ювелир, первый генерал-плебей, одно время стоявший во главе всех армий, действовавших в Вандее.

Параллельно с созданием повстанческого комитета в Париже оживилась деятельность уцелевших левых членов Конвента, из числа тех 68 якобинцев, которых термидорианцы лишили права быть переизбранными. Среди них видную роль играли Друэ, в 1791 г. арестовавший в Варение Людовика XVI во время его бегства, Вадье и Амар, бывшие руководители комитета общей безопасности, и др. Между обоими центрами начались переговоры о совместном выступлении. Якобинцы полагали, что в случае победы восстания власть должна перейти в их руки. Бабувисты, ставившие целью уничтожение частной собственности и осуществление «подлинного равенства» и считавшие, что якобинцы не способны решить такую задачу, добивались создания подлинной революционной диктатуры. Это признание необходимости революционной диктатуры для осуществления коммунистического преобразования общества было крупнейшей исторической заслугой бабувистов, при всем утопизме и грубо уравнительном характере их взглядов.

В конце концов между бабувистами и якобинцами было достигнуто соглашение. Бабувисты выработали «акт о восстании», в котором предусматривался и план восстания, и определенные экономические меры в случае его успеха – реквизиция пекарен, раздача хлеба, конфискация имуществ контрреволюционеров, вселение бедноты в их дома, возвращение вещей из ломбардов. Власть должна была перейти в руки нового собрания – по одному депутату от каждого департамента, но эти кандидатуры должны были выдвигаться повстанческим комитетом.

В Париже, где как раз в этот момент началось введение «мандатов», пропаганда бабувистов встречала сочувственный отклик «Я поджидаю их у мандатов», т. е. в момент получения заработной платы, – писал Моруа, один из «тайных агентов» наиболее плебейского Сент-Антуанского предместья[115]. Инфляция, бешеная дороговизна болезненно затрагивали и средние слои населения, армию, даже ее офицерский состав[116]. В столице

115 Archives Nationales, XV 560-X (по фотокопии в ЦПА ИМЛ); см. также «Copie des pieces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation». Paris, frimaire-nivose an V («Наш округ состоит только из рабочего класса, наиболее драгоценного для общества». – Там же).

116 «Нет ничего более грустного, чем жизнь военных, – писал в „Трибуне народа“ капитан саперов из западной армии. – Им отказывают в приеме ассигнатов и не хватает звонкой монеты даже для покупки табака» («Le Tribun du peuple…», N 40, 5 ventose l'an IV (24 февраля 1796 г.), p. 251–252.

начались волнения, затронувшие «полицейский легион», где бабувисты имели связи. «Тайные агенты», руководимые Бабефом и Буонарроти, составили списки бывших канониров, участников прежних революционных выступлений 10 августа и 31 мая, на которых можно положиться в случае нового восстания. Кое-какие связи бабувисты имели и в провинции. Об известном росте их влияния говорит и позиция Барраса, наиболее гибкого из всех членов Директории, вступившего в переговоры с некоторыми известными ему бабувистами.

Но большинство Директории, руководимое тогда Карно, держалось твердой позиции. 27 жерминаля (16 апреля 1796 г.) принят был закон, угрожавший смертной казнью за призывы к восстановлению монархии или конституции 1793 г., к грабежу или «разделу собственности под именем аграрного закона». Через несколько дней после этого был распущен полицейский легион.

Среди деятелей бабувистской организации оказался предатель – офицер Гризель, сообщивший Карно все сведения о подготовке восстания. 21 флореаля (10 мая 1796 г.) были арестованы Бабеф и Буонарроти, а вслед за ними все деятели движения, в том числе и Друэ (позднее ему удалось бежать, при явном содействии Барраса). Директория попыталась восстановить против «флореалистов», «анархистов», «кровопийц», «раздельщиков», и «грабителей» всю имущую Францию. Ее поддерживала буржуазная печать. «Если бы Бабефу удалось низвергнуть Директорию, – писала газета „Друг законов“, – то под именем первого трибуна он заставил бы удушить и своих врагов, и своих единомышленников»[117].

В железных клетках обвиняемые были перевезены в небольшой городок Ван дом. Их судил специально созданный Верховный суд. Процесс, начавшийся в феврале 1797 г., продолжался три месяца. Подсудимые, в особенности Бабеф, держались чрезвычайно мужественно. 26 мая 1797 г. был объявлен приговор. Бабеф и Дарте были присуждены к смертной казни; семь человек, в том числе Буонарроти, к каторжной ссылке. Бабеф и Дарте пытались покончить с собой в зале заседания. Казнь состоялась ночью. По сообщению одного из бабувистов, Таффуро, труп Бабефа уже после казни был обезглавлен.

Парижские предместья, обескровленные после жерминаля и прериаля, не поднялись в защиту бабувистов. В сентябре 1796 г. уцелевшие участники движения предприняли попытку поднять войска, расположенные в Гренельском лагере, в пригороде Парижа. Но эта попытка была в значительной мере спровоцирована самой Директорией, заранее предупрежденной о выступлении. Из 131 арестованных 30 было расстреляно военным судом, в том числе 3 бывших члена Конвента.

Вслед за подавлением «Заговора во имя равенства» (так назвал его в своей книге, вышедшей в 1828 г., Филипп Буонарроти) в политике Директории начался резкий крен вправо.

* * *

После заключения мира с Пруссией и Испанией в составе первой коалиции остались только две державы, продолжавшие войну, – Англия и Австрия. Нанести удар Англии республика была не в состоянии; чтобы добиться мира, оставалось сломить Австрию. Весной 1796 г. предполагалось, что с этой целью будут развернуты операции на Рейне и Дунае. Но назначение Бонапарта командующим итальянской армией смешало все карты.

Как раз в те недели, когда пропаганда «равных» достигла своего кульминационного пункта, начались действия итальянской армии в Италии. Она была немногочисленной, всего 38 тыс. солдат, противостоящих почти вдвое более многочисленным армиям австрийцев и пьемонтцев.

---

[117] Цит. по записи, сделанной самим Бабефом в Вандомской тюрьме (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 473-«Ami des loix». 24 pluviose l'an IV).

Итальянский поход был, несомненно, одной из интереснейших военных операций. В нем со всем блеском сказался военный гений Наполеона. Все качества, присущие ему как полководцу, – стремительность, сила натиска, умение моментально охватить все особенности обстановки, способность почти безошибочно находить наиболее уязвимый пункт для нанесения молниеносного удара противнику, – великолепно проявились в этой первой его самостоятельной кампании[118].

Бонапарту удалось прежде всего отделить пьемонтские войска от австрийских и разгромить их. 12 апреля под Монтенотте пьемонтцам было нанесено первое поражение, затем – два других. Уже 28 апреля было подписано перемирие, а 15 мая заключен мир с Пьемонтом. Вслед за этим наступил черед австрийцев.

10 мая 1796 г. австрийская армия под Лоди потерпела сокрушительное поражение. Эта победа впервые вскружила голову Бонапарту. «В этот вечер, – вспоминал он на о-ве Святой Елены, – я почувствовал себя не просто генералом, но человеком, призванным влиять на судьбу народа»[119].

Вслед за победой под Лоди французская армия вступила 14 мая в Милан – столицу австрийской Ломбардии. Австрийскому командованию пришлось перебросить в Италию новые силы, чтобы остановить натиск французов и освободить блокированную крепость Мантую, где была окружена большая австрийская армия. Но одна за другой – под Кастильоне (15 августа), Арколе (15–17 ноября), Риволи (14 января 1797 г.) – следовали новые победы французской армии. 2 февраля капитулировала Мантуя – важнейший стратегический узел в северной Италии. В апреле 1797 г. в Леобене было заключено перемирие. Первый итальянский поход Бонапарта завершился блистательным успехом.

Но этот успех вызвал и первые серьезные трения между Наполеоном и Директорией. Она по-прежнему считала Италию второстепенным театром военных действий. Главной целью своей внешней политики она (в особенности Рёбель) ставила присоединение левого берега Рейна и продолжала готовить операции рейнских армий, которые должны были повести победоносное наступление на Вену. Перед Бонапартом Директория ставила задачу двинуться на центральную и южную Италию с целью извлечь возможно больше ресурсов и, в частности, захватить Рим.

Но Бонапарт не собирался уступить пальму первенства своим соперникам – командирам рейнских армий Гошу и Моро. Он заботился поэтому не о левом береге Рейна, а торопился самостоятельно заключить мир с Австрией и закрепить свои завоевания в Ломбардии, которую он превратил в Цизальпинскую республику – следующую после Батавской «дочернюю республику».

Спровоцировав столкновение с Венецианской республикой, Бонапарт занял Венецию и превратил ее владения в предмет торга с Австрией. 18 октября 1797 г. в Кампо-Формио (фактически в Пассариано) он, не дожидаясь санкции Директории, подписал мирный договор с Австрией. Вопрос о левом береге Рейна остался открытым – правда, по тайным статьям договора, Австрия при условии территориальных возмещений не возражала против уступки его Франции, если на то согласится Германский союз. Австрия получала Венецию и большую часть ее владений – Иллирию, Далмацию и т. д. Франция приобретала Ионические о-ва – важную стратегическую позицию на Средиземном море. Австрия должна была признать независимые итальянские государства.

Условия Кампоформийского договора, вся итальянская политика Бонапарта начали вызывать сомнения в искренности его республиканских убеждений среди некоторых, наиболее прозорливых французских и итальянских демократов. Они рассчитывали, что Наполеон окажет содействие движению за превращение Италии в единую республику. Но

---

118 См. *А. 3. Манфред.* Наполеон Бонапарт. М-, 1971.

119 *Las Cases.* Memorial, t. 1, p. 119 (ed. 1840).

уже заключение мира с пьемонтской монархией и отказ от помощи пьемонтским «якобинцам» вызвал «страшные сомнения» у тех, кто хотел видеть в Наполеоне «врага тиранов, спасителя Италии, надежду республиканцев».

Бабеф, который еще в 1796 г. обратил внимание на то, что Директория «дала генералу Бонапарту 800 тыс. франков на устройство его дома»[120], с тревогой наблюдал за действиями Наполеона в Ломбардии, назначившего без всяких выборов временные представительные органы[121]. Эти первые проявления авторитаризма дали основание одному из бывших членов бабувистского «повстанческого комитета», Сильвену Марешалю, выступить с памфлетом «Поправка к славе Бонапарта», в котором он предупреждал: «Бонапарт! Твоя слава является диктатурой!.. Если ты позволяешь себе такое поведение в Италии, ничто не дает мне уверенности в том, что во время предстоящих в жерминале (весной 1797 г. – *Ред.)* первичных избирательных собраний ты не заявишь: „Французский народ! Я вам составлю Законодательный корпус и исполнительную директорию…“ Я не вижу, что может помешать генералу явиться в Национальное собрание и сказать: „Я дам вам короля в моем духе или трепещите. Ваше неповиновение будет наказано“»[122].

В целом итальянский поход принес Наполеону огромную популярность. Армия и генералитет вообще начинали играть в республике новую роль. В 1792–1794 гг. французская армия, подлинно демократическая, крестьянская в основном по своему составу, вела справедливую, оборонительную войну против феодальной коалиции. Весь характер войны потребовал коренного обновления командного состава. Во главе армии стали новые генералы, часто выходцы из самых демократических слоев народа, связавшие свою судьбу с делом революции. Они беспрекословно подчинялись якобинскому конвенту.

Но в эпоху Директории войны начинали менять свой характер. Они были еще прогрессивными, но велись уже не на французской территории. Французские армии содействовали ломке феодализма в странах, которые они занимали, – и в этом смысле они продолжали оставаться носителями прогресса. Но они облагали население контрибуциями и реквизициями. В условиях полной дискредитации бумажных денег Директория остро нуждалась в золоте, в звонкой монете, в других материальных ресурсах. Их могли доставить прежде всего победившие генералы. Так Директория начала попадать в зависимость от них. «Гражданский дух начинал постепенно отступать перед духом завоевания. За солдатами революции все чаще обозначались кондотьеры» [123].

Директория пыталась противодействовать этим процессам посылкой комиссаров в армии. Но они чаще всего оказывались бессильными. К тому же внутреннее положение в стране не позволяло Директории вступать в конфликт с армией и ее руководителями. Как раз в 1797 г. только армия могла оказать ей решающую поддержку в борьбе против усилившейся монархической опасности.

Расправа с бабувистами, Вандомский процесс вызвали поворот всей политики Директории вправо. Это содействовало оживлению деятельности монархистов. В столице существовало действовавшее по поручению Бурбонов «агентство», возглавлявшееся аббатом Бротье; оно субсидировалось англичанами. Целый ряд видных деятелей, в том числе и

---

[120] «Le Tribun du peuple…», N 41, 10 germinal l'an IV (30 января 1796 г.), p. 276.

[121] ЦПА ИМЛ, ф. 223 ед. хр. 520: «Бонапарт, победитель Ломбардии, счел, что это звание дает ему право диктовать организацию правительства этой страны. Он потребовал списки лучших граждан из всех классов и сформировал из иих временный генеральный представительный совет миланского народа…»

[122] См. *A. Mathiez.* Une brochure antibonapartiste en l'an VI. Les predictions de Sylvain Marechal. «La Revolution francaise», 1903, t. XLIV; *M. Dommanget.* Sylvain Marechal. Paris, 1950, p. 339–348.

[123] *H. Calvet.* Napoleon. Paris, 1943, p. 34.

генерал Пишегрю, командовавший армией, завоевавшей Голландию, имели связи с эмиграцией. Выборы в жерминале V года (весной 1797 г.) принесли большой успех реакции. В советах пятисот и старейшин большинство принадлежало противникам Директории. Председателем Совета пятисот был избран скрытый монархист генерал Пишегрю.

Окрыленные результатами выборов, противники республики усилили свое наступление. Закон 3 брюмера IV года был отменен. Все амнистированные «террористы» лишались права занимать общественные должности. Законодательство 1792–1793 гг. против «неприсягнувших священников» было приостановлено. Началось их массовое возвращение из эмиграции – к лету 1797 г. в страну вернулось около 12 тыс. ранее изгнанных священников. Началось также возвращение эмигрантов-дворян. Против приобретателей национальных имуществ начался форменный террор. На их полях устраивались потравы, поджигался урожаи; вернувшиеся священники подвергали их проклятиям, лишали права на церковные обряды «до возвращения имуществ».

Столкновение между Директорией и большинством в советах пятисот и старейшин становилось неизбежным. Его задерживали только разногласия среди самих монархистов, между крайне правым их крылом, отстаивавшим восстановление старой неограниченной монархии (на их стороне были и сами принцы-претенденты), и конституционалистами. Тем не менее подготовка к выступлению против Директории шла достаточно интенсивно. На место выбывшего – в порядке ежегодного обновления, по жребию – Летурнера избран был явный монархист Бартелеми. Советы рассчитывали также на поддержку Карно, вдохновителя разгрома бабувистов. Предполагалось вынести Директории вотум недоверия и обновить весь ее состав.

Большинство Директории, «триумвират» (Ларевельер-Лепо, Рёбель, Баррас), встревоженное этими приготовлениями, готовилось дать отпор. Но оно боялось искать поддержки демократических элементов. В этих условиях оставалось только опереться на армию.

Несмотря на запрещение вводить в Париж войска без разрешения законодательных органов, Директория договорилась с одним из популярнейших республиканских генералов, Лазаром Гошем, командовавшим рейнской армией, о переброске войск к столице. Одновременно Директория получила поддержку Бонапарта, на которого яростно нападали в советах пятисот и старейшин за условия, на которых был заключен Кампоформийский договор. Бонапарт прислал в столицу одного из своих генералов, Ожеро, назначенного командующим парижским гарнизоном. Бонапарт добыл для Директории важный документ (захваченный им у французского эмигранта графа д'Антрега, арестованного в Венеции), уличавший Пишегрю в связи с контрреволюционной эмиграцией.

Оппозиция собиралась перейти к решительным действиям, но «триумвират» ее опередил. В ночь на 18 фруктидора V года (4 сентября 1797 г.) был произведен переворот. По улицам были расклеены афиши, в которых приводился «документ д'Антрега» как доказательство предательства Пишегрю, председателя Совета пятисот, и его единомышленников, связанных с «англо-эмигрантским заговором». Под руководством Ожеро были произведены аресты лидеров советов пятисот и старейшин, которые подлежали высылке на каторгу вместе с двумя членами Директории, Бартелеми и Карно. Карно удалось скрыться, а арестованный Пишегрю бежал в пути. 177 депутатов были лишены полномочий. Среди высланных и отстраненных депутатов были видные деятели – Буасси д'Англа, Порталис, Дефермон, Дюмолар, Бурдон из Уазы, Пасторе, Саладен, Симеон, Воблан, Барбе-Марбуа, Матье Дюма и др. – некоторые из них сыграли значительную роль в наполеоновскую эпоху. Все эти мероприятия были санкционированы оставшимися членами обоих советов. В состав Директории взамен Карно и Бартелеми введены были бывший якобинец Мерлен (из Дуэ) и Франсуа Невшато. Был обновлен весь состав министров – министром иностранных дел был назначен Талейран, бывший епископ Отенский, один из лидеров Учредительного собрания, находившийся в годы якобинской диктатуры в Соединенных Штатах, умный и расчетливый человек, ставший воплощением

беспринципности, угодничества и продажности.

Переворот 18 фруктидора отодвинул на время монархическую угрозу. Закрыты были 42 газеты, враждебные Директории. Вновь введено было в действие законодательство против контрреволюционного духовенства. Эмигрантам, вернувшимся самовольно, предложено было в двухнедельный срок покинуть Францию. Даже Сиейес, при всей умеренности его взглядов, выступил с предложением об изгнании всех лиц, занимавших какие-либо посты при старом порядке.

Но переворот, представлявший собой грубое нарушение конституции, впервые превративший армию в активную и отчасти даже решающую силу в политической жизни, не укрепил надолго Директорию. В ней и кругах, ее поддерживавших, видели представителей все той же группы термидорианцев, упорно цеплявшихся за власть, не гнушавшихся никакими средствами. Моральный авторитет Директории продолжал падать. Этому особенно содействовала ее тесная связь и зависимость от новой, хищнической буржуазии.

По словам Маркса, как раз после подавления движения Бабефа представители термидорианской буржуазии «накинулись, как бешеные волки, на имущества эмигрантов. Другой удачный поворот для них: победы итальянской армии. Бонапарт! Монтенотте, Мондови, Лоди! Грабители восхваляли Бонапарта как своего протектора… И каким выгодным для них делом оказались поставки на армию… Члены Директории, депутаты, генералы, все чиновники тонули, гибли в этом обществе банкиров, военных поставщиков, продажных женщин, подчинивших их своему господству…»

Лишившись возможности выпуска бумажных денег, Директория, испытывавшая острую финансовую нужду, часто вынуждена была прибегать к услугам банкиров для получения займов на самые неотложные нужды. Но взамен она должна была идти на все большие уступки. Так появилась система «делегаций»: взамен денежных авансов Директория передавала своим кредиторам[124] на «откуп» право рубки в государственных лесах, взимания налогов в том или ином департаменте, распродажу конфискованных английских товаров и т. д. В этой обстановке сделок, спекуляции, взаимных услуг, характерных для «буржуазной оргии Директории», подавляющее большинство ее деятелей во главе с Баррасом оказывалось охваченным той же страстью обогащения. Недаром Талейран при своем назначении министром воскликнул: «Нужно составить состояние, огромное состояние»!

Поворот политики влево оказался недолговечным. Весной 1798 г. предстояли очередные выборы. Так как посты отстраненных депутатов не были замещены, предстояло избрать 437 депутатов – почти $^{2}/_{3}$ состава обоих советов. Накануне выборов в жерминале VI года демократические элементы в стране заметно оживились. Циркулировали списки, в которых в числе выборщиков и депутатов фигурировали имена бывших членов робеспьеристского Комитета общественного спасения Р. Ленде и Приера из Марны и видных якобинцев Друз, Гойе (бывшего министра юстиции в 1793 г.), Тиссо – шурина «прериальского мученика» Гужона, бывшего парижского мэра Паша, «красного священника» Пьера Доливье и т. д.[125] В департаменте Сены в числе выборщиков оказалось немало бывших активных якобинцев и даже бабувистов. Один из инспирированных сторонниками Директории памфлетов насчитывал в этом собрании около 25 «излюбленных детей Бабефа» [126].

---

124 ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3920, стр. 21.

125 ЦПА ИМЛ, ф. 320, ед. хр, 912, 913, 914.

126 См. *А. Олар.* Политическая история французской республики. Пг., 1918 г., стр. 465, прим. 1. Название памфлета: «Попытки осуществить посредством выборов систему Бабефа, подтверждаемые небольшим алфавитным списком некоторых главнейших выборщиков парижского кантона, излюбленных детей Бабефа…» (см. также *Isser IVoloch.* Jacobin Legacy. The Democratie Movement under the Directory (ch. XI-«Electors a.

Напуганная призраком возрождения якобинизма, Директория совершила очередной поворот вправо. Советам в их прежнем составе предоставлено было право утверждения вновь избранных депутатов. При этом было допущено новое грубейшее нарушение конституции. В 26 департаментах вместо одного собрания выборщиков создавалось два, депутатами утверждались кандидаты, избранные меньшинством, но угодные Директории. По закону 22 флореаля VI года (11 мая 1798 г) не были утверждены 106 из вновь избранных депутатов, в том числе и будущие наполеоновские консулы Камбасерес и Роже-Дюко. Этот «флореальский» переворот еще больше содействовал дискредитации Директории. Но особенно роковую роль сыграла ее внешняя политика и связанное с ней возобновление военных действий с новой, второй коалицией.

Одним из основных требований монархической оппозиции в советах было немедленное заключение мира на условиях отказа Франции от расширения своих границ. Переворот 18 фруктидора был использован Директорией как раз в обратном направлении – для активизации ее внешней политики. Мирные переговоры с Англией, начатые Питтом под впечатлением французских побед в Италии, были прерваны.

Стремясь к установлению прямой связи между Францией и ее итальянскими «протекторатами», Директория усилила свою деятельность в Швейцарии, где она могла опереться на демократов, искавших помощи французской республики. В феврале 1798 г. французские войска вошли в Берн, а в июне содействовали перевороту, приведшему к созданию Гельветической республики, новой «дочерней республики», пришедшей на смену государству фактически независимых кантонов, в котором господствовали реакционные элементы. Однако и республику в Швейцарии Директория стремилась использовать прежде всего в целях извлечения финансовых и других материальных ресурсов. Женева, важнейший пункт транзитной торговли, была присоединена к Франции и превратилась в центр нового Леманского департамента.

Отказавшись от осторожной политики Бонапарта в отношении папства, Директория под различными предлогами в феврале 1798 г. организовала вторжение французских войск в римскую область и содействовала провозглашению Римской республики. Пьемонт сохранял еще свою самостоятельность, но в июне 1798 г. французские войска заняли цитадель в столице Турине. После внезапной смерти Лазара Гоша, стоявшего во главе рейнских армий и готовившего в контакте с немецкими демократами провозглашение Рейнской республики, Директория создала на занятых французами территориях четыре новых департамента.

Важнейшим мероприятием Директории в области внешней политики явился египетский поход. Трудно установить, под чьим влиянием было принято это решение. Уже летом 1797 г. Талейран выступил в Институте с докладом «О выгодах приобретения новых колоний в нынешних условиях», в котором предлагал завоевание Египта. Возможно, что этот проект был подсказан Бонапартом. Во всяком случае он стал ревностным сторонником египетской экспедиции с целью расширения влияния Франции на Средиземном море и нанесения удара Англии.

Бонапарт вернулся из Италии в декабре 1797 г. На приеме, устроенном ему Директорией, он держал себя очень сухо и надменно. В произнесенной им речи была загадочная фраза: «Когда благосостояние французского народа будет утверждено на основе наилучших органических законов, вся Европа станет свободной». Хотя сам Наполеон считал, что «груша еще не созрела», Директория, встревоженная поведением Бонапарта, поддержала план египетского похода, не без задней мысли отделаться от слишком популярного и честолюбивого генерала.

Решение об экспедиции было принято в марте 1798 г. В мае 1798 г. сильный французский флот, на судах которого было размещено около 40 тыс. солдат, отплыл из Тулона. Объезжая суда накануне отплытия, Бонапарт, по рассказу очевидца, вызвал ликование среди моряков и солдат, обещая «каждому солдату шесть арпанов земли после

Elections in Paris»). Princeton University Press, 1970).

возвращения на родину из экспедиции. Он апеллирует к выгоде и к чести… Все горят желанием уехать, умоляют о попутном ветре. Недоверие и беспокойство исчезли. Все спешат на корабли»[127].

Заняв в пути о-в Мальту, французы высадились в Египте. Разгромив 21 июля 1798 г. в известной битве у пирамид мамелюков, они вступили в Каир. Но всего через десять дней экспедиция оказалась под ударом. Английская эскадра, курсировавшая в Средиземном море во главе со знаменитым английским адмиралом Нельсоном, в силу ряда случайностей пропустила французские суда. Однако, узнав о французской высадке, Нельсон поспешил к побережью Египта. 1 августа 1798 г. в бою под Абукиром французская эскадра была разгромлена, уцелело только два судна; командующий флотом был убит. Французская армия оказалась в мышеловке – выход из Египта был ей отрезан.

Но последствия египетской экспедиции этим не ограничивались. Хотя фактически в Египте господствовали мамелюки, но султан продолжал рассматривать эту страну как свое владение. 9 сентября 1798 г. Турция объявила Франции войну. В поисках союзников она обратилась к России. У царского правительства к тому времени, после завершения разделов Польши, руки были развязаны. Союз с Турцией, соглашавшейся открыть русскому флоту свободный выход из Черного моря через проливы, впервые предоставлял России широкие возможности для активной политики на Средиземном море. Павел I, сменивший в 1796 г. на престоле очень осторожную Екатерину II, подписал в декабре 1798 г. договор с Турцией.

К тому времени осложнилось положение в Италии. Против Римской республики выступили войска неаполитанской монархии, овладевшие на время Римом. Перешедшие в контрнаступление французы вновь заняли Рим и вступили в Неаполь, где в январе 1799 г. была провозглашена Партенопейская республика. Тогда Павел I выразил готовность оказать военную помощь свергнутому неаполитанскому королю. Русский флот вошел в воды Средиземного моря[128]. Впервые за годы революции русская армия перешла к активным действиям против Франции. Австрия дала свое согласие на пропуск русских войск, и в ответ на это Директория в апреле 1799 г. объявила ей войну. Почти одновременно прерваны были переговоры с Германским союзом в Раштадте, где при отъезде были убиты двое из членов французской делегации.

Мирная передышка, полученная после Кампо-Формио, продолжалась всего полтора года. В начале 1799 г. Франции пришлось вступить в борьбу со второй коалицией, куда входили Англия, Россия, Австрия, Турция, Неаполь и Швеция. Военные действия начались для Директории крайне неудачно. Уже в апреле 1799 г. русские войска во главе с Суворовым вошли в Милан. Французская армия очистила всю Италию и вновь перешла обратно за Рейн. Австрийцы начали действовать в Швейцарии. Под угрозой оказалась и Батавская республика – в августе 1799 г. английский флот высадил в Гельдере 25-тысячный русский корпус. Как и в 1792–1793 гг., Франция вновь оказалась под угрозой вторжения.

Как и тогда, это вызвало в стране некоторый революционный подъем. По силе он был совершенно несравним с годами якобинской диктатуры. После 9 термидора и подавления движений 1795 г. в плебейских массах, разочарованных результатами буржуазной революции, развился политический индифферентизм. Экономическое положение улучшилось; после нескольких благоприятных урожаев и ликвидации инфляции дороговизна уступила место низким ценам; хлеб и мясо продавались на и даже на $^{1}/_{4}$ дешевле, чем в 1790 г. Все это содействовало развитию известной политической апатии в массах.

Однако опасность вторжения действовала – в стране явно росла демократическая оппозиция, требовавшая от Директории принятия чрезвычайных мер для защиты республики. На очередных выборах весной 1799 г. прошел ряд левых депутатов, и

---

127 ЦПА ИМЛ, ф. 320. ед. хр. 916.

128 См. *А. М. Станиславская.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962.

Директория на этот раз не решилась на новый переворот. Его осуществили обновленные советы пятисот и старейшин.

Жертвой переворота явилась сама Директория. Из ее состава сперва по жребию вышел наиболее энергичный ее член – Рёбель; на его место был избран Сиейес, будущий «могильщик республики». В советах сложился своеобразный блок между демократической их частью и умеренными, стремившимися дать Директории реванш за нарушение конституции 18 фруктидора и 22 флореаля.

Членов Директории 30 прериаля VII года (18 июня 1799 г.) заставили уйти в отставку. Из всего состава первой Директории уцелел один Баррас, продолжавший лавировать с единственной целью удержаться у власти. В состав новой Директории вошли бывший якобинский министр юстиции Гойе, термидорианец Роже Дюко и генерал Мулен, имевший репутацию левого. Сменены были все министры. Военным министром был назначен генерал Бернадот, сын трактирщика, командовавший рядом армий в годы революции. Министром полиции стал пресловутый Фуше, когда-то левый депутат Конвента, еще в начале термидорианской реакции друг Бабефа, оказавшийся, однако, поразительно беспринципным и вероломным интриганом[129]. Министром финансов был назначен бывший якобинец Робер Ленде; министерство юстиции возглавил также «цареубийца», Камбасерес, будущий второй консул.

Поражения на фронтах вынудили принять ряд решительных мер. По предложению генерала Журдана, победителя под Флерюсом, депутата Совета пятисот, был объявлен призыв в армию пяти возрастов; в состав армии влились новые, в основном крестьянские контингенты, решительно настроенные против всяких попыток феодальной и монархической реакции. Был введен принудительный заем на 100 млн. фр., причем обложению подлежали исключительно представители верхушки имущих классов. 12 июля 1799 г. был принят закон о заложниках: они должны были отбираться из числа бывших дворян, родственников эмигрантов и т. д. За убийство одного государственного служащего или приобретателя национальных имуществ должны были нести ответственность четверо заложников. На некоторое время были разрешены обыски на дому. 17 июля Журдан провозгласил тост за «возрождение пик». Пики были главным оружием санкюлотов, и тост этот как бы призывал к восстановлению прежней роли санкюлотов.

В Париже впервые после роспуска «Пантеона» начал действовать новый клуб – «Общество друзей равенства и свободы», – собиравшийся в зале Манежа. На первом же его заседании «распорядителем» был избран Друэ, вернувшийся во Францию после бегства из тюрьмы. В клуб записалось около 250 депутатов. В числе его членов были не только видные деятели якобинской диктатуры, как, например, Приер из Марны и бывший военный министр в 1793 г. полковник Бушотт, но и активные бабувисты Феликс Лепелетье, «главный агент связи» в бабувистской организации Дидье и др.[130]

Хотя все эти меры осуществлялись нерешительно и крайне отдаленно напоминали 1793 год, их оказалось достаточно, чтобы вызвать резкое сопротивление имущих классов, охваченных страхом перед возможностью воскрешения якобинизма. В Совете пятисот, а особенно, в Совете старейшин, в руководящих кругах буржуазии, во всей собственнической Франции начался новый приступ антиякобинской реакции. Совет старейшин отклонил предложение об обвинении бывших членов Директории. Последний Якобинский клуб просуществовал всего около пяти недель; тот же Фуше, когда-то крайне левый якобинец, в качестве министра полиции распорядился об его закрытии (26 термидора – 13 августа 1799 г.). Внесенное генералом Журданом предложение об «объявлении отечества в

---

[129] О. Фуше см. L. Madelin. Fouche, v. 1–2. Paris, 1955. Превосходную и довольно точную биографию Фуше написал Стефан Цвейг (С. Цвейг. Собр. соч., т. 4, М. 1963).

[130] См. A. Aulard. Les derniers jacobins. – «La Revolution francaise», t. XXVI.

опасности» 14 сентября было отклонено, правда незначительным большинством голосов. «Социальный страх» вновь чрезвычайно усилил контрреволюционность термидорианской буржуазии. В истории Первой республики началась заключительная фаза.

Этому способствовало и то, что военные операции приняли благоприятный оборот. Австрийская монархия была встревожена победами армии Суворова на р. Треббии и при Нови. Обеспокоенные возможностью самостоятельных действий русско-английского десанта на голландском побережье, австрийцы поторопились вывести свои войска из Швейцарии с целью их переброски на Рейн. Австрийцев должны были сменить русские войска, но это перемещение происходило так внезапно и в таких неблагоприятных условиях, что французской армии удалось нанести удары изолированным друг от друга отдельным частям русских войск. Только благодаря героическому переходу через Альпы под руководством Суворова удалось избежать поражения. Возмущенный поведением австрийцев, Павел I дал приказ о возвращении русской армии. Незадолго перед тем было нанесено поражение высадившемуся на голландском побережье русскому экспедиционному корпусу. По условиям капитуляции 6000 русских солдат были интернированы на о-в Джерсей. Непосредственная опасность для Франции была устранена.

18 Брюмера

К осени 1799 г. усилились позиции той группы буржуазных деятелей, которая стремилась к решительному повороту вправо. Они добивались отмены всех мер, принятых летом 1799 г., прежде всего чрезвычайного налога и закона о заложниках. Их тяготило установленное конституцией ежегодное обновление законодательных органов, Директории, органов местного управления.

Осада крепости Сен-Жан-д'Акр Литография Мотта

В кругах консервативной буржуазии, рупором которой стал Сиейес, крепло стремление покончить с революцией, сохранив все ее социальные завоевания в интересах имущих классов. Эти слои хотели раз и навсегда лишить массы какой бы то ни было возможности влиять на политическую жизнь страны, создать крепкую, независимую от парламентских органов исполнительную власть, ликвидировать режим Директории с ее «политикой качелей» – поворотами то влево, то вправо.

Так как легальный пересмотр конституции возможен был не раньше, чем через семь лет, в этих кругах стали обдумывать план государственного переворота. Но для его совершения необходима была поддержка верхов армии, нужна была «сабля» в лице популярного генерала. «Должна быть одна голова и одна сабля, которая должна подчиняться этой голове», – утверждал Сиейес. В поисках этой «сабли» одно время остановились на кандидатуре молодого и талантливого генерала Жубера, который был поставлен во главе

итальянской армии, брошенной против Суворова. Но Жубер потерпел под Нови поражение и был убит.

В этой обстановке пришло неожиданное сообщение, что Наполеон вернулся во Францию из Египта. «Вот человек, который вам нужен», – заявил будто бы Сиейесу после получения этого известия генерал Моро, с которым велись переговоры об его участии в подготовлявшемся перевороте.

После разгрома флота под Абукиром французская армия в Египте находилась в крайне стесненном состоянии; Директория лишена была возможности послать ей на выручку новую эскадру. Правда, Бонапарт проявил недюжинные способности государственного деятеля, пытаясь наладить взаимоотношения с мусульманским населением, хотя и потерпел в этом неудачу. Попытка похода в Сирию привела к поражению – французской армии не удалось овладеть крепостью Сен-Жан-д'Акр, защитой которой руководили англичане. Наполеону пришлось снять осаду и отступить. Хотя попытка турецкого десанта и была отражена, положение становилось безвыходным.

Как раз в это время в Египет пришли известия о наступлении второй коалиции. Бонапарт решился тогда на рискованный шаг. Оставив на произвол судьбы доверенную ему армию, он с наиболее близкими ему генералами (Бертье, Ланн, Мюрат, Мармон) и группой ученых, которых он привез с собой, покинул на двух судах Египет. Счастливая звезда ему не изменила – ему удалось прорваться сквозь кольцо английской блокады и вернуться в Париж 16 октября 1799 г., в самый разгар политического кризиса.

Личная популярность Наполеона после итальянского и египетского походов была чрезвычайно велика; к тому же еще со времен подавления мятежа 13 вандемьера за ним утвердилась репутация твердого республиканца. Бывший заместитель Эбера в Парижской коммуне защитник ряда бабувисгов на Вандомском процессе П. -Ф. Реаль (один из будущих организаторов государственного переворота) писал в тюрьму Буонарроти еще во время пребывания Наполеона в Египте: «Мы имеем известия из Египта. Бонапарт является там хозяином, и он его революционизировал. Что бы вы ни говорили, приобщение Италии и Египта к свободе, 13 вандемьера и 18 фруктидора, осуществленные его гением и его мужеством, ставят этого человека в число первых защитников народного дела. Сколько чудес, возможно, суждено еще ему осуществить, и, кто знает, не ему ли вы окажетесь обязанным своим освобождением? Этого человека ненавидит правительство и обожает народ»[131]. Осенью 1799 г. эта республиканская репутация очень помогла Бонапарту. В то же время для всех кругов буржуазии, жаждавших твердой власти, именно Наполеон, по выражению Маркса, казался «самым подходящим человеком» (der richtige Mann)[132].

С возвращением Наполеона в Париж началась лихорадочная подготовка к государственному перевороту. Партия «нотаблей» остановила свой выбор именно на Бонапарте, рассчитывая, что он станет послушным инструментом в ее руках. Правда, «сабля» не собиралась подчиняться «голове», но это выяснилось только позднее. Пока что они совместно ставили своей задачей низвержение Директории.

Задача эта казалась не очень сложной. Директория к тому времени была морально совершенно дискредитирована; она не имела убежденных сторонников ни справа, ни слева. Невозможность решительного сопротивления с ее стороны была заранее предрешена тем, что два члена Директории – Сиейес и Роже Дюко – были в центре подготовлявшегося заговора. Верхи армии, за исключением нескольких генералов, были противниками Директории. Министр полиции Фуше не собирался ее защищать, заранее готовый оказаться на стороне сильнейшего. Оставалось сломить оппозицию республиканцев в советах, особенно в Совете пятисот, но заговорщики рассчитывали, что им удастся это сделать без

---

131 Цит. по: *A. Saitta.* Filippo Buonarroti, v. 2. Roma, 1951, p. 38.

132 ЦПА ИМЛ, ф. 1, Qn. 1, ед. хр. 3920, стр. 24.

особого труда, в частности благодаря тому, что председателем Совета пятисот был избран Люсьен Бонапарт, брат Наполеона.

Со времени возвращения Бонапарта прошло немногим больше трех недель. На этот раз «груша созрела»! «Так вы считаете это возможным?» – задал Наполеон вопрос одному из активнейших организаторов переворота, П. -Ф. Реалю, ставшему в дальнейшем его довереннейшим лицом. «Дело на три четверти уже осуществлено», – отвечал Реаль[133].

В назначенный день, 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), собралось заседание Совета старейшин. На нем было сообщено, что якобы в Париже раскрыт якобинский заговор. Под этим лживым предлогом решено было – на это Совет старейшин имел конституционное право – перенести заседание советов в маленький парижский пригород Сен-Клу; организаторы переворота все же боялись сопротивления республиканцев в столице. Этим же постановлением Бонапарт назначался командующим 17-й дивизией, расположенной в Сенском департаменте, для подавления заговора. Он заранее приготовился к тому, чтобы немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

Уже к восьми часам утра в доме Наполеона были собраны почти все находившиеся в Париже генералы. Окруженный ими Наполеон отправился принести присягу.

К этому времени Директория фактически распалась. Два ее члена, Сиейес и Роже Дюко, были на стороне заговорщиков. Двух других членов, Гойе и Мулена, изолировали в Люксембургском дворце, местопребывании Директории, фактически под домашним арестом. Барраса, некогда, 13 вандемьера, выдвинувшего Наполеона и рассчитывавшего, что за ним и на этот раз сохранится руководящее положение, вынудили подать в отставку и под почетным эскортом удалили из Парижа в его имение.

Но на следующий день в Сен-Клу заговорщикам пришлось столкнуться с неожиданными трудностями.

В Совете пятисот, окруженном преданными заговорщикам войсками, сообщение о мнимом заговоре, ничем не подтвержденное, и решение о перенесении заседаний были приняты с большим недоверием и опасениями. Наполеон решил вмешаться лично. Но его появление на заседании в сопровождении четырех гренадеров, само по себе представлявшее нарушение конституции, встретило бурю возмущения. Все происходившие события республиканская часть Совета пятисот воспринимала как попытку установления военной тирании. Речь Наполеона была прервана гневными возгласами: «Вне закона!». Совершенно растерявшегося, не ожидавшего такого сопротивления, едва не потерявшего сознания, Наполеона выручили только гренадеры, выведшие его из зала. Как признавал впоследствии сам Наполеон, это была одна из немногих минут в его жизни, когда он проявил слабость. В Совете пятисот началось обсуждение вопроса об объявлении Наполеона «вне закона».

---

133 *А. Вин даль.* Возвышение Бонапарта. СПб, 1905, стр. 262.

18 брюмера. С картины Франсуа Бушо

Положение спас Люсьен Бонапарт. Покинув зал заседания, он обратился к солдатам, охранявшим дворец Сен-Клу, с призывом спасти своего генерала, которому якобы депутаты угрожали кинжалами, и как председатель Совета пятисот приказал занять зал, где заседают убийцы. Эта новая ложь подействовала, и гренадеры под предводительством Мюрата – зятя Наполеона, будущего неаполитанского короля, – с ружьями наперевес вошли в зал заседаний и разогнали Совет. Организаторам переворота не удалось сохранить его мирный характер – им пришлось прибегнуть к военной силе.

К вечеру из нескольких десятков наиболее послушных депутатов было собрано «охвостье» обоих советов. На их заседаниях были одобрены продиктованные им решения. 62 депутата, в том числе генерал Журдан, были исключены из их состава. Власть вручена была в руки трех временных консулов – Бонапарта, Сиейеса и Роже Дюко; Директория перестала существовать. Были выделены две законодательные комиссии, которым поручена была выработка в кратчайший срок новой конституции, подлежавшей утверждению плебисцитом.

Деятельность комиссий продолжалась немногим больше месяца. Выработанная ими конституция восприняла целый ряд идей, отстаивавшихся Сиейесом и идеологами консервативной буржуазии. Она лишала избирателей какого бы то ни было влияния на политическую жизнь. Выборщики должны были только намечать кандидатов в депутаты. Их отбор и утверждение должны были производиться «охранительным сенатом», состоявшим из лиц, назначаемых пожизненно и несменяемых. Такие прерогативы сената должны были предохранить «нотаблей» от каких бы то ни было неожиданностей. Законодательных органов было установлено три – государственный совет, которому принадлежала законодательная инициатива, трибунат, который должен был обсуждать проекты законов, и законодательный совет, которому надлежало их утверждать, но без права обсуждения. Вся исполнительная власть переходила в руки трех консулов, назначаемых на 10 лет с самыми широкими полномочиями.

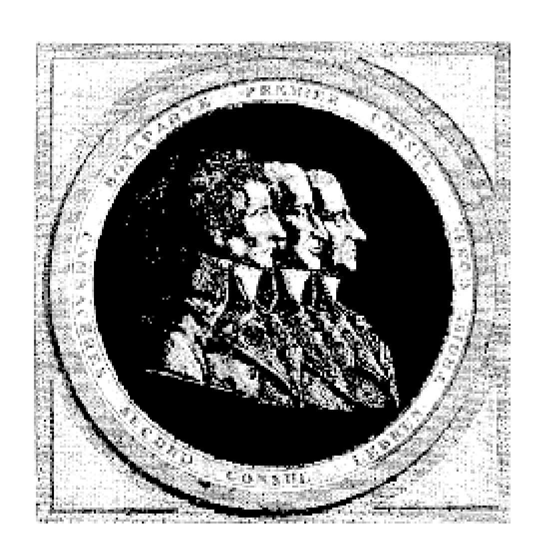
Переворот 18 брюмера должен был обеспечить Бонапарту всю полноту власти. Конституция VIII года это и осуществила. Широчайшие полномочия были даны первому консулу. Двое других имели только право заносить в журнал заседаний свои особые мнения, после чего достаточно было окончательного решения одного первого консула.

Когда вся работа законодательных комиссий была завершена и происходило тайное голосование членами комиссий кандидатур на пост консулов, Наполеон в последнюю минуту, накануне подсчета голосов, очень ловко обошел Сиейеса. Он заявил: «Вместо того чтобы считать бюллетени, дадим новое доказательство нашей признательности гражданину Сиейесу, предоставим ему право назначить трех первых должностных лиц республики; будем считать, что назначенные им лица – те самые, которых мы только что избрали»[134]. Сиейес вынужден был назвать те кандидатуры, которые были заранее намечены Наполеоном, – «сабля» подчинила себе «голову». Консулами были назначены Бонапарт, Камбасерес и Лебрен. Камбасерес, бывший член Конвента, «цареубийца» и термидорианец, так же как и Лебрен, бывший член Учредительного собрания, были достаточно бесцветными людьми, не способными ни в чем противодействовать Бонапарту. Вся фактическая власть перешла в руки «гражданина первого консула». Сбылось предсказание Робеспьера, сделанное еще в 1792 г.: «Генералы станут надеждой и идолом нации… Если одному из этих генералов суждено будет обеспечить какую-нибудь победу, какое влияние придаст он своей партии!» [135]

---

[134] *А. Вандалъ.* Возвышение Бонапарта, стр. 533. При описании этой сцены Вандаль использовал «Eclaircissements inedits» Камбасереса, до сих пор не опубликованные.

[135] *M. Robespierre.* Oeuvres completes, t. VIII, p. 142–143.

Три консула: Бонапарт, Камбасерес и Лебрен. Современная гравюра

Смысл новой конституции определил один из ее авторов, член Института Кабанис: «Невежественный класс не будет отныне оказывать влияния ни на законодательство, ни на правительство; все делается для народа и во имя народа, *ничто не делается его собственными руками и под его неразумную диктовку»* (курсив наш. – *Ред.)* [136].

Формально республика продолжала существовать еще четыре года, но фактически уже 18 брюмера Первая республика рушилась. Во Франции установился личный, авторитарный режим Наполеона Бонапарта.

3. Консульство и империя

Бонапарт – первый консул

Первые месяцы после 18 брюмера Бонапарт действовал сравнительно осторожно, лавируя между противоположными силами. Немедленно были приняты меры, которых добивались имущие классы, – сразу же был отменен принудительный заем, закон о заложниках и т. д. Смягчена была политика в отношении церкви. Железной рукой проводилась централизация административного аппарата, назначаемого сверху: во главе департаментов стали префекты и супрефекты, во главе коммун – мэры, назначаемые префектами. Выборные муниципальные органы – наследие революции – были почти полностью уничтожены. Число газет было сразу резко сокращено.

Но Бонапарт стремился еще сохранить свою республиканскую репутацию. «Ни красных колпаков, ни красных каблуков» (их носили аристократы при старом порядке), – гласила популярная тогда формула. И в эти первые месяцы, и позднее при формировании законодательных органов, при назначении префектов и т. д. Бонапарт умело привлекал не только умеренных деятелей революции, в том числе многих из изгнанных после 18 фруктидора, но и якобинцев, в том числе членов Комитета общественного спасения Карно, Жанбона де Сент-Андре, того же Фуше, А. Дюмона, Реаля (бывшего заместителя Шометта) и даже единомышленника Бабефа героя Варениа – Друэ, ставшего супрефектом.

Усиленное подчеркивание Бонапартом его преданности республике оказывало успокоительное воздействие на некоторые мелкобуржуазные слои республиканцев. Бывший член робеспьеристского Комитета общественного спасения Барер приветствовал переворот

---

136 *А. Виндаль.* Возвышение Бонапарта, стр. 535.

18 брюмера; уже упоминавшийся нами М. А. Жюльен, близко связанный с республиканской оппозицией в Совете пятисот и сперва враждебный перевороту, уже через несколько недель высказался за поддержку первого консула: «Бонапарта могут спасти только республиканцы, и только он может спасти их»[137]. В личном разговоре с Жюльеном Наполеон заявил ему: «Я хочу укрепить республику; без нее, я знаю, для меня нет ни спасения, ни славы»[138].

Бонапарт лихорадочно готовил новую военную кампанию. Война со второй коалицией не была закончена; между тем страна жаждала мира. Стремительным походом в Италию Наполеон рассчитывал вывести Австрию из состава коалиции и тем самым лишить Англию ее главной опоры на континенте. Победа была необходима Наполеону и для окончательного установления и укрепления его диктатуры. «Победа, – заявил он своему брату Жозефу, – даст мне возможность, как хозяину, осуществить все, что я захочу»[139].

Военные силы австрийцев были сконцентрированы тогда в северо-западной части Италии, вокруг Генуи, где блокирована была большая французская армия во главе с генералом Массена. Бонапарт поставил своей задачей нанести молниеносный удар в тыл австрийцев с целью окружения их армии.

6 мая 1800 г. Бонапарт покинул Париж. Стремительно преодолев труднейшие горные переходы, французская армия проникла в долину реки По, намного восточнее позиций австрийцев, которым она отрезала пути отступления. Уже 2 июня авангард французской армии вступил вновь в Милан. К тому времени Генуя капитулировала, но австрийскому главнокомандующему Меласу пришлось срочно отступать, чтобы попытаться прорвать кольцо стоявшей уже у него в тылу наполеоновской армии. 14 июня 1800 г. произошло знаменитое сражение под Маренго. Наполеон, разбросавший свои силы, чтобы перехватить все возможные пути отступления австрийцев, очутился в начале сражения в невыгодном положении. Однако, услышав пушечную канонаду, к нему устремились на выручку другие части французской армии под командованием Дезе. Этот один из храбрейших французских генералов пал под Маренго. Но французам удалось одержать блистательную победу, честь которой Наполеон целиком приписал себе. Уже 2 июля, всего через два месяца после начала кампании, Бонапарт вернулся в Париж в ореоле славы.

Австрийцы продолжали еще сопротивляться, но в декабре 1800 г. французские армии, действовавшие под командованием генерала Моро на юге Германии, нанесли австрийцам новое, на этот раз решающее поражение под Гогенлинденом.

9 апреля 1801 г. был заключен Люневильский мир, по которому австрийцы вновь изгнаны были из Ломбардии, а границы восстановленной Цизальпинской республики были расширены. Венеция оставалась еще во власти Австрии, которая теперь признала «естественные» границы Франции по левому берегу Рейна. В марте 1801 г. «составной частью» французской территории были объявлены новые департаменты по рекам Рур, Саар, Рейн. Наполеону этот успех развязал руки для более решительного курса внутренней политики.

Он использовал первый же удобный предлог для нанесения давно задуманного удара по остаткам якобинской и бабувистской оппозиции, пытавшейся сопротивляться бонапартистской диктатуре. 3 нивоза IX года (24 декабря 1800 г.), когда первый консул в карете направлялся в оперу, на него было совершено покушение. В результате взрыва погибло несколько десятков человек, но Наполеон остался невредим. Хотя Фуше, которого Бонапарт оставил министром полиции, с самого начала доказывал, что взрыв адской машины был подготовлен роялистами, первый консул сразу же возложил ответственность за это

---

[137] ЦПА ИМЛ, ф. 317, ед. хр. 1156.

[138] Там же, ед. хр. 1147.

[139] L. *Madelin*. Histoire du consulat et de l’Empire, v. III, p. 218.

покушение на якобинцев и потребовал решительной расправы с ними [140]. Даже в государственном совете, состав которого был тщательно подобран Наполеоном, его требование составить список лиц, подлежащих ссылке на вечное поселение, встретило возражения, поскольку причастность якобинцев и бабувистов к покушению ничем не была подтверждена [141].

14 нивоза (4 января 1801 г.) Наполеон подписал проскрипционный список 130 активных деятелей революции, якобинцев и бабувистов, подлежавших высылке из Франции на Сейшельские о-ва, в Гвиану и т. д. Большинство высланных вскоре погибло от тропической лихорадки и тяжелых лишений. В их числе был и первый генерал-плебей участник бабувистского движения Жан Россиньоль, заявивший незадолго до своей мученической смерти: «Я умер бы спокойно, если бы знал, что тиран моей родины испытает такие же страдания» [142].

Дальнейшее следствие показало полную необоснованность подозрений, на основании которых был составлен проскрипционный список. Организаторами взрыва оказались монархисты, которые и были казнены в апреле 1801 г. Но Наполеон уже добился своего. Характерно, что почти одновременно с разгромом демократов в октябре 1800 г. был пересмотрен список эмигрантов и сокращен почти вдвое: более чем 50 тыс. эмигрантов было разрешено вернуться во Францию. Расправа с якобинцами явственно обнаружила деспотические, авторитарные черты консульского режима.

После заключения Люневильского мира оставалось сломить сопротивление Англии. К этому времени Бонапарту удалось добиться сближения Франции с Россией. При ее поддержке возникла северная лига нейтральных стран, к которой присоединялись Пруссия, Швеция, Дания, и англичанам был затруднен доступ в Балтийское море. Правда, Англии удалось нанести ряд контрударов. Английская эскадра подвергла уничтожающей бомбардировке Копенгаген и обеспечила этим выход в Балтику. В марте 1801 г., – по всей видимости, не без содействия английских дипломатов – был убит Павел I, и начинавшемуся русско-французскому сближению был положен конец[143].

Но Англия все же оставалась изолированной. Экономические затруднения, вызывавшие серьезные волнения в народных массах, усилили позицию тех, кто считал возможным попытаться наладить мирные отношения с наполеоновской Францией. 26 марта 1802 г. в Амьене был подписан мирный договор. Условия мира были безусловно выгодны для Франции. Англия молчаливо признавала все перемены на континенте: присоединение Бельгии, рейнских провинций, образование Батавской и Цизальпинской республик. Она согласилась вернуть почти все захваченные ею французские и голландские колонии. Наполеон принял обязательство уйти из Неаполя, но Англия должна была эвакуировать Мальту. Для Англии, как показало дальнейшее развитие, это был только вынужденный шаг. При первой же возможности она вернулась к своей прежней политике. С другой стороны, внешняя, а в особенности внутренняя политика первого консула не содействовали продлению этой драгоценной мирной передышки.

Уже в 1800 г. в разговоре с одним из организаторов переворота 18 брюмера, Редерером, Наполеон заявил: «Французским народом могу управлять только я. Я убежден, что никто,

---

[140] *Fescourl.* Histoire de la double conspiration. Paris, 1819; *F.* Masson. Les complots jacobins au lendemain de Brumaire. – «Revue des etudes napoleoniennes», 1922, t. 1.

[141] *В. М. Далин.* Наполеон и бабувисты. – Люди и идеи. М., 1970, стр. 94–95.

[142] *J. Destrem.* Les deportations du consulat. Paris, 1878.

[143] Об этой попытке франко-русского сближения см. *А. 3. Манфред* Наполеон Бонапарт. М… 1971, стр. 331–374.

кроме меня… не может сейчас править Францией»[144]. На письмо претендента на престол (будущего Людовика XVIII), предлагавшего Наполеону передать власть Бурбонам, Наполеон ответил: «Вы не должны желать своего возвращения во Францию – вам пришлось бы шествовать по сотням тысяч трупов»[145]. Но этот гордый отказ повторить то, что сделал генерал Монк в Англии, вернувший после революции власть Стюартам, объяснялся не республиканскими убеждениями Бонапарта. У него были совсем другие планы.

Конституция VIII года ограничила консульские полномочия десятилетним сроком. В знак «признательности за заключение мира» был проведен плебисцит по вопросу о назначении Наполеона пожизненным консулом, с правом назначения своего преемника. Только 8374 (а в Париже всего лишь 80 из 60 тыс.) голосовавших высказались против этого предложения, после чего сенат 10 термидора X года (29 июля 1802 г.) постановил: «Французский народ назначает и сенат провозглашает Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом. Статуя мира запечатлеет для будущих поколении признательность нации»[146].

Вся социально-экономическая политика Консульства совершенно отчетливо проводилась в интересах буржуазии и имущего крестьянства. Социальные завоевания буржуазной революции неукоснительно отстаивались Наполеоном. Но так же последовательно он стремился к ликвидации всех ее демократических преобразований. Этим определялась и его политика в отношении церкви. Термидорианский Конвент и Директория в этой области оставались на позициях буржуазного свободомыслия – церковь по-прежнему была отделена от государства; революционное законодательство в этих вопросах в общем сохранялось, а с папством велась решительная борьба. Но Наполеон не случайно уже во время своего первого итальянского похода вел осторожную политику в отношении Рима и папы. Став первым консулом, он взял решительный курс на примирение с католической церковью и, в частности, с папой.

Наполеон учитывал, что во французской деревне, в огромной своей массе религиозной, эта политика будет популярна. Он высоко ценил также роль церкви в поддержании основ буржуазного общества. «Общество не может существовать без неравенства состояний, – утверждал он в беседе с тем же Редерером, – а неравенство состояний не может существовать без религии. Когда один человек умирает с голоду рядом с другим, у которого все в избытке, он не может согласиться с этим различием, если нет власти, которая говорит ему: „Этого хочет бог. Нужно, чтобы в мире существовали бедные и богатые…“ Я вижу в религии не тайну воплощения, а тайну общественного строя; она связывает идею равенства с небом, и только это мешает тому, чтобы богач не оказался зарезанным бедняком» [п].

После длительных переговоров с Ватиканом 16 июля 1801 г. был подписан конкордат с папой. Католическая религия вновь признавалась религией «большинства французов»; отделение церкви от государства уничтожалось, государство вновь брало на себя оплату священников; полностью восстанавливалось свободное отправление культа. Конкордат означал признание власти первого консула со стороны опаснейшего противника – церкви. При этом интересы наполеоновского государства были полностью защищены: кандидатуры на пост епископов должны были выдвигаться государством, и только инвеституру они получали от папы. Зато церковь отказывалась от каких бы то ни было претензий на конфискованные и распроданные в годы революции церковные владения. Интересы приобретателей национальных имуществ – одной из главных опор наполеоновского режима

---

144 *P. L. Roederer.* Oeuvres, v. III. Paris, 1854, p. 332.

145 «Correspondance de l’empereur Napoleon I», v. I–XXVIII. Paris, 1858–1869 (далее «Correspondance»), v. VI, N 5090.

146 Collection complete des lois, deciets, ordonnances… par J. B. Duvergier. Paris, 1824, v. 1, P. 205.

– были твердо гарантированы.

Это примирение папы с Наполеоном после долгих лет борьбы церкви против французской революции, несомненно, содействовало укреплению Консульства. Недаром Наполеон говорил: «Я восстанавливаю религию для себя» ,[2]. Почти одновременно было принято решение об образовании «почетного легиона» – первая мера Наполеона к созданию «демократического дворянства».

Весь этот курс отталкивал от Наполеона некоторые буржуазно-либеральные круги, поддерживавшие сперва переворот 18 брюмера. Трибунат демонстративно избрал своим председателем Шаппуи, автора исследования о культах, враждебного католицизму; в состав сената введен был конституционный епископ Грегуар, видный деятель революции, противник Ватикана. Оппозиционные настроения были сильны в кругах сторонников Сиейеса, среди части генералов.

Но Бонапарт, упоенный военными успехами, чувствовал себя уже в силах «закрыть рот» оппозиции. Под предлогом очередного обновления была произведена чистка трибуната – из него были удалены все виднейшие представители либеральной оппозиции – Бенжамен Констан, Шенье, Ж. -Б. Сэй и др. Сиейес вынужден был фактически отказаться от всякой активной политической деятельности. «Пусть он зажжет свечу в соборе Парижской богоматери, – презрительно заявил Наполеон, – за то, что так счастливо отделался»[147]. «Заговор всех неудавшихся Бонапартов» (по меткому определению Сореля[148]) в военной среде Наполеон подавил так же решительно; некоторые его участники были репрессированы или уволены в отставку; другие, в том числе такие видные генералы, как Макдональд, Брюн, Ланн, были назначены дипломатическими представителями и таким образом временно удалены из Франции.

Одновременно с провозглашением Бонапарта пожизненным консулом был внесен ряд существенных изменений в конституцию. Они еще более урезывали парламентаризм: состав трибуната уменьшался до 50 человек, и возможности свободной дискуссии в нем были крайне ограничены. Сенат получал право издания «сенатус-консультов» – чрезвычайных законов, не подлежащих обсуждению трибунатом. Ему предоставлено было также право роспуска законодательных собраний и внесения изменений в конституцию. Урезаны были и прерогативы государственного совета; право обсуждения мирных договоров было передано вновь созданному «личному совету» при первом консуле.

Все значение для будущих судеб Франции этих ограничений, вернее, фактической ликвидации политической демократии и усиливавшегося самовластия Наполеона, стало, однако, ясным только позднее. Оппозиционные настроения, так быстро и решительно подавленные Наполеоном, были распространены пока еще только в очень незначительных слоях – среди недовольных «брюмерианцев», среди уцелевших якобинцев, ушедших в подполье. Среди подавляющего большинства французского народа, особенно среди буржуазии и крестьянства, авторитет и личная популярность первого консула были еще чрезвычайно велики. Этому содействовали Люневильский и Амьенский договоры, обеспечивавшие стране мирную передышку, подписание конкордата, установление свободы религии, ликвидация Вандеи и шуанства, экономический подъем в стране.

Этому немало содействовала и выработка гражданского кодекса, закрепившего правовые основы победившего буржуазного общества. «Моя слава, – говорил Наполеон, – не в том, что я выиграл сорок сражений… То, что будет жить вечно, это мой гражданский кодекс»[149]. Кодекс был, действительно, образцом наиболее передового для того времени

---

147 «Correspondance», v. VII, N 5922.

148 A. Sorel. L’Europe et la Revolution francaise, v. VI. Paris. 1903, p. 215.

149 L. Madelin Histoire du consulat et de l’Empire, v. IV, p. 207.

прогрессивного буржуазного законодательства. В основу его была положена идея неприкосновенности частной собственности. «Право собственности, – утверждал один из его авторов, Порталис, изгнанный в фруктидоре и ставший при Наполеоне министром, – основное право, на котором покоятся все общественные учреждения, столь же драгоценное для каждого человека, как и его жизнь».

Эту точку зрения полностью разделял Наполеон, подчеркнувший на одном из заседаний государственного совета «необходимость умножить число собственников, являющихся твердой опорой безопасности и спокойствия государств» [150].

Наполеон настаивал на всяческом усилении элементов патернализма и авторитаризма при определении семейно-правовых отношений. Считая, что всякому обществу необходим глава, а *в* семье главой является муж, Наполеон добился того, что кодекс закрепил за счет ограничения прав жены и детей власть супруга и отца. Ему вверялось распоряжение всем имуществом. Свадьба могла состояться лишь по разрешению родителей. Вопросы наследства регулировал только отец.

«Гражданский кодекс» вводился в большинстве стран, которые были оккупированы французскими войсками, в частности в Рейнской провинции. Он, действительно, пережил Наполеона. Энгельс в 70-х годах XIX в. охарактеризовал его как *«единственный* современный буржуазный кодекс, имеющий своей основой социальные завоевания великой французской революции, которые этот кодекс переводит на юридический язык…» [151] В этой области, как почти и во всем своем социальном законодательстве, Наполеон выступал как наследник принципов великой буржуазной революции, хотя он и попирал все ее демократические завоевания.

Провозглашение империи

Непрестанное расширение личной власти Наполеона усиливало враждебное отношение к «корсиканскому выскочке» «законных» глав феодально-абсолютистских монархий в Центральной и Восточной Европе, скрепя сердце согласившихся на его признание, но жаждавших реванша. Вся внешняя политика первого консула содействовала развитию этих реваншистских планов. Наполеона уже не устраивала политика «естественных границ». Он довольно бесцеремонно хозяйничал в Италии: к Цизальпинской республике был присоединен ряд государств, а Пьемонт, вопреки оппозиции России, был оккупирован в сентябре 1802 г. Наполеон вмешался во внутреннюю борьбу швейцарских кантонов, выступая в роли «посредника», и фактически превратился в «протектора» Гельветической республики.

Не довольствуясь левым берегом Рейна, он стал активно вмешиваться в германские дела. При его содействии в феврале 1803 г. был проведен акт о «рецессии». Уничтожались – и это, несомненно, имело большое прогрессивное значение – десятки мелких конфессиональных и княжеских владений. Благодаря французскому вмешательству округлялись владения как раз тех преимущественно южногерманских курфюрстов в Баварии, Вюртемберге, Бадене и др., которые выступали уже как наполеоновские союзники.

Бонапарт попытался также возобновить колониальную экспансию Франции. Еще до заключения Амьенского мира была послана военная экспедиция на Сан-Доминго. «Черный консул» Туссен-Лувертюр обманным способом был пленен и отправлен во Францию, где и умер. Декретом 1802 г. было восстановлено рабовладение в большинстве французских колоний. Наполеон стремился также усилить французское влияние на территории Северной Америки – Испания уступила ему Луизиану. Правда, вся эта политика оказалась неудачной –

---

[150] *Locre.* Esprit du Code Napoleon. Paris, 1805–1808, v. III, p. 99.

[151] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 111.

французская экспедиционная армия на Сан-Доминго, очень ослабленная из-за тропических болезней, была разбита; Луизиану в конце концов Наполеону пришлось продать.

Все эти попытки, активность на Ближнем Востоке чрезвычайно встревожили Англию, где и без того усилились круги, требовавшие возобновления войны. Английская дипломатия усердно стремилась к восстановлению антифранцузской коалиции. Англичане упорно отказывались, вопреки условиям Амьенского договора, очистить о-в Мальту, провоцируя разрыв мирного договора. Наполеон стремился превратить этот отказ в повод для обострения отношений. «Мне казалось, – писал английский посол после одной из сцен, устроенных ему первым консулом, – что я слышу драгунского капитана, а не главу одного из самых сильных государств в Европе»[152]. В марте 1803 г. во время бурной сцены при дворе в присутствии всех дипломатических представителей Наполеон заявил английскому послу: «Мальта или война». В мае посол покинул Париж. Военные действия с Англией возобновились; мирная передышка закончилась.

Уже в конце 1803 г. Наполеон создал военный лагерь в Булони, где была сконцентрирована сильная армия, предназначенная для высадки в Англии. Успех этой экспедиции зависел от французского флота. «Если вы сделаете меня хозяином Па-де-Кале на три дня, – писал Наполеон французскому адмиралу Вильневу, – я положу конец судьбам и существованию Англии»[153]. Но даже такого кратковременного перевеса в проливах французский флот, численно и качественно намного уступавший английскому, никак не мог обеспечить Наполеону. Когда уже позднее, осенью 1805 г., соединившись с испанской эскадрой, тот же Вильнев, уступая настойчивым требованиям Наполеона, попытался вступить в бой с англичанами, он потерпел под Трафальгаром (21 октября 1805 г.) самое сокрушительное поражение: из 33 франкоиспанских судов уцелело только 9, и наполеоновская Франция раз и навсегда лишилась возможности вести активные военно-морские операции. Слабость Франции на море лишала Наполеона возможности осуществить десант в Англии, но и Англии в 1803–1804 гг. не удалось еще приобрести надежных континентальных союзников, без чего она не могла нанести удара на суше.

Политика Наполеона облегчила, однако, Англии формирование новой, третьей коалиции. На том пути, которым Наполеон, «деспот по натуре, прирожденный самодержец»[154], шел к установлению своего полного единовластия, он сделал в 1804 г. решающий шаг.

В начале этого года было раскрыто существование роялистского заговора с целью похищения, а возможно, и убийства Наполеона. Для этого из Англии была переброшена сильная роялистская группа во главе с активным участником вандейского движения Жоржем Кадудалем. К этой группе вскоре присоединился и генерал Пишегрю, бывший в молодости, когда Наполеон воспитывался в военном училище, его преподавателем, выдвинувшийся во время революционных войн, председатель Совета пятисот, изгнанный после 18 фруктидора и бежавший в Англию. В Париже Пишегрю связался с генералом Моро, давним соперником Наполеона, проживавшим в столице в полуопале.

Следствие по этому делу Наполеон поручил своему самому доверенному лицу, уже упоминавшемуся нами Реалю. В результате Кадудаль и ряд его сообщников, покушавшиеся на жизнь первого консула, были казнены, Пишегрю удавился в тюремной камере. Моро был осужден на два года, которые заменены были ему изгнанием. Моро уехал в Соединенные Штаты.

В разгаре следствия Наполеону сообщили о подозрительных действиях на границе

---

[152] *A. Sorcl.* L'Europe et la Revolution francaise, v. VI, p. 272.

[153] «Correspondance», V. XI, N 9022.

[154] Е. В. Тарле. Наполеон. М., 1957, стр. 112.

одного из эмигрантов, герцога Энгиенского, якобы намеревавшегося вторгнуться на территорию Франции. Не считаясь с нормами международного права, Наполеон предписал похитить герцога Энгиенского, находившегося на территории нейтрального Баденского герцогства. 20 марта 1804 г. он был доставлен в Венсенский замок, под Парижем, и по приговору военного суда в ту же ночь расстрелян.

В напряженной обстановке, созданной заговором Кадудаля – Пишегрю против первого консула и казнью герцога Энгиенского, второй консул Камбасерес поставил в государственном совете вопрос о том, не следует ли сделать правительство Франции «наследственным». 3 мая 1804 г. трибунат высказался за назначение Наполеона императором и установление наследственной власти. Вслед за этим, 10 флореаля XII года (18 мая 1804 г.) был принят «сенатус-консульт», которым «во имя славы и благоденствия республики» сенат провозгласил Наполеона «императором французов». Плебисцит утвердил решение сената – только 2579 человек высказалось против. Не довольствуясь этим, Наполеон добился своей торжественной коронации в Париже 2 декабря 1804 г. римским папой. В последний момент Наполеон сам возложил корону на себя, а затем на свою жену, Жозефину Богарне, вдову казненного в годы якобинской диктатуры генерала Богарне. «О, если бы наш отец мог нас увидеть», – сказал своему брату Жозефу упоенный торжеством Наполеон. Его мечта о «новой династии» свершилась.

Провозглашение империи сопровождалось назначением шести «высших сановников»: «архиканцлером» стал бывший второй консул Камбасерес; «архиказначеем» третий консул Лебрен; «великим избирателем» назначен был Жозеф Бонапарт; «коннетаблем» – другой его брат Луи; испытанный кавалерист Мюрат, женатый на сестре Наполеона, стал даже «великим адмиралом». Ближайшие военные сподвижники Наполеона получили титул маршала. На смену сравнительно скромному консульскому двору пришел пышный императорский двор с придворными дамами, пажами, даже новой одеждой, расшитой золотыми пчелами на фоне алого бархата. У людей, веривших раньше республиканизму Наполеона, этот окончательный поворот вызвал глубокое разочарование и возмущение. Бетховен, собиравшийся посвятить Наполеону свою «Героическую симфонию», вычеркнул его имя и посвятил ее «памяти великого человека». Для Бетховена, как и для других демократов Европы, Наполеон был уже великим человеком только в прошлом, когда он еще в какой-то мере служил революции.

Казнь герцога Энгиенского вызвала бурю возмущения при дворах европейских монархий, в частности России, заявившей решительный протест. Уже в конце 1804 г. русский посол покинул Париж. Провозглашение империи вызвало еще большее негодование.

28 мая 1805 г. Бонапарт был провозглашен в Милане итальянским королем, он возложил на себя железный венец лангобардских королей, которым был коронован и Карл Великий.

В этих условиях формирование третьей коалиции чрезвычайно ускорилось. В апреле 1805 г. было заключено соглашение между Англией и Россией. В августе к ним присоединилась и Австрия. Одновременно переговоры о вхождении в коалицию велись и с Пруссией.

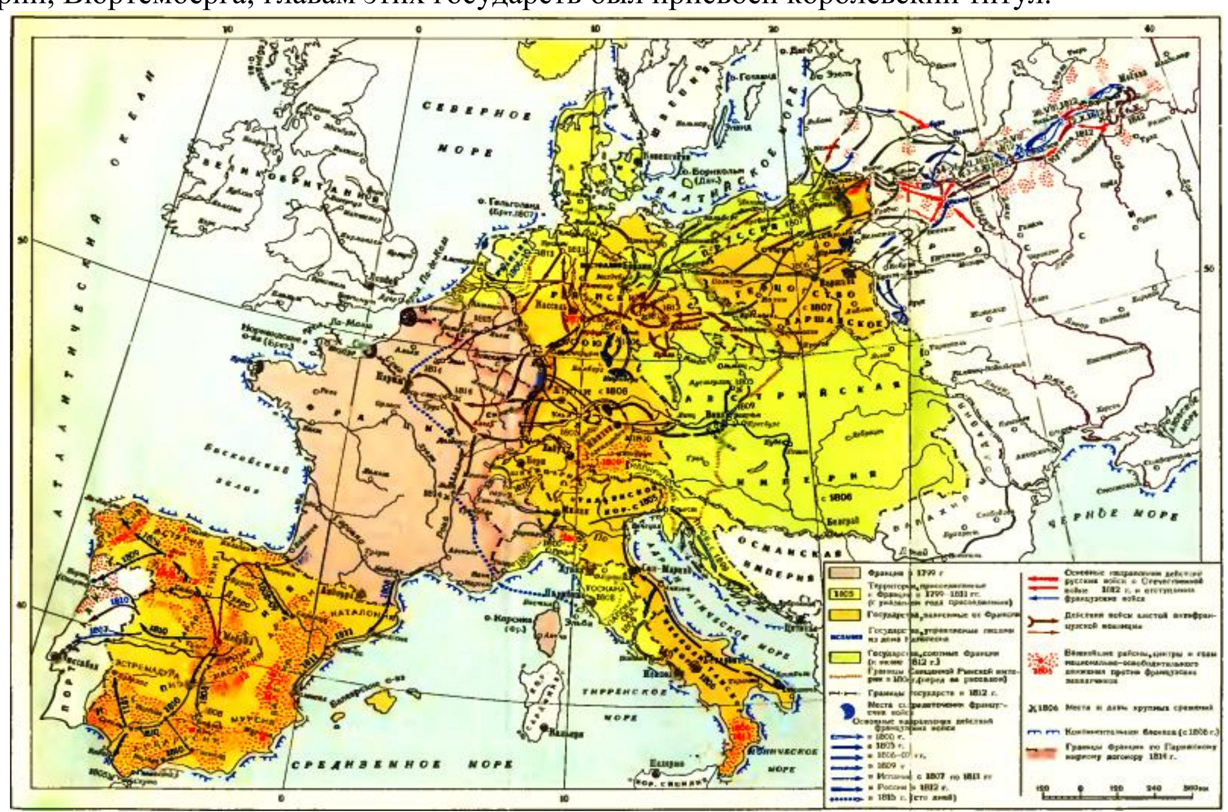
Выжидать нападения своих противников было не в привычках Наполеона. Быстрыми маршами армия, называвшаяся теперь «великой армией», устремилась из Булонского лагеря в южную Германию. 25 сентября 1805 г. началась новая наполеоновская кампания, одна из самых блестящих в его военной карьере.

Наполеон стремился разгромить австрийцев до того, как русские войска появятся на австрийской территории. Это ему удалось. Уже 16 октября крупнейшая австрийская армия под командованием генерала Мака была окружена под Ульмом и потеряла одними пленными около 50 тыс. человек. 14 ноября была занята Вена, причем австрийцы не взорвали даже мосты через Дунай.

Французы двинулись навстречу русской армии, которой австрийцы не могли уже оказать значительной поддержки. 2 декабря 1805 г. состоялось генеральное сражение под

Аустерлицем. При русско-австрийской армии находились оба императора, Александр I и Франц II, жаждавший реванша за Ульм. Наполеон действовал как тонкий психолог; он создал впечатление, что стремится уклониться от боя, собирается отступать и испытывает растерянность. Его противники попали в ловушку: их диспозиция оказалась именно такой, какой хотел Наполеон. Русские и австрийские войска спустились с важнейших Праценских высот, господствовавших над полем сражения, Наполеон легко овладел ими и создал угрозу окружения всей коалиционной армии, которая вынуждена была поспешно отступить. «Этот вечер самый прекрасный в моей жизни»[155], – заявил он, объезжая поле сражения. «Вам достаточно будет сказать: „Я был под Аустерлицем“, – писал он в приказе своим солдатам, – чтобы вам ответили – вот храбрец!»[156].

Венский двор немедленно капитулировал. Уже 26 декабря был подписан Пресбургский мир. На этот раз Австрия лишилась Венеции и всех бывших владений Венецианской республики на Адриатическом побережье – Истрии, Далмации и т. д. За счет австрийских владений была значительно расширена территория южногерманских союзников Наполеона – Баварии, Вюртемберга; главам этих государств был присвоен королевский титул.

Французская империя при Наполеоне I и ее крушение

Под явным впечатлением тяжелой неудачи под Аустерлицем скончался 23 января 1806 г. Уильям Питт, главный и наиболее упорный противник Наполеона. В состав нового английского правительства вошел сторонник мира с Францией Фокс, возглавивший министерство иностранных дел. Никогда еще шансы на мир с Англией не были так велики; переговоры о мире начаты были и с Россией.

Блеск и неудачи империи

---

[155] *A. Sorel.* L'Europe et la Revolution francaise, v. VI, p. 519.

[156] «Correspondance», v. XI, N 9537.

В декабре 1805 г. Наполеон издал знаменитый эдикт: «Королевская династия в Неаполе перестала править». С Неаполя начинается политика насаждения так называемых «наполеонидов». Королем обеих Сицилий стал старший брат Наполеона Жозеф, хотя его власть распространялась только на Неаполь, а о-в Сицилия, куда бежали неаполитанские Бурбоны, – находился под бдительной охраной английского флота.

В июле 1806 г. создается Рейнская конфедерация из шестнадцати германских государей, поддерживавших Наполеона, ставшего «протектором» этой новой лиги. Центром конфедерации становится Франкфурт, и во главе ее был поставлен Карл Дальберг, бывший майнцский епископ, ставший «князем-приматом», великим герцогом франкфуртским. Все государи, вошедшие в состав Рейнской конфедерации, вышли из Священной римской империи германской нации. 6 августа 1806 г. Франц II отрекся от этого титула, которым австрийские императоры владели на протяжении столетий.

Так же бесцеремонно Наполеон стал хозяйничать и в Голландии – в том же 1806 г. Батавская республика была уничтожена и голландским королем стал другой брат Наполеона – Луи. Несколько новых государств Наполеон выкроил и для своей старшей сестры Элизы, и для своих приближенных. Мюрат стал великим герцогом Берга (на территории Германии), Талейран – князем Беневентским, начальник генерального штаба, маршал Бертье – князем Невшательским, маршал Бернадот, родственник Наполеона, получил Понтекорво и т. д.

Но Понтекорво и Беневент считались владениями папы, и это вызвало новый конфликт, на этот раз с римским папой, на светские владения которого Наполеон явно начинал претендовать Пий VII отказался признавать Жозефа неаполитанским королем и по-прежнему претендовал на Беневент и Понтекорво. Это вызвало грозное предупреждение Наполеона: «Ваше святейшество является сувереном Рима, но я являюсь его императором».

Льстивое заявление одного из наполеоновских приближенных: «Пусть западная империя возродится в империи Наполеона такой, какой она была при Карле Великом, – в составе Италии, Франции и Германии»[157], – соответствовало всей политике Наполеона. Это не могло не встретить решительного сопротивления. К тому же смерть Фокса в сентябре 1806 г. ускорила разрыв мирных переговоров с Англией. В том же сентябре долго колебавшийся прусский король предъявил Наполеону ультиматум, требуя очищения германской территории. Так возникла новая, четвертая коалиция, главными участниками которой были Англия, Россия и Пруссия.

После побед Фридриха II в XVIII в. прусская армия считалась одной из сильнейших в Европе, и руководители новой коалиции возлагали на нее большие надежды. Однако Наполеон со свойственной ему быстротой, решительностью и смелостью обрушился и на этого противника. 25 сентября 1806 г. он выехал из императорского замка в Сен-Клу и 3 октября прибыл в армию. Уже 14 октября в один и тот же день под Иеной, где руководил сам Наполеон, и под Ауэрштадтом, где командовал один из его лучших маршалов, Даву, произошли два сражения, в которых пруссаки были буквально раздавлены. 27 октября французы вступили в Берлин. 7 ноября сдалась последняя крупная прусская армия генерала Блюхера. Одна за другой без всякого сопротивления сдавались считавшиеся неприступными прусские крепости. Не занятой французами осталась только небольшая часть Восточной Пруссии, которую удалось удержать лишь благодаря русским войскам. «Наполеон дунул, и Пруссии не стало», – писал впоследствии Генрих Гейне. Иена была позорнейшей страницей прусской военной истории. «Лучше сто раз умереть, чем пережить это вновь», – писал прусский фельдмаршал Гнейзенау.

Аустерлиц и Иена, кампании 1805–1806 гг являлись, несомненно, свидетельством замечательного военного дарования Наполеона, по мнению Е. В. Тарле, «величайшего

---

157 *Ed. Driault.* La politique exterieure de premier Consul. Paris, 1910, p. 160.

военного гения мировой истории»[158]. Но одним блестящим военным талантом Наполеона нельзя объяснить его победы. «Великая армия» пользовалась преимуществами нового способа ведения войны, который «появился на свет в ходе американской войны за независимость, французских революционных войн и благодаря самому Наполеону»[159]. Наполеоновская армия в 1805–1806 гг. все еще была в основном крестьянской армией, сохранившей всю свою ненависть к феодализму, с новым командным составом, в значительной степени пополнявшимся выходцами из народных низов. Маршал Мюрат был сыном трактирщика, Ней – сыном бочара, отец маршала Ожеро был лакеем, отец одного из наиболее прославленных маршалов, Ланна, был конюшим, а сам он в молодости был подмастерьем-маляром, Лефевр начал военную службу как простой солдат, а другой маршал, Виктор, был барабанщиком. Правда, наполеоновские войны приобретали все более захватнический, агрессивный характер, и последствия этого не замедлили сказаться. Но все же на полях Аустерлица и Иены столкнулись армии крепостнических монархий, основанные на палочной муштре, с армией страны, где феодализм был полностью уничтожен, а все благодетельные последствия буржуазной революции не могли еще быть искоренены наполеоновским деспотизмом.

Вслед за осенними победами 1806 г. Наполеона ждали, однако, серьезные испытания. Мирные переговоры с Россией были прекращены, и русская армия продолжала свои военные действия. На территории польских и восточнопрусских земель принципы военной стратегии Наполеона все больше оказывались неприменимыми. Коммуникации «великой армии» растягивались, снабжение ее становилось затруднительным. Закончить кампанию молниеносным ударом, как привык Наполеон, было в таких условиях невозможно. Более того, в сражении под Прейсиш-Эйлау (февраль 1807 г.) Наполеон, хотя он лично руководил боем, не сумел добиться победы. Правда, и русский командующий генерал Беннигсен, посылая в Петербург победную реляцию, грешил против истины. Фактически сражение окончилось вничью, но для Наполеона такой результат был равносилен поражению. К тому же французы понесли тяжелые потери. Хотя Наполеон с присущей ему холодной невозмутимостью настаивал на том, что потерям под Эйлау не следует придавать серьезного значения, но этот исход боя был для него первым серьезным предупреждением.

Военный механизм наполеоновской монархии действовал еще, однако, исправно. К «великой армии» были подтянуты резервы, подвезена артиллерия, боеприпасы, продовольствие. 14 июня 1807 г. под Фридландом Наполеону удалось нанести Беннигсену тяжелое поражение. Французская армия стояла у границ России.

Продолжать войну в этих условиях, при отсутствии союзников на континенте, казалось русским правящим кругам очень рискованным. Но и Наполеон страшился переходить Неман. Обе стороны охотно вступили поэтому в мирные переговоры. 24 июня на плоту в Тильзите состоялась знаменитая встреча Александра I и Наполеона. Недавние противники обняли друг друга. 7 июля в Тильзите был подписан договор, оформивший франко-русский союз. Казалось, что Наполеон достиг зенита славы. Позднее, уже на о-ве Святой Елены, генерал Гурго спросил Наполеона, когда он чувствовал себя наиболее счастливым; Наполеон ответил: «Возможно, что это было в Тильзите»[160].

Пруссии Наполеон продиктовал в Тильзите самые тяжелые условия «унизительного мира», как характеризовал его В. И. Ленин[161]. Он собирался вовсе уничтожить Пруссию как

---

158 *Е. В. Тарле.* Наполеон, стр. 5.

159 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 10, стр. 559.

160 *Courgaud.* Journal, v. И. Paris, 1899, p. 55.

161 Накануне заключения Брест-Литовского мирного договора в 1918 г. Ленин неоднократно возвращался к оценке Тильзитского мира – см. его статью «Несчастный мир» (В. *И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр.

самостоятельное государство и уступил только по настоянию Александра I. Пруссия была лишена всех своих владений к западу от Эльбы. Из этих земель и Ганновера, отнятого у английского короля, Наполеон создал новое королевство. Вестфальское, во главе которого был поставлен его брат Жером. Из отнятых у Пруссии бывших польских земель было создано Великое герцогство Варшавское во главе с союзником Наполеона саксонским королем. Пруссия должна была уплатить тяжелую контрибуцию и, в случае необходимости, так же, как и Рейнская конфедерация, поставлять во французскую армию военные контингенты. До уплаты контрибуции прусские крепости были оккупированы французскими войсками.

От России Наполеон не требовал никаких территориальных уступок. Она отказалась только от своих средиземноморских позиций – эвакуировала Катарский порт и Ионические о-ва, но к России переходил Белостокский округ. Наполеон обязался поддержать Россию и против Швеции, и против Турции (хотя и твердо решил не уступать России ни Константинополь, ни проливы). Россия давала ему со своей стороны чрезвычайно важное обязательство – поддержать его в борьбе с Англией и присоединиться к континентальной блокаде[162].

Для Наполеона это присоединение и последовавшее за ним объявление Россией войны Англии (31 октября 1807 г.) имело крупнейшее значение. Разгром французского флота под Трафальгаром вынуждал Наполеона отказаться от какой-либо надежды на возможность высадки десанта в Англии. Разгромив Австрию и Пруссию, Наполеон пытался теперь сломить своего главного и непримиримого противника путем экономического удушения. 21 ноября 1806 г. Наполеон подписал в Берлине знаменитый декрет о континентальной блокаде. До того, и в период революционных войн, и при Консульстве, Франция закрывала Англии возможность ввоза товаров в свои собственные пределы. Сейчас, овладев значительной частью Европейского континента, Наполеон поставил своей задачей закрыть для Англии весь европейский рынок. «Британские острова объявляются в состоянии блокады. Всякая торговля и всякие сношения с британскими островами запрещены… Никакое судно, идущее прямо из Англии или из ее колоний… не будет принято ни в один порт», – гласил берлинский декрет[163].

Англия ответила на него контрмерой. Используя свое господство на морях, она в свою очередь объявила Франции экономическую войну. «Королевскими приказами» 1807 г. всем нейтральным странам запрещалась торговля с Францией и ее союзниками; каждому судну предписывалось заходить в английский порт и там вносить соответствующую пошлину. В ответ на это Наполеон двумя декретами, подписанными в Милане (23 ноября и 17 декабря 1807 г.), предупредил, что каждое нейтральное судно, подчинившееся этим приказам, будет

382–383); см. также «Ленинский сборник», т. XII.

162 Для истории тильзитских переговоров сохранила свое значение работа А. Вандаля «Наполеон и Александр I», т. I (рус. пер. – СПб, 1910). Новейшая публикация русских дипломатических Документов этого периода – «Внешняя политика России XIX – начала XX в.», серия 1-ая (1801–1815), т. Ill, М., 1963; см. также: *В. Сироткин.* Тильзитский мир. – «Французский Ежегодник. 1963». М., 1964; *А. М. Станиславская.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.

163 «Correspondance», v. XIII, № 11283. Одним из первых исследований в мировой исторической литературе, посвященных континентальной блокаде, явилась до сих пор сохранившая свое значение книга Е. В. Тарле «Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговле Франций в эпоху Наполеона I» (1-е изд. – 1913 г.). – Соч., т. III. М., 1958); он *же.* Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I (1-ое изд. – 1916 г.). – Соч., т. IV. Из новейшей литературы см.: *М. Ф. Злотников.* Континентальная блокада и Россия. М., 1967; *M. Dunan.* Napoleon et l’Allemagne (1806–1810). Le systeme continental et les debuts du royaume de Baviere. Paris, 1949; *F. Crouzet.* L’economie britannique et le Blocus continental (1806–1813), t. 1–2. Paris, 1958; см. также: *А. А. Нарочницкий.* Об историческом значении континентальной блокады. – «Новая и новейшая история», 1965, № 6.

рассматриваться как английское со всеми вытекающими из этого последствиями – оно может быть захвачено в открытом море, а в случае захода во французские или союзные порты его груз подлежит конфискации. Еще позднее (в 1810 г.) по Трианонскому декрету для борьбы с ввозом английских колониальных товаров, по-прежнему провозившихся под видом товаров нейтральных стран, Наполеон установил неслыханно высокие тарифы на них, т. е, по существу попытался закрыть европейский рынок не только для английских, но и для каких бы то ни было колониальных товаров вообще.

Континентальную блокаду, как совершенно правильно отмечал Е. В. Тарле, было бы неправильно рассматривать только как «шахматный ход французского императора в борьбе против смертельного врага»[164]. Она была продолжением той почти столетней войны, которую вели между собой Англия и Франция в XVIII в. в интересах прежде всего своей торговой и промышленной буржуазии. Это была борьба за мировое экономическое первенство, за колониальную гегемонию, за господствующее положение на Европейском континенте, в Северной Америке и в Индии. Закрывая французский и европейский рынок для английских промышленных товаров, Наполеон действовал, несомненно, в интересах французской промышленной буржуазии, извлекшей из этой политики немедленные и очень существенные выгоды.

Однако также очевидно, что в эту политику континентальной блокады, на первых порах встречавшую полную поддержку буржуазии, Наполеон привносил авторитарные черты, продиктованные его аннексионистской политикой, в результате чего континентальная блокада в какой-то мере шла в ущерб французской экономике. Например, трианонский тариф тяжело отразился не только на всем населении Франции и ее союзников, лишившихся таких предметов потребления, как сахар, чай, кофе и т. д., но и на самых передовых отраслях тогдашней индустрии, прежде всего текстильной, из-за исчезновения хлопка и красителей. Кроме того, континентальная блокада, проводимая со всей присущей Наполеону решительностью, упорством и беспощадностью, все больше увлекала его по роковому пути новых аннексий и войн. Это прежде всего сказалось в его политике на Пиренейском полуострове.

Успех континентальной блокады зависел от того, будут ли Европа и все ее побережье герметически закрыты для английских товаров. Тильзит вселял в Наполеона надежду на то, что Англии будет закрыт доступ в Балтийское море и что она лишится жизненно важных для нее предметов русского, прусского и польского экспорта – хлеба, льна, пеньки, полотна и корабельного леса, от поставок которых зависело английское судостроение. Но теперь Наполеону казалось важным распространить свое влияние и на Пиренейский полуостров и лишить Англию португальских и испанских портов.

Уже в 1807 г. по тайному соглашению с испанским правительством и его главой фаворитом испанской королевы пресловутым «князем мира» Годоем в Португалию были введены французские войска. Когда командовавший ими генерал Жюно не принял достаточно энергичных мер для проведения континентальной блокады, император – обрушился на него (хотя Жюно был его любимцем и сопутствовал Наполеону на протяжении его жизни, начиная с Тулона): «Этим вы делаете завоевание Португалии бесполезным; я только для этого ее и завоевал»[165].

---

[164] Е. В. Тарле. Континентальная блокада – Соч., т. III, стр. 21.

[165] *Е. В. Тарле.* Соч., т. III, стр. 546.

Восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде. Гойя.

Не довольствуясь, однако, Португалией, Наполеон решил подчинить себе и Испанию. Воспользовавшись внутренними распрями в стране – столкновением между королем Карлом IV и его сыном, будущим Фердинандом VII, восстанием в Мадриде, приведшим к свержению короля и Годоя, – Наполеон добился, не прибегая к оружию, важных для себя результатов. В Байонне, на франкоиспанской границе, куда он пригласил всех членов испанской королевской семьи, он сумел повести дело таким образом, что и Карл, и Фердинанд отказались от трона и затем были подвергнуты почетному заключению в различных французских замках. На испанский престол был посажен брат Наполеона Жозеф, торжественно въехавший 20 июля 1808 г. в Мадрид. Вместо него неаполитанским королем стал маршал Мюрат (бывший к тому времени великим герцогом Берга).

Считая испанскую монархию совершенно разложившейся, Наполеон не предполагал натолкнуться на какое-либо серьезное сопротивление. Но его ожидала полная неожиданность – он встретил «героическую мощь народа, внезапно воспрянувшего от долгого сна и словно под действием электрического тока ринувшегося в лихорадочную деятельность»[166]. В Испании наполеоновской армии впервые пришлось столкнуться с массовым народным восстанием, отстаивавшим независимость своей страны. Повсеместно стали возникать партизанские отряды В июле 1808 г. всю Европу, точно оцепеневшую и придавленную наполеоновским господством, облетело совершенно неожиданное известие – как раз за несколько дней до вступления Жозефа в Мадрид испанцы под Байленом окружили и вынудили к капитуляции целую французскую дивизию под командованием генерала Дюпона.

Это было первое поражение, нанесенное, как казалось, совершенно непобедимой армии. Ободренные этим, англичане в августе 1808 г. высадили свои войска в Португалии и в свою очередь нанесли поражение французам. 30 августа Жюно подписал соглашение о капитуляции, правда на более почетных условиях: французской армии было сохранено оружие, она была полностью эвакуирована и сохраняла право принимать участие в военных действиях. Но Португалия была потеряна безвозвратно, и англичане получили важный плацдарм для дальнейших операций и поддержки восстания в Испании.

Испанское восстание носило сложный характер. «Всем войнам за независимость, – писал К. Маркс, – которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности, но нигде эта двойственность не проявлялась так ярко, как в Испании»[167]. Восстание было глубоко народным. В вооруженной борьбе против французского вторжения приняли участие широчайшие массы, проявившие невероятное

---

[166] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 10, стр. 439. Вся серия статей Маркса, озаглавленная «Революционная Испания», дает очень глубокий анализ событий в этой стране в 1808–1814 гг.

[167] Там же, стр. 436.

мужество и героизм. Но в этом движении большую роль играли также дворянство и, особенно, представители католической церкви [168]. Как раз в феврале 1808 г. французские войска вступили в Рим, и протестовавший против этого папа оказался фактически под домашним арестом. Не удивительно, что Ватикан активно поддерживал борьбу в Испании против Наполеона. «Верховная правительственная хунта Испании и Индии», возглавившая движение, провозгласила его целью восстановление независимости Испании, но вместе с тем выдвинула и требование возвращения «нашего короля и государя Фердинанда VII и прочих королевских особ»[169]. Как бы ни тормозила активность народных масс эта политика верхов – испанское восстание и его победы оказали большое влияние на всю Европу и дали крупнейший толчок к пробуждению национально-освободительного движения во всех остальных завоеванных Наполеоном странах, прежде, всего в Германии.

Подавить движение силами отдельных французских корпусов оказалось невозможным. Наполеон понимал, что в Испанию нужно двинуть «великую армию», расквартированную в основном в Пруссии. Но в новой обстановке, совершенно неожиданно сложившейся в 1808 г., в условиях разгоревшегося, как костер, восстания в Испании, поражения под Байленом, высадки англичан в Португалии и глухого недовольства во всей завоеванной Европе, он имел все основания опасаться, что после переброски «великой армии» в Испанию какая-нибудь из европейских держав, прежде всего Австрия, может возобновить против него войну. Удержать Австрию, как он полагал, могла только угроза со стороны России.

Поэтому прежде, чем возглавить поход в Испанию, Наполеон в сентябре – октябре 1808 г. вновь встретился в Эрфурте с Александром I. Внешне эта встреча была обставлена чрезвычайно помпезно – в Эрфурт съехались десятки немецких государей, раболепствовавших перед Наполеоном. Но со времени Тильзита во взаимоотношениях между двумя императорами многое изменилось.

Наполеон не добился от Александра I тех уступок, которых он ожидал. Байлен показал, что почва под наполеоновской империей начинает колебаться, и Александр I сделал из этого свои выводы. Советы не идти на чрезмерные уступки Александр получил не от кого иного, как Талейрана. Испытывая недоверие к Талейрану и его постоянным интригам, Наполеон отстранил его с поста министра иностранных дел, но опрометчиво взял с собою в Эрфурт, чтобы использовать авторитет крупнейшего дипломата. Однако Талейран понимал уже, что наполеоновская Империя уязвима, и с присущим ему двуличием торопился подготовить пути для отступления. Этим и объяснялось его вероломное по отношению к Наполеону поведение в Эрфурте, за что он был впоследствии щедро награжден Россией.

Хотя Эрфурт и не оправдал надежд Наполеона, положение в Испании не терпело отлагательств. В ноябре 1808 г. «великая армия» начала испанский поход. Уже в декабре Наполеон вступил в Мадрид. Он издал ряд декретов, по которым уничтожалась испанская инквизиция, резко уменьшалось число монастырей и конфисковывались их владения. Но покорение Испании сопровождалось огромными трудностями. Два месяца продолжалась осада Сарагосы, и, хотя французские войска возглавлял один из лучших военачальников, маршал. Ланн, им с величайшим трудом удалось овладеть городом, где приходилось брать улицу за улицей, дом за домом. Задачу сбросить англичан в море удалось решить только частично – английская армия отступила, но окружения она избежала, успев погрузиться на суда.

Уже в январе 1809 г. Наполеону спешно пришлось покинуть Испанию из-за усиленных военных приготовлений Австрии. Испанский поход императора не был доведен до конца.

---

[168] «Идите во имя господа, его непорочной матери, ее достойного супруга Иосифа, и будьте уверены в победе», – таков был текст одного из призывов, распространявшихся среди восставших *(С. Lefebvre.* Napoleon. Paris, 1965, p. 268).

[169] См. *И. М. Майский.* Наполеон и Испания. – «Из истории общественных движений и международных отношений. В память акад. Е. В. Тарле». М., 1957.

Испанские повстанцы не были окончательно сломлены. Наполеон вынужден был оставить в Испании значительную часть армии во главе с маршалами Неем и Сультом, и это значительно его ослабило в предстоящей войне с Австрией. Испанская рана продолжала кровоточить, и начиная с 1808 г. это постоянно и очень болезненно ощущалось Наполеоном. Позднее, уже на о-ве Святой Елены он признал, что вся его испанская политика была серьезной ошибкой. Но эта ошибка была неразрывно связана со всем курсом наполеоновской политики.

К марту 1809 г. у Наполеона была готова новая, 300-тысячная армия. Но она была все же значительно слабее той армии, которой он располагал в 1805 г. Она не была уже однородна – большую ее часть составляли итальянские и немецкие контингенты. Часть своих лучших, старых испытанных солдат и офицеров Наполеону пришлось оставить в Испании. Между тем Австрия на этот раз представляла гораздо более серьезную угрозу. Она выставила сильную армию, и самая война была неизмеримо более популярна в стране. Австрия пользовалась теперь симпатией во всех немецких государствах, особенно в Пруссии, где шла лихорадочная подготовка к реваншу, сопровождавшаяся реформами устарелых общественных отношений, провозглашением отмены крепостного права, реорганизацией армии, выдвижением новых государственных деятелей.

Талейран. Гравюрапо портрету Жерара

Военные действия с Австрией возобновились в апреле 1809 г. На первых порах они шли успешно: уже 12 мая Наполеон был в Вене, австрийская армия отступила на другой берег Дуная, правда не так беспорядочно, как в 1805 г., и успев взорвать мосты. Но Наполеон стремился к молниеносному уничтожению противника. Не обеспечив тщательной организации переправы, он уже 21 мая на понтонных мостах перебросил на другой берег Дуная несколько десятков тысяч своих солдат и вступил в бой с австрийцами. Однако в самый разгар сражения мосты оборвались, и над частью французской армии, успевшей переправиться, нависла угроза оказаться отрезанной и уничтоженной преобладающими силами противника. Ценой тяжелейших потерь французским войскам удалось уйти от полного окружения и спастись на о-ве Лобау, находящемся на середине Дуная. До сих пор начиная с 1796 г. из всех сражений с австрийцами Наполеон неизменно выходил победителем; теперь впервые он потерпел неудачу. На этот раз под Эслингом была разбита не отдельная французская дивизия, как под Байленом, а императорская армия под командованием самого Наполеона. В Европе это произвело сильнейшее впечатление: на помощь австрийцам выступил отряд прусских гусар под командованием майора Шилля. Правда, он был немедленно разбит, но это выступление свидетельствовало о том, насколько усилилось национальное движение в Пруссии, ставившее своей задачей уничтожение

наполеоновского господства. В тылу Наполеона вспыхнуло восстание в Тироле, во главе с трактирщиком Андреасом Гофером, и его подавление оказалось далеко не легким делом.

Еще в 1801 г. в беседе с сенаторами Наполеон заявил, что, когда он потерпит первое поражение, он примет все меры для того, чтобы дать новый бой и одержать победу, но, если он опять потерпит неудачу, он умрет на поле сражения[170]. После поражения под Эслингом, так же как и после Прейсиш-Эйлау, Наполеон со всем присущим ему хладнокровием и методичностью начал готовить новое сражение. На о-ве Лобау собраны были новые десятки тысяч солдат, переправа на этот раз была подготовлена со всей тщательностью. 6 июля 1809 г. в сражении под Ваграмом Наполеону удалось нанести австрийцам новое поражение. Но эта победа не напоминала уже ни его блистательные итальянские успехи 1796 г., ни Аустерлиц. Австрийцы держались несравненно более стойко, и победа далась чрезвычайно тяжелыми усилиями и ценой огромных человеческих жертв.

В октябре 1809 г. Австрия подписала венский мир на очень тяжелых условиях – она теряла теперь все свои иллирийские земли по Адриатическому побережью и лишалась выхода к морю. Значительную часть своих тирольских владений Австрия должна была уступить наполеоновскому союзнику Баварии. Хотя на территории Варшавского герцогства военные операции шли более успешно для австрийцев, так как русские войска, выставленные под давлением Наполеона, фактически почти бездействовали, у Австрии были отняты и ее бывшие польские владения. Краков и Люблин отошли к Варшавскому герцогству; России Наполеон уступил только небольшую территорию вокруг Тернополя.

Это округление и расширение границ Варшавского герцогства не могло не вызывать подозрений у Александра I. Правда, у Наполеона не было сочувствия к национально-объединительным стремлениям польского народа. Это превосходно понимал выдающийся польский патриот Тадеуш Костюшко. Еще в 1807 г. он отверг сделанное ему Наполеоном предложение о сотрудничестве. «Он думает только о себе, – заявил Костюшко, – он ненавидит каждую крупную национальность и еще больше – самый дух независимости; это тиран». В одном из своих конспектов по истории франко-польских отношений Маркс писал: «Разбив пруссаков и русских с помощью поляков, Наполеон распоряжался Польшей, как если бы она была завоеванной страной и его частной собственностью… Даву (командовавший французскими войсками. – *Ред.)* правил в Варшаве, как паша. Он фактически превратил герцогство в вербовочный пункт для Франции, в военный резерв»[171]. Восемьдесят тысяч поляков из сформированных на территории герцогства польских легионов были направлены в Испанию.

Но если Наполеон и не задумывался над восстановлением единой, независимой Польши, то Варшавское герцогство было все же для него очень важной козырной картой. Поддерживая среди поляков выгодные ему иллюзии и надежды, Наполеон подготовлял для себя важный плацдарм и опорный пункт на случай возможных осложнений с Россией. Из опыта 1809 г. Наполеон сделал вывод, что Россия не является для него надежным союзником. Франко-русские отношения начали ухудшаться, и сложная игра Наполеона в Варшавском герцогстве этому содействовала. Этому ухудшению отношений с Россией содействовал и так называемый «австрийский брак» Наполеона в 1810 г.

Брак Наполеона с Жозефиной Богарне был бездетным. Между тем «новой династии» нужен был продолжатель. Жадная свора бонапартовских родственников, ненавидевшая Жозефину, уже давно требовала от Наполеона расторжения брака. После Тильзита у Наполеона возникла мысль об укреплении франко-русского союза путем женитьбы на русской великой княжне. Но императорская фамилия, отражавшая настроения дворянской знати, недовольной сближением с Наполеоном, категорически противилась такому браку. В

---

170 *P. L. Roederer. Qeuvres, v. III, p. 371.*

171 ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1792.

1809 г. Наполеон вновь начал настаивать на своем предложении, но, столкнувшись с отказом Александра I, внезапно изъявил намерение жениться на дочери австрийского императора, восемнадцатилетней Марии-Луизе. Австрийское правительство поспешило согласиться, и в апреле 1810 г. брак состоялся. В начале 1811 г. Наполеон еще до исхода предстоявших родов Марии-Луизы провозгласил своего будущего сына «римским королем». Счастье улыбнулось императору, и 20 марта 1811 г. у него родился сын, Наполеон II, которому, однако, не привелось царствовать.

От политики франко-русского союза Наполеон теперь явно повернул к франко-австрийскому союзу. Но это означало, что над Восточной Европой вновь нависла угроза дипломатических и военных осложнений. Уже в феврале 1810 г. глава Рейнской конфедерации «князь-примат» Карл Дальберг заявил Меттерниху, уже тогда виднейшему австрийскому дипломату, долгое время бывшему послом при наполеоновском дворе: «…не пройдет и 15 месяцев, как у вас наступит охлаждение с Россией, а через 18 месяцев мы окажемся с ней в состоянии войны»[172]. Это предсказание сбылось.

Континентальная блокада

К 1810 г. наполеоновская Империя достигла, казалось, своего зенита. Франция состояла теперь из 130 департаментов вместо 83 во время революции. Но по существу вся Европа от Рейна до Эльбы, от берегов Немецкого моря до Адриатики в той или иной форме подчинилась французскому господству. В Испании, в северной и центральной Италии, в Неаполе, Вестфалии царствовали представители наполеоновской династии. Курфюрсты Баварии, Вюртемберга, Саксонии, ставшие королями благодаря Наполеону, безропотно подчинялись его воле. Щупальцы наполеоновской Империи протянулись еще дальше на восток – великое герцогство Варшавское становилось ее форпостом уже непосредственно на русских границах. Французские префекты были назначены в Брюссель, Амстердам, Кельн, Майнц, Женеву, Турин, Геную, Флоренцию, Рим. Могущество Империи казалось таким вечным и нерушимым, что специальным сенатус-консультом в 1810 г. было предусмотрено, что после коронации в Париже, в соборе Парижской богоматери, каждый будущий император на десятый год после вступления на престол должен короноваться в соборе святого Петра в Риме – этом втором городе Империи. Наполеон никак не предвидел, что через пять лет после этого торжественного постановления он очутится на о-ве Святой Елены!

В социальном строе Империи все явственнее укреплялись авторитарные, антидемократические начала. Уже в марте 1808 г. были воссозданы титулы для новой знати. Между 1808 и 1815 гг. появились 31 герцог, 452 графа, 1500 баронов, 1474 рыцаря. Этими титулами были наделены наполеоновские генералы, министры, члены государственного совета, сената, законодательного корпуса, префекты – среди них многие видные деятели революции. («Что такое третье сословие», – иронически напоминали автору знаменитого памфлета начала революции, бывшему аббату Сиейесу, который тогда ответил на этот вопрос: «Все», а теперь был наделен императором графским титулом.) Всех этих представителей нового, императорского дворянства Наполеон щедро наделил имениями, рентами, ломами, гербами. Начальник генерального штаба, маршал Бертье, князь Невшательский, получил ренту в 1,5 млн. ливров, маршал Даву – 910 тыс., маршал Массена – 500 тыс. При императорском дворе были воссозданы десятки и сотни должностей. Господствовал строжайший этикет: Наполеон сам принял участие в разработке придворного кодекса, насчитывавшего 819 пунктов. Строго разграничивались лица, имевшие право пользоваться на заседаниях креслами, стульями или просто табуретами. Особыми костюмами была наделена каждая группа придворных.

---

172 *L. Madelin.* Histoire du consulat et de l’Empire, v. VIII, p. 247.

Несмотря на то, что Наполеон и в эти годы продолжал иногда утверждать, что для него «не имеет никакого значения мнение салонов», что он считается только с мнением «крепких крестьян» (les gros paysans), что он заботится только о том, чтобы «народ имел хлеб, побольше и по дешевой цене», он, не довольствуясь созданием «нового дворянства», всячески стремился к сближению и с представителями старой знати. Подавляющее большинство эмигрантов получило возможность вернуться во Францию. Некоторых представителей старых дворянских фамилий Наполеон приблизил к себе – в состав сената, государственного совета были введены граф Сегюр, герцог Линьи. Бывший военный министр Людовика XVI граф Нарбон стал приближенным лицом Наполеона, которому он доверял самые ответственные миссии. «Они умеют служить», – оправдывал император это предпочтение.

«Маленький капрал», как любовно называли Наполеона старые солдаты, помнившие еще итальянские походы, после десяти лет пребывания у власти испытывал теперь подлинное «опьянение своим величием». Наполеон уже привык совершенно безнаказанно перекраивать границы, создавать новые государства, молниеносно свергать старые династии. «Я предназначаю неаполитанского короля (Жозефа Бонапарта. – *Ред* .), – писал он в 1808 г. Мюрату, бывшему тогда великим герцогом Берга, – для царствования в Мадриде. Вам я хочу дать неаполитанское или португальское королевство. Отвечайте мне сейчас же, что вы думаете по этому поводу: нужно; чтобы все это свершилось в один день»[173]. «Пусть не думают, – писал он тому же Мюрату, когда тот оказался в Варшаве во главе авангарда французской армии, – что я собираюсь выпрашивать трон для кого-нибудь из своих; у меня хватит тронов, чтобы раздавать их моей семье»[174].

У Наполеона все больше укоренялось убеждение в своем огромном, неизмеримом превосходстве над всеми окружающими. «Мои итальянские народы, – писал он своему пасынку, итальянскому вице-королю Евгению Богарне, – достаточно меня знают, чтобы не забывать, что в одном моем мизинце больше смысла, чем во всех их головах, вместе взятых»[175]. И сам Наполеон, и его приближенные требуют от подчиненных самого беспрекословного послушания, лишают их малейшей инициативы. «Если вы запрашиваете у его величества приказаний или его мнение по поводу того, каким должен быть потолок в вашей комнате, – писал маршал двора Дюрок тому же Евгению Богарне, – вы должны их ожидать; если бы в Милане начался пожар и вы запросили бы императора, как его тушить, вы должны дожидаться его распоряжений, хотя бы за это время Милан сгорел»[176]. У Наполеона постепенно укрепилась фаталистическая уверенность в том, что он следует какому-то предназначению, ведущему его по пути побед. «Я чувствую, – говорил он накануне 1812 г. графу Сегюру, – что меня влечет к какой-то цели, которой я не знаю. Когда я ее достигну, достаточно будет атома, чтобы меня низвергнуть, но до того все человеческие усилия против меня бессильны»[177].

Эта уверенность самым роковым образом отражалась на его внешней политике. Правда, Наполеон в это время пытался прощупать готовность Англии к заключению мира. Позднее, потерпев неудачу, он попытался взвалить всю вину на Фуше и отстранил его от управления министерством полиции, но, по-видимому, с его санкции велись переговоры при

---

[173] «Correspondance», t. XVII, N 13801.

[174] «Correspondance», t. XIV, N 11350.

[175] C. *Lefebvre.* Napoleon, p. 393.

[176] *L. Madelin.* Histoire du consulat et de l’Empire, t. VH, p. 161; t. X, p. 403, note 2.

[177] *Ph. Segur.* Histoire de Napoleon et de la Grande armee pendant l’annee 1812 t. 1. Paris, 1824, p. 76.

посредстве французских, голландских и английских банкиров Уврара, Аабушера, Беринга. Но Наполеон искал мира на условиях признания всех его территориальных приобретений, а Англия, несмотря на все испытываемые ею экономические и политические затруднения, на это никак не соглашалась.

В этих условиях, стремясь закрыть для Англии решительно все европейские порты, Наполеон все туже завинчивает пресс континентальной блокады и прибегает к новым территориальным захватам. Он вступает в конфликт даже со своим собственным братом, посаженным им на голландский престол. «Если они (англичане) будут продолжать, – заявил Наполеон в декабре 1809 г., – они вынудят меня присоединить Голландию, затем ганзейские города, Померанию и, быть может, Данциг»[178]. Эта угроза очень скоро была им осуществлена. 2 июля 1810 г. Луи Бонапарт, понимавший, что дальнейшее проведение континентальной блокады приведет к экономическому параличу Нидерландов, и искавший поддержки против Наполеона даже у России, предпочел бежать. 9 июля страна была занята французскими войсками, а 13 декабря по решению сената Нидерланды были присоединены к Империи. В декабре 1810 г. пришел черед всех ганзейских городов, Бремена, Любека и Гамбурга, где установил свою резиденцию наиболее грозный и беспощадный из всех наполеоновских маршалов, Даву, пытавшийся железной рукой уничтожить английскую контрабанду и прибегавший для этого к обыскам в домах и складах богатейших купцов, вплоть до Ротшильдов, арестам, судам и сжиганию всех подозрительных по своему происхождению товаров. В январе *1811* г. было оккупировано герцогство Ольденбургское, хотя сын герцога был женат на сестре Александра I и оккупация эта была прямым вызовом русскому двору. В январе 1812 г. по предписанию Наполеона Даву занял и шведскую часть Померании, по Балтийскому побережью, и эта мера окончательно отбросила Швецию (шведским престолонаследником незадолго до того стал французский маршал Бернадот, всегда, правда, относившийся со скрытой враждебностью к Наполеону) в лагерь противников Франции.

Континентальная блокада оказывалась, однако, палкой о двух концах. Она, действительно, очень усиливала экономические затруднения Англии, особенно к 1811 г. Впрочем эта страна, как раз тогда переживавшая промышленную революцию, благодаря своему значительному экономическому и техническому превосходству над Францией, сохраняла способность успешно продолжать борьбу с Наполеоном. Но политика блокады начала оказывать разрушительное влияние на самое Францию и союзные с ней страны. На первых порах блокада содействовала значительному подъему индустрии не только во Франции, но и в Германии (особенно в Саксонии и Силезии), в Варшавском герцогстве, отчасти в России, где быстро начала развиваться хлопчатобумажная промышленность[179]. Во Франции и Бельгии появились крупные механизированные предприятия – хлопчатобумажные и шерстяные прядильни. Их владельцы – Ришар-Ленуар, Оберкампф, Терио, Дольфюс. Коксрилль и др. – создавали десятки новых фабрик, приносивших им значительные доходы, и целиком поддерживали политику императора. Но эти новые предприятия все больше нуждались в импортном хлопке. Между тем Наполеон, стремясь окончательно сомкнуть кольцо блокады и нанести возможно больший урон Англии, как уже отмечалось, обложил огромными пошлинами и фактически запретил торговлю даже нейтральных стран. Ввоз хлопка и красителей был почти совершенно прекращен, и это привело к закрытию ряда фабрик и росту безработицы. С другой стороны, французское сельское хозяйство испытывало серьезные затруднения в сбыте, поскольку прежде зерно, вина и т. д. вывозились в большом количестве, а теперь сокращение экспорта привело к

---

178 *A. Luminoso* Napoleon Ie l'Ingliilteria. Roma, 1897, p. 268.

179 *К. Яцунский.* О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность. – «Вопросы народного хозяйства СССР», М., 1962.

падению цен.

Рост недовольства на этой почве вынудил Наполеона к отступлению – во Франции введена была система лицензий. За значительную плату продавались разрешения на вывоз из Франции определенного количества товаров, прежде всего сельскохозяйственных. Но это означало, что как раз тогда, когда Англия начала испытывать серьезнейшие затруднения в связи с недостатком зерна и дороговизной хлеба и континентальная блокада стала приносить ощутимые результаты, Наполеон сам же вынужден был несколько разжать ее кольцо и разрешить вывоз французского хлеба в Англию. Правда, эта политика лицензий распространялась почти исключительно на Францию, но это только усиливало возмущение ее союзников, испытывавших на себе все тяготы континентальной блокады.

Наполеоновская политика отнюдь не имела «европейский» характер, меньше всего она была попыткой создания «объединенной Европы», как пытаются это сейчас доказывать некоторые буржуазные историки. Ее цель состояла в том, чтобы создать преимущественное положение для французской промышленности и торговли. «Мой принцип – Франция прежде всего,» – писал Наполеон[180]. «Испания должна быть французской, – заявил Наполеон в 1809 г. Редереру, жалуясь на то, что политика его брата Жозефа недостаточно последовательна, – я завоевал ее для Франции. Нужно, чтобы эта страна была французской, чтобы ее правительство было французским… Если в ближайшее время мне покажется более подходящим присоединить некоторые ее провинции к Франции, я это сделаю»[181]. Следуя этому принципу, Наполеон выкачивал из союзных стран, даже из Италии, промышленное сырье, создавая преимущественное положение для вывоза французских товаров, и препятствовал ввозу промышленных изделий во Францию.

Все это усиливало и без того значительное недовольство в завоеванных и союзных с Францией странах. Немецкие, голландские, итальянские порты находились в состоянии полного паралича, привычные экономические и торговые связи были разрушены. Это экономическое расстройство только усугубляло общее недовольство завоевательной политикой Наполеона, усиливало национальное движение, получившее значительный толчок благодаря успешной борьбе испанского народа. Младший брат Наполеона вестфальский король Жером писал в декабре 1811 г.: «Возбуждение достигает самой высшей степени… Ссылаются на пример Испании, и, если разразится война, все страны между Рейном и Одером станут очагом восстания»[182]. Французский генгфал Рапп сообщал Наполеону из Данцига: «Повсюду умы возбуждены, и отчаяние является всеобщим. Если нам предстоит неудачный поход (чего, конечно, нельзя предполагать), все от Рейна и до Сибири вооружатся против нас»[183].

Затруднения Империи усугублялись тем, что все усилия французской армии сломить сопротивление в Испании оказывались тщетными. Партизанская война, и притом в самых жестоких формах, шла непрерывно. В апреле 1809 г. в Португалии вновь высадилась английская армия во главе с Веллингтоном и обосновалась там на этот раз очень прочно. В 1810 г. Наполеон направил против англичан сильную армию во главе с одним из лучших французских военачальников, маршалом Массена. Но французы не сумели преодолеть чрезвычайно мощную оборонительную линию Торрес-Ведрас, сооруженную англичанами, и вынуждены были в начале 1811 г. отступить. Наполеону приходилось держать в Испании

---

180 «Correspondance», v. XXI, N 16824.

181 P. L. Roedcrer. Oeuvres, v. III, p. 536–539. Наполеон, действительно, присоединил к Франции в качестве «губернаторств» испанские провинции, расположенные между Пиренеями и рекой Эбро.

182 C. Lefebvre. Napoleon, p. 514.

183 A. Vandal. Napoleon el Alexandre I, v. III. Paris, 1896, p 451.

отборную 200-тысячную армию, и выхода из этого тупика не было видно.

Так за блестящим фасадом Империи, достигшей, казалось, зенита своего могущества, обрисовывались все большие трудности, Состояние постоянного военного напряжения, экономические тяготы, связанные с континентальной блокадой, все новые конскрипции, требуемые императором, явно начинали утомлять Францию. В 1811 г. Лионская торговая палата приняла постановление, указав, что «Франция не в состоянии выдержать тех усилий, которых требует непрерывно продолжающееся состояние войны». Даже ближайшие сподвижники Наполеона начинали сознавать опасность политики императора. «Франция нуждается в отдыхе»[184], – утверждал один из виднейших наполеоновских маршалов, Бессьер. Еще более безнадежное настроение проявил морской министр Декре: «Император-безумец, совершенный безумец… все закончится катастрофой»[185].

Но Наполеон, упоенный своими успехами, менее всего способен был к трезвому анализу. Стремясь во что бы то ни стало сломить своего основного противника – Англию, он вовсе не собирался отказываться от политики континентальной блокады. В мае 1811 г. он категорически заявил делегации промышленников, что континент будет закрыт для английского вывоза. Но на этом пути жесткого и непреклонного проведения политики континентальной блокады Наполеон столкнулся с противником, оказавшимся для него наиболее опасным, – с Россией.

Русский поход и агония империи

Первое время после Тильзита Россия пыталась добросовестно выполнять соглашения; она объявила войну Англии, прекратила экономические связи с ней. Некоторые отрасли промышленности, прежде всего хлопчатобумажная, извлекли из этой политики определенные выгоды. Но экономика России была слишком тесно связана с Англией. Экспорт хлеба, льна, пеньки, полотна, железа, леса на 80–90 % шел именно в Англию; оттуда же Россия получала в основном промышленные изделия. Континентальная блокада, прекращение экспорта в Англию сразу же чрезвычайно тяжело отразились на всем торговом и платежном балансе России. Резко упал курс рубля: к 1810 г. курс бумажных ассигнаций составлял только четверть серебряного рубля; соответственно чрезвычайно поднялись цены [186]. Между тем трианонские декреты 1810 г. требовали от России не смягчения, а еще более жесткого запрещения торговли не только с Англией, но и с нейтральными странами. Наполеон через своего посланника Коленкура и в личных письмах Александру категорически требовал недопущения в русские порты даже нейтральных судов и конфискации всех привозившихся на них грузов, обосновывая это тем, что под нейтральным флагом ввозятся те же английские товары.

Но этому требованию решительно противились не только влиятельные помещичьи круги, на которых очень болезненно отзывалось запрещение экспорта в Англию, лишившее их важнейшего источника доходов, но и вся промышленная и торговая буржуазия, чьим рупором становились видные представители царской бюрократии, как, например, адмирал Н. С. Мордвинов, руководивший департаментом экономии государственного совета[187].

---

[184] *L. Madelin.* Histoire du consulat et de l’Empire, v. X, p. 166, 382.

[185] *A. L. Marmont.* Memoires, 1792–1841, v. III. Paris, 1856, p. 336.

[186] О тяжелых последствиях политики континентальной блокады для экономики России см. капитальное исследование: *М. Ф. Злотников.* Континентальная блокада и Россия.

[187] См. «Архив графов Мордвиновых», т. IV. СПб., 1902, стр. 485. «Первейший шаг состоять должен в том, чтобы уничтожить все стеснения приходящим в порты нашим судам… и чтобы в делах правительства слова конфискация, кроме случая о запрещенных тарифом товарах, сделать впредь неуместными и

Несмотря на то, что в официальной дипломатической переписке между Францией и Россией многократно подчеркивалось, что следует «оплакивать государства, которые сражаются между собой из-за частных торговых интересов», именно наполеоновское требование беспрекословного проведения континентальной блокады являлось основной причиной все большего обострения отношений между недавними союзниками. Когда в начале 1811 г. вспыхнул конфликт в связи с оккупацией французами Ольденбургского герцогства, министр иностранных дел герцог Бассано писал французскому посланнику в Петербурге: «Вам одному я могу сказать: ольденбургское дело не имеет значения ни для нас, ни для России; вся суть в торговых интересах и континентальной блокаде»[188].

Наполеон, как он сам заявлял, готов был в крайнем случае допустить, чтобы Россия торговала с Англией в Архангельске, но «Балтийское море должно быть закрыто»[189]. А как раз этого русское правительство не могло обеспечить. «Экономика оказалась сильнее дипломатии и царя, вместе взятых» [190] . Оппозиция продолжению политики континентальной блокады была так сильна, что Александру I могла угрожать участь Павла I. «Становилось совершенно ясно, что переломить экономическое развитие России было бы безумным; что воевать легче, чем переносить далее тягости континентальной блокады… Александр I ответил на Трианонские декреты русским тарифом 31 декабря 1810 г., представлявшим собой не что иное, как формальное объявление таможенной войны Франции» [191]. Этот тариф устанавливал высокие, фактически запретительные пошлины на все товары, ввозившиеся через сухопутную границу, т. е. прежде всего на французские товары, и одновременно разрешал нейтральную торговлю в портах Белого, Балтийского и Черного морей. На это Наполеон и ответил три недели спустя оккупацией Ольденбургского герцогства – демонстративным жестом враждебности лично Александру I.

Уже в январе 1811 г. Наполеон предпринимает первые шаги к подготовке войны против России и сознательно провоцирует царское правительство своей польской политикой. Он отказывается ратифицировать уже подписанную Коленкуром конвенцию, в которой Франция давала гарантию, что Польша никогда не станет вновь самостоятельным государством. Наполеон вовсе и не собирался восстанавливать независимую Польшу, но, отказываясь подписать конвенцию, он надеялся укрепить среди поляков надежду на то, что поможет возрождению Польши, и в то же время вырвать у России уступки угрозой восстановления Польши в границах 1772 г. Никаких симпатий к Польше он не питал. Борьба велась, как подчеркивал Маркс, «не за восстановление Польши, а за систему континентальной блокады против Англии» [192].

Отказываясь от продолжения политики континентальной блокады, гибельной для экономики России, допуская в порты Балтики английские суда, хотя и под нейтральным флагом, Александр I учитывал очень невыгодное для Наполеона соотношение сил на русской границе (русской армии мог противостоять только 45-тысячный корпус Даву и польская армия в герцогстве Варшавском, около 55 тыс. человек). Однако в связи с наращиванием французских военных сил в октябре 1811 г. «под строжайшим и

неупотребительными» (из докладной записки Александру I, 25 сентября 1811 г.).

[188] *A. Vandal.* Napoleon et Alexandre I, v. Ill, p. 228.

[189] Ibid., p. 516.

[190] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22. стр. 30.

[191] *М. Н. Покровский.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, стр. 33.

[192] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1681.

непроницаемым секретом» командующим важнейшими соединениями был отдан приказ: хотя и «нет никаких причин ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами», держать вверенных им солдат в постоянной готовности к походу и ждать известия от генерал-лейтенанта Витгенштейна о его переходе границ Пруссии. Это должно было послужить для них сигналом к выступлению в поход по «приложенным в запечатанных конвертах маршрутам»[193].

Но такой план был рассчитан на активное содействие Пруссии и доброжелательный нейтралитет Австрии, а Наполеон как раз в это время заключил с обеими странами союзы и заручился даже обещаниями предоставить в его распоряжение военные контингенты. Ряд военных специалистов доказывали Александру I, что наиболее благоприятного исхода военных действий Россия может ожидать в случае оборонительной, а не наступательной тактики.

Однако Россия продолжала твердо придерживаться политики мирных отношений с наполеоновской Францией. В то же время Наполеон, совершенно ослепленный и упоенный своими успехами, уже твердо принял решение о походе в Россию. Опасаясь, что Россия может перехватить инициативу, а его силы на русской границе были еще совершенно недостаточны, Наполеон притворно подчеркивал свое миролюбие и предлагал переговоры. В то же время он начал в тайне, «на цыпочках», по выражению А. Вандаля, передвигать свои армии на восток. В окружении Наполеона раздавалось немало трезвых голосов, предупреждавших его о всем безумии вторжения в Россию. В апреле 1811 г. во время 10-часовой аудиенции Коленкур, уже отозванный Наполеоном из Петербурга из-за расхождений в русской политике, обрисовал императору все возможные губительные последствия похода в Россию. Но Наполеон был абсолютно убежден в своем огромном военном перевесе. Он рассчитывал, что, использовав всех своих союзников, сосредоточит против России огромную армию, которой ничто не сможет противостоять. «Одно хорошее сражение, – самоуверенно заявил он Коленкуру, – и от благих намерений вашего друга Александра ничего не останется»[194]. Уже в середине 1811 г. Наполеон твердо решил, что война с Россией начнется в июне 1812 г., и с этих пор все его усилия сосредоточены были на методическом и непрерывном передвижении своей огромной армии к русской границе.

К лету 1812 г. Наполеону удалось сосредоточить у русской границы огромную, почти 600-тысячную армию. Только половину ее составляли французы. Около 180 тыс. дали немцы; в их числе был вспомогательный австрийский корпус Шварценберга (30 тыс.) и 20-тысячный прусский корпус Иорка, которые Наполеон расположил на своих крайних флангах. Почти 90 тыс. составляли польские контингенты, около 32 тыс. – итальянцы, испанцы, южные славяне. Уже этот пестрый национальный состав армии являлся источником ее большой слабости. Огромные трудности сулили растянутость коммуникаций, чрезвычайная сложность питания и снабжения такой многочисленной армии, растянувшейся на тысячи километров. Но император был преисполнен оптимизма. В авангардной части «великой армии», предназначенной для боевых операций, было около 430 тыс. солдат; мощная по тем временам артиллерия составляла 1146 орудий. Ей противостояли три русские армии, общая численность которых не превышала 200 тыс., к тому же они были разъединены. Наполеоновская армия «вторжения» более чем вдвое превышала русскую.

В ночь с 23 на 24 июня, без всякого объявления войны, французская армия начала переправу через реку Неман-130 лет спустя почти ту же дату Гитлер демонстративно избрал для своего вероломного нападения на Советский Союз. «Начиналась великая авантюра.

---

193 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 434, лл. 50–59 (цит. по: *Н. И. Казаков.* Внешня политика России перед войной 1812 г. – «1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны». М… 1962, стр. 23).

194 *A. L. Caulaincourt.* Memoires, v. I Paris, 1933, p. 293 *(есть* русск. пер. *А Коленкур.* Поход Наполеона в Россию. М., 1943).

Наполеон должен был вернуться властелином всей Европы или повергнутым в прах. Еще один раз он играл ва-банк»[195].

С первых же дней война приняла иной оборот, чем тот, которого ожидал Наполеон Правда, уже 26 июня он был в гом самом Виленском замке, который еще несколько дней назад занимал Александр I. Но вся стратегия Наполеона неизменно была нацелена на то, чтобы в первые же недели нанести противнику молниеносный сокрушительный удар и вынудить его к капитуляции. К длительной кампании его армии не готовились. На этот раз главные силы русской армии под командованием Барклая-де-Толли, еще до 1812 г. отстаивавшего необходимость стратегии измора, отступали в глубь страны, решительно уклоняясь от генерального сражения. Французам не удалось также отрезать и окружить вторую русскую армию Багратиона. В начале августа обе армии соединились под Смоленском. В этих боях русская армия доказала свои превосходные боевые качества. Город был сдан только после того, как объединенная армия отошла за Смоленск.

К тому времени для французов стали обнаруживаться все тяготы и трудности похода в Россию: на пути в Смоленск французская армия потеряла уже не меньше 80 тыс. человек и из них только 10 тыс. убитыми и ранеными. Ближайшие советники императора и даже он сам предполагали остановиться и перезимовать на линии Днепра. Но как только вновь мелькнула надежда дать генеральное сражение, Наполеон отказался от своего благоразумного намерения и устремился дальше к Москве. «Не пройдет и месяца, как мы будем в Москве; через шесть недель мы получим мир», – самоуверенно утверждал Наполеон, когда в середине августа французская армия двинулась от Смоленска по направлению к Москве [196].

Русское общественное мнение не мирилось с возможностью сдачи Москвы без боя. Хотя барклаевская стратегия отступления обнаруживала свою полную целесообразность, Александр I под общественным давлением вынужден был поставить во главе армии Кутузова, несмотря на личную антипатию к нему со времен Аустерлица. Русская армия остановилась перед Москвой, и 7 сентября 1812 г. (по н. ст.) произошло знаменитое сражение под Бородином. К тому времени огромный численный перевес наполеоновской армии в результате всех трудностей продвижения был уже утрачен, но все же у французов было около 130 тыс. человек, которым Кутузов мог противопоставить не более 120 тыс.

Больше двух месяцев стремился Наполеон к этому сражению, заранее абсолютно уверенный в победе. Но Бородино принесло ему горькое разочарование – исход этого сражения нисколько не напоминал ни Маренго, ни Аустерлиц, ни Иену или Фридланд. Русская армия сражалась великолепно, и хотя и отступила, но в полном порядке. Обескровленная огромными потерями, французская армия бессильна была преследовать противника.

На военном совете в Филях Кутузов принял на себя ответственность и мужественно решил уступить Москву, но сохранить армию. 14 сентября (н. ст.) Наполеон вступил в Москву. Но это был совершенно опустевший город, в котором очень скоро, по неизвестным причинам, начался пожар, внесший деморализацию во французскую армию и уничтоживший большую часть запасов[197]. Наполеон вынужден был даже на несколько дней покинуть Кремль, в котором он расположился, и перейти в Петровский замок.

Ошеломленный этим совершенно неожиданным ходом событий, Наполеон в первые дни после пожара готов был покинуть город и отойти на зимние квартиры по линии Витебск-Смоленск. Благоразумие явно диктовало необходимость немедленного отступления из Москвы до начала зимы, тем более что в тылу французской армии, на ее флангах,

---

195 С. *Lefebvre.* Napoleon, p. 390.

196 *A. Vandal.* Napoleon et Alexandre I, v. III, p. 529, 531.

197 См. *В. М. Холодковский.* Кто сжег Москву в 1812 г.? – «Вопросы истории», 1965, № 4.

началось опасное движение русской армии: с севера, от Риги, продвигались войска Витгенштейна, а с юга спешила Дунайская армия, освободившаяся после заключения Бухарестского мира с Турцией. Соединение этих армий угрожало отрезать главную армию Наполеона, зашедшую так далеко в глубь России. Своевременное отступление оставалось единственным шансом для ее спасения.

Но Наполеон был по-прежнему во власти иллюзий. С самого начала кампании он был убежден в том, что занятие Москвы вызовет полное замешательство в России и дворянские верхи вынудят Александра под угрозой дворцового переворота капитулировать и подписать мир. Наполеон упрямо ждал поэтому со дня на день мирного предложения, и, не получая его, направил и в Петербург, и в ставку Кутузова своих уполномоченных. К тому же стоявшая осенью 1812 г. теплая погода вселяла в Наполеона уверенность, что страхи перед зимой и русскими морозами преувеличены.

Однако положение французских войск в Москве становилось все более затруднительным. Над Наполеоном, по прекрасному определению Льва Толстого, уже была занесена «дубина народной войны». Фуражировка и реквизиции продовольствия, остававшиеся единственным средством снабжения, поскольку русская армия при своем отступлении всюду уничтожала склады, стали совершенно невозможными. «Никогда я еще так не падал духом, – писал Мюрат, командовавший авангардом армии, – я устал от беготни от гумна к гумну; нам приходится умирать от голода… Скажите императору, что я со славой командовал авангардом армии вплоть до Москвы, но сейчас я испытываю тоску».

Когда окрепшая русская армия начала переходить к активным операциям, а все более разгоравшаяся партизанская война не только сделала невозможным снабжение, но и поставила под угрозу всю линию коммуникаций французской армии, Наполеон 19 октября (н. ст.) начал отступление из Москвы. Эти пять недель проволочек были последней из роковых ошибок Наполеона, приведших его армию к катастрофе. Сражения под Тарутино и Малоярославцем, выигранные Кутузовым, вынудили Наполеона отступать по старой смоленской дороге, совершенно опустошенной уже во время его продвижения к Москве. Армия Кутузова перешла в контрнаступление. Вынужденная мародерствовать, французская армия переживала ужасающее разложение и с огромной быстротой стала превращаться в толпу полубезоружных беглецов. «Дорога и ее обочины, – вспоминал впоследствии Коленкур, сопровождавший Наполеона в его русском походе, – были полны трупами раненых, умерших от голода, холода и лишений. Никогда ни одно поле сражения не внушало такого ужаса»[198].

В Москве у Наполеона было еще около 100 тыс. более или менее дисциплинированных солдат. К концу ноября у реки Березины, где Наполеона поджидали армии Чачагова и Витгенштейна, собиравшиеся отрезать французам дальнейшее отступление, у него оставалось не больше 40–45 тыс., причем единственным сохранившим боевой строй соединением была императорская гвардия. Березину наполеоновской армии удалось все же перейти, в значительной мере благодаря оплошностям и несогласованности царских генералов. Но затем, когда французы двигались к Неману, ударили наконец морозы, довершившие полное разложение французской армии. В Вильно добралось около 40 тыс. солдат, но в строю оставалось не больше 4–5 тыс. человек. «Государь, – должен был доложить Наполеону в декабре 1812 г. командующий его штабом маршал Бертье, – армии больше не существует»[199]. Император мог рассчитывать теперь только на те корпуса, которые в самом начале похода были оставлены на флангах, в глубоком тылу, и на гарнизоны, расположенные в Германии. «Великая армия», которая в июне 1812 г. так уверенно, убежденная в своей непобедимости, переходила Неман, погибла. Только

---

198 *A. L. Caulaincourt.* Memoires, v. II, p. 131.

199 *L. Madelin.* Histoire du consulat et de l’Empire, t. XII, p. 281.

пленными она потеряла около 100 тыс. человек.

Отступление из России Т. Жерико. 1818 г.

5 декабря 1812 г. Наполеон покинул армию и, сопровождаемый Коленкуром, через Польшу и Пруссию в течение двух недель поспешно вернулся в Париж.

Решение покинуть армию созрело у Наполеона еще до перехода Березины. Но появилась еще причина, ускорившая его отъезд. В начале ноября он получил известие, что 25 октября в Париже генерал Мале попытался совершить государственный переворот.

Клод Франсуа Мале (1754–1812) в молодости был активным участником революционных войн, прошел путь от солдата до бригадного генерала. «Пламенный республиканец-демократ», по словам Филиппа Буонарроти, он был убежденным противником наполеоновской монархии. В 1804 г. он отказался даже от принесения присяги императору. Но Мале не был одиночкой. Во Франции, несмотря на репрессии, уцелели все же республиканские традиции. Для борьбы с наполеоновским деспотизмом стали возникать нелегальные организации, имевшие связи в армии. Одной из них было Общество филадельфов. История этого общества до сих пор не изучена, и даже само его существование одно время подвергалось сомнению[200]. Однако целый ряд свидетельств, в том числе и сообщение Буонарроти, подтверждают, что общество это существовало. Одним из его организаторов был полковник Уде, погибший в 1809 г. под Ваграмом; к «филадельфам», по всем данным, принадлежал и Мале. В 1808 г. был открыт первый заговор генерала Мале – к нему, кроме военных, был причастен член Конвента Рикор, связанный с бабувистским движением, и другие деятели революции. Мале был отстранен от службы в армии и арестован. В тюрьме он установил связи с другими заключенными, противниками Наполеона, преимущественно военными[201].

---

200 Впервые о существовании «филадельфов» сообщил Ш. Нодье уже в 1815 г. (Ch. Nodier. Histoire des societes secretes de l'armee et des conspirations militaires. Paris, 1815). – А. Пэиго (A. Pingaud. La jeunesse de Ch. Nodier. Les Philadelphes. Paris, 1919) считал это сообщение Нодье своеобразной мистификацией и сомневался в самом существовании организации «филадельфов».

201 См. E. Homel. Histoire des deux conspirations du general Malet. Paris, 1873. – Из более новых работ см.: S. Cigon. Le general Malet. Paris, 1915; l·. Masson. La vie et les conspirations du general Malet. Paris, 1921; L. Garros. Le general Malet, conspirateur. Paris, 1936; B. Melchior-Bonnet. La conspiration du general Malet. Paris, 1963.

Наполеон в 1814 г. Картина Э. Мейсонье

В 1812 г. Мале, находившийся в тюремной больнице, и его единомышленники разработали план действий. Решено было распустить слух о смерти Наполеона, арестовать виднейших представителей наполеоновской администрации и призвать к власти новое, либеральное правительство. Безумно смелая попытка началась успешно. Мале удалось бежать из больницы, проникнуть в одну из казарм, прочитать мнимое постановление сената о создании нового правительства ввиду смерти императора и освободить из тюрем ряд других генералов. Утром 23 октября заговорщики арестовали министра полиции Савари. Совершенно растерявшийся префект департамента Сены Фрошо приготовил в помещении муниципалитета даже комнаты для нового правительства. Однако Мале потерпел неудачу при попытке ареста военного губернатора Парижа Юлена, бывшего участника взятия Бастилии, ставшего любимцем Наполеона.

Мале и другие участники заговора были схвачены, и военный суд тут же приговорил их к казни. Мале держался на следствии и процессе очень стойко. На вопрос, кто были его единомышленниками, Мале ответил: «Вся Франция, и вы в том числе, если бы моя попытка увенчалась успехом». 28 октября Мале был казнен. Правда, среди участников выступления были и противники Наполеона из других политических групп, даже роялисты, но сам Мале был убежденнейшим республиканцем. В составленном Буонарроти списке «великих людей человечества» вслед за Бабефом и Дарте стояло имя Уде, «основателя Общества филадельфов, созданного для борьбы против тирании Бонапарта», и Мале, бежавшего из тюрьмы, чтобы выступить против «императорского деспотизма и с целью восстановления прав народа. Парижане, привыкшие к унижению, позволили наемникам Наполеона уничтожить его»[202]. По некоторым сведениям, сам Буонарроти (находившийся тогда в Женеве под наблюдением полиции) знал о готовившемся заговоре и собирался даже в Париж, чтобы принять в нем участие.

Наполеон вернулся в Париж 18 декабря 1812 г. Казалось бы, что катастрофа в России, огромные человеческие потери, гибель целой армии должны были заставить его призадуматься. Но Наполеон оставался все тем же. Он торопился в Париж для того, чтобы немедленно собрать новую армию и тотчас же возобновить борьбу; в ее успешном исходе он был по-прежнему уверен. «У меня будут новобранцы, – многократно заявлял он в пути

[202] A. Saitta. Filippo Buonarroti, v. 2, Roma, 1951, p. 45.

Коленкуру, – и не пройдет и трех месяцев, как на берегах Рейна у меня будет под ружьем пятьсот тысяч человек»[203].

Действительно, хотя объявленная Наполеоном мобилизация очередных возрастов прошла с несравненно большими трудностями, при возросшем дезертирстве, но уже к весне 1813 г. ему удалось вновь собрать почти 400-тысячную армию. Около 150 тыс. солдат он мог уже двинуть на передовую линию. Боевые качества этой армии были, конечно, неизмеримо ниже прежних, состоявших из старых, опытных солдат; очень малочисленной была кавалерия в результате огромной убыли конского состава в русском походе.

Но Наполеону приходилось торопиться. Он надеялся, что покинутая им армия под командованием Мюрата прекратит отступление и задержится на зимних квартирах у Вильно и по линии реки Неман. Эти расчеты оказались беспочвенными. Отступление продолжалось безостановочно; совершенно растерявшийся Мюрат оставил армию, вернулся в Неаполь и начал переговоры с союзниками, рассчитывая сыграть роль Бериадота.

Но самое главное, чего не предвидел Наполеон: после катастрофы в России Европа, раньше безропотно ему подчинявшаяся, стала уже совершенно не той. Разгром наполеоновской армии в России пробудил Европу. В Пруссии прежде всего созрело сильное национальное движение. В нем участвовали самые различные элементы и прогрессивно-либеральные, и реакционно-дворянские, но всех их объединяло стремление свергнуть наполеоновское иго. Под давлением общественного мнения прусская монархия вынуждена была провозгласить отмену крепостного права, хотя и на невыгодных для крестьян условиях. Лихорадочно шла организация армии, возглавленная такими талантливыми людьми, как Шарнгорст, Гнейзенау и др. Разгром в России явился сигналом к действию. Сложившуюся историческую обстановку великолепно охарактеризовал В. И. Ленин. «Наполеон I, – писал он в 1918 г., – был в течение ряда лет полнейшим победителем на континенте, его победа над Пруссией была много решительнее, чем победа Вильгельма над Россией. А через немного лет Пруссия оправилась и в освободительной войне, не без помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистскую войну, свергла иго Наполеона.

Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских [204] отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма – к „свободному“ капитализму»[205].

В начале 1813 г. прусский король и консервативные круги при дворе, не забывшие Иену, боялись еще возобновить войну с Наполеоном, но вскоре им пришлось уступить перед лицом национального подъема. Уже 30 декабря 1812 г., не дожидаясь санкции короля, капитулировал прусский вспомогательный корпус Йорка, входивший в наполеоновскую армию. В феврале 1813 г. восстановлен был русско-прусский союз. Французская армия очистила Восточную Пруссию и герцогство Варшавское. 11 марта 1813 г. русские войска вошли в Берлин. В апреле Александр I и Фридрих-Вильгельм вступили в саксонскую столицу Дрезден. В этой обстановке Наполеон, хотя его военные приготовления и не были закончены, не мог медлить. 15 апреля он покинул Париж и устремился в Саксонию.

На первых порах военное счастье вновь ему улыбнулось. Численный перевес был на стороне французов. Длительный поход от Москвы до Дрездена ослабил русскую

---

[203] A. L. Cuulairtcouri. Memoires, v. II, p. 290.

[204] Империализмом я называю здесь грабеж чужих стран вообще, империалистской войной – войну хищников за раздел такой добычи *(прим. В. И. Ленина).*

[205] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 382–383.

армию-весной 1813 г. она насчитывала всего лишь около 60 тыс. человек, немногим больше 40 тыс. было у пруссаков, только начинавших проводить мобилизацию своих резервов. Наполеон мог противопоставить им около 150 тыс. солдат.

Вернувшись к своей тактике 1796 г. – разгрома противника по частям, – он 2 мая нанес пруссакам поражение под Люценом, после чего его противники отступили к Эльбе. Французы вновь заняли Дрезден. Три недели спустя (20 мая н. ст.) Наполеон одержал первую победу под Бауценом, и союзники начали уже задумываться над тем, что им снова придется покинуть Берлин.

Но все эти успехи Наполеона не привели к разгрому его противников; из-за крайней малочисленности кавалерии он не мог преследовать разбитых им армий. Рассчитывая получить подкрепления, он охотно принял австрийское предложение о перемирии, во время которого должны были происходить дипломатические переговоры. Они начались в июле 1813 г. в Праге, причем главную роль посредника приняла на себя Австрия, продолжавшая еще сохранять формальный нейтралитет, но уже ведшая тайные переговоры с Россией, Англией и Пруссией о присоединении к коалиции. Начиная переговоры, австрийский канцлер Меттерних был, по-видимому, заранее убежден, что неуступчивость Наполеона даст выгодный предлог для того, чтобы оправдать вступление Австрии в войну, к чему она, прикрываясь ширмой переговоров, усиленно готовилась.

Наполеону было предложено согласиться на ликвидацию великого герцогства Варшавского, вернуть Австрии ее иллирийские провинции, восстановить Пруссию в ее старых границах, отказаться от протекторства над Рейнской конфедерацией, очистить ганзейские города и Голландию. Это были, конечно, серьезные уступки, но союзники соглашались еще оставить за Францией Бельгию, левый берег Рейна, Италию.

Эти условия мира встретили негласную поддержку очень влиятельных кругов в самом наполеоновском окружении. Виднейшие маршалы, министры и дипломаты требовали от императора прекращения войны. Хотя операции в Саксонии и были удачны, но успехи были куплены ценою больших потерь. Под Люценом и Бауценом погибли ближайшие сподвижники Наполеона – маршалы Бессьер и Дюрок. «Император ненасытен … мы погибнем все, такова наша судьба»[206], – заявил после этого один из маршалов. Уже во время переговоров о перемирии русский представитель Шувалов был поражен позицией французского парламентера Коленкура. «Послушав его, – писал он Александру I, – можно подумать, что он жаждет большого поражения для французской армии с тем, чтобы поскорее был заключен мир»[207]. Как вспоминал Меттерних, в июне 1813 г., накануне его свидания с Наполеоном, сам Бертье сказал ему в императорской передней: «Не забывайте, что Европа нуждается в мире, особенно Франция, она хочет только мира»[208]. Во время переговоров в Праге тот же Коленкур, возглавлявший французскую делегацию, прямо заявил русскому делегату: «Скажите мне только, достаточно ли вы вооружены, чтобы наконец-то образумить нас?»[209].

Но Наполеону все эти настроения были чужды. «Тон ваших писем мне не нравится, – писал он своему министру полиции Савари, настаивавшему на заключении мира. – Вы постоянно надоедаете мне тем, что необходим мир. Я лучше вас знаю положение Империи…

---

206 *A. L. Marmoni.* Memoires, v. V, p. 320.

207 G. *Harwleau.* Introduction aux Memoires du general de Caulaincourt. – *A. L. Caulaincourt.* Memoires, v. 1, p. 138.

208 «Memoires du prince de Metternich», v. I. Paris, 1880, p. 147.

209 *Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, т. III. Трактаты с Австрией. СПб., 1876, стр. 114, см. также: *E. Dard.* Napoleon et Talleyrand. Paris, 1947, p. 306–312.

Эти вопросы вас совершенно не касаются; занимайтесь своим делом» [210]. Еще в январе 1813 г. Наполеон гордо заявил, что не уступит ни одной деревни в Варшавском герцогстве, правда, тогда он еще рассчитывал, что французы задержатся на Немане. Но и в августе Наполеон шел на уступки крайне неохотно: за ликвидацию Варшавского герцогства он добивался возмещений для саксонского короля, он хотел сохранить право на оккупацию Данцига, отказывался очистить Гамбург. Даже по отношению к Австрии, которую ему так важно было удержать от вступления в войну, он был неуступчив, – соглашаясь на возвращение иллирийских провинций, хотел все же удержать за собой Триест. Меттерних получил нужный ему предлог. Ссылаясь на отказ императора от предложенных условий, Австрия 12 августа 1813 г. объявила войну.

Теперь соотношение сил резко изменилось в пользу противников Франции. Правда, в первом сражении после возобновления военных действий, под Дрезденом (28 августа), Наполеон добился успеха. Союзники, пытавшиеся штурмовать город, были отброшены с очень большими потерями. Но кавалерийский авангард, брошенный Наполеоном для преследования, был окружен под Кульмом и капитулировал[211].

Теперь кольцо вплотную сжалось вокруг наполеоновской армии. На стороне союзников был огромный численный перевес. Русские войска насчитывали около 184 тыс. человек, прусские – 160 тыс., австрийские – 127 тыс. В военных действиях приняла участие и шведская армия Бернадота. Крупнейшие французские военачальники предостерегали Наполеона. «Государь, – заявил ему после Кульма маршал Макдональд, – вы потеряли все… вам остается только думать о мире»[212]. Но Наполеон все еще верил в свою звезду. «Я считал бы очень счастливым известием, – писал он еще 2 октября маршалу Виктору, – если бы получил сообщение, что противник с армией из 480000 человек направляется к Лейпцигу; война в таком случае была бы очень быстро закончена»[213].

16-18 октября под Лейпцигом, действительно, произошла знаменитая «битва народов», но ее исход оказался совсем иным, чем предполагал Наполеон. Армии союзников в 320 тыс. он мог противопоставить только 160 тыс. солдат. Тем не менее император принял сражение. Французские солдаты сражались очень стойко, но исход столкновения при таком соотношении сил был предопределен. Поражение было ускорено тем, что в самый разгар боя саксонские части, входившие в состав наполеоновской армии, перешли на сторону коалиции. Французы понесли огромные потери – около 30–60 тыс., в том числе 23 тыс. пленными.

Незадолго до Лейпцига, в июне 1813 г. французы, еще в 1812 г. потерявшие Мадрид, понесли решающее поражение под Витторией и вынуждены были полностью очистить Испанию. Началось стремительное крушение Империи. Одно за другим распадались все наполеоновские государства – Вестфалия, Голландия; немецкие союзники поспешно отходили от Наполеона, в том числе баварцы, попытавшиеся даже отрезать путь французской армии. К ноябрю 1813 г. французские войска, насчитывавшие всего лишь около 60 тыс., отступили за Рейн. Правда, в германских крепостях оставались еще многочисленные французские гарнизоны; в одном Гамбурге у Даву было 40 тыс. французских солдат. Наполеон, все еще веривший в свой успех, медлил и не хотел оставлять выгодные стратегические позиции. Но после Лейпцига эти войска, так жизненно ему необходимые, оказались окончательно отрезанными.

---

210 «Correspondance», t, XXV, № 20119.

211 Под Дрезденом погиб Моро, которого союзникам удалось привлечь на свою сторону. По их настоянию он вернулся из эмиграции в Соединенных Штатах и получил даже чин фельдмаршала.

212 A. Sorel. Europe et la revolution francaise, v. VIII, p. 138.

213 «Correspondance», v. XXVI, № 20683.

Как и в 1793 г., Франция вновь стояла накануне вторжения. Но тогда эта опасность вызвала огромный революционно-патриотический подъем, и призыв Дантона; «Смелость, смелость, еще раз смелость, и мы победим!» – нашел навсегда запечатлевшийся в истории отклик широких народных масс. Наполеон, вернувшись в ноябре 1813 г. в Париж, рассчитывал, что угроза вторжения и на этот раз всколыхнет страну. Но этого не произошло, и прежде всего по вине самого императора.

Слишком дорога была «цена славы», которой французскому народу приходилось расплачиваться за 15 лет наполеоновских побед. Даже по самым скромным подсчетам, с 1800 до 1812 г. призывы в армию коснулись 1,3 млн. человек (из них три четверти на территории старой Франции, без новых, присоединенных департаментов). Только за два последующих года, в 1812–1813 гг. армия во всей Империи поглотила еще миллион рекрутов. Потери составили не меньше миллиона человек[214]. Как бы ни пытались некоторые историки принизить значение этих цифр, они остаются огромными. Французское крестьянство, остававшееся все годы верной опорой императора, в котором оно видело защитника социальных завоеваний революции – мы встретимся еще в дальнейшем с этими бонапартистскими иллюзиями французской деревни, – к 1814 г. устало от этого бесконечного «налога крови».

Последняя конскрипция, объявленная Наполеоном, дала вместо 300 тыс. только около 63 тыс. новобранцев – остальные не явились. Правда, «Марии-Луизы», как прозвали этих безусых юношей, досрочно призванных в армию, сражались превосходно, но они не могли заменить те армии, которые император так опрометчиво погубил в Испании, в России, под Дрезденом и Лейпцигом.

Угроза вторжения не могла вызвать подъема и в рабочих массах. Наполеон, правда, заботился о том, чтобы обеспечить «дешевый хлеб», предотвратить безработицу, хотя как раз в 1811 г. в результате экономических затруднений, вызванных континентальной блокадой, число безработных резко возросло. Но в целом рабочая политика Наполеона носила ярко выраженный буржуазный характер. Стачки и объединения были строжайше запрещены. Введение рабочих книжек, обязательных при найме, дало предпринимателям сильнейшее оружие для борьбы с неугодными им рабочими.

В кругах буржуазии, бывшей 18 брюмера и в последующие годы надежной социальной опорой Наполеона, его политика встречала теперь явное осуждение. Отражением этого недовольства явилась активная оппозиция, с которой императору приходилось все больше сталкиваться в его ближайшем окружении, в сенате и в законодательном корпусе, даже среди тех, кого он выдвинул и осыпал своими щедротами. На сессии законодательного корпуса, созванной в декабре 1813 г., один из депутатов, Лене, выступил с открытым осуждением наполеоновской политики: «Рекрутские наборы стали для всей Франции отвратительным бичом… Вот уже два года по три раза в году собирают человеческий урожай. Варварская и бесцельная война поглощает миллионы людей, которых отрывают от их занятии, от земледелия, от торговли и ремесел»[215]. Эта неслыханно резкая для наполеоновской Франции критика встретила поддержку подавляющего большинства еще недавно столь раболепного законодательного корпуса, постановившего напечатать и расклеить речи Лене по всем коммунам страны. Наполеон приостановил заседания сессии. «Не вы представляете нацию, – возмущенно заявил он депутатам. – Подлинным представителем нации являюсь я… Все власти связаны с троном, все покоится на нем. Но трон это не четыре куска дерева, покрытые бархатом… Трон это человек, и этот человек – я… Францию могу спасти я, но не вы»[216].

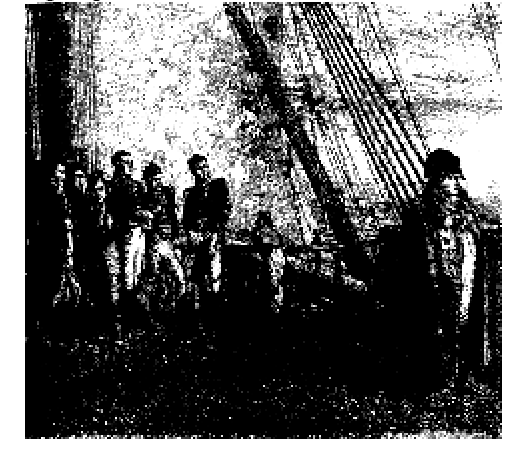
---

214 A. Meyiner. Une erreur historique. Les morts de la Grande armee et des annees ennemies. Paris, 1934.

215 *L. Madelin.* Histoire du consulat et de l'Empire, v. XIV, p. 34–35.

216 *A. Thiers.* Histoire du consulat et de l'Empiie, v. XVII. Paris, 1860, p. 151.

В конце декабря 1813 г. австрийцы, нарушив швейцарский нейтралитет, вторглись с юго-востока во Францию и вынудили французские войска отойти за линию Рейна. Наполеон все еще не терял надежды. В январе 1814 г. он вернулся в армию. «Нужно надеть сапоги 1793 года, – писал он маршалу Ожеро, сражавшемуся вместе с ним еще в 1796 г. в Италии, – и проявить такую же решительность. Когда французы увидят, что ваш султан на аванпостах и что вы первым подставляете свою грудь под ружейные выстрелы, вы сделаете с ними все, что захотите» [217]. Но «надеть сапоги 1793 года» значило возродить всю революционную политику времен якобинской диктатуры. Между тем Наполеон сделал слишком многое, чтобы вытравить даже само воспоминание о якобинизме. В этих условиях положение становилось безнадежным. Только «трения в главной квартире коалиции, отчаянная храбрость последних солдат Франции, последние вспышки военной гениальности Наполеона, – все это еще на три месяца отсрочило развязку. Но кампания 1814 г. была уже агонией, и конец ее был заранее предрешен»[218].

Наполеон на корабле «Беллерофон». Картина В. Оргґердсона

В феврале 1814 г. была сделана еще одна последняя попытка мирных переговоров. Чтобы усилить колебания в наполеоновских верхах, союзники вернули из плена одного французского дипломата (Сент-Эньяна). Ему поручено было сообщить, что союзники готовы вступить в переговоры на основе отказа от всех завоеваний Империи, но признания «естественных границ», т. е. сохранения за Францией левого берега Рейна. Но, когда французская делегация, возглавляемая тем же Коленкуром, явилась в Шатийон, никто из дипломатов коалиции уже не вспоминал о «естественных границах»; от Франции требовали отказа от всех ее завоеваний. Еще в декабре 1813 г. Наполеон категорически отрицал возможность мира на таких условиях. Но обстановка все ухудшалась, и приближенные все настойчивее требовали от Наполеона этой, по его мнению, «позорной» уступки. В первые дни февраля у императора был короткий момент «слабости», когда он предоставил Коленкуру «carte blanche» – право подписать мир на этих условиях. Но как раз в этот момент военное счастье в последний раз улыбнулось Наполеону.

Между союзниками существовали разногласия: австрийцы действовали крайне нерешительно, тогда как прусский командующий Блюхер требовал немедленного похода на Париж. Воспользовавшись тем, что Блюхер один начал такой опрометчивый марш, Наполеон устремился против пруссаков и нанес им поражение. Это его немедленно окрылило. «Если судьба и дальше будет на нашей стороне, – писал он 18 февраля Евгению Богарне, – враг

---

217 «Correspondance», t. XXVII, № 21343.

218 М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России, стр. 73.

будет отброшен в полном беспорядке за нашу границу»[219]. Ему уже казалось, что он снова «будет на Висле». Коленкуру дана была новая директива – затягивать переговоры и не торопиться с подписанием мира. «Сейчас, когда счастье к нам вернулось, – писал император своему брату Жозефу, – я буду диктовать условия».

Неожиданные успехи Наполеона усилили разногласия среди союзников. Австрийский главнокомандующий Шварценберг был готов к отступлению. «Я признаюсь, что дрожу, – писал он. – Если Блюхер, у которого такие же хорошие и столь же многочисленные войска, как у Наполеона, будет разбит, то, я спрашиваю себя, разумно ли принимать сражение. Если и я буду разбит, какой триумф для Наполеона и какое унижение для наших монархов, которые вынуждены будут отступить за Рейн во главе побежденной армии»[220]. Но как ни облегчали положение Наполеона эти разногласия и колебания союзников, его успехи могли быть только временными – армии коалиции имели слишком большой перевес. Атаки немногочисленной наполеоновской армии очень скоро выдохлись.

И все же еще 14 марта 1814 г., за три недели до своего падения, Наполеон совершенно не отдавал себе отчета в том, что Империя переживает агонию. Получив сообщение от Жозефа, оставленного им в качестве «генерал-лейтенанта» при императрице Марии-Луизе, что он и все министры настаивают на заключении мира и готовы сделать такое заявление, Наполеон гневно писал министру полиции: «Пусть знают, что я такой же, каким был при Ваграме и Аустерлице, что я не хочу никакой интриги в государстве… Знайте, что, если бы был составлен адрес, противный авторитету власти, я арестовал бы короля (Жозефа – *Ред.),* моих министров и всех, кто подписал бы его… Мне не нужны трибуны народа; пусть не забывают, что я сам являюсь великим трибуном… Сегодня, как и под Аустерлицем, я властелин»[221].

Прощание в Фонтенбло. 1814 г. Гораций Верне

Но Наполеон уже совсем не был властелином. Воспользовавшись тем, что та часть армии, которой он командовал, отошла к востоку и что под Парижем оставалась только слабая войсковая завеса, союзники по совету Талейрана, установившего с ними связь, начали наступление на столицу. Узнав о походе союзников, Наполеон в свою очередь устремился к Парижу. 31 марта утром он был в своем замке, в Фонтенбло, в окрестностях столицы, но уже было поздно. Считая оборону города бесполезной, маршалы Мармон и Мортье, командовавшие французскими войсками, подписали 30 марта соглашение о сдаче Парижа. Тщетно император предлагал своим маршалам двинуться на Париж, уверяя, что без особого труда вышвырнет оттуда союзников. Он натолкнулся на каменную стену. Впервые маршалы отказались ему повиноваться.

---

219 «Correspondance», t. XXVII, № 21295.

220 L. Madelin. Hisloire du consulat et de l'Empire, l. XIV, p. 183.

221 «Lettres inedites de Napoleon», publ. par L. Lecestre, t. II. Paris, 1897, p. 319–320.

4 апреля 1814 г. состоялись встречи императора с маршалами, среди которых были Бертье, Ней, Удино, Макдональд, Мармон, Мортье, Лефевр, Монсей. От их имени испытанный храбрец Ней твердо заявил, что армия не последует за императором. Ему остается только одно – отречься в пользу сына. Уступая этому требованию, Наполеон тут же подписал отречение: «Император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он готов оставить трон, покинуть Францию и даже уйти из жизни для блага родины, неотделимого от прав его сына, регентских прав императрицы и сохранения законов Империи»[222]. Получив этот акт, Ней, Макдональд и Коленкур отправились для переговоров с союзниками.

Этот акт уже запоздал. 1 апреля в Париже собрался сенат и было образовано временное правительство, во главе которого стал Талейран, давно уже считавший Наполеона «конченым человеком» и поджидавший своего часа. 2 апреля сенат в том самом составе, в котором он всего десять лет назад провозгласил Наполеона императором, принял решение об его отрешении от престола, на другой день подтвержденное законодательным корпусом.

Наполеона ждало еще одно предательство. Вокруг Фонтенбло находилась французская армия, и это заставляло союзников считаться с императором. Но в ночь на 5 апреля 1814 г. Мармон, по определению Наполеона, «самый посредственный» из всех его маршалов, целиком обязанный своим выдвижением Бонапарту, адъютантом которого он был в 1793 г. в Тулоне, изменил ему и со своим корпусом покинул Фонтенбло. 6 апреля сенат призвал на престол Людовика XVIII.

Наполеону не оставалось ничего иного, как подписать окончательный акт об отречении и за себя, и за сына, которого ему больше не суждено было увидеть. Страх союзников перед ним был все же так велик, что 12 апреля в том же Фонтенбло был подписан договор, по которому Наполеон сохранял императорский титул и получал для управления крохотный островок Эльбу (на Средиземном море). 13 апреля Наполеон пытался покончить самоубийством, но неудачно. Он усмотрел в этом знамение судьбы и доказательство того, что его историческая миссия еще не закончена. 20 апреля 1814 г. в Фонтенбло состоялась знаменитая сцена прощания Наполеона с оставшейся ему верной императорской гвардией. Наполеон закончил свою речь словами: «Прощайте, дети мои! Я хотел бы прижать всех, всех к моему сердцу: я обниму, по крайней мере, знамя». Преклонившись перед знаменем и поцеловав его, Наполеон, явно взволнованный, добавил: «Еще раз прощайте, мои дорогие друзья! Пусть этот последний поцелуй проникнет в ваши сердца»[223].

Но на этом наполеоновская эпопея не закончилась. Вся политика сменивших его Бурбонов оказалась в таком резком противоречии с общественными отношениями, установившимися во Франции после 1789 г., что создавала самые благоприятные условия для новой попытки Наполеона вернуться к власти.

4. Франция в период реставрации Бурбонов. Июльская революция 1830 года

Первая реставрация

6 апреля 1814 г., через шесть дней после вступления в Париж войск шестой европейской коалиции, сенат принял решение возвести на французский престол брата казненного в 1793 г. короля Людовика XVI – графа Прованского, принявшего имя Людовика XVIII. Вместе с другими членами династии Бурбонов он вернулся теперь из эмиграции, где пребывал с 1791 г. Наполеон отрекся от престола и был отправлен на остров Эльбу, который

---

[222] «Correspondance», t XXVII, № 21555.

[223] «Correspondance» t. XXVII, № 21561.

союзники предоставили ему в пожизненное владение.

30 мая были подписаны мирные договоры между побежденной Францией и четырьмя главными державами-победительницами – Англией, Россией, Австрией и Пруссией. Эти договоры лишили Францию почти всех территорий, завоеванных ею начиная с 1795 г.

Решающую роль в событиях весны 1814 г. сыграли сокрушительные поражения, понесенные в предшествующий период вооруженными силами Франции. Разгром армии Наполеона в России явился началом конца его владычества в Европе. Осенью 1813 г. после битвы под Лейпцигом освободилась от французского господства Германия. «И все, как буря, закипело; Европа свой расторгла плен; во след тирану полетело, как гром, проклятие племен», – писал А. С. Пушкин о международных последствиях славной победы России в Отечественной войне 1812 г.[224] «Мировая империя» Наполеона рушилась, что было закреплено на Венском конгрессе, провозгласившем принцип легитимизма.

Диктатура Наполеона, в течение 15 лет угнетавшая народные массы Франции, вызывала среди них рост недовольства. Вместе с тем наполеоновский режим расчистил почву для установления другого, еще более реакционного режима, сторонники которого могли рассчитывать на активную поддержку войск европейской коалиции. «История Франции – писал В. И. Ленин – показывает нам, что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848–1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая, в свою очередь, дорогу к реставрации монархии легитимной»[225]. И все же сторонники старой династии не смогли поднять открытое восстание против Наполеона. Подавляющее большинство населения страны не хотело возвращения к власти старой династии, одно имя которой напоминало о феодально-абсолютистских порядках, ликвидированных во время революции.

Главную роль в реставрации Бурбонов сыграли войска коалиции, состоявшей в большей своей части из феодальных или полуфеодальных государств Европы, которые и «служили резервом реставрации»[226]. Англия, стоявшая во главе коалиции, была уже буржуазной монархией, но, стремясь сокрушить своего основного экономического соперника – Францию, английское правительство добивалось реставрации там старой династии не менее настойчиво, чем правительства феодальных стран.

Первый шаг в этом направлении был сделан в Бордо. Хотя торговая буржуазия этого портового города, разоренного континентальной блокадой, давно выражала недовольство политикой Империи, открыто выступить против Наполеона жители Бордо решились лишь после того, как 12 марта в город вступил отряд английских войск. Вместе с ними в Бордо въехал племянник Людовика XVIII, герцог Ангулемский.

3 мая в Париж прибыл новый король со своим семейством. Старый, необыкновенно тучный, ленивый, всем государственным делам предпочитавший хороший стол, легкую беседу, игру в карты, Людовик XVIII не пользовался никаким личным престижем и производил впечатление человека, больше всего на свете дорожащего своими личными удобствами. Его брат, граф д‘Артуа, имел заслуженную репутацию законченного сторонника феодальноабсолютистского режима. Из двух племянников короля один – герцог Беррийский – имел вид провинциального английского сквайра, другой – герцог Ангулемский – славился ограниченностью своих интересов и отсутствием элементарного такта (в день торжественного въезда в столицу Франции он не нашел ничего лучшего, как облачиться в мундир английского генерала). Его жена, герцогиня Ангулемская, отталкивала окружающих своей непримиримой ненавистью ко всему, что напоминало о временах республики и

---

224 *А. С. Пушкин.* Полн. собр соч., т. 2. М., 1947, стр. 215.

225 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 83.

226 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 17–18.

империи. Еще более типичными представителями «старого режима» выглядели два остальных члена династии – старый, выживший из ума принц Конде, командовавший некогда «армией эмигрантов» в войне против республиканской Франции, и его сын – герцог Бурбонский.

Ближайшее окружение нового короля и его брата составляли люди, открыто заявлявшие, что надо восстановить «старый порядок» и «заставить потеть чернь»[227]. Так выражался, например, герцог де Дюра. Однако через 25 лет после начала революции соотношение классовых сил во Франции складывалось далеко не в пользу той части бывших эмигрантов, которая считала, что настало время уничтожить все нововведения, осуществленные во Франции с 1789 г. После ликвидации феодализма, после конфискации и распродажи земель церковников и поместий эмигрантов уже нельзя было рассчитывать восстановить в стране феодальное землевладение, привилегии дворянства и духовенства. Это восстановило бы против старой династии и крестьянство, и городские «низы», и буржуазию. Вследствие этого реставрация Бурбонов во Франции в 1814 г. «не имела ничего общего с докапиталистическими способами производства», совершилась на почве «капиталистических отношений производства»[228].

«Конституционная хартия» 4 июня 1814 г. явилась политическим компромиссом между старой дворянской знатью и верхними слоями буржуазии. Хартия закрепляла многие важные результаты революции – отмену сословных привилегий аристократии, всеобщее обложение граждан налогами, свободу личности и некоторые другие буржуазно-демократические свободы. Особая статья гарантировала неприкосновенность распроданных церковных и эмигрантских земель, перешедших в руки буржуазии и собственнических слоев крестьянства[229].

Хартия превращала Францию в конституционную монархию с двухпалатной системой. Члены палаты пэров назначались королем, и это звание становилось наследственным. Палата депутатов была выборной, но избирательными правами пользовались только лица, платившие не менее 300 фр. прямых налогов и достигшие 30-летнего возраста. Еще уже был круг лиц. из которых могли выбираться депутаты: имущественный ценз составлял для них 1000 фр., а возрастной – 40 лет. Руководящая роль в жизни государства отводилась королю. Он назначал и смещал министров, префектов, прокуроров, судей, всех вообще должностных лиц, осуществлял командование вооруженными силами страны, руководил ее внешней политикой, созывал палаты на ежегодную законодательную сессию. Вся законодательная инициатива принадлежала королю; он один мог предлагать на обсуждение палат проекты законов, единолично пользовался правом утверждать и обнародовать законы. Особая (14-я) статья предоставляла королю право и единолично, помимо палат, издавать те или иные указы (ордонансы). Эта статья открывала широкие возможности для нарушения конституции.

По сравнению с конституциями времен Консульства и Империи хартия 1814 г. могла казаться довольно либеральной. Но дело не столько в самой хартии, сколько в общем направлении политики правительства Бурбонов, про которых говорили, что они «ничего не позабыли и ничему не научились в изгнании».

Правда, Людовик XVIII понимал, что после революции нельзя править страной, опираясь только на дворянство, и подчеркивал, что он намерен держаться «средней линии»[230]. Но на практике дело обстояло иначе. Усиленная раздача орденов и должностей

---

227 J. *Lucas-Dubreton.* Louis XVIII. Paris, 1925, p. 182.

228 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 14–15.

229 *A. Mathiez.* Les lois francaises de 1815 a nos jours..: Paris, 1906, p. 14.

230 *Marquis de NoaiUes.* Le comte Mole, sa vie, ses memoires, t. 111. Paris, 1924, p. 188–204 (из письма

бывшим эмигрантам, открытое прославление вандейцев и шуанов, создание дорогостоящей королевской гвардии, заполнение командного состава армии выходцами из аристократических фамилий, еще недавно сражавшимися против Франции, замена трехцветного знамени республики и империи белым знаменем старой монархии – все это и многое другое вызывало рост общественного недовольства, озлобляло солдатскую массу. Сильное недовольство возбуждала и его экономическая политика: сохранение тяжелых налогов привело к серьезным волнениям во многих городах.

То же происходило и в деревнях. Прежние владельцы дворянских и церковных поместий угрожали отобрать у новых собственников приобретенные ими земельные участки и в ряде мест насильно захватывали их. Закон 5 декабря 1814 г. постановил, что та часть конфискованных земель, которая осталась нераспроданной, будет возвращена бывшим эмигрантам.

Обстановка в стране накалялась с каждым днем.

«Сто дней». Вторая реставрация Бурбонов

В первых числах марта 1815 г. всю Европу облетела весть о неожиданном событии. Стало известно, что бывший император во главе отряда из 900 солдат бежал с Эльбы и направляется к Парижу. Не чувствуя себя в безопасности на Эльбе и тяготясь своим положением правителя этого крохотного островка, Наполеон строил планы восстановления своей власти во Франции. Он знал о неустойчивом политическом положении в стране и рассчитывал использовать его в своих интересах. В первый момент многие французы были убеждены, что высадка Наполеона – авантюра, обреченная на немедленный провал. Однако на деле получилось иное. Ненависть к Бурбонам, как ставленникам иностранной интервенции и защитникам привилегий аристократии, была так велика, что королевские войска, посланные, чтобы преградить путь Наполеону, стали переходить на его сторону. Тысячи крестьян с возгласами «Да здравствует император! Долой попов! На фонарь аристократов! Смерть роялистам!» встречали Наполеона и его отряд. 7 марта рабочие крупного промышленного города Гренобля вместе с солдатами местного гарнизона открыли ворота Наполеону. 10 марта Наполеон вступил в Лион. Как и в Гренобле, он был встречен здесь пением «Марсельезы», враждебными возгласами против роялистов. 13 марта Наполеон объявил о низложении с престола Бурбонов и издал ряд декретов, которыми восстанавливалось трехцветное знамя, упразднялись дворянские титулы, смещались все офицеры и все судьи, назначенные Людовиком XVIII, изгонялись из Франции все эмигранты, возвратившиеся после апреля 1814 г.

Из Лиона Наполеон двинулся по направлению к столице. В Вильфранше его встретили 40 тыс. крестьян, собравшихся из соседних деревень. «Наполеон движется на Париж с революционными факелами в руках, на его стороне низы народа и армия», – с тревогой сообщал в Петербург 16 марта дипломатический представитель царской России Бутягин [231].

20 марта Наполеон вступил в Париж. Людовик XVIII едва успел с небольшой свитой скрыться за границу (в Бельгию). Легкость, с какой Наполеону удалось вновь захватить власть, объясняется не столько его личной популярностью в армии, сколько бурными выступлениями широких слоев населения против монархии Бурбонов.

Мир и конституция – под этими двумя лозунгами совершилась в 1814 г. реставрация Бурбонов. Те же лозунги выставила в 1815 г. и реставрация бонапартистская. Лозунг мира отвечал всеобщему желанию французского народа, уставшего от длительных войн. Демагогически заявляя о своей приверженности конституционному режиму, Наполеон

Людовика XVIII к графу д’Артуа от января 1818 г).

[231] «Сборник императорского русского исторического общества», т. 112. СПб., 1901, стр. 168.

рассчитывал привлечь симпатии либеральной буржуазии. По его заданию была разработана новая конституция, получившая название «Дополнительного акта к конституциям империи».

Неуверенность в прочности нового режима, боязнь новых экономических затруднений и новых внешнеполитических осложнений отталкивали крупную буржуазию от Наполеона. Известную роль играло при этом и опасение имущих классов, что он не сможет сдержать новый революционный подъем в стране. Действительно, переворот 20 марта способствовал подъему демократического и патриотического движения во Франции. Снова, как и в годы революции, в различных частях страны образуются федерации – союзы добровольцев для защиты родины от внутренних и внешних врагов. Основную массу федератов 1815 г. составляли рабочие, ремесленники, выходцы из мелкой буржуазии и передовой интеллигенции[232]. Снова, как в 1792–1793 гг., выдвигаются требования решительных мер против дворянства – конфискации поместий и передачи их армии и крестьянству[233].

Наполеон остался глух к этим требованиям. Он боялся, что осуществление демократических преобразований подорвет его собственный режим и приведет к восстановлению республиканского строя.

Как и в 1814 г., сторонники Бурбонов оказались не в состоянии собственными силами осуществить реставрацию старой династии. Антинаполеоновские выступления, руководимые местными помещиками, в Вандее и в Бретани не получили поддержки со стороны крестьянских масс. Исторический опыт убедил большую часть крестьян, что им не по пути с помещиками-легитимистами. Войска, присланные наполеоновскими властями, быстро подавили это движение.

Решающую роль в судьбе восстановленной империи сыграла новая антифранцузская интервенция. Переворот 20 марта 1815 г. вызвал сильную тревогу среди правящих кругов Англии и других европейских государств, опасавшихся восстановления континентальной блокады и возобновления завоевательной политики Наполеона.

25 марта Англия, Россия, Австрия и Пруссия заключили союзный договор о совместных военных действиях против Франции. В дальнейшем к этому четверному союзу примкнули многие другие государства Европы. Общая численность войск седьмой антифранцузской коалиции превысила 700 тыс. человек. Главное командование ими было поручено английскому фельдмаршалу герцогу Веллингтону. Наполеон мог противопоставить войскам коалиции только 125 тыс. солдат.

Военные действия развернулись на территории Бельгии. В двух первых схватках – при Линьи и Катр-Бра – прусские войска потерпели поражение и отступили, понеся большие потери. 18 июня в сражении при Ватерлоо французская армия была наголову разбита превосходящими по численности английскими и прусскими войсками. Это был удар, от которого Наполеон уже не смог оправиться. Это была вместе с тем и победа сил реакции над силами прогресса. «Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту победы под Ватерлоо, – писал впоследствии А. И. Герцен, – я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз внутри груди делается холодно и страшно… Они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, – в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат… Дело на рассвете… Европа еще спала в это время и не знала, что судьбы ее переменились»[234].

Войска коалиции вторглись во Францию и устремились к Парижу.

Враги императорского режима в палате пэров и палате представителей потребовали

---

[232] *E. Le Callo.* Les Cent Jours. Essai sur l'histoire interieure de la France depuis le retour de l'ile d'Elbe jusqu'a la nouve lie de Waterloo Paris, 1924, p. 292–327.

[233] *H. Houssaye.* 1813. Paris, 1927, p. 491.

[234] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XI. М., 1957, стр. 245.

немедленного отречения Наполеона. Жители рабочих кварталов столицы готовы были оказать ему поддержку при условии, что он вооружит их и поведет в бой против интервентов. Но Наполеон не решился на такой шаг, как раздачу оружия народным массам. 22 июня он отрекся от престола, после чего сдался англичанам, и был отправлен ими на далекий остров Святой Елены.

Так окончились сто дней вторичного правления Наполеона.

Временное правительство во главе с бывшим министром полиции Фуше – таким же беспринципным карьеристом, таким же прожженным предателем, как и Талейран, – без боя сдало столицу Франции вражеским войскам. 6 июля они вступили в Париж. Два дня спустя Людовик XVIII въехал в город, встреченный еще более холодно, чем в 1814 г. Палата представителей, принявшая резолюцию против реставрации Бурбонов, была разогнана батальоном парижской национальной гвардии. Палата пэров разошлась под давлением батальона прусской пехоты, занявшего сад и двор Люксембургского дворца, где заседали пэры. За день до того временное правительство признало Людовика XVIII. Это постановление было принято после того, как отряд прусских солдат вступил в сад Тюильрийского дворца, где заседали члены правительства. Таким образом, в 1815 г. вмешательство войск европейской коалиции во внутренние дела Франции носило еще более открытый характер, чем в 1814 г.

Венский конгресс. Гравюра Годфруа по картине Ж. -Б. Изабе

Вторая реставрация Бурбонов принесла французскому народу еще более тяжелые бедствия, чем первая. По мирному договору 20 ноября 1815 г. на Францию была наложена контрибуция в размере 700 млн. фр. Побежденная страна теряла ряд территорий и должна была в течение пяти лет содержать оккупационные войска.

Грабежам и насилию оккупантов над мирным населением не было предела. «Они забирают содержимое казначейств, захватывают управление соляного налога, табачный акциз, гербовый сбор, торгуют реквизированным углем, дровами, солью»[235]. Из занятых крепостей вывозились не только пушки и снаряды, но и все изделия из железа, стратегические карты и планы. Более 5 тыс. картин, статуй и других произведений искусства было изъято из Лувра и отправлено за границу. Убытки от вражеского нашествия превысили 1,6 млрд. фр.

Гнет оккупантов усугублялся разгулом белого террора. Банды роялистских погромщиков, предводительствуемые выходцами из аристократической молодежи, мучили и убивали людей, которые пользовались репутацией либералов или якобинцев. За два дня резни в Марселе было умерщвлено около 500 человек. В Ниме резали протестантов под фальшивым предлогом, будто только католики могут быть верными подданными короля. Общее число жертв составило тут 450 человек. В Авиньоне и в некоторых других городах убийства продолжались несколько месяцев. Тысячи крестьян, терроризированных насилием оккупантов, скрывались в лесах. В ряде мест жители, вооруженные чем попало, вступали в

[235] *R. Andre.* L’Occupation de la France par les allies en 1815 (juillet-novembre). Paris, 1924, p. 81.

бой с солдатами оккупационных войск.

Общее число арестованных к августу 1815 г. достигло 70 тыс. Арестовывали по малейшему подозрению в республиканских настроениях, в симпатиях к Наполеону, за участие в революционных событиях конца XVIII в. Житель Нима Бонижоль провел в тюрьме целый год только за то, что во времена якобинской диктатуры являлся членом местного революционного комитета. Бросали в тюрьмы и людей «повинных» в том, что они приобрели в годы революции земли духовенства или земли эмигрантов[236].

Среди арестованных, расстрелянных или приговоренных к многолетнему тюремному заключению было много офицеров и генералов, верно служивших своей родине. Маршал Брюн пал жертвой самосуда в Авиньоне, маршал Ней был расстрелян по приговору верховного суда, маршал Бертье покончил жизнь самоубийством. Военные суды и чрезвычайные трибуналы вынесли в общей сложности 10 тыс. обвинительных приговоров. Из армии были уволены многие выдающиеся военачальники (маршалы Даву, Массена, Сульт и др.), которых побаивались генералы коалиции[237].

«Чистка» была проведена и в гражданской администрации. Общее число уволенных со службы чиновников достигло 100 тыс. «Чистка» коснулась и научных учреждений. Знаменитый художник Давид, выдающийся математик Монж и 19 других деятелей науки и деятелей искусства были исключены по политическим мотивам из Академии. Некоторые из них были изгнаны из Франции как бывшие «цареубийцы».

Среди изгнанных оказался и Фуше, которому припомнили его прошлое якобинского комиссара и члена Конвента. Во главе нового кабинета был поставлен герцог Ришелье, бывший эмигрант, пользовавшийся дружеским расположением Александра I.

Чрезвычайно реакционной по своему составу оказалась вновь избранная палата депутатов. Из 388 ее членов 233, т. е. почти две трети, были крупными помещиками, выходцами из старых дворянских фамилий. Почти все они принадлежали к партии ультрароялистов. Такой исход выборов объясняется тем, что они происходили в обстановке белого террора, под давлением оккупационных войск[238].

Ультрароялистское большинство новой палаты (она вошла в историю под названием «бесподобной палаты») кичилось тем, что его члены – «более последовательные монархисты, чем сам король». Депутаты не скрывали, что хотят вернуть старой знати господствующее положение в стране, восстановить былые привилегии католического духовенства, закабалить трудящиеся массы, задушить все проявления либеральных и демократических настроений, расправиться со всеми активными деятелями революции.

Одной из главных забот «бесподобной палаты» было укрепление экономической базы католической церкви. С этой целью палата разработала ряд законопроектов об увеличении бюджета культов, о разрешении духовенству владеть земельной собственностью, о возвращении ему лесов, конфискованных в годы революции, о передаче в его руки записи актов гражданского состояния и контроля над делом народного образования. Выдвигались также предложения о восстановлении цеховых корпораций, существовавших в дореволюционной Франции, о предоставлении избирательных прав одним только крупным землевладельцам и т. п.

Реакционные выходки ультрароялистского большинства палаты вызвали сильное беспокойство в стране, даже в некоторых кругах дворянства, опасавшихся, что притязания

---

236 Levis *Gwinor.* La Terreur blanche et l'application de la loi Decazes dans le departement du Gaid (1815–1817). – «Annales historiques de la Revolution fiancaise», N 176, avril-juin 1964, p. 174–193.

237 *Marcel Daher.* Proscrits et exiles apres Waterloo. Paris, 1965.

238 *В. А. Бутенко.* Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации, т. 1 (1814–1820). СПб., 1913, стр. 278–279.

крайних монархистов могут дать толчок новой революции. Тревожились и европейские дипломаты [239].

5 сентября 1816 г. «бесподобная палата» была распущена. Решение о ее роспуске было принято по настоянию министра полиции любимца короля графа Деказа, близко стоявшего к верхушке буржуазии. Новые выборы принесли победу роялистам-конституционалистам.

Народные волнения в 1816–1817 годах

Распря между лагерем клерикально-аристократической реакции и лагерем буржуазного либерализма составляла одну из сторон общественной жизни Франции в период Реставрации. Одновременно с этим развивалась борьба народных масс против экономического гнета и политического бесправия, встречавшая враждебное отношение как ультрароялистов, так и роялистов-конституционалистов. Всякое проявление антиправительственных настроений жестоко подавлялось властями. Так, по делу о тайном обществе «патриотов 1816 г.», ставивших своей целью свержение монархии Бурбонов, трое были казнены, а 17 других заключены в тюрьму[240].

Сурово расправились власти с участниками гренобльского заговора, во главе которого стоял либеральный адвокат Жан Поль Дидье, один из организаторов Общества национальной независимости, созданного для борьбы За освобождение страны от гнета оккупантов. Общество имело тайные ячейки в различных частях страны. Оно опиралось на уволенных в отставку офицеров и солдат, на передовые слои крестьянства, некоторые группы буржуазии и интеллигенции. Дидье составил обращение к французскому народу, призывавшее к восстанию против правительства Бурбонов и разоблачавшее его зависимость от командования иностранных войск. «Лорд Веллингтон – вот, кто правит нами! – восклицал Дидье. – Тот, кто называет себя нашим королем, есть союзник англичан, а мы – их пленники»[241].

В ночь на 5 мая 1816 г. три колонны повстанцев общей численностью в 1200–1500 человек двинулись на Гренобль, но были наголову разбиты правительственными войсками. 24 участника восстания были расстреляны по приговору военного суда. Дидье бежал в Пьемонт, но был задержан и выдан французским властям; суд приговорил его к смертной казни.

В октябре 1816 г. народные волнения охватили значительную часть страны. Толпы в несколько сот, а иногда и тысяч рабочих, ремесленников, батраков и беднейших крестьян, доведенные до отчаяния хозяйничанием оккупантов, вздорожанием хлеба, безработицей, врывались на рынки, принуждая торговцев продавать продукты по пониженным ценам, громили амбары помещиков и зажиточных фермеров. В Тулузе 9 ноября вспыхнуло народное восстание; оно было подавлено войсками лишь через пять дней. Вооруженные столкновения происходили и в других городах. Наибольший размах движение приняло весной 1817 г. «Это была настоящая Жакерия», – замечает один историк [242]. В департаменте Сены-и-Марны был раскрыт антиправительственный заговор. Заговорщики намеревались поднять жителей окрестных сел и городов и двинуться на Париж, чтобы

---

239 «Сборник русского императорского исторического общества», т. 112, стр. 510 (записка, приложенная к депеше министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде русскому послу в Париже от 14 мая 1816 г.).

240 «Dictionnaire biographique (lu mouvement ouvrier francais», t. I. Paris, 1964, p. 350.

241 *F. Vermale.* Un conspirateur stendhalien. Paul Didier (1758–1816). Paris, 1951, P 138.

242 *R. Marjolin.* Troubles provoquees en France par la disette de 1816–1817. – «Revue d'histoire moderne», novembre-decembre 1933. p. 437.

установить цену на хлеб в 2 су и провозгласить право на труд и свободу. Лозунгом заговорщиков были слова: «Долой Бурбонов, роялистов и попов!» Правительство беспощадно расправилось с движением. Были произведены массовые аресты. Несколько человек было казнено [243].

Заговоры карбонариев

После роспуска «бесподобной палаты» правительство Реставрации в течение трех с лишним лет придерживалось политики компромисса между интересами дворянства и крупной буржуазии. Проявлением этой политики был закон об избирательной системе, опубликованный 5 февраля 1817 г. Закон носил открыто антидемократический характер: он предоставлял право участия в выборах только лицам, достигшим 30-летнего возраста и платящим 300 фр. прямых налогов. Право быть избранным предоставлялось только лицам не моложе 40 лет, платящим налоги в размере 1000 фр. Несмотря на то, что количество избирателей по этому закону не превышало 80-100 тыс., а количество кандидатов в депутаты 16–18 тыс., представители старей аристократии утверждали, что он недостаточно ограждает интересы крупных землевладельцев.

Недовольство ультрароялистов вызвал и новый закон об устройстве армии, утвержденный 10 марта 1818 г. Представители дворянской знати возражали против предусмотренного законом порядка замещения командных постов по старшинству и требовали предоставления королю неограниченного права назначения на все офицерские должности. Депутаты либеральной оппозиции одобряли закон за то, что он положил конец периоду, когда военная служба составляла привилегию знати. Но они умалчивали о таких антидемократических пунктах закона, как предоставление богатым людям возможности откупаться от службы в армии и перекладывать ее бремя в основном на плечи трудящихся.

В сентябре 1818 г. прекратилась оккупация французской территории иностранными войсками. Ультрароялисты добивались продолжения оккупации, так как опасались, что с уходом оккупантов в стране поднимут голову либералы и демократы. Близкий к графу д’Артуа барон Витроль обратился к дворам европейских монархов с секретной нотой, в которой ходатайствовал об оставлении во Франции иностранных войск для защиты правительства Бурбонов[244]. Этот изменнический шаг ультрароялистов не достиг цели.

В октябре 1818 г. политическая обстановка во Франции снова обострилась. Избрание в палату депутатов 23 либералов (среди них был генерал Лафайет) вызвало сильную тревогу при дворе. Ультрароялисты стали добиваться изменения избирательной системы. Глава кабинета Ришелье отказался от своего поста. Политический кризис разрешился 29 декабря 1818 г. образованием нсвого кабинета, во главе которого стал генерал Дессоль [245]. За исключением министра юстиции шевалье де Серра, все члены нового кабинета были выходцами из буржуазии. Новое министерство близко стояло к умеренному крылу либералов («доктринерам»). Никогда еще, ни до, ни после этого, правительство Бурбонов не сближалось в такой мере с буржуазными кругами, как в этот период. Были подготовлены законопроекты о местном самоуправлении, о преобразовании суда присяжных, о гарантиях свободы личности и т. д.

---

[243] *L. Cueneau.* La disette de 1816–1817 dans une region productive de ble. La Brie. – «Revue d’histoire moderne», janvier 1929, p. 29, 37.

[244] «Note secrete exposant les pretextes et le but de la derniere conspiration». Paris, 1818; J. *Deschamps.* Une affaire Chateaubriand en 1818. – «Revue d’histoire litteraire de la France», 1924, t XXXI, p. 404–418.

[245] *P. Duvergier de Hauranne.* Histoire du gouvernement parlementaire en France, t. 4. Paris, 1857, p. 507–554; *A. de Lamartine.* Histoire de la Restauration, t. VI. Paris, 1852, p. 163–192.

Все эти проекты были оставлены, и министерство круто повернуло вправо, как только выяснились новые успехи левого крыла либеральной партии («независимых») на выборах в палату депутатов в сентябре 1819 г. (оно провело 35 своих кандидатов). В составе правительства произошли новые изменения. 17 ноября место Дессоля занял Деказ, который стал искать сближения с правыми и в угоду им согласился на изменение избирательной системы с целью увеличения представительства крупных землевладельцев. Известия о революции, начавшейся в Испании, еще более усилили тревогу среди ультрароялистов.

14 февраля 1820 г. в палате депутатов должно было начаться обсуждение нового избирательного законопроекта. Но тут случилось событие, сразу изменившее политическую ситуацию во Франции: 13 февраля ремесленником Лувелем был убит племянник короля герцог Беррийский. Ультрароялисты поспешили использовать этот террористический акт, чтобы свалить Деказа и проложить себе путь к власти. Во главе кабинета снова был поставлен герцог Ришелье. Началась новая полоса крайней реакции, получившая название «третьей реставрации». 29 июня 1820 г. был принят новый избирательный закон («закон о двойном вотуме»), значительно расширивший представительство крупных землевладельцев в палате депутатов.

15 декабря 1821 г. министерство Ришелье было смещено и уступило место министерству графа Виллеля [246]. Крупный помещик, бывший эмигрант Виллель был ставленником ультрароялистов. Придя к власти, он сместил многих чиновников, слывших либералами, закрыл некоторые факультеты Парижского университета, ввел ряд ограничений в законодательство о печати.

Ответом на усиление правительственной реакции явились революционные выступления, начало которым положили демонстрации и схватки с войсками в Париже в июне 1820 г. В августе в столице был раскрыт антиправительственный заговор, в котором участвовала группа прогрессивно настроенных офицеров. Революционные демонстрации и уличные столкновения под лозунгами «Да здравствует нация!», «Да здравствует республика!» происходили и в провинциальных городах[247].

С конца 1820 г. движение стало принимать более организованный характер. Возникают ячейки (венты) тайного революционного Общества карбонариев. Организация носила строго конспиративный характер: каждый карбонарий знал только девять прочих членов своей венты. Вступая в члены организации, он приносил клятву хранить все ее тайны, неустанно бороться против тирании, за свободу и независимость родины. Членами Верховной венты и Верховного исполнительного совета карбонариев являлись публицисты Базар и Бюшез, генерал Лафайет и ряд других видных деятелей левого крыла либеральной партии[248]. К началу 1822 г. ячейки карбонариев были созданы в 35 департаментах. В 50 вентах Парижа насчитывалось от 3 до 4 тыс. членов.

Объединенные ненавистью к монархии Бурбонов, карбонарии расходились между собой по вопросу о том, чем заменить ее. Многие карбонарии – особенно офицеры и унтер-офицеры – были бонапартистами (их кандидатом был сын Наполеона герцог Рейхштадтский); другие члены организации (выходцы из буржуазных кругов) были орлеанистами (их кандидатом являлся герцог Луи-Филипп Орлеанский); среди карбонариев имелись и республиканцы (то были преимущественно студенты и торговые служащие). Для преодоления разногласий было созвано три конгресса (первые два в Бордо, а третий в

---

[246] *R. de Cisternes.* Richelieu. Paris, 1898.

[247] *В. Бутенко.* Из истории революционного днижеиня во Франции в эпоху Реставрации. Саратов, 1918, стр. 6–8.

[248] *A. Calmette.* Les Carbonari en France soils la Restauration (1821–1830). – «La Revolution de 1848. Bulletin de la Societe d'histoire de la Revolution de 1848». Paris, 1913, mars-avril, t. X (N 53), p. 60–62.

Париже), но они не достигли цели.

В марте 1821 г. под впечатлением известия о революции в Пьемонте была предпринята попытка поднять революцию во Франции. 20 марта в Гренобле толпа народа с трехцветным знаменем совершила нападение на префектуру, но была рассеяна войсками. Неудачу потерпели и попытки поднять восстание в некоторых других городах.

Эти неудачи не обескуражили карбонариев, общая численность которых к концу 1821 г. достигла 50–60 тыс. Был разработан план общенационального восстания, которое должно было начаться 1 января 1822 г. в крепости Бельфор. Полиции удалось выследить заговорщиков и помешать выступлению. Раскрыты были и другие венты, в частности в крепости Ла-Рошель, где во главе заговорщиков стояло четыре сержанта 45-го полка – Бори, Губен, Помье и Рауль. Суд приговорил их к смертной казни. Они умерли как герои[249].

24 февраля 1822 г. в местечке Туар бывшему генералу Бертону, участнику сражения при Ватерлоо, удалось поднять восстание против Бурбонов и сформировать отряд из отставных военнослужащих, крестьян, ремесленников и рабочих. Призывая к свержению правительства Реставрации, Бертон заявлял, что стоит за отмену налогов на соль и вино, за обеспечение прав покупщиков национальных имущесгв. Отряд Бертона двинулся на Сомюр, но к вечеру того же дня, не получив поддержки от карбонариев этого города, был рассеян правительственными войсками. Бертон был схвачен и казнен[250].

Узкозаговорщическая тактика, оторванность от широких масс населения, разногласия среди руководителей движения, нерешительность многих из них обрекли карбонариев на поражение.

Последняя попытка карбонариев поднять восстание против правительства Реставрации была связана с французской военной интервенцией против революционной Испании в 1823 г. Война эта, затеянная по решению Священного союза с целью восстановления феодально-абсолютистского режима в Испании, была крайне непопулярна во Франции. Прогрессивно настроенные люди повторяли стихи Беранже, разоблачавшего преступные цели этого похода и предсказывавшего, что следствием его будет закабаление как испанского, так и французского народа[251]. Видный либеральный публицист Поль-Луи Курье в «Воззвании» к солдатам французской армии, сосредоточенной на пиренейской границе, разъяснял им, что их посылают в Испанию, чтобы восстановить там, а затем и во Франции феодально-абсолютистский режим, палки и черный хлеб для солдат[252]. Кучка смелых людей – французских и итальянских эмигрантов во главе с полковником Фавье, членом одной из карбонарскнх вент, – сделала попытку помешать продвижению французских войск в глубь Испании и открыть им глаза на контрреволюционную сущность похода, но эта попытка потерпела неудачу.

Подавление революции в Испании явилось тяжелым ударом и для революционного движения во Франции. Новые выборы, происходившие в феврале 1824 г., принесли победу ультрароялистам. Две трети новой палаты депутатов составляли крупные помещики-дворяне. Либералы получили в ней только 19 мест (из 430). Одним из первых шагов этой реакционной палаты было принятие закона об увеличении срока ее полномочий до семи лет.

Экономическое развитие Франции в 1814–1830 годах

---

249 *J. Lucas-Dubreton.* Les quatre sergents de la Rochelle. Paris, 1929. p. 18, 62, 101.

250 *H. Pontois.* La conspiration du general Berton. Etude politique et judiciaire sur la Restauration. Paris, 1877.

251 *П. Ж. Беранже.* Полн. собр. песен, т. 1 (1810–1830). М., – Л., 1934, стр. 470–471.

252 *P. L. Courier.* Oeuvres completes Paris, 1839, p. 110.

В период Реставрации Франция продолжала оставаться страной аграрной по преимуществу. Сельское хозяйство все еще занимало преобладающее место в ее экономике: в 1827 г. из 8,7 млрд, фр., составлявших общую сумму ее национального дохода, на долю сельского хозяйства приходилось 5 млрд. Городов с населением свыше 100 тыс. человек было всего три: Париж, Лион и Марсель. Большая часть жителей страны – 22 млн. из 31 млн. – была занята в земледелии. Количество рабочих и ремесленников исчислялось в 4 млн. 300 тыс. человек[253].

Распределение земельной собственности было весьма неравномерным. Из общей массы в 3 млн. 805 тыс. земельных собственников, насчитывавшихся во Франции в 1815 г.[254], 21 456 владели 42,3 % земли: эта горстка крупнейших землевладельцев составляла 0,6 % от общей численности земельных собственников. В то же время на долю 1,5 млн. собственников средних хозяйств (величиной от 3 до 12 га каждое), составлявших 37,9 % общего числа землевладельцев, приходилось только 19,5 % всех земель. Мелкие и мельчайшие собственники, общее число которых равнялось 1 952 701 (несколько больше половины всего числа земельных собственников), владели только 4,2 % земельного фонда страны, причем более половины хозяйств этой группы представляло собой крохотные участки, средний размер которых не превышал 0,5 га.

В условиях развивающегося капитализма значительная часть французского крестьянства уже через два-три десятилетия после революции превратилась в чисто номинальных собственников. Чтобы прокормиться на своем маленьком участке, они вынуждены были заниматься подсобным промышленным трудом. Их зависимость ог ростовщиков усиливалась с каждым годом. Многие крестьяне превращались в безземельных батраков, работавших на землях помещиков и сельских богатеев.

Политика правительства Реставрации имела своим результатом укрепление позиций крупных землевладельцев, наживавшихся на дороговизне хлеба на внутреннем рынке. Это было следствием высоких таможенных пошлин, установленных в 1819 г. для защиты интересов французских помещиков от конкуренции иностранного хлеба. Высокими таможенными пошлинами обложены были и привозной скот, и привозная шерсть: это делалось в интересах французских скотоводов.

В отличие от Англии, крупное землевладение обычно сочеталось во Франции с мелким землепользованием. Большинство крупных помещиков сдавало свои земли в аренду крестьянам на тяжелых условиях половничества. Большая часть крестьян и арендаторов не имела необходимых средств для повышения техники обработки земли. Это обстоятельство сильно замедляло прогресс в области сельского хозяйства.

Гораздо более заметным был прогресс в области промышленности и торговли. С 1815 по 1829 г. в различных отраслях промышленности было основано 98 акционерных обществ[255]. В 1817 г. количество патентов, выдававшихся владельцам торговых и промышленных предприятий, составляло 847 000, а в 1830 г. – 1 163 000[256].

Об успехах текстильной индустрии, по-прежнему занимавшей первое место в обрабатывающей промышленности, свидетельствуют следующие данные. Потребление хлопка увеличилось за эти годы почти в три раза. В 1829 г. на французских предприятиях применялось 3600 тыс. механических веретен, производивших около 28 млн. кг пряжи.

---

[253] S. *Charlety.* La Restauration. Paris, 1921, p. 314–315.

[254] *L. de Lavergne.* Economie rurale de la France depuis 1789. Paris, 1861, p. 49.

[255] *S. Charlety.* La Restauration, p. 303, 311.

[256] *H. Methivier* Les debuts de l’epoque contemporaine. De 1789 a 1848. Paris, 1947, p. 413.

Общая стоимость производства прядильных фабрик достигала в это время 144 млн. фр. в год. «Рабочих, занятых в бумагопрядильном производстве, было 200 тыс. человек, ткачей – вдвое больше; в ткацком производстве (тогда еще преимущественно ручном) было занято 450 тыс. человек»[257]. Стоимость производства шелковых изделий возросла вдвое – с 40 млн. фр. (в 1815 г.) до 80 млн. фр. (в 1830 г.). В 1812 г. шерстяная промышленность потребляла 35 млн. кг шерсти, а в 1825 г. – 50 млн. кг[258].

Расширился и объем металлургического производства. В 1818 г. было выплавлено 114 тыс. т чугуна, а в 1828 г. -220 тыс., число доменных печей достигло в 1825 г. – 379. Производство железа возросло в полтора раза. Добыча каменного угля, составлявшая в 1814 г. 1 млн. т, поднялась в 1825 г. до 1,5 млн. т. В 1818 г. началась плавка железа и чугуна на каменном угле, а в 1825 г. уже почти треть всего произведенного железа была выплавлена таким способом. Технические нововведения в области железоделательной промышленности вызвали к жизни изготовление новых изделий (например, железных кроватей, металлической посуды). Произошло улучшение качества и удешевление иголок, ножей, пил, ключей, увеличилось производство кос.

Важные изобретения в химической промышленности привели к возникновению производства цемента, стеариновых свечей, светильного газа. Благодаря введению машин произошел переворот в типографском и издательском деле: в 1814 г. из французских типографий вышло 45 млн. оттисков, а в 1826 г. – 144 млн., не считая газет и журналов. Успехи шелкоткацкого производства были связаны с распространением механического «станка Жаккара»: в 1819 г. в Лионе насчитывалось 1200 жаккаровских станков, а в 1825 г. – 4202.

Однако большая часть механических станков, применявшихся тогда во французской промышленности, были гидравлическими. Паровых машин было еще мало; все же число их увеличилось – с 65 (в 1820 г.) до 620 (в 1830 г.). Появился ряд машиностроительных предприятий. Правда, многие из них принадлежали английским капиталистам, привозившим с собой иногда рабочих из Англии[259]. Некоторые французские машиностроители заимствовали из Англии чертежи машин и станков, вывозили оттуда и машины[260].

Процесс промышленного переворота, начавшийся во Франции в последние годы XVIII в., продвинулся вперед за время Реставрации, но развивался он еще довольно медленным темпом. Маркс подчеркивал, что дробление земельных участков, препятствуя быстрому росту населения, задерживав и развитие промышленности. Система парцеллирования приводила к этому результату также и прямым путем. «Она удерживала значительную часть населения прикрепленной к земле и занятой на ней». Более быстрому развитию капиталистического производства во Франции мешало и то обстоятельство, что там «сбережения и накопления» мелких собственников имелись «в относительно высокой степени»[261]. Индустриальное развитие страны задерживалось также из-за нехватки угля и железа.

Мануфактурная организация производства, соединенная с работой на дому, в маленьких мастерских кустарного типа, все еще количественно преобладала тогда во

---

[257] Ф. *В. Потемкин.* Промышленная революция во Франции, т. I. М., 1971, стр. 189..

[258] S. *Charlety.* La Restauration, p. 302.

[259] *A. L. Dunham.* La Revolution incluslrielle en France (1815–1848). Paris, 1953, p. 218-*2* 19.

[260] Ibid, p. 221.

[261] К. Маркс. Неопубликованная рукопись к первому тому «Капитала». – «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), 1933, стр. 249, 251.

Франции над централизованными мануфактурами и фабриками. В Лионе в 1831 г. 750 мануфактуристов давали работу 8 тыс. «хозяев мастерских», выполнявших заказы и обрабатывавших полученное сырье в мастерских с несколькими станками, на которых работало 30 тыс. «подмастерьев»[262].

Так же обстояло дело в шерстяной промышленности Реймса и некоторых других городов. Зато в Руане и во всем департаменте Нижней Сены, а также в Верхнем Эльзасе введение механических станков привело к сосредоточению почти всего хлопчатобумажного производства в крупных фабричных предприятиях.

Районом крупного производства был и департамент Нор. В Париже, где преимущественное значение имело производство одежды, обуви, галантереи, парфюмерии, продуктов питания, предметов развлечения и роскоши, мелкое производство продолжало оставаться господствующим[263].

Успехи промышленного развития Франции тормозила политика правительства, оказывавшего предпочтение аграриям во всех случаях, когда их интересы сталкивались с интересами промышленников. Уже 25 ноября 1814 г. был издан закон, разрешивший вывоз шерсти из Франции, что вызвало вздорожание шерсти на внутреннем рынке. Это было весьма выгодно крупным овцеводам, но крайне невыгодно фабрикантам сукон.

В том же году в угоду крупным металлургам были установлены высокие ввозные пошлины на иностранное железо; в 1822 г. они еще более повысились. Следствием этого стал рост цен на железо во Франции. В 1826 г. были вдвое увеличены пошлины на привозной чугун и привозную сталь. Высокие протекционистские тарифы вызывали ответные меры со стороны других государств, затруднявшие сбыт французских товаров за границей. Обороты внешней торговли Франции, оценивавшиеся в 1806 г. в 933 млн. фр., составляли в 1814 г. 585 млн. фр., в 1819 г. – 755 млн., в 1824 г. – 896 млн. фр. Только в 1829 г. они превысили высший уровень наполеоновского времени и достигли 1224 млн. фр.[264]

Большой ущерб причиняло французской экономике нежелание правительства Реставрации установить дипломатические отношения с республиками Латинской Америки, добившимися независимости в ходе освободительной борьбы против господства феодально-абсолютистской Испании. Отказываясь под влиянием реакционных побуждений признать эти государства, Франция упускала выгодные рынки сбыта, которыми завладевала Англия. Начатое в 1830 г. завоевание Алжира было единственным крупным приобретением Франции за период Реставрации. Выдвигавшиеся в 1829–1830 гг. планы перекройки политической карты Европы и отчасти внеевропейских территорий (при этом Франция должна была получить Бельгию, Люксембург, Ландау и часть голландских колоний) потерпели неудачу из-за противодействия со стороны Англии, России и Пруссии[265].

Английская конкуренция сильно затрудняла для французов торговлю со многими европейскими и внеевропейскими рынками. «Большая распространенность машин, большая дешевизна сырья, наличность стародавних налаженных сношений, огромный торговый флот – все это было у англичан, и всего этого не было у французов»[266].

---

[262] Ф. В. Потемкин. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937, стр. 66–67.

[263] *Ch. Dupin.* Forces productives et commerciales de la France. Paris, 1827.

[264] *E. Levasseur.* Histoire du commerce de la Fiance, t. 11. Paris, 1912, p. 148, 152–153.

[265] *A Pinguil.* Le projet Polignac (1829) d’apres une recerte publication. – «Revue d'histoiie diplomatique», 1900, № 3, p. 407–408.

[266] *E. B. Tap ie.* Рабочий класс во Франиии в первые времена машинного производства (1815–1831). – Соч., т. VI. М… 1959, стр. 29.

Росту оборотов внутренней торговли препятствовало слабое развитие путей сообщения и медленность перевозки грузов. За все время Реставрации не было проложено ни одного километра новых дорог и были открыты только две железнодорожные ветки.

Развитие денежного капитала во Франции в эти годы шло вперед быстрее, чем развитие промышленного капитала. О росте операций Французского банка свидетельствует тот факт, что учет коммерческих векселей увеличился с 209 млн. фр. (в 1815 г.) до 617 млн. (в 1830 г.). За то же время денежная наличность банка возросла с 50 млн. фр. до 145 млн. Ценность находившихся в обращении билетов Французского банка увеличилась с 41 млн. фр. до 234 млн. Вдумчивый наблюдатель французской жизни Бальзак мастерски изобразил в своей новелле «Гобсек» могущество ростовщиков того времени. Заметно расширились биржевые операции: в 1814 г. на парижской бирже котировалось 4 вида ценных бумаг, в 1820 г. – 13, в 1825 г. – 32, в 1830 г. – 38.

Растущее обогащение имущих классов вело ко все большему обнищанию широких слоев населения. Современники оставили нам многочисленные показания, рисующие бедственное положение трудящихся масс в период Реставрации. «Те, кому знакома нищета, царящая в деревнях и городах, – писал в 1827 г. один либеральный публицист, – знают, что во Франции имеется 20 млн. людей, дурно питающихся и плохо одетых»[267]. 20 млн. – это две трети населения Франции того времени.

В своем романе «Крестьяне» Бальзак с большой силой реализма изобразил в лице «дяди Фуршона» тип сельского бедняка того времени, оборванного и полуголодного. В том же романе выведены владелец поместья, генерал граф Монкорне, и сельский ростовщик Ригу. Высасывая все соки из закабаленной им бедноты, Ригу сгорает от зависти к Монкорне и мечтает завладеть его поместьем[268].

Крупные землевладельцы стремились быть полными хозяевами в деревне, где находился их родовой замок. На этой почве возникали частые конфликты, в которых власти неизменно принимали сторону помещиков. Типична судьба петиции жителей коммуны Маньи-ле-Френель, поданной в палату депутатов и рассматривавшейся на ее заседании 11 февраля 1822 г. Крестьяне жаловались на произвол помещика де Сен-Леже. Этот бывший эмигрант подал в суд на крестьян, которые завладели во время революции землями, входившими в состав его поместья, но составлявшими некогда собственность коммуны. Выиграв дело в суде, Сен-Леже вступил во владение спорным участком. Крестьяне, пытавшиеся отстоять свои посевы, были арестованы. Петиция крестьян была отклонена[269].

28 августа 1829 г. суд г. Вузье разбирал тяжбу между графом де Руже и жителями коммуны Нуари. Спор возник из-за леса д'Омон, расположенного на территории коммуны и издавна составлявшего ее собственность. Граф и графиня де Руже, ссылаясь на «права» своих предков, на постановление, принятое в 1541 г. парижским парламентом, оспаривали право нуарских крестьян на пользование этим лесом. Суд принял сторону графа и его жены, объявил их собственниками леса и приговорил коммуну к уплате им штрафа в размере 25 тыс. фр.[270]

Подобные случаи были в то время далеко не единичными.

Тяжелым бременем ложились на крестьян косвенные налоги. Налог на вино, увеличившийся с· 40 млн. фр. в 1814 г. до 109 млн. в 1830 г., составлял к концу периода Реставрации около $^1/_9$ общей суммы государственных налогов. Огромные суммы уплачивали

---

267 *Bourguignon d'Heibiguy.* Revue politique de la France en 1826… Paris, 1827, p. 173.

268 О. *Бальзак* Собр. соч., т. 18. М., 1960.

269 «Archives parlementaires», t. 34. p. 511.

270 «Gazette des tribunaux», 10 X 1829.

виноделы и в виде так называемого октруа – пошлины, взимавшейся за ввоз вина на городские рынки. Такими пошлинами облагались и другие продукты сельского хозяйства.

Ликвидация феодальных порядков в конце XVIII в. привела к улучшению экономического положения крестьянства. Но развитие капиталистических отношений уже в начале XIX в. вызвало ухудшение условий жизни большей части сельского населения. Снова, как и до революции, на дорогах появились толпы нищих.

Забитые нуждой, отстраненные от избирательной урны, массы крестьянства не принимали участия в политической жизни. Правительство Реставрации с помощью католического духовенства намеренно держало их в темноте. Около половины сельских коммун не имело в то время начальной школы. Из каждой сотни призывников только 42 умели читать[271].

Положение рабочего класса, численность которого заметно выросла за время Реставрации (в одном только Париже к началу 1823 г. насчитывалось более 244 тыс. рабочих), было очень тяжелым и становилось просто невыносимым в годы депрессий и кризисов.

Продолжительность рабочего дня составляла в среднем 13–14 часов, а нередко достигала 15–16 часов. Промышленный переворот вел к резкому снижению заработков рабочих, занятых в мелких ремесленных мастерских. Заработок работницы составлял обычно только 50–60 % заработка рабочего; подростки и дети получали еще меньше. В период с 1790 по 1830 г. средняя номинальная заработная плата рабочих увеличилась на 37 %, а стоимость жизни – на 111 %.

«Жадность мануфактуристов безгранична, они жертвуют своими рабочими ради собственного обогащения, – читаем в одной петиции, поданной в сентябре 1826 г. министру духовных дел и народного образования. – Мало того, что они доводят их до рабства, заставляя трудиться в нездоровых мастерских, куда нет доступа свежего воздуха, летом с 5 часов утра до 8, а иногда и до 10 часов вечера, зимой с 6 часов утра до 9 часов вечера; этих несчастных людей принуждают работать и часть воскресного дня…

Нельзя представить себе более жестокого рабства. Никогда у них нет ни минуты для своих личных дел, они постоянно дышат отравленным воздухом, и солнце светит не для них. Дети, работающие в этих мастерских, становятся хилыми и больными, а взрослые, лишенные чистого воздуха, гибнут»[272].

Современники оставили нам многочисленные описания ужасающей нищеты, царившей в рабочих кварталах промышленных городов. Префект департамента Нор вынужден был признать, что рабочие Лилля одеты в лохмотья, живут в погребах или на чердаках, в невероятной грязи, спят на досках или соломенных подстилках, питаются впроголодь, гибнут от лихорадки и тифа.

По подсчетам экономистов, за время с 1821 до 1831 г. потребление муки и хлеба в Париже, где рабочие составляли более трети населения, сократилось на 33 %, вина – на 25, мяса – на 24, сыра – на 40 %[273].

Такой ценой – ценой закабаления трудящихся масс и доведения их до полуголодного существования – покупались успехи капиталистического развития Франции в годы Реставрации. Полное политическое бесправие усугубляло угнетенное положение рабочего класса, лишенного избирательных прав, права стачек и союзов, поставленного под строгий

---

[271] Fr. Artz. France under the Bourbon Restoration. London, 1931, p. 13.

[272] «Les patrons, les ouvriers et l’Etat. Le Regime de l’industrie en France de 1814 à 1830». Recueil de textes publies pour la Societe d’histoire moderne el contemporaine par Georges Bourgin et Hubert Bourgin, t. III. Paris, 1941, p. 175–177.

[273] С *Ю. Кучинский.* История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. М. 1950, стр. 83.

надзор полиции.

Не видя еще истинных причин своего бедственного положения, рабочие нередко изливали свой гнев на машины, введение которых грозило сокращением заработной платы для одних, увольнением с производства и безработицей – для других. Заметным явлением сделались стачки. Они велись обычно против понижения заработной платы, против удлинения рабочего дня, против увольнений. Одной из самых крупных стачек этого периода была забастовка с целью повышения заработной платы, вспыхнувшая в 1825 г. на прядильной мануфактуре миллионера Аевассера в Гульме (близ Руана). Забастовка охватила соседние прядильни и приняла такой бурный характер, что в Гульм прибыл командующий войсками департамента в сопровождении батальона гвардии и местной жандармерии. Дело дошло до вооруженного столкновения. Суд вынес суровые приговоры стачечникам[274].

Упорную стачечную борьбу вели в течение ряда лет булочники Марселя, создавшие собственное товарищество, которое поддерживало связь с корпорациями булочников в других городах. Однако в некоторых корпорациях жива была цеховая вражда, выливавшаяся иной раз в уличные побоища между конкурирующими корпорациями.

«Народ более не революционен… Ему ничего не нужно, кроме хлеба и работы», – гласили, как правило, полицейские бюллетени. В действительности дело обстояло совсем не так. В своей борьбе за кусок хлеба, против голодных заработков, безработицы рабочие постоянно наталкивались на противодействие властей и уже в силу этого не могли стоять в стороне от политики. Даже тогда, когда непосредственной причиной недовольства трудящихся были чисто экономические факторы, оно проявлялось в действиях, враждебных не только предпринимателям, но и правительству. Так было, например, во время стачки в городе Тараре в ноябре 1828 г., вызванной увеличением продолжительности рабочего дня. Толпа рабочих кричала: «Долой фабрикантов!» И тут же добавляла: «Да здравствует республика! Да здравствует революция во Франции! Да здравствует свобода рабочих!»[275]

Прав был префект департамента Роны, писавший 5 января 1829 г.: «Простой народ решительно не обнаруживает никакой склонности к монархии» [276].

Идеологическая борьба во время реставрации

Большое место в общественной жизни Франции занимала в 1814–1830 гг. идеологическая борьба. Идеологи аристократической и абсолютистской реакции старались в своих произведениях обосновать исключительное право крупных землевладельцев-дворян на управление страной и доказать неправомерность стремлений торгово-промышленной буржуазии к политическому господству. Вместе с тем реакционеры выступали за ограничение или даже полное уничтожение конституционно-парламентского режима.

Одним из главных идеологов лагеря ультрароялистов был сардинский аристократ граф Жозеф де Местр, эмигрировавший во время революции в Россию. Из произведений де Местра наибольшей известностью пользовались трактаты «О папе» (1819) и «Петербургские вечера» (1821). Трактат «О папе» был написан, по-видимому, по прямому заданию Ватикана с целью опровержения антикатолического памфлета Стурдзы «Размышление о вере и духе православной церкви», написанного по поручению царского правительства.

Законченный реакционер, клерикал и мракобес, друг иезуитов Жозеф де Местр заявлял, что французская революция «по существу своему есть дело сатаны» и что только «союз

---

[274] Ibid., P. 45–48, 137–138, 160–171.

[275] «Gazette des Tribunaux», 20. XI 1828.

[276] *В. А. Бутенко.* Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху Реставрации. – «Из далекого и близкого прошлого». Пг., 1923, стр. 278.

духовенства и дворянства» при опоре на сильную монархическую власть может оградить Францию и Европу от новых революционных потрясений. Ополчаясь против просветительной философии XVII–XVIII вв., высказываясь за ограничение развития науки, за передачу воспитания детей в руки служителей церкви, этот теоретик крайней реакции утверждал, что общество не может существовать без религии, что единственная истинная религия – это католицизм, что папа – наместник бога на земле и глава всех монархов. Приверженец аристократии Жозеф де Местр старался доказать, что ее господствующее положение не привилегия, а «закон природы». Восхваляя инквизицию, орден иезуитов, он сочувственно отзывался о самодержавно-крепостническом строе царской России [277]. Постоянная борьба и грубое насилие составляют, по мнению Жозефа де Местра, естественную основу международных отношений. «Война божественна по своей природе, потому что это – закон вселенной», – утверждал он. Этот открытый панегирик человекоубийству – одна из самых отталкивающих черт в идеологии Жозефа де Местра.

Законченным реакционером был и виконт де Бональд – один из вожаков ультрароялистского большинства «бесподобной палаты». В «Опыте анализа естественных законов социального порядка», в «Первичном законодательстве» и в других своих трактатах Бональд старался доказать, что религия есть основа общества, что духовенство должно занимать первое место в государстве, что образцовым государством является то, в котором господствует земельная аристократия и вся власть принадлежит монарху. Ополчаясь против теории «естественного права», он утверждал, что «в обществе не существует прав, а имеются только обязанности»[278], что главнейшая из них – «повиноваться монарху», власть которого исходит от бога [279]. Восхваляя «воинственных сейнеров», на смену которым пришли презираемые им «жадные дельцы», Бональд впадал в прямую идеализацию феодализма[280]. Отрицательное отношение к культуре и прогрессу нового времени доходило у Бональда до того, что он выступал против развития промышленности, считал железные дороги и телеграф «дьявольским изобретением».

Особое место среди идеологов дворянско-монархической реакции 1814–1830 гг. занимал писатель и публицист Шатобриан. Выходец из старого дворянства, он эмигрировал во время революции, но в 1800 г., воспользовавшись амнистией, возвратился во Францию. В 1802 г. Шатобриан выпустил книгу «Гений христианства», в которой воспевал католическую религию. Книга эта оказала большое влияние на умы современников. Большой успех имели и романы Шатобриана, в которых он идеализировал нравы первобытных людей, рыцарей и монахов средневековья. Произведения Шатобриана дышали глубокой ненавистью к революционным переворотам. В книге «Опыт о революциях древнего и нового времени», изданной в 1797 г. и переизданной в 1820 г., он призывал отказаться от «химер» политической борьбы и утверждал, что все вообще революции доказали якобы бесплодность тех «насилий и жестокостей», которыми они сопровождались.

Однако Шатобриан не верил в возможность полного восстановления абсолютистско-феодального строя. Свою позицию в этом вопросе он изложил в брошюре «О монархии согласно хартии» (1816). Признавая превосходство конституционно-парламентского строя над абсолютистским, автор выдвигал, однако, такие реакционные требования, как чистка государственного аппарата от чиновников, служивших

---

[277] *B. R. Rohden.* Joseph de Maistre als politischer Theoretiker. Fin Beitrat‹ zur Geschichte des konservativen Staatsgedanken in Frankreich. Munchen, 1929.

[278] Vicomte *de Bonald.* Oeuvres…, I. III. Faris, 1829, p. 386–392.

[279] Vicomte de Bonald. Oeuvres…, t. XIV, p. 461.

[280] Moulinie. De Bonald. Paris, 1916, p. 344.

при республике и империи, возвращение духовенству еще не проданных церковных земель, передача в его руки народного образования, установление неделимости дворянских поместий и т. п. В 1819 г. Шатобриан разработал следующую программу (она была опубликована в журнале «Консерватор»): 1) увеличение представительства крупных землевладельцев в палате депутатов; 2) расширение права короля назначать офицеров армии; 3) усиление наказаний за нападки в печати на религию и церковь; 4) расширение прав органов областного и местного самоуправления с целью создания привилегий для помещичьей аристократии; 3) издание закона о неделимости поместий членов палаты пэров; 6) принятие мер против дробления земельных владений дворянства; 7) уплата денежного возмещения бывшим эмигрантам за конфискованные у них земли[281].

Некоторые из пунктов этой программы впоследствии были осуществлены правительством Реставрации.

Идеологам дворянско-монархической реакции противостояли идеологи буржуазного либерализма. Среди них различались две группы – конституционалисты-роялисты и либералы-парламентаристы. Главой конституционалистов-роялистов, выражавших интересы крупной буржуазии и либеральной части дворянства, был профессор философии и адвокат Ройе-Коллар. «Время аристократии, – доказывал он, – миновало безвозвратно, она стала только „историческим воспоминанием“. Привилегии сошли в могилу, и никакие человеческие усилия не воскресят их»[282]. Политическое преобладание, утверждал Ройе-Коллар, должно принадлежать «средним классам», т. е. буржуазии, в которой он усматривал естественного представителя всей новой Франции.

Более радикальных взглядов придерживался писатель и публицист Бенжамен Констан – видный теоретик французского либерализма первой трети XIX в., выражавший интересы широких слоев торгово-промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции. В своем главном труде – «Курс конституционной политики» (1818–1820) – он выдвигал учение о пяти основных органах государственной власти: королевской власти, исполнительной власти (министры), постоянной представительной власти (палата пэров), власти, представляющей общественное мнение (палата депутатов), и судебной власти. При этом Констан считал, что королевская власть стоит над четырьмя другими властями как «высший и посреднический» орган. Большое значение придавал он местному и областному самоуправлению, в котором готов был видеть особый, шестой орган власти[283].

Большой популярностью пользовалось в кругах либеральной буржуазии и либеральной интеллигенции учение Бенжамена Констана об «индивидуальных правах» человека, под которыми он подразумевал свободу личности, суд присяжных, свободу совести, свободу промышленности, неприкосновенность собственности, свободу печати. Однако, ратуя за свободу личности, за права человека, он имел в виду свободу и права только для имущих классов. Под лживым предлогом, будто трудящиеся ничего не смыслят в политике, Бенжамен Констан отказывал низшим классам в политических правах.

Идеологическая борьба между либеральной буржуазией и реакционным дворянством отражалась и в историографии. Период Реставрации был временем всеобщего увлечения историей. Книжный рынок был завален историческими сочинениями. Исторические концепции использовались борющимися партиями для обоснования своих политических программ. Так, например, ультрароялистский публицист граф Монлозье в своем трактате «О французской монархии» оспаривал притязания французской буржуазии на участие в

---

281 «Le Conservateur», 1818, t. V, p. 292–293 (Vicomte *de Chateaubriand.* Politique).

282 *P. de Baranle.* La vie politique de Royer-Collard, ses discours et ses ecrits, t. I. Paris, 1891, p. 310; t. II, p. 25–30, 134–135.

283 *Benjamain Constant.* Cours de politique constitutionnelle, t. I. Paris, 1861, p. 19–21, 98-103.

политической власти на том основании, что буржуазия этой страны ведет будто бы свое происхождение от прежних рабов французской аристократии – галлов, покоренных франками. Идеализируя дореволюционный режим, Монлозье называл революцию XVIII в. «великим социальным преступлением»[284]. Оспаривая мнения тех, кто видел в этой революции «преходящее потрясение», он с тревогой указывал на возможность новых революций. Чтобы предотвратить их, писал он, необходимо укрепить положение земельной аристократии, усилить права палаты пэров, обеспечить политическое преобладание дворянства также и в палате депутатов, ограничить избирательные права буржуазии. Отвергая претензии буржуазии на политическое господство, Монлозье с большой проницательностью предсказывал, что с того момента, как «средний класс» (т. е. буржуазия) станет у власти и превратится в новый «высший класс», против него тотчас же восстанут «низшие классы» и свергнут его так же, как он сверг прежний «высший класс»[285].

Крупнейшим представителем буржуазной историографии являлся в этот период Франсуа Гизо. В первые годы Реставрации он стоял довольно близко к правительственным кругам, но с усилением реакции был лишен административных постов и примкнул к умеренному крылу либеральной оппозиции. Свои политические взгляды и свою историческую концепцию Гизо впервые изложил в книге *«О* правительстве Франции со времени Реставрации и о нынешнем министерстве» (1820). История Франции изображалась в этой работе как история борьбы между завоевателями Галлии – франками и ее коренным населением – галлами. «Франки и галлы, сеньеры и крестьяне, дворяне и разночинцы», – так определял Гизо борющиеся стороны, подчеркивая, что потомком «народа-победителя» (франков) является дворянство, а потомком «народа побежденного» (галлов) – третье сословие. «В наши дни, – писал Гизо, – разыгралась решающая схватка между ними. Она называется революцией»[286]. Революция изменила, по его словам, взаимоотношения обоих лагерей. Правительство Реставрации, дав конституционную хартию, стало на сторону «народа побежденного». Обличая контрреволюционные происки старой знати и высшего духовенства, Гизо призывал к сотрудничеству буржуазии и дворянства и считал, что монархия Бурбонов является удобной формой для такого сотрудничества.

Ультрароялисты встретили книгу Гизо в штыки. Реакционные газеты обвиняли автора этого сочинения в проповеди гражданской войны[287]. В либеральных кругах книга имела огромный успех: два издания разошлись в две недели, вскоре вышло третье, за ним четвертое издание. В другой работе – «О средствах управления и об оппозиции в нынешнем состоянии Франции» – Гизо осуждал стремление правительства опираться только на аристократию, убеждал его перестать бояться растущего влияния «среднего класса» и отдать ему часть государственной власти. Только таким путем, доказывал автор, можно оградить страну от притязаний сторонников «старого режима», упрочить конституционную монархию и предотвратить новую революцию[288].

Одновременно с публицистикой Гизо занимался и преподаванием. Темой своего первого курса в Сорбонне в 1820 г. он избрал весьма актуальный для либеральной оппозиции того времени вопрос «Происхождение представительного строя в Европе». В своих «Опытах

---

284 «De la Monarchie francaise au 1,r Janvier 1821, par M. le comte de Montlosier». Paris, 1824, p. 113, 164, 179.

285 «De la Monarchie francaise… par M. le comte de Montlosier», p. 61–62.

286 *F. Guizot.* Du Gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministere actuel. Paris, 1820, p. 1–2.

287 *Ch. Pouthas.* Guizot pendant la Restauration (1814–1830). Preparation d’un homme d’Etat. Paris, 1923, p. 272–274.

288 F. Guizot. Des moyens de gouvernement et de l’opposition dans l’etat actuel de 1? France. Paris, 1821, p. VII.

по истории Франции» (1823) Гизо заявлял, что «слово феодализм возбуждает в сердцах народов только чувство страха, отвращения и презрения», что «во все времена всякий, кто наносил ему (феодализму) удары, был популярен во Франции»[289]. Такие взгляды встретили осуждение в правительственных кругах, и в 1822 г. курс Гизо в Сорбонне был запрещен. Лишенный кафедры, Гизо не прекратил своей научной работы в области истории. Много внимания уделял он при этом изучению истории английской революции XVII в., закончившейся компромиссом между буржуазией и аристократией. В 1823–1825 гг. он выпустил в свет 25-томное издание «Мемуаров, относящихся к английской революции», в 1826–1827 гг. – первые два тома своей «Истории английской революции».

В 1828 г., после того как ультрароялистов сменили у власти конституционные роялисты, Гизо снова был допущен к преподаванию в Сорбонне. Он прочел тогда два курса – «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции» (оба курса были затем изданы). В этих лекциях он продолжал развивать свои взгляды на роль классовой борьбы в истории. Так, например, подчеркивая крупное значение освобождения буржуазии городских коммун от власти феодальных сеньеров, он доказывал, что «современная Европа родилась из борьбы различных классов общества»[290]. Говоря о причинах крушения абсолютизма во Франции. Гизо доказывал неизбежность революции, разразившейся в конце XVIII в., которая, смела режим, не имевший иной опоры в стране, кроме неограниченной власти короля [291]. Этот вывод имел не только научное, но и политическое значение, служил предостережением правительству Реставрации. Курсы Гизо имели огромный успех в кругах буржуазной интеллигенции. «Целые толпы собирались в громадной аудитории, вмещавшей 1800 человек, лектору устраивали овации, газеты печатали содержание лекций»[292].

Гизо явился одним из создателей теории классовой борьбы – теории, которая имела прогрессивное значение в развитии исторической мысли, так как была направлена против реакционной аристократической историографии. В дальнейшем исторические взгляды Гизо пережили определенную эволюцию. Если первоначально он связывал возникновение классов с завоеванием, то впоследствии он стал выводить их из дифференциации земельной собственности, а потом – из отношений собственности вообще.

Революция 1830 г., приведшая к установлению во Франции буржуазной монархии, открыла перед Гизо широкое поприще как в области научной, так и в области политической деятельности. Но, став у власти, он превратился в ярого реакционера, непримиримого врага народных движений. После революции 1848 г., отбросившей его от политической власти, Гизо резко повернул вправо, отказался от теории классовой борьбы, стал осуждать казнь английского короля Карла I, которую раньше оправдывал.

Другим видным буржуазным историком периода Реставрации был Огюстен Тьерри. По своим политическим взглядам Тьерри примыкал к либеральной оппозиции. В либеральных газетах печатались его статьи, из которых составились потом его книги «Десять лет исторической работы» (1834) и «Письма по истории Франции» (1817–1827).

Подобно Гизо, Тьерри признавал роль классовой борьбы в историческом процессе, но происхождение классов и он объяснял завоеванием. Правда, он указывал, что завоевание Англии норманнами и завоевание Галлии франками было вызвано и экономическими причинами. «Но он не понимал, что экономические силы остаются в действии и тогда, когда никакого завоевания нет, и что феодальный строй порождается этими экономическими

---

289 *F. Guizot.* Essais sur l’histoire de France. Paris, 1823, p. 352.

290 Cours d’histoire moderne, par F. Guizot. Histoire generale de la civilisation en Europe. Paris, 1828, p. 29.

291 Ibid., P. 31.

292 *Б. Г. Реизов.* Французская романтическая историография (1815–1830). Л, 1956, стр. 182.

силами»[293]. Историческую концепцию Монлозье о происхождении французского дворянства от «расы победителей» – франков, а третьего сословия – от «расы побежденных» – галлов Тьерри развил в теорию двух рас и двух наций, продолжающих жить бок о бок на почве Франции, но повернул эту теорию против дворянства. В лице Меровингов и Каролингов, правивших Францией с V до X в., он видел представителей чуждой французскому народу «расы победителей»; с 987 г., указывал он, появляется национальная французская династия Капетингов и создается союз третьего сословия с королевской властью против феодальной аристократии. Таким образом, национальная борьба переходит, в изложении Тьерри, в классовую борьбу[294].

Враждебное отношение Тьерри к аристократии ясно обнаруживается в его статье «Правдивая история Жака Простака» (1820).

Автор берет это имя, служившее презрительной кличкой крестьянина в средневековой Франции, как собирательное обозначение всей французской нации, и излагает историю долгого угнетения простолюдинов, а затем их победоносного восстания против господ.

Наряду с историей крестьянских восстаний Тьерри проявлял большой интерес к истории коммунальных революций и чрезвычайно высоко оценивал их значение в развитии общественного прогресса. Но буржуазная ограниченность Тьерри помешала ему обнаружить социальную борьбу внутри «третьего сословия». «Удивительно, как этот господин, отец „классовой борьбы“ во французской историографии, – писал 27 июля 1854 г. Маркс, – негодует в предисловии на „новых людей“, которые теперь видят также антагонизм между буржуазией и пролетариатом и стремятся обнаружить следы этой противоположности уже в истории третьего сословия до 1789 года»[295]. Революция 1848 г. буквально потрясла Тьерри. Ведь он был уверен, что революция 1830 г., приведшая к окончательной победе буржуазии над дворянством, положила конец классовой борьбе. В своей последней книге «История образования и развития третьего сословия», вышедшей в свет в 1853 г., Тьерри резко осуждал классовую борьбу пролетариата, отказывался признать ее правомерность.

Большое место в идеологической борьбе с дворянской и клерикальной реакцией периода Реставрации занимала разработка в духе буржуазного либерализма истории великой буржуазной революции конца XVIII в. В 1824 г. вышла в свет получившая вскоре широкую популярность двухтомная книга Франсуа Минье «История французской революции». Эта революция, писал Минье, – «открывает в Европе эру нового общества». Она «изменила не только политический строй, но и все внутреннее существование нации… Она заменила произвол законом, привилегии – равенством»[296]. Последние слова свидетельствуют о том, что автор переоценивал результаты французской революции, идеализировал ее, не замечал ее буржуазной ограниченности. Признавая роль классовой борьбы в истории, Минье доказывал, что распри между политическими партиями в эпоху революции являлись отражением классовых противоречий, которые с неизбежностью вели к революционному взрыву. Одобрительно отзываясь о цензовой конституции 1795 г., он резко осуждал революционную диктатуру якобинцев. Вместе с тем он предостерегал ультрароялистов, что, если они нарушат хартию, новая революция станет неизбежной.

Такой же характер носила книга по истории революции политического

---

[293] См. *Г. В. Плеханов.* Французские историки времен Реставрации. Соч., т. VII. М. – Л., 1925, стр. 78–80.

[294] См. *Г. В. Плеханов.* Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. – Соч., т. VIII, стр. 18–21.

[295] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 321.

[296] *F. Miguel.* Histoire rie la revolution francaise. Paris, 1824, p. 13–14; *Н. И. Киреев.* Историки французской революции, т. 1. Л., 1924, стр. 103.

единомышленника Минье, будущего министра, а позже палача парижских коммунаров Адольфа Тьера, первые два тома которой вышли в свет в 1823 г. (весь труд, составивший восемь томов, был закончен в 1827 г.)[297]. Как и Минье, Тьер защищал буржуазную революцию, ее идеи и результаты от нападок со стороны ультрароялистов, но, как и Минье, с ненавистью отзывался о якобинцах, называя их «демагогами» и «фанатиками».

Особенностями политической обстановки во Франции в 1814–1830 гг. объясняется повышенный интерес либеральных публицистов того времени к истории парламентов и их борьбы против королевского абсолютизма. Политическую важность изучения истории представительных учреждений отмечал в своих лекциях и статьях Феликс Боден. В статье, опубликованной в 1823 г., этот либеральный историк писал: «Ныне мы изучаем историю не ради пустого любопытства, мы ищем в ней полезных уроков… Мы хотим читать будущее в прошлом»[298]. В статье, напечатанной в 1828 г., видный историк умеренно-либерального направления Проспер де Барант подчеркивал: «Во всех делах нас интересует движение вперед. Мы ищем в прошлом основания для веры в будущее»[299]. Оптимизм, вера в прогресс общества характеризуют идеологию либеральной партии этих лет, так же как пессимизм, неверие в будущее человечества отличают позиции представителей реакционно-аристократического лагеря.

Важное значение в идеологической борьбе времен Реставрации имели антидворянские и антиклерикальные памфлеты талантливого либерального публициста Поля Луи Курье. В своих остроумных и ярких произведениях Курье нещадно обличал спесь аристократии, ханжество и развращенность духовенства, резко осуждал реакционную внутреннюю и антинациональную внешнюю политику правительства Реставрации. Огромное впечатление произвел его памфлет «Простая речь по поводу приобретения замка Шамбор» (1821), в котором доказывалось, что обогащению аристократических фамилий способствовали проституция, взятки, грабежи, конфискации, убийства. Большой успех имела и антиклерикальная «Петиция в палату депутатов в защиту деревенских жителей, которым запрещают танцевать» (1822). Одним из самых знаменитых произведений Курье был его «Памфлет о памфлетах» (1824). Не будучи революционером, Курье хорошо понимал революционизирующее значение политических памфлетов. «Во все времена, – писал он, – памфлеты изменяли облик мира»[300]. Правительство Реставрации не раз пыталось расправиться с Курье, неоднократно подвергало его арестам и предавало суду[301].

Большую роль в борьбе либеральной оппозиции против дворянской и клерикальной реакции играли песенки народного поэта Беранже, пользовавшиеся огромной популярностью во Франции. Начиная с таких произведений, как «Челобитная породистых собак о разрешении входа в Тюильрийский дворец» (1814) и «Маркиз де Караба» (1816), Беранже не переставал бичевать дворянство, его высокомерие и развращенность, измену родине и союз с интервентами. Резко клеймил он и пороки католического духовенства, его реакционность и стяжательство («Капуцины». «Миссионеры»), Прославляя трехцветное знамя французской революции («Старое знамя»), былые победы республиканской армии

---

[297] «Histoire de la Revolution francaise…», par A. Thiers et Felix Bodin, t. 1-II [18231; t. Ill-IV [1824]; t. V–VI [1825]; t. VII–VIII [1827].

[298] *H. Tronchon.* Les etudes historiques et la philosophie de l'histoire aux alentours de 1830. – «Revue de synthese historique». Paris, 1922, t. XXXIV, p. 46.

[299] Ibid., p. 61.

[300] «Oeuvres completes de Paul-Louis Courier». Paris, 1839, p. 117.

[301] *R. Caschet.* Paul-Louis Courier et la Restauration. Paris. 1913, p, 130–142, 214–216, 220–232.

(«Маркитантка», «Старый сержант»), поэт будил в народе патриотическую ненависть к чужеземным угнетателям Франции («Галлы и франки»), воспевал восстание греков против гнета султанской Турции («Тень Анакреона»), осуждал интервенцию Франции против революции в Испании («Новый приказ»), клеймил Священный союз монархов и призывал к созданию Священного союза народов[302]. Антифеодальный и антиабсолютистский характер носили и такие произведения, как драма Проспера Мериме «Жакерия» (1828 г.) и его «Хроника времен Карла IX» (1829 г.), драма Виктора Гюго «Марион Делорм» (1829 г.), драма Александра Дюма «Генрих III» (1829 г.). Все эти пьесы пользовались большим успехом *у* либерально настроенной публики. Шумный успех выпал на долю комедии Скриба «До, во время и после», содержавшей острую сатиру на старую знать. Комедия эта, появившаяся на сцене в 1828 г., вскоре была запрещена властями [303]. Рост антиклерикальных настроений способствовал возрождению интереса к «Тартюфу». Знаменитая комедия Мольера вновь стала чрезвычайно актуальной. Попытки властей запретить ее постановку привели в 1826 г. к уличным волнениям в Лионе и в Руане.

Завязавшаяся вокруг драмы Гюго «Эрнани» (1830 г.) литературная борьба имела ярко выраженную политическую направленность: против реакционного классицизма и дворянского романтизма поднимался новый, либерально-демократический романтизм. «Романтизм есть в сущности не что иное, как литературный либерализм, и близок день, когда литературный либерализм будет не менее популярен, чем либерализм политический», – писал Гюго[304].

Заметную роль в политической борьбе 1814–1830 гг. играла периодическая пресса. Тиражи газет либерального направления продолжали расти, обгоняя тиражи газет правительственного лагеря. В 1824 г. оппозиционные газеты имели в Париже 41 330 подписчиков, а правительственные – только 14 344[305]. Широкое развитие получило издание политических брошюр.

Борьба против реакционных притязаний помещичьего дворянства велась и в экономической литературе.

Самым крупным буржуазным экономистом Франции того времени был Ж. -Б. Сэй. Сын купца и сам фабрикант, Сэй был ярым апологетом капитализма. В «Трактате по политической экономии» и в других своих трудах он знакомил французскую публику с учением Адама Смита, но при этом вульгаризировал его взгляды: он «обогатил» науку «открытием», что всякий труд производителен и что рабочие лишь выполняют указания предпринимателей, которых он называл «организаторами» производства. Маркс был очень невысокого мнения о теоретическом уровне взглядов Сэя, характеризовал его как ничтожество, как шарлатана[306].

В области философии большим влиянием пользовался в эти годы профессор Сорбонны Виктор Кузен. В 1822 г. он был лишен кафедры за свои взгляды. Блестящий лектор, Кузен не был, однако, оригинальным мыслителем. Он основал школу, которую сам же назвал «эклектической», т. е. составленной из соединения выводов различных систем. Кузен пытался найти некую среднюю линию между различными философскими направлениями. Правомерность своего метода Кузен обосновал утверждением, что он соответствует духу

---

[302] *П. -Ж. Беранже.* Полн. собр. песен, т. I.

[303] *Ch. Lenient.* La Comedie en France au XIXme siecle, t. 1. Paris, 1898, p. 353–360.

[304] *V. Hago.* Oeuvres completes. Philosophie. Paris, 1882, p. 313.

[305] *Nora Hudson.* Ultra-royalism and the French Restoration. London, 1936, p. 94.

[306] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 548–549.

современной ему французской государственности, в которой монархический принцип будто бы гармонически сочетается с конституционной системой, порядок – со свободой, родовая аристократия – с гражданским равенством[307]. Резко критическую оценку эклектизма Кузена дал Чернышевский, назвавший его теорию «кашицей»[308]. Во Франции ее критиковал преподаватель философии политический деятель либерального направления Марраст. Исходя из идей просветителей XVIII в., он доказывал, что теория Кузена несостоятельна в научном и вредна в политическом отношении. Опыт показывает, – писал Марраст, – что «важнейший путь к абсолютизму заключается в идейной сумятице». Эклектизм насаждает ее в умах, так как проповедует примирение с действительностью, какова бы она ни была, и готов «все извинить», чтобы «все понять». Исходя из того принципа, что «всякая существовавшая некогда система была правильна», что «всякое событие было некогда хорошим и уместным», эклектическая философия приводит к выводу, что народы имеют то правительство, которого «они заслуживают»[309].

Реакционная сущность учения Кузена выступает особенно ясно в его апологии войн, которые он объявляет необходимым условием и орудием прогресса.

Особое место в общественной жизни Франции этих лет занимали социалистические теории Сен-Симона, Фурье и некоторых других мыслителей, отражавшие недовольство широких слоев населения существующим строем и поиски путей к его преобразованию. Однако социализм того времени был утопическим. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории»[310]. Но в произведениях социалистов-утопистов имелись и отдельные проблески гениальных идей. Так, в 1802 г. в «Письмах женевского обитателя к своим современникам» Анри де Сен-Симон впервые выдвинул положение, что «все люди должны работать». В том же труде Сен-Симон, задолго до либеральных историков периода Реставрации, сделал вывод о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса, о том, что французская революция была борьбой классов и что это была не только борьба между дворянством и буржуазией, но и между дворянством, буржуазией и неимущими слоями населения. «Это в 1802 г. было в высшей степени гениальным открытием», – писал Энгельс по поводу выводов, сделанных Сен-Симоном и сформулированных в приведенных выше словах[311].

Громадное принципиальное значение имел вывод Сен-Симона о том, что «золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас»[312]. Такой вывод, прямо противоречивший пессимистическому выводу Руссо, открывал реальную перспективу установления справедливого общественного строя.

Социальную борьбу в современном ему обществе Сен-Симон характеризовал как борьбу между классом «феодалов» и классом «индустриалов». К первым он относил преимущественно землевладельческую знать, ко вторым – всю остальную массу населения.

---

307 C. *Barthelemy Saint-Hilaire.* M. Victor Cousin, sa vie et sa correspondance. Paris, 1895, t. I, p. 253–254; *Б. Г. Реизов.* французская романтическая историография (1815–1830), стр. 295–330.

308 *Н. Г. Чернышевский.* Избр. философские соч., т. I. М., 1950, стр, 432.

309 «Examen critique du cours de philosophie de M. Cousin (lecon par lecon) par M. A. Marrast et une societe d'hommes de lettres». Paris, 1829, p. 369–372.

310 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 194.

311 Там же, стр. 196.

312 *А. де Сен-Симон* Избр. соч., т. II. М. – Л., 1948, стр. 273.

Подчеркивая антагонизм между производительным и непроизводительным классами, он не замечал, однако, антагонизма между пролетариатом и буржуазией. «Но самое существование пролетариата как группы, отличной от группы собственников в пределах промышленного класса, Сен-Симон нигде не отрицает. И тем не менее он не выделяет пролетариат в особый класс»[313]. Это ошибочное положение Сен-Симона объясняется отчасти недостаточным развитием капитализма во Франции того времени, отчасти стремлением мыслителя отстоять идею единства «индустриалов», необходимого, как он полагал, для мирного перехода к новому общественному строю.

Доказывая в своей работе «Об индустриальной системе» (1822) неизбежность ее торжества, как закономерного результата прогресса цивилизации не только во Франции, но и во всей Западной Европе, Сен-Симон предсказывал, что династия Бурбонов будет изгнана из страны, если попытается воспротивиться этому торжеству. Вместе с тем он заявлял, что новый строй не может быть утвержден насильственными средствами, ибо насилие, ошибочно полагал он, есть отличительная особенность феодального строя.

По мысли Сен-Симона, в «индустриальной системе» сохранялась частная собственность на средства производства, сохранялась предпринимательская прибыль, руководство экономикой, всей жизнью общества передавалось, наряду с учеными и техниками, промышленникам и банкирам. Ссылаясь на все это, некоторые новейшие буржуазные историки пытаются представить Сен-Симона апологетом капиталистического общества, провидцем некоего «организованного капитализма», «народного капитализма». Это – совершенно ошибочное утверждение[314]. Обязательный труд, принцип единого хозяйственного плана, превращение государственной власти из управления людьми в управление вещами, организация производства, обеспечение благополучия «самого бедного и самого многочисленного класса» как единая цель общества, утверждение всемирной ассоциации народов и всеобщего мира при стирании национальных границ – таковы те принципы социализма, которые содержатся в учении Сен-Симона. Именно они дали Марксу и Энгельсу право рассматривать это учение – наряду с учениями Фурье, Оуэна и некоторых других социальных мыслителей – как «собственно социалистические и коммунистические системы»[315].

---

313 *В. П. Волгин.* Сен-Снмон и сен-симоннзм. М. 1961, стр. 48.

314 См. *Н. Е. Застенкер.* Анри де Сен-Симон. – «История социалистических учений». Сб. статей. М., 1962, стр. 215–217, 225–226.

315 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 455.

Клод Анри Сен-Симон. Гравюра Л. Деймарена

Учение Сен-Симона развивали его ученики Анфантен, Базар и некоторые другие. В 1830 г. они издали книгу «Изложение учения Сен-Симона», составившуюся из публичных лекций, читанных в 1828–1829 гг. Книга эта представляла собой большой шаг вперед в понимании классов и классовой борьбы. «Человек, – писали сен-симонисты, – эксплуатировал до сих пор человека. Господа, рабы; патриции, плебеи; сеньеры, крепостные; земельные собственники, арендаторы; празднолюбцы, труженики – такова прогрессивная история человечества до наших дней». «Достаточно бросить взгляд на все происходящее вокруг нас, чтобы признать, что рабочий эксплуатируется материально, интеллектуально и морально, подобно тому, как некогда эксплуатировался раб. В самом деле, ясно, что своим трудом он едва может удовлетворить собственные потребности и что не от него зависит возможность получить работу»[316].

Эксплуатацию труда капиталом сен-симонисты правильно выводили из института частной собственности на средства производства. Они требовали отмены частной собственности и рассчитывали добиться этого путем уничтожения права наследования. Будущее общество сен-симонисты рисовали в виде «всемирной ассоциации трудящихся», опирающейся на планомерную организацию производительных сил. «Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам – вот новое право, которое заменит собой право завоевания и право рождения, – заявляли сен-симонисты: – человек не будет больше эксплуатировать человека; человек, вступивший в товарищество с другим человеком, будет эксплуатировать мир, отданный ему во власть»[317].

Слабой стороной тактики сен-симонистов была их оторванность от масс и отказ от политической борьбы.

Почти одновременно с Сен-Симоном выступил с планами преобразования существующего общества другой великий социалист-утопист Шарль Фурье. Философско-исторические воззрения Фурье носили идеалистический характер, но отличались своеобразной диалектикой. Человеческое общество, полагал он, переживает те же стадии развития, что и жизнь отдельного человека. Каждая стадия состоит из восьми

---

[316] «Изложение учения Сен-Симона». М. – Л., 1947, стр. 81, 229–230.

[317] Там же, стр. 81.

периодов: золотой век, состояние дикости, патриархат, варварство, цивилизация, «гарантизм», период «простой ассоциации» и период «гармонии».

Шарль Фурье. Литография с рис. Жана Жигу

Исходя из наблюдений над современной ему действительностью, Фурье давал резкую критику противоречий капиталистического общества. В своей работе «Теория всеобщего единства» (1822) он приводил «таблицу непроизводительной части населения», состоящей, по его словам, из «домашних паразитов», «социальных паразитов», наконец, «побочных паразитов». Система наемного труда, доказывал Фурье, превращает низшие классы в рабов. Кучка богатых тунеядцев становится еще богаче, семь восьмых нации все глубже погружаются в бездну нищеты. Экономическая неурядица порождает неурядицу социальную и политическую. Но понятие класса крайне сбивчиво у Фурье[318].

Новый общественный строй, который проектировал Фурье, должен был быть воздвигнут на началах ассоциации. Основной ячейкой ее будет «фаланга» – община, соединяющая в себе сельское хозяйство с промышленным производством. Фаланга состоит из 1600–2000 человек. В нее принимаются и трудящиеся, и капиталисты: первые отдают ей свой труд, вторые вступают в нее в качестве акционеров. Каждый член фаланги имеет право на труд и социальное обеспечение. Рабочий день должен быть очень коротким. Расписание дня членов фаланги разработано было Фурье в двух различных вариантах: один для бедного, другой для богатого ее члена. Центром всей жизни фаланги являются огромные дворцы-фаланстеры. Много внимания уделялось в планах Фурье системе воспитания детей: чтобы развить в них общественные чувства и привить им промышленные навыки, школьные занятия должны сочетаться с обучением ремеслам и с производственными работами. Домашнее хозяйство заменяется общественной кухней и общественным обслуживанием. Устанавливается полное равноправие женщин с мужчинами.

Валовой доход фаланги должен был делиться на две части: одна идет на покрытие потребностей общественного характера, другая (за вычетом издержек производства) распределяется на три части-между капиталом (акционерами), талантом и трудом. Первый получает $^4/_{12}$, второй – $^3/_{12}$, третий – $^5/_{12}$.

Фаланги формируют трудовые армии, которые, опираясь на преимущества

---

[318] В. П. Волгин. Социологические взгляды Фурье. «Очерки по истории социализма». М., 1935, стр. 353; А. Р. Иоаннисян. Ширли Фурье. М., 1938.

коллективного труда и используя высокую технику, изменят облик земного шара. Когда фаланги распространятся на весь мир, в нем будут установлены общий язык, общая монета, общая система мер.

Не понимая роли классовой борьбы, Фурье ожидал осуществления нового строя не от самодеятельности трудящихся масс, а от инициативы просвещенного миллионера, который даст необходимые для этого средства.

Фантастичность многих проектов Фурье, его непоследовательность в вопросе о частной собственности и другие слабые стороны его теории не могут все же заслонить прогрессивность его социальных идей. Маркс и Энгельс высоко оценивали острую критику капитализма в произведениях Фурье и отдельные верные положения его «социетарной системы». «Социальная философия Фурье содержит немало гениальных догадок, предвосхитивших положения научного социализма…»[319].

Усилении дворянской и клерикальной реакции в 1825–1829 годах

В сентябре 1824 г. умер Людовик XVIII и королем Франции стал его брат Карл X. Новый король, носивший до своего воцарения титул графа д'Артуа, был известен как фанатичный приверженец дореволюционного режима. Эмигрировав через два дня после падения Бастилии, он возвратился во Францию таким же твердолобым реакционером, каким был в момент своего бегства за границу в 1789 г. 29 мая 1825 г. в Реймском соборе состоялось коронование Карла X. Церемония была обставлена с театральной помпой, тон задавали архиепископы и кардиналы. Единственное изменение, внесенное в этот средневековый ритуал, состояло в том, что клятва истреблять еретиков была опущена, а в формулу присяги включена клятва верности хартии. Либеральная буржуазия была совершенно удовлетворена этой присягой: оппозиционные газеты приветствовали ее как доказательство «священного союза между властью и свободой»[320].

О действительных намерениях нового короля свидетельствовали реакционные меры, принятые в первый же год его царствования. 20 апреля 1825 г. Карл X подписал закон о суровых карах (вплоть до смертной казни) за проступки в отношении предметов религиозного культа (Бенжамен Констан справедливо заметил, что этот закон «достоин XV века»). 27 апреля был принят закон о выплате бывшим эмигрантам денежного возмещения в размере около 1 млрд, франков за земли, конфискованные у них во время революции. Либеральная партия резко осуждала правительственный законопроект. Член палаты депутатов Дюпон (из департамента Эр) напомнил об изменнических действиях дворян-эмигрантов во время революции, об их участии в нашествии австро-прусских войск на Францию в 1792 г. Некоторые крайние монархисты требовали возвратить эмигрантам все отнятые у них земельные владения, но правительство не решилось пойти так далеко. В общем возмещение получили 25 тыс. человек, главным образом дворяне. Из выплаченных по этому закону 866 млн. фр. большая часть досталась влиятельной при дворе кучке представителей старой знати. Больше всех – 12,7 млн. фр. – получил герцог Луи-Филипп Орлеанский (глава младшей линии династии Бурбонов). За ним шли герцог де Монморанси (5,73 млн. фр.), граф Рошешуар де Мортемар (2,33 млн. фр.), маркиз де Байель (2,29 млн. фр.), граф де Пюисегюр (2,17 млн. фр.) и другие бывшие эмигранты. Около 60 млн. фр. было распределено между 31 аристократической фамилией[321].

---

319 И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964. стр 410.

320 I. G*arnier*. Le sacre de Charles X et l'opinion publique en 1825… Paru, 1927, p. 108–109.

321 A. Gain. La Restauration et les biens des emigres (1814–1832), t. II. Nancy, 1929, p. 192.

«Закон об эмигрантском миллиарде», усиливший экономические позиции крупных помещиков, вызвал большое недовольство в стране. Особенно сильно возмущено было крестьянство, изнемогавшее под бременем налогов, часть которых пошла на выплату возмещения бывшим эмигрантам. Он не внес успокоения в среду покупщиков национальных имуществ, продолжавших испытывать неуверенность в том, что им удастся удержать в своих руках приобретенные в свое время земли.

Делу укрепления экономической базы помещичьего землевладения служили и меры правительства против дробления дворянских имений. С этой целью еще в 1817 г. был издан указ, обязавший каждого нового пэра обзавестись неделимым поместьем с минимальным чистым доходом в 10 тыс. фр. Создание майоратных поместий, начавшееся еще в период наполеоновской империи, приняло во время Реставрации довольно широкий размах. За эти 16 лет было учреждено 306 новых майоратов с общим доходом в 2 850 604 фр.[322] Среди владельцев майоратных поместий были и лица буржуазного происхождения, желавшие угодить правительству Бурбонов и добиться для себя дворянского звания[323].

Сильное недовольство возбуждали в стране притязания католического духовенства, пользовавшиеся поддержкой правящих кругов.

«Коронованный столб». Карикатура Декампа на Карла X

В ряде городов вызывающее поведение членов иезуитского ордена, их появление в роли «миссионеров», их наглые выпады против хартии и либералов приводили к уличным волнениям[324].

Книжный рынок был заполнен брошюрами и памфлетами, которые обличали иезуитов, их корыстолюбие, развращенность, политические интриги. К борьбе против иезуитов присоединялись даже некоторые выходцы из дворянства. В марте 1826 г. граф Монлозье выпустил в свет брошюру, озаглавленную «Записка о религиозно-политической системе,

---

[322] J.J. Qecslin. Le Mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. Son ideologie et son action politique (1814–1830). Paris, 1960, p. 177.

[323] См. ряд примеров в книге: Vicomte *A. Reverend.* Titres, anoblissements et pairies de la Restauration, 1814–1830, t. 1. Paris, 1901, p. 58, 121.

[324] *F. Sevrin.* Les missions religieuses en France sous la Restauration, t. I. Paris, 1948; t. II. Paris, 1959.

угрожающей ниспровергнуть религию, общество и трон»[325]. Резко осуждая вмешательство духовенства в политику, Монлозье напоминал, что и Генрих III, и Генрих IV были убиты иезуитами, что члены этого ордена были изгнаны из Франции в 1763 г., что папа Климент XIV объявил его в 1773 г. навсегда распущенным. Автор выражал опасение, что действия иезуитов могут создать почву для новой революции. «Записка» Монлозье имела громадный успех: она выдержала восемь изданий и разошлась в количестве 100 тыс. экземпляров.

В 1826 г. во Франции разразился промышленный кризис, затянувшийся на ряд лет и перешедший затем в длительную депрессию. Под влиянием кризиса недовольство торгово-промышленной буржуазии политикой правительства еще более возросло. Среди рабочих усилилось революционное брожение. Оно отчетливо обнаружилось в начале 1827 г. в связи с обсуждением нового законопроекта о печати. Среди рабочих-печатников распространялся проект петиции, отмечавшей их тяжелое материальное положение и главную причину его усматривавшей в реакционной политике правительства. В предместье Сен-Марсо рабочие заявляли, что возьмутся за оружие и двинутся на Тюильрийский дворец, чтобы «повторить день 10 августа», в случае если король не удалит своих министров и не издаст законов, «более соответствующих хартии» и могущих защитить рабочего «от угрозы голодной смерти». В петиции, распространявшейся среди печатников, выдвигалось требование, чтобы «нация сама выбирала своих вождей», чтобы были смещены все реакционные чиновники, проведена реформа народного образования, введена полная свобода печати и сокращены государственные расходы, разоряющие страну[326].

17 апреля министерство взяло обратно свой законопроект. Эта победа оппозиции вызвала ликование в Париже. В течение трех дней (17, 18 и 19 апреля) город был иллюминован, по улицам проходили шествия рабочих и студентов[327].

29 апреля во время смотра национальной гвардии Карл X был встречен возгласами: «Долой министров! Долой иезуитов!». Указ о роспуске национальной гвардии, изданный в ответ на эту демонстрацию, привел к дальнейшему росту общественного недовольства. Оно ярко проявилось в крупном успехе либералов на выборах в палату депутатов в ноябре того же года. В течение трех дней (18–20 ноября) в рабочих кварталах Сен-Дени и Сен-Мартен происходили уличные демонстрации и баррикадные бои[328].

В начале января 1828 г. ультрароялистское министерство графа Виллеля, стоявшее у власти около семи лет, уступило место министерству графа Мартиньяка, близкого к партии конституционалистов-роялистов. Этот вынужденный поворот влево в политике правительства оказался непродолжительным. Указы, ограничивавшие права ордена иезуитов, и некоторые другие либеральные начинания нового кабинета вызвали сильное возмущение среди крайних реакционеров. С другой стороны, передовые круги буржуазии были разочарованы половинчатыми действиями Мартиньяка в деле чистки провинциальной администрации от ультрароялистов и в вопросе о реформе местного и областного самоуправления.

Идя навстречу требованиям торгово-промышленных кругов, добивавшихся расширения экономических связей Франции со странами Востока, правительство Карла X стало на сторону греков, восставших против гнета Турецкой империи. В 1827 г. между Россией, Англией и Францией было подписано соглашение о сотрудничестве в

---

325 Comte *de Monllosier.* Memoire a consulter sur un systeme religieux et politique tendant a renverser la religion, la societe et le trone. Paris, 1826, p. 131–132.

326 *В. А. Бутенко.* Перелом в истории реставрации Бурбонов. – «Анналы», № 3. Пг., 1923, стр. 87–88.

327 Там же, стр. 89.

328 *P. Duvcrgier de Hauranne.* Histoire du gouvernement parlementaire en France, t. 9. Paris, 1869, p. 344–346.

греко-турецком конфликте. 20 октября 1827 г. в бухте Наварин турецко-египетский флот был разгромлен соединенными эскадрами Англии, Франции и России. Вслед за тем по решению Лондонской конференции европейских держав в июле 1828 г. отряд французских войск был послан в Морею, чтобы помешать отправке туда новых турецко-египетских войск для борьбы против греческого восстания.

Эти действия правительства были одобрительно встречены либеральной буржуазией Франции. Однако решающую роль в освобождении Греции от турецкого господства сыграла победа России в войне с Турцией в 1829 г.

Внешнеполитические успехи министерства Мартиньяка не упрочили на сколько-нибудь продолжительный срок его пошатнувшееся положение внутри страны.

8 августа 1829 г. Карл X дал отставку кабинету Мартиньяка. Новый кабинет, составленный из одних ультрароялистов, возглавил князь Полиньяк, принадлежавший к самому реакционному крылу французской аристократии, выходец из семьи, тесно связанной с династией Бурбонов.

Июльская революция 1830 года

Приход к власти крайних монархистов во главе с Полиньяком привел к резкому обострению политической обстановки в стране. Курс государственной ренты на бирже понизился. Началось изъятие вкладов из банков. Либеральные газеты напоминали о контрреволюционном прошлом новых министров и предостерегали правительство против покушения на хартию. Отвергая революционные методы борьбы, представители умеренного крыла буржуазной оппозиции утверждали, что лучшее средство борьбы с реакционными замыслами правящих кругов – отказ от уплаты налогов. В ряде департаментов стали возникать ассоциации налогоплательщиков, готовившиеся к отпору правительству в случае нарушения им конституции.

Общественное недовольство поддерживалось промышленной депрессией, ростом безработицы и повышением цен на хлеб. На 1 января 1830 г. во Франции насчитывалось более 1,5 млн. человек, имевших право на пособие по бедности. В одном только городе Нанте насчитывалось 14 тыс. безработных ($^1/_6$ часть населения). Заработная плата местных рабочих, по сравнению с 1800 г., уменьшилась на 22 %. За то же время цены на предметы первой необходимости повысились в среднем на 60 %[329].

Бедственное положение трудящихся масс вело к росту революционных настроений в стране. Усиливались антиправительственные выступления в оппозиционной прессе В начале 1830 г. была основана новая либеральная газета «Националь», вступившая в острую полемику с реакционными органами печати. Редакция газеты, в которую входили публицист Арман Каррель, историки Тьер и Минье, ставила своей задачей защиту хартии и высказывалась за конституционную монархию, при которой «король царствует, но не управляет». Постепенно тон газеты становился открыто угрожающим по адресу династии Бурбонов. Вместе с тем газета не скрывала своего страха перед новой революцией.

В отличие от конституционалистов-роялистов и умеренных либералов, продолжавших надеяться на мирный исход конфликта между министерством и оппозицией, демократы и республиканцы готовились к решительной борьбе с правительством. В январе 1830 г. в Париже возникла тайная Патриотическая ассоциация во главе с редактором леволиберальной газеты Огюстом Фабром. Члены ассоциации, в большинстве своем студенты и журналисты, запасались оружием и готовились к вооруженному сопротивлению попытке правительства отменить хартию. Некоторые члены Патриотической ассоциации поддерживали связь с рабочими. Наряду с этой ассоциацией, группа республиканцев создала в конце 1829 г.

---

329 *M. Giraud-Mangin.* Nantes en 1830 et les journees de juillet. – «Etudes sur les mouvements liberaux et nationaux de 1830». Paris, 1932, p 114–120.

тайные революционные комитеты («муниципалитеты»), во главе которых стояла Центральная коммуна. Эта организация, состоявшая преимущественно из представителей республиканской интеллигенции (студент Годфруа Кавеньяк, доктор Трела и др.), восходит к карбонарским вентам.

Политическая обстановка в стране становилась все напряженнее. Возбуждение еще более усилилось под влиянием известий о пожарах, опустошавших деревни Нормандии. Оппозиционная печать обвиняла правительство в бездействии и даже в попустительстве поджигателям. Крестьяне вооружались для охраны своих ферм. Пожары прекратились лишь после того, как на место действия прибыли войска. Эти поджоги, бывшие, по-видимому, делом рук агентов страховых компаний, давали новую пищу для противоправительственной агитации[330].

Серьезные волнения разыгрались с весны 1829 г. в сельских местностях департаментов Арьеж и Верхняя Гаронна. Волнения эти были вызваны новым лесным кодексом, принятым в 1827 г. Кодекс запрещал производить расчистку леса без разрешения властей, самовольная рубка каралась большими штрафами; крестьянам запрещалось пасти коз и овец даже вблизи своих домов. Эти суровые правила грозили крестьянам тяжелым материальным ущербом и нарушали древние права сельских общин, восстановленные во время революции.

Первые волнения на этой почве произошли осенью 1828 г. Восставшие крестьяне именовались «демуазелями» (девицами), вследствие того что облачались в длинные белые рубахи, намазывали на лица желтые и красные полосы, надевали маски в виде кусков холста с отверстиями для глаз. С осени 1829 г. и особенно с начала 1830 г. движение приняло широкие размеры. Судебная расправа с группой его участников не запугала крестьян. Отряды «демуазелей» продолжали громить усадьбы помещиков и фермеров, захватывать лесные угодья и после суда над ними в марте 1830 г.[331]

2 марта 1830 г. открылась сессия обеих палат. Карл X в своей тронной речи обрушился на либеральную оппозицию, обвинив ее в «преступных замыслах» против правительства. 16 марта палата депутатов приняла ответный адрес, который содержал прямой выпад против министерства Полиньяка. В ответ на это заседания палаты были прерваны до 1 сентября.

16 мая палата депутатов была распущена; новые выборы были назначены на 23 июня и 3 июля. Подготовка к выборам сопровождалась острой борьбой в печати по вопросу о правах обеих палат, о пределах королевской власти, о полномочиях министров. Ультрароялистские газеты пропагандировали теорию неограниченной власти монарха. Либеральная пресса требовала отставки кабинета Полиньяка, восстановления национальной гвардии, введения областного и местного самоуправления, борьбы с клерикальным засильем, смягчения режима для печати, уменьшения налогов, защиты прав покупщиков национальных имуществ.

Чтобы отвлечь внимание французского общества от внутренних затруднений, обуздать либеральную оппозицию, поднять свой престиж в армии и обеспечить себе расположение торговой и промышленной буржуазии, давно добивавшейся упрочения влияния Франции в Средиземном море и на североафриканском побережье, правительство Карла X предприняло завоевание Алжира. Предлогом для этой экспедиции послужило оскорбление, нанесенное алжирским беем Гуссейном французскому консулу Девалю. Затевая поход, Франция могла рассчитывать на моральную поддержку России. Дипломатические интриги Англии, которая пыталась свести на нет плоды русских побед в войне 1828–1829 гг. с Турцией, побудили Николая I занять позицию, благоприятную Франции. Английское правительство подстрекало алжирского бея к сопротивлению Франции. Оно добивалось от французского правительства

---

330 *F. B. Artz.* La crise des assurances en 1830 et les compagnies d'assurance. – «Revue d’histoire moderne», mars-avril 1929, p. 97, 99-105.

331 *Ф. В. Потемкин.* Промышленная революция во Франции, т. II. М., 1971, стр. 75–96.

письменного обязательства, что Франция не претендует на завоевание Алжира, грозило посылкой своего флота к его берегам[332].

25 мая эскадра в составе 103 военных судов отплыла из Тулона, имея на борту 37639 человек и 183 осадных орудия. 14 июня началась высадка французских войск на алжирском побережье. 5 июля они заняли город Алжир. Турецкий пашалык Алжир был объявлен французской колонией.

Атака на Алжир с моря. А. Л. Моррель-Фатио

Этот успех захватнической политики придал Карлу X и министерству Полиньяка уверенность в победе над либеральной оппозицией. Однако события опрокинули расчеты крайних монархистов. Выборы принесли победу оппозиции: либералы и конституционалисты получили 274 места (из 428), а сторонники министерства – только 143. В правительственных кругах началось обсуждение вопроса, что предпринять, чтобы выйти из создавшегося положения. Выдвигались различные проекты, один реакционнее другого. Все они были направлены на то, чтобы обеспечить преобладание в палате депутатов представителям земельной аристократии. Согласно одному проекту, из 650 мест в палате депутатов 550 отводилось крупным землевладельцам[333].

26 июля в правительственной газете «Монитёр» были опубликованы шесть королевских указов, вошедших в историю под названием «ордонансов Полиньяка». Они вводили строгие ограничения для издания газет и журналов, делавшие невозможным выпуск органов либеральной прессы. Вновь избранная палата депутатов распускалась. Новые выборы назначались на 6 и 13 сентября. Они должны были происходить на основе новой избирательной системы, по которой право голоса предоставлялось почти исключительно крупным землевладельцам. Число членов палаты депутатов уменьшалось с 428 до 258; ее права были еще более урезаны.

Опубликование ордонансов, представлявших собой открытое нарушение хартии, попытку государственного переворота, произвело ошеломляющее впечатление в Париже. Вечером того же дня на собрании либеральных журналистов в помещении редакции газеты «Националь» была принята декларация, выражавшая протест против мер правительства, доказывавшая их незаконность и призывавшая население оказать сопротивление действиям властей. Одновременно на совещании владельцев парижских типографий было решено закрыть их в знак протеста против ордонансов[334].

На следующий день, 27 июля в Париже вспыхнуло вооруженное восстание. Активное участие в нем приняли рабочие, ремесленники, торговые служащие, мелкие

---

[332] I. Ga*rnier*. Charles X. Paris, 1967, p 163–181.

[333] *А. И. Молок.* Ордонансы 25 июля 1830 г. и их подготовка. – «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 79.

[334] *P. Mantoux.* Patrons et ouvriers en juillet 1830. – «Revue d’histoire moderne et contemporaine», t. III, 1901.

предприниматели и торговцы, студенты, отставные солдаты и офицеры[335]. Руководство вооруженной борьбой осуществляли бывшие офицеры, студенты Политехнической школы, журналисты. Особенно значительной была роль членов Патриотической ассоциации [336]. Представители крупной буржуазии в большинстве своем придерживались пассивно выжидательной тактики.

28 июля восстание приняло массовый характер. Участниками его явились не только французы, но и выходцы из других стран: итальянские, испанские, португальские революционные эмигранты, поляки, греки, немцы, англичане, прогрессивные люди России. Некоторые из русских очевидцев этих событий (М. А. Кологривов, М. М. Кирьяков, С. Д. Полторацкий, Л. Л. Ходзько и др.) приняли непосредственное участие в уличных боях, сражались в рядах восставших парижан [337].

«Свобода, ведущая народ на баррикады». Э. Делакруа.

29 июля восставший народ с боем завладел Тюильрийским дворцом и поднял над ним трехцветное знамя революции 1789–1794 гг. Разбитые войска отступили в загородную резиденцию короля Сен-Клу. Несколько полков присоединилось к восстанию. Власть в Париже перешла в руки муниципальной комиссии, во главе которой стал либерально настроенный банкир Лафитт.

Перед лицом полной победы народного восстания в столице Карл X согласился отменить ордонансы 25 июля и дать отставку министерству Полиньяка. Во главе нового кабинета был поставлен герцог Мортемар, имевший репутацию сторонника хартии. Но попытка спасти монархию Бурбонов потерпела полную неудачу. Революция, вспыхнувшая под лозунгами защиты хартии и свержения министерства Полиньяка, победила под лозунгами: «Долой Карла X! Долой Бурбонов!»

30 июля собрание депутатов распущенной палаты объявило близкого к буржуазным кругам герцога Луи-Филиппа Орлеанского «наместником королевства» (временным правителем). 2 августа Карл X отрекся от престола в пользу своего внука герцога Бордоского. Через несколько дней свергнутому королю пришлось под давлением масс бежать вместе со своей семьей за границу.

В некоторых крупных городах (Марселе, Ниме, Лилле и др.), а также в некоторых сельских районах ультрароялисты пытались поднять на защиту монархии Бурбонов отсталые слои населения, находившиеся под влиянием католического духовенства. Это привело к кровопролитным столкновениям, особенно бурным на юге и на западе, где позиции

---

335 *И. Зааитневич.* К вопросу о руководстве массовым движением во время июльской революции. – «Летописи марксизма», III (XIII). М. – Л., 1930, стр. 32–62.

336 *А. И. Молок.* Июльские дни 1830 г. в Париже. – «Исторические записки», т. 20. М. 1946, стр. 199–236.

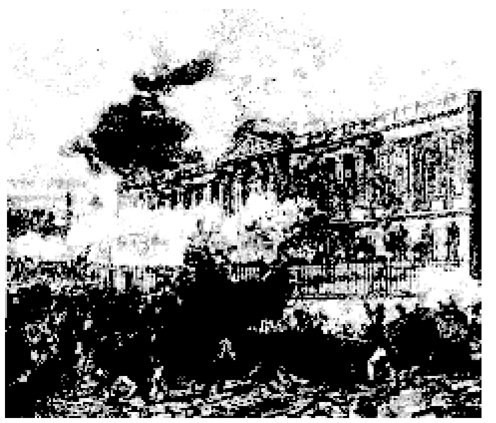
337 *О. В. Орлик.* Россия и французская революция 1830 года. М., 1968, стр. 123–151.

дворянства были относительно более прочными. Однако открытые выступления приверженцев старой династии («карлистов») против новой власти были довольно быстро подавлены.

9 августа Луи-Филипп был провозглашен «королем французов». Вскоре вся страна признала совершившийся переворот.

Слабость республиканской партии и неорганизованность рабочего класса позволили крупной буржуазии захватить в свои руки власть и помешать углублению революции, установлению республики. 14 августа была принята новая хартия, более либеральная, чем хартия 1814 г. Права палаты депутатов были несколько расширены, наследственность звания пэров отменена, имущественный ценз для избирателей немного снижен, вследствие чего число их увеличилось со 100 тыс. до 240 тыс. Права католического духовенства были ограничены (ему запрещено было владеть земельной собственностью). Выплата денежного возмещения бывшим эмигрантам по закону 1825 г. продолжалась еще некоторое время (до 1832 г.), но создание новых майоратов было прекращено. Цензура временно была отменена. Введено было местное и областное самоуправление, восстановлена национальная гвардия (то и другое на основе имущественного ценза, т. е. исключительно для имущих слоев населения). Но полицейско-бюрократический государственный аппарат остался нетронутым. Остались в силе и суровые законы против рабочего движения.

Передовая общественность Англии, Германии, России, Бельгии. Италии, США и многих других стран горячо приветствовала революцию во Франции как серьезный удар по реакционной системе Священного союза. Особенно ярко выразил свою радость по поводу этого события Гейне. «Солнечные лучи, завернутые в бумагу», – так охарактеризовал в своем дневнике 6 августа газетные сообщения о революции во Франции великий немецкий поэт.

Атака и взятие Лувра 29 июля 1830 г. Литография Бланка

Восторженно встретил революционный переворот во Франции и видный немецкий публицист радикального направления Людвиг Бёрнс[338].

Живой интерес к июльской революции проявлял А. С. Пушкин, считавший, что бывшие министры Карла X должны быть казнены как государственные преступники, и споривший по этому вопросу с П. А. Вяземским[339]. М. Ю. Лермонтов откликнулся на эти события стихотворением, в котором называл Карла X тираном и прославлял «знамя вольности», поднятое парижским народом[340]. Горячее сочувствие встретила июльская

---

[338] Л. Берне. Парижские письма. Менцель-французоед. М., 1938, стр. 4–5, 17, 19, 26–27.

[339] Б. Томашевский. Пушкин и июльская революция. – «Пушкин». Книга вторая. Материалы к монографии (1824–1837). М., 1961, стр. 291–341.

[340] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 176–177 (стихотворение это впервые было

революция у А. И. Герцена и у его друзей – членов революционных кружков, существовавших при Московском университете. «Славное было время, события неслись быстро, – писал потом Герцен, вспоминая об этом периоде. – …Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами… Мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется радикальных, и хранили у себя их портреты…»[341]. Сильное впечатление произвели революционные события во Франции на оппозиционно настроенные круги разночинного населения Петербурга и некоторых провинциальных городов, а отчасти и на крестьянство. «Общий голос в России вопиял против Карла X, – читаем в одном документе III отделения. – От просвещенного человека до сидельца-лавочника все твердили одно и то же: хорошо ему, поделом. Не соблюдал закона, нарушил присягу, так и заслужил то, что получил». Агенты III отделения с тревогой сообщали своему шефу, графу Бенкендорфу, что «самый простой ремесленник» осуждает поведение Карла X, что все те, «кому терять нечего», встретили известия о революции во Франции «с какою-то радостью, будто бы в ожидании чего-то лучшего»[342].

Революция 1830 г. во Франции ускорила взрыв революции в Бельгии, поднявшейся против господства Голландии и образовавшей теперь самостоятельное буржуазное государство. Июльская революция дала толчок революционным выступлениям в Саксонии, в Брауншвейге, в Гессен-Касселе и в некоторых других частях Германии, введению в них либеральных конституций, росту стремлений к объединению страны (Гамбахский праздник 1832 г.). Революция во Франции способствовала подъему революционного и национально-освободительного движения против австрийского господства в Италии (восстания в Парме, Модене и Романье), восстанию в Польше против гнета царизма. Свержение монархии Бурбонов во Франции привело к усилению борьбы за парламентскую реформу в Англии, к выступлениям народных масс под лозунгом демократизации политического строя Швейцарии. В этой обстановке планы Николая I, подготовлявшего совместно с прусским и австрийским дворами военную интервенцию против Франции с целью восстановления в ней старой династии и господства дворянства, оказались неосуществимыми.

Революция 1830 г. во Франции – пример незавершенной буржуазной революции. По определению Ленина, это была одна из тех «волн», «которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций»[343]. И все же эта революция имела немалое прогрессивное значение. Попытки наиболее реакционных слоев земельной аристократии восстановить господство дворянства как в центральных органах власти, так и в органах местного самоуправления потерпели полное и окончательное поражение. Французская монархия, бывшая в 1814–1830 гг. «шагом на пути превращения в буржуазную монархию», превратилась после революции 1830 г. в буржуазную монархию[344]. Приведя политическую надстройку Франции в большее соответствие с ее экономическим базисом, июльская революция способствовала ускорению процесса промышленного переворота в стране. В истории классовой борьбы в этой стране открылась новая глава: отныне на первый план в ней все более открыто стала выступать борьба между

опубликовано лишь в 1883 г.).

[341] А. И. Герцен. Собр. соч., в тридцати томах, т. VIII. М., 1956, стр. 133–134.

[342] О. В. Орлик. Россия и французская революция 1830 г., стр. 59–61.

[343] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

[344] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 83.

пролетариатом и буржуазией.

5. Июльская монархия (1830–1848 годы)

Луи-Филипп – король биржевиков

Июльская революция 1830 г. закрепила победу буржуазии над дворянством. Но господствовала – с 1830 по 1848 г. – не вся буржуазия, а только ее наиболее богатая часть – так называемая финансовая аристократия, в состав которой входили банкиры, крупные биржевые дельцы, в 40-х *годах* – также и «железнодорожные короли», владельцы угольных копей, рудников, лесов, крупные землевладельцы. Финансовая аристократия «диктовала в палатах законы, она раздавала государственные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными табачными лавками» [345]. Рабочие, крестьяне, все мелкие промышленники и торговцы были вовсе отстранены от участия в политической власти.

Объективно главной задачей капиталистического развития Франции в те времена было завершение промышленной революции. Но в условиях господства финансовой аристократии политическое влияние промышленников почти неуклонно падало. В первые годы Июльской монархии число представителей промышленников в палате депутатов было близким к половине ее состава, а в середине 1847 г. оно сократилось до одной трети.

Осенью 1846 г. Энгельс ясно указал на это важнейшее противоречие политической жизни самого буржуазного общества во Франции: законодательная власть в последние времена Июльской монархии была более, чем в предшествующие годы, воплощением слов финансиста Лаффита, сказанных на следующий день после июльской революции: «Отныне править Францией будем мы, банкиры»[346]. Процитировав эти же слова Лаффита, Маркс вслед за тем вскрыл коренную причину возрастающего господства финансистов: с самого начала финансовая нужда поставила монархию Луи-Филиппа в зависимость от верхушки буржуазии, а в следующие годы сама эта зависимость становилась источником еще более острой финансовой нужды [347].

Задолженность государства представляла, пояснял Маркс, прямой интерес для финансовой аристократии, спекулировавшей на государственном дефиците и повторявшихся государственных займах. Посредством займов финансисты обирали государство и грабили сбережения тех граждан, которые, приобретая процентные государственные бумаги, безвозвратно теряли часть своих денежных средств, если не были случайно посвящены в тайны парижской биржи.

Биржа формально определялась как «объединение всех лиц, заинтересованных в продаже и покупке ценных бумаг». Но роль и значение биржи были неодинаковы в различные времена. Через 11 лет после июльской революции торгово-промышленная газета так характеризовала французскую фондовую биржу: «У парижской биржи нет больше ничего действительно коммерческого… Биржа, как все это знают, стала притоном спекулянтов… притон, однако, продолжает все более разорять промышленность и в своей триумфальной безнаказанности представляет зрелище таких деяний, сказать о которых: „подвиги каторжников“ – значило бы выразиться слишком слабо»[348].

---

[345] К. Миркс и Ф. Энгельс Соч… т. 7, стр 8.

[346] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 27.

[347] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 8-10.

[348] «Memorial du commerce et de I'industrie», 1841, *V,* p. 25–28. В этой главе факты экономической и социальной истории установлены преимущественно по материалам Национального архива Франции (серия

Эти гневные слова справедливы, но они требуют пояснений Ведь еще Наполеон Бонапарт, беседуя с графом Моллиеном, вы дающимся знатоком финансового дела, с возмущением говорил, что для парижских биржевиков нет ничего святого и что средства их обогащения – ложь и подлог. По мнению Наполеона, такой безнравственности не было на амстердамской и лондонской биржах. Моллиен отвечал, что положение в Голландии и Англии исключает всякую возможность сравнения с Францией во всем, что касается биржи. В Голландии и Англии – совсем иные условия покупки и продажи государственных ценных бумаг; их понижение за день только на полпроцента или еще меньше было бы равносильно «целой революции». А во Франции курс государственных бумаг падает в течение дня до двух-трех процентов и это – обычное явление. «Почтенные коммерсанты» в Лондоне и Амстердаме сами бывают на биржах. Парижская же биржа обычно не посещается крупными коммерсантами; она заполняется агентами биржевых тузов и более всего авантюристами, которые, не зная сложного биржевого дела, ведут поистине азартную игру и чаще всего проигрывают, разоряются.

Изменчивость судеб наполеоновских войн и политические перевороты начала XIX в. в громадной мере содействовали росту крупных биржевых спекуляций. И как раз на лондонской, более «нравственной», бирже свершилась сразу после битвы при Ватерлоо грандиозная спекуляция, обогатившая английского биржевика Натана Ротшильда более чем на 1 млн. ф. ст. только за один день. Разумеется, и в этом случае обман был средством обогащения: ловко пущенный ложный слух о поражении англичан при Ватерлоо создал на бирже катастрофическое падение государственных бумаг, в сбыте которых, как видел это весь биржевой люд, участвовал сам Натан Ротшильд. Но в то время, когда все известные агенты Ротшильда сбывали стремительно падавшие государственные бумаги, другие, тайные, скупали их: в тот день во всем Лондоне только один Натан, побывавший при Ватерлоо и мгновенно вернувшийся в Англию, знал, что поражение потерпели французы, а не англичане.

Рост биржевых спекуляций – значительный факт в истории тех бурных времен; но этот факт еще не объясняет особенностей биржевой жизни во Франции в период Июльской монархии. Когда одного из Ротшильдов спросили, как достичь успеха на бирже, он ответил, надо уметь предвидеть непредвидимое. В годы Июльской монархии у французских финансистов и появилась особенно широкая возможность «предвидеть» и одновременно искусственно создавать непредвиденное. Французский отпрыск банкирской династии барон Джемс Ротшильд имел свободный доступ к королю Луи-Филиппу; он узнавал тайны внешней и внутренней политики Франции, а также дипломатические секреты других государств. А общий капитал братьев Ротшильдов, живших в разных странах Европы, был больше 2 млрд. фр.

В конце 40-х годов только у четырех французских банкирских домов было 2,5 млрд, фр., т. е. лишь на 1 млрд, меньше, чем во всей казне Франции. «Какая же свобода сделок может существовать в этих условиях?»[349]

F12) и показаниям очевидцев; стачечная борьба и другие выступления рабочих и крестьян освещаются главным образом по материалам судебной газеты «Gazette dex Trihunaiix», просмотренной почти за весь период Июльской монархии.

349 «Gazette de France», 3.III 1846.

«Франция, отданная на растерзание воронам». Ж. Гранвиль, Э. Форе

Король Луи-Филипп, крупнейший во Франции лесовладелец и финансист, был лично заинтересован в укреплении господства финансовой аристократии. Потомок древнего рода герцогов Орлеанских, Луи-Филипп был главарем той «акционерной компании», которая грабила Францию. К 1841 г. у него лично (не считая богатств, принадлежащих членам семьи) было около 800 млн. фр.

Со страниц сатирических изданий долго не сходил карикатурный образ Луи-Филиппа – разжиревшего буржуа; и когда в юмористических листках появились нарочито повторявшиеся слова о толстом, жирном и глупом карнавальном быке, каждому было понятно, что речь шла о короле Луи-Филиппе. Но он не был глуп! Стендаль не без оснований называл его самым хитрым из всех королей. Запросто появляясь на улицах в штатском костюме, здороваясь за руку с лавочниками и прикидываясь, будто бы он действительно примирился с конституционным ограничением своей власти, «король-буржуа», как тонко заметил Генрих Гейне, скрывал в своем мещанском дождевом зонтике «самый абсолютный скипетр». Остроумие Гейне неоспоримо, но его политические прогнозы не всегда были точны. Превосходно изображая Казимира Перье, одного из первых министров Июльской монархии, человека очень властного, хотя и обладавшего той добродушной «банкирообразностью», видя которую, как писал Гейне, постоянно хочется спросить об оптовых ценах на кофе, великий немецкий поэт напрасно представил Казимира Перье «Атлантом», удерживающим «и биржу, и Орлеанский дом, и все государственное здание»[350]. Холера унесла «Атланта» в могилу в 1832 г., но биржа и Орлеанский дом уцелели. Гораздо сильнее, чем Перье, были неофициальные министры – банкиры Ротшильд и Фульд.

Биржевики пользовались тогда громадным влиянием на прессу, какого ранее не бывало. Период Июльской монархии характеризуется невиданным ростом периодики – выходило более 700 названий газет и журналов[351]. Но крупная буржуазная пресса была в значительной части – подкупна. Торговля журнальной совестью была так обычна в Париже, что и не считалась за стыд и преступление. Это и было дорого для правительства финансовой аристократии, для биржевиков. Доверчивый француз, множество раз обманутый, почти разоренный, снова хватался за всякую газетную новинку, снова верил известиям, выдуманным лишь «для возбуждения ужаса на бирже».

Орлеанистская пресса, например «Журналь де Деба» и «Ля Пресс», постоянно получала правительственные субсидии из средств, предназначенных на тайные расходы. Учредитель и редактор «Ля Пресс» Эмиль де Жирарден был бессовестным авантюристом, организатором дутых акционерных обществ.

К числу периодических органов, еще сохранивших некоторую независимость, относили

---

[350] *Г. Гейне.* Собр. соч. Изд. П. Б. Вейнберга. СПб., т. 4, стр. 86.

[351] *Т. Якимович.* Французский реалистический очерк. 1830–1848 гг. М., 1963, стр. 80.

газету «Сиекль» – орган так называемой династической оппозиции, возглавлявшейся Одилоном Барро. Тоже независимым, но более левым был «Французский курьер», критиковавший правительство Луи-Филиппа. Против Орлеанов выступали и крупные легитимистские газеты «Ля Котидьен» и «Газетт де Франс».

Наряду с биржевиками опорой орлеанистской монархии была многолюдная и пестрая прослойка рантье, т. е. лиц, живших доходами со своих капиталов. Особенно много было рантье в Париже. Как писал Бальзак, тогдашний Париж потерял бы свои характерные особенности, если бы из него удалили рантье[352]. Разновидностей рантье было много; к ним причислял Бальзак людей военных и штатских, постоянно проживавших в Париже и жителей окрестностей столицы. Среди этих существ человекообразных, с глазами, тусклыми, «как у рыбы, которая уже не плавает, а лежит среди зелени петрушки»[353], наиболее отвратительной разновидностью был ростовщик, безнаказанно взимавший с должников – даже при краткосрочных ссудах – по 50 %. Этим выродкам и носить бы полосатую рубаху каторжника! Но, по свидетельству Бальзака, ростовщики вступали в франкмасоны и просили художников изображать их в «костюме дигнитария ложи Великий Восток»[354]. Понятно, что рантье любили короля, верховного ростовщика, и всю свою ненависть обрушивали на республиканцев.

Борьба народных масс и политические партии в 1830–1839 годах

Вопрос об отношении орлеанистов к республиканцам был впрочем довольно сложным, и ответ на него не мог быть однозначно правильным на всех этапах Июльской монархии.

Позиция республиканцев, имевших уже в 1830 г. расхождения по некоторым вопросам, все более изменялась под влиянием революционных движений и выступлений народных масс. Первый из тех трех этапов, которые явственно выступают в истории Июльской монархии, охватывает приблизительно пять лет (1830–1834)[355].

С установлением Июльской монархии положение трудящихся в деревне и в городе заметно ухудшилось. Некоторые налоги были увеличены и, что особенно характерно, они были впервые распространены на те слои населения, которые раньше по бедности от налога освобождались. Продолжавшаяся после революции узурпация крестьянских «прав пользования» (сбор сухих сучьев в помещичьих лесах, право общинной пастьбы скота и его свободного прогона, сбор колосьев и винограда, оставшихся на земле после уборки урожая), дороговизна, налоги – все это, наряду с ростовщичеством и тяготами издольных аренд, возбуждало значительные волнения в разных частях Франции. Территорией антиналоговых выступлений были в конце 1830 и в 1831 г. преимущественно департаменты Ло, Дордонь, Жиронда, Жер, Ланды, Эро, Од, Восточные Пиренеи против дороговизны выступал трудовой люд в августе 1830 г. и в середине 1831 г. в Альби, Ортез и Тарб; немного позднее, в том же 1831 г., – в департаментах Ланды, Шарант, Тарн-и-Гаронна.

Французский историк Габриель Перрё констатировал, что в этих выступлениях обнаруживался «социальный субстрат», свидетельствовавший о новом характере движения. Г. Перрё добавлял, что еще в августе 1830 г. арьежский прокурор определял суть «новизны»

---

[352] *О. де Бальзак.* Собр. соч. в 24 томах, т. 23. М-, 1960, стр. 147.

[353] Там же, стр. 145.

[354] Там же, стр. 168.

[355] Gabriel Perreux. Au temps des societes. La propagande republicaine au debut de la Monarchie de Juillet (1830–1835). Paris, 1931.

словами: это раздор тех, у кого ничего нет, с теми, кто имеет[356]. Но ведь такой же или аналогичный «субстрат» существовал и раньше. По сравнению с Реставрацией новым было то, что не отмечалось Перрё, – разоружение не только повстанцев, крестьян или рабочих, но также и тех национальных гвардейцев – демократов, которые сочувствовали трудящимся массам. Это обнаружилось, например, в департаменте Арьеж при подавлении так называемых демуазелей, а также и в истории других крестьянских волнений. С самого начала конституционная монархия Луи-Филиппа все более резко проявляла свою реакционно-буржуазную сущность.

Еще до утверждения Июльской монархии стали появляться различные группировки республиканцев Наиболее значительной из них в 1830–1832 гг. было «Общество друзей народа». Среди мелкобуржуазных демократов – членов этого Общества были люди, горячо сочувствовавшие трудящимся массам, были революционеры, готовые с оружием в руках бороться за установление демократической республики. Но в целом «Общество друзей народа» было лишь зародышем политической партии. Не имея никаких связей с широкими массами рабочих и крестьян, «Общество друзей народа» не представляло почти никакой опасности для правительства Луи-Филиппа.

«Общество прав человека и гражданина» (1833–1834 гг.) гораздо более приближалось к типу политической партии: имело свою программу – якобинскую Декларацию прав человека и гражданина. Члены этого Общества платили постоянные партийные взносы. При приеме в Общество требовалась персональная характеристика и рекомендация от ранее принятых членов. «Общество прав человека и гражданина» имело ответвления в провинциальных городах и одну из задач видело в привлечении рабочих в свои ряды.

Но следует заметить, что еще до возникновения «Общества прав человека и гражданина», в ноябре 1831 г. в Лионе вспыхнуло рабочее восстание, которое вместе с двумя следующими восстаниями – в июне 1832 г. в Париже и снова в Лионе в апреле 1834 г. – оказало глубокое воздействие на все республиканское движение во Франции в рассматриваемые годы.

Лионское восстание 1831 г.

Восстание в Лионе в ноябре 1831 г. подняли рабочие шелкоткацкой мануфактуры, но к ним присоединились другие рабочие и ремесленники, занятые в различных отраслях производства. Ткачи к восстанию не готовились; их цель состояла в том, чтобы посредством массовой демонстрации заставить предпринимателей, купцов-мануфактуристов Лиона, соблюдать новый тариф сдельных расценок, только что принятый в законном порядке комиссией из представителей промышленников и ткачей.

Утром 21 ноября 1831 г. ткачи – участники демонстрации собрались в предместье Круа-Русс и, безоружные, двинулись в город. Но у городской заставы они без всякого повода подверглись обстрелу. Провокационная выходка буржуазного батальона национальной гвардии, открывшего огонь, заставила ткачей взяться за оружие. Лозунгом восстания 1831 г.

---

[356] См. C. *Perreux.* L’esprit public dans les departements au lendemain de la Revolution de 1830. – «La Revolution de 1848», N 100, 123, septembre-octobre 1923 et mars-avril 1924.

были слова, вышитые на черном знамени: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!». После трехдневной вооруженной борьбы рабочие овладели Лионом и создали свой революционный муниципалитет, сначала в форме временного главного штаба, а затем ядра батальона волонтеров.

Однако, не имея ни самостоятельной политической организации, ни связи с рабочими других городов, лионские инсургенты не сумели использовать плоды своей замечательной победы. 3 декабря 1831 г. присланные из Парижа войска вступили в Лион. Восстание было подавлено.

Лионское восстание 1831 г. произвело сильное впечатление на современников как во Франции, так и в других странах. Оно показало, что с развитием капиталистического способа производства на историческую арену выступала новая сила – рабочий класс, начинающий свою самостоятельную революционную борьбу[357]. Рабочих, поднявших восстание 1831 г., Маркс называл «солдатами социализма»[358]. Через полгода произошло новое массовое выступление.

Летом 1832 г. скончался генерал Ламарк, человек широко известный своей непреклонной враждебностью к Бурбонам, изгнанник во времена Реставрации. Неожиданно для правительства похороны генерала Ламарка, назначенные на 5 июня, превратились в грандиозную политическую манифестацию против правительства Луи-Филиппа. На улицы вышли многие десятки тысяч разнородного, преимущественно трудового люда, французских и иностранных демократов (поляков, немцев), студентов, ремесленников, рабочих. В манифестации участвовали корпорации красильщиков, печатников, шляпников и строителей.

Некоторые манифестанты имели при себе спрятанное оружие. И мелкие столкновения с полицией уже начинались, когда вдруг на площади Бастилии появились воспитанники военизированной Политехнической школы, до этого момента запертые начальством в учебном помещении. «Марсельеза» заглушила траурный марш. Политехники хотели усилить политический характер демонстрации, попытавшись повернуть колонну к Пантеону. Но драгуны оказали вооруженное сопротивление, и тотчас же вспыхнуло всеобщее возмущение. Появились баррикады. Повстанцы захватывали оружие и подняли над баррикадами красное знамя, ставшее символом революционной борьбы за демократическую республику. Разумеется «Друзья народа» принимали в этом стихийном восстании активное участие, но никто из них не был общепризнанным вождем. Очень многие манифестанты скоро рассеялись. Были среди них и влиятельные республиканцы, считавшие восстание безнадежным без присоединения к нему воинских частей.

Уже в первый же день восстания правительство, имевшее в Париже около 25 тыс. солдат, и орлеанистские батальоны национальной гвардии, добилось явного военного перевеса. Рабочие кварталы, занятые республиканцами, постепенно были захвачены войсками, и 6 июня повстанцы были оттеснены в район улицы Сен-Мартен. Здесь в тупике монастыря Сен-Мерри находились последние позиции республиканцев, самых мужественных революционеров. Многие из них, не желая сдаваться, тут же кончали жизнь самоубийством. Волнующие сцены этой трагической борьбы навечно запечатлены в художественных произведениях – в «Отверженных» Виктора Гюго, во «Французских делах» Генриха Гейне, в романе «Монастырь Сен-Мерри» Рей-Дюссюейля, романе малоизвестном, но по полноте освещения событий, о которых идет речь, достойном внимания.

---

[357] Подробнее см. *Ф. В. Потемкин.* Лионскне восстания 1831 и 1834 гг М., 1937.

[358] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 446.

Улица Траненонен.1834.Литография О. Домье

Восстание было подавлено, но оно оставило неизгладимый след, и его влияние трудно преувеличить. Значение имел не только тот факт, что это восстание возбудило непосредственные (и еще мало исследованные) отклики в Бордо, Тулузе, Перпиньяне, Орильяке; главное было в том, что республиканцы-демократы лучше поняли роль рабочих, составлявших наиболее внушительную и самую мужественную силу в революционной борьбе.

Еще сильнее выявилось значение рабочих во втором восстании в Лионе, которое произошло в апреле 1834 г. Это восстание носило ярко выраженный политический характер – республиканскую окраску. К рабочим присоединились мелкобуржуазные демократы. Как и в Париже, повстанцы подняли красное знамя.

Шесть дней шла упорная борьба на улицах Лиона и его предместий, но 15 апреля потерпело поражение и это восстание.

Одним из военных руководителей восстания был демократ Лагранж, впоследствии видный участник революции 1848 г.

Второе лионское восстание вызвало отклики в Париже и в некоторых провинциальных городах. Местами под влиянием лионских событий 1834 г. начались крестьянские волнения; крестьяне-виноделы, жители окрестностей города Арбуа, развернув красное знамя, прибыли в город и вместе с арбуанскими рабочими овладели им. Когда в Париже было получено известие о лионском восстании, республиканцы начали воздвигать баррикады, ожесточенные уличные бои шли два дня – 13 и 14 апреля. Солдаты убивали не только повстанцев, но и ни в чем не повинных стариков, женщин, детей. Особенно памятны парижанам зверства солдатчины на улице Транснонен, где был ранен один офицер. Солдаты ворвались в соседний дом и перерезали всех, кто там находился. Наиболее ответственным за эти преступления был Тьер, в то время министр внутренних дел.

После подавления апрельских восстаний 1834 г. подверглось разгрому и «Общество прав человека и гражданина». Реакция усилилась еще более после покушения на жизнь Луи-Филиппа 28 июля 1835 г. Были введены новые ограничения свободы печати, строгая цензура, а также высокий денежный залог для периодических изданий (сентябрьские законы 1835 г.).

Второй этап в истории Июльской монархии охватывает вторую половину 30-х годов, точнее – 1835–1839 гг.

В 1834–1835 гг. обнаружился глубокий раскол в рядах буржуазных республиканцев. В страхе перед красным знаменем и репрессивными законами 1834–1835 гг. часть республиканцев стала, по крайней мере на некоторое время, сторонниками Июльской монархии. Поправение широких слоев буржуазии, разгром республиканской партии и подавление пролетарских восстаний укрепили на несколько лет власть Луи-Филиппа. Конституционный король едва скрывал свое стремление «монархизироваться», как сообщал посол царского правительства в своих донесениях в Петербург[359].

---

[359] АВПР, ф. Канцелярия, 1844, № 144, Porro a Nesselrode, 26. IV 1834.

Это стремление не прошло бесследно в истории внутренней и внешней политики Июльской монархии. Оно нашло отражение в фактах политических расхождений среди орлеанистов: единые в своей борьбе против республиканцев, они по-разному понимали конституционное ограничение королевской власти. Тьер, главарь так называемого центра, мечтал об установлении во Франции по английскому образцу полновластного министерства, позволяющего королю царствовать, но не управлять. Гизо, возглавивший правый центр, считал, что конституционная хартия позволяет королю избирать своих министров, давать им советы и лично участвовать в высшем руководстве внутренней и внешней политикой Франции. Промежуточная «третья партия» значительного влияния не имела.

В условиях временной победы над республиканцами и обострения противоречий в лагере орлеанистов король без затруднений создал послушное ему министерство графа Моле, администратора наполеоновских времен. Министерство Моле и вошло в историю под бесславной этикеткой «орудие личной власти короля». Противники долго не могли свергнуть кабинет Моле, даже при выборах новой палаты, когда орлеанисты были повержены легитимистами и республиканцами и возник министерский кризис (1839 г.), продолжавшийся больше двух месяцев. Только в мае 1840 г. король согласился сформировать кабинет Тьера. Но известная воинственная шумиха, поднятая Тьером в связи с антифранцузской позицией России, Англии, Австрии в так называемом Восточном вопросе (о чем будет речь ниже), привела Тьера к падению: король и Ротшильд не хотели войны, палата отказала Тьеру в вотуме крупного военного кредита, и в октябре 1840 г. кабинет Тьера ушел в отставку.

С этого времени вплоть до революции 1848 г. у власти было министерство Гизо. Как указывали Сеньобос и Метен, Гизо и Луи-Филипп правили Францией «вместе»[360]. К этому надо добавить, что вместе с ними правили в 40-е годы, и более активно, чем раньше, финансовые короли.

Между тем республиканское движение в конце 30-х и в 40-х годах принимало новую форму. Начался период деятельности тайных обществ, самый состав которых изменился: в отличие от республиканских организаций 1830–1834 гг. он стал преимущественно пролетарским.

В 1837 г. возникла тайная революционная организация под названием «Общество времен года». Каждые семь человек – членов Общества составляли ячейку, которая называлась «неделей»; четыре недели (28 человек) составляли «месяц»; три «месяца» – «время года», а четыре «времени года» – «год». Всего в «Обществе времен года» насчитывалось к весне 1839 г. около 4–5 тыс. членов. Общество готовилось свергнуть короля вместе с его приближенными – банкирами.

Политические споры велись также и открыто. В Париже только мертвые не рассуждают о политике, писал современник, наблюдения которого как раз и относились к 1838–1839 гг., когда, по его словам, в кафе и ресторанах встречались и спорили приверженцы всех партий – орлеанисты, легитимисты, республиканцы, бабувисты. Трудовой Париж понимал, что без вооруженного восстания не может быть уничтожено иго финансовой аристократии. Но, как и в 1832 г., республиканцы не имели широко развитых организационных связей с народом.

«Общество времен года» назначило восстание на воскресенье, 12 мая 1839 г. Члены общества, разбившись на три вооруженных отряда, вышли на улицу. Им удалось захватить один полицейский пост и здание Ратуши. Но массы, вовсе не подготовленные к выступлению и даже не осведомленные о его целях, не поддержали заговорщиков, восстание которых и было подавлено в тот же день. Это восстание наглядно доказало непригодность узкозаговорщической тактики, которой придерживались руководители «Общества времен года», возглавлявшегося участником июльской революции социалистом Огюстом Бланки

---

360 Ch. Seignobos ei Al. Metin. Histoire contemporaine depuis 1815. Paris, 1910, p. 63.

(1805–1881)[361].

Бланки был безгранично предан великому делу – борьбе за освобождение трудящихся масс. Часто и справедливо отмечалось влияние Лионского восстания 1831 г. на Бланки. Известная речь Огюста Бланки 2 февраля 1832 г. характеризует его понимание неизбежности обострения борьбы между классами, «составляющими нацию», их войны «насмерть». Бланки был человеком действия; он понимал, что изменить общество можно только соответствующей революционной борьбой. Но, выступая как один из вожаков рабочего класса, Бланки не имел правильного представления ни о классовой сущности пролетариата, ни о его особой исторической роли. Бланки включал в понятие «пролетариат» не только рабочих, но и крестьянство, мелкую буржуазию, интеллигенцию. Он не придавал должного значения вопросам теории, считая, что главное – это революционные действия, а остальное придет само собой. Бланки придерживался сектантской тактики, переоценивая значение тайных, заговорщических организаций. Он не понимал необходимости самостоятельной партии пролетариата и широких связей с массами.

Экономическое развитие в 40-х годах XIX века

Распространение фабричного производства тормозилось множеством препятствий. Важнейшими из них были французские аграрные порядки. Характеристика тех особенностей французской промышленности, которые определялись именно условиями землевладения и землепользования, была хорошо выражена тогдашним знатоком экономики бароном Дюпеном: «Так как Франция-страна распыленной земельной собственности, мелких земельных участков, то она также *страна распыленной промышленности, мелких мастерских* »[362].

Продолжавшееся в 30-40-х годах дробление земельной собственности и измельчание хозяйств задерживали рост населения и тормозили приток рабочей силы в города, поскольку часть сельского населения, хотя и бедствовала постоянно, не покидала деревню. Часть мелких собственников, несомненно, имела сбережения. Но, как и указывал Маркс, во Франции, где сбережения и накопления имеются в относительно высокой степени, «*образованию капитала, относительно говоря,* и *развитию капиталистического производства* по сравнению с Англией мешают как раз те экономические условия, которые благоприятствуют накоплению и т. д.»[363]

Промышленная революция впрочем была только замедлена, но не приостановлена. Число паровых машин увеличилось в период Июльской монархии с 616 до 4853, импорт хлопка в течение всего лишь десяти лет (с 1830 г.) почти удвоился. Фабричная организация производства укреплялась во многих отраслях легкой промышленности. Медленно развивавшаяся тяжелая индустрия переходила от древесного к каменноугольному топливу. Полупролетариат ремесел и мануфактур, а также частично мастера и крестьяне, имевшие ранее самостоятельное мелкое производство и парцеллярное хозяйство, превращались под влиянием промышленной революции в новый общественный класс – фабричный пролетариат.

Каждый этап промышленного подъема означал для рабочего класса Франции не что иное, как рост «резервной армии» труда, обнищание городских и сельских ремесленников в тех отраслях производства, которые были механизированы, антисанитарные условия в

---

[361] *M. Dommanget.* Auguste Blanqui. Des origines a la revolution de 1848. Paris – La Haye, 1969; S. *Bernstein.* Blanqui. Paris, 1971.

[362] Цит. по: «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VIl). М., 1933, стр. 251.

[363] Там же, стр. 249.

фабричных общежитиях, удлинение рабочего дня до 16–18 часов в сутки и более (посредством мошеннических махинаций с фабричными часами), хищническую эксплуатацию труда детей, принимавшихся на фабрики с шести-семи лет, снижение заработной платы, обсчитывание рабочих посредством расплаты продуктами, жестокие, часто несправедливые штрафы, увечья, по большей части вызванные жадностью фабрикантов, заставляющих рабочих чистить неогражденные механизмы на ходу.

Некоторые члены палаты депутатов из числа фабрикантов сами же и нарушали изданный в 1841 г. закон об охране и ограничении детского труда. На бумагопрядильной фабрике депутата Фонтен-Гри дети восьми лет работали по 16 часов в сутки ежедневно. Другой депутат – владелец пенькопрядильной фабрики Мерсье грабил своих малолетних рабочих посредством штрафов: он взыскивал по 15 сантимов за каждые 15 минут опоздания на работу, т. е. присваивал сверх прибавочной стоимости 60 % дневного заработка подростка, который и получал-то лишь по 25 сантимов в день.

Усиление эксплуатации рабочего класса шло параллельно росту – относительно медленному, но неуклонному – крупной промышленной буржуазии, стремившейся, естественно, к более сильному политическому влиянию.

Быстро развивался Париж как центр торгово-промышленной жизни. Некоторые капиталисты перемещали тогда свои предприятия из провинции в столицу. Иностранца поражала многолюдность Парижа. Население этого города выросло в 1832–1839 гг. с 774 тыс. до 910 тыс. человек, не считая приезжих – французов и иностранцев. Развитость общественно-экономической жизни в Париже характеризовало возникновение очень крупных гостиниц и удивительная по тем временам транспортно-почтовая связь. Дилижансы прибывали в Париж точно через каждые 15 минут, а письма парижан доставлялись адресатам, жившим в столице, через 4 часа!

С обогащением буржуазии все более резко обнаруживались социальные контрасты.

В ресторанах, посещавшихся богачами, была дворцовая роскошь; отделка одной только комнаты у «Провансальских братьев» стоила 60 тыс. фр.; но в том же городе было множество старинных чрезвычайно узких и грязных улиц, никогда не освещавшихся солнечными лучами. Тут ютился полуголодный трудовой люд, значительную часть которого уже тогда составляли женщины: мастерицы, официантки, подметальщицы улиц, продавщицы в магазинах и проч.

Усилению влияния промышленной буржуазии способствовала система полных импортных запрещений и сохранение высоких запретительных пошлин, взимаемых с других импортируемых изделий, унаследованная Луи-Филиппом от Реставрации. Хотя эта система уже устарела, она защищала сравнительно медленно развивавшуюся французскую промышленность от конкуренции. Но финансовые интересы правительства, а также внешнеполитические причины толкали на путь тарифной реформы. С первых времен Июльской монархии король искал сближения с Англией. В 30-е годы возникла первая англо-французская актанта, детище Талейрана и Пальмерстона, противопоставлявших англо-французское «сердечное согласие» союзу трех абсолютных монархий: России. Австрии и Пруссии.

Воцарение Луи-Филиппа было встречено очень холодно в Австрии и резко враждебно в России: поэтому английское правительство было уверено, что, если и не «сердечно», то по соображениям политическим, Луи-Филипп изменит ненавистный для Англии запретительный таможенный режим. В Англии понимали, что отмена запрещения и даже снижение пошлин не встретят всеобщего одобрения в палате депутатов; знали, что и Луи-Филипп, как крупный лесовладелец, лично заинтересован в сохранении стеснений для импорта английского угля; тем не менее англичане упорно требовали от своего союзника реформы таможенного режима.

Но правительство Луи-Филиппа, не решаясь отменить запрещения, только волновало промышленников, вселяло в них неуверенность в завтрашнем дне. Выступая в 1834 г. перед правительственной комиссией, созданной для обсуждения возможной реформы, текстильный

фабрикант Мимерель говорил: «Я выступал в 1827, 1829, 1831 и 1832 гг. по поводу предлагаемых перемен в нашем тарифе, и теперь, в 1834 г., я опять выступаю перед вами по тому же поводу. Согласитесь, что… промышленность, которою играют, как игрушкой, и которая беспрестанно должна опасаться перемен… не может идти вперед».

Но в 40-е годы вновь появились планы тарифных преобразований, нежелательных для мелких и средних промышленников, боявшихся непосильной конкуренции. В августе 1846 г. в Париже образовался Союз сторонников свободы торговли. В том же году в Бордо возникла Ассоциация борьбы за свободу обмена, руководимая либеральным экономистом Мишелем Шевалье.

Французские коммерсанты были недовольны состоянием торговли Франции с Россией, Швецией, Данией, Ганновером, Мекленбургом, Голландией, Португалией и Австрией. С 1836 по 1846 г. шведский экспорт во Францию удвоился, а ввоз французских товаров в Швецию даже уменьшился. В 1844 г. Сен-Кантенская торговая палата просила восстановить утраченные французской промышленностью позиции на рынках Италии, Германии, Испании.

Состояние как внешней, так и внутренней торговли зависело от состояния железнодорожного транспорта, который в свою очередь влиял на промышленное развитие. Без железных дорог нет жизни!

К этим словам можно свести смысл многих обращенных к правительству петиций и статей промышленников и их политических представителей. Конечно, транспортные связи тогда, как и ранее, развивались. Но, по сравнению с другими государствами Европы, для Франции было характерно отставание, притом особенно в железнодорожном строительстве. Всего в начале 1848 г. во Франции было в эксплуатации лишь 1931 км железных дорог. В Англии же в это время было 5192 км используемых путей. И все они, соединяя промышленные центры с портами, имели большое экономическое значение. В США только с 1840 по 1848 г. железнодорожная сеть выросла с 4,5 до 7,5 тыс. км; даже в Пруссии в 1848 г. было уже 3424 км железнодорожного пути, т. е. значительно больше, чем во Франции.

Главными причинами отставания Франции было невнимание к интересам промышленников и допущение к железнодорожному строительству спекулянтов, озабоченных лишь быстрым обогащением. Конфликт промышленников и финансистов все более обострялся, и торгово-промышленные объединения стали обращаться к правительству или к высшим местным властям с заявлениями, в которых даже недомолвки приобретали понятный смысл. Так, например, Сен-Кантенская совещательная палата ремесел и мануфактур заявляла, что департамент Эна был обманут: ранее предполагалось провести железную дорогу от Парижа к бельгийской границе; но ни стратегические, ни индустриальные соображения не были учтены. Вопреки первоначальным намерениям, была внезапно избрана другая трасса.

Засилие банкиров при Луи-Филиппе вызывало недовольство и среди обуржуазившихся землевладельцев. Сельскохозяйственные общества и так называемые комиции существовали во Франции еще в XVIII в. После революции 1830 г. «комиции» стали распространяться более широко. Отличаясь от сельскохозяйственных обществ преобладанием чисто практических интересов, местные «комиции» по деловым соображениям подразделялись на секции, имевшие свою область практической деятельности. В Бретани «комиции» способствовали введению лучших сельскохозяйственных орудий. В пяти департаментах, составляющих провинцию Нормандию, «комиции» в 1846 г. имели свой периодический орган – «Сельскохозяйственная Нормандия».

Однако представители буржуазной верхушки сельского населения видели в «комициях» и обществах не более как «зародыш» организации, имевшей большую будущность. Как писал тогда один сельскохозяйственный деятель, они еще не завоевали в государстве положения «четвертой власти», т. е. не приобрели влияния, которым уже обладали группировки банкиров, крупных промышленников и торговцев.

Каменотесы. Картина Г. Курбе. 1849

В газете «Ля Пресс» осенью 1845 г. появилась статья агронома д'Авринкура, сторонника политической организованности землевладельцев. Но д'Авринкур рекомендовал, следуя примеру англичан, собираться под знамена крупных землевладельцев – аристократов, под знамена «торизма». Критикуя д'Авринкура, «Журналь д'агрикюльтур пратик» пропагандировал иную идею: политическое сплочение всех земледельцев и землевладельцев, вне зависимости от их социального происхождения и без гегемонии земельной собственности. «Могущественная земледельческая партия в парламенте – таков должен быть лозунг всех людей земли», – писал Лефур, полемизируя с д'Авринкуром. Несомненно, Лефур понимал необычность лозунга, обращенного одновременно к крестьянину, буржуа и дворянину. Поэтому он пояснял, что прежние условия развития политической партии за 15 лет изменились; материальные интересы поставили многие вопросы по-другому. Времена феодальной знати во Франции прошли, и люди земли, отодвигая «старые предубеждения», должны избирать в депутаты «людей земли».

Рабочее и массовое движение в 40-е годы

Буржуазные историки обычно преуменьшают политическое значение забастовочного движения в 30-40-х годах XIX в. Так, например, Октав Фести пришел к выводу, будто бы «ни республиканцы, ни коммунисты» не играли роли в подготовке стачек[364].

Но вот факты, доказывающие ошибочность зачисления крупнейших стачек 40-х годов в разряд чисто «экономических движений»:

1. Зачинщиками забастовочного движения в 1840 г. в Париже были портные-республиканцы, демонстративно заявлявшие о своих революционных взглядах.

2. Среди руководителей некоторых стачек в Париже, притом в разгар борьбы, были коммунисты.

3. В сентябре 1840 г. тысячи забастовщиков устраивали сходки в парижских районах Сент-Антуан, Сен-Марсо и в других местах, например в Бонди, где 3 сентября собралось около 100 000 рабочих. На этих сходках звучали революционные песни.

4. Еще до того, как забастовочная волна достигла наивысшей точки, активизировались сторонники избирательной реформы. И в этом явно политическом движении немалая роль принадлежала представителям рабочего класса.

Фести, рассказывая о банкете 1 июля 1840 г., устроенном в Бельвиле коммунистами «эгалитарной школы», которая подняла знамя «социальной общности», пишет, что на банкет явились многочисленные рабочие; сапожник Вилли провозгласил тост «за пролетариев, жертв эксплуататоров», парикмахер Розье – «за равное распределение прав и обязанностей, за общность труда и пользование благами»[365]. Бельвильский банкет, организованный Пийо

---

[364] *O. Festy.* Le mouvement ouvrier a Paris en 1840. – «Revue des sciences politiques», novembre – decembre 1913, p. 353.

[365] O. *Fesly.* Le mouvement ouvrier a Paris en 1840. – «Revue des sciences politiques», septembre – octobre 1913,

и Дезами[366], сам по себе заслуживает большого внимания. Он замечателен не только многочисленностью участников (1200 человек и среди них – много рабочих), но и разнообразием их профессий: парикмахеры, сапожники, переплетчики, портные, часовщики.

Лаконичное сообщение Фести о банкете 31 августа 1840 г. должно быть дополнено следующими фактами. Банкет, первоначально назначенный на 14 июля (день взятия Бастилии), должен был состояться в Сен-Манде, но вследствие противодействия властей его удалось организовать только 31 августа в парижском пригороде Шатийоне. На банкет собралось около 3 тыс. (по другим данным – около 6 тыс.) человек, около половины участников банкета были одеты в мундиры национальных гвардейцев; среди этих национальных гвардейцев были и рабочие, притом члены революционной организации. Лозунгом банкета было требование, высказанное еще в петиции 1838 г.: «Каждый национальный гвардеец – выборщик, каждый выборщик – может быть избираем». Участники банкета требовали, как видим, такой избирательной реформы, в результате которой, хотя бы отчасти, и трудовые слои населения были бы допущены к выборам и получили бы сверх того пассивное избирательное право. По окончании банкета все его участники стройной колонной двинулись к заставе д’Анжер с пением «Марсельезы» и с криками «Да здравствует реформа». Количество демонстрантов по мере движения колонны возрастало; присоединялись «любопытные», безработные и рабочие, покинувшие свои мастерские или фабрики. Ночью разошлись по домам мелкобуржуазные сторонники реформы; рабочие же собрались и на следующий день вечером близ Порт-Сен-Дени.

В истории политического развития рабочих имеют значение и следующие факты. Еще до бельвильского банкета, 24 мая 1841) г. рабочие по своей инициативе связались с Араго, буржуазным вожаком, сторонником избирательной реформы. До 1000 делегатов различных корпораций побывало у него, собираясь небольшими группами, формально – для выражения благодарности за провозглашение им с парламентской трибуны лозунга «организации труда». К августу 1840 г. комитеты сторонников реформы существовали в каждом районе Парижа.

В провинции рабочие присутствовали почти на всех политических банкетах. В некоторых департаментах в составе самих комитетов сторонников реформы были рабочие. Именно рабочие – республиканцы и коммунисты – были организаторами банкетов в Руане и в Перпиньяне в 1840 г. В общем в 1840 г. в движении в пользу реформы появились совершенно иные, новые черты.

Все это свидетельствует о том, что рабочие уже включились в политическую борьбу, хотя пока под руководством буржуазных деятелей. Впрочем, и собственно рабочее стачечное движение начинало приобретать политический характер.

Среди многочисленных стачек, возникавших в 40-х годах в Париже и провинции, имела особенно большое значение превосходно организованная стачка шахтеров Рив-де-Жье, историю которой впервые осветил академик Е. В. Тарле[367]. Стачка началась 3 апреля 1844 г. и продолжалась около полутора месяцев. Забастовщики держали связь с другими промышленными центрами. Организованность и упорство бастующих, широкая, приобретавшая явно политическое значение поддержка шахтеров сельским населением – факты, достойные внимания. И самой замечательной особенностью забастовки был резко выраженный интерес шахтеров к коммунистическим идеям. Случайно в Рив-де-Жье прибыла известная представительница утопического социализма Флора Тристан. Но речи Тристан не

---

p. 225.

366 В. П. Волгин, подробно осветивший взгляды и деятельность Ж. Ж. Пийо, обоснованно утверждал, что именно Пийо и принадлежала ведущая роль на коммунистических банкетах в Бельвиле (см. *В. П. Волгин.* Французский утопический коммунизм. М., 1960, стр. 315–336).

367 *Е. В. Тарле.* Крупная стачка шахтеров в Рив-де-Жье в 1844 г. – Соч., т. VI. М, 1959, стр. 291–318.

увлекли рабочих. «Они с пренебрежением относятся к ее утопиям и не хотят внимать никаким учениям, кроме коммунизма». – доносил правительству местный прокурор. Среди стачечников была распространена брошюра Леру «Буржуа и пролетарии». Леру доказывал, что, независимо от различия профессий, «народ пролетариев – одна семья» Брошюра поясняла, что только раб «живет для того, чтобы работать», а свободный человек «работает, чтобы жить». Как видим, это был вариант лозунга лионских ткачей: «Жить, работая, или умереть, сражаясь».

В 40-е годы возродились и приобрели еще большую силу также и другие массовые движения. Народные волнения, порождавшиеся сбором рыночных пошлин, происходили в 1840 г. в разных городах Франции. Одним из наиболее ярких примеров таких выступлений было январское возмущение в департаменте Арьеж, в Фуа, где, даже по официальным данным, были убиты 9 и ранены 18 «мятежников»; по другим сведениям, только одних убитых было около 40 человек. Конечно, здесь можно лишь вкратце рассказать об этом событии, вызвавшем шумные отклики в прессе и в парламенте.

В конце 1839 г. городские власти Фуа приобрели пустырь, предназначавшийся для военных учений и вместе с тем для пригона и продажи скота. Военное министерство согласилось уплатить за эту землю только половину ее цены; другую половину должен был заплатить город. Городские власти решили взыскать эту сумму с продавцов скота, т. е. в основном с окрестных крестьян, обязав их уплачивать начиная с 13 января 1840 г. новую рыночную пошлину. Но крестьяне-скотоводы, прибывшие 13 января в Фуа, объявили новую пошлину незаконной и отказались ее платить. Внезапно перед взволнованным народом появились высшие местные власти – префект Арьежа и мэр города, а также жандармы, солдаты. Оба градоправителя – префект и мэр – были ранены брошенными в них камнями. Тотчас же солдаты стали стрелять. Нельзя отнести волнения в Фуа к чисто стихийным, вовсе не подготовленным выступлениям: две или три сотни крестьян (хотя и вооруженных только дубинами) явились в Фуа в точно назначенный час; в соответствии с планом сопротивления, они должны были занять все большие улицы. Одновременно повстанцы атаковали заставы и отбросили воинские пикеты. Тысячи возмущенных людей (по одним данным – 2, по другим, более многочисленным показаниям, – 6 тыс. человек) стойко боролись за отмену новой пошлины. «Победивший» префект всю ночь отсиживался в казарме. И лишь с прибытием в Фуа более сильных воинских частей возмущение было подавлено. Главными зачинщиками этого выступления были объявлены на суде два арьежских крестьянина.

Поводом для народных волнений послужила и статистическая перепись 1841 г. Во всех департаментах Франции стали появляться статистики, одни – для обычной переписи населения, другие – с явно налоговой целью: пересчитать объекты налогового обложения. Но трудящиеся массы, особенно в деревнях, не слушали пояснений о различиях этих видов переписи, и всех статистиков, появившихся на местах, встречали как врагов. Вспыхнули серьезные волнения. Возмущения были почти повсеместно: в южных, в юго-западных, юго-восточных департаментах, в южной части Центрального района и на севере Франции, в департаменте Нор. Достаточно, впрочем, немногих иллюстраций, чтобы представить себе не только местное значение этих движений, но также и их общее политическое влияние.

Восстание в Тулузе в июле 1841 г. занимает, пожалуй, главное место в истории этих волнений.

Одно из тайных обществ – общество «Эгалистов» решило, писал французский историк Понтейль, сорвать перепись[368]. Но Понтейль не привел сведений о социальном составе «Эгалистов» и не отметил роли тулузских рабочих-мютюэллистов в качестве инициаторов той массовой демонстрации, которая, видимо, и положила начало возникшему в первой декаде июля революционному движению. Демонстрация сразу приобрела политический

---

368 *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann et les emeutes antifiscales en 1841. – «Revue historique», janvier – juin 1937, p. 324.

характер: ее участники требовали отставки высших тулузских чиновников – местного прокурора и префекта, ренегата Маюля, уже давно изменившего своим политическим друзьям – карбонариям. Требования демонстрантов вызвали колебания в рядах тулузских буржуазных демократов. Возглавить движение, начатое вожаками трудового люда, буржуазные республиканцы побоялись.

Грубые расправы Маюля с демонстрантами 7 и 8 июля ожесточили трудящееся население Тулузы. 12 июля волнения приняли форму вооруженного восстания. Около 1200 повстанцев, преимущественно рабочих, вооружились камнями и дубинами и вечером заполнили всю площадь перед зданием префектуры. Первая схватка с солдатами и произошла, по-видимому, у здания префектуры. В это же время на улицах Ригпель д’Астори, Шеваль-Блан и во многих других местах появились баррикады.

На следующий день, 13 июля, по выражению одной газеты, «менее чем в течение часа… было воздвигнуто пятнадцать или двадцать баррикад»[369]. Префект и прокурор бежали из города; в окрестностях Тулузы тоже начались волнения; связь с Парижем была прервана – повстанцы сломали механизмы телеграфа. Казалось, что народ одержал победу. Однако уже начало народной победы испугало буржуазных республиканцев. Достигнутый успех был сорван; превосходящие воинские силы подавили восстание.

23-24 сентября 1841 г. в Вильфранше, неподалеку от Тулузы, произошло массовое выступление с активным участием женщин. Потомки альбигойцев встретили финансового агента градом камней. Контуженный в голову, он в ту же ночь бежал в Альби. Жители горных селений вооружались, готовились к борьбе. Но в Вильфранше уже появились солдаты, и восстание было подавлено.

В Монпелье (департамент Эро) тоже было совершено нападение на финансовых агентов. Солдаты, прибывшие для подавления бунта, были встречены демонстрантами пением «Марсельезы».

В дни волнений, связанных с переписью, демократ Бианки призывал народ к новой революции. Бианки был арестован и заключен в тюрьму. На суде прокурор цитировал стихи Бианки, ярко отразившие влияние тулузских событий:

…улица вернула себе короиу,
Честный городской люд победил…
Тулузцам поем мы славу,
Оии борются за свободу.
…………………………
Встань, народ, настало время!
Твои права захватили клятвопреступники.

Рост влияния коммунистов-революционеров среди рабочих и одновременный упадок влияния «мирного коммунизма» – вот формула соотношения двух совершенно различных течений в рядах пролетариата в 40-е годы.

Крупнейшим представителем французского революционного коммунизма 40-х годов был Дезами.

Теодор Дезами (1803–1850), бывший школьный учитель, участник «Общества времен года», не ограничивался повторением бабувистских идей, как это делали другие революционные коммунисты-эгалитаристы, тоже близкие к «Обществу времен года». Главное сочинение Дезами – «Кодекс общности», работа, в которой пропагандировались три основы коммунистического строя: «общая собственность, общий труд, общее воспитание».

Но путь к коммунистическому преобразованию общества не мог быть найден вне кровопролитной революции, осуществляемой правительством революционной диктатуры.

---

369 «Journee du 13». Статья в «Emancipation», перепечатанная в «Journal des Debats», 17. VII 1841.

Дезами полемизировал со сторонниками одних лишь мирных средств борьбы. В ответ на за явление Кабе: «Я прежде всего – француз, затем – демократ, реформист, потом – социалист и уж, наконец, – коммунист», – Дезами говорил: «Что же касается меня, то я прежде всего коммунист».

В исторической литературе о Дезами предпринимались попытки изобразить его предшественником К. Маркса и Ф. Энгельса, будто бы предвосхитившим чуть ли не все основные идеи марксизма. Авторам этих неверных сопоставлений чуждо понимание марксизма как глубочайшей революции в философии, во всех общественных науках, в самом методе научного познания. Для характеристики теоретической ограниченности Дезами достаточно сказать, что даже в работе «Альманах общности», написанной в 1848 г., в определении сущности того общественного класеа, который только и мог совершить социалистическую революцию, т. е. в определении пролетариата, Дезами не продвинулся ни на шаг по сравнению с Бланки. И для Дезами пролетариат – подавляющее большинство населения Франции, 22 млн. жителей, т. е. не только рабочий класс, но и крестьянство. Не понимая природы пролетариата, как особого общественного класса, Дезами не мог создать и учения о пролетарской партии, о ведущей роли пролетариата в будущей социалистической революции.

Ошибки Дезами повторялись в произведениях коммуниста Пийо.

Жан Жак Пийо (1809–1877), священник, лишенный сана и приговоренный к тюремному заключению за попытку создать новую, «унитарную церковь», талантливый публицист, был автором революционных брошюр «Ни дворцов, ни хижин» (1840 г.), «Коммунизм – не утопия» (1841 г.). Бабувизм был идеологическим источником Пийо. Будучи, по сравнению с Дезами, менее самостоятельным мыслителем, Пийо отличался большей активностью в практическом руководстве революционными организациями. Это был стойкий революционер, которого не могли сломить ни многочисленные судебные преследования, ни возраст: в 1871 г. Пийо был деятельным членом Парижской Коммуны. Арестованный версальскими палачами, он был приговорен к пожизненной каторге.

Дезами и Пийо были революционерами, выразителями интересов беднейших масс. Совсем иное историческое значение имели развивавшиеся тогда же из предшествующих учений или вновь возникавшие «мирные» течения социализма и коммунизма, представленные сен-симонистами, фурьеристами социалистами-эклектиками и Кабе, противником революционных методов борьбы. «Значение критически-утопического социализма и коммунизма, – писал Маркс, – стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того, как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания»[370].

Утопический социализм во Франции в период Июльской монархии был представлен множеством различных направлений, но ни одно из них не могло подняться на высоту тех задач, которые ставились революционным движением пролетариата в 1830–1848 гг. Интересный вопрос о взаимоотношениях сен-симонистов и фурьеристов в 30-40-х годах, как и множество других проблем истории фурьеризма этих времен, широко освещен И. И. Зильберфарбом[371]. Часть сен-симонистов, перейдя на сторону учения Фурье, объединилась в так называемую Социетарную школу, члены которой, буржуазные интеллигенты-одиночки, стали последователями Виктора Консидерана, по профессии инженера, ставшего после смерти Фурье (1837 г.) главным теоретиком и пропагандистом

---

[370] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

[371] И. И. Зильберфарб Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964.

данной разновидности утопического социализма, по-прежнему отрицавшего необходимость революционной борьбы рабочего класса.

Сторонником мирных путей к социализму был и Этьен Кабе.

В 30-х годах XIX в. он был заурядным мелкобуржуазным демократом. Мировую известность писателя-коммуниста Кабе приобрел своей книгой «Путешествие в Икарию», написанной в форме романа. Волнующий, увлекательный контраст представляла, по сравнению с реальными условиями жизни пролетариата, счастливая жизнь икарийцев, обитателей фантастической «Икарии», где благодаря утвердившемуся там коммунистическому строю рабочие были хозяевами страны и пользовались всеми материальными и духовными благами, работали не по 16, а лишь по 7 часов в день.

Одним из наиболее влиятельных представителей французского утопического социализма мелкобуржуазного направления был Ауи Блан (1811–1882) – публицист, историк и политический деятель. В брошюре «Организация труда» (1840 г.), получившей широкое распространение, Луи Блан рекомендовал вовсе не реальный путь к социализму, предлагая приступить к созданию субсидируемых самим же буржуазным государством общественных мастерских, которые, вытеснив капиталистические предприятия, возьмут в свои руки все производство в стране.

Не понимая классовой природы государства, Луи Блан воображал, что если будет введено всеобщее избирательное право, то государство само освободит рабочий класс от социального гнета.

В 1848 г. соглашательная тактика Луи Блана привела его к предательству интересов пролетариата. Заметим, что и в 1871 г. Луи Блан объективно оказался на стороне «версальцев»: пролетарскую революцию он не одобрил и к коммунарам не примкнул.

Позор «луиблановщины» навечно вписан историей в некролог этого мелкобуржуазного политического деятеля. Но в истории человеческой культуры не утратит значения то достойное внимания место, которое принадлежит Луи Блану как создателю многотомных исторических работ, в частности как автору первой обширной социалистической истории Июльской монархии – «Истории десяти лет» (1830–1840), пятитомного труда, в котором он открыто заявил: «Дело дворянской знати, богачей и счастливчиков – это отнюдь не то дело, которому я служу»[372]. Конечно, путаные теоретические взгляды Луи Блана отражались во всех его трудах.

Очень большое влияние на отсталые слои пролетариата имели идеи Пьера Жозефа Прудона (1809–1865). Сын крестьянина, по профессии наборщик, он впервые обратил на себя внимание во Франции и в других странах в 1840 г., когда вышла его книга «Что такое собственность?» На вопрос, поставленный в заголовке этой книги, Прудон отвечал: «Собственность – это кража». Книга вызвала нападки на Прудона в буржуазных кругах. Однако Прудон выступал лишь против ростовщического капитала, против биржи, против спекуляции, но не против буржуазного строя в целом.

В 1846 г. Прудон выпустил книгу «Система экономических противоречий или философия нищеты».

На книгу Прудона «Философия нищеты» Маркс ответил в 1847 г. книгой «Нищета философии». Критикуя Прудона, Маркс показал, что Прудон – типичный идеолог мелкой буржуазии, а социализм Прудона – это «социализм» ремесленников и крестьян. «Г-н Прудон – с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии», – писал Маркс в письме к П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г.[373]

В. И. Ленин так резюмировал сущность экономической теории Прудона: «Не

---

[372] *Louis Blanc.* Histoire de dix ans. 1830–1840. Sixieme edition. Paris, 1846, p. XI. Этот труд, как и двенадцатитомную «Историю французской революции XVIII века», перевел на русский язык М. А. Антонович.

[373] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 411.

уничтожить капитализм и его основу – товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, „конституировать“ ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, *„справедливой“,* лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений – вот идея Прудона»[374].

Прудон отвергал революционную борьбу и отрицательно относился к стачечному движению.

В работах Н. Е. Застенкера, советского историка прудонизма, хорошо освещен тот факт, что уже в одной из ранних работ Прудона, в «Проекте прогрессивной ассоциации», был предопределен разрыв Прудона с пролетарски-революционным движением[375].

В сочинениях Прудона было много реакционных идей, оказавших вредное влияние на развитие рабочего движения последующего периода.

В усвоении рабочими, их передовыми слоями, коммунистических идей, притом идей революционного, а не кабетистского коммунизма, маскировавшего мелкобуржуазный реформизм, заключается одно из главных проявлений происходившего в рассматриваемый период процесса выделения пролетариата из массы мелкобуржуазного «народа».

Многие стачки с особой силой наводили французских рабочих «на мысль о социализме». Бесспорно, некоторые даже крупные стачки возникали стихийно, но одна из важнейших закономерностей забастовочной борьбы, как указывал В. И. Ленин, заключалась в том, что в определенных условиях «„стихийный элемент“ представляет… *зачаточную форму* сознательности»[376]. Именно этот признак развития классовой борьбы пролетариата начал более явственно выступать во Франции в 40-е годы XIX в.

Но для революционного переворота, освобождающего трудящиеся массы от ига капиталистической эксплуатации, еще не было всех необходимых исторических условий. Не было тогда у французского пролетариата своей партии: совсем не был известен французским рабочим научный коммунизм.

Война в Алжире

Подобно другим европейским странам, Франция вела колониальные войны, происхождение которых конечно не может рассматриваться вне объективных закономерностей развития капиталистического способа производства. Распространявшаяся фабричная промышленность все более нуждалась в сырье, продовольственных товарах и рынках сбыта.

Несомненно, что французские текстильщики, особенно в ранние времена промышленного переворота, получали сырье худшего качества, чем английские. Однако, как ни плохи сравнительно были условия и в отношении сырья и в отношении транспорта, интересы французских капиталистов-текстильщиков отнюдь не имели решающего значения в политике правительства Реставрации и Июльской монархии. Характерно, что буржуазные историки, например Шарль Сеньобос и Альбер Метен, объясняли происхождение войны в Алжире политическими интересами ультра-роялистов[377]. Посредством быстрой и легкой победы Виллель и Полиньяк надеялись укрепить свою власть.

Имел немалое значение и пиратский правительственный план – с лихвой покрыть

---

[374] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 131.

[375] *И. Е. Застенкер.* Об оценке Прудона и прудонизма в Коммунистическом манифесте. – «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 491–518.

[376] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 29–30.

[377] *Ch. Seignobos* et *A. Melin.* Histoire contemporaine…

военные издержки «экспедиции» посредством ограбления алжирской казны. Следует добавить, что в этой войне была заинтересована и часть дворянства, мечтавшая о восстановлении своих земельных богатств за счет земель в Алжире[378]. Сторонниками войны были и марсельские купцы, а также мануфактуристы, производившие оружие, боеприпасы, обмундирование. Это все и предопределило захват Алжира в 1830 г.

Притворно называя Алжир обременительным наследием Реставрации, король Луи-Филипп лишь выжидал как «успокоения» в самой Франции, так и спада первой волны народных возмущений в Алжире. В 1835 г. французские поработители Алжира активизировались. Оккупационная армия была постепенно доведена до 100 тыс. Отлично вооруженные французские солдаты воевали с народом, не подготовленным к крупным сражениям.

Эмир Абд-Эль-Кадер (1808–1883), поэт, оратор, пламенный патриот и талантливый военачальник (М. В. Фрунзе сравнивал его с Шамилем), возглавил героическое сопротивление алжирцев. Но Абд-Эль-Кадер не мог преодолеть сепаратские и нейтралистские (объективно изменнические!) позиции вождей других арабских племен. Даже те арабские феодалы, которые являлись союзниками эмира, готовы были предать его французам. Феодальные вожди не хотели примириться с прогрессивными социальными мероприятиями Абд-Эль-Кадера. Восточная Алжирия отказалась подчиняться ему, заявив о своем намерении вести борьбу самостоятельно. Все же Абд-Эль-Кадер одерживал победы и в 1837 г. заключил отнюдь не унизительный для Алжира мирный договор. Однако французы нарушили свои мирные соглашения, и война в Алжире, объявленная эмиром войной священной, через год возобновилась.

Война как продолжение политики господствующих классов приобрела в Алжире в период Июльской монархии свои характерные черты Любые формы спекуляции фактически поощрялись правительством Луи-Филиппа. И не удивительно, что в те времена, по выражению Ларшера, «туча спекулянтов ринулась в Алжир»[379]. Дельцы-авантюристы и вместе с ними бесчестные чиновники, офицеры, генералы и даже сам маршал Клозель спекулировали на купле-продаже алжирских недвижимых имуществ, прибегая к мошенническим средствам быстрого обогащения[380].

Уже в 1833–1834 гг. Луи-Филипп был официально осведомлен о бесчинствах французов, о произвольном отчуждении алжирских имуществ, бессмысленном разрушении домов и садов, осквернении, а иногда и разрушении мечетей, о надругательствах над останками погребенных мусульман. Знал король и о том, что кое-где вместе с арабскими воинами уничтожались ни в чем не повинные женщины и дети. С ведома короля, по его воле территория разбойничьей войны все более расширялась. Сами королевские сыновья возглавили различные войсковые соединения. Генеральным правителем Алжира стал с 1841 г. жестокий генерал Бюжо, совершавший зверские расправы с алжирцами в тех случаях, когда они сдавались.

Ко всем перечисленным ужасам добавилось удушение дымом всех туземцев, пытавшихся укрыться в пещерах, гротах. По приказу генерала Бюжо Пелисье последовал примеру Кавеньяка: только в одном месте он удушил дымом 600 туземцев. Полковник Монтаньяк, имевший, по собственному признанию, «удивительную склонность дубить

---

[378] *N. D’Orient* et *M. Loew.* La Question algerienne. Les dossiers… publies sous les auspices de la Ligue francaise contre l’imperialisme et l’oppression nationale. Paris, 1935, p. 32; см. новую работу; *Ch. A. Julien.* Histoire de l’Algerie contemporaine. La conquete et le debut decolonisation (1827–1871). Paris, 1964.

[379] Larcher. Traite elementaire de legislation algerienne, t. II. Paris, 1911 (цит. по: N. D’Orient et M. Loew. La Question algerienne, p. 33–34).

[380] Ibid., p. 78.

человеческую кожу», сообщал во Францию в своих письмах: «Убиваем, режем; крики терроризируемых смешиваются с ревом погибающих животных».

Капитулировал Абд-Эль-Кадер только в конце 1847 г. Он сдался генералу Ламорисьеру, обещавшему отпустить эмира на Восток. Но Ламорисьер не сдержал слова: Абд-Эль-Кадер был заключен в тюрьму. Не освободили эмира даже и тогда, когда Ламорисьер стал военным министром. Он вышел из тюрьмы только в 1852 г.

Покорение Алжира – вечный позор для французских захватчиков. В конце XVIII в. Алжир горячо выразил свое сочувствие французской буржуазной революции. Безвозмездно, в знак дружбы с революционной Францией, алжирцы прислали в Париж свой хлеб. Предательство, грабежи, массовые убийства и угрозы поголовного истребления туземцев – таков был ответный «дар» французских колонизаторов!

Нарастание революционной ситуации в 1847–1848 годах

Экономические события 1846–1847 гг. в громадной мере способствовали возникновению революционной ситуации и ускорили взрыв революции. Это были: болезнь картофеля, неурожаи хлебных культур и глубокий торгово-промышленный кризис.

Осенью 1845 г. во Франции картофельной болезнью поражены были только Нормандия и Бретань и лишь в конце года южные районы страны. Внезапно сохла ботва, и картофель становился негодным для питания. В 1846 г. картофельная болезнь охватила широкую территорию. Один гектолитр картофеля в Париже осенью 1846 г. стоил 13–14 фр. В ряде районов картофельная болезнь повторилась и в 1847 г. (например, в Лотарингии неурожай принял катастрофические размеры).

Хлебные запасы стали исчезать во Франции по крайней мере за два года до революции. Урожай 1845 г. был приблизительно на 30 % меньше, чем в 1844 г. С осени 1846 г., когда обнаружился еще более значительный неурожай, хлебные цены, не превышавшие 22 фр. за один гектолитр пшеницы, стали резко возрастать: в конце мая 1847 г. гектолитр пшеницы стоил во Франции в среднем 38 фр., а в отдельных районах – более 50 фр. В дождливый 1845 и засушливый 1846 г. Франция претерпевала и другие невзгоды: болезнь виноградников осенью 1845 г., недород шелковых коконов в метрополии и в колониях, недород чечевицы, бобов, гороха в 1846 г.

В 1847 г. во всей Европе урожай был выше среднего. Но в это время разразился торгово-промышленный кризис. Известный французский историк Жорж Лефевр различал в бедствиях 1847 г. четыре кризиса: продовольственный, денежный, биржевой, промышленный. Эти различительные черты действительно существовали, и указание на них имеет немаловажное значение. Однако Ж. Лефевр допускал ошибку, освещая два последних кризиса (биржевой и промышленный) лишь как следствие двух первых[381].

Историческое развитие общественного строя во Франции в период, предшествовавший революции 1848 г., представляло в основном не что иное, как развитие противоречий капиталистического способа производства. В торгово-промышленной жизни Франции в 1845–1848 гг было много общего с экономикой Англии. Но были и чрезвычайно важные особенности, сыгравшие свою роль в условиях складывания революционной ситуации. Кульминационный момент кризиса был пройден в Англии в конце 1847 г.; и в следующем же году возникло новое оживление в делах. А во Франции в 1847 г. производство стало сокращаться во всех прядильных и ткацких предприятиях.

Тем временем назревал кризис железнодорожного строительства. В 1846 г. было введено в эксплуатацию 1322, а в 1847 г. – 1832 км железных дорог. Действительная величина капитала, представленная железными дорогами, не превышала, однако, 1232 тыс. фр.; акций же было выпущено к концу 1847 г. на 2491 тыс. фр. Крах спекулятивного

---

[381] C. Lefebvre. La monarchie de Juillet Paris, s. a. (специальный курс, прочитанный Лефевром в Сорбонне).

железнодорожного строительства был неизбежен. Развязка была не порождена, но ускорена продовольственными и денежными кризисами.

Французский банк, покупая миллионы гектолитров заграничного хлеба, расплачивался за него, как и Английский банк, своим золотом. Золотой запас Французского банка в 1845 г. равнялся 320 млн. фр., а в январе 1847 г. – всего 47 млн. фр. Спасением от полной катастрофы Французский банк был обязан царю Николаю I, купившему на 50 млн. фр. французской ренты. Но, разумеется, никакие цари не могли создать во Франции тот «кредит наций», который по другую сторону Ла-Манша облегчил рассасывание кризиса. Кредит во Франции и ранее не был развит в такой мере, как в Англии. В 1847 г. под влиянием потрясений английской экономики и вследствие внутренних причин банкротства следовали одно за другим: 635 банкротств насчитывалось в одном лишь первом полугодии 1847 г. и в одном только департаменте Сены. В отличие от Англии, наивысшее напряжение кризиса не было пройдено во Франции в конце 1847 г. Напротив, среди французской мелкой буржуазии банкротства были наиболее многочисленны именно в последнем квартале 1847 г.

В январе и феврале 1848 г. увеличился экспорт французских вин, а также и вывоз хлопчатобумажных машин, механизированных инструментов, полотняных товаров, сахара, стеклянных изделий и некоторых других товаров.

Явление особого порядка представлял финансовый кризис 1847 г. Государственный дефицит в 1847 г. достиг 25 % всего бюджета, иначе говоря 247 млн. фр. Социально-политическое значение государственного дефицита уже отмечалось выше: дефицит обогащал банкиров. Но в условиях экономического кризиса 1847 г. сберегательные кассы подвергались массовому опустошению: вкладчики повсюду изымали свои вклады. Вся налоговая система оказалась под угрозой в условиях многочисленных банкротств, пауперизации и безработицы. Неконсолидированный государственный долг к началу 1848 г. достиг 630 млн. фр., а у Гизо не было средств для покрытия даже и самой малой части этого долга. Тогда Гизо предпринял внутренний заем, самая экстраординарность которого дискредитировала правительство: 100-франковые облигации реализовались по цене в 75 фр. Государственная власть публично продавалась ростовщикам!

Экономический кризис влиял на всю политическую жизнь Франции, по он неодинаково поражал различные общественные классы. Положение мелкой буржуазии под влиянием кризиса ухудшилось в связи с тем, что часть крупного капитала, ранее занятого во внешней торговле, перешла на внутренний рынок, где и усилилась разорительная для мелких торговцев конкуренция.

Во время кризиса усилился и рост концентрации производства; в металлургической и угольной промышленности появились новые крупные объединения предпринимателей. 175 промышленников района Рив-де-Жье обращались в 1847 г. к правительству с жалобой на «нахальство и преувеличенные притязания» местных угольных компаний. Намерение Ротшильда скупить металлургические предприятия в департаменте Нор с целью создания там крупного промышленного центра, подобного Крезо, получило широкую огласку и резко критиковалось в прессе мелкобуржуазных демократов.

Особенно резко ухудшились под влиянием кризиса и неурожаев условия жизни трудящихся масс. В начале 1847 г. даже сравнительно зажиточные семьи, принадлежащие к трудовому люду, впали в крайнюю нужду. Безработица, падение заработной платы, эпидемические болезни, резкое увеличение смертности и понижение на 75 % прироста населения в 1847 г., по сравнению с двумя предшествующими годами, – таковы не отрицаемые даже буржуазной литературой показатели народных бедствий.

Эти бедствия, естественно, усиливали сопротивление народных масс. Демонстрации, сходки, нападения на дома спекулянтов, на булочные и хлебные склады совершались в северо-западных районах, а также в департаментах Эндр, Шарант, в городах Туре, Труа, в больших и маленьких городах департамента Верхнего Рейна. В этих движениях особое место принадлежит «делу в Бюзансе», небольшом городке департамента Эндр, где по инициативе рабочих – жителей окрестных деревень было совершено нападение на хлебные амбары,

принадлежащие спекулянтам. Два спекулянта поплатились жизнью. Жестокие репрессии последовали немедленно: четверо рабочих были гильотированы там же, в Бюзансе. Конечно, эта расправа только усилила народную ненависть к Июльской монархии.

В условиях экономического кризиса, казалось бы, не могло быть стачек. Между тем забастовки продолжались. Каменщики и строительные рабочие Нанта, боровшиеся против снижения заработной платы, бастовали три месяца (с июля по сентябрь 1847 г.), несмотря на появление в Нанте воинских частей и аресты.

Бастовали плотники в Ренне, где еще в начале 1847 г. возникли ожесточенные схватки трудового люда с воинскими частями (префект и заместитель мэра были ранены). Сами современники указывали на то новое в стачечном движении, чего не было в продовольственных бунтах стародавних времен: 1) резко выраженную инициативу рабочих; 2) активную роль «коммунистических ассоциаций»; 3) значение коммунистической пропаганды. Маршал де Кастеллан, прибывший незадолго до революции 1848 г. в Руан, отметил в своем дневнике: «…опасность волнений может возникнуть только со стороны рабочих-коммунистов»[382].

Явно политический характер приняли продовольственные волнения 12 мая 1847 г. в Лилле (департамент Нор). В это время хлеб еще более вздорожал. И тогда около 400 рабочих, построившись в колонну, двинулись по направлению к Парижской улице. Гимн «Марсельеза» чередовался с криками и возгласами: «Работы! Хлеба!», «Долой Луи-Филиппа, да здравствует республика!» После демонстрации произошли нападения на хлебные лавки.

Один из признаков кризиса правящих верхов – падение международного престижа государства в результате очень серьезных неудач внешней политики правительства Гизо. Первое скандальное поражение французская дипломатия потерпела в 1840 г., когда Россия, Англия, Австрия и Пруссия объединились для решения так называемого Восточного вопроса без участия Франции. Война Священному союзу – таков был, можно сказать, общий лозунг французских патриотов, их речей, газетных статей, манифестаций национальной гвардии. Но ничто не поколебало смирения Луи-Филиппа. «Ни гроша для славы! Слава не приносит никакой прибыли! Мир во что бы то ни стало! Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг! – вот что написала на своем знамени Франция биржевых дельцов. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду оскорблений, нанесенных национальному чувству французов»[383].

В 1841 г. Франция была допущена Россией, Англией, Австрией и Пруссией к подписанию Лондонского протокола о ликвидации турецко-египетского конфликта и конвенции с турецким султаном о закрытии проливов для военных судов всех наций. Но этот протокол закреплял двойное дипломатическое поражение Франции: потерю преобладания в Сирии и влияния в Египте, подпавшего впоследствии под иго Англии.

С 1841 по 1848 г. международный авторитет Франции неуклонно падал. Ни завершение покорения Алжира в 1847 г., ни другие колониальные приобретения не могли остановить рост недовольства широких слоев населения Франции внешней политикой финансовой олигархии.

---

382 «Journal du marechal de Castellane», t. IV. Paris, 1896, p. 4.

383 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 11.

«Жан плачет, Жан смеется. Набросок с натуры, начатый в июле 1830 г. и законченный в феврале 1848 г.» Карикатура на Луи-Филиппа

В 1844 г. оппозиция использовала нашумевшее «дело Притчарда», английского агента, противодействовавшего утверждению французского господства на острове Таити. Французские военные власти на Таити попытались прогнать Притчарда. Хотя остров остался в руках французов, все же французское правительство подчинилось требованию Англии: извинилось перед Притчардом, освободило его из-под ареста и даже вознаградило за ангифранцузские происки, уплатив 25 тыс. фр.

Сблизившись с меттерниховской Австрией и с царской Россией, орлеанистская Франция все более откровенно выступала как реакционная сила и обрекла себя на новые дипломатические поражения. Лживость заявления различных кабинетов Луи-Филиппа о сочувствии полякам – борцам за свою национальную независимость была разоблачена в 1846 г., когда правительство Гизо примирилось с насильственным присоединением Кракова к империи Габсбургов, т. е. с ликвидацией последнего очага польской независимости. Кабинет Гизо стал на сторону реакционного «Зондербунда» в гражданской войне швейцарских кантонов; вместе с «Зондербундом», вместе с Меттернихом в этой войне потерпела поражение и дипломатия Гизо!

Сближение Франции с меттерниховской Австрией и с царской Россией привело Гизо к поражениям в Италии; ставка Гизо на итальянских реакционеров оказалась битой. Итальянским монархам еще до начала французской революции 1848 г. пришлось пойти на уступки, начать конституционные преобразования. Современник и очевидец описываемых событий Александр Иванович Герцен писал: «Франция не могла держаться даже на той высоте, на которой была за десять лет, – она делалась второстепенным государством. Правительства перестали ее бояться, народы начинали ненавидеть»[384].

Реакционная политика и провалы Гизо ускоряли приближение революционной развязки. Внешняя политика Луи-Филиппа и Гизо подвергалась ожесточенной критике не только в широких массах, в общественных и политических организациях, в печати, на парламентской трибуне, но даже и в переписке принцев Орлеанской династии. В ноябре 1847 г. сын короля Луи-Филиппа принц Жуанвильский с возмущением писал герцогу Немурскому, своему брату, об угодничестве Франции перед Австрией и о принятии Францией роли «жандарма в Швейцарии и душителя и Италии собственных же своих принципов и своих естественных союзников». Главную причину своего расхождения с

---

384 А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. V, стр. 144.

королем и этих вопросах принц Жуанвильский указывал ясно: «Я начинаю сильно беспокоиться, как бы нас не привели к революции…»

С возникновением «кризиса верхов» появились и новые черты в борьбе политических группировок французской буржуазии. Так называемая «династическая оппозиция», т. е. группировка либерала Одилона Барро, стала с удвоенной энергией бороться за осуществление своего лозунга: «Реформа во избежание революции». Активизация «династической оппозиции» и ее блокирование с буржуазными республиканцами – таковы были особенности тактики партии Барро накануне революции.

Появление в 1847 г. новой политической группировки – «прогрессивных консерваторов» – представляло еще более характерное проявление «кризиса верхов». Группировка эта возникла внутри самой правительственной партии. Ее возглавил беспринципный Эмиль де Жирарден. Своеобразное положение этой группировки Жирарден выражал словами: «Мы – в оппозиции, но мы – не из оппозиции». Сначала «прогрессивные консерваторы» ограничивались программой экономических мероприятий (улучшение условий кредита, налоговая реформа, снижение цен на соль и пр.), но вскоре и Жирарден присоединился к сторонникам избирательной реформы. Жирарден, продававшийся орлеанистам в течение многих лет, внезапно сам воспользовался публичной трибуной для разоблачения правительственной коррупции.

Две различные группировки республиканцев, обе именовавшиеся по названию своих газет – «Насиональ» и «Реформ», – также усилили пропагандистскую деятельность в 1847–1848 гг. Во Франции возобновились политические банкеты. Банкеты казались удобными как закрытая, узкая по составу, форма политических собраний. Первый банкет состоялся 9 июля 1847 г. в Париже, в Шато-Руж. Инициатором этой новой банкетной кампании был О. Барро, но, вопреки его ожиданиям, результатами банкетов воспользовались его противники – республиканцы. Впрочем республиканцы, представлявшие группу «Насиональ», дискредитировали себя в глазах передовых слоев французского народа: они отвергли программу социально-экономических реформ и ограничились «чистой политикой», которая, однако, была политикой, враждебной всему революционно-демократическому лагерю. Рабочие презирали «Насиональ» как газету «господчиков», а вожака этой группировки Марраста называли «республиканцем в желтых перчатках».

Мелкобуржуазный демократ Ледрю-Роллен возглавлял республиканцев «Реформ». Под влиянием выступления рабочих масс Ледрю-Роллен, как и другие члены редакции «Реформ», выдвигал программу социальных преобразований. Политический блок с рабочими был одной из главных тактических задач этой республиканской группировки. 7 ноября 1847 г. на банкете в Лилле, в городском саду, в присутствии 1100 человек в ответ на тосты: «За рабочих, за их неотъемлемые права», «За их священные, доселе неведомые интересы» – вождь республиканцев «Реформ» произнес речь, текст которой был напечатан не только в демократической прессе Франции, но также и в Англии, в чартистской газете «Полярная звезда». Своего рода лозунгом становились слова, сказанные тогда Ледрю-Ролленом: «Народ не только достоин представлять себя, но… он и может быть представлен достаточно лишь самим собой».

Многолюдный банкет в Дижоне обнаружил новые успехи республиканцев «Реформ». В Дижоне собрались возглавляемые Ледрю-Ролленом и Луи Бланом представители других городов Франции и делегаты из Швейцарии. Уже не в качестве одиночек (как было ранее, на других банкетах) прибыли на дижонский банкет рабочие; их было тут около 400 человек.

Банкетная кампания 1847 г. способствовала развитию борьбы за избирательную реформу в различных частях Франции. В движение были вовлечены даже департаментские советы. Но ни одна из группировок оппозиционной буржуазии не решалась поднять вооруженное восстание с целью насильственного свержения правительства Луи-Филиппа. И тем не менее, несмотря на измену либералов и колебания мелкобуржуазных демократов, революция совершилась! Она совершилась именно так, как в 1847 г. предсказывал Энгельс: «В тот момент, когда столкновение между народом и правительством станем неизбежным, –

они (рабочие. – Ред.) вмиг окажутся на улицах и площадях, разроют мостовые, перегородят улицы омнибусами, повозками и каретами, забаррикадируют каждый проход, каждый узкий переулок превратят в крепость и двинутся, сметая все препятствия, от площади Бастилии к Тюильрийскому дворцу»[385].

6. Революция 1848 года. Вторая республика

Февральская революция

Накануне *1848* г. многое сигнализировало о приближающемся новом революционном взрыве. Из всех фракций французской буржуазии финансовая аристократия оказалась наименее способной управлять страной.

Отвергая все требования оппозиции и предложения об избирательной реформе, король и правительство Гизо упорно не хотели видеть грозного смысла множившихся революционных симптомов.

«Франция склоняется теперь и готова к консервативной политике. Она уже давно достигла своей цели и вошла в равновесие. Много еще будет колебаний, но они будут все более и более слабыми и короткими, как у часового маятника, который хочет остановиться», – писал Гизо в мае 1847 г. Меттерниху [386] обнаруживая редкостную близорукость относительно ближайшей политической перспективы для Франции. Самоуверенность выдающегося историка-министра передавалась его властолюбивому, но недалекому «королю-гражданину».

Такая слепота не была проявлением лишь «старческого упрямства» короля и Гизо, как то полагают вплоть до наших дней многие буржуазные историки. Это слепое упрямство было органически свойственно самому «царству банкиров». Господство финансовой аристократии в тот период, основанное на монопольных привилегиях крупного денежного капитала и на сращивании его с государственным аппаратом, на хищнической эксплуатации государственного бюджета, биржевой игре и спекуляциях вокруг государственной политики, – словом, на разнообразных возможностях обогащения буржуазной плутократии вокруг государственной власти и с помощью государственной власти, такое господство никак не мирилось с приобщением к власти других прослоек буржуазии. Последнее неизбежно вело бы к преобладанию интересов крепнущей промышленной и торговой буржуазии, которую развитие капитализма выдвигало на передний план.

Еще более несовместимым с «царством банкиров» казалось предоставление избирательного права широким массам мелкой буржуазии. Во Франции мелкая буржуазия настолько была придавлена крупными капиталистами, разорялась и ограблялась ими, что, получив право голоса, она немедленно прибегла бы к мерам прямого нападения на денежных тузов. Ф. Энгельс писал, что в этой борьбе французская мелкая буржуазия вынуждена была бы даже против своей воли заключить союз с рабочим классом, что неизбежно вело к свержению монархии. «И Ротшильд и Луи-Филипп прекрасно понимают, что включение в круг избирателей мелкой буржуазии означает не что иное, как – „LA REPUBLIQUE“»[387].

И действительно, взрывчатая сила демократического союза рабочих и мелкой буржуазии немедленно дала о себе знать, как только ход событий объединил эти классы в

---

[385] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 4, стр. 364.

[386] Memoires, documents et ecrits divers de M. de Metternich. Deuxieme partie: L’ere de paix (1816–1848), t. Vil. Paris, 1883. p. 401.

[387] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 193.

общем восстании против гнета финансовой аристократии.

Либеральная оппозиция после поражения в стенах парламента возобновила банкетную кампанию против правительства Гизо. Новый большой банкет сторонников избирательной реформы в столице, назначенный на 19 января и тогда же запрещенный властями, перенесен был на 22 февраля. Он должен был сопровождаться мирной уличной демонстрацией в защиту свободы собраний. После того как власти заявили, что не допустят ни банкета, ни демонстрации, либеральная оппозиция вновь отступила. Либералы знали о громадном возбуждении, которое стремительно нарастало в Париже, возмущенном полицейским произволом властей, и теперь опасались более всего революционных действий народных масс. Хорошо осведомленный писатель Мериме, рассказывая в эти дни о настроениях в столице, уверял, что не меньше чем правительство озабочена всем этим либеральная оппозиция: «Ее главари похожи на всадников, которые разогнали своих лошадей и не знают, как остановить их»[388]. Вечером 21 февраля оппозиционные депутаты и журналисты призвали народ подчиниться властям.

Большинство республиканцев и демократов также не решалось призвать народ к борьбе. 19 февраля на совещании в редакции газеты «Реформ» Ледрю-Роллен, поддержанный Луи Бланом, высказался против использования банкетного конфликта для организации выступления масс, доказывая, что народ не подготовлен к борьбе и не имеет оружия. Несмотря на возражения участников совещания Коссидьера, Лагранжа и Бона, связанных с тайными обществами и высказывавшихся за революционные действия, точка зрения Ледрю-Роллена взяла верх. «Реформ» призвала парижан сохранять спокойствие и оставаться 22 февраля дома. От участия в революционной борьбе предостерегали и мелкобуржуазные социалисты Леру, Прудон, Консидеран.

Вопреки всем этим увещеваниям, тысячи парижан, возглавляемые студентами и рабочими из предместий, вышли 22 февраля на площади, объявленные сборными пунктами запрещенной демонстрации. Войска и муниципальная гвардия, щадя буржуазную молодежь, набросились на рабочих демонстрантов. Последовал отпор рабочих. Появились первые баррикады. На следующий день стычки и схватки демонстрантов с войсками и полицией продолжали разрастаться. В борьбу вступали участники тайных обществ, число баррикадных бойцов в центре и предместьях непрерывно увеличивалось.

Опасные для правительства симптомы обнаруживало поведение парижской национальной гвардии. Приказы ее командования о сборе батальонов выполнялись плохо, а являвшиеся на сбор национальные гвардейцы из мелкой буржуазии проявляли сочувственное отношение к демонстрантам и явно уклонялись от борьбы с ними, нередко даже брали их под защиту от полиции и регулярных войск. Замешательство обнаруживалось и в тех батальонах национальной гвардии, которые состояли из чисто буржуазных и аристократических элементов. Крики «Да здравствует реформа!», «Долой Гизо!» с каждым часом усиливались.

К концу дня 23 февраля король Луи-Филипп, напуганный оборотом событий, решился наконец пожертвовать Гизо. Главой нового правительства был назначен граф Моле, пользовавшийся репутацией либерального орлеаниста. В кругах буржуазии эта весть была встречена с восторгом. Деятели либеральной оппозиции и офицеры национальной гвардии обращались к народу с призывом прекратить борьбу.

Но рабочие, помнившие об уроках революции 1830 г., на этот раз не дали себя обмануть и продолжали бороться против монархии. «Моле или Гизо – это для нас все равно, – отвечали рабочие революционеры. – Народ баррикад держит в руках оружие и не сложит его до тех пор, пока Луи-Филипп не будет свергнут с своего трона. Долой Луи-Филиппа!»[389]

---

[388] Цит. по: *P. Dominique.* Les journees de quarante-huit. Paris, 1948, p. 16.

[389] *Delbrouck.* 22, 23 et 24 fevrier. Revolution de 1848 et les evenements qui l’ont cause. Paris, 1848, p. 18.

Этот лозунг находил все более мощный отклик, достаточно было толчка, чтобы мгновенно выкристаллизовались элементы всенародного восстания в столице. Таким толчком явилось трагическое происшествие в центре Парижа, на бульваре Капуцинок, вечером 23 февраля. Колонна безоружных демонстрантов, направлявшаяся к зданию министерства иностранных дел, где проживал Гизо, была расстреляна охранявшим здание воинским подразделением. Несколько десятков человек были убиты и ранены. Весть об этом злодеянии мгновенно разнеслась по городу и подняла на ноги все трудовое население Парижа. Тысячи рабочих, ремесленников, лавочников, студентов ринулись в бой и за одну ночь построили свыше 1500 баррикад. Восстание против монархии приняло подлинно всенародный характер. Костяком его и организующей силой стали члены тайных республиканских обществ.

Утром 24 февраля борьба на улицах Парижа возобновилась с нарастающей силой. Большая часть национальной гвардии вышла из повиновения командованию, многие национальные гвардейцы присоединились к восстанию. Народ овладел почти всеми мэриями округов. Усилилась деморализация войск, началось братание солдат с населением. Панические маневры короля, лихорадочно назначавшего главой правительства после отказа Моле то Тьера, то лидера династической оппозиции О. Барро, оказались безрезультатными.

В полдень вооруженные отряды восставшего народа начали штурм королевской резиденции – Тюильрийского дворца. Луи-Филипп, убедившись в безвыходности положения, согласился отречься от престола в пользу малолетнего внука – графа Парижского, мать которого королевским указом назначалась регентшей. После этого король и его семья поспешили покинуть столицу и бежали в Англию. Тюильрийский дворец был захвачен народом, королевский трон был перенесен на площадь Бастилии и торжественно сожжен.

Последний бой Июльской монархии и ее защитникам восставший народ дал в Бурбонском дворце, где заседала палата депутатов. Монархическое большинство этой палаты намеревалось одобрить регентство герцогини Орлеанской, чтобы спасти монархию путем перемены лиц. Лишь небольшая группа республиканских депутатов, склонив на свою сторону Ламартина, выступила с предложением создать Временное правительство.

24 февраля 1848 г. Взятие Тюильри. Братание народа с войсками

И здесь вопрос решили бойцы баррикад, ворвавшиеся в зал заседаний парламента. «Долой палату! Вон бессовестных торгашей! Да здравствует республика!» – восклицали они, потрясая оружием. Большинство депутатов разбежалось, оставшиеся под давлением заполнивших зал повстанцев решили избрать Временное правительство. При полной сумятице одобрение присутствующих получил список членов правительства, составленный буржуазными республиканцами «Насиональ» вместе с Ламартином. Но после их ухода был также одобрен и другой список, выработанный в редакции газеты «Реформ» и оглашенный в палате Ледрю-Ролленом.

Формирование Временного правительства происходило в традиционном месте провозглашения всех революционных правительств Франции – в парижской городской

Ратуше. Перед лицом заполнивших здание и площадь вооруженных масс буржуазным республиканцам пришлось пойти на пополнение состава правительства четырьмя министрами из списка «Реформ», в том числе Луи Бланом и рабочим Альбером, одним из руководителей тайных республиканских обществ и участником уличных боев, которого внесли в список «Реформ» по настоянию баррикадных бойцов.

На этом давление восставшего народа не закончилось. Во время споров в Ратуше между деятелями «Насиональ» и «Реформ» о составе Временного правительства в соседнем кабинете образовался было самочинный комитет «народных делегатов», которые хотели наблюдать за действиями правительства, присутствовать на его заседаниях, немедленно сообщать народу об их результатах и следить за тем, чтобы была безоговорочно провозглашена республика [390].

Решение этого центрального вопроса ярко отразило создавшееся в момент победы революции своеобразное соотношение классовых сил. По своему составу Временное правительство было коалиционным, оно было *«компромиссом между различными классами,* которые совместными усилиями низвергли Июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны» [391] . Руководящая роль в правительстве сохранилась за буржуазно-республиканскими министрами, которым достались основные правительственные посты. Председателем Временного правительства был избран престарелый Дюпон де Л'Эр, участник Великой революции конца XVIII в. и революции 1830 г. Фактическим же главой правительства стал Ламартин, занявший пост министра иностранных дел. Среди министров были и перебежавшие к буржуазным республиканцам из династической оппозиции адвокаты Кремье и Мари, получившие портфели министров юстиции и общественных работ. В то же время из мелкобуржуазных лидеров «Реформ» только Ледрю-Роллен получил важный пост министра внутренних дел, а Флокон остался без портфеля. Министрами без портфеля оказались также Луи Блан и Альбер, рассматривавшиеся как представители рабочего класса во Временном правительстве.

Но парижский пролетариат в момент февральской революции обладал мощью и влиянием намного большими, чем его влияние в правительстве. Истинное соотношение сил выявил вопрос о республике, который сразу же приобрел большую остроту.

Ламартин, Дюпон, Кремье и другие буржуазные министры всячески противились немедленному решению этого вопроса, доказывая, что его должна решать вся страна и Париж-де не может навязывать ей своей воли. За проявлением такой «юридической щепетильности», которая в сущности ставила под вопрос правомерность самой февральской революции, фактически скрывалась попытка буржуазных республиканцев избавиться от решающего влияния парижского пролетариата на ход событий «путем апелляции от опьяненного победой Парижа к трезвой Франции»[392].

В течение вечерних и ночных часов 24 февраля Ламартин и другие министры изощрялись в составлении уклончивых формулировок правительственной декларации, которые дали бы возможность избежать немедленного провозглашения республики и в то же время успокоили бы требовавший этого революционный пролетариат Парижа.

Однако парижские рабочие не удовлетворились никакими формулировками, оставлявшими лазейку для дальнейшего дебатирования вопроса о республике. Они настаивали на немедленном, ясном, категорическом и бесповоротном решении. Утром 25 февраля толпы народа снова заполнили площадь и здание Ратуши. Явившаяся к правительству рабочая депутация, во главе которой стоял известный революционный

---

390 «Mysteres de l'Hotel-de-Ville. Revelations de Drevetpere, president des delefiues du peuple». Paris, 1850, p. 29.

391 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 13.

392 Там же.

деятель врач Распайль, пользовавшийся большой популярностью среди парижского пролетариата, потребовала немедленного провозглашения республики. Распайль пригрозил, что если это требование не будет выполнено в течение 2 часов, то он вернется во главе 200 тыс. парижан и они совершат новую революцию.

Эта угроза возымела действие.

Еще до истечения двухчасового срока республика была провозглашена. Таким образом, республику фактически провозгласил победоносный парижский пролетариат, навязавший свою волю не только монархической в своем большинстве буржуазии, но и республиканской буржуазии, которая внезапно оказалась у власти в результате победы народа.

Рабочие Парижа настойчиво добивались республики, вдохновляясь представлениями о ней, весьма отличными от буржуазных. У французского пролетариата лозунг республики неразрывно связывался со смутными идеями и мечтаниями о таком строе, который осуществит на деле свободу, равенство и братство и, следовательно, осуществит не только политическое, но и социальное равенство, уничтожит классовую эксплуатацию человека человеком, нищету, безработицу и другие бедствия капитализма. Вот почему парижский пролетариат в лице своих сознательных элементов требовал в февральские дни не просто республики, а «демократической и социальной республики». Этот смутный лозунг выражал «лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»[393].

Содержание этого лозунга раскрывалось в предъявленных Временному правительству немедленно вслед за провозглашением республики требованиях рабочих повстанцев о признании красного знамени государственным знаменем республики и, особенно, в требовании рабочей делегации о законодательном признании «права на труд». Последнее требование как нельзя более выразительно передавало многосложное содержание лозунга «социальной республики» и связанных с ней помыслов пролетариата. «Право на труд» давно вышло за рамки умозрительных доктрин утопического социализма и получило широкое распространение в рабочих массах. Оно стало фактически главным лозунгом рабочего движения во время революции.

Лозунг этот выражал борьбу пролетариата за социальный прогресс, требование государственной борьбы с безработицей и гарантирования работы для рабочих. Вместе с тем «право на труд» выражало также смутные социалистические устремления пролетариата, осуждение им капиталистической анархии производства и желание обновить его на началах социализма.

Временному правительству довольно легко удалось отклонить требование о красном знамени – с помощью показного решения о прикреплении к древку трехцветного знамени красной розетки. Отклонить же требование «права на труд», предъявленное передовыми рабочими, за которыми стояла масса вооруженного пролетариата, правительство не решилось. Буржуазные республиканцы постарались лишь придать ему более буржуазно ограниченный смысл в декрете от 25 февраля, который декларировал обязательство правительства «гарантировать рабочему его существование трудом», «обеспечить работу для всех граждан», и признавал за рабочими право и необходимость «ассоциироваться между собой, чтобы пользоваться законными плодами своего труда». Такое обязательство было совершенно неосуществимым в условиях капитализма середины XIX в., с господством стихийной конкуренции десятков тысяч самостоятельных предприятий и хозяйчиков, делавшей неизбежной безграничную анархию производства.

Социалистическое звучание имел и декрет от 28 февраля, вырванный у правительства демонстрацией рабочих корпораций, явившихся требовать создания «министерства труда и прогресса» и «уничтожения эксплуатации человека человеком».

После острых споров между министрами, в ходе которых Ауи Блан и Альбер угрожали

---

[393] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 342.

выйти из правительства в случае отклонения этих требований рабочих, – что лишило бы буржуазно-республиканских министров доверия пролетарских масс в самый критический момент, – Временное правительство решило пойти на новые показные уступки рабочему классу. Уступки эти были хитроумным маневром. Было принято предложение Марраста о создании «правительственной комиссии для трудящихся», на которую возлагалась задача обсуждать и разрабатывать меры по улучшению положения рабочего класса. Председателем и заместителем председателя этой комиссии назначались Луи Блан и Альбер, для работы ей отводился Люксембургский дворец. Причем Люксембургская комиссия, как вскоре ее прозвали в стране, не получала никакой реальной власти, ни денежных средств, она сделалась «министерством благих пожеланий».

Более реальное значение имели принятые правительством в последующие дни декреты о сокращении на 1 час рабочего времени (до 10 часов в Париже и до 11 часов в провинции), об уничтожении системы сдачи работ с торгов подрядчикам, нещадно эксплуатировавшим нанимаемых затем от себя рабочих, о снижении цен на хлеб, о предоставлении рабочим ассоциациям миллиона франков, оставшегося от цивильного листа бывшего короля, о возврате из ломбардов заложенных бедняками предметов первой необходимости, об отмене классовых ограничений для вступления в национальную гвардию.

Еще большее значение имел декрет от 4 марта о введении во Франции всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 21 года (при 6-месячной оседлости в данной местности).

В итоге всех этих событий французский пролетариат, завоевав в февральские дни 1848 г. первую демократическую республику XIX века, «наложил на нее свою печать и провозгласил ее *социальной республикой»* [394].

Все это не делало и не могло сделать революцию 1848 г. социалистической. Развитие капитализма еще не подготовило для нее ни экономических предпосылок, ни социально-политических условий, а «никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»[395].

Историческим содержанием революции 1848 г. была политическая реконструкция буржуазного строя во Франции, которая устранила бы препятствия и помехи широкому развитию зрелого капитализма. Промышленный переворот, построение и развитие фабрично-заводской промышленности требовали соответствующих более зрелых политических форм буржуазного государства. Подобные формы еще необходимо было создать, так как даже к концу первой половины XIX в. политическое господство французской буржуазии не вполне организовалось и не нашло еще чистого политического выражения. Искомой политической формой тогда могла быть лишь буржуазная республика, ибо единственно республика могла уравновесить противоречивые интересы различных групп, прослоек и фракций глубоко расколотой французской буржуазии и образовать условия для ее господства в целом, как класса. Поэтому во Франции и в середине XIX в. все еще *«объективно* стояла на очереди буржуазно-демократическая революция»[396].

Однако в условиях промышленного переворота, крайне обострившего классовые противоречия пролетариата и буржуазии, неизмеримо сильнее проявлялся закон всех буржуазных революций, заключавшийся в том, что для их победы необходимо, чтобы массы в борьбе своей зашли дальше, чем было исторически осуществимо.

Закон этот проявлялся в XIX в. в новых формах, демократическая революция неизбежно становилась социальным взрывом, принимавшим антибуржуазную и

---

394 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 125.

395 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

396 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 12.

антикапиталистическую направленность. «Благодаря экономическому и политическому развитию Франции с 1789 года, – писал Ф. Энгельс в 1891 г., – в Париже за последние пятьдесят лет сложилось такое положение, что каждая вспыхивавшая в нем революция не могла не принимать пролетарского характера, а именно: оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями», которые в конце концов сводились «к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими»[397].

В первый раз это произошло как раз в 1848 г., когда парижские рабочие, свергая Июльскую монархию, «имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй»[398]. Но несмотря на то, что парижский пролетариат приобрел в февральские дни громадное влияние на государственные дела, его борьба против буржуазии не могла составить национального содержания революции 1848 г. Такая борьба оставалась далеко «не повсеместным фактом»[399], характерным лишь для Парижа и нескольких крупных промышленных центров крестьянской страны.

Тем не менее в исходный момент революции, в феврале 1848 г., борьба эта вышла на авансцену политической жизни и породила неразрешимые противоречия. Вследствие этого весь процесс развития революции неизбежно становился процессом изменения первоначального соотношения сил в пользу буржуазии. Все это обусловило и определило нисходящую линию развития революции 1848 г. с самого ее начала. «Реакция началась… с 25 февраля», – вскоре подметил А. И. Герцен, приехавший во Францию и пристально наблюдавший за ходом событий революции 1848 г.[400]

Оттеснение пролетариата с завоеванных позиций в февральский период

В нисходящем развитии революции важнейшую роль сыграл двухмесячный период непосредственно после февральской революции, который Маркс назвал «февральским периодом» и который характеризовался решающей перегруппировкой классовых сил, подготовившей учреждение буржуазной республики. То, что на это потребовалось всего два месяца, свидетельствовало о крайней непрочности позиций, завоеванных пролетариатом в февральские дни.

Главным источником его слабости были господствовавшие в рабочих массах иллюзии о возможности мирного социального переустройства общества в сотрудничестве с республиканской буржуазией – иллюзии, от которых пролетариат мог освободить лишь ряд поражений. Эти мелкобуржуазные иллюзии поддерживались всей обстановкой первых недель революции, когда в стране воцарилась атмосфера сентиментального примирения противоположных классовых интересов, дополняемого проповедью классового сотрудничества. Англичанка баронесса Род писала родным из Парижа: «Мы все надеваем грубые башмаки, ходим без зонтиков и стараемся, насколько возможно, походить на наших пролетариев». Повсюду распевали популярное двустишие: «Долой шляпу перед картузом! На колени перед рабочим!»

Доверие пролетариата к буржуазии укреплялось еще более присутствием в правительстве Луи Блана и Альбера; это присутствие «совершенно парализовало революционные действия рабочего класса, на роль представителей которого они

---

397 *К. Маркс* и Ф. *Энгельс. Соч.,* т. 22, стр. 190–191.

398 Там же, стр. 381.

399 *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 17.

400 *А. И. Герцен.* Собр соч. в тридцати томах, т. V. М… 1955, стр. 350.

претендовали»[401].

Тем более предательской была политика министров-социалистов, что они утаивали от рабочих масс свои разногласия с буржуазно-республиканскими министрами и сознательно покрывали их враждебные пролетариату замыслы. Луи Блан уже в момент принятия решения о создании Люксембургской комиссии ясно понимал, как признавался он в своих мемуарах, что «вместо министерства, имеющего… действительную власть, средства для действия», ему предлагают «открытие бурной школы», где он должен будет «читать курс лекций о голоде перед голодным народом!»[402] Тем не менее Луи Блан согласился участвовать в этом обмане рабочих. Впоследствии он оправдывал свое согласие желанием избежать гражданской войны[403]. На деле его соглашательская политика не только не избавила рабочих от гражданской войны, а, наоборот, поставила в ней рабочий класс в иаихудшие условия, обрекшие его на неслыханно тяжкое поражение.

Чтобы изменить соотношение сил и оттеснить пролетариат с завоеванных им позиций, Временное правительство старалось расколоть его ряды. Замысел этот учитывал возможности, заложенные в самой структуре тогдашнего рабочего класса. Наиболее сознательной и сплоченной его частью продолжали оставаться квалифицированные ремесленные рабочие, у которых издавна существовали компаньонажи и общества сопротивления. По боевому духу и растущему классовому сознанию к передовым пролетариям можно было отнести и прослойку квалифицированных рабочих индустриального типа – машиностроителей и железнодорожников. С другой стороны, в Париже множился чернорабочий люд и различный подсобный персонал в промышленности и торговле, массу которого составлял пришлый элемент из провинции. Наконец, условия жизни огромного столичного города, в котором шел процесс разорения мелких хозяйчиков и в который острая нужда гнала разнообразный люд без определенных занятий из провинции, – эти условия создавали многочисленный люмпен-пролетариат из самых разнообразных элементов парижской улицы.

Намерение Временного правительства оторвать от рабочего класса и противопоставить ему люмпен-пролетарские элементы обнаруживают декреты от 25 и 26 февраля, предусматривавшие создание в Париже добровольческой «мобильной национальной гвардии» из 24 батальонов по тысяче человек в каждом. Молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет правительство соблазняло высоким денежным вознаграждением, в 6 раз превышавшим солдатское, блестящим обмундированием, выборностью командного состава. Идея эта была подсказана Ламартину генералом Июльской монархии Дюбургом, авантюристом с тонким реалистическим чутьем[404].

Проект «мобильной гвардии» убивал сразу двух зайцев. Во-первых, эта мера помогла быстрому созданию вооруженной силы, которой так не хватало Временному правительству в

---

[401] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч… т, 22, стр. 460.

[402] *Луи Блан.* История революции 1848 года. СПб., 1907, стр. 154.

[403] В ноябре 1850 г. в письме к историку революции 1848 г. Даниэль Стерн (герцогине д’Агу) Луи Блан подтверждал, что при обсуждении во Временном правительстве вопроса о создании Люксембургской комиссии он «великолепно догадывался» о задуманном обмане масс. Но, напоминал Луи Блан, – «Гревская площадь была наводнена рабочими, несшими на своих знаменах надписи „Министерство труда и прогресса“ и в соседней комнате рабочие делегаты ждали с нетерпением, которое могло превратиться в драму. Передо мной, как и перед другими, появился призрак гражданской войны. Вот что заставило меня решиться; но я пошел в Люксембург убежденный в том, что я – конченый человек» (J. *Vier.* Daniel Stern. Lettres republicaines du Second Empire. Documents inedits. Paris, 1951, p. 59).

[404] *P. Chemin.* Une institution militaire de la Seconde Republique: la garde nationale mobile. – «Etudes d’histoire moderne et contemporaine», 1948, t. Il, p. 40.

первые дни революции, тогда как парижские рабочие были почти поголовно вооружены и получили все права участия в национальной гвардии. Временное правительство не могло положиться и на новую столичную полицию, которую создал М. Коссидьер, давний деятель республиканского движения и активный участник февральских боев, захвативший префектуру полиции и ставший ее главой. Полицейские силы Коссидьера, сформированные им из числа баррикадных бойцов и участников тайных обществ, не признавали над собой власти Временного правительства, они именовали себя «автономной силой революции», «монтаньярами». Но, кроме того, созданием «мобильной гвардии» правительство рассчитывало использовать против революционных сил парижского пролетариата деклассированные элементы и безработную рабочую молодежь.

С расчетами на раскол рабочих рядов было связано и решение Временного правительства от 26 февраля о создании в Париже общественных работ для безработных. Предоставление безработным работы диктовалось необходимостью ослабить социальную напряженность в столице и укрепить доверие рабочих масс к Временному правительству.

Но и здесь также преследовались скрытые цели. Министр общественных работ Мари, ярый враг социализма, вскоре дал этим общественным работам для безработных название «национальных мастерских» – то самое название, каким в луиблановских проектах «организации труда» именовались производительные ассоциации, поддерживаемые государством. На деле «национальные мастерские» для безработных, организованные в 1848 г. в Париже, а затем на средства местных муниципалитетов в Лионе, Марселе, Лилле, Нанте и некоторых других городах, не имели ничего общего с производительными ассоциациями.

В парижских «национальных мастерских» рабочие занимались главным образом планировкой улиц и площадей, посадкой деревьев на бульварах, земляными работами для железнодорожного и вокзального строительства и т. д. Плохой организацией труда в этих «мастерских» стремились дискредитировать не только луиблановские проекты, но и идеи социализма вообще. В «мастерских» вводилась оплата независимо от квалификации и производительности труда работника: 2 фр. за рабочий день и $1–1^{1}/_{2}$ фр. при отсутствии работы. Надеялись, что рабочие «национальных мастерских» станут спорой правительства в борьбе с революционными и социалистическими устремлениями передовых рабочих и их организаций. С этой целью «национальным мастерским» была придана военизированная структура – занятые в них безработные сводились в «отделения», «бригады», «взводы» и ставились под начало реакционно настроенных инженеров во главе с правительственным комиссаром «национальных мастерских» и его штабом.

После февральской революции происходила быстрая перестройка господствующего класса. Революция не встретила никакого сопротивления со стороны старого административного аппарата. Чиновничество всех рангов, прокуроры и генералы Июльской монархии заявили о своей готовности служить республике. Церковь и духовенство также поспешили выразить согласие с новым режимом. Многие орлеанистские и легитимистские политиканы «признали» республику и срочно перекрасились в республиканцев.

Политическую мимикрию монархической буржуазии облегчала и новая международная обстановка – развитие революции в Германии, Австрии и других странах Европы сопровождалось лицемерной «миролюбивой» внешней политикой Временного правительства. Оно ограничилось пышными декларациями о том, что Французская республика сочувствует освободительным движениям других наций, готова помочь им и в принципе не признает реакционных венских трактатов 1815 г. Но Ламартин тут же успокоил реакционные державы Европы заявлением, что Французская республика не намерена вести революционных войн или революционной пропаганды в соседних государствах. Конфиденциально же Ламартин заверил царя Николая I, с которым стремился завязать дружеские отношения, а также прусского короля, римского папу и английское правительство, что Франция не посягает на их политические порядки и что Французская республика не окажет никакой помощи революционным и национально-освободительным

движениям в других странах. Это соответствовало действительности. Единственным прогрессивным актом Временного правительства в этой области, имевшим международное значение, было принятие в апреле 1848 г. закона об отмене рабства во французских колониях.

Организация сил пролетариата во многом тормозилась влиянием на него мелкобуржуазной идеологии и мелкобуржуазных иллюзий.

Большую роль в формировании политического сознания масс играла деятельность демократических клубов и демократическая пресса. По данным официальной статистики, в Париже в первые месяцы революции выходило около 160 газет самых различных направлений. По тем же данным, в столице к концу марта 1848 г. насчитывалось 146 клубов, а в течение следующих трех месяцев их число удвоилось. Большинство этих клубов не имело ясного политического лица и какой-либо оформленной организации. Возникло немало буржуазных клубов, в том числе и прятавших под республиканской личиной свою монархическую платформу. Среди демократических клубов наиболее влиятельными в массах были Клуб революции, руководимый А. Барбесом, Собрие, М. Дюфрессом и Э. Торе, Центральное республиканское общество, возглавляемое О. Бланки, клуб «Друзей народа» Распайля, «Центральное братское общество» Э. Кабе, а также возродившееся в 1848 г. революционно-демократическое «Общество прав человека и гражданина», руководимое левыми деятелями тайных обществ времен Июльской монархии Н. Лебоном, Вилленом и другими.

Пьер Жозеф Прудон

Клубы объединяли политически активные слои мелкой буржуазии и передовую часть рабочего класса. Руководящая роль в клубах принадлежала мелкобуржуазной интеллигенции. Клубные демократы и социалисты проповедовали в разных вариантах идеи солидарности и сотрудничества классов в достижении идеалов свободы, равенства, братства и социальной справедливости.

Эта клубная пропаганда еще более усиливала влияние в массах иллюзий мелкобуржуазного утопического социализма. Глава фурьеристов Консидеран уверял теперь, что «все республиканцы стали социалистами», и ждал от Временного правительства помощи в организации фаланг для «сотрудничества труда, капитала и таланта». П. Леру и Ж. Ламенне превозносили любовь к ближнему и всеобщее примирение. Прудон после некоторых колебаний стал резко критиковать Временное правительство и Луи Блана за попытки решать социальный вопрос методами политической демократии, способной, по его

мнению, лишь разжечь классовые противоречия. Прудон противопоставлял этому свой план «экономического сотрудничества» буржуазии, пролетариата и мелких собственников путем организации «эквивалентного обмена» товаров и труда через «меновой банк».

Развенчать такие рецепты классового сотрудничества не была способна и большая часть коммунистических клубов 1848 г. Коммунистическая пропаганда не отходила от господствовавшей линии надклассового социализма, с ней созвучны были и проекты «икарийских поселений» Кабе, и выдвигавшийся Дезами в 1848 г. проект «банка труда» для освобождения пролетариата с помощью кредита. Ту же линию развивал и Роберт Оуэн, приехавший в конце марта 1848 г. в Париж, чтобы призвать французов и Временное правительство приступить к созданию оуэнистских кооперативных коммунистических ассоциаций.

Все эти виднейшие теоретики утопического коммунизма возлагали надежды на мирную пропаганду своих идей и на успехи создаваемых Люксембургской комиссией производительных ассоциаций. Вдохновляясь такими перспективами, Кабе и Дезами призывали к созданию общего фронта демократии, который должен толкать влево Временное правительство и весь ход революции.

При этом не ставился вопрос о самостоятельной организации пролетарских и коммунистических сил, без чего расплывчатый демократический фронт мог привести лишь к растворению пролетариата в мелкобуржуазной демократии.

Тем большее значение приобретала в февральский период деятельность О. Бланки и его Центрального республиканского общества, ставшего центром сплочения, организации и просвещения наиболее передовых революционных элементов пролетариата.

Бланки. Портрет работы жены

Центральное республиканское общество насчитывало к концу весны 3 тыс. человек, преимущественно рабочих.

О. Бланки критиковал иллюзии февральской революции, он доказывал, что республика 1848 г. ничего не изменила в системе капиталистического гнета и эксплуатации: «Изменилась форма, но сущность сохранилась. Тот же строй привилегий, не убавилось ни камешка, лишь прибавились фразы и флаги» [405]. Бланки разоблачал предательскую сущность проповедей доверия к буржуазии и Временному правительству. Он показывал, что

405 *M. Domanget..* Blanqui et la revolution de 1848.Paris, 1972.

буржуазно-республиканское правительство действует в сговоре с реакцией, а демократические деятели 1848 г., хотя и рядятся в монтаньярскую тогу, в действительности являются лишь «карикатурой на Жиронду». Бланки и его сторонники требовали вооружения пролетариата и демократизации национальной гвардии, чистки государственного аппарата от реакционных чиновников, неограниченных демократических свобод для рабочих, в том числе права стачек и коалиций. В противовес благотворительным «национальным мастерским» Бланки требовал государственных пособий для всех безработных и их вооружения наряду с работающими рабочими.

Приобретали значение также перемены в тактике Бланки и бланкистов в февральский период. Победоносные действия пролетариата и трудового населения Парижа в февральские дни воочию показали Бланки решающую роль масс в революции. Вечером 26 февраля Бланки энергично отклонил предложения некоторых своих сторонников о немедленном новом вооруженном восстании для свержения буржуазного Временного правительства.

Учитывая всю силу иллюзий в массах, Бланки доказывал необходимость сосредоточить усилия революционных коммунистов на скорейшем завоевании поддержки масс. Он говорил: «У нас … народ и клубы, где мы его организуем по-революционному, как некогда его организовали якобинцы. Найдем в себе достаточно благоразумия, чтобы подождать еще несколько дней, и революция будет принадлежать нам!.. Нам нужны широкие народные массы, предместья, пылающие в огне восстания, нам нужно новое 10 августа»[406]. Создание Центрального республиканского общества должно было помочь решению этой задачи.

Все же прогресс тактических идей Бланки не имел прочного идейно-теоретического основания. Бланки был по-прежнему далек от понимания закономерностей исторического развития и классовой борьбы пролетариата. Как и большинство социалистов, бланкисты принимали февральскую революцию за начало социалистического переворота. Дальнейшее развитие революции 1848 г. рисовалось им наподобие того, как было в Великой французской революции, – быстро нарастающий и непрерывный подъем вплоть до образования революционной диктатуры. Бланки по-прежнему не понимал необходимости длительной подготовки масс к социалистической революции. Он не имел программы таких экономических, социальных и политических требований, в борьбе за которые могла бы формироваться и закаляться армия этой революции.

Бланкисты не заботились об укреплении классовых организаций пролетариата и продолжали уповать на возможность решить вопрос одним ударом со стороны инициативного революционного меньшинства – смелым выступлением решительной группы революционеров, которой достаточно приобрести общее сочувствие масс, чтобы захватить власть и учредить революционную диктатуру. Узкие сектантские представления о революционном процессе делали непрочным отход Бланки от заговорщической тактики, так как сохранялась вся идейная почва для возврата к этой тактике при новом повороте событий.

Это же лишало Бланки настойчивости в постановке вопроса о едином фронте левых демократических сил. Между тем мелкобуржуазные демократы Клуба революции во главе с Барбесом, установив тесные связи с Ледрю-Ролленом и Луи Бланом, проводили настойчиво изоляционистскую линию в отношении Бланки. С помощью фондов министерства внутренних дел было создано для противодействия Бланки и его сторонникам федеративное объединение политических клубов – Клуб клубов. Изоляция революционных пролетарских сил способствовала ослаблению позиций рабочего класса в течение февральского периода.

Раскалывание пролетариата совершалось не только через демократические клубы, оно было связано и с деятельностью Люксембургской комиссии. Люксембургский дворец стал видным центром пропаганды социалистических идей. Отчеты о заседаниях Люксембургской комиссии и произносимые в ней речи печатались не только в демократической прессе, их вынужден был публиковать официальный орган французского правительства газета

---

406 *Л. О. Бланки.* Избр. произв. М., 1952, стр. 127–128.

«Монитёр универсель», которая читалась по всей Франции и за границей.

Но социалистические идеи об освобождении пролетариата преподносились в Люксембургском дворце сквозь призму теорий надклассового «государственного социализма».

На пленарных заседаниях Люксембургской комиссии, состоявшей из представителей от рабочих и предпринимателей и ряда приглашенных буржуазных экономистов и социалистических теоретиков (К. Пеккёр, Ф. Видаль, П. Леру, В. Консидеран), Луи Блан излагал свои идеи «организации труда» и постепенного перехода к социализму путем классового сотрудничества пролетариата и буржуазии и создания с помощью государства производительных ассоциаций, объединяющих рабочих и предпринимателей. Он проповедовал солидарность и общность их интересов, призывал к доверию Временному правительству и к терпеливому ожиданию грядущих социальных реформ. «Слишком большое нетерпение с вашей стороны, слишком большая поспешность с нашей могут лишь все испортить»[407], – говорил Луи Блан рабочим.

Те же идеи лежали в основе посреднической деятельности, которую Люксембургская комиссия развернула при разборе трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями.

Число таких конфликтов в февральский период было довольно велико. В первые дни революции произошли стихийные выступления рабочих в Париже и ряде промышленных центров страны. В текстильных районах – Реймсе, Сен-Кантене, Руане, и др. – имели место случаи разрушения машин и фабрик. В Лионе рабочие громили те монастыри, которые завели у себя шелковые мастерские, применявшие дешевый труд сирот-детей. В угольных бассейнах департаментов Нор и Луары на многих шахтах горняки прогнали управляющих и инженеров, выбирали «временные правительства» шахт и требовали от угольных компаний назначения новых управляющих из числа кандидатов, рекомендуемых рабочими[408]. На предприятиях Парижского района прокатилась волна забастовок с требованиями ограничения рабочего дня и улучшения условий труда.

Компромиссные решения конфликтов между рабочими и предпринимателями, практиковавшиеся Люксембургской комиссией, вполне соответствовали стремлению буржуазии и Временного правительства успокоить рабочий класс. Люксембургская комиссия проявила также инициативу в организации нескольких десятков производительных ассоциаций, которым правительство и парижский муниципалитет предоставили заказы и выдавали ссуды. Ассоциации эти объединяли главным образом ремесленных рабочих, страдавших от безработицы. Так были созданы очень крупная ассоциация портных, занявшая помещение бывшей долговой тюрьмы Клиши, ассоциации рабочих седельщиков, прядильщиков и др.

Весьма существенной стороной деятельности Люксембургской комиссии было то, что она вызвала к жизни своеобразный институт рабочих делегатов, вносивший организованность в рабочую массу. Эти 699 делегатов – по 3 человека от каждой профессии – были выбраны соответствующими рабочими на собраниях на площадях и на крупных предприятиях столицы. Проводившиеся с этой целью сотни рабочих собраний положили начало первой массовой организации парижских рабочих, которая в условиях революции неизбежно принимала не только профессиональный, но и политический характер.

Первоначально путем жеребьевки был образован временный комитет люксембургских делегатов, а в конце марта 1848 г. его сменил выборный «Центральный комитет рабочих делегатов департамента Сены», имевший свое бюро[409]. Комитет этот рассматривал себя

---

407 Луи Блан. История революции 1848 г., стр. 167.

408 *A. L. Blanqui.* Des classes ouvrieres en France pendant l’annee 1848. Paris, 1849, p. 162–163.

409 *R.* Gossez. Les ouvriers de Paris, livre premier. L’organisation 1848–1851. La Roche sur-Jon, 1967.

выразителем требований всего парижского рабочего класса в его взаимоотношениях с предпринимателями, с общественными и административными органами и государством.

«Центральный комитет рабочих делегатов» добивался в первую очередь введения единообразных тарифов заработной платы для рабочих всех профессий и признания этих тарифов предпринимателями. Вместе с тем «Центральный комитет рабочих делегатов» стремился также усилить свое влияние на политическое развитие страны, на политику Временного правительства. Вдохновляясь идеями луиблановской «организации труда», «Центральный комитет рабочих делегатов» ставил задачей добиться ее скорейшего осуществления. Путь к этому он видел в создании во всех отраслях промышленности крупных ассоциативных предприятий, руководимых самими рабочими делегатами. Такие предприятия, по мысли люксембургских делегатов, должны были служить эффективным средством противодействия попыткам предпринимателей бороться с рабочим движением оружием безработицы и голода, закрывая предприятия во время экономического кризиса.

Опорой Люксембургской комиссии были преимущественно слои квалифицированных рабочих ремесленного типа. Временное правительство надеялось оградить от их влияния менее организованных, неквалифицированных рабочих, которые преобладали в «национальных мастерских». Но по мере углубления экономического кризиса и роста безработицы среди ремесленных рабочих последние вынуждены были сами все чаще прибегать к работе в «национальных мастерских» и привносили в ряды занятых там работников понимание солидарности рабочих во имя общих интересов борьбы за «социальную республику».

В гораздо большей степени буржуазии в февральский период удалось разъединить рабочий класс и мелкую буржуазию. В разрушении февральского союза между этими классами большую роль сыграла капитулянтская политика Временного правительства в отношении крупного капитала и крупного землевладения. Республиканская группировка «Насиональ» проникнута была острым классовым страхом перед рабочим движением, яростным антикоммунизмом и антисоциализмом. Буржуазные члены Временного правительства рассматривали обещания, данные пролетариату в социальной области, как вынужденные временные уступки, они не намеревались всерьез разрабатывать программу социальных реформ в пользу рабочего класса. Но и в отношении мелкой буржуазии и крестьянства буржуазные республиканцы не имели конструктивной социально-экономической программы. Буржуазные республиканцы не могли ничего противопоставить традиционной экономической и финансово-налоговой системе Июльской монархии, обеспечивавшей господство финансовой аристократии и крупной буржуазии.

Между тем развитие революции немедленно столкнуло Временное правительство с этими вопросами. Февральская революция, вызвав у буржуазии страх перед революционными устремлениями рабочего класса, породила биржевую, банковскую и денежную панику[410]. Эта паника не могла не подействовать на буржуазный кредит, на все производство и обращение. Маркс отмечал, что «революционный кризис усилил кризис торговый»[411]. Обострило течение экономического кризиса и намеренное свертывание промышленниками производства с целью противостоять требованиям рабочих и бороться с ними посредством искусственного увеличения безработицы, вместе с тем провоцируя рабочие массы на выступления против республики. Лилльские фабриканты Туссен, Шартрио, Дютуа уволили в марте 1848 г. половину своих рабочих, в Руане предприниматели в знак протеста против установленных комиссаром Временного правительства новых ставок

---

410 «Aspects de la crise et de ia depression de l'economic franchise an milieu du XIX siecle. 1848–1851. Etudes sous la direction de E. Labrousse». Paris, 1956.

411 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 20.

заработной платы закрывали предприятия, либо переводили их на сокращенную неделю[412].

В результате углубления экономического кризиса государственные финансы быстро пришли в полное расстройство. Вкладчики изымали свои вклады из банков и сберегательных касс, многие банки обанкротились. Угроза банкротства нависла над главной цитаделью финансовой аристократии – Французским банком. Его акции упали в цене на $^{1}/_{4}$, толпы людей повсюду осаждали кассы банка, требуя обмена его банкнот на звонкую монету.

Все обстоятельства позволяли Временному правительству осуществить революционные мероприятия в отношении банковской и налоговой системы, доставшейся республике в наследство от Июльской монархии, и одним ударом подорвать позиции финансовой аристократии. Опасаясь таких мер, некоторые финансисты предпочитали советовать правительству приостановить уплату процентов по государственным займам и принудить богатейших парижских капиталистов «добровольно» подписаться на новый заем.

Но Временное правительство и его министры финансов – банкир Гудшо и вскоре сменивший его Гарнье-Пажес – решительно отвергли всякое посягательство на капиталы крупных собственников и банкиров. В этом стремлении спасти от банкротства финансовую аристократию ярко проявилась политическая немощь буржуазных республиканцев и здесь же сказалась теснейшая связь торговой и промышленной буржуазии с банковским капиталом, придававшая всему французскому капитализму того времени резко выраженные ростовщические черты.

Для успокоения держателей государственных займов правительство досрочно выплатило им очередные проценты. Банкноты Французского банка были объявлены обязательными к приему населением по их нарицательной стоимости вместо звонкой монеты, Частные провинциальные банки были подчинены Французскому банку и превращены в его отделения, что еще более усиливало зависимость мелкой буржуазии от финансовой аристократии. Для получения от Французского банка ссуды правительство отдало ему в залог государственные леса.

И тем не менее правительство не получило от буржуазии ожидаемой финансовой помощи. Выпущенный новый «национальный» государственный 5 %-ный заем провалился, едва собрав по подписке 400 тыс. фр. Только трудящиеся вручили Временному правительству свои добровольные патриотические пожертвования на сумму в 1 млн. фр., собранные по крохам, путем отчислений рабочими однодневного заработка и пожертвований государству женами и дочерьми рабочих своих свадебных подарков и украшений. Веря в искренность намерений Временного правительства, парижские рабочие изъявили готовность «пожертвовать республике три месяца голода» и терпеливо дожидаться в течение этого срока обещанного решения социального вопроса.

Парализованное боязнью всякого посягательства на интересы капиталистов, Временное правительство в поисках выхода из острой финансовой нужды пошло по пути увеличения налогового обложения мелких собственников. Тяготы экономического и финансового кризиса были переложены на них. Самым пагубным для революции и республики было принятое 17 марта Временным правительством по предложению Гарнье-Пажеса решение увеличить на один год на 45 % все прямые налоги, падающие на земельных собственников. Новый 45-сантимный налог (каждый франк старых налогов увеличивался на 45 сантимов) падал своей тяжестью главным образом на плечи миллионов мелких и парцелльных крестьян.

Негодование крестьянства по поводу добавочного 45-сантимного налога было тем более сильным, что февральская революция взметнула волну крестьянских надежд на улучшение своей участи. Революция развязала новую активность крестьян в борьбе против помещиков, землевладельческой буржуазии и ростовщиков Начиная с февральских дней этими движениями были охвачены многие районы мелкого земледелия и половнической

412 «Aspects de la crise…», p. 120, 157, 183 и др.

аренды в департаментах центральной, восточной, западной и южной Франции[413]. С криками «Да здравствует свобода, да здравствует республика!» крестьяне лесных районов явочным порядком восстанавливали право пользования государственными и помещичьими лесами. Крестьянская беднота повсюду принялась восстанавливать старинное право использования общинных угодий и бывших общинных земель. В Эльзасе и в районах Верхней Гаронны и Верхних Пиренеев вскоре после февральской революции вспыхнула крестьянская жакерия, расправлявшаяся с ненавистными кровососами-ростовщиками. В районах крупного помещичьего и буржуазного землевладения крестьяне отказывались платить высокие арендные платежи за землю.

Новый 45 – сантимный налог не только клал конец этим крестьянским надеждам, он посеял в крестьянстве ненависть к республике, которая лишь ухудшила их положение. Крупные землевладельцы, монархисты и клерикалы умело использовали недовольство и возмущение крестьян. С помощью католического духовенства они натравливали крестьян на парижскую демократию и рабочий класс, клеветнически обвиняя их в том, будто они-то и заставили правительство ввести 45-сантимный налог, чтобы за счет сельского населения содержать «парижских бездельников».

В действительности же парижские революционные рабочие и демократы всего решительнее протестовали против 45-сантимного налога на крестьян. Наибольшую тревогу по поводу этого налога проявило бланкистское Центральное республиканское общество. «Мы считали это мероприятие смертным приговором республике», – вспоминал впоследствии Бланки. Его клуб принял резолюцию, выдвигавшую требование о возврате крупными землевладельцами-дворянами «эмигрантского миллиарда» 1825 г.

Эти протесты и предложения встретили противодействие не только правого большинства Временного правительства, но и Ледрю-Роллена, Луи Блана, Флокона и Альбера, оказавшихся и на сей раз игрушкой в руках буржуазии. На заседаниях правительства они протестовали против законопроекта о 45-сантимном налоге, но затем капитулировали перед большинством и прикрыли своим авторитетом контрреволюционный характер налоговой политики Временного правительства. Снова проявилось свойственное мелкобуржуазным демократам и социалистам «отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы»[414]. Это обрекало на бессилие все попытки Ледрю-Роллена и Луи Блана противодействовать политике правого большинства Временного правительства. Между тем оба лидера мелкобуржуазной демократии ясно отдавали себе отчет в опасных последствиях политического курса правых республиканцев и вчерашних монархистов.

Тревога Ледрю-Роллена отразилась довольно внятно в мартовских циркулярах министра внутренних дел комиссарам Временного правительства, которые были посланы в провинцию Для внедрения новых республиканских порядков и подготовки выборов в Учредительное собрание. В ряде таких циркуляров, составленных при активном участии писательницы Жорж Санд, Ледрю-Роллен внушал комиссарам «якобинские» идеи. Им напоминалось, что правительство Июльской монархии «развратило все разветвления администрации» и потому «исполнители его воли не могут служить народу». Комиссарам предлагалось «во всем руководствоваться правилом: повсюду новые и, по возможности, вышедшие из народа люди»; комиссарам давалось задание «поставить во главе каждого округа, каждого муниципалитета хороших и решительных людей»[415]. Однако весь этот

---

[413] A. Soboul. La question paysanne en 1848. – «La Pensee»,1948, N 18, 19, 20 (русск. пер.: А. Собуль. Из истории великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960).

[414] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 272.

[415] См. О. *Вермсрелъ* Деятели сорок восьмого года. М. Пг., 1923, стр. 112.

показной «якобинизм» шел насмарку, когда Ледрю-Роллен в тех же циркулярах предписывал комиссарам Временного правительства «действовать с особой осмотрительностью», «не затрагивать достойных уважения интересов», «дать миру пример умеренности после блестящей победы» [416].

В соответствии с этой установкой Ледрю-Роллен и подбирал своих «комиссаров». Они вербовались из бесцветных буржуазных и мелкобуржуазных республиканских деятелей, из активистов Клуба революции и Клуба клубов, но в их ряды не допускались более решительные левые республиканцы, а тем более революционные социалисты и коммунисты. Не удивительно, что подобные «революционные вожди народа» оказывались совершенно неспособными существенно изменить состав провинциальной и муниципальной администрации. Передвижка политической власти в провинции происходила главным образом в сторону приобщения к кругам местных нотаблей лиц либеральных профессий, а также негоциантов и промышленников средней руки. При этом старые буржуазные круги, связанные с землевладением, отнюдь не утрачивали своего руководящего влияния в делах провинциальной администрации, а нередко влияние это сохраняла и землевладельческая знать[417].

Буржуазия и помещики, рассчитывая на политическую отсталость провинции и особенно впервые получивших избирательное право народных масс, всячески торопили Временное правительство с проведением выборов в Учредительное собрание. С этим совпадало намерение самих буржуазных республиканцев поскорее разделаться с «социальной республикой» февральских дней, сбросить с республики ее антибуржуазную личину.

Временное правительство, несмотря на возражения Ауи Блана и Ледрю-Роллена, поспешило назначить выборы в Учредительное собрание на 9 апреля. Напротив, парижская демократия, революционные клубы и демократическая пресса настаивали на отсрочке выборов для политического просвещения народа. Клуб Бланки первым начал кампанию за отсрочку выборов. В двух петициях Центрального республиканского общества Временному правительству, от 6 марта и 14 марта, Бланки требовал не только отсрочки выборов, но и «посылки в департаменты граждан, уполномоченных просветить сельское население». «Народ не знает правды, надо, чтобы он ее узнал. Это дело не одного дня и не одного месяца… Надо, чтобы свет проник всюду, в самые маленькие, бедные деревушки, надо, чтобы согнутые рабством трудящиеся разогнули спины и поднялись из того состояния прострации и отупения, в котором держат их под своей пятой господствующие касты. Не говорите, что наши страхи напрасны. Если выборы состоятся теперь, они будут реакционными»[418].

Было ясно, что исход борьбы вокруг сроков выборов в Учредительное собрание решится не в стенах правительства, а на улицах Парижа, силой давления рабочих масс. Тем не менее лидеры мелкобуржуазной демократии не хотели опираться на борьбу масс, все расчеты их парализовались паническим страхом перед революционными силами пролетариата. Вследствие этого потуги Ледрю-Роллена и Луи Блана усилить свои позиции во Временном правительстве и изменить его политику вырождались в серию закулисных интриг и обрывались всякий раз, когда на сцену выходили рабочие массы.

Примером был исход 100-тысячной народной демонстрации в Париже 17 марта, требовавшей отсрочки выборов в Учредительное собрание. Накануне состоялась

---

416 Там же, стр. 117.

417 Ph. Vigier. La seconde Republique dans la region alpine, t. I. Paris, 1963; G. Dupeux. Aspects de l’histoire sociale et politique du Loir-et-Cher 1848–1914. Paris, 1962.

418 О. Бланки. Избр. произв., стр. 134, 136.

демонстрация протеста буржуазных батальонов национальной гвардии, так называемых «меховых шапок», бунтовавших против распоряжения Ледрю-Роллена о лишении их прежних привилегий. Выступившие 17 марта рабочие Парижа потребовали решительного отпора этой вылазке реакционной буржуазии и вместе с тем отсрочки выборов в Учредительное собрание до 31 мая. Демонстрация была организована демократическими клубами при активном участии люксембургских делегатов, действовавших по наущению Луи Блана. Работники «национальных мастерских» в демонстрации не участвовали. Клуб Бланки считал такую небольшую отсрочку выборов недостаточной, тем не менее бланкисты приняли активное участие в демонстрации, и, возможно, они рассчитывали в случае ее успеха, опираясь на рабочие массы, произвести чистку правительства от враждебных народу правых буржуазных элементов. Но Луи Блан и Ледрю-Роллен, вместо того чтобы самим опереться на силу народной демонстрации, в решительный момент были охвачены испугом перед активностью революционных пролетарских сил. Они использовали все свое влияние на массы, чтобы укрепить их доверие к Временному правительству и отвести от него бурю рабочего негодования. Им это удалось, и демонстрация закончилась незначительной уступкой Временного правительства, согласившегося отсрочить выборы в Учредительное собрание на две недели, до 23 апреля.

Исход демонстрации 17 марта послужил сигналом к новой лихорадочной мобилизации сил реакции в стране. Возникли новые буржуазные политические клубы и избирательные организации. Консолидация буржуазного лагеря заметно обгоняла мобилизацию сил демократии. К тому же реакции удалось руками Ледрю-Роллена и его приспешников углубить раскол этих сил.

Растущее влияние Бланки и попытки бланкистов противопоставить буржуазии объединение революционных элементов вызвали тревогу и злобу Временного правительства. В недрах возглавлявшегося Ледрю-Ролленом министерства внутренних дел был сфабрикован фальшивый документ о показаниях, будто бы данных Бланки в 1839 г. на следствии по делу о восстании «Общества времен года». В этом документе, опубликованном редактором одного из журналов – Ташеро, Бланки представал как предатель, якобы выдавший Июльской монархии своих товарищей и всю организацию тайного революционного «Общества времен года», одним из руководителей которого он был.

«Документ Ташеро» был ярким примером той подлой клеветы, к которой всегда прибегала и прибегает реакция, чтобы дискредитировать революционных вождей трудящихся. Хорошо рассчитанная клевета принесла немало ущерба Бланки и революционным коммунистам. Многие мелкобуржуазные демократы ухватились за грязные намеки «документа Ташеро» и начали травлю Бланки. Клеветникам удалось вызнать замешательство даже в Центральном республиканском обществе, из которого вышла часть неустойчивых членов. После этого некоторые коммунисты стали группировать свои силы вне клубов и принялись восстанавливать старые тайные общества.

Действия реакции облегчали активизацию контрреволюционных сил буржуазии, от правых республиканцев до монархистов и клерикалов, которые подняли голову и усиливали травлю парижской демократии и революционных рабочих. Последствия этого нашли яркое выражение в исходе новой рабочей демонстрации в Париже 16 апреля 1848 г.

Люксембургские делегаты и демократические клубы готовили новую демонстрацию, чтобы добиться от Временного правительства ускорения осуществления обещанных социальных реформ. Буржуазные министры рассчитывали использовать новое выступление парижских рабочих, чтобы посеять панику среди буржуазии и мелкой буржуазии и получить предлог для возвращения в столицу войск, выведенных из нее после победы февральской революции. С этой целью в буржуазных кварталах Парижа распространялись слухи о «коммунистическом заговоре» в столице, о готовящейся будто бы попытке Бланки захватить власть.

Еще более показательны были конспирации и судорожные метания мелкобуржуазных министров. В предшествующие 1 апреля дни Ледрю-Роллен договаривался тайком с Луи

Бланом, Флоконом и Коссидьером об организации выступления с целью отсрочки выборов в Учредительное собрание и вывода из правительства наиболее консервативных республиканских министров. Но в день рабочей демонстрации Ледрю-Роллена охватил страх; он переметнулся к Ламартину и Маррасту, сыграв роль послушной марионетки в руках буржуазно-республиканских министров.

В то время как безоружные рабочие собрались на Марсовом поле для выборов своих офицеров национальной гвардии и устроили патриотический денежный сбор, чтобы вручить его Временному правительству, Ледрю-Роллен в качестве министра внутренних дел отдал приказ о всеобщем сборе буржуазных батальонов национальной гвардии, заранее вооруженных Временным правительством. Когда рабочая демонстрация направилась к городской Ратуше, она была встречена шеренгами национальных гвардейцев и мобильной гвардии, исступленно кричавших демонстрантам: «Долой коммунистов! Долой Бланки, Кабе, Распайля, Луи Блана!»

Демонстрация 16 апреля, непродуманно и плохо организованная, была сорвана, а выделенная рабочими делегация даже не была принята Временным правительством. Рабочие вынуждены были разойтись, потерпев первое после начала революции открытое поражение. Оно явилось сигналом для разнузданного контрнаступления буржуазной реакции. В Париже развернулись антикоммунистические и антирабочие уличные выступления, бесчинства буржуазных национальных гвардейцев, пытавшихся разогнать коммунистические клубы. Используя свой успех, Временное правительство организовало 20 апреля под видом Праздника братства в столице военную манифестацию, в которой вместе с национальной гвардией участвовали введенные в Париж войска.

Весьма ясно дальнейшее поражение демократических сил обнаружили результаты выборов в Учредительное собрание, происходивших 23 и 24 апреля в атмосфере развернувшегося повсеместно наступления реакции. В провинции решающее значение приобрели голоса отсталых крестьянских масс, впервые призванных к избирательным урнам и голосовавших под непосредственным влиянием недовольства «республикой 45 сантимов» и под воздействием мощной клерикальной и буржуазной пропаганды против демократов и социалистов.

В крупных городах и Париже поражение революционной демократии также было бесспорно. На исход выборов в городах повлиял и раскол демократических сил, не сумевших выступить перед избирателями единым фронтом. Так, в Париже на выборах в Учредительное собрание конкурировали между собой список кандидатов демократических клубов и список, выдвинутый люксембургскими рабочими делегатами. Из 34 кандидатов первого списка оказались избранными только 6 человек, в числе которых было 4 члена Временного правительства – Луи Блан, Флокон, Ледрю-Роллен и Альбер. Из 23 кандидатов второго списка были избраны лишь 3 умереннейших деятеля ремесленных компаньонажей. Виднейшие революционные демократы и коммунисты Бланки, Дезами, Кабе, Распайль, Савари и др. не прошли в Учредительное собрание, не собрав необходимого числа голосов.

В целом победу в стране одержали буржуазные республиканцы, получившие около 500 из 880 мест Учредительного собрания. Около 80 избранных депутатов принадлежали к мелкобуржуазным демократам, преимущественно направления газеты «Реформ». В Собрание оказались избранными около 300 монархистов, на две трети – орлеанистов. Тогда как преобладающее большинство республиканцев составляли новые люди, впервые избиравшиеся депутатами, среди монархистов преобладали бывшие депутаты парламентов Июльской монархии, так что в Учредительное собрание попали многие опытные политиканы, лидеры орлеанистского и клерикально-легитимистского лагеря.

Острое разочарование в исходе выборов в Учредительное собрание охватило рабочих и передовые демократические элементы. В ряде промышленных центров это привело к политическим волнениям и локальным социальным взрывам. Особенно серьезный характер носили события в Лиможе и Руане, где противоречия труда и капитала были весьма обострены. Рабочие Лиможа потребовали уничтожить протоколы выборов, как

фальсифицированные, разоружили буржуазию и захватили префектуру. В течение двух недель город управлялся комитетом, сформированным из рабочих и демократов, пока присланные войска не восстановили «законного порядка». В Руане произошел первый после февральской революции случай открытой вооруженной борьбы. Руанские рабочие, возмущенные провалом своих кандидатов и избранием в Учредительное собрание некоторых фабрикантов – злейших эксплуататоров руанского пролетариата, обвинили власти в подтасовке итогов голосования и подняли восстание. Оно было жестоко подавлено войсками и буржуазной национальной гвардией города, при этом было убито и ранено около 100 рабочих, их жен и детей.

Учреждение буржуазной республики

Учредительное собрание 4 мая 1848 г. начало свою деятельность с торжественной декларации о том, что республика, провозглашенная 24 февраля, «является и остается формой правления во Франции». Но Учредительное собрание по своему составу и политическому курсу «было живым протестом против притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазных масштабов»[419].

Эта задача таила в себе неизбежную трагическую развязку. Даже романтический мелкобуржуазный социалист Пьер Леру заметил после выборов в Учредительное собрание: «Как грозно будущее, раз теперь налицо уже две республики»[420]. И действительно, в отличие от иллюзорной «демократической и социальной республики» февральских дней Учредительное собрание открыло период становления буржуазной республики. Смысл учреждения своей республики буржуазия видела в наступлении на завоеванные рабочим классом позиции, в разгроме его революционных сил.

Претворяя в жизнь этот курс, Учредительное собрание вместо Временного правительства создало новый верховный правительственный орган – так называемую «Исполнительную комиссию». В нее не вошли социалисты и с трудом прошел даже Ледрю-Роллен, на избрании которого настаивал Ламартин, чтобы сохранить комиссии доверие мелкой буржуазии. Новые министры, утвержденные Исполнительной комиссией, принадлежали к самым правым реакционным элементам буржуазно-республиканского лагеря. Военным министром был назначен один из «африканских генералов», зверски подавлявших освободительную борьбу алжирских племен против французских захватчиков, Кавеньяк, имевший репутацию стойкого республиканца, поскольку он приходился родным братом покойному Годфруа Кавеньяку, виднейшему республиканскому деятелю времен Июльской монархии. Во всех главных комиссиях Учредительного собрания – труда, финансов, иностранных дел, народного образования – были представлены орлеанисты и легитимисты, и их лидеры усиливали давление на политику правительства.

Чтобы оградить себя от воздействия трудящихся масс, Учредительное собрание приняло постановление, запрещавшее появляться в зале заседаний с петициями и требованиями. В распоряжение председателя Учредительного собрания отдавались все вооруженные силы Франции.

В этой обстановке укрепления реакции возникла мысль о новой массовой демонстрации. Поводом для нее стал вопрос, привлекавший к себе в начале мая особое внимание демократических сил. Трагические события в прусской и австрийской частях Польши, охваченных восстанием угнетенных поляков, глубоко волновали все передовые элементы Франции, горячо сочувствовавшие делу национального освобождения польского

---

[419] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 125–126.

[420] См. письмо П. Леру к Кабе, цит. у А. И. Герцена в письмах «Опять в Париже» (*А. И. Герцен.* Собр. соч. в тридцати томах, т. V. М., 1955, стр. 171).

народа.

Французское же правительство оставалось, по-прежнему, безучастным к судьбам поляков.

В начале мая польские национальные комитеты Галиции и Познани прислали в Париж делегацию, которая привезла обращение к французскому народу, взывавшее о помощи делу национального освобождения Польши. На 15 мая в Учредительном собрании было назначено обсуждение польского вопроса. Представители демократических клубов приняли 12 мая предложение о проведении 15 мая демонстрации, с тем чтобы представить Учредительному собранию петицию, требующую немедленного выступления Франции в защиту восставших поляков.

Обсуждение этого предложения выявило разногласия среди лидеров революционной демократии. Бланки считал демонстрацию сомнительной и преждевременной затеей. Лишь после того, как большинство членов его клуба настояло на участии в демонстрации, Бланки согласился с этим, но при условии, что демонстрация будет мирной и безоружной. Против демонстрации был и Клуб революции Барбеса, однако и он решил участвовать в ней, чтобы не остаться в стороне от массового движения. В таких условиях, оказываясь в хвосте событий вместо того, чтобы решительно воздействовать на них, революционные деятели неизбежно становились жертвами увлекавшего их потока стихийного движения.

150-тысячная демонстрация 15 мая 1848 г. вылилась в неуправляемое революционное половодье, и к нему легко протянулись нити полицейской провокации. Часть демонстрантов ворвалась в Бурбонский дворец и наводнила зал заседаний Учредительного собрания, требуя от депутатов немедленного решения вопроса о поддержке польского национального движения французской армией. Попытки Луи Блана, Ледрю-Роллена и других уговорить демонстрантов покинуть зал заседания не имели успеха. Еще более воспламенило демонстрантов выступление Бланки, горячо поддержавшего лозунг восстановления независимой Польши. Он напомнил вместе с тем о бедственном положении французского народа и потребовал, чтобы Учредительное собрание немедленно занялось обеспечением работы для трудящихся и наказало виновников руанского побоища рабочих.

Растущим возбуждением демонстрантов, видимо, в провокационных целях воспользовался Юбер, весьма подозрительный субъект. Он вскочил на трибуну и внезапно объявил Учредительное собрание распущенным. В зале началась сумбурная импровизация с выкрикиванием имен демократов и социалистов в новое Временное правительство. Принимая все это за повторение февральских событий и считая роспуск Учредительного собрания свершившимся фактом, демонстранты устремились к традиционному месту провозглашения нового революционного правительства – к Ратуше.

Тем временем «Исполнительная комиссия» подняла на ноги буржуазные батальоны национальной гвардии и полки столичного гарнизона. Под их охраной Учредительное собрание возобновило работу, и против Ратуши была немедленно организована карательная экспедиция. Барбес и Альбер, приступившие было в Ратуше к деятельности в качестве членов нового правительства, были схвачены. В следующие дни были арестованы Распайль, Бланки и другие революционные деятели и закрыты их клубы. Была официально ликвидирована Люксембургская комиссия, а ее бумаги секвестрованы. Правительство сместило Коссидьера с поста префекта полиции и распустило его «монтаньяров», создав вместо них «республиканскую гвардию» из отборных полицейских. Под шумок этих событий Кавеньяк усилил парижский гарнизон и заменил менее надежные воинские части более надежными.

События 15 мая дали новый толчок контрнаступлению буржуазной реакции, но парижские рабочие не чувствовали себя побежденными. Перед лицом наступающей реакции они проникались боевыми настроениями и были охвачены решимостью отстоять завоевания и требования «демократической и социальной республики».

В демонстрации 15 мая впервые принимали активное участие рабочие «национальных мастерских». Это наглядно показало несостоятельность расчетов правящих кругов на отрыв

работников «национальных мастерских» от остальной рабочей массы. После 15 мая эти связи и сотрудничество продолжали расти. «Национальные мастерские» пополнялись безработными кадровыми рабочими и стачечниками, прибегавшими к работе в мастерских как своего рода «кассе взаимопомощи» во время забастовок и хозяйских локаутов.

В мае-июне 1848 г. стачечное движение в Париже оставалось высоким. Этому способствовала и продолжавшаяся координация деятельности рабочих организаций люксембургскими делегатами. Их Центральный комитет после роспуска Люксембургской комиссии преобразовался в Общество объединенных рабочих корпораций, которое создало по округам Парижа свои окружные комитеты, установившие связи с такими же окружными комитетами делегатов «национальных мастерских».

Общество объединенных рабочих корпораций приступило к изданию своей газеты, девиз которой гласил: «Организация труда посредством ассоциаций. Положить конец эксплуатации человека человеком». Тираж этого первого официального органа представителей парижских рабочих достигал в июне 1848 г. 4 тыс. экземпляров[421].

Газета эта, как и бывшие люксембургские делегаты, оставалась под влиянием луиблановрких идей, однако на ее страницах проявлялись боевые настроения люксембургских рабочих перед лицом распоясывающейся реакции. В газете критиковали Блана за его «трусливое молчание». «Нам необходимо знать, не осуждает ли тебя на молчание гнетущая тебя усталость», – говорилось в статье, осуждавшей такую позицию Луи Блана и заявлявшей ему: «Да здравствует демократическая и социальная республика. Вот клич в наших сердцах, как и на наших устах, и по отношению к этому кличу невозможно, чтобы ты хранил молчание…»[422]

О стремлении к сплочению рабочих и демократических сил говорил также получивший популярность проект организации в столице грандиозного «народного братского банкета» рабочих и демократических организаций. Мысль о таком смотре сил парижской демократии исходила от делегатов «национальных мастерских» и была подхвачена рабочими корпорациями и демократической печатью. Банкет был назначен на 14 июля.

Отражением умонастроений парижского населения явились результаты дополнительных выборов в Учредительное собрание, проводившихся 4 июня. Среди избранных буржуазных кандидатов лишь один принадлежал к правящей республиканской группировке «Насиональ», тогда как пять депутатов были орлеанистами, в том числе избран был Тьер, который одержал победу еще в трех избирательных округах в провинции. Симптоматичным было также избрание в Учредительное собрание в Париже и одновременно еще в трех провинциальных избирательных округах бонапартистского претендента авантюриста принца Луи-Наполеона. За Бонапарта голосовали не только многие контрреволюционно настроенные буржуазные избиратели, но и часть трудящихся, возмущенных политикой буржуазных республиканцев. Характерно было и то, что одновременно в Париже в Учредительное собрание были избраны также левые демократы Коссидьер и Лагранж и такие известные социалисты, как П. Леру и Прудон. Их избрание в данной обстановке носило демонстративный характер и еще более подстегнуло неистовство буржуазной реакции.

Еще больше сблизило буржуазно-республиканскую и монархическую реакцию выдвинутое буржуазией требование роспуска «национальных мастерских». Требование это становилось главным объединяющим лозунгом всех реакционных сил. «Национальные мастерские» оказались в центре нападения буржуазии, так как существование их представлялось ей теперь основным препятствием для развертывания дальнейшего

---

421 *R. Cossez.* Presyndicalisme ou precooperation? L’organisation ouvriere unitaire et ses phases dans de departement de la Seine de 1834 a 1851. – «Associationnismes de 1848». Paris, 1959, p. 61–62.

422 «Journal des Travailleurs», N 28, 11. VI 1848.

наступления на рабочий класс. «Национальные мастерские» стали помехой безудержному наступлению на заработную плату рабочих, они затрудняли борьбу предпринимателей с забастовочным движением. Тогда как в ряде отраслей легкой промышленности начали ощущаться первые признаки смягчения экономического кризиса и торговые палаты в предвкушении близящегося нового оживления в делах открыто потребовали отмены декрета об ограничении рабочего дня, число работников «национальных мастерских» превысило 110 тыс. человек.

«Исполнительная комиссия», которая уже в середине мая 1848 г. предрешила ликвидацию «национальных мастерских», проявляла колебания, когда дело дошло до осуществления этого решения. Она страшилась всех его последствий и пыталась растянуть его реализацию во времени, смягчив ее паллиативами иных видов помощи безработным. Тем решительнее повели атаку на национальные мастерские монархисты и клерикалы, которым это обеспечивало предводительство в объединенном фронте буржуазной реакции. Хор всей буржуазной прессы провозглашал: «Надо с этим покончить!» Настойчиво добиваясь немедленного роспуска «национальных мастерских», монархисты во главе с Фаллу расчетливо отвечали этому исступленному требованию буржуазии. Нападение на «национальные мастерские» давало возможность спровоцировать пролетариат на борьбу в такой момент, когда он был еще недостаточно организован, и подорвать самый фундамент республики. Вместе с разгромом революционных сил рабочего класса, как это было ясно Фаллу, республика 1848 г. лишалась своей главной опоры, после чего открывался путь к восстановлению монархии.

Буржуазное республиканское правительство, ослепленное классовой ненавистью к пролетариату, кончило тем, что выполнило замысел реакции. 22 июня появилось распоряжение «Исполнительной комиссии», текст которого был одобрен Учредительным собранием. Занятым в «национальных мастерских» рабочим в возрасте от 18 до 25 лет предлагалось вступать в армию, остальные рабочие «национальных мастерских» ставились перед выбором: либо быть выброшенными на улицу, либо отправиться работать в провинцию – на мелиоративные земляные работы в болотистую местность Солонь.

Июньское восстание парижских рабочих

Как и следовало ожидать, это решение вызвало гневное возмущение всего парижского пролетариата. Огромная масса безработного люда, занятого в «национальных мастерских» и связанного тысячью нитей со всем рабочим населением столицы, должна была выбирать между казармой, работой в болотах вдали от семьи и голодной смертью на парижской мостовой. Расправа с «национальными мастерскими» всколыхнула весь рабочий Париж еще и потому, что завоеванное пролетариатом и торжественно провозглашенное «право на труд» цинично отнималось буржуазией, несмотря на все обязательства, данные рабочим в февральские дни.

Передовые рабочие с полным основанием усматривали в решении о «национальных мастерских» преступный заговор врагов подлинно демократической республики. Члены Центрального бюро бригадиров «национальных мастерских» немедленно заявили в письме правительству от имени рабочих «национальных мастерских», что «ни один из нас не оставит Парижа, пока не будет выработана и принята народом демократическая, социальная и народная конституция»[423].

Но все рабочие протесты наткнулись на глухую стену. Член «Исполнительной комиссии» министр Мари принял делегатов «национальных мастерских» и высокомерно пригрозил им: «Если рабочие не хотят уехать в провинцию сами, то мы вышлем их из Парижа силой… слышите, силой!» Грубая угроза Мари только подлила масла в огонь.

---

[423] «Революции 1846–1849», т. I. М., 1952, стр. 531.

Вечером 22 июня на улицах Парижа начались рабочие демонстрации и митинги, проходившие под лозунгами: «Долой Мари!», «Долой Учредительное собрание!»

«Свинца или работы!» С утра 23 июня в восточных районах города началось строительство баррикад и прозвучали первые выстрелы.

Это не остановило воинствующую буржуазную реакцию, она продолжала неумолимо осуществлять свой провокационный план и спешила отрезать все пути отступления. 23 июня Учредительное собрание спешно утвердило срочно представленный Фаллу законопроект о роспуске «национальных мастерских» в трехдневный срок. Все компромиссные и смягчающие предложения были яростно отклонены. Бразды оперативного политического руководства фактически ускользали от «Исполнительной комиссии» к заправилам реакции в Учредительном собрании.

Теперь Кавеньяк, сосредоточив в своих руках верховное командование всеми вооруженными силами – войсками, национальной и мобильной гвардиями, – мог приступить к осуществлению своего плана и вызвал по телеграфу в столицу новые воинские части и артиллерию. План Кавеньяка, разработанный совместно с его сотрудниками, генералами-орлеанистами, состоял в том, чтобы, не распыляя войск, беспощадно, «по-алжирски» расправиться с парижским пролетариатом. Этому плану сыграл на руку Ледрю-Роллен – в смертельном страхе перед рабочим восстанием он затребовал из близлежащих департаментов отряды национальной гвардии, чтобы использовать их против парижских рабочих.

Таким образом выкристаллизовались все условия для осуществления лелеянного буржуазной реакцией плана учреждения военной диктатуры. Утром 24 июня «Исполнительная комиссия» подала в отставку, и Учредительное собрание, объявив Париж на осадном положении, передало всю полноту власти генералу Кавеньяку.

В отличие от продуманных действий буржуазной реакции восстание рабочих Парижа в июне 1848 г. носило в целом стихийный характер. Тем не менее оно разгоралось с быстротой лесного пожара.

Июньское восстание 1848 г. в Париже

Уже к вечеру 23 июня восстанием была охвачена вся восточная часть Парижа. Сеть баррикад опоясала все рабочие кварталы города и предместья восточной стороны, Латинский квартал, часть Монмартра и прилегающих к нему центральных районов Парижа. Общее число восставших достигало 40–45 тыс. человек, которым активно помогали женщины и дети рабочих семей.

Гнев и возмущение парижского пролетариата были помножены на силу его революционных традиций и непреклонных, хотя и смутных, стремлений к подлинно демократической социальной республике. Лозунгами восставших были: «Хлеба или свинца! Свинца или работы! Жить, работая, или умереть, сражаясь! Да здравствует демократическая и социальная республика! Долой эксплуатацию человека человеком!», к которым присоединялись иногда и такие, как «Свободная ассоциация труда при поддержке государства! Организация труда через ассоциацию!» Выражая в этой неясной и незрелой форме свои социалистические требования, восставшие рабочие неразрывно связывали их с

борьбой за последовательную демократию. В ряде случаев повстанцы требовали ареста членов «Исполнительной комиссии», министров и депутатов Учредительного собрания и выработки конституции республики самим народом.

Основные контингенты повстанцев составили рабочие «национальных мастерских», к которым присоединилась масса строителей и ремесленных рабочих многочисленных мастерских по производству предметов парижского искусства, галантерейного, мебельного промысла и т. п. [424] В авангарде восставших шли передовые элементы парижского индустриального пролетариата – машиностроители, рабочие железнодорожных мастерских, железнодорожники столичного транспортного узла. Ядро восстания, образованное этими различными категориями рабочих того времени, обрастало в ходе борьбы прослойками чернорабочего люда, безработными и деклассированными элементами рабочих районов и предместий столицы.

Элементарная организация повстанцев достигалась благодаря тому, что они сражались обычно в составе тех бригад, взводов и отделений, в каких они работали в «национальных мастерских», либо в составе коллективов своих предприятий, в своих подразделениях национальной гвардии, в составе жителей своего квартала или местного демократического клуба. Поэтому чаще всего командирами повстанческих отрядов и начальниками баррикад становились бригадиры и делегаты «национальных мастерских» и командиры частей национальной гвардии, нередко и руководители локальных революционных клубов. Так, строительством баррикад и борьбой на площади Вогезов руководил рабочий-механик Ракари, до революции состоявший членом тайного коммунистического общества «трудящихся-эгалитариев», а после февральской революции работавший в «национальных мастерских» и до событий 15 мая являвшийся офицером 2-го батальона 8-го легиона национальной гвардии. В районе Пантеона командовали операциями повстанцев офицеры 12-го легиона национальной гвардии жестянщик Шодавуан, печатник Приер, портной Левен, пекарь Окье. Борьбой на улице Планш Мибре руководил коммунист сапожник Вуазамбер. Баррикадами на улице Гранж-О'Белль и в квартале Сен-Марсо командовали бланкисты Бартелеми и Колле.

В VIII округе Парижа, одном из основных центров восстания, борьбу возглавлял редактор социалистической газеты «Организасион де травай» Деляколонж. В предместьях Сент-Антуанском, Сен-Дени и Бельвиле организаторами борьбы были руководители и активисты местных клубов – оптик Дефер, печатник Маш-Эд, бланкист инженер Дювинье, механик Герино, обойщик Фанферно, приказчик Потье. В одном месте, у заставы Фонтенбло, восставшими руководил бонапартист каменщик Лар [425].

Разнообразные силы восставших не охватывались какой-либо общей организацией и единым политическим и военным руководством.

Все же в ходе восстания естественно, должна была возникать и эпизодически возникала оперативная связь между борющимися районами и опорными пунктами, делались попытки налаживания взаимопомощи и координации ближайших планов действия. Связь эта и попытки предпринимались по инициативе местных командиров. Они использовали навыки прежней революционной деятельности и свои прошлые и настоящие политические связи.

На первое место здесь можно поставить участие некоторых вожаков в бланкистских организациях и членство еще большего числа руководителей постанцев в «Обществе прав человека и гражданина». Активисты этой революционной организации в свое время изучали

---

[424] О социальном составе июньских повстанцев см. интересный опыт анализа: *Remy Cossez.* Diversite des antagonismes sociaux vers le milieu du XIX siecle. – «Revue economique», 1956, N 3.

[425] Бонапартистские газетки выражали показное сочувствие рабочим «национальных мастерских». Вздыхая: «Бедная Франция! Чтобы спасти ее, нужен настоящий человек», – бонапартисты и их агенты тайком подстрекали рабочих к борьбе, рассчитывая погреть руки на кровавой драме парижского пролетариата в его борьбе с буржуазной республикой.

опыт баррикадной борьбы, и к концу февральского периода, перед лицом наступления реакции, Общество вернулось к соединению легальной деятельности с конспиративной. «Общество прав человека и гражданина» было единственной революционно-демократической организацией, отдельные секции которой приняли участие в июньском восстании и намечали даже создать несколько военно-координационных центров борьбы[426]. Все эти разрозненные попытки не получили развития из-за быстротечности военных действий, недостатка времени и трудностей импровизированных связей между разрозненными отрядами повстанцев.

Главной же причиной раздробленности сил повстанцев было отсутствие классовой организации пролетариата, которая могла бы возглавить рабочих и осуществить продуманное руководство восстанием. Революционные вожди парижского пролетариата после 15 мая находились в заключении, их клубы были распущены и закрыты. Хотя среди баррикадных бойцов ходили по рукам списки будущих членов «правительства демократической и социальной республики», которое они намеревались создать после победы восстания, и в списках этих фигурировали, наряду с Бланки и Распайлем, Кабе и Луи Блан, Прудон, Леру, Коссидьер и Барбес, – ни один из видных демократических деятелей и социалистов не присоединился к восставшим рабочим: ни Коссидьер, на которого повстанцы возлагали большие надежды, ни Луи Блан, который завершил свое предательство, осудив восстание и участвуя во время его подавления в работах Учредительного собрания. Революционной пролетарской организации не могло заменить и Общество объединенных рабочих корпораций. Многие его активисты, особенно из корпорации рабочих-механиков, приняли в восстании активное участие, но луиблановское по духу руководство этого рабочего объединения не решилось примкнуть к восстанию, и в июньские дни Общество фактически прекратило свое существование.

Несмотря на эту коренную слабость восставшего пролетариата, он показал в июньские дни в Париже невиданную силу и стойкость. Массовый героизм и множество военных тактических талантов проявили его командиры и бойцы. Было построено 450 баррикад, высота которых доходила до 3-4-го этажа, и они могли поддерживать друг друга перекрестным огнем.

Первый день боев, 23 июня, не дал правительственным войскам никаких преимуществ. Утром 24 июня повстанцы перешли в новое наступление. Развивая сильнейший натиск, они значительно продвинулись вперед, угрожая захватить здание городской Ратуши. В Учредительном собрании царила паника, Кавеньяк вновь телеграфировал во все концы Франции о срочной присылке войск и отрядов национальной гвардии.

Но повстанцы не смогли закрепить своего успеха. Не имея руководства и общего стратегического плана борьбы, они перешли к обороне захваченных позиций и передали инициативу в руки противника. К вечеру 24 июня правительственные войска начали контрнаступление и очистили кварталы левого берега Сены.

К 25 июня Кавеньяку удалось создать огромный перевес сил – свыше 150 тыс. штыков регулярных войск, национальной гвардии и мобилей против 40–50 тыс. повстанцев. Но и теперь пароксизм бешенства буржуазии не ослабел, как не ослабело ее намерение раздавить восстание «по-алжирски». Прудон, проводивший в дни восстания много времени в стенах Учредительного собрания, записывал в своем дневнике, что «буржуа Национального собрания заняты только одним – *покончить с этим* !» Прудон свидетельствовал, что «видели, как Тьер советовал использовать артиллерию, чтобы *покончить* с *этим»* [427].

Для подавления восстания Кавеньяк в самых широких размерах использовал артиллерию, которая беспощадно сметала баррикады, дома и целые кварталы, служившие

---

[426] См. *А. И. Молок.* Некоторые вопросы июньского восстания. – «Вопросы истории», 1952, № 12.

[427] «Carnets de F.-J. Proudhon», volume Iroisieme, 1848–1850. Paris, 1968, p. 65–66.

узлами сопротивления повстанцев. Сент-Антуанское предместье, превращенное повстанцами в сплошную крепость, обстреливалось из тяжелых орудий.

Вслед за артиллерией главную роль в наступлении правительственных сил играли головорезы мобильной гвардии, действия которых отличались пьяной лихостью и особо жестокой расправой с повстанцами. Для оправдания своих зверских жестокостей правительство обливало грязью дикой клеветы восставших рабочих. «Они хотят анархии, пожаров, грабежей», – гласило правительственное обращение к населению. В особенности широко использовались с этой целью два эпизода баррикадных боев 25 июня. Одним из них было убийство парижского архиепископа Аффра, который в районе площади Бастилии выступил перед повстанцами, призывая к прекращению гражданской войны, и был убит выстрелом в спину, последовавшим из дома, занятого солдатами и мобилями. Другим случаем было убийство в районе предместья Жантильи генерала Брюа, который вступил с повстанцами в переговоры, добиваясь их капитуляции, и был ими убит в момент замешательства, вызванного слухами о появлении отрядов мобилей, когда часть повстанцев была до крайности взбудоражена вестью о расстрелах правительственными войсками пленных баррикадных бойцов.

Поучительно, что против восставших рабочих буржуазия уже в 1848 г. применила в широком масштабе такое излюбленное оружие клеветнической пропаганды, как приписывание подъема революционного движения подрывной деятельности «иностранной агентуры». Лидеры буржуазных республиканцев наперебой с орлеанистами и легитимистами объясняли восстание парижского пролетариата подстрекательством политических эмигрантов-иностранцев, злонамеренными происками иностранных держав, «англо-русским заговором», «австро-иезуитской интригой» и т. д. и т. п. Эти лживые утверждения повторил с трибуны Учредительного собрания Флокон, им отдал дань даже Прудон, в начале восстания поверивший версии о том, что оно вызвано происками претендентов на французский трон. С голоса солидной столичной буржуазной прессы такие лживые измышления подхватывались провинциальной печатью, которая доводила их до самых широких слоев обывателей. Собрав в один пахучий букет подобные россказни парижской прессы о причинах рабочего восстания, местная газета Байонны, например, писала, что расходы по «англо-русскому заговору», вызвавшему июньское восстание, «покрываются золотыми рудниками Урала. Демидов раздает в Лондоне и Париже полными пригоршнями золотые империалы с русским двуглавым орлом»[428].

К вечеру 26 июня, после разгрома Сент-Антуанского предместья и последних очагов сопротивления в окрестностях Парижа, рабочее восстание было окончательно подавлено. Торжество буржуазии сопровождалось свирепым террором против всего рабочего населения столицы. В пролетарских кварталах и предместьях продолжались расстрелы раненых и пленных рабочих. Над ними творили расправу также в тюрьмах и крепостных фортах – охрана из национальных гвардейцев расстреливала их через отдушины, двери и окна казематов, морила голодом в подвалах общественных зданий. Всего было убито в дни восстания и после него свыше 11 тыс. человек – цвет парижского пролетариата.

Одновременно шли повальные аресты «подозрительных лиц», часто на основании случайных доносов, либо «подозрительного» внешнего вида. Число арестованных в Париже превысило в первые дни после восстания 25 тыс. человек, из коих свыше 11 тыс. оставлены были и далее под арестом. 27 июня Учредительное собрание приняло декрет, вводивший для арестованных за участие в восстании ссылку без суда в заморские колонии Франции. Специальные военные комиссии разбирали дела арестованных и решали вопрос о ссылке. Даже эти комиссии вынуждены были в конце концов освободить за отсутствием всяких улик свыше 6 тыс. арестованных, в подавляющем большинстве рабочих. В ссылку было

---

[428] I. *Vidalenc.* La province et les journees de juin. – «Etudes d’histoire moderne et contemporaine», t. II. Paris, 1949, p· 127–128.

отправлено около 4 тыс. человек. Лица, признанные «вожаками, подстрекателями и зачинщиками», подлежали суду военных трибуналов, которые приговаривали революционный актив пролетариата к каторге и длительным срокам тюремного заключения.

Свирепая ярость французской буржуазии объяснялась тем, что она инстинктивно поняла исторический смысл рабочего восстания, когда классовая война труда и капитала поднялась на свою высшую ступень и самый передовой отряд рабочего класса того времени впервые сделал прямую попытку свергнуть классовое господство буржуазии. Всемирно-историческое значение июньского восстания 1848 г. охарактеризовано было К. Марксом, который назвал его «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного строя»* [429].

Парижский военный трибунал. Суд над участниками июньского восстания

Опыт июньского восстания показал всю незрелость и ограниченность подобной ранней пбпытки пролетарской революции, попытки, порожденной не объективным историческим развитием экономических и политических предпосылок социализма, а крайним обострением классовых противоречий пролетариата и буржуазии в ходе буржуазно-демократической революции, призванной еще только расчистить пути развития зрелого капитализма. Незрелость эта проявлялась не только в отсутствии революционной классовой организации у парижских рабочих, но и в огромном влиянии на них идей мелкобуржуазного социализма, затемнявших классовое сознание пролетариата.

Не менее важным источником слабости парижского пролетариата была его изолированность. Июньское восстание ниоткуда не получило помощи, что объяснялось в конечном счете той же незрелостью, тем же отсутствием революционной организации пролетариата. Не существовало еще широкой международной рабочей организации, способной разъяснить европейскому пролетариату всемирное значение парижских событий и приковать к нему внимание рабочих всех стран. В то время как победу Кавеньяка над парижскими рабочими восторженно приветствовали представители феодальной реакции и либеральной буржуазии всей Европы – английские тори и виги, прусские юнкеры, Меттерних и царь Николай I, – рабочим всех стран потребовались, как писал впоследствии К. Маркс, «долгие годы, пока сам рабочий класс понял, что июньское восстание 1848 г. является делом его собственных передовых борцов» [430].

---

429 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 29.

430 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 131. Кроме «Новой Рейнской Газеты», выступившей с проявлением международной пролетарской солидарности с июньскими повстанцами в бессмертной статье К. Маркса «Июньская революция», давшей немедленную и поразительно верную оценку исторического смысла и значения июньского восстания, лишь левые чартисты и лондонский «Союз братских демократов» откликнулись на восстание заявлением о том, что это «была священная война» и что красное знамя повстанцев «живет в каждом улье человеческого труда».

По той же причине и во Франции большинство провинциальных рабочих остались еще безучастными к борьбе в Париже. Между тем в стране имелись некоторые возможности проявления активной пролетарской солидарности, но и они не были реализованы из-за отсутствия организации, способной объединить рабочих и развязать их действия. В отдельных провинциальных промышленных центрах передовые рабочие, у которых пробуждался классовый инстинкт, проявляли сочувствие восставшему Парижу. В Марселе накануне парижских событий, 22–23 июня произошло восстание местных рабочих, взволнованных слухами об отмене Учредительным собранием декрета об ограничении рабочего дня. Рабочие многих поселков вокруг парижских крепостных укреплений принимали активное участие в июньском восстании. Сочувственные отклики на парижское восстание можно констатировать в Гавре, Руане, Лиможе, Дижоне, Анжере, в рабочих городах вокруг Лиона. Отдельные голоса солидарности с восставшими парижскими пролетариями зарегистрированы были в демократических клубах Бордо.

В Нанте 25 июня забастовали 200 рабочих местных «национальных мастерских»; в Орлеане железнодорожники провозгласили стачку солидарности с борющимся пролетариатом Парижа; в Эссоне рабочие-бумажники построили баррикады, чтобы задержать направляющиеся в Париж воинские подкрепления; в Шуази-Ае-Руа с той же целью перерезана была железная дорога в столицу; в Арбуа власти воспрепятствовали попыткам местных демократических национальных гвардейцев отправиться добровольцами в Париж, подозревая, что добровольцы «имеют намерение использовать свою силу и доблесть не для подавления мятежа, а как раз для поддержки его»[431]. Но все эти факты оставались изолированными случаями, они не сливались воедино в солидарное Действие рабочего класса Франции с июньским восстанием.

Участники июньского восстания в тюрьме

Другим важнейшим проявлением незрелости и слабости восставшего пролетариата было отсутствие у него союзников среди крестьянства и мелкой буржуазии. Революционные вожаки парижского пролетариата не оценили и не сумели использовать возможностей, какие открывало им широко разлившееся в деревне недовольство буржуазной «республикой 45 сантимов», глубокое брожение среди беднейших крестьян в связи с экономическим кризисом, разорением, гнетом ростовщиков и капиталистов На этой почве в июньские дни протягивались изредка инстинктивные нити сочувствия крестьянской бедноты борющимся парижским рабочим. После подавления июньского восстания о фактах такого сочувствия сообщали комиссии, созданной Учредительным собранием для расследования причин восстания, префекты и мэры некоторых сельских общин департаментов Ло и Жер[432]. Сюда

---

431 *C. Perreux-Arbais.* Premiere cile republicaine de France. Paris, 1932.

432 См. *А. И. Молок.* Некоторые вопросы июньского восстания.

же можно причислить примечательный случай, когда один приходский священник в епархии Нанси, зачитав в церкви епископское послание о разразившемся в Париже «восстании голода», воскликнул перед прихожанами, что «парижские рабочие не ошиблись, ибо солнце сияет для всех» [433]. Однако парижский пролетариат не смог повести за собой мелких крестьян и беднейшие слои мелкой буржуазии, последние еще боялись довериться руководству революционного пролетариата.

Причиной такой полной изолированности пролетариата было отчасти и то обстоятельство, что рабочее восстание вспыхнуло раньше, чем развитие буржуазно-демократической революции 1848 г. оторвало известную часть мелкой буржуазии от крупной, ранее, чем ход событий выявил глубину противоречий их интересов и противопоставил эти классы в борьбе. Процесс этот назревал, но был прерван восстанием рабочего Парижа под антикапиталистическим знаменем. Это дало буржуазии возможность сплотить на короткий срок все собственнические классы в «священный союз», сцементировать его «великим страхом» 1848 г., напоминавшим своей широтой «великий страх» 1789 г.

В результате в июне 1848 г. французская нация раскололась на две нации – пролетариев и собственников. «Религия собственности», как назвал ее А. И. Герцен, стала «братством», объединившим против парижского пролетариата всю массу буржуазии, крупных и мелких капиталистов, коммерсантов и лавочников, крупных землевладельцев и крестьян, буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов, служащих и чиновников всех рангов. Маркс отмечал, что в «июньские дни никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности… как парижская мелкая буржуазия»[434].

Наблюдение это могло быть в равной мере отнесено и к мелкой буржуазии французской провинции, где собственнический страх раздували изо всех сил измышления столичной и провинциальной печати.

Из 53 департаментов направились в Париж добровольческие отряды национальных гвардейцев, насчитывавшие в общей сложности свыше 100 тыс. человек, большая часть которых прибыла к месту действия уже после подавления восстания. Среди провинциальных гвардейцев были представлены все классы населения, самые многочисленные контингенты дали крестьянство, городская мелкая буржуазия и лица свободных профессий. В некоторых провинциальных отрядах имелось даже небольшое число отсталых рабочих из захолустий. По единодушному свидетельству провинциальной администрации и командования этими отрядами, наиболее активными боевыми элементами добровольческой армии карателей являлись те национальные гвардейцы, которые были ими еще во времена Июльской монархии, т. е. орлеанистская буржуазия и легитимистская сельская верхушка, отпрыски провинциальной землевладельческой знати [435]. Не случайно наибольшее усердие в формировании этих карательных отрядов проявляли северо-западные департаменты Нормандии, Бретани, Вандеи, равно как ультракатолические районы восточной Франции.

При этом отчетливо сказывалось, насколько реакция провинции на июньское восстание насыщена была накапливавшейся десятилетиями ненавистью консервативной и реакционной «деревенщины» к революционному Парижу, к его решающей и инициативной роли во всех исторических событиях. Местная газетка в Пуатье откровенно писала 23 июня: «Надо, чтобы Париж вспомнил наконец, что он представляет лишь $^{1}/_{36}$ Франции и что если провинция и устремляет на него взоры, то она не оставит в его руках ни скипетра тирана, ни бича

---

433 Цит. по: *M. Domrnangel.* Jean Meslier. Paris, 1965, p. 504.

434 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 36.

435 *J. Vidalenc.* La province et les journees de juin. – «Etudes d’histoire moderne et contemporaine», t. II, p. 119–120.

погонщика рабов»[436]. Этот жирондистский лейтмотив настойчиво подхватывали монархические элементы провинциальной национальной гвардии. Отправляясь в поход на Париж, они подчеркивали в своих обращениях к Учредительному собранию, что явились защищать «религию, труд, собственность и семью» и «положить конец той невыносимой диктатуре, которую возвели над политической жизнью страны вечные восстания парижских рабочих»[437].

Контрреволюция 1848 г., использовав обострявшиеся с развитием капитализма противоречия между городом и деревней, собрала с них обильную жатву при борьбе с восставшим пролетариатом, а в дальнейшем и против Республики. Подавление июньского восстания явилось в этом смысле переломным моментом в традициях французской истории нового времени: впервые решение судеб страны переходило от революционного Парижа к борющейся против него собственнической буржуазной и помещичьей провинции.

Диктатура буржуазных республиканцев

Поражение парижских рабочих в «первой великой гражданской войне между пролетариатом и буржуазией»[438] явилось самой зловещей поворотной вехой всей истории Второй республики. Главный тормоз, сдерживавший развитие революции 1848 г. по нисходящей линии – революционный рабочий класс, – был сломлен, и темпы попятного движения немного ускорились. Поражение пролетариата расчистило почву для строительства здания буржуазной республики, но одновременно вырыло между ней и пролетариатом кровавый ров и лишило ее единственно прочного фундамента. «Я не верю больше в существование Республики, которая начинает с убийства своих пролетариев», – с горечью писала Жорж Санд после июньских дней[439].

Ее вывод выразительно подтвердил послеиюньский террористический режим Кавеньяка. Париж был оставлен на осадном положении, пролетарские батальоны национальной гвардии были распущены. Рабочие провинциальных городов были также разоружены. Клубы были поставлены под строгий надзор властей, свобода собраний на деле была сведена на нет. Для издания газет вводился крупный денежный залог, что вынудило многие демократические газеты прекратить существование. «Сегодня нужно иметь золото, много золота, чтобы пользоваться правом слова. Мы недостаточно для этого богаты. Бедняки-молчите!» – комментировал смысл этого закона Ламенне в последнем номере своей газеты, прощаясь с читателями[440].

Республиканский белый террор фактически продлил состояние военной диктатуры в стране. Это доказало еще раз, что передача власти Кавеньяку не была временной мерой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны, а являлась симптомом нарастающего отказа буржуазии от завоеваний демократической революции, разрыва с буржуазной демократией. «Сабля генерала Кавеньяка является предохранительным средством цивилизации», – записывал в своем дневнике Готье, будущий мэр Бордо, один из типичнейших представителей и выразителей взглядов орлеанистской крупной буржуазии

---

436 «Abeille de la Vienne», 23.VI 1848.

437 *J. Vidalenc.* La province et les journees de juin, p. 140.

438 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 305.

439 *Jean Dautry.* 1848 et la Deuxieme republique. Paris, 1957, p. 203. 53 «Le Peuple constituant», 11.VII 1848.

440 «Le Peuple constituant», 11.VII 1848.

этого города[441]. Его мысли вполне совпадали с настроениями титулованных легитимистов. Герцог Паскье писал барону Брабанту: «Единственная гавань, в которой можно укрыться в такое бурное время, это гавань военного деспотизма. Слава всевышнему! Мы имеем его, этот благословенный военный деспотизм, под именем осадного положения или диктатуры».

Диктатура буржуазии при помощи кавеньяковской сабли расчищала пути для замены республиканской формы монархической. В образованное после июньских дней правительство Кавеньяка, составленное из самых воинственных представителей буржуазно-республиканской реакции Марраста, Сенара и др., были введены орлеанисты – сперва военный министр генерал Ламорисьер, а через некоторое время два бывших министра Июльской монархии Вивьен и Дюфор, причем последний получил важнейший пост министра внутренних дел. Заведомый легитимист генерал Шангарнье был назначен командующим национальной гвардией.

Из правительства вынужден был уйти министр просвещения Карно, внук знаменитого деятеля Великой французской революции, автор проекта о введении всеобщего начального образования. Вскоре Учредительное собрание дало согласие на судебное преследование Луи Блана и Коссидьера, обвиненных комиссией по расследованию причин июньского восстания в том, что они якобы были соучастниками событий 15 мая и виновны в подстрекательстве рабочих к мятежу. Предпочитая эмиграцию ожидавшей их судебной расправе, Луи Блан и Коссидьер уехали в Англию.

Сплочение сил реакции форсировало дальнейшее сближение всех соперничающих монархических группировок – легитимистов, орлеанистов, бонапартистов. Они образовали влиятельнейшую «партию порядка», которая крепла под сенью буржуазной республики и возглавлялась Тьером, Моле, Барро, Фаллу, Монталамбером и другими орлеанистскими и легитимистскими лидерами, образовавшими «комитет улицы Пуатье», как прозвали штаб «партии порядка» по его местопребыванию.

Правительство Кавеньяка поспешило аннулировать разработанные Временным правительством проекты национализации железных дорог с выкупом у частных компаний. Была полностью восстановлена финансовая система Июльской монархии, Учредительное собрание отклонило даже прогрессивный налог на наследство.

Возобновилось преследование рабочих объединений и стачек, в Лилле власти запретили даже общество взаимопомощи рабочих-прядильщиков. Был отменен декрет об ограничении рабочего дня; все «национальные мастерские» в провинции были распущены. Если в дни подавления июньского восстания Учредительное собрание, чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы, показным жестом ассигновало 3 млн. франков субсидий для производственных ассоциаций, то ныне всякое упоминание о социальных требованиях пролетариата встречалось в Собрании улюлюканьем. Даже такой мирный реформатор, как Прудон, подвергся бешеной травле, когда предложил законопроект, предусматривавший вызвать в стране оживление в делах с помощью всеобщего снижения цен, заработной платы, арендных платежей, налогов и долгов. В последовавшей в Учредительном собрании словесной дуэли с Тьером Прудон, к его чести, не только посрамил карликового столпа «партии порядка», но и весьма мужественно заступился за июньских повстанцев, объявив их жертвами нищеты, голода и провокаций реакционеров.

Новое наступление крупной буржуазии не пощадило и мелких буржуа. Несмотря на всю их помощь в подавлении июньского восстания, лавочники, ремесленники и мелкие предприниматели, которых бедствия экономического кризиса опутали со всех сторон долгами, были отданы теперь во власть своих кредиторов, крупных мануфактуристов, оптовиков, ростовщиков, домовладельцев. Учредительное собрание отклонило законопроект о полюбовных сделках между должниками и кредиторами и восстановило тюремное

---

[441] Albert Charles. La revolution de 1848 et la Seconde Republique a Bordeaux et dans le departement de la Gironde. Bordeaux, 1945, p. 157.

заключение за долги. Точно так же собрание подтвердило закон о 45-сантимном налоге, и правительство Кавеньяка предписало неукоснительный сбор недоимок по этому налогу. При сопротивлении крестьян к ним должны были применяться самые решительные меры воздействия, вплоть до применения оружия. В течение лета 1848 г. крестьянские мятежи, вызванные сбором этого налога, были особенно многочисленны в Дордони, Жер, в горных районах Пиренеев. 15 июля 1848 г. в деревне Ажэн, близ Герэ, в департаменте Дордонь, при принудительном взимании 45-сантимного налога было убито 12 и ранено 25 крестьян.

Такая политика буржуазных республиканцев еще сильнее колебала зыбкую почву их диктатуры. На муниципальных выборах в августе 1848 г. почти повсеместно побеждали монархисты. На дополнительных выборах в Учредительное собрание в сентябре 1848 г. из 17 новых депутатов, избранных в 13 департаментах, 15 были монархистами. Всеобщее внимание привлек новый успех Луи-Наполеона Бонапарта, который в канун рабочего восстания в Париже расчетливо предпочел отказаться от депутатского мандата и остался в Англии, а теперь, вернувшись во Францию, вновь был избран в Париже.

Избрание Луи-Наполеона президентом

Наиболее ярким воплощением антидемократической тенденции во Второй республике было решение вопроса о президенте. Буржуазно-республиканское большинство Учредительного собрания отвергло различные предложения монархистов о создании двухпалатного парламента с тем, чтобы, кроме избираемой всеобщим голосованием палаты депутатов, учредить формируемую привилегированными избирателями буржуазно-аристократическую верхнюю палату. Конституция вводила однопалатный парламент – Законодательное собрание, избираемое на 3 года всеобщим голосованием. Однако буржуазно-республиканское большинство оказалось по существу солидарным с монархической идеей о создании реакционного противовеса демократически избираемому парламенту.

В 1848 г. реакционное направление буржуазного республиканизма окончательно отрекалось от демократической традиции единой, нераздельной суверенной законодательной власти. Оно противопоставляло этой французской революционной традиции конституционную модель США, считая ее лучшим противоядием от демократии. Идя еще дальше по этому пути и прибегая к канонизированной догме о разделении властей, буржуазно-республиканский либерализм мыслил создать противовес демократии в виде сильной президентской власти, независимой от парламента и наделенной почти королевскими правами.

С этой целью в проекте конституции предусматривалось избрание президента республики не парламентом, а всенародным голосованием.

Конституция наделяла президента исключительным правом формирования правительства, назначения и смещения министров, а также чиновников и офицеров, и руководства всеми вооруженными силами государства. Единственное ограничение президентского полновластия состояло в том, что президент должен был избираться на четырехгодичный срок без права переизбрания на следующее четырехлетие, и не получал права распускать Законодательное собрание. Тем не менее огромная власть президента давала ему возможность бороться с парламентом и узурпировать волю избирателей. Это противоречие составляло ахиллесову пяту конституции Второй республики. «С одной стороны – 750 народных представителей, избранных всеобщим голосованием и пользующихся правом переизбрания, образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, неделимое Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью… С другой стороны – президент, со всеми атрибутами королевской власти, с правом назначать и смещать своих министров независимо от Национального собрания, со всеми средствами исполнительной власти в руках, раздающий все должности и тем самым распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, так

как именно такое количество лиц материально зависит от 500 тысяч чиновников и от офицеров всех рангов» [442].

Такое кричащее противоречие конституционного проекта не могло остаться незамеченным, и горячая дискуссия по данному вопросу в Учредительном собрании носила знаменательный характер. Буржуазный республиканец Жюль Греви, выступивший против учреждения поста президента республики, произнес по этому вопросу прямо-таки пророческую речь: «Подобная власть, вверенная одному лицу, – какое бы название это лицо не носило, короля или президента, – есть власть монархическая… Вполне ли вы уверены, что в ряду тех, кто будет сменять друг друга каждые четыре года на троне президента, будут лишь чистые республиканцы, спешащие сойти с трона? Уверены ли вы, что никогда не найдется честолюбца, пытающегося укрепиться на нем? А если этот честолюбец будет человеком, умеющим приобрести популярность? Если это будет генерал, одержавший много побед, овеянный тем признаком военной славы, против которого не могут устоять французы? Если это будет отпрыск одной из фамилий, уже царствовавших во Франции, который никогда не отказывался от того, что он называет своими правами? Представьте себе, что торговля идет плохо, что народ страдает, что он находится в том состоянии кризиса, когда нищета и разочарование отдают его во власть тех, кто под обещаниями прячет намерение отнять свободу, – ручаетесь ли вы, что этому честолюбцу не удастся уничтожить республику?» [443] Несмотря на неотразимую дальновидную аргументацию, предложение Греви было отклонено, собрав лишь 168 голосов. Но в ближайшие же недели его предвидение начало сбываться.

После окончательного принятия конституции (4 ноября 1848 г.) буржуазно-республиканское большинство, уверенное в успехе Кавеньяка на президентских выборах, поспешило назначить их на возможно более близкий срок – на 10 декабря 1848 г. В ходе избирательной кампании Кавеньяк постарался еще более расположить в свою пользу монархистов и клерикалов и послал французскую эскадру в Италию, чтобы защитить римского папу от провозглашенной в Риме республики.

Мелкобуржуазные демократы образовали в Учредительном собрании группу, принявшую громкое название «Горы», и выдвинули кандидатом в президенты Ледрю-Роллена. На многочисленных банкетах и собраниях Гора 1848 г. подчеркивала свое сочувствие рабочему классу и намерение решить социальный вопрос. Однако Горе 1848 г. не удалось объединить силы демократического лагеря. Передовая часть пролетариата оценила ее платформу как предвыборный маневр Ледрю-Роллена, чье предательское поведение в июньские дни было еще свежо в памяти рабочих. Передовые рабочие и социалисты демонстративно выдвинули кандидатом в президенты узника Распайля, что было первым актом, «в котором выразилось отделение пролетариата как самостоятельной политической партии от демократической партии»[444]. Отдельные группки буржуазно-республиканских и орлеанистских политиканов выставили в президенты, кроме того, кандидатуры Ламартина, генерала Шангарнье и маршала Бюжо.

Но свое подлинное историческое значение президентские выборы 1848 г. приобрели благодаря неожиданному громадному успеху Луи-Наполеона Бонапарта. Его кандидатура, выставленная бонапартистским комитетом, получила больше всего голосов. Тогда как Кавеньяк получил 1448 тыс. голосов (Ледрю-Роллен – 370 тыс., Распайль – 36 тыс., Ламартин – 8 тыс.), Луи-Наполеон одержал на выборах полную победу: за него голосовало 5434 тыс. человек – $^3/_4$ общего числа участников выборов.

---

[442] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 133.

[443] Цит. по: *Pierre de la Coree.* Histoire de la Seconde Republique francaise, t. I. Paris, 1909, p. 448–449.

[444] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 44.

Кандидатура Луи-Наполеона привлекла к себе симпатии большей части крупной буржуазии, которой буржуазные республиканцы оказались уже в тягость. Будучи органически враждебна республике, крупная буржуазия жаждала монархической твердой власти, которая была бы ограждена прочнее, чем Кавеньяк, от всяких влияний и традиций французского республиканизма, и требовала политических гарантий такой власти. Это заставило «партию порядка» в конце концов поддержать бонапартистского кандидата, руководствуясь тем решающим соображением, которое доверительно высказал колебавшемуся Тьеру граф Моле, завязавший тесные связи с бонапартистским претендентом: «Луи-Наполеон ненавидит республику, он расчистит путь к реставрации монархии». За Луи-Наполеона высказались и клерикалы, мобилизовавшие на его поддержку армию католического клира. За Луи-Наполеона голосовали и многие рабочие, жаждавшие отомстить «июньскому мяснику» Кавеньяку.

Немалую роль играл и тот престиж, которым было окружено имя Наполеона в народных массах, воспоминания и легенды о славе наполеоновских походов и завоеваний. Эту наполеоновскую легенду подогревал и буржуазный шовинизм, оказывавший большое влияние не только на армию, но и на умы городского мещанства и отсталых рабочих. Но главную роль сыграла другая наполеоновская легенда.

Основную массу голосов Луи-Наполеону дало сельское население. Большая часть французского крестьянства еще находилась во власти мифа о «крестьянском императоре» Наполеоне, который будто бы упрочил мелкую крестьянскую собственность и защищал ее от всех покушений. Крестьяне поэтому верили, что «племянник своего дяди» в свою очередь защитит их собственное гь от «45-сантимной республики» и избавит их от гнета сборщиков налогов, кровососов-ростовщиков, богатеев-скупщиков, крупных землевладельцев и банкиров. Характеризуя проявившиеся на президентских выборах массовые бонапартистские настроения крестьян, Маркс писал: «Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой они шли к избирательным урнам, восклицая: „Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!“»[445]

Многочисленные факты подтверждают точность этой характеристики. Примером может служить департамент Луар-и-Шер – один из самых тихих и «сонных» крестьянских департаментов центральной Франции. Выборы 10 декабря проходили здесь в обстановке буйного ликования проснувшейся деревни. Супрефект кантона Савиньи в департаменте Луар-и-Шер сообщал своему высшему республиканскому начальству: «Этот кантон является в высшей степени наполеоновским. Во время выборов 10 декабря в нем звонили в колокола, палили из пушек, распивали в церквах и творили такие кощунства, что г-н префект отстранил на три месяца мэра от его обязанностей»[446].

Проникая в сокровенный смысл многих подобных фактов, Маркс с полным основанием считал 10 декабря 1848 г. днем крестьянского восстания, государственным переворотом крестьян, свергнувших правительство буржуазных республиканцев[447].

Луи-Наполеон стал знаменем самых различных сил, соединившихся против буржуазной республики. Главное же состояло в том, что контрреволюционная буржуазия на этот раз смогла опереться на крестьянство. Это и было сущностью бонапартизма, как особой формы государственной власти, лавирующей между классами. Благодаря этому буржуазия смогла приглушить звучавший одновременно в крестьянском бонапартизме антибуржуазный протест, смогла деформировать взрывную волну от заложенного в крестьянских низах «социального динамита», под действием которого крестьяне забаллотировали

---

[445] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 43.

[446] C. *Dupeux.* Aspects de l’histoire sociale et politique du Loir-et-Cher, 1848–1914. Paris, 1962.

[447] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7. стр. 43.

«45-сантимную республику», как *«республику богачей»* [448].

В итоге политики буржуазных республиканцев правительственная власть в буржуазной республике перешла в руки монархистов. 20 декабря 1848 г. Луи-Наполеон Бонапарт вступил в должность президента республики и принял присягу. Он поклялся быть верным республике и выполнять все обязанности, возложенные на него конституцией. В действительности, главой республики стал ее злейший враг, авантюрист, ни на минуту не перестававший мечтать об императорской власти.

При всей своей ограниченности Луи-Наполеон был достаточно хитер и расчетлив. Напускная маска простоватости помогала ему скрывать свое настоящее лицо продувного дельца и расчетливого авантюриста. «Он вечно молчит и всегда лжет», – характеризовала Луи-Наполеона одна хорошо знавшая его англичанка. В расчеты Луи-Наполеона как и всей «партии порядка» входило быстрейшее оформление монархической республики, в которой должна была произойти короткая агония республиканского режима во Франции.

Главой нового правительства был назначен Одилон Барро, лидер «династической оппозиции» времени Июльской монархии. Во всех звеньях государственного аппарата чиновники-республиканцы заменялись монархистами, зачастую теми же, кто занимали эти должности до февральской революции. Усиливалось преследование демократической печати и клубов, число которых в Париже к январю 1849 г. сократилось до 11. В январе 1849 г. полиция разгромила возникшую во время президентских выборов демократическую организацию «Республиканская солидарность». Правительство распустило 50 муниципальных советов с республиканским большинством.

Ближайшей целью монархистов было добиться скорейшего роспуска Учредительного собрания и замены его новым парламентом, где большинство принадлежало бы «партии порядка». В развернувшейся борьбе между Учредительным собранием и президентом и его правительством буржуазная республика пришла в столкновение с режимом, созданию которого она сама содействовала. Тем не менее их объединяла внутренняя классовая связь, выразившаяся в том, что буржуазные республиканцы, преобладавшие в Учредительном собрании, побоялись обратиться за помощью к народу против монархистов и трусливо капитулировали перед их нажимом. Припугнув буржуазных республиканцев войсками, выведенными 29 января на улицы и площади, прилегающие к Бурбонскому дворцу, монархисты добились согласия Учредительного собрания обсудить предложение о своем досрочном самороспуске. В феврале 1849 г. предложение это было принято (большинством 494 голосов против 307) и на 13 мая 1849 г. были назначены выборы в Законодательное собрание.

На этих выборах контрреволюция столкнулась с новой политической ситуацией: брожением мелкой буржуазии и новым подъемом демократического движения в стране. В то время как Учредительное собрание пошло направо, значительная часть населения страны поворачивала влево. Выход из экономического кризиса во Франции отличался крайней неравномерностью. Промышленный подъем, наступивший в Европе во второй половине 1848 г., распространялся на ряд отраслей французской промышленности с большим запозданием. Хлопчатобумажная и льняная промышленность в Эльзасе и северной Франции вступила в полосу более или менее устойчивого подъема, но строительная промышленность, стоявшая по числу рабочих на втором месте, еще не вышла из кризисной полосы, железнодорожное строительство не оживилось, а большинство отраслей тяжелой промышленности, в первую очередь – металлургическая и угольная, продолжали пребывать в маразме, продукция их свертывалась.

Затяжка промышленного кризиса усугублялась продолжавшейся депрессией в сельском хозяйстве. Хорошие урожаи 1848–1850 гг. при кризисных конвульсиях в промышленности и торговле вызвали резкое падение сельскохозяйственных цен. По данным Э. Лабрусса, со

---

[448] Там же.

второй половины 1848 г. и до конца 1851 г. цены на зерновые продукты во Франции опустились небывалым образом до уровня 1787 г.[449] В ряде департаментов южной Франции катились вниз и цены на продукты виноградарства. Обремененная долгами и закабаленная ростовщическим кредитом, масса парцелльных крестьян-бедняков и маломощных середняков испытывала новые бедствия.

По образному выражению Лабрусса, «гипертонический криз сменился кризом гипотоническим»[450].

Разоряемые слои мелкой буржуазии в лице своих передовых элементов распознавали в пришедшей к власти «партии порядка» олицетворение господства крупного капитала. Растущее сознание того факта, что этот капитал является общим врагом рабочего класса и мелкой буржуазии, постепенно устраняло прежний раскол между передовыми элементами этих классов и приводило их к сближению. На этой почве снова формировался единый фронт мелкобуржуазных демократов и социалистов.

В конце февраля 1849 г. демократы и социалисты заключили соглашение об объединении сил и совместных действиях против реакции. Была выработана программа совместных требований демократически-социалистического блока, «Новой Горы». Но пролетариат уже был обескровлен. Цвет парижских рабочих был истреблен в июньские дни, а революционные вожди парижской демократии находились в заточении. В начале марта 1849 г. Бланки, Распайль, Барбес, Альбер и другие революционеры предстали перед верховным судом в Бурже, который осудил их на длительное тюремное заключение и ссылку.

Хотя в промышленных районах продолжали вспыхивать отдельные рабочие стачки, в целом уцелевший после июньского поражения рабочий актив теперь бросился на утопические реформаторские эксперименты с производительными ассоциациями, с идеями «дарового кредита», безденежного обмена и т. д. и т. п. В декабре 1848 г. представители рабочих ассоциаций и бывшие люксембургские делегаты создали «синдикальную палату труда», пытавшуюся объединить разрозненные рабочие ассоциации. «Палата труда» вскоре примкнула к выдвинутому Прудоном проекту «Народного банка» для осуществления «дарового кредита» и попыталась приспособить этот проект к нуждам производительных рабочих ассоциаций.

Реформаторские идеи мелкобуржуазного социализма пополнили теперь программу «Новой горы»: наряду с «правом на труд», с реформой ипотечного кредита и уничтожением ростовщичества, с возмещением 45-сантимного налога и реформой налоговой системы, а также с требованием «централизации и эксплуатации в интересах всего общества страхового дела, банков, железных дорог, каналов и других средств сообщения, шахт и рудников»[451], одновременно была выдвинута программа энергичной защиты республики и демократических свобод, упразднения должности президента и введения выборности чиновников, осуществления братского союза между народами и уважения «принципа национальностей».

В таком своеобразном сочетании демократических и социалистических требований сказалась суть программы «Новой горы»: «перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности»[452]. Поэтому руководство в

---

449 «Aspects de la crise…», p. XXI.

450 Ibidem.

451 «La Revolution democratique et sociale», 5.IV 1849. Более обстоятельный анализ программы, политики и тактики «Новой Горы» см.: *Н. Е. Застенкер.* «Гора» 1849 года. – «Вопросы истории», 1948, № 5.

452 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 148.

демократически-социалистическом блоке 1849 г. принадлежало мелкобуржуазным демократам. Поскольку они рассчитывали победить реакцию, не прибегая к революционным действиям, они заражали своей слабостью пролетариат.

13 мая 1849 г. состоялись выборы в Законодательное собрание. С помощью разнузданного полицейского террора «партии порядка» удалось собрать половину голосов участников выборов и получить две трети всех мест в собрании. Буржуазные республиканцы потерпели на выборах полное поражение (они получили 18 % голосов и 9 % мест) и окончательно отошли на второй план.

Господствующее положение в Законодательном собрании заняли представители монархической буржуазии – легитимисты, орлеанисты и бонапартисты. Тем не менее «партия порядка» испытывала крайнюю тревогу. «Новая гора», несмотря на грубое давление властей и бешеную кампанию клеветы против демократов и социалистов, добилась на выборах 30 % голосов и 24 % депутатских мандатов.

Выборы в Законодательное собрание показали дальнейшее обострение классовых противоречий в стране и непрочность успехов буржуазной реакции, которой угрожали возросшие силы демократического лагеря. Только подавив эти силы, монархисты могли закрепить свой успех, осуществить до конца свои намерения.

Поражение мелкобуржуазной демократии

Решающее столкновение произошло через месяц после выборов. Поводом к нему послужила внешняя политика правительства, поддержанная монархическим большинством Законодательного собрания. Французские войска были посланы против Римской республики, чтобы восстановить папскую власть в Риме и утвердить в Италии господствующее влияние Франции.

Представители «Горы» резко протестовали против этой контрреволюционной интервенции, обвиняя президента и министров в том, что они открыто нарушили конституцию республики, запрещавшую применение французской армии против свободы и независимости других народов. 11 июня в Законодательном собрании с речью по этому вопросу выступил Ледрю-Роллен. Он внес от имени «Горы» обвинительный акт против президента и министров и потребовал предания их суду за нарушение конституции. От имени «Горы» Ледрю-Роллен клялся защищать конституцию даже силой оружия. Но когда собрание отвергло предложение «Горы», а рабочие делегаты стали настаивать на том, чтобы немедленно начать восстание, вожди мелкобуржуазной демократии отвергли такой план действий. Проявляя свойственную мелкой буржуазии нерешительность, колебания и боязнь революционных действий масс, «Гора» решила организовать перед Законодательным собранием безоружную демонстрацию протеста.

Демонстрация состоялась 13 июня 1849 г. В ней приняли участие несколько десятков тысяч человек. Безоружные демонстранты были разогнаны правительственными войсками. Большинство депутатов «Горы» разбежалось и попряталось. Оставшаяся кучка вожаков во главе с Ледрю-Ролленом сделала попытку организовать сопротивление действиям правительства и с запозданием призвала народ к оружию. Но и тогда вожди мелкобуржуазной демократии проявили бесконечные колебания, нерешительность, неспособность организовать революционную борьбу масс. В момент, когда на улицах Парижа начиналось строительство баррикад, руководители «Горы» прекратили борьбу, капитулировали и бежали за границу.

Выступление 13 июня вызвало отклики в провинции, в тех районах, где было сильно влияние «Горы». Но нигде, за исключением Лиона, дело не дошло до активных революционных действий, и власти без труда справились с волнениями. Только в Лионе, где в демократическом движении преобладали рабочие, 15 июня 1849 г. вспыхнуло массовое вооруженное восстание. Оно было жестоко подавлено силами правительственных войск.

Трусливое поведение мелкобуржуазных демократов во главе с Ледрю-Ролленом

показало, что мелкая буржуазия уже утратила способность возглавлять революционное движение народа против сил контрреволюции. Этот урок поражения «Горы» полностью раскрыт в словах В. И. Ленина: «В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки»[453].

Поражение мелкобуржуазной демократии было использовано реакцией для дальнейшей ликвидации завоеваний февральской революции. Один за другим были приняты Законодательным собранием законы, подавлявшие демократические права населения.

Президент республики получал право смещать мэров муниципалитетов, префекты получали право контроля за сельскими учителями, командующим военными округами предоставлялись широчайшие полномочия на местах в гражданских делах. Кульминационным пунктом реакционной политики «партии порядка» был принятый 31 мая 1850 г. новый избирательный закон, значительно ограничивший круг избирателей.

Принятие этого закона было ускорено дополнительными выборами в Законодательное собрание, состоявшимися 10 марта 1850 г.

Выборы отразили дальнейший рост недовольства трудящихся масс города и деревни. «Гора» завоевала на этих выборах 21 место из 30. Настоящую панику среди господствующих классов вызвал исход выборов в столице. На все три места от Парижа были избраны кандидаты демократическо-социалистического блока, причем наибольшее число голосов получил участник июньского восстания 1848 г. бланкист Дефлотт. Голосование в Париже показало, что мелкая буржуазия ходом событий начинает сплачиваться вокруг рабочего класса.

Закон 31 мая 1850 г. предоставлял избирательное право лишь тем лицам (мужчинам, достигшим 21 года), которые проживают в данной местности не менее трех лет и внесены в списки плательщиков личного налога. Эти ограничения лишили избирательного права около 3 млн. человек (29 % избирателей) – массу рабочего люда, вынужденного часто менять место жительства в поисках заработка.

Законодательное собрание одобрило новые репрессивные меры против демократического движения. В июле 1850 г. новый закон о печати повысил денежный залог для газет и ввел особый штемпельный сбор с газет и политических брошюр. Свобода собраний еще более ограничивалась. В ряде мест была распущена национальная гвардия. Приняла массовые размеры расправа с демократическими органами местного самоуправления – за время существования Законодательного собрания было распущено 126 муниципалитетов и смещено свыше 1000 мэров и их помощников. Принятый в марте 1850 г. «закон Фаллу» ставил под контроль духовенства все народное образование и учителей и обеспечивал щедрую помощь государства школам религиозных организаций.

В течение 1850–1851 гг. Франция была окончательно превращена «партией порядка» в полицейское государство, что делало еще более легким возврат от парламентарной буржуазной республики, оставившей неприкосновенной всю машину угнетения народа – армию, полицию, чиновничество, – к монархии. Уже в 1850 г. Тьер откровенно признавал, что республика во Франции представляет собой «полумонархический режим»[454].

Бонапартистский государственный переворот

Между соперничающими монархическими группировками теперь развернулась острая борьба. Легитимисты добивались восстановления монархии Бурбонов, выражавшей интересы крупного землевладения и высшего духовенства. Их кандидатом на трон был внук Карла X граф Шамбор. Крупные капиталисты и банкиры составляли ядро партии

---

[453] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 238.

[454] E. Ollivier. L’Empire liberale, t. II. Paris, 1897, p. 281.

орлеанистов и добивались короны для графа Парижского, внука Луи-Филиппа. Обе монархические группировки видели главную помеху своим планам в честолюбивых замыслах президента и его сторонников – бонапартистов. В этой борьбе между различными монархическими группировками обстоятельства благоприятствовали Луи-Наполеону. В его руках была высшая власть, были огромные средства воздействия на население.

Уже в октябре 1849 г. Луи-Наполеон уволил в отставку министерство Одилона Барро и назначил министрами своих сторонников – генерала д'Опуля, банкира Фульда и др. В сентябре 1849 г. под видом филантропической организации было создано бонапартистское «Общество 10 декабря». Оно вербовало Луи-Наполеону сторонников среди отбросов всех классов, пуская в ход подкупы, посулы и подачки, устраивало в его честь демонстрации, расправлялось с его противниками. Луи-Наполеон старался подкупить солдат и офицеров, собирал вокруг себя авантюристов и карьеристов всех чинов и званий. Бонапартисты обещали крупной буржуазии и зажиточному крестьянству неограниченные возможности обогащения, если только упрочится власть Луи-Наполеона.

Развернувшаяся в 1850–1851 гг. борьба между «партией порядка» и президентом окончилась для легитимистов и орлеанистов полной неудачей. Вскоре бонапартисты забрали в свои руки командование войсками парижского гарнизона и столичную полицию. Законодательное собрание, ставшее ареной интриг борющихся монархических клик, теряло с каждым днем поддержку широких кругов буржуазии, тогда как влияние бонапартистов в этих кругах непрерывно усиливалось. Бонапартисты сперва сделали попытку добиться от Законодательного собрания пересмотра конституции и отмены тех ее статей, которые запрещали переизбирать одно и то же лицо президентом на второй срок. Бонапартисты рассчитывали таким способом продлить пребывание Луи-Наполеона у власти, а в дальнейшем восстановить империю. Но предложение о пересмотре конституции не прошло, – оно не собрало необходимых двух третей голосов. С этого момента бонапартисты стали спешно готовить государственный переворот. Подготовка его облегчалась тем, что и мелкобуржуазные демократы, и социалисты, и буржуазные республиканцы проповедовали массам пассивное ожидание предстоящих новых выборов парламента и президента, которые должны были состояться в мае 1852 г. и принести им, по их расчетам, полную победу над монархистами.

Предвкушая скорое возвращение к власти, демократы вели между собой жаркие дискуссии о государстве, о причинах поражения республики 1848 г. и средствах ее упрочения в дальнейшем.

Дебатировались проекты совершенствования парламентской представительной системы, которую горячо отстаивал Луи Блан, возможности дополнения ее «прямым народным законодательством», как предлагали Ледрю-Роллен и Ш. Делеклюз, анархический проект Прудона о «социальной ликвидации» государства и замене его «договорными отношениями» граждан и т. д. и т. п[455].

Во всех этих дискуссиях находило искаженное отражение глубокое разочарование масс в буржуазной республике, тогда как сами эти проекты в сущности представляли умозрительные поиски средств ее укрепления. И в проектах и в дискуссиях о них игнорировались подсказывавшиеся опытом 1848–1851 гг. революционные приемы демократического действия трудящихся масс, пути борьбы пролетариата против буржуазного государства Второй республики во Франции. В этом непонимании классовой природы всех форм буржуазного государства крылся один из главных источников близорукого оптимизма мелкобуржуазных демократов и социалистов в отношении бонапартистской опасности.

Республиканцы и демократы не видели, что бонапартизм имеет реальные корни в

---

[455] Об этих дискуссиях о государстве см.: *Н. Е. Застенкер.* К. Маркс о революции 1848 г. во Франции. – «Вестник Московского ун-та», серия История, 1968, № 5.

социально-политической обстановке в стране, что он взрастает на почве глубокого кризиса буржуазной республики, растущей контрреволюционности буржуазии и зажиточного крестьянства. Заблуждением демократических лидеров были и их утешительные рассуждения о том, что у Луи-Наполеона, в отличие от его дяди, нет военной славы, нет престижа блистательных побед над феодальной Европой. «Империя – дело конченое, – писал в эмиграции Луи Блан. – Для этого нужна другая Европа и другой полубог, тогда как Луи-Наполеон – это великое имя без великого человека»[456].

Между тем исторический опыт революции 1848 г. как раз свидетельствовал о том, что для успеха бонапартизма вовсе не обязателен «полубог»; реакционная военщина могла уготовить бонапартистскую империю и иным путем – своими «победами» на внутреннем фронте. Во всех важнейших политических кризисах 1848–1849 гг. – и в дни июньского восстания 1848 г., и в январе и июне 1849 г. – армия играла решающую роль в борьбе против демократических сил. Благодаря этому бонапартисты получили возможность опереться на худшие элементы войска, чтобы с их помощью удушить республику.

Вместе с ближайшими советниками Луи-Наполеона – его сводным братом Морни, видными бонапартистами Руэром и Персиньи – государственный переворот готовили адъютант президента капитан Флери, вербовавший ему карьеристов-офицеров; усмиритель лионского восстания 1849 г. генерал Маньян, назначенный командующим войсками столицы; бездарный «алжирский» генерал и беспринципнейший продажный кондотьер Сент-Арно, срочно назначенный командиром одной из дивизий столичного гарнизона; бывший префект департамента Алье Мопа, уличенный в грубейших подлогах и грязных провокациях против республиканцев, что послужило ему лучшей рекомендацией в глазах Луи-Наполеона, искавшего готового на все карьериста для замещения важнейшего поста префекта парижской полиции. В октябре 1851 г. некоторые части столичного гарнизона были заменены частями из Алжира.

Излюбленным приемом бонапартистских заговорщиков была фабрикация «красного призрака» – полицейская стряпня различных демократических «заговоров» (вроде «юго-восточного заговора» осени 1850 г., дело о котором разбиралось в августе 1851 г. лионским военным трибуналом) и запугивание буржуазии и всех собственнических классов призраком грабежей и насилия, террора и анархии в случае победы демократов и социалистов на выборах 1852 г. Брошюра «Красный призрак 1852 г.», написанная продажным пером бонапартистского журналиста бывшего префекта Ромье, выдержала за короткий срок три издания. В этой книжонке расписывались ужасы ожидаемой якобы в 1852 г. «жакерии» и открыто пропагандировался цезаризм, военная диктатура. «Это общество прокуроров и лавочников находится в агонии, и оно сможет ожить лишь тогда, когда за его спасение возьмется солдат…» – восклицал Ромье в своей брошюре[457].

Семена бонапартистской пропаганды падали на вспаханную революцией 1848 г. весьма восприимчивую почву в среде крестьянства и буржуазии. Бонапартистская власть привлекала к себе не только жаждавшие твердого порядка и наживы предпринимательские слои французской деревни, буржуазно-крестьянскую верхушку и зажиточные элементы. В массе мелкого и парцеллярного крестьянства также продолжали жить упования на «крестьянского императора» Наполеона, который якобы спасет мелкого крестьянина и даст ему привилегированное положение. Эту наивную и навязчивую идею парцелльных крестьян питала и усиливала политика самой буржуазии. Ретроградная и грабительская политика буржуазной республики и правящей «партии порядка» в отношении крестьян бросала их в сети бонапартистской демагогии и «сама насильственно укрепляла приверженность класса

---

456 «Le Nouveau Monde», journal historique et politique redirce par 13.VII 1849.

457 A. Rumieu. Le Spectre rouge de 1852. Troisieme edition. Paris, 1851, p. 83.

крестьян к империи»[458].

Глубинные источники, питавшие бонапартистские настроения в деревне, хорошо раскрывал, например, поучительный ответ глухих сельских кантонов округа Пюи (департамент Верхней Луары) на правительственную анкету 1848 г. о состоянии промышленности и сельского хозяйства на местах. Комиссия, составившая летом 1849 г. гласный ответ кантонов этого округа на вопросы правительственной анкеты, горько жаловалась на «несправедливое забвение» всеми сменявшимися властями нужд деревни, на отсутствие всякой государственной помощи крестьянскому населению этих кантонов, «которое за 20 лет не выдвинуло из своей среды ни одного пэра, ни одного генерала, полковника, генерального прокурора, судебного советника или председателя, главу прокурорского надзора или какого-либо высшего служащего какой-либо администрации»[459]. Объясняя причины бедствий крестьян этого округа, комиссия указывала на крайнюю тяжесть и несправедливость налогов, на отсутствие у крестьян денежных средств и доступного кредита, на широчайшее распространение в связи с этим самого грабительского и изощренного ростовщичества («ростовщичество является самым ядовитым бичом для наших деревень»), на резкое падение сельскохозяйственных цен и крестьянских доходов, – «мы продаем сегодня съестные продукты за половину обычной цены, тогда как не собираем вдвое большего урожая»[460].

В заключение в духе ходульного красноречия того времени составители ответа гневно вопрошали: «Что же все-таки сделано до сих пор в пользу труженика полей, который не делает революций, но платит за все их инсценировки; в пользу того, кто, воодушевляемый великими воспоминаниями и ради наследника знаменитого изгнанника, бескорыстно, взамен одного лишь обещания, бросает приветственный клич великому отечеству?! Одним словом, что от имени демократической республики делается для этой земледельческой демократии, истинной демократии и истинной аристократии Франции?»[461] Такие настроения деревни могли лишь усугубиться в 1850–1851 гг., когда Законодательное собрание еще более усилило налоговое обложение крестьянства, восстановив налоги на соль и на вино, и утопило в своих парламентских комиссиях все проекты создания во Франции общедоступной системы поземельного и ипотечного кредита.

Что касается настроений буржуазных дельцов, то их отчетливо выразил в 1851 г. «Генеральный совет земледелия, мануфактур и торговли», выступивший с заявлением о том, что «не хватает безопасности в настоящем и не хватает доверия к будущему». Умонастроения широких кругов буржуазии блестяще были охарактеризованы Марксом, показавшим, как во Франции, в обстановке имевших место в 1851 г. заминок в коммерции, вызвавших торговую панику, в обстановке борьбы между парламентом и президентом, распрей между легитимистами и орлеанистами, слухов о готовящемся государственном перевороте, застращиваний «красным призраком» 1852 г. и т. д. и т. д., – «буржуазия, задыхаясь среди этого неописуемого оглушительного хаоса… обезумев кричит своей парламентарной республике: *„Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!“*»

---

458 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 209.

459 «Enquete sur le travail agricole et industriel. Rapport fait au nom de la Commission d'enquete pour les deux cantons du Puy, arrondissement du Puy (Haute-Loire), suivi du resume d’une etude d’economie agricole par Charles Calemard-Lafayette». Puy, 1849, p. 26.

460 Ibid., p. 40.

461 Ibid., p. 87.

Die Revolution,

Eine Zeitschrift in zwanglosen Heften.

Herausgegeben von

J. Weydemeyer.

Erstes Heft.

Der 18te Brumaire des Louis Napoleon

von

Karl Marx.

New-York.

Титульный лист журнала, в котором впервые была опубликована работа К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта».

Бонапарт понял этот крик»[462].

В ночь на 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеон произвел государственный переворот, вероломно нарушив свою присягу на верность конституции республики. Отряды войск заняли все важнейшие пункты столицы и здание парламента. Законодательное собрание было объявлено распущенным. Вожаки орлеанистов и легитимистов и виднейшие республиканские деятели были арестованы, в их числе Тьер, Моле, Шангарнье, Кавеньяк и другие видные депутаты. В столице было введено осадное положение. В обращении к народу Луи-Наполеон оправдывал свои преступные действия лживым утверждением, будто он «защищает республику от заговорщиков». Эта наглая ложь сопровождалась демагогическим мероприятием, с помощью которого Луи-Наполеон рассчитывал ввести в заблуждение общественное мнение и затушевать контрреволюционный характер переворота: он объявил об отмене закона 31 мая 1850 г. и о восстановлении всеобщего избирательного права.

Крупная буржуазия, чиновничество, офицерство одобрили и поддержали бонапартистский переворот. Католическое духовенство призвало население встать на сторону президента. Легитимисты и орлеанисты ограничились формальными протестами против незаконных действий Луи-Наполеона. Лишь небольшая группа левых республиканцев и демократов, среди которых активную роль играл Виктор Гюго, попыталась организовать сопротивление перевороту и призвала народ к оружию. Около 1,5 тыс. защитников республики в течение двух дней, 3 и 4 декабря, вели на улицах Парижа вооруженную борьбу против 40 тыс. правительственных войск. Основное ядро борцов за республику составляли передовые рабочие и студенты. Масса же пролетариата осталась пассивной, так как рабочий класс был к этому времени обескровлен, разоружен и лишен всякого руководства. Кроме того, рабочие не питали никакого сочувствия к Законодательному собранию – легитимисты и орлеанисты были в глазах рабочих угнетателями народа ничуть не меньше, чем Луи-Наполеон и его клика.

Республиканское восстание в Париже было жестоко подавлено. Число жертв кровавой бойни 4 декабря так и не было установлено, бонапартистские власти сообщали о 215 убитых и 119 раненых, но английская «Таймс» утверждала, что число убитых достигало 2 тыс., и эту

[462] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 196.

же цифру называл Пальмерстону английский посол в Париже.

Более решительное сопротивление бонапартистский переворот встретил в провинции. В 20 департаментах центральной и южной Франции, в районах с преобладанием мелких крестьян, вспыхнули восстания; участниками их были ремесленники и рабочие маленьких городков и местечек, демократическая интеллигенция, передовая часть крестьян. Эти республиканские восстания носили разрозненный характер и не имели ясной программы действий. Восставшие не выдвигали каких-либо требований и лозунгов, выходивших за рамки защиты республики; они ограничивались арестами отдельных реакционеров и разоружением полицейско-жандармских сил. Собственность буржуазии не затрагивалась, в редких случаях восставшие крестьяне сжигали архивы нотариусов, долговые расписки и требовали отмены налога на вино. Тем не менее бонапартистские власти и буржуазная печать поспешили объявить эти республиканские восстания давно предсказанной «жакерией» и наводнили Францию сообщениями о «зверствах» и «грабежах», которые якобы чинят «банды» повстанцев.

Этой грубой клеветой бонапартисты достигали двоякой цели. Перепуганные буржуа и зажиточные крестьяне теснее сплотились вокруг бонапартистских узурпаторов, провозгласив их «спасителями общества». Одновременно бонапартистские власти развязали себе руки для террористического похода против всех передовых элементов, против республиканцев и демократов.

Свыше 26 тыс. человек было арестовано, и во всех департаментах были созданы правительственные комиссии, отправлявшие республиканцев, демократов и социалистов на каторгу, в ссылку. По официальной статистике, репрессиям подверглось около 21 тыс. человек. Среди арестованных было 5423 земледельца, 1850 поденщиков и более 8500 ремесленников и рабочих, а также свыше 1100 учителей, врачей и адвокатов, 616 торговых служащих и около 2,5 тыс. мелких предпринимателей и собственников. Таким образом, и в провинции наиболее активное сопротивление бонапартистскому перевороту оказал рабочий и трудовой люд.

Декретом от 2 января 1852 г. 65 республиканских депутатов, в том числе эмигрировавшие из Франции Виктор Гюго, историк Кине, Шельнер, были объявлены изгнанными из отечества, а некоторые из них были сосланы в Алжир. Зато бонапартисты весьма реалистически расценили своих противников из числа заправил «партии порядка». Все они – Тьер, Моле, Кавеньяк и др. – вскоре были выпущены на свободу и составили бессильную «салонную оппозицию», либо присоединились в той или иной форме к бонапартистской диктатуре, принимая из ее рук новые сановные посты, как, например, председатель Законодательного собрания Дюпен, назначенный членом Верховного суда, или Монталамбер, ставший членом временной «консультативной комиссии», которая на бумаге заменила разогнанный парламент.

Развернув по всей стране бешеный террор против передовых элементов французского народа, бонапартисты, чтобы легализовать совершенную контрреволюцию, провели плебисцит (всенародное голосование) по вопросу о том, одобряет ли народ действия президента. Противники бонапартистов были лишены всякой возможности вести агитацию среди населения и разоблачать преступные действия Луи-Наполеона. Напротив, бонапартистская демагогическая пропаганда действовала вовсю, расточая посулы и обещания, в которые верило большинство крестьян. Плебисцит дал бонапартистам свыше 7 млн. голосов, одобривших действия президента (646 тыс. человек голосовало против).

Чувствуя за собой крепнущую поддержку большей части буржуазии и крестьянства, бонапартисты все настойчивее пускали в ход коррупцию и антипарламентскую демагогию, усиленно подчеркивали «надпартийный», «общенациональный» характер своей власти. Они ловко играли на громадной неприязни и ненависти народных масс к старым монархиям и широко использовали это оружие в сочетании с широковещательными посулами крестьянству, городской мелкой буржуазии и рабочим. Декретом от 22 января 1852 г. было конфисковано все имущество орлеанской династии, при этом было обещано, что 10 Млн. фр.

из него будет употреблено на улучшение рабочих жилищ в крупных промышленных городах. Следующими декретами был учрежден банк «поземельного кредита», понижена учетная ставка Французского банка, ускорено новое крупное железнодорожное строительство.

Силу воздействия этой бонапартистской демагогии засвидетельствовали крайние метания Прудона, написавшего в первые месяцы 1852 г. книгу «Социальная революция, показанная государственным переворотом 2 декабря» [463] , где доказывалось, что бонапартистский переворот отчетливо олицетворяет идею «революции» в действии и что Франция находится теперь в процессе осуществления «полного социализма». Книга Прудона, выпущенная в свет при прямом содействии Луи-Наполеона, вызвала возмущение всех демократов и социалистов. Такая книга *и* оценке К. Маркса была «прямой подлостью», имевшей целью представить бонапартистский переворот приемлемым для рабочего класса[464].

Гибель второй республики во Франции

Ближайший советник Луи-Наполеона Персиньи, ставший министром внутренних дел, в январе 1852 г. откровенно излагал в своем кругу программу действий бонапартистской диктатуры. «Коррупция и террор в широком масштабе, разве они не были всегда самым мощным оружием сильных правительств?… Наши предшественники практиковали лишь мелкую коррупцию, мы же, действуя напрямик, с деньгами в одной руке и с железом в другой, сумеем повести за собой страну далеко» [465].

Уверенность бонапартистской шайки подкреплялась все более благоприятными для нее настроениями массы буржуазии и собственнического крестьянства. Эти настроения расцветали вместе с множившимися признаками нового экономического подъема, охватившего с конца 1851 г. все отрасли французской промышленности и торговли и распространявшегося постепенно на сельское хозяйство.

Успеху бонапартистского переворота содействовала и международная обстановка 1851–1852 гг. – торжество реакции во всех странах Европы.

Все это позволило бонапартистам намного ускорить реставрацию наполеоновской империи, путь к которой был проложен и уготовлен государственным переворотом 2 декабря.

Не успела вступить в действие новая конституция (от 14 января 1852 г.), вводившая десятилетний срок президентских полномочий, как по всей стране стала развертываться шумная кампания за восстановление императорской власти. В течение лета и осени 1852 г. в Париже и провинции как по мановению дирижерской палочки созывались многочисленные собрания избирателей, нотаблей, торговых палат и т. д. и т. п., на которых принимались резолюции и петиции, почтительно «упрашивавшие» принца-президента – как теперь именовался Луи-Наполеон – принять императорский титул. Противники империи, разумеется, лишены были всякой возможности вести открытую агитацию против этого проекта. Запланированная реставрация империи была осуществлена официально 2 декабря 1852 г., когда умерщвленная уже год тому назад Вторая республика была формально упразднена и клятвопреступник Луи-Наполеон стал императором французов под именем Наполеона III.

Бонапартистский государственный переворот получил исчерпывающее объяснение в

---

463 *P. J. Proudhon.* La revolution sociale demontree par le coup d'etat du 2 decembre. Paris, 1852.

464 *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 30.

465 *E. Dollcans.* Histoire du mouvement ouvrier, t. I. Paris, 1947, p. 257.

работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и в трудах В. И. Ленина. «Бонапартизм, – указывал Ленин, – есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[466]. Революция 1848 г. потерпела поражение вследствие контрреволюционности буржуазии в условиях, когда революционность социалистического пролетариата еще не созрела. Выдавая себя за «надклассовое», «надпартийное» правительство, бонапартистский режим представлял наиболее отвечающую условиям времени форму буржуазной контрреволюции. Уроки революции 1848 г. тщательно изучались классиками марксизма-ленинизма. Маркс и Энгельс извлекли из опыта этой революции во Франции ряд важнейших выводов по вопросам теории научного социализма, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата.

Одним из важнейших был вывод Маркса о задачах пролетариата по отношению к буржуазному государству. Опыт революции 1848 г. наглядно показал ошибочность господствовавшего в умах демократов и социалистов представления, что в буржуазно-демократической республике старая государственная машина может быть приспособлена к нуждам трудящихся масс народа, может стать подлинно демократической. Буржуазная республика во Франции не только сохранила унаследованные от монархии средства подавления трудящихся масс – армию, полицию, бюрократический аппарат, но еще более усилила их. Таким образом, опыт революции 1848 г. поставил перед рабочим классом новую задачу. Эту задачу Маркс формулировал в следующих словах: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»[467]. «Этот вывод, – писал Ленин, – есть главное, основное в учении марксизма о государстве»[468].

Другой важнейший урок революции 1848 г. – необходимость высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии и завоевания его на сторону рабочего класса. Одной из главных причин поражения пролетариата в революции 1848 г. во Франции было то, что рабочий класс оказался неспособным привлечь на свою сторону крестьян, которые явились резервом буржуазии и в большинстве своем стали опорой бонапартизма.

7. Вторая империя (1852–1870 годы)

Вторая республика, со времен бонапартистского государственного переворота существовавшая лишь номинально[469], была 2 декабря 1852 г. упразднена и официально. Луи-Наполеон и на этот раз избрал для провозглашения новой империи эту знаменательную для династии Бонапартов дату – годовщину коронации на императорский престол Наполеона I, совпадавшую с годовщиной Аустерлицкой битвы. Фактически он уже со времени сенатус-консульта от 7 ноября, санкционированного плебисцитом 21 ноября, был облечен титулом «императора французов под именем Наполеона III». 2 декабря, покинув свою резиденцию в Сен-Клу, Луи-Наполеон торжественно въехал в Париж, сопровождаемый военным кортежем во главе с генералитетом французской армии. Через Триумфальную арку на площади Этуаль, воздвигнутую в честь побед Наполеона I, и Елисейские поля он верхом

---

[466] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 83.

[467] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 206.

[468] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 28.

[469] Это признавали впоследствии и сами соучастники государственного переворота 1851 г. (см., например, «Memoires du duc de Persigny». Paris, 1896, p. 171; Ch. de Maupas. Memoires sur le Second empire. Paris, 1884, p. 617).

проследовал мимо выстроенных на его пути войск и теснившихся вдоль тротуаров жителей столицы к Вандомской площади и оттуда к Тюильрийскому дворцу – резиденции французских монархов. Здесь его ожидала пестрая толпа придворных, спешивших засвидетельствовать новому властелину Франции свои верноподданические чувства. Город был украшен специально построенными триумфальными арками и другими временными сооружениями, огромными плакатами, на которых превозносили «императора Наполеона III, спасителя современной цивилизации», дарованную им конституцию и другие его государственные акты. Его портреты были выставлены рядом с портретами Наполеона I.

Первый день нового государственного режима был сер и дождлив. Пасмурен был, по свидетельству очевидцев[470], и новоявленный император, настороженным, беспокойным взглядом обводивший исподлобья толпы встречавшего его народа. Год, прошедший с декабрьского государственного переворота, не способствовал укреплению его доверия к населению Парижа. Два плебисцита этого года, принесшие ему, казалось бы, триумфальные победы, показали вместе с тем, насколько непопулярен был он в столице: оба плебисцита были омрачены для него результатами голосования парижан[471]. Да и в целом по стране огромное число – свыше 2 млн. – воздержавшихся во время второго плебисцита таило в себе предвестие будущих опасностей.

После провозглашения империи пышные празднества сменяли друг друга в Тюильрийском дворце. Они увенчались 29 января 1853 г. гражданской церемонией бракосочетания Наполеона III – ему было в то время 44 года – с 27-летней испанской аристократкой Евгенией Монтихо. 30 января брак этот был со всем великолепием ритуала освящен в соборе Нотр-Дам. Он был встречен неодобрительно окружением Наполеона III: Евгения Монтихо по рождению не была особой царствующей фамилии.

Период авторитарной империи (1852–1860 годы)

Во Франции установился режим бонапартистской диктатуры – особой формы государственной власти, своеобразие которой заключалось в том, что, управляя страной методами военно-полицейского террора, способствуя крайнему усилению бюрократического гнета, возрождению могущества католического духовенства, она в то же время постоянно лавировала между враждебными друг другу основными двумя общественными классами – пролетариатом и буржуазией, заигрывая то с одним, то с другим, то с обоими одновременно. Это лавирование позволяло ей выдавать себя за «общенациональную» государственную власть, стоящую над классами общества и выражающую интересы каждого из них.

Установление бонапартистского режима стало возможным во Франции потому, что в результате революции 1848 г. силы пролетариата и буржуазии оказались более или менее уравновешивающими друг друга. Ни один из этих классов не завоевал в ходе революции прочного перевеса над другим. Вступление экономики Франции, как и других развитых капиталистических стран, на рубеже 40-х и 50-х годов в полосу высокого подъема, сменившего экономический кризис и депрессию предшествовавших лет, облегчило Луи Бонапарту осуществление государственного переворота. Оно обеспечило ему «нейтралитет громадного большинства рабочего класса»[472], который к тому же не имел никакого желания

---

470 *H. Boucher*. Souvenirs d’un parisien. Paris, 1908; *Poumies de la Siboutie.* Souvenirs d’un medecin de Paris. Paris, 1910.

471 Во время декабрьского плебисцита 1851 г. из 291 тыс. голосовавших парижан только 137 тыс. ответили утвердительно. Остальные голоса принадлежали противникам государственного переворота (80 тыс.) и воздержавшимся (75 тыс.).

472 *К. Маркс* и *Ф· Энгельс*¦ Соч., т. 8, стр. 237.

после июньской бойни 1848 г. отстаивать парламентарную республику, возглавляемую крупной буржуазией в лице «партии порядка»[473].

Облеченный – согласно январской конституции 1852 г. – всей полнотой исполнительной власти, Наполеон III не замедлил почти полностью завершить уничтожение демократических завоеваний революции 1848 г., начатое при его участии до государственного переворота 1851 г. и продолженное после него. Единственный институт, сохраненный от революции, – всеобщее избирательное право, распространявшееся, в соответствии с конституцией, на всех граждан, достигших 21 года, и выражавшееся в форме парламентских выборов и плебисцитов, – и тот был фактически превращен в орудие личной власти императора.

В стране осталась одна лишь видимость парламентского режима. Голосование в периоды выборов происходило при неприкрытом, грубом давлении на избирателей со стороны официальных властей, широко практиковавших запугивание и террор. В таких условиях ни одна из двух палат бонапартистской империи – не только сенат, 150 членов которого назначались пожизненно императором, но и законодательный корпус, состоявший из 251 депутата, избираемого всеобщей подачей голосов, – не выражала воли французского народа, перед которым, согласно букве конституции, был ответствен император. Всемерное покровительство так называемым официальным кандидатам, ставленникам правительства поддерживаемым на местах префектами и мэрами, и, наряду с этим, всевозможные препятствия, чинимые кандидатам, не пользовавшимся поддержкой правительства, произвольное установление границ избирательных округов, при котором промышленные города частично присоединялись для голосования к сельским местностям, право мэров уносить к себе домой в конце первого дня голосования урны с бюллетенями[474], в значительной мере предопределяли консервативный, в подавляющем большинстве верноподданический состав законодательного корпуса. Правда, в бонапартистской палате было немало орлеанистов, лишь формально присоединившихся к империи.

Полномочия законодательного корпуса были крайне ограниченны. Согласно сенатус-консульту от 25 декабря 1852 г., его компетенция в области бюджета, кредитов и в других вопросах, подлежавших обсуждению, была очень мала. Законодательная инициатива исходила не от него, а от стоявшего над ним государственного совета, члены которого назначались императором. Функции законодательного корпуса на деле сводились лишь к формальному обсуждению и утверждению в целом во время его ежегодных трехмесячных сессий представленных ему готовых законопроектов без права внесения в них существенных поправок или дополнений. Депутаты законодательного корпуса были лишены также права избирать своего председателя; его назначал император. Ни одна из палат не была правомочна публиковать протоколы своих заседаний, а должна была довольствоваться краткими отчетами о них[475].

Печать была подчинена строжайшей полицейской регламентации. До 10 июня 1853 г. она находилась в ведении восстановленного министерства полиции, после чего перешла в распоряжение министерства внутренних дел. Закон от 17 февраля 1852 г. о печати, объявлявший обязательными предварительное правительственное разрешение на издание любого политического органа, как и утверждение его главного редактора министром

---

[473] Вопрос о классовой природе бонапартизма совершенно неверно освещен в работе М. Рюбеля, который рассматривает бонапартизм как государственную форму, ставшую доминирующей в XX в.: «Бонапартизм стал судьбой современного мира» (M. *Rubel.* Karl Marx devant le bonapartisme. Paris – La Haye, 1960, p. 160).

[474] Голосование длилось два дня.

[475] В виде своеобразной «компенсации» за эту урезку прав законодательного корпуса его членам было увеличено жалование.

внутренних дел, вводивший вдвое больший, чем прежде, денежный залог и гербовый сбор, делал фактически невозможным существование демократической печати. Либеральная газета «Сиекль», претендовавшая на роль оппозиционного республиканского органа, в действительности покорно подчинялась указаниям правительства, с которым, по некоторым сведениям, поддерживала негласную связь[476].

Ее антиклерикальный тон, привлекавший к ней парижскую буржуазию, был в некотором роде на руку бонапартистским властям.

Помимо официального «Монитёр», правительственный курс представляли три другие крупные газеты: «Конститюсионель», «Ле Пейи», «Ля Патри». Владельцем первых двух был известный в то время финансист Леон Мирес, владельцем третьей – банкир Деламар, «один из виднейших парижских биржевиков»[477]. До начала 60-х годов лишь очень немногие органы печати представляли оппозиционные буржуазные партии. Наиболее видными из них были: орлеанистская «Журналь де Деба», легитимистские «Юнион» и «Газет де Франс», орган сторонников слияния обеих династий «Ассамбле Насиональ», газета «Ля Пресс», не имевшая определенного политического направления (ее главным редактором был до 1866 г. журналист Эмиль де Жирарден), вышеупомянутая либеральная «Сиекль», родственный ей сатирический «Шаривари», еженедельник «Фигаро» и некоторые другие. Органом клерикальной партии был «Юнивер», выступавший против отдельных мероприятий бонапартистских властей, шедших вразрез с притязаниями католического духовенства. В провинции существовало некоторое число местных газет, по преимуществу бонапартистского толка.

Малейшая «провинность» любого органа печати служила основанием для вынесения ему официального предупреждения. Двукратное предупреждение влекло за собой двухмесячный запрет; после третьего предупреждения газета подлежала полной ликвидации. За короткий срок в 14 месяцев (до 10 июня 1853 г.) министр полиции Мопа и его префекты вынесли разным органам печати в Париже и в провинции 91 предупреждение и наложили двухмесячный запрет на три провинциальные газеты. Немногим лучше обстояло дело и в дальнейшем: министр внутренних дел Персиньи за один год (до 20 июня 1854 г.) вынес 32 предупреждения. Грубое вмешательство полицейских властей в повседневную жизнь периодической печати было обычным явлением.

Засилье католического духовенства, способствовавшего приходу Наполеона III к власти и получившего после установления империи огромную власть в стране, – одна из наиболее мрачных черт бонапартистского режима, особенно в период авторитарной империи. Под надзор и контроль церкви было отдано народное образование. Действуя заодно с административно-полицейскими властями, главным образом префектами, католическое духовенство фактически сосредоточило в своих руках обучение в большинстве начальных школ. Конгрегационистские школы при поддержке центральной и местной администрации вытесняли светские школы, особенно женские, воспитывая детей в духе слепой покорности католической церкви. Конгрегационисты проникли в качестве наставников и в светские начальные школы, что поощрялось декретом от 14 июня 1854 г. Церковь простирала свое влияние также на среднюю школу; ей принадлежали многие учреждения среднего образования.

Католическое духовенство старалось завладеть и высшим образованием. Радикальная «чистка» педагогического персонала университетов, проведенная правительством, увольнение республиканских и многих либеральных профессоров, открытие специальных иезуитских колледжей, конкурировавших с университетами, не удовлетворяло властителей

---

[476] *D. Y. Kulstein.* Government Propaganda and the Press during the Second Empire. – «Gazette», Leiden, 1964, vol. X, N 2, p. 134–135.

[477] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7. стр. 312.

церкви: их борьба за высшую школу не прекращалась. Они добивались, кроме того, увеличения бюджета церкви, находившейся на содержании государства, права неограниченного расширения дарственного церковного имущества, не подлежавшего отчуждению, восстановления упраздненных монашеских орденов и других привилегий. Правительство не скупилось на расширение прав католической церкви, одной из главных его опор. Действенная помощь церкви во время избирательных кампаний, ее поддержка завоевательной внешней политики Второй империи были особенно ценны для стоявшей у власти бонапартистской клики.

Разгул военщины, худших элементов армии, приведших Наполеона III к власти, полицейский и административный произвол, бесцеремонное вторжение в частную жизнь населения, сохранение осадного положения во многих департаментах, ликвидация местного самоуправления, насильственный роспуск политических партий, профессиональных и кооперативных объединений закрепляли устои авторитарной империи, заложенные конституцией 1852 г.

Тюрьмы в Париже и в провинции были переполнены. Места многих из содержавшихся в Них ранее заключенных, приговоренных военными судами к ссылке в Алжир, Кайенну, Гвиану, заняли новые жертвы бонапартистского террора. «Всякий, кто носил эполеты, повязку мэра, у кого имелось удостоверение агента полиции, считал себя вправе отдавать приказы о взятии под арест. Никакого различия между департаментами, объявленными на осадном положении, и прочими департаментами – всюду произвол…» [478] – свидетельствовал современник излагаемых событий либеральный историк Таксиль Делор. Наиболее жестоким преследованиям подвергались республиканцы.

Республиканская партия была разгромлена. Ее руководители и активные деятели томились в тюрьмах, в ссылке, либо находились в изгнании в Англии, Бельгии, Швейцарии. Невзгоды эмигрантской жизни, материальные лишения и моральные страдания, испытываемые французскими изгнанниками на чужбине, усугублялись идейными разногласиями между различными группировками, наиболее видными из которых были «Революционная коммуна» и «Революция» в Лондоне, группа «Демократов-социалистов» в Джерси. Общим для этих соперничавших группировок было ложное представление о политическом положении, сложившемся во Франции после государственного переворота, иллюзии о близком падении бонапартистского режима и о руководящей роли, которую они способны будут сыграть в его свержении. Об этом свидетельствуют, в частности, воззвания, с которыми каждая из названных группировок обратилась в октябре 1852 г. к французскому народу.

Придавая решающее значение антибонапартистской пропаганде для успеха предстоящего, по их мнению, переворота, французские эмигранты прилагали большие усилия в этом направлении. Искусно обходя бдительность французской полиции, прибегая к тончайшим ухищрениям, они всевозможными способами переправляли во Францию издававшуюся ими в эмиграции революционную литературу, в которой разоблачался бонапартистский государственный строй и возглавлявший его император. Аресты и судебные преследования уцелевших во Франции республиканцев не приостановили проникновения «крамольной» литературы из-за рубежа. Руководящий комитет «Революционной коммуны» попытался установить организационные связи с парижскими и провинциальными республиканцами, возлагая необоснованные надежды на возможность близкого осуществления антибонапартистского вооруженного восстания, которое, по их убеждению, будет поддержано оппозиционными элементами армии. Успеху восстания должна была благоприятствовать Крымская война, в которую вступила Франция в 1853 г.

Однако очень скоро для руководящих деятелей французской эмиграции стало ясно, насколько преждевременны и зыбки их планы. Когда в 1854 г. республиканец Буашо

---

[478] *T. Delord.* I list oil c Hu Second Empire, t. II Paris, 1870, p. 33–34.

нелегально прибыл по поручению «Революционной коммуны» в Париж, чтобы на месте установить, на какие реальные силы может рассчитывать комитет для осуществления переворота, то он в первый же день убедился, насколько не соответствовали действительности сведения, которыми располагал на этот счет комитет. В своих позднейших воспоминаниях, опубликованных в Лейпциге в 1869 г.[479]

Буашо откровенно признал, что уже одно его появление повергло в ужас его парижских друзей. Никто из них не решался предоставить ему пристанище; он с трудом устроился на ночлег в одном из предместий Парижа. Пробыв в столице три дня, повидав многих республиканцев, побывав в пригородных казармах, он окончательно убедился в несвоевременности призыва к оружию. Он решил вернуться в Лондон, но накануне отъезда был арестован и запрятан в тюрьму Мазас[480].

Однако республиканские идеи и идеалы даже в наиболее мрачную пору бонапартистской реакции начала 50-х годов не были преданы забвению. Свирепствовавший в стране полицейский террор был бессилен полностью задушить республиканское движение. Об этом свидетельствуют не прекращавшиеся связи между уцелевшими во Франции республиканцами и революционерами-эмигрантами, которым оказывалась материальная помощь путем тайных сборов средств в Париже и в провинции; на это указывают конспиративные контакты между людьми разных социальных слоев, которых объединяли общая ненависть к бонапартистскому режиму, мечты о возрождении республиканского строя. Правительство Наполеона III недаром строжайше запретило всякие народные скопления, в частности гражданские похороны, опасаясь открытого проявления на них оппозиционных настроений. Так было зимой 1853 г., когда умер Арман Марраст, бывший председатель Учредительного собрания в период Второй республики; весной 1854 г. после смерти Ламенне. Даже похороны матери Ледрю-Роллена (1853 г.) были запрещены, и тело ее было спешно увезено полицией.

В обстановке удушения политических свобод республиканское движение начала 50-х годов было вынуждено обратиться к прежним формам борьбы – к организации тайных обществ, заговоров, террористических актов.

1853–1855 гг. были отмечены неудачными покушениями на Наполеона III. Они повлекли за собой жестокие репрессии: казни, ссылки, массовые аресты. Особенно неистовствовали бонапартистские власти после неудачной попытки вооруженного выступления, предпринятой в августе 1855 г. рабочими аспидоломен Трелазе в окрестностях Анжера (департамент Мен-и-Луары); инициатива выступления приписывалась тайному обществу «Марианна». Попытки покушений и ответные правительственные преследования не прекращались и в последующие годы. Так, в 1857 г. полицией было раскрыто готовившееся покушение на Наполеона III, которое на этот раз должен был совершить итальянец[481] Тибальди. В Париже и провинции снова последовали массовые аресты и тюремные заключения.

Эти и другие проявления политической активности исходили главным образом из среды революционной молодежи, предоставленной в большинстве случаев собственной инициативе. Представители старшего поколения республиканцев, ненавидевшие бонапартистский режим, были, однако, в большинстве своем охвачены политической апатией, в основе которой лежало недавнее поражение революции 1848 г. Рабочие, кроме того, испытывали глубокое разочарование в политической деятельности буржуазных вожаков революции, предательское поведение которых в отношении пролетариата

---

479 Часть из них бежала в Италию и Германию, но вскоре была вынуждена покинуть эти страны.

480 A. Boichot. Souvenirs d'un prisonnier d'Etat sous le Second Enipirc. Leipzig, 1869.

481 *A. Boichot.* Souvenirs d'un prisonnier d'Etat sous le Second Enipirc. Leipzig, 1869.

обнаружилось со всей очевидностью в июньские дни 1848 г.

Важнейшим фактором, оказывавшим парализующее действие на французское рабочее движение после установления империи, был разгром политических и профессиональных объединений французских рабочих. Не способствовало активной политической борьбе и временное улучшение материального положения значительной части французского пролетариата в условиях промышленного подъема начала 50-х годов. Следует также учесть, что часть рабочих, особенно в первые годы империи, поддалась воздействию проводившейся Наполеоном III демагогической политики мнимой защиты интересов «трудящихся классов».

Однако бонапартистские агенты на местах, в частности генеральные прокуроры, при всем их верноподданическом подобострастии не могли скрыть в своих донесениях в Париж, что большинство рабочих, несмотря на относительную пассивность, не одобряют политический строй империи. Так, в донесении от 5 февраля 1853 г. из Лиона генеральный прокурор сообщал: «Правительство напрасно будет проявлять живую симпатию к трудящимся классам; ему не удастся уничтожить здесь дурные умонастроения». Суть таких настроений, по его мнению, заключалась в том, что «рабочий класс вообще убежден в несправедливости социального строя. Эксплуатация человека человеком, тирания капитала – весь багаж уравнительной философии всех веков, который, казалось, был предан забвению, так как о нем не говорилось больше в печати, напротив, сохранился в более или менее грубой форме в сознании рабочих и составляет основу их политических убеждений»[482]. Из другого донесения, от 4 марта 1853 г., мы узнаем, что 24 февраля в Лионе и его предместья Круа-Русс большинство рабочих отметили годовщину февральской революции прекращением работы на ткацких станках. На центральной площади в Круа-Русс было водружено красное знамя[483]. В донесении из Марселя генеральный прокурор также уведомлял: «Оппозиция в Марселе многочисленна и влиятельна. Люди, преданные правительству, присоединившиеся к нему, отнюдь не составляют большинства»[484]. В таком же духе высказывались генеральные прокуроры департаментов Сены, Кот-д Ор, Роны, Алье и др.

Вместе с тем прав был в своем заключении упомянутый выше генеральный прокурор департамента Буш-дю-Рон: «…но до тех пор, пока народ сможет удовлетворять свои потребности посредством труда или прибыльной торговли, не приходится опасаться за общественный порядок и общественное спокойствие»[485].

Судьба бонапартистского режима во Франции была в значительной мере связана с экономическим благосостоянием страны. Пока материальная основа империи представлялась прочной, пока промышленность, торговля, кредит развивались, в стране сохранялось внешнее спокойствие. Французская буржуазия, лишенная в результате бонапартистского государственного переворота политических прав, в страхе перед «красным призраком» мирилась со своим унизительным положением, довольствуясь получаемой ею материальной компенсацией, возможностью неограниченного обогащения. Правительство Второй империи всемерно способствовало материальному процветанию крупной финансовой, промышленной и торговой буржуазии, крупных землевладельцев, усматривая в

---

[482] «Le Procureur General de la Cour d'Appel de Lyon au Garde des Sceaux a Paris». Lyon, le 5 fevrier 1853. – «International Review for Social Plistory», vol. IV, 1939, p. 254–255.

[483] «Le Procureur General de la Cour d’Appel de Lyon au Garde des Sceaux a Paris». Lyon, le 5 fevries 1853. – «International Review for Social I listory», vol. IV, p. 255.

[484] «Le Procureur General de la Cour d Appel d Aix au Garde des Sceaux a Palis». Aix, le 11 mars 1852. – «International Review for Social History», vol. IV, 1939, p. 239.

[485] Ibidem.

такой экономической политике залог консолидации режима 2 декабря. Средняя и мелкая буржуазия на первых порах также пользовалась материальными благами высокой экономической конъюнктуры и не предвидела катастрофических для нее последствий растущей капиталистической концентрации. Что касается миллионных масс парцелльного крестьянства, то, за исключением тех из них, кто с оружием в руках выступал против декабрьского переворота, оно в подавляющем большинстве оставалось в плену «наполеоновской легенды» и возлагало нереальные надежды на своего ставленника Луи Бонапарта, связывая с его приходом к власти надежду на новую эру благоденствия для сельского хозяйства.

Наступившее с осени 1849 г., а в особенности с начала 1850 г., во Франции оживление промышленности и торговли имело своей причиной, как указывали в то время Маркс и Энгельс, отнюдь не «восстановление порядка и спокойствия» после революционных бурь 1848–1849 гг., согласно утверждению буржуазных публицистов, а «возобновление процветания в Англии и увеличение спроса на продукты промышленности на американских и тропических рынках» [486].

Англия раньше других стран оправилась от кризиса 1847 г., благодаря первенствующей роли, которую она в то время играла в мировой экономике; она уже с осени 1848 г. вступила в полосу циклического подъема. За ней последовали Соединенные Штаты Америки. «Процветание Англии и Америки вскоре оказало обратное влияние на европейский материк», – констатировали в ноябре 1850 г. Маркс и Энгельс, отмечая тот факт, что «как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии»[487]. Экономическому подъему Франции, как и других капиталистических стран, в огромной степени способствовало открытие золотоносных рудников в Австралии и Калифорнии и влияние этого крупнейшего события на мировой рынок.

В 50-60-х годах во Франции в основном завершился промышленный переворот[488]. Фабричное производство охватило почти все наиболее важные отрасли промышленности, в том числе машиностроение. Именно в эти десятилетия фактически впервые укоренилось во Франции крупное производство, получив распространение не только в текстильной промышленности, как это было до того времени, но и в горной, металлургической, химической и в ряде Других отраслей. Общий объем промышленной продукции вырос почти вдвое, более чем в три раза увеличились обороты французской внешней торговли, более чем в два раза обороты внутренней торговли, в огромной степени вырос железнодорожный транспорт; строительство железных дорог было важнейшим фактором, стимулировавшим развитие крупной индустрии.

Но еще в больших размерах, чем промышленность и торговля, выросли кредитные учреждения и биржевой ажиотаж. Операции парижской биржи за эти десятилетия утроились, сфера ее спекулятивной деятельности чрезвычайно расширилась. Она превращалась в денежный рынок европейского масштаба, успешно конкурировавший с английским. «Биржевая спекуляция не знала границ», – так писал о первых годах господства Наполеона III буржуазный журнал[489]. Из другого источника мы узнаем, что «по крайней мере треть командитных обществ, возникших в первые годы империи, была основана бесчестными и

---

[486] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сом., т. 7, стр. 464.

[487] Там же, стр. 464, 466.

[488] См. капитальное исследование Ф. В. Потемкина «Промышленная революция во Франции», т. I–II. М., 1971.

[489] «Journal des economistes», 1868, janvier, p. 144.

неплатежеспособными лицами»[490]. Дутые акционерные общества обирали многочисленных держателей ценных бумаг, главным образом из среды мелкой буржуазии городов и сельских местностей.

Операции Французского банка, крупнейшего кредитного учреждения страны, с 1851 по 1869 г. выросли более чем в пять раз, а число его филиалов увеличилось с 30 до 61. «Французский банк превратился в официального банкира государственной казны», – сообщал французский финансовый журнал [491]. Другие крупные банковские учреждения, созданные или реорганизованные в годы Второй империи – знаменитое Общество движимого кредита (основано в 1852 г.), Общество поземельного кредита (1852 г.), Национальная учетная контора (реорганизована в 1854 г.), Лионский кредит (1863 г.), Марсельское общество промышленного кредита и сбережений (1864 г.), Общество развития торговли и промышленности во Франции (1864 г.), – вместе с Французским банком держали в своих руках основные экономические нити страны. Они все чаще непосредственно участвовали в создании и упрочении крупных промышленных и транспортных предприятий. Промышленные и финансовые воротилы уже в 1857 г. владели почти всеми железнодорожными линиями страны. 6 крупных акционерных компаний при покровительстве правительства вытеснили около 40 железнодорожных обществ.

Промышленный и финансовый подъем, однако, замедлился вследствие периодических кризисов перепроизводства, от которых в 50-60-х годах страдала экономика Франции, как и других стран. Кризисы в эти десятилетия были более глубокими и опустошительными, чем прежние, особенно мировой экономический кризис 1857 г.

Годы, предшествовавшие этому кризису, хотя и изобиловали стихийными и социальными бедствиями – неурожаями, наводнениями, эпидемиями холеры, унесшей жизни около 200 тыс. французов, нищетой масс в городах и в сельских местностях, жилищными лишениями, вошли в экономическую историю Второй империи как ее лучшая, цветущая пора. Но в эти годы в стране не прекращались, несмотря на полицейский террор, стачки рабочих в различных отраслях промышленности Парижа и провинции, как и выступления недовольных своим положением крестьян. Эти голы, как мы видели, изобиловали покушениями на Наполеона III.

[490] *J. Lescur.* Essai historique et critique sur la legislation des Societes commerciales en France et a l’etranger. Paris, 1877, p. 68–69.

[491] Цит. по: *P. Dupont-Ferricr.* Le marche financier de Paris sous le Secord empire. Paris, 1925, p. 13.

Прачка. О. Домье

Маркс уже в конце 1853 г. усматривал во внутреннем положении империи, несмотря на ее внешнее благоденствие, известные предпосылки для революционного взрыва, который он, однако, связывал не с воззваниями республиканских эмигрантов-доктринеров, возглавляемых Ледрю-Ролленом, Луи Бланом и другими деятелями эмиграции, а с экономическим кризисом, в близком наступлении которого он был убежден. В письме от 12 октября 1853 г. к Энгельсу Маркс обращал его внимание на плохой урожай хлеба и винограда во Франции, вынуждающий рабочих устремляться в Париж, где цены на хлеб более низки. Новый приток рабочих рук понижает и без того падающую заработную плату парижских рабочих, что способствует росту среди них революционных настроений. Маркс обращал также внимание на хлебные бунты в Эльзас-Лотарингии и Шампани; на беспощадность налогового пресса в деревнях; на недовольство крестьян и множество поджогов помещичьих имений; на расточительные траты правительства на содержание высших чинов армии; на ее растущую деморализацию; на недовольство буржуазии заигрыванием бонапартистских властей с рабочими; на «дутый характер всей системы кредита, превратившейся в колоссальное чисто мошенническое предприятие». Внешний блеск империи достигался ценой огромного роста государственного долга. В долгах увязли и «все городские власти»[492]. Новая волна безудержной спекуляции на колебаниях ценных бумаг, в которой участвовал и двор, была, в частности, вызвана обострением восточного кризиса в середине 1853 г.

Крымская война (1853–1856 гг.), развязыванию которой в немалой мере способствовал Наполеон III, была первой войной бонапартистской империи. «Империя это мир» – этот лживый лозунг, ловко брошенный претендентом на императорский престол незадолго зо провозглашения Второй империи, был им нарушен уже через год. Государственный режим, установленный путем вооруженного насилия, с помощью армии, не мог рассчитывать на длительное существование без завоевательных войн. Война с Россией в союзе с Англией была предметом особых стремлений французского императора.

Война принесла победу европейской коалиции держав, укрепила международное положение Второй империи. Но она показала также наряду с храбростью и героизмом солдат слабость французской армии – отсутствие в ней должной организации, посредственность ее командного состава.

Собирательницы колосьев, Ж. -Ф. Милле

Еще до окончания войны, в июне 1855 г., в Париже открылась Всемирная промышленная выставка. Она должна была продемонстрировать промышленный прогресс Франции, расцвет ее экономики. Представленные на ней новейшие достижения в различных отраслях промышленности, в том числе в таких, как железоделательная, химическая,

---

[492] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 255–256.

текстильная, машиностроительная, газовая, привлекли свыше 5 млн. посетителей – цифра для того времени высокая – среди них немало иностранцев и даже коронованных особ, в частности английскую королеву Викторию и др. Это дорогостоящее предприятие выполнило в основном свое назначение – укрепило внутри страны и за ее пределами убеждение в прочности бонапартистского режима.

Реконструкция Парижа, начатая в конце 1852 г. и находившаяся в разгаре во время Всемирной выставки, усиливала это впечатление. Столица Франции приобретала новый облик. Узкие, кривые улицы ее центральной части, заселенные трудовым людом, уступали место широким проспектам, застроенным богатыми особняками, дворцовыми ансамблями. Многочисленная армия строителей, прибывшая в Париж из провинциальных городов, выполняла далеко идущие планы нового префекта департамента Сены Османна, назначенного на этот пост в июне 1853 г. Пользуясь поддержкой Наполеона III, Османн придал работам по реконструкции Парижа небывалый размах, что потребовало огромных капиталовложений и еще более увеличивало дефицитность государственного бюджета.

Но это была оборотная сторона медали, пока еще не видимая неискушенному наблюдателю. Лицевая же ее сторона своим внешним блеском и великолепием слепила многим глаза в самой Франции и за ее пределами. «Париж превратился в столицу всемирного ажиотажа, биржа привлекала сюда всех банкиров Европы, выставка – всех любопытствующих, правительство – всех государей. Ежедневно то новый военный смотр на Марсовом поле, то новое празднество в Тюильрийском дворце»[493]. Так описывал Таксиль Делор столицу Франции 1856 г.

Экономический кризис 1857–1858 гг. открыл новый этап в жизни бонапартистской Франции.

Уже в 1856 г., несмотря на заключение Парижского мира (30 марта), способствовавшего известному оживлению внешней торговли Франции, в ряде отраслей французской промышленности начали проявляться признаки спада. Неурожай в отдельных районах страны, высокие цены на продукты питания, снижение производства вина, болезнь шелковичного червя и вызванное ею падение сбора коконов и производства шелка-сырца, разливы Роны и Луары и вызванные ими опустошения привели к сокращению покупательной способности населения, что отрицательно сказалось прежде всего на хлопчатобумажной и шелковой промышленности, способствовало разорению многих мелких и средних предпринимателей, концентрации производства в крупных предприятиях. Однако оживление на бирже все еще продолжалось, затраты на строительство достигали почти 300 млн. фр., в широких масштабах производились общественные работы, прокладывались железные дороги, наблюдался некоторый рост металлургической промышленности, особенно производства чугуна.

Во второй половине 1856 г. разразился денежный кризис, а в марте-апреле 1857 г. курс ценных бумаг начал падать. Последовали многочисленные банкротства. В конце 1857 г. наблюдалось резкое падение кредитных операций. Сокращение американских заказов сильно задело производство «парижских изделий» и шелковую промышленность. В крупных промышленных центрах (Париже, Лионе, Руане, Лилле, Рубэ, Сент-Этьенне, Мюлузе и др.) в результате застоя скопились большие запасы товаров, начались увольнения рабочих, снижалась заработная плата[494].

Экономический кризис продолжался и в 1858 г. Он охватил также угольную и металлургическую промышленность и впервые задел производство чугуна в результате сокращения железнодорожного строительства.

Подорвав экономику Франции, кризис 1857–1858 гг. обнаружил непрочность

---

493 T. Delord. Histoire du Second Empire, t. II, p. 9, 10.

494 «Journal des economistes», 1856, t. 10; 1857, t. 12–14, 16; 1858, t. 17.

материальной основы империи и впервые со времени ее провозглашения вызвал недовольство среди всех слоев населения Франции, в том числе буржуазии.

Усилившееся в условиях кризиса наступление предпринимателей на жизненный уровень рабочих возродило среди них враждебное отношение к бонапартистскому режиму. В ответ на снижение заработной платы и рост безработицы последовали стачки в разных отраслях промышленности. Все больший отклик среди рабочих и ремесленников находили антиправительственные прокламации, распространявшиеся республиканской интеллигенцией. С конца 1856 г. в Париже и в провинции участились аресты.

Недовольство нарастало и среди крестьян. Оно выражалось в поджогах помещичьих имений, наблюдавшихся уже с конца 1853 г.[495] «Непрерывно возобновляются столкновения в деревне между сельскими хозяевами и их наемными рабочими», – сообщал в конце ноября 1858 г. один из генеральных прокуроров в донесении из Орлеана[496]. Аналогичные донесения поступали из других районов.

Сокращение прибылей в различных отраслях промышленности, падение курса ценных бумаг, акций «Креди мобилье», Французского банка, железнодорожных и других компаний, 3 %-ной ренты и т. д. отбросило в ряды оппозиции значительную часть буржуазии: разорявшихся владельцев мелких предприятий и лавок, многочисленных мелких рантье, страдавших от постоянных колебаний на бирже, многих средних предпринимателей, пострадавших от кризиса, и некоторую часть крупных.

Приближавшиеся выборы в законодательный корпус вызывали у бонапартистских властей серьезные опасения. Донесения генеральных прокуроров были полны тревоги. «В индустриальных центрах оппозиционное настроение неустранимо, – сообщал один из них из Кана в июле 1857 г. – Повсюду, где существуют рабочие, можно быть уверенным, что они будут голосовать за самого враждебного правительству кандидата»[497]. Другие донесения мало чем отличались от приведенного.

Полицейские меры, предпринятые правительством, чтобы обеспечить успех официальным кандидатам, многочисленные аресты лиц, подозреваемых в республиканских настроениях, не помешали рабочим голосовать за кандидатов оппозиции. Недаром генеральные прокуроры жаловались на то, что «рабочие скверно голосовали во время последних выборов». Поддержка рабочих дала возможность оппозиционным кругам буржуазии провести в бонапартистскую палату пять своих представителей.

Впервые со времени прихода Наполеона III к власти в законодательном корпусе появилась республиканская фракция. Правда, составлявшие ее депутаты Оливье, Даримон, Энон, Фавр, Пикар[498] принадлежали к правому крылу буржуазной оппозиции, к так называемым умеренным республиканцам. Они сочли возможным принести верноподданическую присягу императору. И тем не менее сам факт появления оппозиционной фракции внутри законодательного корпуса был знаменательным явлением в политической жизни Франции, указывавшим на то, что буржуазия не питала больше доверия к Наполеону III и проникалась стремлением вернуться к самостоятельной политической жизни.

«Эта манифестация общественного мнения, при всей ее скромности и

---

[495] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 562.

[496] «Le Procureur General de la Cour c'Appel d'Orleans an Garde dcs Sceaux a Par is». Orleans, le 28 novembre 1858. – «International Review for Social History», vol. IV, 1939, p. 267.

[497] «Le Procureur General de la Cour d'Appel de Caen au Garde des Sceaux a Paris». Caen, le 19 juillet 1858. – «International Review for Social History», vol. IV, p. 245.

[498] Последние два были избраны на дополнительных выборах в апреле 1858 г.

нерешительности, произвела сильное впечатление на правительство»,[499] – писал в этой связи республиканец Эжен Тено. Это сказалось прежде всего на усилении репрессий.

Жесточайшим террором ответило правительство Второй империи на совершенное 14 января 1858 г. в Париже видным итальянским революционером Орсини покушение на Наполеона III[500]. На основе изданных в феврале 1858 г. законов об общественной безопасности, направленных против «подозрительных», подверглись преследованиям даже те, кто после государственного переворота 1851 г. полностью отошли от политической жизни. Страна была разделена на пять военных генерал-губернаторств с пятью маршалами во главе. «Бонапарт хочет дать Франции ясно понять, что императорская власть покоится не на воле народа, а на силе 600 000 штыков»[501], – писал по этому поводу Маркс в конце февраля 1858 г.

Напряженность политической обстановки во Франции после покушения на улице Лепелетье достигла такой степени, что Маркс счел возможным в то время высказать следующее мнение: «Если Франция еще не была готова взяться за оружие против Империи», то на горизонте уже намечается начало конца «странной, преступной и пагубной карьеры» Луи Бонапарта[502]. В конце 50-х годов Франция не была готова вступить в решительную схватку с угнетавшим ее режимом, ибо прежде всего тогда отсутствовало массовое революционное движение, да и оппозиция буржуазии еще только начинала проявляться открыто. Однако растущая напряженность внутри страны побуждала императора активизировать свою внешнюю политику.

Итальянская война (апрель-июль 1859 г.), в которую Наполеон III вступил на стороне Сардинского королевства (Пьемонта) под предлогом освобождения Италии от австрийского господства, на деле должна была служить династическим целям французского императора – укрепить влияние Франции в северной Италии, принести империи территориальное приращение и тем самым упрочить внутренние позиции бонапартистского правительства. Правительство Наполеона III отнюдь не стремилось содействовать возникновению по соседству с Францией сильного средиземноморского государства. Оно намеревалось участием в войне способствовать лишь частичному расширению территории Сардинского королевства и получить в виде компенсации за помощь Савойю и Ниццу, входившие в состав этого королевства. Вот почему в нарушение условий заключенного им в июле 1858 г. с главой сардинского правительства графом Кавуром секретного (Пломбиерского) договора, согласно которому война с участием Франции должна была вестись до полного освобождения Ломбардии и Венеции, французское правительство после первых двух крупных побед франко-пьемонтских войск при Мадженте (4 июня) и Сольферино (24 июня), в результате чего Ломбардия была освобождена от австрийцев, вероломно покинуло своего союзника и заключило за его спиной Виллафранкское перемирие с побежденной Австрией, оставив под ее властью Венецию. В принятии такого решения немалую роль сыграл страх перед разраставшимся национально-освободительным движением в Италии, как и опасение выступления Пруссии и других германских государств на стороне Австрии.

Несмотря на то, что в результате дипломатических маневров и других акций Наполеону III удалось получить по Туринскому договору, заключенному с Пьемонтом в 1860 г., Савойю и Ниццу, его первоначальные расчеты не оправдались. Двойственная, противоречивая политика, которую он проводил в отношении Италии, восстановила против него различные

---

[499] *E. Tenot et A. Dubost.* Les suspects en 1858. Paris, 1869, p. 69–70.

[500] Орсини был казнен вскоре после покушения. Эта расправа вызвала возмущение во всей Европе.

[501] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 412.

[502] Там же, стр. 404, 406.

слои населения прежде всего в самой Франции: католическое духовенство, которое не могло ему простить выступление на стороне Пьемонта против интересов папы; республиканскую и отчасти либеральную буржуазию, критиковавшую его за сговор с Австрией; народные массы, негодовавшие по поводу предательской политики по отношению к итальянскому национально-освободительному движению. В Италии Наполеон III снискал ненависть итальянских патриотов, так как французские оккупационные войска оставались в Риме для оказания помощи папе.

Заключением в январе 1860 г. торгового договора с Англией, снижавшего и отчасти отменявшего таможенные пошлины для английского и французского ввоза и таким образом облегчавшего английскую конкуренцию на внутреннем французском рынке, Наполеон III восстановил против себя влиятельную часть крупной буржуазии, которая в 50-х годах составляла одну из опор его трона. Новый торговый договор задевал интересы многих владельцев текстильных предприятий в Лилле, Руане, Эльбефе, Рубэ, Туркуэне и др., как и владельцев металлургических заводов и угольных копей. Чтобы противостоять английской конкуренции французским предпринимателям понадобились крупные капиталовложения для обновления устаревшего оборудования. И хотя правительство законом от 1 мая 1860 г. предоставило им для этой цели 40-миллионную субсидию и одновременно снизило ввозные пошлины на текстильное сырье, а также сократило стоимость перевозки грузов по воде, недовольство противников договора не ослабевало.

Оппозиционные настроения значительной части крупной буржуазии еще более обострились в условиях промышленного застоя начала 60-х годов, осложненного событиями гражданской войны в Америке. Правда, среди другой части крупной буржуазии, заинтересованной в снижении ввозных пошлин на предметы французского экспорта (вино, шелк, «парижские изделия» и др.), имелось немало сторонников нового торгового договора.

Предметом единодушного недовольства всей крупной буржуазии являлась правительственная политика заигрывания с «трудящимися классами». Генеральные прокуроры уже во второй половине 50-х годов сообщали, что «рабочие отказываются от благодеяний властей», что «дух партийности берет у них верх над доводами нищеты»[503]. Растущая враждебность к бонапартистскому режиму выражалась в возрождении революционного рабочего движения. Ответственность за это буржуазия возлагала на императора, который, по ее мнению, дал возможность рабочему классу оправиться от поражения 1848 г.

Переход к «либеральной империи»

Либеральные преобразования империи, открывшиеся ноябрьскими декретами 1860 г., были вызваны стремлением Наполеона III умерить явное недовольство буржуазии. Согласно этим декретам, расширялись полномочия законодательного корпуса и сената: им предоставлялось право в ответ на тронную речь императора при открытии ежегодных сессий законодательного корпуса принимать адрес с оценкой политики правительства. Обе палаты получали также право публикования официальных отчетов о своих сессионных заседаниях.

Буржуазия, однако, требовала более радикальных политических преобразований – децентрализации государственного аппарата и расширения прав муниципалитетов, как и других «необходимых свобод» – свободы слова, печати и т. д. Чтобы эффективнее вести борьбу за осуществление своих требований, она в период избирательной кампании 1863–1864 гг., накануне новых выборов в законодательный корпус, сформировалась в оппозиционный политический блок, так называемый либеральный союз, составившийся в основном из правых элементов буржуазных республиканцев и орлеанистов, к которым примкнула также часть легитимистов. Впоследствии члены этого блока составили ядро

---

503 «International Review for Social HIistoiy», vol. IV, 1939, p. 250.

новой, «третьей партии».

Сознавая, что без поддержки народных масс она не может добиться реальных успехов в борьбе за восстановление своих политических прав, буржуазия выступала от имени «народа», требуя политических прав для широких масс населения. Однако в конечном счете эти слои буржуазии рассчитывали, завоевав с помощью народа «необходимые свободы», не только усилить борьбу против империи, но и поднять свое влияние в массах и помешать возрождению революционного движения.

Кандидаты республиканской оппозиции получили во время майских выборов 1863 г. около 2 млн. голосов против 5 с лишним млн., собранных официальными кандидатами. Это был немалый успех буржуазной оппозиции, получившей 35 мест в законодательном корпусе. Большая часть этих мест досталась республиканцам.

Избирательная кампания вместе с тем продемонстрировала рост классового сознания французских рабочих. Открыто выражая недовольство умеренностью оппозиционной группы 5-ти, избранной *с* их же помощью в 1857 г., рабочие на этот раз выступили в Париже с предвыборной декларацией, известной под названием «Манифеста шестидесяти». В ней обосновывалась необходимость для рабочего класса участвовать в выборах отдельно от буржуазных партий, выставить свои собственные кандидатуры. Новая избирательная тактика мотивировалась расхождением интересов буржуазии и рабочих, неспособностью, вопреки утверждениям буржуазных пропагандистов, представителей либерально-буржуазной оппозиции отстаивать интересы рабочих. Правда, в других своих частях «Манифест шестидесяти» отходил от классовых позиций, носил на себе немало следов прудонистских заблуждений его составителей. Но при всем том он, несомненно, свидетельствовал о начале нового этапа французского рабочего движения – этапа постепенного его освобождения от идеологии прудонизма, поворота к отрицавшейся Прудоном политической борьбе за осуществление социальных чаяний рабочих.

Рабочие кандидатуры, выставленные в мае 1863 г., как и в марте 1864 г. во время дополнительных выборов, собрали в первом случае – в пользу типографа Жозефа Блана 342 голоса против 15 369 голосов, поданных за умеренного буржуазного республиканца Гавена, и 7308 голосов за официального кандидата; во втором случае – в пользу резчика-прудониста Толена 495 голосов (по другим сведениям 395 голосов) против 14 444 голосов, полученных умеренным республиканцем Гарнье-Пажесом, и 6530 голосов – официальным бонапартистским кандидатом.

Выступлению французских рабочих с самостоятельной избирательной программой и собственными кандидатами сопутствовали другие действия, знаменовавшие новый этап в развитии их освободительного движения: установление ими со времени Всемирной выставки 1862 г. в Лондоне интернациональных связей с рабочими Англии и других стран; выраженная ими, вопреки позиции Прудона, солидарность с польским восстанием 1863 г., их активное участие в создании Международного Товарищества Рабочих (МТР) и его первых секций во Франции (1864–1965 гг.). Правительство Второй империи было вынуждено отменить действовавший с 1791 г. закон Ле Шапелье, запрещавший рабочие коалиции. Оно, однако, продолжало лишать рабочих права собраний и тем самым препятствовало им должным образом пользоваться правом коалиций.

Как видим, уже в первой половине 60-х годов явственно обнаружился провал политики лавирования между буржуазией и рабочим классом, характерной для бонапартистского режима. Значительные сдвиги в рабочем движении, возрастающая оппозиция буржуазии – таков был итог внутренней политики Наполеона III со времени его прихода к власти.

В этих новых условиях происходит перегруппировка политических сил буржуазии. Правое крыло республиканцев все больше смыкается с орлеанистами, в то время как молодое поколение, политическая жизнь которого началась в годы Второй империи, отходит от «стариков», бывших деятелей 1848 г., либеральные взгляды которых не отвечали больше потребностям нового этапа политической борьбы. Молодое поколение составляет в основном радикально-республиканское крыло, в составе которого в свою очередь

происходит идейное размежевание. Лучшие представители республиканской молодежи сближаются с рабочими и присоединяются к социалистическому движению. Выражая позицию этой лучшей части французской революционной молодежи середины 60-х годов, Поль Лафарг, в то время студент Парижской высшей медицинской школы, писал весной 1866 г. в основанной в 1864 г. радикально-демократической газете, издававшейся в Брюсселе: «Время открыло нам глаза. Сейчас мы понимаем, что они[504] являются опорой империи, ее предохранительным клапаном. Мы резко порвали с ними. Их салоны были открыты для нас, но они пустовали… Мы обосновались в Латинском квартале, посещали только рабочих»[505].

Однако и передовая французская молодежь, порвавшая с буржуазными республиканцами, не рассталась с мелкобуржуазными идеями Прудона. Она лишь частично и медленно освобождалась от их влияния.

Нарастание кризиса империи

Со времени экономического кризиса 1866–1867 гг. начался этап неуклонного назревания политического кризиса Второй империи, приведшего к ее крушению.

Новый мировой экономический кризис достиг во Франции наибольшей остроты во второй половине 1867 г. и был осложнен неурожаем этого года. Он выражался в «замедлении производства и потребления, критическом положении торговли и биржи, снижении предпринимательской прибыли и заработной платы»[506]. Эти разрушительные процессы охватили легкую и тяжелую индустрию. Расстройство денежного рынка, резкое сокращение операций Французского банка, падение курса акций, наконец, полное прекращение платежей крупнейшим кредитным учреждением страны «Креди мобилье», пользовавшимся особым покровительством Наполеона III, дополняли картину глубокого кризиса, сотрясавшего экономику Франции. «Недоверие и беспокойство»[507], – так охарактеризовала французская печать политическое настроение буржуазии в 1867 г. Префект парижской полиции в донесении Наполеону III от 30 сентября 1867 г. еще откровеннее определил отношение к нему буржуазии словами: «Недоверие и охлаждение»[508].

«Недоверие и беспокойство» вызывала у буржуазии также внешняя политика Наполеона III со времени итальянской войны 1839 г., не удовлетворявшая ее материальных вожделений и вместе с тем подрывавшая международный престиж Франции. Поражения и просчеты этой политики полностью определились в 1867 г. Осенью этого года вновь приобрел большую остроту итальянский вопрос в связи с отправкой в Италию новых воинских частей для оказания военной помощи папе против итальянских патриотов, возобновивших во главе с Гарибальди попытку освободить Рим. Вторая римская экспедиция вызвала глубокое возмущение в широких массах парижского населения, особенно после того, как 3 ноября французские войска под командованием генерала Файи нанесли гарибальдийцам тяжелое поражение при Ментане как раз в момент, когда те, сломив сопротивление папской армии, приближались к Риму. Массовая манифестация 4 ноября

---

504 Буржуазные республиканцы. – Ред.

505 P. Laforgue. La nouvelle generation. – «La Rive Gauche», 22.IV 1866.

506 J. Lescure. Les crises generales et periodiques de surproduction, 2-me ed. Paris, 1923, p. 69 (русск. пер: Ж. Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб., 1908).

507 «Journal des economistes», 1868, janvier, p. 181.

508 «Pcpieis et Correspondance de la famille imperiale», t. II. Paris, 1871, p. 271.

явилась ответом парижан на это разбойничье нападение. Ей предшествовала манифестация 2 ноября на Монмартрском кладбище, у могилы Манина – борца за национальное объединение Италии.

1867 год был также годом окончательного провала мексиканской колониальной авантюры, предпринятой Наполеоном III в 1862 г. в интересах финансовой олигархии и в угоду клерикалам. Вооруженная интервенция в Мексике, содержание там в течение четырех лет 40-тысячной оккупационной армии, насильственное свержение с ее помощью демократического правительства Хуареца и восстановление монархии во главе с эрцгерцогом Максимилианом, ставленником Наполеона III, закончились в феврале 1867 г. расстрелом мексиканскими повстанцами навязанного им императора. Планы создания французской колониальной империи на Американском континенте остались неосуществленными. Вдобавок обострились отношения Франции с Соединенными Штатами Америки и Англией. В законодательном корпусе республиканская, орлеанистская, клерикальная оппозиция вела острую полемику по мексиканскому вопросу с представителями правительства. По этому же вопросу резко выступала оппозиционная печать. «Франция совершенно напрасно пожертвовала своими солдатами и своими миллионами»[509], – писал рупор экономистов, выражая позицию преобладающей части французской крупной буржуазии.

Резкую критику вызывала также в законодательном корпусе и на страницах печати пассивная политика правительства во время австро-прусской войны 1866 г., позволившая Пруссии в кратчайший срок разгромить Австрию и стать во главе Северогерманского союза. Французская буржуазия была тем более раздражена, что дважды предпринятые Наполеоном III – в 1866 г. и в 1867 г, – попытки добиться присоединения к Франции Люксембурга в качестве территориальной компенсации за нейтралитет не увенчались успехом: Бисмарк обманул ожидания французского императора. Противоречивая политика Наполеона III во время польского восстания 1863 г. также не принесла положительных результатов. Обострив отношения с Россией, Наполеон III не приобрел симпатий поляков.

Растущее недоверие буржуазии к своему былому ставленнику выразилось в окончательном сформировании в 1866–1867 гг. вышеупомянутой «третьей партии», выступившей с платформой: «прогресс путем свободы без революции», что означало стремление к конституционному преобразованию империи.

Если оппозиционное движение буржуазии – как это видно из многих документов – внушало большое беспокойство правительству Второй империи, то не менее серьезными были его опасения в связи с ростом недовольства трудящихся масс. Основанием для недовольства были безработица и нищета, возросшие в результате промышленного кризиса и неурожая 1867 г., снижение заработной платы, увеличение косвенных налогов, вздорожание хлеба и других продуктов питания. «Судя по всем известиям из Парижа, – писал Маркс 31 августа 1867 г. Энгельсу, – положение Бонапарта там очень непрочно»[510]. Энгельс в письме к Марксу от 2 сентября присоединялся к его оценке: «В Париже, по-видимому, положение весьма трудное; воспоминания о 1829 и 1847 гг. …проходят ежедневно через все газеты…»[511]

В других индустриальных центрах, как и в Париже, росло недовольство рабочих и мелкой буржуазии. В одном из секретных донесений из Лиона в декабре 1867 г. сообщалось: «Указывают на непомерное вздорожание квартирной платы, на рост налогов, на дороговизну хлеба и мяса… Население требует увеличения заработной платы, упразднения городского

---

509 «Journal des economistes», 1868, janvier, p. 117.

510 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 284.

511 Там же, стр. 285.

ввозного налога – октруа, восстановления муниципального совета»[512]. В Круа-Русс, рабочем предместье Лиона, как и в предместьях Парижа, в конце 1867 г. полиция обнаружила антиправительственные листовки.

В 1867 г. заметно усилилась стачечная борьба французского пролетариата. Из числа многих стачек этого года следует назвать крупную стачку нескольких тысяч парижских бронзовщиков (февраль), длившуюся около двух месяцев и закончившуюся благодаря поддержке Генерального Совета Интернационала победой рабочих, а также стачку 3 с лишним тысяч парижских портных (март), добившихся 10 %-ного увеличения заработной платы. Назовем и менее крупные стачки: рабочих канатного производства в Париже, ткачей и прядильщиков в Рубэ, углекопов Фюво (департамент Буш-дю-Рон), кровельщиков Онфлера (департамент Кальвадос), набойщиков тканей Туркуэна, красильщиков велюра и рабочих других специальностей Амьена, шахтеров каменноугольного бассейна Па-де-Кале, рабочих многих профессий в других промышленных районах Франции.

Как правило, повышения заработной платы и сокращения рабочего дня бастующие добивались благодаря материальной помощи и моральной поддержке Генерального Совета Интернационала. Рост секций МТР во Франции свидетельствовал о том, что французские рабочие должным образом оценили помощь руководящего органа этой международной организации пролетариата. Несмотря на преследования членов Интернационала, усилившиеся после первого его конгресса (Женевского, 1866 г.), пропаганда его принципов не приостановилась, а число его секций неуклонно увеличивалось. Часть из них насчитывала сотни человек.

Ко времени Лозаннского конгресса Интернационала (1867 г.) влияние прудонизма на французское рабочее движение заметно уменьшилось, о чем свидетельствовал широкий размах стачечного движения, возникновение и рост различных объединений рабочих, их политические выступления в защиту польских и итальянских революционеров, распространение среди них идей коллективизма. Все это отвергалось доктриной правоверного прудонизма. Полицейские агенты Второй империи в своих донесениях указывали в это время на угрозу превращения даже кооперативных обществ в опасные очаги революционной деятельности[513].

8 марта 1868 г. русский посол в Париже Будберг сообщал в Петербург министру иностранных дел Горчакову о положении во Франции: «В настоящий момент правительство больше всего обеспокоено трудным положением, в котором находится экономическая жизнь страны. Со всех сторон жалуются, что дела идут плохо, жалуются на безработицу, дороговизну, еще более усугубляющую все бедствия… Последний дивиденд Французского банка был на 30 % ниже дивиденда прошлого года, а так как это учреждение является регулятором положения дел, то отсюда справедливо делают вывод об упадке производства и потребления»[514].

Франция и в 1868 г. продолжала находиться в трудных экономических условиях, что не способствовало улучшению внутриполитической обстановки. Не ослабевала и напряженность международного положения.

Три крупных мероприятия, осуществленных правительством Второй империи в первой половине 1868 г., при всем их различии должны рассматриваться как звенья одной политики, направленной к укреплению внутреннего и международного положения империи. Этими тремя мероприятиями были: военная реформа, издание так называемых либеральных законов

---

[512] «Lyon, cite republicaine. Etude collective». – «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1951, N 189, p. 137.

[513] Ibidem.

[514] Архив внешней политики России (далее – АВПР), ф. Канцелярия, д. 113, л. 88.

о печати и о публичных собраниях, организация двух судебных процессов против Интернационала.

Правительство Наполеона III уже вскоре после австро-прусской войны приступило к подготовке закона о реорганизации французской военной системы, слабость которой обнаружилась во время крымской и итальянской кампаний. Первоначальный проект закона, опубликованный в конце 1866 г., предусматривал в числе прочих реформ увеличение вдвое (до 800 тыс. человек) численности кадровой армии и создание сверх того 400-тысячной мобильной гвардии, а это требовало введения всеобщей воинской повинности с шестилетним сроком службы в кадровой армии и последующим трехлетним пребыванием в составе мобильной гвардии.

Принятый законодательным корпусом в январе 1868 г. после ожесточенной борьбы, длившейся свыше года, окончательный текст нового военного закона лишь отдаленно напоминал первоначальный проект, встретивший яростное сопротивление крупной буржуазии, пользовавшейся привилегией заместительства и к тому же не желавшей создания обученной мобильной национальной гвардии. Да и народные массы города и деревни, на плечи которых ложилось бремя воинской повинности, крайне враждебно отнеслись к проекту военной реформы как в первоначальной (1866 г.), так и в последующей (1867 г.) его редакции, снижавшей до пяти лет срок службы в регулярной армии. В результате новая военная система, узаконенная в 1868 г., немногим отличалась от существовавшей. Следует отметить, что продолжительность пребывания в мобильной гвардии была сведена к 15 дням, да и то на бумаге: фактически мобильная гвардия ни разу не созывалась вплоть до франко-прусской войны. Правительство Второй империи не смогло радикально перестроить французскую военную систему, а это лишало его возможности успешно осуществить свои планы, порожденные, в частности, обострением франко-прусских отношений после войны 1866 г.

Не оправдали расчетов правительства и два других его мероприятия 1868 г. Закон от 12 мая о печати, отменявший обязательность правительственного разрешения на издание новых органов печати, вызвал недовольство либеральной буржуазии и демократических кругов, так как по-прежнему сохранялся высокий денежный залог и гербовый сбор, что затрудняло появление демократических изданий и их распространение. Другой закон, от 6 июня, согласно которому были разрешены публичные собрания, также содержал ряд ограничений. Для собраний, носивших политический характер, по-прежнему требовалось предварительное разрешение, выдававшееся только в период избирательных кампаний по заявлению не менее семи жителей коммуны, на территории которой предполагалось устроить собрание. На таких собраниях было обязательным присутствие полицейского комиссара с секретарем-стенографом, ведшим запись выступлений. Комиссар имел право распустить собрание, когда нарушалась повестка дня; организаторы таких собраний и соответствующие ораторы привлекались к судебной ответственности. Оба закона были приняты только после ожесточенной борьбы в законодательном корпусе.

Одновременно были организованы два судебных процесса над членами Интернационала, имевшие целью лишить передовых рабочих возможности воспользоваться даже теми куцыми «свободами», которые предоставлялись законами 1868 г. Преследуя революционных рабочих, правительство зато, придерживаясь своей постоянной политики лавирования, отчасти удовлетворило ходатайство опекаемых им «мирно настроенных» элементов парижского рабочего населения о легализации синдикальных палат, т. е. профессиональных организаций. Оно признало их «терпимыми».

Преследования Международного Товарищества Рабочих не только не принесли французскому правительству ожидаемых результатов, но, напротив, придали Товариществу «новые жизненные силы»[515]. Уже сами судебные процессы (первый – в марте, второй – в

---

515 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 333.

мае 1868 г.) послужили толчком к его дальнейшему развитию. Они были использованы подсудимыми для пропаганды идей Интернационала в своих защитительных речах. Яркую речь произнес на втором процессе МТР 28-летний парижский рабочий-переплетчик Эжен Варлен. Она прозвучала обвинительным приговором капиталистической системе эксплуатации человека человеком. Варлен изложил основные принципы и цели МТР, рассказал о его деятельности, возвестившей появление нового, передового класса – пролетариата, несущего возрождение человечеству, полное уничтожение эксплуатации и классового антагонизма.

Парижская секция МТР была объявлена распущенной, а члены ее бюро приговорены: по первому процессу каждый к денежному штрафу, а по второму – помимо денежного штрафа к трехмесячному тюремному заключению. Это были тяжкие наказания для пролетариев, лишенных средств к существованию.

После процессов Интернационала его популярность еще более возросла. «После нашего осуждения, – писал позже Варлен, – многие рабочие, которые до этого времени не интересовались Интернационалом, приходили к нам и спрашивали, можно ли еще присоединиться к нашей организации. Мысль о том, что парижское Товарищество продолжает существовать, была общераспространенной и жила в рабочих массах и среди встревоженной буржуазии» [516] . Другой видный член парижского бюро, Комбо, свидетельствовал: «Разгром парижской организации… имел результатом то, что к Интернационалу в принципе и на практике присоединилась, хотя и не по установленным правилам, вся мыслящая и деятельная часть трудового населения Парижа»[517].

Политическая обстановка во Франции после издания либеральных законов 1868 г. продолжала осложняться. Буржуазная оппозиция приняла более широкий размах благодаря десяткам новых органов печати различных политических оттенков, появившихся в Париже и в провинции. Их было около 70 уже к концу второго месяца после издания закона о печати – от умереннейшего еженедельника «Электёр либр», основанного буржуазным республиканцем правого толка Э. Пикаром, до радикальной «Ревей», появившейся *2* июля под редакцией демократа-неоякобинца Шарля Делеклюза. К этому же времени (1 июня) относится появление еженедельника Анри Рошфора «Аантерн». Маркиз по происхождению, блестящий журналист и полемист, Рошфор и его новый орган смелыми нападками на династию Бонапартов завоевали огромную популярность «Чем больше „Лантерн“ осыпает бонапартизм оскорблениями и презрением, тем больший она имеет успех. Как низко должно пасть правительство, чтобы стал возможен такой успех», – писал в июле 1868 г. радикал Аллен-Тарже[518]. Выдающийся успех имела вышедшая в 1868 г. книга республиканца Эжена Тено «Париж в декабре 1851 г.», разоблачавшая преступления бонапартистов в дни государственного переворота. Книга в короткий срок выдержала десять изданий. Другая книга Тено «Провинция в 1851 г.», изданная в 1865 г., выдержала в 1868 г. семь новых изданий.

Вторая половина 1868 г. была отмечена также началом нового подъема стачечного движения и крупной политической манифестацией, состоявшейся 2 ноября на Монмартрском кладбище у могилы депутата-республиканца Бодена, погибшего 3 декабря 1851 г. на одной из баррикад. По инициативе редактора «Ревей» Делеклюза на другой день была открыта подписка на сооружение памятника Бодену. В это широкое антибонапартистское движение включились виднейшие оппозиционные газеты и деятели буржуазной оппозиции. Судебный процесс, возбужденный правительством против

---

[516] «Troisieme proces de l'Association Internationale des travailleurs a Paris». Paris, 1870, p. 16.

[517] «L'Egalite». 20.1 II 1869.

[518] *H. Allain-Targe.* La Republique sous l'Empire. Lettres (1864–1870). Paris, 1939, p. 179.

участников манифестации 2 ноября, принес громкую славу 30-летнему адвокату-республиканцу Леону Гамбетта, защитнику Делеклюза, выступившему с яркой обвинительной речью против режима Второй империи.

Наиболее примечательным явлением второй половины 1868 г. стали начавшиеся 18 июня в Париже многочисленные публичные собрания, сыгравшие крупную роль в общественно-политической жизни Франции 1868–1870 гг.

Собрания эти, привлекавшие все большую аудиторию, находились на первых порах под идейным воздействием буржуазных либералов, рассчитывавших «при известной энергии и настойчивости… отвоевать почву у социалистов»[519]. Однако очень скоро положение изменилось. В центре Парижа публичные собрания сохранили либеральный характер, здесь действовали буржуазные экономисты и политики; в рабочих же районах столицы собрания приобретали все более революционный характер, несмотря на присутствие на них полицейских комиссаров и стенографов, которых в большинстве случаев вводили в заблуждение искусные ораторы, среди которых преобладали коллективисты – члены Интернационала и бланкисты. «Ораторам приходится разрываться на части, чтобы успеть обслужить все собрания, на которых ведутся прения по самым интересным, но и самым сложным вопросам»[520], – писал в начале 1869 г. Варлен. В числе этих вопросов фигурировали, например, такие: о привилегиях, о праве наследования, о безработице, о женском труде, о монополиях, о наемном труде и пауперизме, о воспитании и образовании, о рабочих синдикальных палатах, о процентах на капитал, о коммунизме и мютюэлизме, о борьбе человека с природой, о наемном труде и собственности, о правах и обязанностях личности в современном обществе и ряд других. Варлен, Флуранс, Мильер, Лефрансе, Ранвье, Андре Лео, Гранже, Эд, Жаклар, Брион, Комбо – таков далеко не полный список наиболее видных ораторов, многих из которых мы встретим в числе деятелей Парижской Коммуны.

Чем больший успех имели публичные собрания, тем яростнее нападали на них представители буржуазных партий. Депутаты-консерваторы и депутаты оппозиции, буржуа – монархисты, либералы и республиканцы – все единодушно изображали публичные собрания «ужасными притонами, а выступавших на них ораторов – бандитами, проповедующими кровавые эксцессы и кражи, или по меньшей мере людьми подозрительными, оплачиваемыми полицией»[521], – писал социалист Гюстав Лефрансе. От политических деятелей не отставала буржуазная пресса.

По мере приближения избирательной кампании 1869 г. преследования и аресты ораторов публичных собраний умножались. Уже в начале этого года не менее 60 ораторов были приговорены к различным мерам наказания. Незадолго до майских выборов в законодательный корпус был распространен, главным образом в сельских местностях, в 100 тыс. экземпляров низкопробный пасквиль на парижские публичные собрания с целью запугать крестьян. Автором его был реакционный журналист Огюст Витю. Поверенный в делах России Окунев сообщал в мае 1869 г. из Парижа: «Правительство сумело весьма ловко использовать в своих интересах бурные манифестации выборных собраний в Париже. Его агенты наводнили сельские местности и мелкие города и там распространяли умышленно преувеличенные слухи о том, что происходило в столице. Красный призрак был снова с успехом вызван к жизни среди непросвещенных масс. Он привел нерешительных и колеблющихся под знамя официальных кандидатур»[522].

---

519 «Journal des Debats», 17.XI 1868.

520 «L'Egalite». 9.11 1868.

521 *C. Lefrancais.* Elude sur le mouvement communaliste a Paris en 1871. Neuchatel, 1871, p. 46.

522 АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, л. 141.

Деятели оппозиционных буржуазных партий развернули широкую предвыборную кампанию, борясь не только против официальных ставленников правительства, но и против рабочих кандидатур, выдвинутых социалистами. Буржуазные республиканцы правого крыла составили вместе с орлеанистами так называемый «либеральный союз», считая, что все средства хороши для достижения избирательного успеха.

Наряду с умеренными либералами выступили представители и более левого крыла буржуазии. В I избирательном округе Парижа, в рабочем районе Бельвилль, впервые выставил свою кандидатуру Гамбетта, который на многочисленных предвыборных собраниях в столице и в провинции – он баллотировался одновременно также в Марселе – давал клятву «народу-суверену» добиваться претворения в жизнь требований, содержащихся в его избирательном наказе. Основными требованиями его «бельвилльской программы» были: свобода личности, обеспечиваемая законом, неограниченная свобода печати, собраний, союзов, упразднение бюджета культов, отделение церкви от государства, светское, бесплатное, обязательное начальное образование, отмена ввозного налога – октруа, преобразование налоговой системы, выборность должностных лиц, упразднение постоянной армии и некоторые другие политические требования. Социальные требования были сформулированы крайне туманно и неопределенно, что вполне соответствовало взглядам Гамбетта. По его мнению, буржуазная республика, установленная путем всеобщего голосования, сама по себе является разрешением социального вопроса.

В избирательной программе парижских социалистов, помимо буржуазно-демократических требований, выставленных в бельвилльском наказе Гамбетта, содержались социальные требования: экспроприация и передача в общественную собственность банков, железных дорог, шахт, рудников, финансовых компаний, Страховых обществ. В этом заключалось ее принципиальное отличие от наиболее радикальной буржуазной программы. Французские социалисты руководствовались постановлением Брюссельского конгресса Интернационала по вопросу о собственности. Это и было отмечено на заседании Генерального Совета МТР от 4 мая 1869 г. [523]

Русский посол в Париже граф Штакельберг незадолго до выборов 1869 г. в законодательный корпус в донесении Горчакову высказал мнение, что правительству Наполеона III удастся удержать власть главным образом благодаря голосованию крестьян, а также благодаря тому, что в его руках «все нити, ведущие к бирже», что оно «располагает средствами коррупции», что оно «нейтрализовало влияние крупных городов путем присоединения к их территории кусков от сельских коммун под предлогом доведения количества голосующих до 35 тыс. душ, как это установлено законом для каждого избирательного округа». «Кроме того, оппозиция крайне разобщена»[524], – отмечалось в донесении.

Майские выборы 1869 г. показали, насколько непрочны были к тому времени позиции бонапартистского правительства. Несмотря на поддержку подавляющего большинства крестьян, на фальсификацию голосования в ряде местностей, оно потеряло сравнительно с предшествующими выборами 1863 г. свыше 800 тыс. голосов. Объединенная же буржуазная оппозиция, напротив, имела крупный успех, получив почти на 1,5 млн. голосов больше, чем в прошлые выборы. Во всех крупных городах большинство голосов получили республиканцы. В Париже и Лионе правительство потерпело наибольшее поражение: в Париже из 300 тыс. голосовавших только 70 тыс. высказалось за правительство, в Лионе из 60 тыс. – только 12 тыс.[525]

---

[523] «Генеральный Сонет Первого Интернационала. Протоколы. 1868–1870». М. 1964, стр. 53.

[524] АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, л. 83.

[525] «L'Egalite», 29.V 1869.

Значение выборов 1869 г. заключалось также в том, что в первом туре голосования радикалы Гамбетта, Рошфор, Распайль и др. при поддержке социалистов, которым в ходе кампании пришлось отказаться от самостоятельных кандидатур, одержали в ряде случаев верх над республиканцами умеренно-либерального толка Фавром, Гарнье-Пажесом, Мари, имена которых на предвыборных собраниях «встречались свистками и шиканием»[526]. Потерпели поражение Ж. Симон, Эм. Оливье, орлеанист Тьер. Все, кто был причастен к июньской бойне (1848 г.), были отвергнуты избирателями. И только во втором туре (6–7 июля) отчасти благодаря бонапартистам, снявшим в пользу некоторых либеральных республиканцев свои кандидатуры, они добились благоприятных для себя результатов. «Пустая декламация» (выражение Энгельса) буржуазных республиканцев все еще улавливала голоса известной части французского рабочего класса. Но и более радикальные кандидаты добились успеха ценой таких обещаний, которые они заведомо не намерены были выполнить. Бельвилльская программа Гамбетта не составляла в этом отношении исключения.

Одна из важнейших задач, которую ставили перед собой социалисты, сводилась к тому, чтобы освободить французских рабочих от всякого влияния буржуазных политических деятелей. Большую роль сыграли направленные против либерально-буржуазной оппозиции книги социалиста Огюста Верморeля «Деятели 1848 г.», «Деятели 1851 г.» и его предвыборные памфлеты «Оппозиция», «Вампиры», «Народ на выборах» и др. Маркс, внимательно следивший за накалом общественно-политической жизни во Франции, в письме к А. Кугельману от начала марта 1869 г. одобрительно отозвался о книгах Верморeля; он отметил также вышедшую в 1869 г. книгу бланкиста П. Тридона «Жиронда и жирондисты»[527].

Вторая половина 1869 г. ознаменовалась многочисленными стачечными боями французского пролетариата. Волна стачек охватила многие отрасли производства. Увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня до 10–11 часов, отмена штрафов и прочих отчислений от заработной платы – таковы были основные требования бастующих. Наиболее крупными стачками этого периода были стачки шахтеров Рикамари и Обена, подавленные вооруженной силой, стачки лионских сучильщиков шелка и парижских сыромятников. «Стачки, одни стачки и снова стачки… эпидемия волнений свирепствует во Франции, парализует производство»[528], – сетовал правый прудонист Фрибур. Росту стачечного движения сопутствовал рост числа профессиональных объединений французских рабочих. К концу 1869 г. во Франции насчитывалось около 60 синдикальных палат рабочих и служащих, еще большее их число находилось в стадии формирования. Именно в это время, в ноябре 1869 г., была создана парижская федерация синдикальных палат. Примеру Парижа вскоре последовали Лион, Марсель, Руан. Очередной задачей было создание общефранцузской федерации синдикальных палат.

Благодаря замечательной инициативе руководящих деятелей французских секций Интернационала бастовавшим рабочим и их семьям была оказана материальная помощь и моральная поддержка. Вступлением в МТР отвечали рабочие на оказанную им помощь. 1869 год – год возрождения секций Интернационала после разгрома 1868 г. и их дальнейшего развития. В корреспонденции из Лиона успехи Интернационала объяснялись следующим образом: «Международное Товарищество предстало перед глазами масс в его подлинном свете. Массы чувствуют, что именно в нем заключается настоящая мощь – мощь будущего»

---

[526] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8226.

[527] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч… т. 32, стр. 497.

[528] E. E. *Fribourg.* L'Association internationale des travailleurs. Paris, 1871, p. 141.

[529].

Однако задача укрепления французских организаций Интернационала далеко еще не была решена. Секции страдали текучестью состава, правые прудонисты, противники коллективизма и политической борьбы, хотя постепенно и оттеснялись от руководства секциями, все еще играли в них немалую роль. К тому же с конца 1869 г. усилилась деятельность М. А. Бакунина во Франции, особенно на юго-востоке, главным образом в Лионе и Марселе.

В стране все более обострялась политическая обстановка, от социалистов требовалось активное участие в борьбе против империи. Между тем даже среди их руководящего состава имелись такие, которые, не будучи правоверными прудонистами, все же недооценивали значение политической деятельности рабочего класса. Варлену приходилось, например, разъяснять руководителю марсельской организации МТР Эмилю Обри важность политической борьбы против империи. «Должен Вам сказать, – писал он Обри 6 августа 1869 г., – что для нас политическая и социальная революции неотделимы, одна не может обойтись без другой… Мы не сможем организовать социальную революцию, пока будем жить в условиях политического строя, основанного на произволе» [530]. Что касается бланкистов, составлявших одну из групп французских революционеров, то, отстаивая необходимость политической борьбы, они недооценивали роль народных масс в революции.

Наиболее близкими к революционному учению Маркса были такие деятели социалистического движения, как Лафарг, Дюпон, Френкель. Лафарг уже в то время, в конце 60-х годов, немало сделал для популяризации идей марксизма во Франции. Одни работы Маркса он перевел на французский язык, другие, как, например, «Нищету философии», распространял среди французских социалистов. Зачитывался произведениями Маркса Лео Франкель, лично познакомившийся с Марксом во время своего пребывания в Лондоне в 1864–1867 гг. Он был «одним из самых искренних почитателей „Капитала“», – как сообщала Марксу его дочь Лаура Лафарг. «Я обещала одолжить ему „Восемнадцатое брюмера“»[531], – писала она отцу в начале мая 1870 г. Франкель прочитал также «Нищету философии».

Но это были отдельные социалисты. В целом же деятели социалистического движения не были знакомы с произведениями Маркса и в немалой степени находились во власти пережитков прудонизма. Маркс и Энгельс с тревогой отмечали в это время идейную незрелость, эклектизм французских социалистов. «Что меня пугает у французов, так это чертовская путаница в головах» [532], – писал Маркс Энгельсу 12 ноября 1869 г. в предвидении неминуемой революции во Франции.

Условия политической борьбы, сложившиеся во Франции к концу 1869 г., вынуждали социалистов пойти на сближение с Рошфором, которого они поддержали во время ноябрьских дополнительных выборов в законодательный корпус. Они не переоценивали Рошфора и были далеки от мысли, что избрание его депутатом является существенным завоеванием рабочего движения, хотя Рошфор в своих предвыборных декларациях не скупился на обещания, стараясь казаться радикальнее, чем он был в действительности. Однако только в сотрудничестве с Рошфором, приступившим в конце 1869 г. к изданию собственной ежедневной газеты, названной им «Марсельезой» (первый ее номер вышел 19 декабря), социалисты, не имевшие своего печатного органа, могли усилить политическую

---

[529] «L’Egalite», 26.VI 1869.

[530] «Troisieme proces de l’Association internationale des travailleurs a Paris», p. 22.

[531] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8191; см. также M. Dommanget. L introduction du marxisme en France. Lausanne, 1969.

[532] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч… т. 32. стр. 312.

борьбу против империи. «В настоящий момент вопрос о близком падении империи превалирует над всем остальным. Социалисты во избежание политического банкротства должны стать во главе этого движения»[533], – писал Варлен бакунисту Гильому в конце декабря 1869 г. Рошфор в целях упрочения своей популярности считал целесообразным предоставить социалистам широкую возможность участия в его газете. Социалистам «Марсельеза» представлялась таким органом, в котором им будет дана возможность «отстаивать и поддерживать революционный социализм»[534].

1870 год принес дальнейшее углубление политического кризиса, несмотря на приход к власти (2 января) либерального кабинета, возглавляемого бывшим республиканцем Эмилем Оливье и состоявшего в основном из орлеанистов и так называемых либеральных бонапартистов, стремившихся спасти империю ценой некоторых конституционных преобразований. Уже 10 января 1870 г. в Париже произошло событие – убийство принцем Пьером Бонапартом молодого журналиста-республиканца Виктора Нуара, – всколыхнувшее рабочий Париж. 12 января в парижское предместье Нейи, где был установлен гроб с телом Нуара, явилось около 200 тыс. рабочих, готовых выступить против империи. По некоторым сведениям, здесь находились около 2 тыс. бланкистов во главе с Бланки[535]. Похоронная процессия, как предлагал бланкист Флуранс, должна была направиться через центр Парижа к кладбищу Пер-Лашез и превратиться в мощную политическую манифестацию. Этот план не был поддержан. Виктор Нуар был похоронен в Нейи.

Выступление потерпело неудачу. Оно не было подготовлено, *не* было своевременно возглавлено. Рабочие явились невооруженными, а между тем их ожидали 60 тыс. стянутых в Париж вооруженных солдат. «Истинное счастье, что, вопреки Г. Флураису, на похоронах Нуара не началась заварушка. – писал Энгельс[536] Марксу – …Подумать только! 200 000 безоружных рабочих должны были из открытого поля (т. е. находясь вне крепостных стен. – *Ред.)* завоевать Париж, занятый 60 000 солдат!»[537] Организационная слабость революционных сил была со всей очевидностью продемонстрирована событиями 10–12 января. Ни деятели Федеральной палаты рабочих обществ Парижа, ни руководящие члены парижской организации Интернационала не возглавили движение.

Политическая обстановка в стране все более обострялась 19 января разразилась стачка 10 с лишним тыс. рабочих металлургических предприятий Шнейдера в Крезо, подавленная вооруженной силой и повлекшая за собой аресты. За стачкой последовали события 7–8 февраля, вызванные арестом Рошфора за статьи в «Марсельезе» в связи с убийством Нуара. В Ла-Вилетте, Бельвилле, Тампле, на площади Шато д'О, у тюрьмы Сент-Пелажи и в других пунктах Парижа были сооружены баррикады, раздавались возгласы «Да здравствует республика!». За «участие в мятеже» были привлечены к судебной ответственности 94 человека, главным образом рабочие. Но и на этот раз социалистам в обращении членов парижской организации Интернационала к рабочим пришлось признать, что «момент для решительных и немедленных действий еще не наступил»[538].

Между тем подъем рабочего движения нарастал. Дальнейшие крупные стачки

---

[533] «Le Progres», 1.1 1870.

[534] «Troisieme Proces de l'AIT a Paris», p. 33.

[535] Ch. De Costa. Les blanquistes. Paris, 1912, p. 31.

[536] «Troisieme Proces de l'AIT a Paris», p. 33.

[537] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32. стр. 355.

[538] «La Marseillaise». 7.II 1870.

произошли в Сен-Кантене, Лионе, снова в Крезо, в Фуршамбо, в Париже и в других промышленных центрах, в частности в департаменте Верхний Рейн. В окрестностях Лиона в первые месяцы 1870 г. бастовало около 7 тыс. сельскохозяйственных рабочих[539]. В еще большей степени, чем прежде, стачки приводили к созданию новых профессиональных объединений и секций Интернационала. «Франция скоро вся покроется секциями Интернационала», – писала в конце апреля газета «Солидарите». В Париже в то время существовало 16 секций МТР, куда, по сообщению Варлена, входили 25 из 40 профессиональных объединений, составлявших парижскую Федеральную палату. Объединение парижских секций Интернационала в единую федерацию становилось неотложной задачей в условиях быстрого нарастания политического кризиса.

Созданию Парижской федерации МТР сопротивлялась правопрудонистская группа Толена. Варлену и другим парижским социалистам удалось сломить противодействие прудонистов, и 18 апреля 1870 г. на общем собрании членов парижских секций под председательством Варлена была создана Парижская федерация Интернационала. Об этом знаменательном собрании, на котором присутствовало 1200–1300 членов МТР, Поль Лафарг восхищенно писал 20 апреля Марксу: «Что было прекрасно на этом собрании – так это потребность в централизации, которую испытывали все члены, ясное и четкое понимание рабочим классом своей индивидуальности как класса, своего антагонизма к буржуазии. Как счастливы были бы Вы, рыцарь классовой борьбы, присутствовать при проявлении этих чувств»[540]. И далее Лафарг подчеркивал, что именно «благодаря Интернационалу, который со времени последних выборов добился громадных успехов, как и благодаря Федеральной палате рабочих обществ, рабочий класс в настоящее время сознает свою силу и хочет действовать во что бы то ни стало»[541]. Лаура Лафарг 18 апреля 1870 г. сообщала Марксу: «Интернационал делает здесь чудеса. Рабочие явно питают к Товариществу неограниченное доверие; секции образуются ежедневно»[542].

Первым крупным политическим актом вновь созданной Парижской федерации Интернационала была широкая пропагандистская кампания, имевшая целью разъяснить трудящимся массам подлинный смысл плебисцита, назначенного бонапартистским правительством на 8 мая. Декретом от 23 апреля французский народ призывался ответить путем голосования на вопрос, одобряет ли он либеральные реформы, осуществлявшиеся императором с 1860 г., и ратифицирует ли он опубликованную 20 апреля новую, либеральную конституцию, в которой эти реформы зафиксированы. При такой постановке вопроса утвердительный ответ означал одобрение не только конституции, но и всего государственного строя, возглавляемого Наполеоном III. Опубликованное одновременно с новой конституцией обращение к французскому народу за подписью императора не оставляло сомнений на этот счет. «Дайте мне новое доказательство вашей приверженности, – говорилось в нем. – Ответив утвердительно на поставленный вам вопрос, вы отвратите угрозу революции, поставите на прочный фундамент порядок и свободу и облегчите переход короны к моему сыну».

В совместном манифесте Парижской федерации МТР и Федеральной палаты рабочих обществ, опубликованном 24 апреля в «Марсельезе», указывалось, что единственным правильным ответом на плебисцит является воздержание от голосования, ибо никакая монархическая конституция не способна удовлетворить трудящихся. Только

---

539 «L'Egalite». 28 V 1870.

540 ЦПА ИМЛ. Ф. 1. оп. 5, ед. хр. 8209.

541 Там же.

542 Там же, ед. хр. 8190.

демократическая и социальная республика является предметом их законных стремлений. Они должны поэтому добиваться осуществления таких социальных преобразований, как превращение рудников, каналов, железных дорог, банков из средств эксплуатации в общественные предприятия, функционирующие в интересах народа. Далее перечислялись другие требования, фигурировавшие в избирательной программе парижских социалистов 1869 г. Особенностью манифеста являлось обращение к труженикам деревни, в котором подчеркивалась общность их интересов с интересами трудящихся города. Руанская, Марсельская и Лионская федерации МТР опубликовали схожие манифесты.

По мере приближения дня плебисцита усиливались преследования социалистов, главным образом членов Интернационала. Все средства террора и провокации были пущены в ход, чтобы обезглавить французские секции. В циркуляре за подписью Эм. Оливье, разосланном 30 апреля генеральным прокурорам, им предоставлялись широкие полномочия на арест членов Интернационала и прочих лиц, «занимавшихся на публичных собраниях подстрекательством к убийству императора». Глава либерального кабинета указывал своим агентам: «Мы не можем пассивно наблюдать, как в стране разливается революционный поток». Предписания ускорить «вылавливание членов Интернационала», имеющего свои организации «во всех крупных городах», рассылались и в следующие дни. «Не проявляйте колебаний… ударьте главным образом по руководящей головке» [543], – гласил один из циркуляров, разосланных по всей стране.

Благодаря грубому давлению на крестьян, а также благодаря сфабрикованному очередному «делу о покушении на жизнь императора», благодаря бешеной травле социалистов правительство Наполеона 111 получило 7 358 786 утвердительных голосов, что составляло около 70 % участвовавших в плебисците. 1 577 939 человек (14,8 %) голосовали против и 1 894 681 (15,6 %) воздержались. Вместе с тем результаты плебисцита содержали в себе и тревожные симптомы для бонапартистского правительства. В крупных городах процент противников империи и воздержавшихся был достаточно велик. В Париже, например, только около одной трети участников плебисцита ответили утвердительным голосованием. Голосование в армии также дало малоутешительные результаты. В одном только парижском гарнизоне 46 тыс. солдат высказались отрицательно. По данным французской оппозиционной печати, «часть армии не только голосовала против империи, но и высказалась за республику» [544]. Парижский корреспондент русской газеты «Nord» сообщал в Петербург: «Император очень взволнован оппозиционным голосованием в армии»[545].

Маркс и Энгельс считали великолепным поведение французских рабочих во время плебисцита. «Эти люди теперь снова начали действовать, а это их стихия, в этой области они мастера», – писал Энгельс 19 мая Марксу. Несколькими днями раньше Энгельс следующим образом оценивал общие результаты плебисцита: «Итоги в крупных городах Франции очень хороши. В остальных местах имела место фальсификация, и они не идут в счет»[546]. Маркс с величайшим одобрением отзывался и о самоотверженной антибонапартистской борьбе французских членов Интернационала после плебисцита. Преследования не приостановили деятельности Интернационала, как и не ослабили стачечного движения во Франции. В мае – июле 1870 г. оно еще шире распространилось по стране.

Начавшийся 22 июня 1870 г. в Париже третий процесс Интернационала наглядно

---

[543] «Papiers secrets et correspondance de la famille imperiale», t. I, 2-eme ed. Paris. 1873, p. 315, 316, 319.

[544] АВПР, Ф. Пресса, 1870 Г., д. 101, Л. 207.

[545] Там же, л. 211.

[546] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 429, 418.

показал, каких успехов он достиг со времени второго процесса, несмотря на непрерывные правительственные гонения. Само обвинительное заключение по делу 38 привлеченных к судебной ответственности заключенных свидетельствовало об этом: в нем был приведен обширный документальный материал, конфискованный полицией при обысках. «Это было один из самых захватывающих процессов», – писала впоследствии Луиза Мишель, сообщавшая, что в зале суда присутствовало около 3 тыс. человек[547]. Убежденность и мужество, с каким подсудимые – в большинстве своем 25-30-летние рабочие – отстаивали свои социалистические убеждения, произвели огромное впечатление на аудиторию. Процесс вместе с тем показал, что даже передовые французские рабочие, члены Интернационала, не освободились еще в 1870 г. от влияния прудонизма. Наиболее зрелым в идейном отношении, несмотря на молодость (ему было 26 лет), среди подсудимых был Лео Франкель. Согласно приговору, вынесенному 8 июля, Варлен (заочно, ибо он эмигрировал 21 апреля в Бельгию), Жоаннар, Комбо, Мюра, Малой, Пенди, Элигон были приговорены к году тюремного заключения и денежному штрафу, остальные – к 2 месяцам тюрьмы и штрафу. Парижская организация Интернационала была объявлена ликвидированной.

Франко-Прусская война

Уже 19 июля 1870 г., вслед за третьим процессом Интернационала, правительство Второй империи официально объявило войну Пруссии. В победоносной внешней войне, которая должна была последовать за разгромом революционного движения внутри страны, правящая бонапартистская клика видела выход из все углублявшегося политического кризиса, принимавшего угрожающие размеры. К войне стремилось также прусское правительство, усматривавшее в правительстве Наполеона III главное препятствие на пути объединения Германии под гегемонией Пруссии. Конфликт между Францией и Пруссией из-за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол был использован обеими сторонами для ускорения начала войны, объявление которой Бисмарк провокационно предоставил Франции.

Через четыре дня после официального объявления войны Маркс в воззвании Генерального Совета Интернационала от 23 июля 1870 г. предсказал неизбежность близкого крушения бонапартистской империи. «Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, – похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже», – гласило воззвание. Назвав войну оборонительной для немецких государств, Маркс вместе с тем разоблачал провокационную роль Пруссии, реакционность и агрессивность ее господствующих классов и от имени Генерального совета предупреждал немецкий рабочий класс, что если он «допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, – тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны» [548].

Французское командование во главе с Наполеоном III (на время его пребывания в армии в качестве главнокомандующего императрица Евгения была объявлена регентшей) делало ставку на молниеносную войну, диктовавшуюся военными и политическими соображениями. К ведению затяжной, регулярной кампании французская армия не была подготовлена: прусская армия обладала численным превосходством и более высокими боевыми качествами. Затяжная война была, кроме того, чревата политическими осложнениями, так как народ Франции, согласно донесениям агентов Второй империи, не хотел войны. Если, далее, учесть, что Франция вступала в войну, не имея союзников, и что только первые победы французского оружия могли побудить Австрию и Италию выступить

---

[547] *L. Michel.* La Commune. Paris, 1898, p. 22–23.

[548] *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 3, 4.

на ее стороне, то станет тем более понятным почему правительство Наполеона III ориентировалось исключительно на стремительное вторжение французских войск в пределы Германии и на создание в самом начале войны военного преимущества для Франции. Это облегчалось особенностями французской кадровой системы, позволявшими завершить мобилизацию гораздо раньше, чем прусская система ландвера, и воспрепятствовать благодаря этому соединению северогерманских войск с южногерманскими.

Но для успешного осуществления такого плана требовалась полная подготовленность к ведению молниеносной, наступательной кампании. Между тем уже первые дни после объявления войны показали, что военный план французского командования не мог быть реализован. Французская армия не выступила ни 20 июля, согласно первоначальному плану, ни 29 июля, в день, когда прибывший накануне в Мец Наполеон III, взявший на себя главное командование, намеревался переправить войска через границу. Вследствие беспорядочной, запоздалой мобилизации необходимые для вторжения боевые силы не были своевременно подтянуты к границе, а те численно недостаточные силы, которые были здесь сосредоточены, не были обеспечены ни походным снаряжением, ни боеприпасами, ни провиантом. Беспорядок и путаница, царившие на железных дорогах, усугубляли положение. Вынужденная задержка с началом военных действий существенно изменила положение дел в пользу немцев. «Пожалуй, можно сказать, что армия Второй империи до сих пор терпела поражения от самой же Второй империи»[549], – справедливо писал в эти дни Энгельс.

Упустив благоприятный момент для наступления, французское командование было вынуждено перейти к непредусмотренной им оборонительной войне против первоклассной для того времени прусской армии. Немецкое командование, выигравшее время для переброски своих войск к границе и для сосредоточения их на намеченных позициях, 4 августа само перешло в наступление, атаковав линию Виссамбура в Эльзасе, – один из наиболее слабых пунктов французской обороны. Вследствие плохой организации разведки французская вторая дивизия под командованием генерала Абеля Дуэ – единственная дивизия, противостоявшая здесь немцам, – была застигнута врасплох. Не получив подкрепления из-за разобщенности французских войск, растянутых на 70 миль вдоль франко-германской границы, она одна героически сражалась против трех армейских корпусов немцев и отступила только после того, как нанесла численно более чем в пять раз превосходившему ее противнику значительные потери. В бою был убит генерал Абель Дуэ. Храбрость французских солдат в этом первом серьезном столкновении была впоследствии отмечена даже главнокомандующим прусской армии фельдмаршалом Мольтке[550].

Несмотря на старания французского правительства скрыть от населения истинное положение вещей, слух о поражении просочился 5 августа в Париж, который пришел в крайнее возбуждение. «Если в течение 24 часов население не получит сообщения о победе, то неизвестно, до каких крайностей оно способно будет дойти»[551], – записал в этот день парижский публицист Альфред Даримон. И действительно, 6 августа Париж облетел слух о крупной победе, одержанной первым корпусом Рейнской армии под командованием маршала Мак-Магона у Верта (Эльзас). Этот ложный слух, пущенный не без ведома правительства биржевыми воротилами Парижа, был к вечеру опровергнут поступившими сведениями о поражении Мак-Магона. В тот же день, 6 августа, на границе Лотарингии у Форбаха понес крупное поражение генерал Фроссар, командовавший вторым корпусом Рейнской армии. Оба сражения были проиграны, несмотря на отвагу и стойкость французских солдат.

---

549 *К. Маркс* и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 21.

550 *H. Moltke.* Geschichte des deutsch-franzosischen Krieges von 1870–1871. Berlin, 1891, S. 13.

551 *A. Darimon.* Les cent seize sous le Second empire. Paris, 1874, p. 408.

В результате трех первых поражений французской армии немцы оккупировали часть Эльзаса и Лотарингии.

Сражения 4 и 6 августа воочию показали, что французская армия, все еще сохранявшая за собой до начала войны славу первоклассной армии, «в час испытания, – как писал Энгельс, – … не могла противопоставить неприятелю ничего, кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат»[552]. А этого одного было недостаточно для успешного ведения войны.

Многочисленными антиправительственными манифестациями ответили 7 августа народные массы Парижа и ряда провинциальных центров на известие о поражениях предыдущего дня. В разных районах столицы происходили столкновения манифестантов с жандармерией и правительственными войсками. Раздавались требования низложения Наполеона III и провозглашения республики. «В Париже чувствовалось… дыхание революции»[553].

Однако народные манифестации носили стихийный характер. Их никто не организовал, никто не возглавил. Рабочие Парижа в результате преследований были в это время лишены своих признанных вождей. «Наши французские секции разгромлены, самые испытанные люди либо бежали, либо заключены в тюрьму»[554], – писал Маркс 2 августа 1870 г. И. -Ф. Беккеру. По этой причине не были использованы благоприятно сложившиеся 7 августа обстоятельства для свержения империи: в правительственных кругах царили замешательство и растерянность после получения депеши генерального штаба о поражениях 6 августа. По свидетельству одного из бонапартистских журналистов, «город в течение двух часов оставался без власти. Министры метались растерянные… На бульварах гудели толпы народа. В префектуре растерянность была еще большая, чем в министерстве внутренних дел… Полицейские и жандармерия… не получали никаких распоряжений, никаких инструкций»[555].

Правительство больше всего опасалось выступления рабочих Парижа под руководством депутатов-республиканцев. Однако уже очень скоро оно убедилось в необоснованности своих опасений. Депутаты левой фракции не присоединились к народу, а предпочли направить к председателю законодательного корпуса Шнейдеру делегацию (Фавр, Симон, Пеллетан и др.), чтобы убедить его передать исполнительную власть комитету из состава одного только бонапартистского большинства палаты. «Мы же на власть не претендуем, мы хотим лишь служить ей»[556], – убеждал его Фавр. Однако Шнейдер не дал согласия поддержать это предложение. Поведение левых депутатов приободрило бонапартистов. Они перешли в наступление.

Уже 7 августа правительство приняло ряд чрезвычайных мер для подавления возможных выступлений. Париж был объявлен на осадном положении, около 40 тыс. солдат были из разных пунктов спешно переброшены в столицу. 8 августа на осадное положение был переведен ряд департаментов. В воззвании к парижанам, появившемся в этот день на стенах Парижа, усиленно подчеркивалось, что участие в волнениях равносильно борьбе против французской армии, что республиканцы являются врагами отечества, шпионами Пруссии. На 9 августа созывалась чрезвычайная сессия законодательного корпуса.

---

552 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 99.

553 *J. P. T. Bury.* Gambetta and the National Defence. London, [1936], p. 42.

554 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 115.

555 Цит. по: *A. Ranc.* Sous l'Empire Faris, 1872, p. 156.

556 J. *Favre.* Le gouvernement de la defense nationale, du 30 juin au 31 octobre 1870, i. 1. Paris. 1871, p. 32.

Не добившись уступок от бонапартиста Шнейдера, депутаты левой фракции вступили в сговор с орлеанистами, прилагая дальнейшие усилия, «чтобы спасти монархический принцип за счет династии Бонапартов»[557], как писал по этому поводу центральный орган немецкой социал-демократической рабочей партии. Они намеревались совместно с орлеанистами внести 9 августа в законодательном корпусе предложение об установлении временного коалиционного правительства. В страхе перед революцией левые депутаты, к которым рабочие Парижа неоднократно обращались в эти дни, безуспешно предлагая им возглавить борьбу за свержение империи [558], бросились в лагерь монархической реакции, чтобы совместными стараниями буржуазных партий предотвратить революционное свержение империи и установление республики.

Ко времени открытия чрезвычайной сессии законодательного корпуса большинство бонапартистов было уже уверено в том, что депутаты левой фракции «неспособны рискнуть на переворот»[559]. И тем не менее они с тревогой ожидали открытия сессии, считая, что опасность для империи еще не миновала. Подавляющая часть населения Парижа настоятельно требовала свержения империи. Свою основную задачу бонапартисты видели в том, чтобы, перехватив инициативу у левых депутатов, ограничиться сменой министерства Оливье. Они имели наготове новый кабинет во главе с ярым бонапартистом графом Паликао.

Открывшееся 9 августа в час дня в Бурбонском дворце заседание законодательного корпуса происходило под усиленной охраной воинских и полицейских частей. Около 100 тыс. парижан[560], среди которых преобладали рабочие, заполнили прилегающую ко дворцу площадь Согласия и соседние улицы. Возгласы «Да здравствует республика!», звуки «Походного гимна», требования оружия раздавались со всех сторон. Когда в ответ на пронесшийся над площадью клич «Вперед, к палате!» вся многотысячная масса людей двинулась к зданию законодательного корпуса, ей преградили путь кавалерийские части, охранявшие Бурбонский дворец; по имеющимся сведениям, здесь неоднократно раздавались выстрелы. Отдельные группы манифестантов проникли в прилегающий ко дворцу сад.

Все происходившее за стенами законодательного корпуса, в гуще народных масс, теснившихся на подступах к нему, не могло не оказать влияния на ход заседания внутри Бурбонского дворца. Вслед за пространным выступлением Эмиля Оливье, всеми средствами пытавшегося спасти свой кабинет и с этой целью доказывавшего, что первые военные неудачи Франции не окажут существенного влияния на дальнейший ход войны, если усилия, предпринятые правительством, чтобы пополнить численность армии, получат поддержку палаты, слово получил Жюль Фавр, выступивший от имени 34 депутатов левой фракции с двумя предложениями: о вооружении всех боеспособных граждан, занесенных в списки избирателен, и об отстранении Наполеона III от командования армией и от управления государством с передачей функций исполнительной власти комитету из 15 депутатов законодательного корпуса.

Если первое предложение, требовавшее в сущности выдачи оружия только буржуазным слоям населения, не встретило сопротивления (слишком напряженной была политическая обстановка в стране) и было лишь дополнено поправкой о необходимости распространить это мероприятие и на провинцию (вооружением реакционных элементов провинции, в том числе крестьянства, хотели обезопасить себя от революционного Парижа), то второе

---

557 «Der Volksstaat», 11.VIII 1870.

558 «Enquete parlementaire sur les actes du gouvernement de la Defense nationale» (далее-«Actes»), t. 1-Vil. Paris, 1872–1876, t. V, p. 202. Deposition Garnier-Pages.

559 *A. Ranc.* Sous l'Empire, p. 155.

560 «Actes», t. V, p. 113 Deposition Pielri.

предложение левой фракции вызвало бурю протестов и было отклонено бонапартистским большинством. Левые депутаты, настаивая на неотложности низложения Наполеона III, руководствовались стремлением предотвратить революционный захват законодательного корпуса народом. Их беспокоили раздававшиеся поблизости выстрелы, свидетельствовавшие о столкновениях народных масс с правительственными войсками. Левый депутат Жюль Ферри счел даже необходимым в этот критический момент прийти на помощь командующему войсками, охранявшими дворец, маршалу Бараге д'Илье. С террасы дворца он убеждал рабочих, ворвавшихся в сад Бурбонского дворца, отказаться от намерения проникнуть в помещение законодательного корпуса, апеллируя к их «патриотическим чувствам».

Увещевания левых депутатов, добивавшихся незамедлительного создания правительственного комитета, не возымели действия на бонапартистское большинство, которое отдавало себе отчет в том, что создание такого комитета практически означает передачу власти в руки орлеанистов и их союзников – буржуазных республиканцев. Поэтому они непреклонно настаивали на сохранении нетронутым существующего режима, доказывая, что это единственное средство предотвратить революцию. Обсуждение этого острейшего вопроса приняло столь бурный характер, что председательствующий вынужден был прервать заседание.

Когда заседание возобновилось, левый депутат Э. Пикар предложил отложить решение вопроса о власти и ограничиться отстранением кабинета Оливье. Поставленное на голосование предложение левой фракции было отклонено 190 голосами против 53, при 2 воздержавшихся. Министерство Оливье подало в отставку. Формирование нового кабинета было поручено графу де Паликао. Бонапартисты одержали временную победу.

Таким образом, события 7–9 августа 1870 г., которые даже по признанию префекта парижской полиции могли с успехом привести к революции[561], благодаря пособничеству левых депутатов продлили дни Второй империи в ущерб национальным интересам Франции, интересам ее безопасности. Пришедшая к власти в итоге этих событий правобонапартистская клика во главе с графом Паликао, назначенным также военным министром, подчинила интересы страны интересам сохранения бонапартистского режима и тем самым ускорила военный разгром Франции.

Новый кабинет, в состав которого вошли отъявленные бонапартисты, назвал себя «министерством национальной обороны», давая этим понять, что считает своей единственной задачей борьбу против внешнего врага. «Вновь сформированный кабинет… проникнут единственной мыслью, которой он неустанно вдохновлен, – мыслью об обороне дорогого всем нам отечества. Мы употребим для этого все наши усилия. Ни один час не будет потерян; можете быть в этом уверены»[562], – так определил 10 августа на заседании законодательного корпуса программу нового министерства председатель государственного совета Бюссон-Бийо.

Однако, вопреки своим заявлениям, новые правители Франции, отождествляя интересы правящей бонапартистской клики с государственными интересами, направили главные усилия на борьбу с «внутренними врагами», т. е. противниками сохранения империи, демагогически утверждая в своих обращениях к населению, что успешная борьба против внешнего врага невозможна без «спасения отечества» от «внутренних врагов». Первые же мероприятия нового министерства свидетельствовали о его решимости беспощадно подавить любое проявление антибонапартистских настроений и вместе с тем указывали на его непрочность.

Уже 10 августа были закрыты республиканские газеты «Ревей» и «Раппель». Вместо

561 «Acies», V. V, p. 113. Deposition Pietri.

562 «Annales du Senat et du Corps legislatif» (далее-«Annales»). Corps legislatif. Seance du 10 aout 1870, p. 27.

предполагавшейся отправки в подкрепление Рейнской армии части войск, вызванных накануне в Париж, сюда были затребованы новые воинские части из пограничных департаментов. Все новые департаменты переводились на осадное положение. По этому поводу английская «Таймс» писала: «Во всем этом мы усматриваем невольное признание того, что недовольство существующим режимом и неприязнь к нему получили широкое распространение… Всего за две недели Наполеон III подорвал основы своего трона в гораздо большей мере, чем это было сделано до сих пор объединенными усилиями всех оппозиционных классов вместе взятых»[563]. В том же духе высказывались другие видные английские газеты. Британский посол в Париже лорд Лайонс весьма скептически оценивал положение правительства Паликао Что касается зарубежной социалистической печати, то она единодушно считала министерство Паликао нежизнеспособным. «Империя приближается к своему концу и уже не считает более нужным сохранять маску приличия… С безрассудной и беззастенчивой быстротой она стремится навстречу своему крушению»[564], – писал, в частности, орган германских социал-демократов.

В этом свете заслуживает особого внимания безоговорочная поддержка, которую с первых дней нашло правительство Паликао у республиканских депутатов. И с трибуны законодательного корпуса, и в своих контактах с населением они старались создать о новом министерстве ложное представление, как о дееспособном и патриотическом. Гамбетта не составлял в данном случае исключения. Уже 12 августа он, выступая в законодательном корпусе, поспешил выразить благодарность главе правительства за его благие намерения в деле обороны страны[565].

Между тем в стране не прекращались антибонапартистские выступления, несмотря на осадное положение и террор. В числе городов, в которых после прихода к власти министерства Паликао имели место «беспорядки», печать ряда стран (бонапартистская печать умалчивала об этом) называла Лион, Марсель, Тулузу, Лимож, Бордо и др. В целом, как сообщала русская печать, «в семи или восьми департаментах» Франции произошли в эти дни «республиканские вспышки»[566]. Это были беспомощные выступления, неизбежно кончавшиеся неудачей. В Париже 11 августа была предпринята новая попытка оказать давление на депутатов левой фракции. К ним была направлена от имени Федерации синдикальных палат делегация в составе 60 человек, которой было поручено запросить их, «намерены ли они дать наконец сигнал к ниспровержению этого злополучного правительства», на что был получен ответ, что такое выступление несвоевременно[567].

В ночь на 12 августа в Париж из Брюсселя нелегально прибыл Бланки по вызову своих приверженцев. Убежденные в том. что 9 августа достаточно было обратиться с призывом к народным массам на подступах к законодательному корпусу, чтобы с успехом осуществить революцию, они были уверены, что и после событий этого дня можно в любой момент свергнуть империю. После некоторой подготовки они 14 августа предприняли такую попытку, окончившуюся провалом: они не встретили поддержки у рабочего населения. На бульваре Ла-Вилетт, где собрались бланкисты, они со всей ясностью убедились, «что их план не имеет никаких шансов на успех», как признавал месяц спустя сам Бланки. «Напрасно взывали они к населению: „Да здравствует республика! Смерть пруссакам! К оружию!“ Ни

---

[563] «Times», 13.11 1870.

[564] «Der Vollksslaat», 17.VIII 1870.

[565] «Annales». Corps legislatif. Seance du 12 aout 1870, p. 65.

[566] «Дело», 1870, № 8, стр. 87.

[567] G. *Lefrancais.* Souvenirs d'un revolutionnaire. Bruxelles, [1902], p. 385–386.

единого слова, ни единого движения не последовало в ответ…»[568] – с горечью вспоминал он впоследствии.

Многие передовые люди Франции (Варлен, Жюль Валлес и др.) осуждали бланкистов за их безрассудство, называя их при этом «честными и храбрыми, преданными своим принципам и своему отечеству республиканцами» [569]. Луиза Мишель посвятила им взволнованные стихотворные строки[570]. Что касается буржуазных республиканцев, то они полностью присоединились к гнусной клевете, распространявшейся бонапартистской печатью, будто «покушение» 14 августа – дело рук прусских шпионов. Военный трибунал уже 16 августа приступил к судебному разбирательству «дела Ла-Виллетт». С трибуны законодательного корпуса Гамбетта 17 августа рассыпался в благодарностях правительству Паликао за то, что оно «как всегда безошибочно… сразу напало на след агентов Бисмарка, изобличив их перед общественным мнением»; он требовал применения самых суровых мер к участникам выступления[571]. Поведение Гамбетта вызвало гнев и возмущение социалистов и демократов во Франции и за ее пределами. «О, бандит! – негодовал Жюль Валлес – ему лучше других известно, что выступление совершено мужественными, благородными людьми» [572]. Арестованные 14 августа бланкисты Эд и Бридо были вскоре приговорены военным трибуналом к смертной казни. По этому поводу русская газета «Неделя» писала: «Кровь этих людей отчасти ляжет и на Гамбетта»[573]. Даже умеренно либеральный «Вестник Европы» осуждал Гамбетта за то, что он «решился утвердить своим голосом справедливость приговора военного суда»[574].

Наряду с буржуазными республиканцами правительство Паликао официально поддерживали орлеанисты во главе с Тьером, считавшим крайне важным несколько продлить существование империи, чтобы полностью возложить на нее ответственность за военное поражение Франции, которое он считал неминуемым. Одновременно орлеанисты активнее, чем когда-либо, готовили почву для успеха орлеанистской реставрации. Политический салон Тьера, по словам орлеаниста Э. Доде, был постоянно переполнен. «Сюда стекались все новости. Здесь они обсуждались, здесь определялось их значение и последствия»[575]. Когда стало известно, что принцы Орлеанские обратились к правительству с ходатайством о разрешении им вернуться во Францию «для участия в обороне отечества», то Тьер, считавший преждевременным появление принцев на политической арене, был весьма удовлетворен, когда их просьба не была удовлетворена.

События на фронте все больше приближали империю к полному военному поражению. 14 августа прусское командование навязало уцелевшим после поражений 6 августа французским войскам, отступавшим в направлении Вердена и Шалона, бой у деревни Борни,

---

[568] *A. Blanqui.* Affaire de la VilleUe. – «La Pairie en danger», 16.IX 1870.

[569] *J. Valles.* L’insurge. Paris, 1886, p. 180.

[570] «Memoires de Louise Micliel, ecrites par elle-meme», t. I. Paris, 1886, p. 163.

[571] «Annales». Corps legislatif. Seance du 17 aout 1870, p. 143.

[572] *J. Valles.* L’insurge, p. 184.

[573] «Неделя», 16(28).VIII 1870 г., стр. 1086.

[574] «Вестник Европы», 1870, кн. IX. Иностранное обозрение, стр. 392–395.

[575] E. Daudet. Le due d’Aumale 1822–1897. Paris, 1898, p. 148.

с тем чтобы отрезать им путь на Верден, где французское командование намеревалось создать новую, Шалонскую армию. И хотя пруссакам не удалось добиться победы, они на целые сутки задержали переправу французских войск через реку Мозель, что позволило им 16 и 18 августа навязать французам два новых сражения у Гравелотта и у Сен-Прива, завершивших поражение Рейнской армии.

Оба сражения, из которых первое явилось самым крупным кавалерийским сражением за всю кампанию 1870–1871 гг.[576], были проиграны французами, несмотря на героизм и стойкость французских солдат. Предательская бездеятельность командовавшего войсками маршала Базена, стремившегося в своих личных преступных целях, раскрывшихся только впоследствии, сохранить нетронутой свою 150-тысячную армию в районе Меца, принесла победу неприятелю, который отрезал ей путь к Шалону и блокировал ее в Меце семью корпусами первой и второй немецких армий общей численностью в 160 тыс. человек. Третья немецкая армия, беспрепятственно перейдя Вогезы, совершала путь на Париж. Параллельно ей туда же двигалась четвертая армия.

«Военная мощь Франции, по всей вероятности, полностью уничтожена, – писал Энгельс 20 августа под непосредственным впечатлением пятидневных боев в окрестностях Меца – …Мы не можем пока еще оценить политические результаты этой страшной катастрофы. Мы можем только удивляться ее размерам и неожиданности и восхищаться тем, как перенесли ее французские войска… Никогда еще, даже в самых победоносных кампаниях, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее злополучном отступлении от Мена»[577].

В Париже и в провинции в эти критические дни войны свирепствовал необузданный террор. «Никогда еще империя, казалось, не была так решительно настроена покончить со своими внутренними врагами»[578], – писал по этому поводу историк Жюль Кларети. Население Парижа было до крайности терроризировано. Недоверие, подозрительность, мания шпионажа насаждались правительственными агентами среди парижан и населения других городов. В сельских местностях провокационная политика правительства, натравливавшего крестьян на республиканцев, выдаваемых за прусских шпионов, привела к самосудам над этими мнимыми преступниками. Бонапартистская пресса поощряла подобные расправы, изображая их как справедливую месть народа «изменникам родины».

Военные поражения, следовавшие одно за другим, выдвинули в августе 1870 г. в качестве одного из центральных вопросов политической жизни Франции проблему организации и вооружения национальной гвардии. Однако политика правительства Паликао в этом вопросе выдавала его подлинные цели.

Настоятельные требования населения вынуждали местные власти запрашивать Париж, как быть с формированием и вооружением местной национальной гвардии. Обычно они получали отрицательный либо уклончивый ответ. Зачисление в национальную гвардию и в добровольческие отряды – в тех случаях, когда оно производилось, – намеренно обставлялось всевозможными бюрократическими формальностями. Правительство не желало вооружать широкие массы населения. Вынужденное под давлением обстоятельств, в интересах самосохранения, принять 11 августа решением законодательного корпуса закон о повсеместной организации и вооружении национальной гвардии и о выборности ее начальствующего состава[579], оно на деле саботировало этот закон. «Вас зачисляли – и

---

[576] A. Chuquet. La guerre 1870–1871. Paris, 1895, p. 64.

[577] *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 58.

[578] I. *Claretie.* Histoire de la Revolution de 1870-71, t. I, Paris, 1875, p. 245.

[579] «Annales». CorpsVI legislatif. Seance du 11 aout 1870, p. 47.

только. Да и быть зачисленным было нелегко… Оружие не выдавали, и за зачислением не следовали организационные меры; ограничивались одним занесением в списки»[580], – свидетельствовал впоследствии один из офицеров Второй империи. В первую очередь в национальную гвардию зачислялись имущие слои населения. Всевозможными ухищрениями старались воспрепятствовать зачислению в нее рабочих, а в тех случаях, когда их зачисляли, их оставляли без оружия.

Не только французская печать, но и зарубежная, пристально следившая за происходящим во Франции, указывала на «парализующее действие правительственных агентов», чинящих препятствия вооружению населения. «…Мы являемся свидетелями досадного зрелища, – писала, например, лондонская газета, – торжества писак, преграждающих путь волне энтузиазма и делающих все возможное, чтобы затруднить большое народное движение». Газета не преминула при этом намекнуть на истинную причину бюрократических проволочек, стоящих «на пути у населения, воодушевленного единодушным порывом». Она сообщала, что «принятое решение вооружить всех граждан без исключения – республиканцев, социалистов и прочих, не исключая нарушителей общественного порядка, входящих в Интернационал, вызвало недовольство буржуазных слоев. Если всех, этих людей вооружить в целях обороны территории, то что же, однако, будет потом? Кто их разоружит? А что если они провозгласят республику?»[581] Вывод напрашивался сам собой. Нечего и говорить, что социалистическая печать прямо и недвусмысленно указывала, что в основе антинациональной политики правительства в данном вопросе лежит страх перед вооруженным народом.

Согласно сообщениям французской и зарубежной печати, в августе 1870 г. на улицах Парижа национальные гвардейцы обучались, имея вместо винтовок палки, трости, зонты. Газета «Неделя» сообщала, что и в шалонском военном лагере «волонтеры и национальные гвардейцы обучаются военному ремеслу на палках»[582].

В отношении мобильной гвардии проводилась та же политика. Вооружали преимущественно реакционные ее части, некоторые из них переводились в Париж для охраны «порядка». Мобильная гвардия департамента Сены не пользовалась доверием правительства. Мы имеем на этот счет свидетельство французского историка Жоржа Ренара. «Парижскую мобильную гвардию не хотели вооружать, так как ее боялись, ибо она в подавляющем большинстве была республиканской»[583], – сообщал он в своих воспоминаниях.

Национальные интересы Франции все настоятельнее требовали скорейшего избавления ее от бонапартистской империи, правящая клика которой приносила в жертву династическим интересам интересы страны. Однако буржуазные республиканцы «держали народ в узде и играли роль буфера между ним и империей»[584]. Это им удавалось не только благодаря слабости социалистической пропаганды, но и вследствие деморализующего воздействия на массы 18-летнего существования бонапартистского режима.

Отчасти этими же причинами следует объяснить широкую популярность, которую в августе 1870 г. сумел завоевать себе среди парижского населения генерал Трошю, политический авантюрист, реакционер и демагог, искусно использовавший в собственных

---

[580] «Actes», t. V, p. 476. Deposition Chaper.

[581] «Pall Mall Gazette», 11.VIII 1870.

[582] «Неделя», 9(21). VIII 1870, № 32, стр. 1053.

[583] C. Renard. Mes Souvenirs (1870-71). – «La Revolution de 1848», t. 28 1931, p. 15.

[584] A. Arnould. Histoire politique et parlementaire de la Commune de Paris, t. I. Paris, 1876, p. 14.

честолюбивых целях создавшуюся во Франции политическую обстановку. Благодаря пособничеству буржуазных республиканцев Трошю сумел внушить к себе расположение народных масс, поверивших в искренность его намерений и в его способность вывести страну из критического положения, в котором она оказалась. Начиная с 16 августа, когда Трошю по распоряжению правительства Паликао отбыл в Шалон, чтобы принять командование над формировавшимся там 12-м армейским корпусом, он всеми средствами демагогии и лицемерия добивался все большей поддержки населения, стремясь занять пост военного губернатора Парижа и командующего парижским гарнизоном. Его далеко идущие властолюбивые замыслы этим отнюдь не ограничивались. Трошю был убежден, что война проиграна и судьба Луи-Наполеона решена. Он надеялся в результате передачи власти в руки орлеанистов или легитимистов добиться дальнейшего собственного возвышения.

Трошю не намерен был выполнять стратегический план Паликао, состоявший в том, чтобы двинуть Шалонскую армию к Мецу на соединение с блокированной армией Базена, затем силами обеих армий дать бой пруссакам в окрестностях Меца и движением на Париж приостановить марш немецких армий к столице, сосредоточив на подступах к ней 250-тысячную французскую армию под командованием Мак-Магона. В основе этого плана лежали главным образом политические соображения: только путем военного успеха можно было, по мнению Паликао и его сторонников, предотвратить революцию в Париже. Трошю же был сторонником немедленного движения одной Шалонской армии к Парижу не только потому, что не верил в осуществимость плана Паликао. Так же как Паликао, Трошю руководствовался политическими соображениями: для усмирения революционного Парижа нужна была армия; предотвратить революцию можно было, в случае необходимости, и путем отстранения династии Бонапартов, но и для этого нужны были войска.

Прибыв в ночь на 17 августа в Шалон, Трошю уже в ночь на 18 августа отбыл обратно в Париж, снабженный документом за подписью оказавшегося в Шалоне Наполеона III о назначении его «губернатором Парижа и командующим всеми вооруженными силами, долженствующими обеспечить оборону столицы»[585]. За ним следовали 18 батальонов парижской мобильной гвардии, в свое время отправленные в Шалон из Парижа, где они составляли предмет беспокойства для правительства. Трошю настоял на их возвращении в Париж. Шалонской армии надлежало сразу же начать движение к столице.

Трошю брал на себя обязательство подготовить население Парижа к возвращению императора и провести необходимые для этого военные приготовления. Он заранее был убежден в том, что эта «опасная миссия» не будет осуществлена, особенно после нового поражения у Гравелетта, тем более что против возвращения в Париж императора был глава правительства и регентша. С помощью 18 батальонов мобилей Трошю рассчитывал вырвать у Паликао необходимую санкцию на свое новое назначение.

Со времени возвращения Трошю в Париж борьба между ним и Паликао принимала все более острый характер. Каждый из них игнорировал распоряжения другого, что крайне ослабляло оборону Парижа. Бонапартисты были, однако, вынуждены скрывать от населения разногласия и вражду, разъедавшие правительственный аппарат и обострявшие политический кризис. Они старались поддерживать в народе убеждение в сплоченности правительства и эффективности организуемой им обороны, тем более что популярность Трошю росла с каждым днем; он стал «кумиром парижской буржуазии», как засвидетельствовал впоследствии министр общественных работ в правительстве Паликао[586]. «С 17 августа, – сообщил тот же министр, – генерал Трошю становится верховным арбитром судьбы правительства, как и обороны Парижа»[587].

---

[585] «Actes», t. I, p. 26, note 2. L’empereur Napoleon au general Trochu.

[586] Ibid., p. 67.

[587] См. «Actes», t. V, p. 71. Deposition Jerome David.

В окрестностях Меца тем временем разыгрывался последний акт военной драмы. 21 августа Мак-Магон перебросил свои войска из Шалона в Реймс с тем, чтобы 23 августа выступить оттуда в направлении Парижа. Сведения о расположении немецких войск укрепляли его в убеждении, что движение к Мецу сопряжено с потерей последней действующей французской армии. Однако 23 августа он, вопреки своему решению, двинул войска к Мецу. Веской причиной для этого послужила полученная 22 августа новая депеша от Паликао, по-прежнему настаивавшего на соединении с Базеном, хотя к этому времени Паликао был уже вполне осводомлен о том, что Базен не намерен покинуть Мец.

Передвижение 10-тысячной армии Мак-Магона, малопригодной для рискованного перехода через Арденны, не обеспеченной провиантом и снаряжением, деморализованной предыдущими поражениями, происходило крайне медленно, с вынужденными отклонениями на запад в поисках продовольствия. 27 августа, когда Шалонская армия, утратив имевшееся у нее некоторое преимущество во времени над продвигавшимися к Мецу немецкими войсками, снова вышла на магистральную дорогу, Мак-Магону стало известно, что немцы успели преградить ему путь к Мецу. В ночь на 28 августа он начал отход назад к Мезьеру, чтобы не оказаться запертым в узком коридоре между рекой Мез (Маас) и бельгийской границей, и 28 августа прибыл в Мезьер, но в тот же день снова переменил решение и возобновил прерванное им движение на восток, к Мецу, несмотря на то, что позиция его армии в результате проволочки с отходом к Мезьеру еще более ухудшилась: немцы за это время продвинулись к Мецу.

И на этот раз, как это неоднократно имело место в ходе войны, именно политические соображения побудили Мак-Магона предпринять авантюристическое движение навстречу Базену, в пагубности которого он еще накануне был так убежден. Полученная 28 августа новая депеша от Паликао, датированная 27 августа, гласила: «Если вы покинете Базена, в Париже произойдет революция». В прибывшей вслед за ней другой депеше от 28 августа военный министр сообщал, что в подкрепление Шалонской армии из Парижа направляется 13-й корпус генерала Винуа[588].

Обстановка в Париже действительно достигла такого напряжения, что орлеанисты неоднократно обращались в эти дни к идее создания коалиционного буржуазного правительства. 26 августа к Тьеру явилась делегация от крупных парижских буржуа, вручившая ему адрес с выражением своей преданности и готовности поддержать реставрацию Орлеанов[589]. Идея создания коалиционного правительства привлекала и генерала Трошю, считавшего, как и Тьер, целесообразным временное сотрудничество с депутатами республиканской оппозиции, при содействии которых можно было рассчитывать предотвратить революцию. Тьер с одобрением отметил в 20-х числах августа в беседе с орлеанистом Д'Оссонвилем, что «Трошю слегка обхаживает парламентскую левую»][590].

В этих условиях правительство Паликао прилагало все усилия, чтобы продолжать скрывать от широких масс народа поражения 16 и 18 августа. В то время когда европейская печать была полна сообщений о постигшей Францию крупнейшей военной неудаче, французская пресса изобиловала лживыми сведениями о победном для французов исходе сражений 16 и 18 августа, перемежавшимися со столь же лживыми заявлениями о боевой готовности Шалонской армии и об ожидающем ее успехе на подступах к Мецу. В законодательном корпусе военный министр официально подтверждал эти россказни, вводя в заблуждение широкие слои населения, легковерно позволявшие преступному правительству

---

588 «Papiers et correspondance de la famille imperiale». Livr., XIV. Paris, 1870, P. 429.

589 I. *d'Haussonville.* Mon journal pendant la guerre (1870–1871). Paris, [1905], p. 56–57.

590 Ibid., p. 38–39.

обманывать себя. «Значительность одержанного успеха представляется неоспоримой после того, как она подтверждена генералом Паликао», – писал в эти дни швейцарский официоз[591].

Энгельс еще 8 августа, после первых поражений французской армии, писал: «Французская армия утратила всякую инициативу… Если она должна в своих передвижениях руководствоваться не тем, что делается в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может произойти в Париже, то она уже наполовину разбита»[592]. Весь последующий ход войны служил наглядным подтверждением этого положения. Энгельс, считавший план Мак-Магона после его выступления из Реймса безумным, высказал уверенность, хотя он и не был осведомлен о закулисной борьбе в правительственных кругах Франции, что действия Мак-Магона вызваны именно политическими соображениями. «Вот Вторая империя во всей своей красе, – писал он еще 26 августа. – Сделать вид, что ничего не произошло, скрыть поражение – это самое главное. Наполеон все поставил на одну карту и проиграл; а теперь Мак-Магон, когда его шансы на выигрыш составляют один против десяти, снова собирается играть va banque. Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом ее единственная надежда»[593].

30 августа немцы, продвинувшиеся к реке Мез и захватившие переправу через нее, атаковали Мак-Магона и разбили его. Французские войска были отброшены назад, к окрестностям Седана. А 1 сентября на рассвете после необходимых предварительных передвижений прусское командование перешло в наступление, бросив свои войска против зажатой в узком пространстве между рекой Мез и бельгийской границей французской армии.

Сражение 1 сентября 1870 г. – крупнейшее артиллерийское сражение XIX в.[594] – в подробностях описано в исторической литературе. Известей катастрофический для Франции исход этого сражения, несмотря на отвагу и самоотверженность французских солдат, оказавшихся перед численно превосходящими силами противника, располагавшего превосходной артиллерией и большими позиционными преимуществами. 3 тыс. убитых, 14 тыс. раненых, 3 тыс. разоруженных на бельгийской территории, 83 тыс. взятых в плен французских солдат, офицеров, генералов вместе с Наполеоном III, крупные военные трофеи, доставшиеся немцам, – таков итог военной катастрофы Второй империи у Седана. 2 сентября, после того как накануне, в день сражения, по распоряжению императора был выброшен белый флаг, генерал Вимпфен и генерал Мольтке подписали акт о капитуляции французской армии.

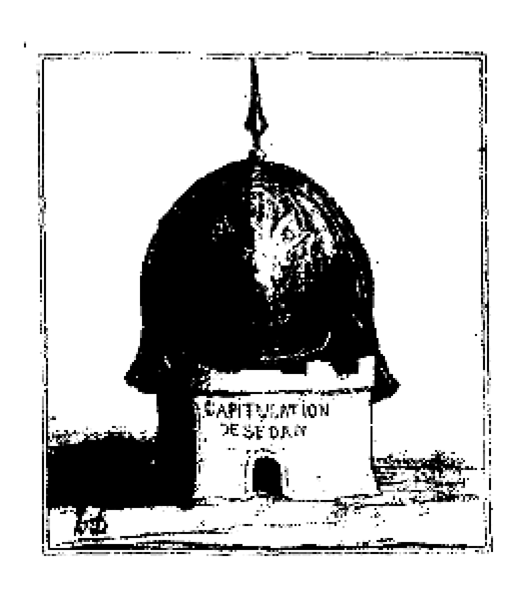
---

591 «Journal dr Geneve», 23-VIII 1870.

592 *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 27.

593 *Там же, стр. 69.*

594 A. Chuquet. La guerre de 1870-187 1. p 797.

«Здание увенчано». Капитуляция Седана. Карикатура О. Домье

«Французская катастрофа 1870 г. не имеет параллелей в истории нового времени! – писал Маркс. – Она показала, что официальная Франция, Франция Луи Бонапарта, Франция правящих классов и их государственных паразитов – гниющий труп»[595].

Революция 4 сентября

«Жизнь целого народа в некотором роде остановилась; ничто, кроме войны и военных действий, не интересовало больше граждан», – сообщал современник описываемых событий о тревожных днях, следовавших за выступлением из Реймса Мак-Магона на помощь армии Базена. В Париже, по словам того же очевидца, «народ неустанно выстаивал толпами на бульварах, перед Бурбонским дворцом, всюду, где он рассчитывал узнать что-нибудь о драме, разыгравшейся в Арденнах»[596].

Однако правительство малодушно скрывало от страны постигшую ее военную катастрофу. 3 сентября, через два дня после капитуляции французской армии, в Париже ничего еще не было известно о положении на фронте. В законодательном корпусе, за ходом заседания которого население взволнованно следило, военный министр в информации о военном положении ни словом не обмолвился о разгроме под Седаном. Слушавшие его депутаты, в том числе депутаты левой фракции, ничем не обнаружили своей осведомленности об истинном положении. Они старались выиграть таким образом время, чтобы до официального объявления о катастрофе принять меры к предотвращению революции.

К началу заседания законодательного корпуса левые депутаты уже предприняли меры в этом направлении. Они предложили орлеанисту Тьеру возглавить коалиционное правительство с генералом Трошю в качестве военного министра. Тьер отказался: будучи сторонником немедленного заключения мира, он предпочитал, чтобы этот кабальный для Франции мир был заключен без его официального участия, правительством, которое уже одним этим актом обрекло бы себя на недолговечность. Сам же он рассчитывал, не входя в состав нового правительства, оказывать на него давление к выгоде орлеанистов.

Левые депутаты между тем продолжали действовать. На втором заседании законодательного корпуса они предложили кандидатуру генерала Трошю на пост военного

---

595 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 521.

596 A. Ducquet. Paris. Le quatre septembre et Chatillon Paris 1890, p. 9, 10.

диктатору Франции. «Перед этим дорогим, любимым именем должны отступить все другие имена»[597], – взывал к депутатам Жюль Фавр. Бонапартистское большинство отклонило предложение левой фракции. Окончательное решение вопроса о власти было перенесено на следующее заседание, назначенное на 4 сентября в 3 часа дня.

Левые депутаты продолжали закулисные переговоры. Они выдвинули третий проект передачи власти: на этот раз триумвирату из двух бонапартистов (Шнейдер, Паликао) и одного орлеаниста (Трошю). «Такой сволочной компании еще свет не видывал»[598], – писал на другой день по этому поводу Энгельс.

Ход событий, однако, расстроил хитросплетения буржуазных политиков, старавшихся любой ценой предотвратить революцию. Уже вечером 3 сентября, едва появилось наконец сообщение о военной катастрофе у Седана – в нем вдвое преуменьшались размеры понесенных французской армией потерь, – весь Париж поднялся. «С Бельвилля, Менильмонтана, Монмартра многолюдными колоннами спускаются рабочие, – узнаем мы от республиканца Ранка, очевидца событий этого дня. – Во всем Париже звучит один клич. Рабочие, буржуа, студенты, национальные гвардейцы, солдаты, мобильные гвардейцы приветствуют низложение Бонапарта. Это – голос народа, голос нации»[599].

Народные манифестации были, однако, стихийными. Бланкисты, намеревавшиеся выступить во главе масс на другой день, присоединились к участникам ночной манифестации 3 сентября, направлявшейся к Бурбонскому дворцу. Другой поток манифестантов двигался к Лувру, резиденции генерала Трошю. Отражая атаки жандармерии, манифестанты оглашали город возгласами «Низложение!», «Да здравствует республика!»

Тем временем левые депутаты лихорадочно совещались в одном из помещений Бурбонского дворца. Стараясь парализовать революционную инициативу масс, они единодушно решили добиться созыва чрезвычайного ночного заседания палаты и на нем передать власть законодательному корпусу. Снова, как и 7 августа, Фавр во главе делегации от левой фракции направился к Шнейдеру. Было 10 часов вечера. «Мы умоляли его немедленно созвать палату: в случае промедления Париж окажется во власти демагогов»[600], – сообщал позднее Фавр. Одновременно с таким же предложением и теми же доводами к Шнейдеру явилась группа депутатов-бонапартистов[601]. Шнейдер дал согласие созвать чрезвычайное заседание законодательного корпуса. Иного выхода у него Не было. G вооруженной расправе с народными массами в случае их выступления нечего было и помышлять: в распоряжении правительства имелось не более 4 тыс. солдат и офицеров, в благонадежности которых оно не было уверено. Оставался лишь один путь предотвращения революции – попытаться опередить народные массы и упразднить империю парламентским путем. В этом были единодушны депутаты-республиканцы, орлеанисты и большинство бонапартистов, за исключением небольшой их части, все еще отказывавшейся идти на какие-либо уступки.

В одном, однако, сторонники передачи власти расходились. «Мы придавали большое значение тому, чтобы было произнесено слово „низложение“. Это слово казалось нам необходимым, чтобы умиротворить народный гнев, если только его вообще можно было

---

597 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сом., т. 33, стр. 43.

598 A. Rane. Souvenirs – correspondance. 1831–1908. Paris, 1913, p. 154.

599 I. Favre. Gouvernement de la defense nationale, p. 60.E.

600 Drcolle. Le journee du 4 septembre au Corps legislatif. Paris, 1871, p. 2.

601 I. *Simon.* Origine et chute du Second Empire. Paris, 1874, p. 372–373. «Annales». Corps legislatif. Seance de nuit du 4 septembre 1870, p. 367.

умиротворить, и этим предотвратить революцию»[602], – вспоминал впоследствии левый депутат Жюль Симон. В соответствии с этим и был сформулирован проект предложения, подготовленный левой фракцией к ночному заседанию палаты. Он начинался словами: «Луи-Наполеон Бонапарт и его династия объявляется низложенными». Орлеанисты выдвигали неопределенную формулировку, облегчавшую сговор с бонапартистами. Она гласила: «Ввиду вакантности трона» и т. д. Следует отметить, что левые депутаты, в том числе Гамбетта, были готовы присоединиться к орлеанистам, если их предложение будет отклонено.

Когда в 1 час ночи открылось чрезвычайное заседание законодательного корпуса, и военный министр после краткого сообщения о капитуляции французской армии и пленении императора предложил на этом закрыть заседание, не принимая никакого решения (Паликао был противником передачи власти законодательному корпусу), ни один депутат, в том числе левые, не выступил против этого предложения. «У меня нет никаких мотивов противиться этому»[603], – заявил Фавр, так настойчиво добивавшийся несколькими часами ранее срочного низложения Наполеона III решением законодательного корпуса. Заседание, длившееся всего 20 минут, было объявлено закрытым.

Разгадка необъяснимого на первый взгляд поведения левой фракции крылась в том, что поспешно созванное ночное заседание законодательного корпуса оказалось тем не менее запоздалым. Парижские рабочие опередили депутатов, прибыв до них к Бурбонскому дворцу и требуя провозглашения республики. Группа рабочих пыталась проникнуть в здание законодательного корпуса. И только настойчивые увещевания Гамбетта, – стоя на возвышении за запертой оградой дворца в окружении других депутатов, в том числе бонапартистов, он употреблял все свое красноречие, чтобы призвать народ к «благоразумию», – предотвратили захват законодательного корпуса рабочими, на помощь которым, по имеющимся сведениям, в это время подходили еще около 10 тыс. человек[604].

Только в два часа ночи депутаты решились покинуть дворец. Всех их объединял страх перед парижским народом, страх перед революцией. Республиканец Жюль Фавр счел благоразумным укрыться в карете орлеаниста Тьера…

С утра 4 сентября в Бельвилле, Монмартре, Менильмонтане и других рабочих районах Парижа царило крайнее возбуждение. Многие рабочие не приступили к работе. «Слова „низложение“, „республика“ переходили из уст в уста»[605]. Здесь развили активную пропаганду бланкисты, призывавшие народ к выступлению.

Буржуазные республиканцы совместно с орлеанистами по-своему готовились встретить события, этого дня. Они принимали меры к обеспечению явки на дворцовую площадь буржуазных элементов национальной гвардии. Явка была назначена на 2 часа дня. Депутаты-республиканцы собрались в Бурбонском дворце задолго до начала заседания. На предварительном совещании левой фракции они старались договориться с присутствовавшими здесь орлеанистами и бонапартистами о форме передачи власти законодательному корпусу. «Наше совещание не было закрытым, сюда приходили члены левого центра, даже члены большинства, и мы принимали их с предупредительностью, ибо мы нуждались в них так же, как они нуждались в нас»[606], – сообщал впоследствии Жюль

---

602 I. *Simon.* Origine et chute du Second Empire. Paris, 1874, p. 372–373.

603 «Annales». Corps legislatif. Seance de nuit du 4 septembre 1870, p. 367.

604 E. Dreolle. Le journee du 4 septembre…, p. 33.

605 Ibid., p. 5.1.

606 I. Simon. Origine et chute du Second Empire, p. 369.

Симон.

Левые депутаты заодно с орлеанистами принимали и другие меры, чтобы не допустить революционного свержения империи. При их участии на подступах к Бурбонскому дворцу и у его входов деморализованные правительственные войска были уже в ночь на 4 сентября заменены буржуазными батальонами национальной гвардии, среди которых находились преданные генералу Трошю мобили, одновременно с ним возвратившиеся в составе 18 батальонов из Шалона. Не империя, которая была уже мертва, а парижские рабочие и угроза захвата ими власти страшили Трошю и его сообщников, республиканских депутатов, состоявших с ним в постоянной связи уже с конца августа. Поэтому они и принимали все меры к тому, чтобы противопоставить народным массам сформированную при империи вооруженную национальную гвардию, состоявшую, как отмечал в то время Энгельс, «из буржуазии, преимущественно из мелких торговцев», которые «представляют собой силу, организованную для борьбы не столько с внешним врагом, сколько с врагом внутренним»[607].

К 12 часам дня площадь Согласия и другие подступы к Бурбонскому дворцу заполнились манифестантами, прибывшими сюда, как и накануне ночью, до открытия заседания законодательного корпуса, и тем самым расстроившими планы буржуазных партий.

Заседание открылось в 1 час 15 мин. дня. Оно длилось не более 25 минут. Лишь только были оглашены и переданы на рассмотрение соответствующих комиссий уже известные нам два предложения левых депутатов и орлеанистов и третье – от части бонапартистов, требовавших создания «правительственного совета национальной обороны» под верховным главенством Паликао в качестве военного диктатора, как в Бурбонский дворец ворвались манифестанты, среди которых действовали бланкисты. «Во время объявленного перерыва, – гласит стенографический отчет о заседании законодательного корпуса, – толпа, находившаяся на мосту Согласия и у фасада Бурбонского дворца, ворвалась во двор, затем в кулуары законодательного корпуса, заняла внутренние лестницы и устремилась к трибунам для публики с возгласами: „Низложение! Да здравствует Франция! Да здравствует республика!“»[608].

Бланкисты, растерявшие в людском потоке часть своих приверженцев, вскоре оказались в зале заседаний. Они застали на трибуне Гамбетта, призывавшего присутствующих «сохранять порядок», освободить помещение законодательного корпуса. Гамбетта помогал бонапартист Шнейдер. Бланкисты покинули зал, чтобы увлечь за собой новых манифестантов, толпившихся в кулуарах. Между тем левые депутаты, сменяя друг друга на трибуне, старались «образумить» народ. Восемь раз поднимался на трибуну Гамбетта, тщетно пытавшийся водворить спокойствие. С возгласами «Вперед! Да здравствует республика!» в зал вторично ворвались бланкисты, сопровождаемые новым потоком присоединившихся к ним манифестантов. В шуме возгласов тонул голос председателя, вынужденного объявить заседание закрытым и покинуть свое место. Было около 3 часов дня[609]. Бланкисты, заняй место председателя, потребовали от оставшихся в зале депутатов постановления о низложении императора и провозглашении республики Дальнейшее сопротивление становилось опасным.

Однако левые депутаты прибегли к новой уловке: удалив блан кистов с председательского места с помощью национальных гвардейцев, они попытались

---

607 *К. Маркс* и Ф· *Энгельс.* Соч… т. 17, стр. 121.

608 «Annales». Corps legislatif. Seance de iour du 4 se ptembre 1870, p. 368.

609 Подробное изложение сентябрьских событий см.: Э. А. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

ограничиться низложением Наполеона III, не провозглашая республики. Заготовленный ими проект был зачитан Гамбетта. Но и эта попытка не удалась. Требования республики с новой силой зазвучали в зале.

После тщетных увещеваний и запугиваний буржуазные республиканцы обратились к последнему средству. Сославшись на установившуюся традицию провозглашать республику в Ратуше, Жюль Фавр и Гамбетта призвали присутствующих следовать за ними в Ратушу. Сбитые с толку, не способные из-за шума разобраться в происходившем, присутствующие вслед за Фавром и Гамбетта покинули помещение законодательного корпуса и двумя потоками – вдоль левого и правого берегов Сены – во главе с Гамбетта и Фавром направились к Ратуше. «Это внезапно пришедшее мне на ум решение, – откровенно признавался впоследствии Фавр, – имело то преимущество, что освобождало палату от народа, предотвращало кровавое столкновение, которое могло произойти в ее стенах, предупреждало дерзкое предприятие, в результате которого руководство оказалось бы в „руках неистовой крамольной партии“» [610]. Левые депутаты готовы были применить оружие, чтобы вырвать власть у бланкистов в том случае, если бы им не удалось увлечь за собой народ.

По пути в Ратушу Фавр встретился с генералом Трошю, отсиживавшимся с вечера 3 сентября в своей резиденции в Лувре в ожидании благоприятной ситуации и сейчас направлявшимся верхом к Бурбонскому дворцу. Узнав от Фавра о ходе событий, он одобрил действия левых депутатов и, заявив о своем присоединении к ним, повернул назад, к Лувру.

Когда оба потока манифестантов около 4 часов дня прибыли на Гревскую площадь, кишевшую людьми, на фронтоне Ратуши уже развевалось красное знамя, водруженное рабочими. Внутри Ратуши, куда левые депутаты были «внесены» людским потоком, в ее переполненном главном зале бланкисты и неоякобинцы, опередившие депутатов, собирались огласить список членов намеченного ими революционного правительства, в котором, наряду с левыми депутатами, фигурировали имена Бланки, Флуранса, Делеклюза, Пиа. Чтобы вырвать инициативу из их рук, Фавр после тщетного призыва к присутствующим соблюдать спокойствие, вынужден был сам провозгласить республику.

Тем временем левые депутаты лихорадочно совещались в одном из помещений Бурбонского дворца, стараясь уточнить список членов временного коалиционного правительства, составленный ими из буржуазных республиканцев и орлеанистов. Бланкисты и неоякобинцы, получившие таким образом возможность огласить тем временем состав революционного правительства, не воспользовались благоприятным моментом. Их силы были недостаточны: часть бланкистов по распоряжению Бланки освобождала в это время из тюрьмы Сент-Пелажи политических заключенных. Среди них был Рошфор, прибытия которого в Ратушу бланкисты ожидали с нетерпением, рассчитывая на его согласие войти в состав революционного правительства.

Но вот Рошфор, триумфально проследовавший из тюрьмы Сент-Пелажи по улицам Парижа, приветствуемый народом, прибыл в Ратушу, опоясанный красным шарфом мэра столицы. Ему было предложено огласить состав революционного правительства. Но в этот момент его ловко увлекли левые депутаты, поспешившие ввести его в состав сформированного ими правительства, составленного из одних депутатов Парижа и тем самым исключавшего участие в нем бланкистов и неоякобинцев. Рошфор, пользовавшийся, как мы знаем, огромной популярностью, своим участием в составе того или другого правительства поднимал престиж этого правительства в глазах широких масс населения. Рошфор предпочел войти в состав правительства, сформированного буржуазными республиканцами. Его составили 11 депутатов левой фракции, считавшие более безопасным для себя иметь Рошфора в составе своего правительства, чем вне его, в качестве мэра Парижа. Пост мэра был предусмотрительно предоставлен, еще до прибытия Рошфора в

---

610 J. Favre. Gouvernement tie la defense nationale, p. 77.

Ратушу, умереннейшему республиканцу Эммануэлю Араго, престарелому деятелю революции 1848 г., давно сошедшему с политической арены.

Рошфор дважды сыграл 4 сентября на руку буржуазным республиканцам. Своим присоединением к ним он помог им предотвратить приход к власти бланкистов и неоякобинцев и, кроме того, отдал в их руки парижский муниципалитет, выступив в пользу Эммануэля Араго как мэра Парижа.

Оставался нерешенным вопрос о главе правительства. Согласно первоначальному проекту, этот пост предполагалось предоставить Жюлю Фавру. Орлеанисту Трошю предназначались посты военного министра и военного губернатора Парижа. Однако генерал Трошю соглашался присоединиться к новому правительству только в качестве его главы. Его требование было удовлетворено. Фавр удовольствовался постом заместителя Трошю. Рошфор не возражал против участия Трошю в составе правительства. «Господин Рошфор с самого начала проявил благоразумие. Он присоединился к предложению призвать генерала Трошю»[611], – сообщал впоследствии один из членов вновь созданного правительства.

Ни Тюильрийский дворец, где пребывала регентша, ни Люксембургский дворец, где заседал сенат, не были атакованы народом. В этом не было необходимости.

Вечером 4 сентября на первом заседании правительства Фавр, Гамбетта, Пикар, Кремье, Симон получили соответственно портфели министров иностранных, внутренних дел, финансов, юстиции, просвещения. Генерал Лефло был назначен военным министром, адмирал Фуришон – морским министром, Дориан – министром общественных работ, Маньен – министром земледелия и торговли. Последние четыре министра не входили в состав сформированного в Ратуше правительства. Часть членов правительства, депутаты Пеллетан, Гарнье-Пажес, Гле-Бизуэн, Рошфор не получили министерских портфелей. Буржуазное временное правительство, узурпировавшее 4 сентября 1870 г. власть, завоеванную рабочими Парижа, назвало себя «правительством национальной обороны».

Несмотря на противодействие буржуазных республиканцев, парижские рабочие сокрушили бонапартистскую империю и заставили буржуазных депутатов, вопреки их воле, провозгласить республику. «Республика была провозглашена 4 сентября – не жалкими стряпчими, водворившимися в парижской городской ратуше в качестве правительства обороны, а парижским народом», – писал Маркс о событиях этого дня[612].

Весть о крушении империи и провозглашении республики была встречена во Франции с удовлетворением. В крупных индустриальных центрах – Лионе, Марселе, Тулузе и др. – новые, республиканские органы власти – революционные Коммуны – по своему составу, как и по характеру своих первых мероприятий были гораздо более радикальными, чем центральное правительство в Париже. Это объяснялось тем, что в провинции противодействие буржуазии было слабее, чем в столице.

Революция 4 сентября 1870 г. – четвертая буржуазная революция в истории Франции – покончила с бонапартистским режимом Второй империи и привела к установлению режима Третьей республики. Это событие, в котором решающую роль сыграли рабочие Парижа, имело большое прогрессивное значение: оно явилось новым шагом на пути демократического преобразования страны, начатого революцией 1789–1794 гг.

8. Парижская коммуна 1871 года

От буржуазно-демократической революции 4 сентября 1870 года к пролетарской революции 18 марта 1871 года

---

611 *A. Qlais-Bizoin.* Dictature de cinq mois. Paris, 1871, p. 11.

612 *К. Маркс* и *Ф.* Энгельс. Соч., т. 17, стр. 513.

В результате революции 4 сентября из-за недостаточной зрелости и слабой организованности пролетариата государственная власть досталась представителям буржуазных кругов. Состав нового правительства, в котором преобладали республиканцы правого крыла и монархисты орлеанистского толка, делал неизбежным конфликт между ставшими у власти группами крупной буржуазии и широкими слоями населения.

Страх перед перспективой революционных выступлений трудящихся в случае затяжки войны и вооружения пролетариата побуждал руководителей новой власти стремиться к заключению мира на любых условиях, которые готовился продиктовать внешний враг. Уже вечером 4 сентября на первом заседании правительства его председатель генерал Трошю заявил, что «при настоящем положении дел попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы безумием»[613]. За исключением двух-трех министров, все остальные разделяли капитулянтскую позицию Трошю.

Через три дня после сокрушительного поражения и сдачи в плен 83-тысячной французской армии при Седане две немецкие армии двинулись по направлению к Парижу. Не встретив серьезного сопротивления, они за 13 дней дошли до французской столицы и 19 сентября начали ее осаду.

7 сентября группа французских социалистов во главе с Огюстом Бланки опубликовала в первом номере газеты «Патри ан данже», созданной под руководством этого испытанного революционера, заявление о своем отношении к правительству. В этом документе Бланки и его соратники писали, что «перед лицом врага» не должно быть «никаких партий», «должна исчезнуть всякая оппозиция, всякое несогласие». Это была явно ошибочная позиция. Она свидетельствовала о необоснованных иллюзиях, владевших в этот момент многими французскими социалистами, об их наивной вере в патриотизм буржуазного правительства, в его готовность к решительной борьбе с немецкими захватчиками.

9 сентября Генеральный Совет Интернационала утвердил составленное Марксом обращение к секциям МТР. Отмечая происшедшее в результате революции 4 сентября изменение характера войны, обращение разоблачало захватнические планы прусского юнкерства и германской буржуазии, направленные на отторжение от Франции Эльзаса и Лотарингии, и призывало рабочий класс Германии и других стран к борьбе за признание французской республики и заключение почетного мира с нею, «Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучит в ворота Парижа, – писал в этом документе Маркс, – была бы безумием отчаяния». Французские рабочие, доказывал он, должны «исполнить свой гражданский долг» – принять участие в обороне страны против нашествия немецких войск, но вместе с тем использовать все средства, которые дает им установление республики, «чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»[614].

Свержение бонапартистского режима, превращение войны в захватническую со стороны Пруссии и оборонительную со стороны Франции, жестокость немецких войск на оккупированной территории вызывали патриотический подъем широких слоев французского населения. Люди разных профессий и разных убеждений рвались в бой за свободу и независимость свой родины. Ярким проявлением патриотических чувств, охвативших в этот момент передовые слои французского народа, было воззвание, с которым Виктор Гюго обратился 20 сентября к вольным стрелкам. «Пусть каждый дом даст солдата, пусть каждое предместье станет полком, пусть каждый город превратится в армию!..» – писал великий поэт[615].

---

613 Цит. по: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 322.

614 Там же, стр. 280–281.

615 «La Patrie en danger», 20.IX 1870.

Эти горячие призывы находили широкий отклик в сердцах людей, любящих свою родину. Партизанские отряды, численность которых достигла в дальнейшем 50 тыс. человек, наносили чувствительные удары по немецким оккупантам [616].

На помощь французским патриотам спешили добровольцы из других стран. Активное участие в борьбе против нашествия немецких войск принял прославленный герой национально-революционного движения в Италии Джузеппе Гарибальди [617].

Между тем правительство национальной обороны по инициативе министра иностранных дел Жюля Фавра – буржуазного республиканца правого крыла, который еще во время революции 1848 г. проявил себя ярым врагом рабочего класса, – затеяло в первые же дни своего существования секретные переговоры с представителями германского правительства. Известие об этих переговорах вызвало глубокое возмущение среди демократических слоев населения французской столицы. Собрание делегатов окружных комитетов бдительности приняло резолюцию, в которой говорилось, что «Республика не может вести переговоры с врагом, занимающим се территорию», и что «Париж готов скорее похоронить себя под развалинами, чем сдаться»[618]. По инициативе рабочих собраний и революционных клубов производился сбор денег на отливку пушек для национальной гвардии. В итоге на средства, собранные самим населением Парижа, было отлито 2830 пушек.

24 сентября капитулировала крепость Туль, 28 сентября – после 7-недельной блокады и длительного артиллерийского обстрела – пал Страсбург.

29 октября, после 40 дней пассивной обороны, маршал Базен сдал крепость Мец и ее 175-тысячную армию – последнюю регулярную армию – немецким войскам. Ярый реакционер Базен и после революции 4 сентября продолжал считать бывшую императрицу Евгению регентшей Франции и вел секретные переговоры с ней, добиваясь от нее согласия на мирные условия, выдвинутые Бисмарком. Свою армию маршал рассматривал как силу, способную «восстановить порядок» (т. е. бонапартистский режим) [619].

Непрерывные военные неудачи усиливали возмущение широких слоев населения политикой правительства. Лозунгом дня становится создание нового органа власти – Коммуны. Впрочем большинство сторонников Коммуны понимало ее первоначально лишь как городской совет, который должен был играть роль посредника между правительством и населением.

Задачи обеспечения национальной независимости Франции и упрочения республиканского строя переплетались в сознании наиболее передовой части парижских революционеров с задачей освобождения рабочего класса от капиталистического гнета. В одном документе, относящемся к октябрю 1870 г., доказывалось, что Парижская Коммуна должна состоять не из адвокатов и не из буржуа, а из революционно настроенных рабочих[620].

---

[616] *А. И. Молок.* Вольные стрелки во Франции во время войны 1870–1871 гг. – «Исторический журнал», 1944, № 2–3, стр. 51–52.

[617] Ф. С. *Грин.* Джузеппе Гарибальди и правительство Трошю (Из истории иностранных добровольческих отрядов во время войны 1870–1871 г.). – «Известия Воронежского гос. пед. ин-та», т. XIX. Воронеж,1955, стр. 219–220.

[618] «Mui ailles politiques francaises», t. II. Paris, 1874, p. 617.

[619] Maiechal *Buzuinc.* L’annee du Rhin depuis le 12 aout jusqu’au 29 octobre 1870. Paris, 1872. p. 176–178.

[620] Y.· *Dautrij et L. Schelet* Le Comite Central Republicain des vingt arrondissements de Paris d apres les papiers inedits de Constant Martin et les sources imprimees. Paris, [1960], p. 62.

Огромное негодование вызвало в Париже известие о предательской сдаче Меца. Одновременно стало известно о поражении французских войск при Ле Бурже (в окрестностях Парижа) и о прибытии в столицу Тьера, взявшего на себя роль посредника для ведения переговоров с Бисмарком по вопросу о заключении перемирия. Утром 31 октября с возгласами «Не надо перемирия! Война до последней крайности! Да здравствует Коммуна!» толпа демонстрантов ворвалась в здание Ратуши. Члены правительства были взяты под стражу. Было принято решение немедленно провести выборы в Коммуну. После этого многие батальоны национальной гвардии пролетарских округов стали расходиться по домам, убежденные в том, что цель достигнута – создание Коммуны обеспечено. Видный революционер Гюстав Флуранс провозгласил создание Комитета общественного спасения, в состав которого, кроме него, были включены Бланки и Делеклюз.

Известие о том, что во главе нового правительства становится Бланки, вызвало сильное недовольство среди мелкобуржуазных демократов [621]. Запоздалая попытка участников восстания захватить префектуру полиции, редакцию «Журналь офисиель» и окружные мэрии потерпела неудачу. С фронта были вызваны войска во главе *С* одним из самых реакционных генералов, Дюкро, который рвался к Ратуше, чтобы расправиться с «мятежниками» [622] [623]. Отряды бретонской мобильной гвардии, состоявшие из реакционно настроенных людей, проникли в здание через подземный ход. Во избежание кровопролития было заключено соглашение об организации выборов в Коммуну и избрании нового правительства [и]. Соглашение это было потом грубо нарушено властями.

Разногласия среди руководителей движения, тактические ошибки бланкистов, колебания мелкобуржуазных демократов, неизжитые до конца иллюзии в отношении правительства национальной обороны, стремление избежать гражданской войны в осажденном городе – все это вместе взятое обусловило неудачный исход восстания 31 октября.

Революционные выступления произошли и в некоторых провинциальных городах. В Лионе еще 28 сентября под руководством М. А. Бакунина и его сторонников произошло выступление, в котором активное участие приняли рабочие «национальных мастерских», возмущенные снижением ставок их заработной платы. Толпа захватила Ратушу. Анархистски настроенные руководители движения, создавшие «Центральный комитет спасения Франции», поспешили издать ряд декретов, провозглашавших «уничтожение административной и правительственной государственной машины», но не приняли никаких мер для закрепления первоначального успеха. Вскоре буржуазные батальоны национальной гвардии двинулись к Ратуше. «„Комитет спасения“ без боя согласился очистить здание» [624]. Восстание было подавлено.

В Марселе 1 ноября, по получении известия о капитуляции Меца, революционно настроенные рабочие захватили Ратушу и водрузили над ней красное знамя. Власть перешла в руки Революционной коммуны, составленной из анархистов и радикалов. Во главе движения стоял близкий к бакунистам член Интернационала Бастелика. Был создан Комитет общественного спасения, приступивший к осуществлению ряда демократических преобразований. Но уже 4 ноября буржуазные батальоны национальной гвардии окружили

---

621 *H. Guillemm.* Les origines de la Commune. L’heroique defence de Paris (1870–1871). Paris, 119591. P. 341–342.

622 *A Ducrot.* La defense de Paris, t. II. Paris, 1875. p. 60.

623 *П. М. Керженцев.* История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1959, стр.103–116; *Я. И. Дразнинас.* Восстание 31 октября 1870 г. в исторической литературе. – «Уч. Зап. Читинского пед. ин-та», вып. 4, 1959.

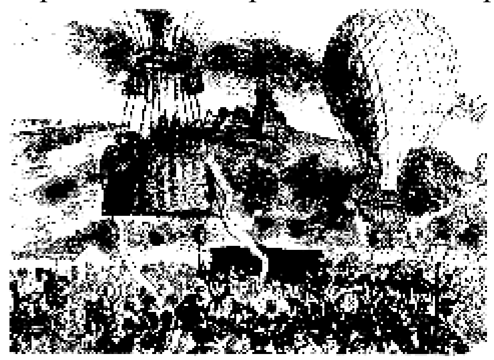
624 *Н. М. Лукин.* Парижская Коммуна 1871 г. – «Избр, труды», т. II. М., 1962. стр. 173–176.

марсельскую Ратушу. Восстание было подавлено.

Столь же неудачно окончились революционные выступления в Бресте (2 октября), в Гренобле (21 сентября и 30 октября), в Тулузе (31 октября), в Сент-Этьенне (31 октября).

Неудача всех этих выступлений не сломила революционную патриотическую активность масс. Одним из самых ярких проявлений ее было стойкое сопротивление гарнизона города Шатодена 18 октября. Улицы его были забаррикадированы. Неравная борьба, в которой особенное мужество проявляли рабочие, продолжалась с раннего утра до позднего вечера. Немецким войскам достались одни лишь развалины.

Для руководства борьбой против вражеского нашествия была создана делегация правительства в Туре (а затем в Бордо). С 9 октября ее возглавлял левый республиканец Гамбетта, вылетевший из Парижа на воздушном шаре. В короткий срок турская делегация сформировала 11 новых корпусов общей численностью 220 тыс. человек[625]. Первоначально вновь сформированные войска действовали успешно, 9 ноября Луарская армия одержала победу при Кульмье, вступила в Орлеан и стала продвигаться к Парижу.

Перелет Гамбетта из Парижа в провинцию на воздушном шаре

Однако уже 4 декабря под натиском врага французские войска вновь оставили Орлеан. Неудачи преследовали французов и на других фронтах, в частности под Парижем. Главной причиной этих неудач были пораженческие настроения большей части генералов, не веривших в успех сопротивления и не желавших поддерживать партизанское движение, основной силой которого являлись простые люди, внушавшие страх имущим классам.

Антинародный характер носила и продовольственная политика правительства в осажденной столице. Хлеб, выдававшийся жителям Парижа по 300 г в день на человека, был почти несъедобен, так как изготовлялся из всяких отбросов[626]. Выдавались иногда, также по карточкам, кусочек конины, немного овощей, горсть риса, но, чтобы получить эти продукты, приходилось с раннего утра стоять в очередях. Трудовое население Парижа голодало. Зато спекулянты обогащались. Посетителям роскошных ресторанов подавали по баснословным ценам самые изысканные кушанья. Резко вздорожало топливо, спрос на которое усилился в связи с сильными морозами. Холод, голод, болезни делали свое дело. Смертность увеличивалась с каждой неделей.

27 декабря ко всем бедствиям, которые переживало население Парижа, добавилось еще одно – артиллерийский обстрел. В течение целого месяца снаряды немецких батарей ежедневно рвались над городом, сея смерть и разрушения, уничтожая жилые дома, библиотеки, музеи, больницы, т. е. объекты, не имевшие никакого военного значения.

Возмущение трудящихся Парижа капитулянтской тактикой правительства нашло яркое выражение в «Красной афише», опубликованной 6 января 1871 г. Авторы этого документа, действовавшие по поручению Центрального республиканского комитета двадцати округов,

---

[625] М. Шури. Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны. М., 1961.

[626] *F. Sarcey.* Le siege de Paris. Impressions et souvenirs. Paris, 1871, p. 250.

который объединял окружные комитеты бдительности, разоблачали саботаж обороны Парижа представителями власти, репрессии против демократов, пренебрежительное отношение к нуждам народных масс. Всеобщая реквизиция продуктов питания, выдача бесплатных пайков, широкое наступление на фронте – таковы были меры, которые выдвигались в этом воззвании. Оно заканчивалось словами: «Политика, стратегия, администрация 4 сентября – это продолжение империи – осуждены. Место народу! Место Коммуне!» [627]

22 января в Париже вспыхнуло новое восстание, вызванное неудачным для французов исходом боев при Бюзенвале и поражениями французских войск на других фронтах. Восставшие пытались захватить Ратушу, но были обстреляны и отброшены войсками.

В ночь на 26 января 1871 г. военные действия под Парижем были прекращены. 28 января было заключено перемирие. Это означало капитуляцию столицы. Немецким войскам были переданы большая часть фортов, огромное количество артиллерийских орудий и боеприпасов.

Война 1870–1871 гг. явилась серьезным испытанием для народа Франции. Она выявила патриотизм ее трудящихся масс и разоблачила антинациональное лицо ее господствующих классов.

Тяжело переживали французские патриоты поражение и унижение своей родины, неудачу всех попыток отстранить от власти тех, кто саботировал оборону страны.

Убеждение в том, что ответственность за плачевный для Франции исход войны лежит на буржуазии, как правящем классе, становилось все более всеобщим. Особенно ярко выразил эту мысль Флуранс в своей книге «Преданный Париж». «Только народ может возродить Францию к новой жизни», «создать новый мир», – доказывал Флуранс[628]. Так рассуждали в этот момент и многие другие передовые люди Франции.

Между тем политическая обстановка в стране все более обострялась. 8 февраля состоялись выборы в Национальное собрание. Они происходили в условиях, крайне неблагоприятных для прогрессивных сил. Связи между Парижем и провинцией только начали восстанавливаться. Поэтому демократические и социалистические группы столицы не смогли оказать серьезного влияния на исход выборов. Буржуазные газеты без устали клеветали на трудящихся Парижа, обвиняли их в стремлении ко всеобщему переделу имуществ, уверяли, что они хотят возобновления войны. В оккупированных департаментах немецкие власти оказывали грубое давление на избирателей. В итоге выборов орлеанисты, легитимисты и частично бонапартисты получили в Национальном собрании более 400 мест, буржуазные республиканцы правого и левого крыла – около 200. Среди депутатов преобладали помещики-реакционеры. Бланки не был избран. Зато были избраны такие социалисты-реформисты, как Луи Блан и Толен.

Национальное собрание открыло свои заседания 12 февраля в Бордо. 17 февраля главой нового правительства был избран Тьер, ярый враг демократии и социализма. Правительство Тьера оказалось еще более реакционным, чем правительство Грошю.

Одним из первых шагов нового правительства было подписание прелиминарного договора о мире (26 февраля). По условиям его, Франция лишалась Эльзаса (за исключением Бельфора) и значительной части Лотарингии и обязывалась уплатить Германии военную контрибуцию в размере 5 млрд. фр. 3 марта Национальное собрание ратифицировало этот договор (окончательный мирный договор был подписан 10 мая).

Издержки проигранной войны правящие круги стремились переложить на плечи трудящихся масс. 10 марта в угоду крупным капиталистам был принят закон об отмене рассрочки платежей по коммерческим векселям, введенной в начале войны. Осуществление

---

627 «Murailles politiques francaises», t. I. Paris, 1874, p. 490–491.

628 G. Flourens. Paris livre. Paris, 1871, p. 2, 224–225.

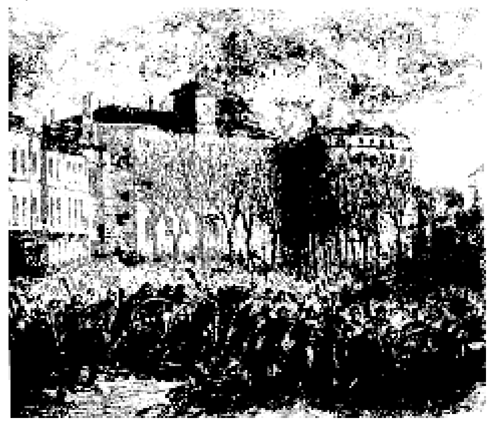
этой меры грозило разорением массе мелких и средних предпринимателей и торговцев[629]. За день до того Национальное собрание отказалось от рассмотрения проекта закона о дальнейшей отсрочке взноса квартирной платы и платы за наем торговых помещений. В те же дни были приняты и другие реакционные меры.

Для успешной борьбы с реакционной политикой правительства необходимо было сплочение всех демократических сил. Важным шагом на этом пути было создание Республиканской федерации национальной гвардии. 30 января группа офицеров 143-го батальона, образовавшая инициативный комитет, обратилась ко всем батальонам с призывом избрать в каждом округе Комитет национальной гвардии, состоящий из офицеров и гвардейцев. Окружные комитеты должны были выделить по одному делегату. Совокупность всех этих делегатов и командиров всех батальонов должна была составить Центральный комитет[630].

15 февраля общее собрание 3 тыс. делегатов национальной гвардии утвердило наказ, предлагавший парижским депутатам в Национальном собрании отстаивать республиканский строй, требовать предания суду членов бывшего правительства как виновников поражения Франции и бороться против попыток разоружения национальной гвардии. 3 марта был утвержден устав Республиканской федерации национальной гвардии. В состав ее Центрального комитета вошел 31 человек (в том числе ряд видных революционеров и социалистов). Структура федерации предусматривала следующие органы: общее собрание делегатов, батальонные комитеты, советы легионов (окружные), Центральный комитет[631].

Влияние этой массовой организации непрерывно росло. К середине марта в ее состав входило 215 батальонов (из общего числа 266). Когда 27 февраля распространился слух о предстоящем вступлении в Париж немецких войск (они вступили 1 марта и ушли 3-го), национальные гвардейцы, опасаясь, что пруссаки захватят пушки, перетащили их на Монмартр, в Бельвилль и Другие пролетарские округа.

Авторитет представителей правительственной власти падал все ниже. Зато неуклонно повышался авторитет новой власти, возникшей снизу, по почину масс. В Париже складывалась *непосредственно-революционная ситуация.* Хотя Центральный комитет придерживался оборонительно-выжидательной тактики, неизбежность открытого конфликта становилась все более очевидной.

Национальные гвардейцы перевозят пушки на Монмартр

---

629 С 13 по 17 марта в Париже было опротестовано около 150 тыс. векселей.

630 Geneial Vinoy. L’armistice et la Commune. Operations de l’armee de Paris et de l’armee de reserve. Paris, 1872, p. 405–406.

631 C. Bourgin. La Commune de Paris et le Comite central. – «Revue historique», 1925, t. 150, p. 1–66; М. Шури. Новое о Парижской Коммуне. – «Французский ежегодник. 1968» М., 1969.

Буржуазные газеты настойчиво призывали правительство к походу против революционных рабочих Парижа. «Мы не можем и не Должны мириться с тем, – писала 7 марта газета „Журналь де Деба“, – что целые кварталы отделяются баррикадами и пушками не только от остальных частей города, но и от остальной Франции». Депутат Национального собрания крупный банкир Огюст-Казимир Перье в письме от 6 марта с тревогой отмечал, что рабочее население Парижа имеет оружие, и выражал опасение, что попытка отнять его может привести к восстанию против правительства и гражданской воине в стране.[632]

Готовясь к решительной борьбе против нараставшего революционного движения, власти принимали меры, которые еще более усиливали недовольство народных масс. В столице было введено осадное положение. Командующим национальной гвардией был назначен ярый бонапартист генерал д’Орель де Паладин. Бланки и Флуранс заочно были приговорены к смертной казни. Был издан приказ о закрытии шести популярных демократических газет. Огромное негодование среди трудящихся Парижа вызвало решение Национального собрания переехать из Бордо в Версаль. Это решение было расценено в Париже как попытка лишить его звания столицы.

Революция 18 марта и революционные выступления в провинции

Правительство и высшее командование разрабатывали план разоружения пролетарских кварталов столицы и ареста членов Центрального комитета национальной гвардии. К Парижу стягивались войска. В ночь на 18 марта отряды войск были двинуты на Монмартр, в Бельвилль и в другие рабочие районы, где стояли пушки национальной гвардии. Но контрреволюционный заговор провалился. Операция по разоружению рабочего Парижа потерпела неудачу. Национальные гвардейцы при поддержке жителей не дали увезти орудия. В некоторых местах солдаты побратались с народом. Генерал Клеман Тома, задержанный по подозрению в шпионаже, и генерал Леконт, приказывавший стрелять в народ, были схвачены и расстреляны солдатами, перешедшими на сторону восстания.

Отражение попытки правительственных войск разоружить пролетарские районы столицы дало толчок к постройке баррикад. Восстание ширилось и принимало организованный характер. В середине дня Центральный комитет национальной гвардии, взявший на себя руководство восстанием, установил связь с различными районами и стал направлять батальоны в центр города для захвата Ратуши и других правительственных зданий. То же делали и окружные комитеты бдительности.

Узнав о событиях на Монмартре, Тьер поспешил бежать в Версаль и отдать приказ о выводе войск из Парижа. Ночью основная часть парижского гарнизона была отведена в Версаль. Поздно вечером группа членов Центрального комитета заняла оставленную правительством Ратушу. Над нею тотчас же было поднято красное знамя победившей пролетарской революции.

Классовый смысл событий 18 марта 1871 г. был сразу же понят наблюдательными современниками, в том числе и теми, кто стоял по другую сторону баррикад. «Франция и Париж во власти рабочих, и они дали нам правительство, состоящее из их людей», – с тревогой отмечал 20 марта в своем дневнике известный писатель Эдмон Гонкур[633].

А вот как оценивали смысл происходящих событий те, кто руководили ими. «Пролетарии столицы, при виде обманов и измен правящих классов, поняли, что настал час,

---

632 *P. Barrai.* Les Perier dans l'Isere au XIXe siecle d'apres leur correspondance familiale. Paris, 1964, p. *178* -179.

633 *Э.* и *Ж. Гонкур.* Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы в двух томах, т. II. М… 1964, стр. 121–123.

когда они должны спасти положение, взяв управление общественными делами в свои руки», – писала в номере от 21 марта парижская газета «Журналь офисиель». Она указывала, что перед рабочими Парижа стоят две задачи – «спасти одновременно и порабощенную родину, и угрожаемую свободу», добиться социального освобождения трудящихся и обеспечить национальное возрождение страны.

Те десять дней (19–28 марта), когда у власти в Париже стоял Центральный комитет национальной гвардии, образуют первый период истории революции 1871 г. В своих прокламациях Центральный комитет объявил, что считает себя лишь временным органом власти и видит свою основную задачу в проведении выборов в Парижскую Коммуну. Но по существу это было первое революционное правительство рабочего класса. Центральный комитет назначил выборы в Коммуну на 22 марта, затем перенес их на 23-е, потом на 26-е. Затяжка объясняется тем, что, стремясь избежать упреков в незаконности своих действий, члены Центрального комитета вели долгие переговоры об организации выборов совместно с мэрами парижских округов и с депутатами Национального собрания, намеренно затягивавшими переговоры, чтобы дать правительству Тьера время укрепить свою армию и подготовиться к наступлению на столицу.

22 марта на Вандомской площади состоялась контрреволюционная демонстрация, в которой приняли участие биржевики, реакционные журналисты и офицеры-монархисты[634]. Они осыпали оскорблениями национальных гвардейцев и членов Центрального комитета, открыли по ним стрельбу. После повторных предупреждений национальные гвардейцы пустили в ход оружие. Демонстранты разбежались. Потерпели неудачу и другие попытки контрреволюционных групп оказать сопротивление новой власти. 23 марта, убедившись, что огромное большинство населения столицы поддерживает Центральный комитет, мэры, их помощники и депутаты Парижа пошли на соглашение с ЦК и подписали с его делегатами совместную декларацию, призывавшую жителей на выборы в Коммуну[635].

В качестве временного революционного правительства Центральный комитет принял ряд неотложных мер: назначил своих представителей во все министерства, объявил амнистию по политическим делам, заявил о признании условий мирного договора с Германией, постановил отсрочить взнос задолженности по квартирной плате и задолженности по коммерческим векселям, бесплатно возвратить часть вещей, заложенных в ломбарде, их собственникам и выдать пособия нуждающимся жителям столицы.

Вместе с тем Центральный комитет допустил серьезные тактические ошибки, пагубно отразившиеся на судьбах революции. Непоправимой ошибкой руководителей революционного Парижа было то, что они не организовали немедленного похода на Версаль. Большинство членов ЦК национальной гвардии, оставаясь в плену мирных иллюзий, верило, что удастся избежать гражданской войны, и надеялось, что избрание Коммуны положит конец конфликту между Парижем и Версалем. Критикуя эту крупнейшую ошибку коммунаров, Маркс писал 6 апреля Вильгельму Либкнехту: «По-видимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной честности. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали чудовищному выродку I ьеру время сосредоточить вражеские силы». Это было, пояснял Маркс, следствием того, что «они безрассудно не хотели начинать *гражданской войны,* как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь для решения вопроса о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленно войну *республике* !»

Ошибку руководителей революции в Париже Маркс усматривал и в том, что, стремясь «избежать упрека даже в малейшем намерении противозаконно захватить власть, они

---

[634] Среди демонстрантов был убийца А, С. Пушкина – барон Жорж де Геккерен (Дантес).

[635] «Murailles politiques francaises», t. II, p. 114.

потеряли драгоценные мгновения на выборы Коммуны, организация которых и т. д. опять-таки потребовала времени, – а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (на Вандомской площади)»[636].

Известия о революции 18 марта в Париже и бегстве правительства Тьера в Версаль всколыхнули провинцию. В ряде городов – преимущественно южной, неоккупированной части страны – вспыхнули народные восстания и были провозглашены революционные коммуны.

Первым поднялся Лион, издавна являвшийся очагом революционных выступлений рабочего класса. Восстание в Лионе вспыхнуло 22 марта, но еще за два дня до того, на собрании делегатов национальной гвардии рабочий Роше, член Интернационала, внес предложение поддержать Париж, захватить Ратушу и форты, провозгласить Лионскую коммуну. 24 марта из Парижа прибыла делегация Центрального комитета национальной гвардии во главе с членом Интернационала Амуру. 18 батальонов лионской национальной гвардии (из общего числа 24) заявило о своей солидарности с национальной гвардией Парижа. Созданная для управления городом и подготовки выборов в Коммуну временная комиссия не приняла решительных мер, не заняла ведущих учреждений, не связалась с рабочими организациями. Снижение налогов, бережливое расходование общественных средств, меры по улучшению положения трудящихся – так формулировали в совместном обращении к лионцам Центральный комитет национальной гвардии и Демократический комитет республиканского союза свои задачи [637]. Однако уже на следующий день восстание в Лионе было подавлено прибывшими из Бельфора по вызову представителей старой власти отрядами мобильной гвардии.

Выступления в поддержку Парижской Коммуны продолжались в Лионе и после этого.

22 апреля 4–5 тыс. демонстрантов задержали на одном из лионских вокзалов поезд с грузом пороха, предназначавшегося для Версаля[638]. 30 апреля в рабочих кварталах Лиона – Гийотьер и Круа-Русс – были построены баррикады, при защите которых было убито и ранено несколько десятков человек. Однако уже на следующий день лионское восстание бы\о подавлено. Активную роль в этих восстаниях сыграли уполномоченные Парижской Коммуны Альбер Леблан, Шарль Дюмон и Коле де Тайяк[639].

В Сент-Этьенне волнения начались 23 марта. 24-го демонстранты захватили Ратушу. 26-го Центральный комитет национальной гвардии этого города выдвинул задачу создания Коммуны. Выборы в нее были назначены на 29-е. Но еще до этого войска без боя вновь заняли Ратушу.

В Крезо – крупнейшем центре французской металлургии, машиностроения и военной индустрии, вотчине финансового и промышленного магната Шнейдера, бывшего председателя законодательного корпуса Второй империи, – обстановка была весьма напряженной еще в начале 1870 г., когда здесь произошла крупная стачка шахтеров. Известия о событиях 18 марта в Париже всколыхнули пролетариев Крезо, сильно страдавших от безработицы, низких заработков и дороговизны. 20 марта Республиканско-социалистический комитет города решил провести демонстрацию национальной гвардии в поддержку Парижа. 24 марта на собрании рабочих и демократов Крезо была принята резолюция солидарности с революционной столицей. 25 марта состоялось собрание, на котором делегат от Парижа, член Интернационала Альбер Леблан

---

636 *К. Маркс* и Ф. *Энгельс* Соч., т. 33, стр. 169.

637 «Journal officiel» (Парижа), 26.Ill 1871.

638 «Le Cri du Peuple», 28.IV 1871.

639 *M. Choury*. La Commune au coeur de Paris. Paris, 1967, p. 246–248.

заявил, что подобно тому, как революция 1789–1793 гг. освободила буржуазию, революция 1871 г. должна освободить пролетариат. Утром следующего дня на смотре национальных гвардейцев Леблан обратился к ним с призывом поднять в Крезо красное знамя, которое развевается в Париже. Солдаты побратались с национальными гвардейцами. Мэр города, популярный среди его населения рабочий-социалист Ж. -Б. Дюме, произнес речь, в которой заявил, что версальское правительство предает республику, и призвал жителей Крезо последовать примеру Парижа. Тут же была избрана временная Коммуна в составе 32 человек (рабочих, ремесленников, торговцев). На совещании ее членов было решено занять вокзал, почту и телеграф. Однако осуществить это решение не удалось[640].

27 марта в Крезо прибыл префект с отрядом солдат. Собрания были запрещены, некоторые из руководителей движения арестованы, рабочие кварталы разоружены, многие рабочие уволены с работы. Коммуна в Крезо была подавлена. Но трудящиеся этого промышленного центра добились все же некоторых уступок от хозяев: рабочий день был сокращен с 11 до 10 часов.

В Тулузе 25 марта во время смотра национальной гвардии было выдвинуто требование роспуска Национального собрания и избрания Коммуны. Руководство движением за Коммуну захватили мелкобуржуазные элементы, поддерживавшие радикала Дюпорталя, которого Тьер заменил на посту префекта монархистом графом Кератри. В ночь на 27 марта на здание Ратуши были наведены пушки правительственных войск. Члены Исполнительной комиссии, созданной за два дня до того, выпустили прокламацию, в которой объявили о своем самороспуске[641].

В Нарбонне, где во главе движения стоял видный демократ Эмиль Дижон, 24 марта национальные гвардейцы завладели Ратушей и другими правительственными зданиями. Была провозглашена Коммуна. Солдаты, не оказавшие сопротивления восставшим, были выведены из города. 27 марта в Нарбонн прибыли делегации из соседних городов и местечек. Но уже через два-три дня командование, подтянув подкрепления, ввело в Нарбонн многочисленные войска. 31 марта все баррикады были разрушены Под угрозой артиллерийского обстрела руководители движения оставили Ратушу. Восстание было подавлено [642].

Дольше других революционных коммун, провозглашенных в эти дни в провинции, продержалась Марсельская коммуна. 23 марта с возгласами «Да здравствует Париж!» многотысячная толпа демонстрантов захватила здание марсельской префектуры и арестовала некоторых представителей власти. Командующий гарнизоном Марселя, ярый реакционер генерал Зспиван де Вильбуаие вывел войска из города и укрепился неподалеку от него, в местечке Обань[643]. Власть в Марселе перешла в руки департаментской комиссии. В ее состав вошли буржуазные радикалы и социалистически настроенные рабочие Председателем комиссии был избран популярный в городе адвокат радикал Гастон Кремье.

Однако новый орган власти не проявил должной решительности, не организовал похода против укрывшихся в Обане правительственных войск, не принял необходимых мер для укрепления города, допустил вывоз всей наличности местного банка. На этой почве между Кремье и членом прибывшей из Парижа делегации Коммуны социалистом Бернаром Аандеком возник острый конфликт. Ландек обвинил Кремье в умеренности и приказал арестовать его. Впрочем вскоре Кремье был освобожден и восстановлен на посту

---

640 *P. Ponsot.* Les greves de 1870 et la Commune de 1871 au Creusot. Paris, 1957, p. 60–71.

641 A. Duportal. La Commune a Toulouse, simple expose des faits. Toulouse. 1871.

642 *H. Fcraud* Histoire rie la Commune a Narbonne en 1871. Chateauroux, 1946.

643 *A. Olivcsi.* La Commune de 1871 a Marseille et ses origines. Paris, 1950, p. 134–135.

председателя департаментской комиссии. Новая власть, созданная в эти дни в Марселе, упустила многое: не вооружила национальных гвардейцев и солдат, примкнувших к движению, не заняла стратегических позиций. На 5 апреля были назначены выборы в Коммуну, но 4-го правительственные войска, насчитывавшие 6–7 тыс. человек, вступили в Марсель. После ожесточенного артиллерийского обстрела они захватили префектуру. К вечеру восстание было подавлено. У национальной гвардии было отобрано оружие. Военный суд жестоко расправился с руководителями восстания. Кремье был расстрелян [644].

4 апреля в Лиможе толпа рабочих воспрепятствовала отправке отряда солдат 91-го полка в Версаль и разоружила их. Движенцем руководило Народное общество, составленное в основном из представителей от рабочих организаций и еще 23 марта пославшее привет «парижским братьям по оружию». С возгласом «Да здравствует Коммуна!» восставшие рабочие, национальные гвардейцы и солдаты захватили Ратушу. Однако уже на следующий день восстание было подавлено правительственными войсками[645]. 17 апреля произошли революционные волнения в Гренобле.

В Бордо парижские революционные события нашли сочувственный отклик у передовых рабочих, руководимых местной секцией Интернационала, среди деятелей которой выделялись своей активностью врач и публицист Поль Лафарг (зять Маркса) и рабочий-обувщик Везине. Орган этой секции газета «Федерасьон», выходившая два раза в неделю, горячо призывала гарнизон и население Бордо поддержать Парижскую Коммуну. 8 апреля общее собрание делегатов от двух батальонов постановило образовать федерацию национальной гвардии юга Франции, во главе которой должен был стать выборный центральный комитет.

Связь между Парижской Коммуной и революционными группами в Бордо осуществлялась через эмиссаров. В начале апреля в Париже побывал Лафарг[646]. В течение апреля-мая Бордо посетило около **30** парижских эмиссаров **12** апреля в городе состоялась демонстрация солидарности с коммунарами Парижа. По улицам были расклеены воззвания Коммуны к провинции. 13 апреля в Бордо произошли столкновения между полицией и рабочими, охранявшими плакаты с этим воззванием. **15** апреля один полицейский агент был избит при попытке сорвать плакат Коммуны. **17** апреля толпа рабочих осадила казарму, где укрывался полицейский агент, сорвавший последний из плакатов Коммуны, и потребовала его выдачи. Завязалась перестрелка, в казарму были брошены камни, на улицах построены баррикады. Залпами по безоружной толпе солдаты разогнали демонстрантов. Были произведены многочисленные аресты. **18** апреля выступление на улицах Бордо было подавлено.

20 апреля собрание делегатов национальной гвардии избрало Центральный комитет. «Мы должны идти вместе с Коммуной … программа Коммуны… это наша программа», – писала местная газета. На муниципальных выборах **30** апреля радикально-республиканские группы поддержали кандидатов секции Интернационала, выдвинутых ею совместно с Комитетом республиканской пропаганды [647]. В бордоский муниципалитет было избрано

---

644 «Парижская Коммуна 1871 г.», т. П. М., 1961. стр. 110–133.

645 *P. Cousleix.* La Commune de Limoge. – «L’Actualite de l'Histoire». Bulletin de l'Institut francais d’Histoire sociale, N 15, avril 1956.

646 «Первый Интернационал и дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 190; J. *Girault.* Mises au point sur ceitains aspects de la vie et du role de jeune Lafargue. – «La Pensee», N 153, octobre 1970.

647 *Г. П. Новикова.* Бордоская секция I Интернационала во время франкопрусской войны и Парижской Коммуны. – «Новая и новейшая история», 1961, № 2. стр. 74–88.

четыре члена Интернационала [648].

Быстрое крушение провинциальных коммун объясняется прежде всего тем, что ведущую роль в руководстве движением в провинции играли мелкобуржуазные демократы и буржуазные радикалы, не проявившие должной решительности в борьбе с контрреволюцией. К тому же трудящиеся провинциальных городов не испытали во время войны таких страшных страданий, какие пришлось пережить трудящимся Парижа, и потому были настроены менее революционно. Отрицательные последствия имело и то обстоятельство, что часть французской территории была оккупирована немецкими войсками, оказывавшими активную поддержку представителям версальского правительства[649].

Революционные выступления в провинции принимали различные формы. Не всегда дело доходило до попыток создания новых, революционных органов власти. В ряде мест сочувствие коммунарам столицы и поддержка их революционной борьбы выражались в уничтожении плакатов правительства Тьера, в расклейке прокламаций Парижской Коммуны, в посадке «деревьев свободы», в уличных шествиях с красными флагами, в призывах создавать отряды добровольцев для похода на помощь Парижу, в попытках помешать отправке в Версаль эшелонов с войсками и боеприпасами[650].

В общем выступления в поддержку Парижской Коммуны охватили довольно значительную часть страны.

Сочувственное отношение к Парижской Коммуне наблюдалось и среди трудящихся некоторых сельских районов, где происходили демонстрации под лозунгами «Да здравствует Коммуна!». 19 апреля в трех сельских коммунах департамента Ньевр, населенных преимущественно мелкими арендаторами и безземельными батраками, были предприняты попытки поднять восстание и повести жителей на город Кон, где в течение четырех предшествующих дней (15–18 апреля) происходили бурные революционные демонстрации. Попытки эти потерпели неудачу.

Правительство Коммуны (особенно комиссия внешних сношений, во главе которой стоял ее делегат Паскаль Груссе) и общественные организации революционного Парижа вели довольно значительную работу по поддержанию связей с провинцией. В один только департамент Ньевр было направлено свыше 30 уполномоченных с разведывательными и агитационными целями. В инструкциях, которыми снабжались делегаты Парижской Коммуны, отправляемые в провинцию, им предлагалось «действовать через рабочих», открывать цели своей миссии «только надежным политическим друзьям, распространять с помощью газет и листовок сведения о сущности программы Коммуны, стараться отвратить солдат от войны против Парижа»[651]. Созданный для поддержания связей между Парижем и провинцией Центральный республиканский союз принял 16 мая обращение «К большим городам Франции», в котором доказывал, что Версальское собрание, ратифицировав мирный договор с Германией, потеряло право на дальнейшее существование. Обращение призывало

---

[648] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., г. 33, стр. 188.

[649] Так, в Амьене только меры, принятые командованием немецких оккупационных войск, помешали рабочему населению установить Коммуну.

[650] C. Bourgin. Le mouvement communaliste dans les departements. – «Revue socialiste», 1909, t. 48; Н. Сидорова. Массовое движение во французской провинции во время Парижской Коммуны. – «Борьба классов», 1936, № 3: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. III (VIII). М., 1934, стр. 199, 223, 225 (выписки из газет); «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. XV. М., 1963, стр. 81, 107, 121, 125, 129, 187–189 (выписки из газет Парижской Коммуны); «Парижская Коммуна 1871 г.», под редакцией Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсена. М., 1964, стр. 341–342.

[651] «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais publie sous la direction de Jean Maitron», t. IV (Deuxieme partie: 1864–1871). Paris, [1967], p. 265–266, 363, 390–391, 393–394, 403, 463, 468.

коммунальные советы больших городов прислать в Париж своих делегатов, «чтобы совместно с делегатами от коммунального совета этого города образовать временное правительство, задачей которого было бы провести выборы в Учредительное собрание». Чтобы заставить Версальское собрание уйти со сцены, предлагались такие меры, как прекращение уплаты налогов, демобилизация всех находящихся под ружьем солдат, освобождение всех граждан от подчинения приказам представителен старой власти[652].

Это обращение появилось слишком поздно и не смогло изменить ход событий.

Одной из важнейших проблем, от успешного решения которой во многом зависела судьба Коммуны, была проблема союза между пролетариатом и крестьянством. Еще за 20 лет до Коммуны Маркс, отмечая разорение и пролетаризацию широких слоев крестьянства под влиянием развития капитализма и политики буржуазного государства, писал: «Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации»[653]. За время Второй империи положение основной массы крестьянства еще более ухудшилось. Это обстоятельство создавало реальную возможность осуществления союза между трудовыми слоями сельского населения и рабочим классом Парижа и других городов. Правда, некоторые деятели Коммуны ошибочно изображали всех крестьян политически отсталыми и реакционно настроенными людьми. Но были в публицистике Коммуны и высказывания иного рода[654].

Особенно отчетливо идею общности интересов трудящихся города и деревни и необходимости их тесного союза в борьбе против общего врага – версальской контрреволюции – выражала писательница-социалистка Андре Лео. Ее перу принадлежит обращение «К трудящимся деревни», опубликованное первоначально в виде газетной статьи и распространявшееся затем в виде листовки, экземпляры которой сбрасывались с воздушных шаров. Обращение начиналось словами: «Брат, тебя обманывают. Наши интересы одни и те же. То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого добиваюсь я, будет и твоим освобождением… Разве не безразлично, как называется эксплуататор: богатый землевладелец или промышленник?» Упрочение республиканского строя, упразднение огромных окладов высшего чиновничества освобождение трудящихся от налогов, уменьшение налогов на мелких земельных собственников, конфискация и распродажа имущества виновников войны для уплаты военной контрибуции, бесплатность суда, выборность всех органов местной власти, всеобщее бесплатное обучение – таковы были важнейшие преобразования, которые намечались в этом документе в интересах широких слоев сельского населения. «Париж хочет земли – для крестьян, орудий труда – для рабочих, работы – для всех», – так заканчивалась эта листовка[655].

Революция 18 марта в Париже всколыхнула и Алжир. Во всех крупных алжирских городах происходили массовые демонстрации солидарности с революционным Парижем. Руководство движением принадлежало Республиканской ассоциации Алжира, состоявшей из мелкобуржуазных радикалов и отчасти из рабочих-социалистов. 29 марта делегаты Республиканской ассоциации Алжира опубликовали заявление, в котором писали, что «они самым решительным образом присоединяются к Парижской Коммуне» и что «весь Алжир добивается коммунальных свобод»[656]. Действительно, борьба за коммунальное

---

[652] «Journal officiel» (Парижа), 22.V 1871.

[653] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 86.

[654] *А. И. Молок.* Парижская Коммуна и крестьянство. Л. – М., 1925.

[655] «La Commune», 10.IV 1871; «La Sociale». 3.V 1871.

[656] «Journal officiel» (Парижа). 29.111 1871.

самоуправление приняла в Алжире довольно широкий размах.

Слабой стороной этого движения было то, что его руководители игнорировали национальные устремления коренного населения, поднявшегося на освободительную борьбу против французского колониального гнета.

Не заняли последовательно интернационалистской позиции в этом вопросе и многие коммунары Парижа. Это облегчило версальскому правительству подавление коммуналистского движения, а затем и национально-освободительного восстания в Алжире.

Состав Парижской Коммуны и ее программа

26 марта состоялись выборы в Парижскую Коммуну. Они происходили на основе избирательного закона 1849 г., согласно которому кандидат считался избранным, если он получил голоса не менее $^1/_8$ избирателей, внесенных в списки.

28 марта на площади перед Ратушей при огромном стечении народа, в присутствии многочисленных батальонов национальной гвардии в обстановке всеобщего ликования состоялось торжественное провозглашение Коммуны. Вечером того же дня под председательством старейшего по возрасту депутата Шарля Беле состоялось первое заседание нового революционного правительства. На следующем заседании, 29 марта, председательствующий (Беле) произнес программную речь, в которой изложил свое понимание задач революции 18 марта, как движения, имеющего целью обеспечить республиканский строй и коммунальное самоуправление. *«Мир и труд!* Вот наше будущее, – говорил Беле. – Вот залог нашего реванша и нашего социального возрождения. И понятая таким образом Республика еще может сделать Францию поддержкой слабых, защитницей трудящихся, надеждой угнетенных всего мира и основой всемирной республики» [657].

В результате выборов в составе Коммуны оказалось 86 членов – точнее 85, ибо один из них (Бланки) находился в тюрьме. 17 из них, принадлежавших к различным группам крупной и средней торгово-промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции, отказались участвовать в работе Коммуны в первые же дни после выборов. Среди оставшихся в составе Коммуны 68 членов был 31 интеллигент (журналисты, врачи, педагоги, адвокаты и пр.), 25 рабочих, 8 служащих, 2 мелких предпринимателя, 1 ремесленник и 1 офицер. В политическом отношении часть членов Коммуны принадлежала к неоякобинцам (19), часть – к радикалам (4), часть – к бланкистам (17), часть – к прудонистам (10), часть к левым прудонистам (10), часть – к бакунистам (3), часть-\-к людям, близким к марксизму (2). Было среди членов Коммуны и несколько человек (3), не принадлежавших ни к какой определенной политической группировке.

В начале апреля два члена Коммуны (социалисты Дюваль и Флуранс) погибли на фронте, четверо других (радикалы) вышли из ее состава. 16 апреля были проведены дополнительные выборы, в результате которых состав Коммуны пополнился новыми членами. Среди них было 6 рабочих, 4 служащих, 4 интеллигента, 1 мелкий предприниматель и 1 офицер. Двое вновь избранных (один радикал и один социалист) отказались участвовать в работе Коммуны, один (сын Гарибальди Менотти) не смог приехать в Париж. Из 16 новых членов Коммуны пятеро принадлежало к бланкистской группировке, трое – к прудонистам, трое были марксистами или близкими к марксизму людьми, двое – социалистами неопределенного направления, один – бакунистом.

---

657 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. I. М., 1959, стр. 30.

Гюстав Флуранс

В общем по политическому составу Коммуна представляла собой блок пролетарских и мелкобуржуазных революционеров. Ведущую роль в ней играли революционные социалисты. Членов Интернационала в Коммуне было около 40.

«Кучкой неизвестных» называли деятелей Коммуны версальцы. Это была явная ложь. В составе революционного правительства 1871 г. были такие выдающиеся руководители рабочего и социалистического движения, как Авриаль, Амуру, Варлен, Дюваль, Жоаннар, Ранвье, Серрайе, Тейс, Лео Франкель, такие талантливые представители творческой интеллигенции, как писатели Жюль Валлес и Феликс Пиа, поэты Эжен Потье и Ж. -Б. Клеман, художник Курбе, публицисты Арну, Верморель, Тридон, врач и инженер Эдуар Вайян, педагог Лефрансэ. Рядом с ветеранами революционного движения Делеклюзом, Гамбоном, Мио, Пийо в Ратуше Парижа заседали деятели нового молодого поколения революционеров Антуан Арно, Жорж Арнольд, Прото, Риго, Ферре, Флуранс, Эд.

Среди членов Коммуны был и один иностранец – венгерский рабочий, член Интернационала Лео Франкель. Его избрание было утверждено специальным решением, подчеркивавшим, что «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики» [658].

Выдающимся представителем рабочего класса в составе Коммуны был Луи-Эжен Варлен. Рабочий-переплетчик, он обладал большими организаторскими способностями, благодаря которым выдвинулся в качестве руководителя профессионального союза, стал секретарем парижского Федерального совета парижских секций Интернационала, был одним из вожаков стачечной борьбы рабочих. Варлен участвовал в работе конгрессов Интернационала, сыграл крупную роль в событиях 18 марта; в Коммуну был избран от трех округов.

Много замечательных деятелей Коммуны вышло из рядов революционной интеллигенции. Одним из самых ярких ее представителей был Гюстав Флуранс, ученый и публицист, активный участник освободительной борьбы греческого населения острова Крит. Член Интернационала, лично известный Марксу, который высоко ценил его научные знания, его преданность делу революции, Флуранс был избран в Коммуну от двух округов, стал генералом ее вооруженных сил. «Я вполне готов отдать свою жизнь за благо других», – говорил он. Он остался до конца верен этим словам и пал в борьбе за Коммуну. Стойким

---

[658] «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 50.

революционером проявил себя и публицист Шарль Делеклюз, руководивший одно время военной делегацией Коммуны. Как мелкобуржуазный демократ, он отрицательно относился к социалистическим идеям и не скрывал этого. Но это не помешало ему, старому и больному человеку, стать на сторону Коммуны и отдать за нее жизнь[659].

Луи Эжен Варлен

Программные установки Коммуны нашли свое отражение во многих документах, исходивших как от самой Коммуны, так и от массовых демократических и социалистических организаций.

О сущности и движущих силах революции 18 марта, о национальных и интернациональных задачах Коммуны, о проектах социально-экономических преобразований, о разрушении военно-полицейско-бюрократической машины буржуазного государства и замене ее коммунальной республикой много писали органы парижской революционной прессы.

Уже в первых документах Коммуны отмечался пролетарский характер революции 18 марта. Очень ярко ту же мысль выразил Центральный комитет национальной гвардии в своем воззвании от 5 апреля. «Рабочие, не обманывайтесь, – говорилось в этом воззвании, – идет великая борьба между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством». Призывая трудящихся Парижа к решительной борьбе с версальской контрреволюцией, Центральный комитет подчеркивал, что она олицетворяет собой режим реакции и агрессии, эксплуатацию рабочих, закабаление жен и детей бедняков[660].

Ведущую роль пролетариата в событиях 1871 г. подчеркивали и многие органы парижской революционной прессы «День 18 марта навсегда останется в истории нашей страны, как одна из самых прекрасных страниц. Впервые рабочий класс вступил на политическую арену», – писала одна бланкистская газета. Та же газета доказывала, что «революция еще не закончена», так как «надо еще практически осуществить социальное

---

[659] Sh. Proies. Les Hommes de la Revolution de 1871. Livr. 1–4. Paris, 1898; *M. Foulon.* Eugene Varlin. Relieur et membre de la Commune. Clermont-Ferrand, 1934; *M. Dommanget.* Edouard Vaillant. Un grand socialiste, 1840–1915. Paris, 1936; C. *Cille.* Jules Valles (1832–1885). Paris, 1941; *M. Dessal.* Un revolutionnaire jacobin Charles Delescluze. 1809–1871. Paris, 1952; *M. Choury*. Eugen Pottier. Parjs, 1966; *idem.* Bonjour, Monsieur Courbet. Paris, 1969; *А. Я. Лурье.* Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1956; «Парижская Коммуна 1871 г. Время. События. Люди». М., 1970; *Н. Н. Молчанов.* Герой Парижской Коммуны Шарль Делеклюз. М., 1971; *В. А. Смирнова.* Гюстав Флуранс. М., 1972.

[660] «Journal officiel» (Парижа), 7.IV 1871.

освобождение низших классов»[661]. Орган парижских секций Интернационала характеризовал сущность революции 18 марта как «реванш за июньские дни 1848 года», как «продолжение вечной борьбы труда против капитала», как «приход к власти пролетариата»[662]. Левопрудонистская газета «Друг народа» призывала «передать в руки трудящихся богатства, остающиеся непроизводительными или получающие гибельное употребление», и доказывала, что «в правильно устроенном обществе всякий труд должен получать справедливое вознаграждение», а те, кто не трудятся, «не имеют права на жизнь, во всяком случае права участвовать в общественной жизни»[663]. «Что несет трудящимся победа Коммуны?» – спрашивал читатель одной газеты и отвечал: «Конец хозяевам, которые обогащаются ценой голода рабочих, новую жизнь пролетариям станка, горна, плуга, которая позволит им при минимальном рабочем дне и достаточной заработной плате удовлетворять все свои материальные и духовные потребности…»[664]

Передовые рабочие-коммунары видели путь к освобождению трудящихся **От** капиталистического гнета в упрочении власти Коммуны, в осуществлении права на труд, в объединении рабочих в профессиональные корпорации, в создании кооперативных ассоциаций и в предоставлении щи производственных заказов.

Шарль Делеклюз

В основе политической программы Коммуны лежала идея коммунальной автономии и превращения Франции в федерацию самоуправляющихся коммун. Популярность идей автономизма и коммунализма во время Коммуны объяснялась тем, что в них отразилось резко отрицательное отношение широких слоев населения к бюрократической централизации, доведенной до крайности в период Второй империи. Особенно решительными сторонниками политической децентрализации выступали прудонисты. Некоторые из них мечтали даже о превращении Парижа в «вольный город» и о сведении до

661 «L'Affranchi», 2.IV 1871.

662 «La Revolution politique et sociale», 16.IV 1871.

663 «L'Ami du Peuple», 24.1 V 1871.

664 «La Sociale», 28 IV 1871.

минимума прав центральной власти. Бланкисты и неоякобинцы стояли за централизацию управления, но централизацию демократическую.

Принятая 19 апреля декларация «К французскому народу» – один из основных программных документов Парижской Коммуны – представляла собой компромисс между сторонниками и противниками централизации. Декларация подчеркивала принцип «полной автономии коммун на всем протяжении Франции, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому французу – полное развитие его сил и способностей, как человека, гражданина и работника». Декларация перечисляла неотъемлемые права каждой коммуны: право самой составлять свой бюджет, руководить всеми отраслями управления, выбирать всех местных должностных лиц, подлежащих контролю и могущих быть отозванными, гарантии свободы личности, свободы совести, свободы собраний, свободы печати, свободы труда, организацию национальной гвардии с выборными командирами. Центральная администрация страны характеризовалась в декларации как «собрание делегатов всех объединенных коммун». При этом подчеркивалось, что Коммуна не хочет «разрушить единство Франции», а добивается лишь уничтожения «милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий – всего того, чему пролетариат обязан своим рабством, а родина – своими бедствиями и страданиями»[665].

В совместном обращении Федерального совета парижских секций Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ к трудящимся Парижа, принятом 23 марта, цели Коммуны были сформулированы в следующих словах: «Мы добиваемся освобождения трудящихся, и коммунальная революция гарантирует его, ибо она должна дать каждому гражданину средства защищать свои права, фактически контролировать действия своих уполномоченных, обязанных блюсти его интересы, и наметить постепенное проведение социальных реформ». За этими словами шел перечень реформ, которые намечали руководители рабочих организаций Парижа: «Организация кредита, обмена, кооперации, дабы обеспечить трудящимся полную стоимость их труда; бесплатное, светское, всестороннее образование; право собраний и ассоциаций, полная свобода печати и личности; организация на муниципальных началах полицейской службы, вооруженной силы, гигиены, статистики и пр.»[666]

Прудонистские формулировки, в которые были облечены многие из этих требований, не могли все же затушевать тот факт, что коммунальная автономия рассматривалась в этом документе как политическая форма самоуправления трудящихся, как орудие проведения социальных преобразований в интересах широких масс.

Видный социалистический публицист Мильер доказывал в газете «Коммуна», что «господствующий класс загнивает, и, если французская цивилизация и далее останется в руках этой выродившейся олигархии, она обречена на верную гибель». «Кто же может спасти нас?» – спрашивал Мильер и отвечал: «Пролетариат. Подобно тому как 80 лет тому назад капиталистический строй сменил феодальный, так теперь труд должен поглотить капитал… Два старых класса, дворянство и третье сословие, соединились, чтобы составить буржуазию. В свою очередь буржуазия должна слиться с пролетариатом, чтобы составить один класс – народ»[667]. Отдельные верные замечания о ходе исторического развития Франции сочетались в этой статье с неопределенным и утопическим тезисом о «слиянии» буржуазии с пролетариатом.

Коммунальное самоуправление, доказывал левопрудонистский публицист Жорж Дюшен, есть не более, как «орудие, рычаг» революции, «форма, но не сущность, не глубокая

665 «Journal officiel» (Парижа), 20.IV 1871.

666 «Journal officiel» (Парижа), 25.111 1871.

667 «La Commune», 3.IV 1871.

сущность дела». Сущностью Коммуны Дюшен считал борьбу за свержение господства «каст», т. е. привилегированной верхушки чиновничества, судебного ведомства, духовенства, военного командования, монопольных компаний и т. п.[668] Ближайшую задачу революции Дюшен видел в выработке «муниципальной конституции» или «коммунальной хартии»; обоснованию сущности ее он посвятил большую статью, которая была опубликована в трех номерах газеты «Коммуна»[669].

Сильное влияние оказывали на идеологию и фразеологию парижских коммунаров традиции Великой французской революции XVIII в. Влияние это сказывалось, в частности, в том, что некоторые революционные газеты 1871 г. пользовались республиканским календарем, введенным в 1792 г. Начиная с 5 мая (16 флореаля) этот календарь применяло и правительство Коммуны.

Особенно широко понятия и термины той эпохи применялись неоякобинцами и бланкистами, видевшими в Коммуне 1871 г. продолжение и завершение революции 1789–1794 гг.[670] Такой вывод был, разумеется, ошибочным, так как затушевывал коренное отличие пролетарской революции 1871 г. от буржуазно-демократической революции конца XVIII в. Использование лучших революционных традиций 1793–1794 гг. являлось сильной стороной Коммуны, хотя некоторым ее деятелям явно недоставало понимания различия между двумя эпохами.

Демократические и социалистические стремления сочетались в программных документах Коммуны с идеями революционного патриотизма и идеями пролетарского интернационализма. Лозунг «Да здравствует всемирная республика» (или «Да здравствует всемирная социальная республика!») фигурировал во многих воззваниях Коммуны, во многих речах ее деятелей[671]. Ратуя за полное согласие людей, где бы они ни жили – «под голубым небом Африки или под небом покрытой снегами России», – газета «Пер-Дюшен» писала: «Народы для нас братья. Создадим священный союз, истинный союз наций, осуществим согласие, а не слияние рас (что невозможно), федерацию»[672]. «Судьба каждого человека, будь он бельгиец, поляк или француз, решается сегодня на улицах Парижа», – писала в дни последних боев другая революционная газета [673].

Коммуна – государство нового типа

Все политические перевороты, совершавшиеся во Франции до Коммуны 1871 г., оставляли нетронутой военно-полицейскую и бюрократическую машину, сложившуюся при Наполеоне I, и передавали ее из рук в руки, сохраняя ее реакционную, угнетательскую сущность. Так было и в 1830 г., и в 1848 г., и в 1870 г. Совершенно иной была в этом вопросе политика Парижской Коммуны. Она приступила к разрушению старой буржуазной государственной машины и строительству государства нового типа, подлинно демократического.

---

[668] «La Commune», 14, 15.IV 1871.

[669] «La Commune», 17, 18, 20.IV 1871.

[670] «Протоколы заседании Парижской Коммуны», т. II М., 1960, стр. 19.

[671] *М. Н. Машкин.* Идеи интернационализма во время Парижской Коммуны. – «Рабочее движение в новое время». М., 1964.

[672] «Le Pere Duchene», 25 germinal an 79 (14. IV 1871).

[673] «Le Vengeur», 24.V 1871.

Уже постановление Центрального комитета национальной гвардии от 22 марта, объявлявшего национальную гвардию единственной вооруженной силой, было актом уничтожения постоянной армии и замены ее вооруженным народом. 29 марта Коммуна приняла знаменитый декрет об отмене рекрутского набора, об упразднении постоянной армии и о замене ее вооруженным народом в лице национальной гвардии[674]. Принятие этого декрета означало осуществление одного из важнейших пунктов программы демократических преобразований, выдвинутой в 1866 г. на Женевском конгрессе I Интернационала. Исторический опыт убедительно показал антинародную сущность милитаристской системы, при которой армия отрывается от народа и используется против интересов трудящихся для защиты привилегий господствующих классов, для подавления народных волнении и ведения захватнических войн.

Бойцы-коммунары

1 апреля Коммуна приняла декрет об установлении максимального оклада государственных служащих (включая и членов Коммуны) в размере 6 тыс. фр. в год, что равнялось заработной плате квалифицированного рабочего. Этот декрет означал полный разрыв с практикой всех буржуазных революций, не решавшихся ограничить огромные оклады высшего чиновничества. Мотивировался декрет указанием на то, что «в истинно демократической республике не должно быть места ни синекурам, ни завышенным окладам»[675].

Большое принципиальное значение имел принятый 2 апреля декрет об отделении церкви от государства, об отмене бюджета культов и о передаче имущества религиозных конгрегаций в собственность государства. В мотивировочной части декрета говорилось, что «свобода совести есть важнейшая из всех свобод», что «духовенство фактически являлось соучастником преступлений монархии против свободы»[676]. Этот декрет давал удовлетворение давним требованиям демократических слоев французского общества.

Важной мерой Коммуны была ликвидация префектуры полиции, издавна являвшейся

---

674 «Journal officiel» (Парижа), 1.IV 1871.

675 «Journal officiel» (Парижа), 2.1 V 1871.

676 «Journal officiel» (Парижа), 3.IV 1871.

орудием всех реакционных правительств в их борьбе против революционного движения народных масс. Обязанности обеспечения порядка и безопасности граждан, выполнявшиеся ранее полицией, были возложены на резервные батальоны национальной гвардии.

Совокупность этих мер и означала слом старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины. Ломая старый аппарат власти, Коммуна строила государство нового типа, еще неведомого в истории. То была власть рабочего класса, первый опыт диктатуры пролетариата, означавшей в то же время новую, высшую форму демократии – демократии пролетарской, демократии для большинства. Выборность, ответственность и сменяемость всех должностных лиц, коллегиальность управления – таковы были демократические принципы, положенные в основу государственного аппарата Коммуны. Коммуна покончила с буржуазным парламентаризмом, с буржуазным принципом разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной). Декреты и постановления, которые принимались на заседаниях Коммуны, проводились затем в жизнь членами или уполномоченными Коммуны, руководившими тем или иным из ее органов.

29 марта для руководства различными отраслями управления были образованы десять комиссий: Исполнительная комиссия, Комиссия финансов, Военная комиссия, Комиссия юстиции, Комиссия общей безопасности, Комиссия продовольствия, Комиссия труда, промышленности и обмена, Комиссия внешних сношений, Комиссия общественных служб, Комиссия просвещения[677].

20 апреля для упорядочения и централизации работы комиссий было решено реорганизовать Исполнительную комиссию, включив в нее «делегатов» (руководителей) всех девяти специальных комиссий. Военным делегатом был избран генерал Клюзере, делегатом финансов – Журд, делегатом продовольствия – Виар, делегатом внешних сношений – Паскаль Груссе, делегатом просвещения – Эдуар Вайян, делегатом юстиции – Эжен Прото, делегатом общей безопасности – Рауль Риго, делегатом общественных служб – Жюль Андриё, делегатом труда, промышленности и обмена – Лео Френкель [678].

Сцены жизни Парижа во время Коммуны

В таком виде правительственный аппарат Коммуны просуществовал до 1 мая, когда

677 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 32–33, 35–36.

678 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 251.

высший орган Коммуны был преобразован в Комитет общественного спасения. Предложение о создании такого органа власти было выдвинуто уже в первые дни после революции 18 марта[679]. 24 апреля комитет бдительности одного из самых революционных округов Парижа – Бельвилля – обратился к Коммуне с предложением немедленно создать Комитет общественного спасения, облеченный всеми правами, «чтобы обеспечить победу и необходимую власть для проведения в жизнь декретов Коммуны»[680].

Коммуна нанесла удар и по судебной организации буржуазного государства. В основу новой судебной системы были положены демократические принципы: равный для всех суд, выборность, ответственность и сменяемость судей, превращение судебных приставов и нотариусов в служащих Коммуны, гласность суда, свобода защиты, бесплатное совершение актов гражданского состояния[681]. Присяжные в обвинительном жюри должны были избираться из среды делегатов национальной гвардии, т. е. наиболее активной части трудящихся Парижа[682].

Много внимания уделяла Коммуна борьбе против нарушений революционной законности. 14 апреля Коммуна приняла специальное постановление, направленное против произвольных арестов, обысков и реквизиций. Оно запрещало производство обысков и реквизиций без предписаний органов власти. Лица, виновные в таких делах, подлежали аресту[683].

Социально-экономическая политика Коммуны

Как истинно народное правительство, Коммуна уделяла большое внимание улучшению материального положения широких слоев парижского населения, резко ухудшившегося в результате войны и осады, а также политики Национального собрания. Первыми мерами, принятыми в этой связи новой властью, были постановления об отмене продажи невыкупленных из ломбарда вещей, об отсрочке на один месяц оплаты купленных в кредит товаров и о запрещении домовладельцам выселять жильцов, задолжавших квартирную плату[684].

29 марта Коммуна приняла декрет об отмене задолженности по квартирной плате за время с 1 октября 1870 г. по 1 июля 1871 г.; уже внесенная за эти девять месяцев плата зачислялась в счет будущих сроков[685]. В результате с населения Парижа был снят долг в 400 млн. фр. 25 апреля был издан декрет о реквизиции пустующих квартир и о заселении их жителями районов, подвергавшихся обстрелу версальской артиллерией[686].

К числу наболевших вопросов для широких слоев парижского населения относился и

---

679 J. *Dautry* et *L. Scheler*. Le Comite Central Republicain des vingt arrondissements de Paris, p. 218.

680 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 428.

681 *А. Т. Бажанов.* Органы юстиции Парижской Коммуны. Казань, 1971.

682 «Journal officiel» (Парижа), 23-IV 1871.

683 «Journal officiel» (Парижа), 15.IV 1871.

684 «Journal officiel» (Парижа), 21.111 1871.

685 «Journal officiel» (Парижа), 30.III 1871.

686 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. 1, стр. 358.

вопрос о заложенных в ломбарде и невыкупленных вещах. В решении этой проблемы было заинтересовано огромное число людей, так как во время осады Парижа очень многим жителям города пришлось заложить самые необходимые вещи, чтобы как-нибудь просуществовать. 25 апреля на заседании Коммуны обсуждался проект безвозмездного возврата заложенных в ломбарде вещей на сумму до 50 франков[687]. 6 мая декрет был принят. Но стоимость закладов, подлежавших возврату, была снижена с 50 до 20 франков [688]. Общее количество вещей, на которое распространялся декрет, составило 900 тыс. (на сумму в 8 млн. фр.)· Часть из них была возвращена владельцам. Но довести до конца это дело Коммуна не успела.

Много внимания уделяла Коммуна вопросу о сроках погашения задолженности по векселям, затрагивавшему широкие слои мелкой и средней буржуазии, задолжавшей за время войны большие суммы крупным капиталистам. 17 апреля Коммуна приняла декрет о рассрочке уплаты долгов по коммерческим векселям на три года, начиная с 15 июля 1871 г. без начисления процентов за это время[689]. Этот декрет спас от разорения многих мелких и средних предпринимателей и торговцев.

Главным делом Коммуны в ее рабочей политике была борьба с безработицей, от которой сильно страдали в это время трудящиеся Парижа. В мае 1871 г. в результате закрытия многих предприятий, вызванного бегством их владельцев из Парижа в период его осады немецкими войсками, особенно же после революции 18 марта, в столице насчитывалось только 114 тыс. рабочих, занятых на производстве (из них 62 500 женщин). Это составляло лишь $^{1}/_{5}$ численности ее рабочего населения в конце 60-х годов[690].

По инициативе Комиссии труда и обмена были организованы мастерские для шитья военного обмундирования, где были заняты многие сотни безработных женщин и девушек. 3 тыс. работниц были заняты в мастерских по изготовлению боевых патронов[691].

Самым важным из мероприятий Коммуны в этой области был декрет от 16 апреля о брошенных и бездействующих мастерских. Декрет поручал рабочим синдикальным палатам создать комиссию по обследованию мастерских, брошенных их хозяевами, составить проект возобновления работы в этих мастерских силами кооперативной ассоциации занятых в них рабочих и разработать устав этих ассоциаций. Той же комиссии предлагалось «учредить третейский суд, который в случае возвращения хозяев должен будет установить условия окончательной передачи этих мастерских рабочим ассоциациям и размер возмещения, который эти ассоциации должны будут уплатить бывшим хозяевам». На комиссию по обследованию мастерских возлагалась обязанность представить отчет о своей деятельности в Комиссию труда и обмена, которая и должна была выработать «проект декрета, отвечающего интересам как Коммуны, так и рабочих»[692].

Рабочие организации горячо приветствовали этот декрет и немедленно взялись за его осуществление. Была создана общегородская Комиссия по обследованию и организации труда, составленная из членов Интернационала. В Исполнительное бюро этой комиссии

---

687 «Murailles politiques francaises», t. 11, p. 533.

688 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II, стр. 182.

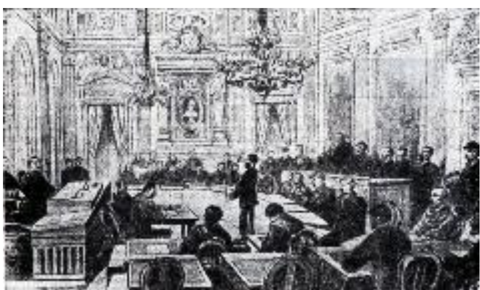
689 «Journal officiel» (Парижа), 18.IV 1871.

690 «Revue des Deux Mondes», 15-V 1871; *A. Audiganne.* Memoires d’un ouvrier de Paris 1871–1872. Paris, 1873.

691 *E. Thomas.* Les «Petroleuses». Paris, 1963, p. 93.

692 «Journal officiel» (Парижа) 17.lV 1871.

вошли председатель союза механиков и ассоциации металлистов Делаге и шесть других деятелей профессиональных союзов, в том числе два члена Центрального комитета Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными. Активное участие в работе комиссии приняла русская социалистка Елизавета Дмитриева (Томановская). Комиссия разработала проект создания женских производственных ассоциаций и последующего объединения их в федерацию – с тем, чтобы «избавить труд от ига эксплуататорского капитала». Проект предусматривал сокращение рабочего дня, уравнение женщин в оплате труда с мужчинами, предоставление ассоциациям займов, сырья и заказов, принятие членов ассоциаций в Интернационал[693].

Заседание Парижской Коммуны в ратуше в Зале мэрий

В порядке осуществления декрета от 16 апреля пять рабочих союзов успели приступить к учету бездействующих мастерских. Был конфискован десяток мастерских. В последние дни Коммуны подготовлялась конфискация одного из крупнейших металлургических предприятий Парижа – завода Баррикан[694].

4 мая на заседании Коммуны было зачитано предложение о реквизиции (с последующим денежным возмещением бывшим владельцам) всех крупных мастерских со всеми орудиями производства, сырьем и конторами, о передаче этих мастерских рабочим ассоциациям и об открытии им денежного кредита[695]. Но Коммуна не успела обсудить это предложение и провести его в жизнь.

---

693 *E. Thomas.* Les «Petroleuses», p. 88–89, 96–97.

694 J. Rougerie. Proces des communards. Paris 1964, p. 221.

695 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II, стр. 120–121.

Е. Л. Дмитриева

Важным завоеванием парижских рабочих в дни Коммуны была отмена ночного труда в пекарнях (декрет от 20 апреля). Хозяева булочных пытались помешать проведению в жизнь этого решения, которого давно добивались рабочие. 28 апреля оно обсуждалось на заседании Коммуны. Мелкобуржуазному демократу Виару, утверждавшему, что Коммуна не должна вмешиваться в отношения между предпринимателями и рабочими, и предлагавшему отменить декрет, возражали революционные социалисты. «Мы находимся здесь не только для того, чтобы защищать муниципальные вольности, но и для того, чтобы проводить социальные реформы… – заявил под одобрительные возгласы присутствующих Френкель. – Я получил только один мандат – защищать пролетариат, и если какая-либо мера справедлива, я ее принимаю и провожу, не думая о том, чтобы советоваться с хозяевами. Мера, предусмотренная декретом, справедлива, мы должны сохранить ее»[696]. Решение, вынесенное Коммуной по этому вопросу, встретило горячее одобрение со стороны трудящихся Парижа [697].

Крупной мерой по охране труда рабочих и служащих было и принятое Коммуной 27 апреля постановление о запрещении произвольных штрафов и незаконных вычетов из заработной платы. В постановлении указывалось, что эти штрафы и вычеты фактически являются «замаскированным понижением заработной платы». Администрации всех предприятий предлагалось в двухнедельный срок возвратить потерпевшим штрафы, наложенные на них с 18 марта[698].

Большое принципиальное значение имел декрет Коммуны от 13 мая, направленный против эксплуатации рабочих и работниц, занятых в производстве обмундирования для национальных гвардейцев. Франкель внес предложение передавать в дальнейшем заказы рабочим ассоциациям. «Мы не должны забывать, – подчеркнул он, – что революция 18 марта совершена исключительно рабочим классом. Если мы, чей принцип – социальное равенство,

---

696 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 406–410.

697 J. *Michelant.* Un souvenir de la Commune. – «Journal des economistes», t. XXIII, p. 264.

698 «Journal officiel» (Парижа), 29.IV 1871.

ничего не сделаем для этого класса, то я не вижу смысла в существовании Коммуны»[699]. Обсуждение этого вопроса закончилось принятием декрета, предоставившего Комиссии труда и обмена право пересмотра контрактов, заключенных с подрядчиками, и постановившего, что впредь заказы Коммуны будут предпочтительно сдаваться рабочим корпорациям. Особая статья декрета устанавливала, что в подрядных условиях должна быть предусмотрена минимальная заработная плата за выполняемую работу [700]. Но предложение Франкеля ограничить продолжительность рабочего дня 8 часами не было принято.

К числу социалистических преобразований Коммуны относятся ее меры по установлению *рабочего контроля над производством.* Такой контроль был введен, например, в национальной типографии, в почтовом управлении, в луврских оружейных мастерских по ремонту и починке оружия. Устав этих мастерских предусматривал создание совета, составленного из выборных делегатов от рабочих, мастеров и заведующих мастерскими[701].

Активное участие в социально-экономической политике и во всей вообще созидательной деятельности Коммуны принимали общественные организации революционного Парижа – профессиональные союзы, секции Интернационала, комитеты бдительности, политические клубы, объединявшие передовую часть рабочего класса и радикальные слои мелкой буржуазии. Особенно активной была деятельность клубов [702].

Наряду с серьезными достижениями, в деятельности Коммуны и ее органов были и существенные ошибки. Одной из самых крупных ошибок в области социально-экономической политики была *позиция, занятая Коммуной в отношении Французского банка.* В нем хранились материальные и денежные ценности на общую сумму почти в 3 млрд. фр. Вывести их в Версаль правительство Тьера не смогло. Правление банка во главе с вице-директором осталось на месте. Коммуна ограничилась чем, что назначила одного из своих членов, Беле, делегатом при банке. Бывший предприниматель последователь и друг Прудона, Беле был решительным противником насильственных мер в отношении частной собственности буржуазии. Такой же тактики придерживался делегат финансов Коммуны Журд.

Правда, среди деятелей Коммуны были люди, высказывавшиеся за занятие банка. 12 мая отряды национальной гвардии пролетарских кварталов окружили здание банка и пытались занять его. Но в дело вмешался Беле и добился того, что отряды были уведены.

За весь период существования Коммуны Французский банк выдал ей только 15 млн. фр. (из них 9 млн. 400 тыс. фр. с текущего счета города Парижа). За это же время версальское правительство получило от банка 257 млн. 630 тыс. фр.[703]

Ошибочная политика Коммуны в этом деле объясняется прежде всего влиянием мелкобуржуазной прудонистской теории, сторонники которой считали, что захват банковских учреждений революционной властью должен неизбежно привести к обесценению банкнот и их аннулированию версальским правительством. С другой стороны, многие деятели Коммуны рассматривали ее только как городской совет Парижа и считали

---

[699] «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II, стр. 268–271.

[700] «Journal officiel» (Парижа), 13, 15.V 1871.

[701] «Journal officiel» (Парижа), 21.V 1871.

[702] «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I. М., 1961, главы 10 и 12; *А. И. Молок.* Рабочие Парижа в дни Коммуны. – «Вопросы истории», 1951, № 3; С. 77. *Морозов.* Профессиональные организации рабочих Парижа и Коммуна 1871 г. – «Вопросы истории», 1961, JVfs 3.

[703] *О. А. Вайнштейн.* Парижская Коммуиа и Французский банк. – «Историк-марксист», 1926, № 1.

поэтому, что он не может брать в свои руки такое общегосударственное учреждение, каким являлся этот банк. Не решившись конфисковать крупные ценности, хранившиеся в нем, Коммуна обрекла себя на огромные финансовые и политические трудности.

Одной из сильнейших сторон деятельности Коммуны были меры по революционной перестройке *системы народного образования* на новых началах. Во главе этого дела стояла Комиссия просвещения, которую возглавлял член Интернационала Эдуар Вайян, уже знакомый с принципами марксизма.

Всеобщее, бесплатное, обязательное, светское и всестороннее образование – таковы были принципы, положенные Коммуной в основу ее школьной политики. Это было давнее требование передовой общественности, выдвигавшееся на конгрессах Интернационала, на публичных собраниях в Париже в конце 60-х годов, в радикально-демократической и социалистической прессе.

Исходя из декрета об отделении церкви от государства и опираясь на общественное мнение прогрессивных слоев населения, на поддержку передовых учителей и педагогических организаций, правительство Коммуны вело настойчивую борьбу за освобождение народного образования от влияния церковников, за строительство новой школы, основанной на сочетании изучения основ наук с обучением какому-либо ремеслу[704]. Представители католического духовенства оказывали ожесточенное сопротивление школьной реформе.

Но при поддержке демократических слоев населения противодействие клерикалов и реакционеров успешно преодолевалось. Однако довести это дело до конца Коммуна не успела. Не успела она осуществить и свое постановление о повышении окладов педагогам и об уравнении учительниц в оплате с учителями, принятое 19 мая[705].

Большое внимание уделяла Коммуна дошкольному воспитанию и призрению детей. По декрету от 10 апреля, детям национальных гвардейцев, павших в бою с версальцами, устанавливалась пенсия, которую они должны были получать до 18 лет; круглые сироты должны были воспитываться за счет Коммуны. При этом не делалось никакого различия между ребенком, родившимся в зарегистрированном браке, и внебрачным ребенком [706].

Преобразования Коммуны коснулись и библиотечного дела[707], и художественных музеев[708], и музыкального искусства[709]. При ее поддержке была организована федерация художников, во главе которой была поставлена комиссия из 46 деятелей искусств под председательством Курбе[710]. 19 мая был издан декрет о переходе театров в ведение Комиссии просвещения, об изъятии их из рук частных предпринимателей и о замене их артистическими коллективами[711].

---

704 «Journal officiel», 18.V 1871; подробнее см. С. *А. Фрумов.* Парижская Коммуна в борьбе за демократизацию школы. М., 1958.

705 «Le Cri du Peuple», 21.V 1871.

706 «Journal officiel» (Парижа), 11.IV 1871.

707 «Journal officiel» (Парижа), 19.V 1871.

708 «Journal officiel» (Парижа), 13.IV 1871.

709 «Journal officiel» (Парижа), 9; 16.V 1871.

710 *А. С. Гущин.* Парижская Коммуна и художники. Л., 1934, стр. 39–40.

711 *Ю. И. Данилин.* Парижская Коммуна и французский театр. М., 1963, стр. 271–286.

Коммуна переименовала ряд улиц и площадей, носивших имена реакционных деятелей, разрушила «Искупительную часовню Людовика XVI» [712] и колонну со статуей Наполеона I на Вандомской площади [713].

Борьба политических группировок в Коммуне

Неоднородность состава Коммуны, представлявшей собой блок различных политических группировок, создавала почву для борьбы между ними. Уже на заседании 29 марта произошло столкновение по вопросу о политической сущности Коммуны и о пределах ее власти. В противовес неоякобинцу Паскалю Груссе, предложившему объявить Национальное собрание распущенным и уполномочить Коммуну установить дипломатические отношения с иностранными государствами, прудонист Тейс заявил, что Коммуна является только органом власти Парижа и не должна выходить за пределы функции городского совета[714].

Разногласия вызывало в Коммуне и обсуждение социально-экономических мероприятий. Прудонисты правого крыла выступали против решительных мер в отношении буржуазной частной собственности, на которых настаивали бланкисты, левые прудонисты и люди, близкие к марксизму. Прудонист Рулье, выражая недовольство декретом об отмене ночного труда в пекарнях, утверждал, что, издав такое постановление, Коммуна стала «скорее на путь коммунизма, нежели коммунализма»[715].

Постепенно внутри Коммуны складывалась оппозиционная группировка, состоявшая в основном из прудонистов. Окончательно сложилась она 28 апреля – 1 мая при обсуждении вопроса о создании Комитета общественного спасения, наделенного правом контроля над всеми комиссиями и делегациями Коммуны. Те, кто голосовал за создание такого высшего органа власти (45 членов), мотивировали свою позицию ссылкой на тяжелое положение на фронте и на необходимость принятия чрезвычайных мер для спасения Коммуны. Группа из 17 членов голосовала против организации Комитета общественного спасения, заявив, что учреждение его привело бы к созданию диктаторской власти, несовместимой с принципами демократии[716]. Члены Интернационала, входившие в состав Коммуны, раскололись в этом вопросе: часть из них примыкала к «меньшинству», а часть – к «большинству».

Комитет общественного спасения, в котором главную роль играл неоякобинец Феликс Пиа, интриган и фразер, не справился с возложенными на него задачами. 9 мая под влиянием серьезных военных неудач Комитет был преобразован. В состав нового Комитета были введены решительные и преданные революции люди – бланкисты Эд, Арно и Ранвье и два неоякобинца – Гамбон и Делеклюз (последний вскоре был заменен социалистом Бийорэ).

14 мая члены Коммуны, принадлежавшие к «меньшинству», явились на очередное заседание, но оно не состоялось из-за неявки многих сторонников «большинства». Тогда группа членов «меньшинства» собралась на сепаратное совещание в здании почтового управления и приняла декларацию протеста против действий «большинства». В этом документе, подписанном 21 членом Коммуны, оппозиционная группировка утверждала, что Коммуна «отреклась от своей власти, передав ее диктатуре, которую она назвала Комитетом

---

712 «Journal officiel» (Парижа), 6.V 1871.

713 «Journal officiel» (Парижа), 13.IV; 17.V 1871.

714 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 40.

715 «Le Cri du Peuple», 30.IV 1871.

716 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II, стр. 18–31.

общественного спасения». Члены «меньшинства» добавляли, что они будут являться на заседания Коммуны лишь тогда, когда она будет судить кого-либо из своих членов, и что они намерены посвятить все свое время практической работе в окружных мэриях и непосредственному участию в борьбе с версальцами. В заключение члены «меньшинства» выражали свое убеждение, что, несмотря на разногласия между членами Коммуны, сторонники обеих группировок преследуют одну и ту же цель – «политическую свободу, освобождение трудящихся»[717].

Опубликование декларации «меньшинства» произвело сильное впечатление в Париже. Бланкистские газеты требовали суда над членами «меньшинства», обвиняли их в дезертирстве[718].

Буржуазные газеты, не скрывая своего удовлетворения, расценивали декларацию «меньшинства» как свидетельство раздоров в Коммуне и как предвестник ее скорой гибели[719]. Однако, вопреки желаниям врагов революции, члены «меньшинства» явились на очередное заседание Коммуны 17 мая. На этом заседании была принята резолюция, в которой «большинство» заявило, что оно осуждает поступок «меньшинства», но готово забыть его при условии, что те, кто подписал декларацию, снимут свои подписи.

Столкновения между обеими группировками продолжались и на заседании Коммуны 19 мая. Положение изменилось после того, как Федеральный совет парижских секций Интернационала на своем заседании 20 мая поддержал требования членов «меньшинства» об ограничении прав Комитета общественного спасения, но вместе с тем призвал к сохранению единства Коммуны[720]. К единству лризывало членов Коммуны и многолюдное собрание избирателей IV округа, состоявшееся в тот же вечер[721].

И все же полного примирения между враждующими группировками не произошло: пререкания между ними происходили и на последнем заседании Коммуны.

Борьба против контрреволюционных происков Версальской агентуры

Враги Коммуны, притаившиеся в Париже, пускали в ход все средства, чтобы дезорганизовать жизнь города, осложнить положение Коммуны и ускорить ее гибель. Одним из средств, направленных к этой преступной цели, был саботаж служащих государственных и коммунальных учреждений, организованный версальским правительством. 29 марта Коммуна постановила, что приказы и распоряжения версальского правительства не имеют больше законной силы и что служащие, которые будут игнорировать это постановление, подлежат немедленному увольнению[722].

Опираясь на поддержку младших служащих, делегаты Коммуны успешно преодолевали сопротивление высшего и части среднего служебного персонала. Так обстояло дело, например, в Главном управлении почт. Когда назначенный Коммуной директор Тейс

---

[717] «Le Cri du Peuple», 17.V 1871.

[718] «Le Salut public», 16.V 1871; «Le Pere Duchene», 17.V 1871.

[719] «L’Avenir national», 17.V 1871; «La Verite», 18.V 1871; «Le Republicain», 19.V 1871.

[720] «Journal officiel» (Парижа), 24.V 1871.

[721] «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II, стр. 371–374.

[722] «Journal officiel» (Парижа), 30.111 1871.

явился в это учреждение, он застал там полный развал[723]. При поддержке младших служащих Тейсу удалось наладить работу почтового ведомства, восстановить связь между Парижем и провинцией, создать из выбранных делегатов совет с совещательными правами, повысить жалованье почтальонам, сторожам, экспедиторам и понизить оклады высших чиновников[724].

В первые же дни после революции 18 марта буржуазная пресса стала резко выступать против новой власти, порочить деятелей Коммуны, распускать злостные выдумки по их адресу, разглашать сведения военного характера. Центральный комитет, а затем Коммуна приняли ряд мер против подрывных действий контрреволюционной прессы. За все время существования Коммуны было закрыто около 30 парижских газет и журналов.

2 апреля Коммуна постановила привлечь к судебной ответственности Тьера и пять других членов версальского правительства по обвинению в том, что они развязали гражданскую войну и организовали нападение на Париж[725].

5 апреля в ответ на расстрелы пленных федератов Коммуна издала декрет о заложниках. Согласно этому декрету, всякое лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, подлежало немедленному аресту в качестве «заложника парижского народа». За каждого расстрелянного коммунара декрет грозил казнью тройного числа заложников[726].

На основании этого декрета было арестовано несколько сот человек. Среди них были архиепископ Дарбуа, бывший сенатор Бонжан, крупный банкир бонапартист Жеккер, группа жандармов, чиновников и священников. Издание декрета о заложниках вынудило версальцев на время приостановить расстрелы пленных. Но когда выяснилось, что Коммуна не спешит с казнью заложников, расстрелы пленных федератов возобновились. Угроза казни заложников была частично осуществлена лишь в дни последних боев на улицах Парижа.

Руководителям революционного правительства 1871 г. явно недоставало понимания необходимости суровых репрессий против классовых врагов парижского пролетариата. Анализируя причины гибели Коммуны, Ленин указывал на то, что, как отмечали в свое время Маркс и Энгельс, «Коммуна *недостаточно* энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров»[727].

Внешняя политика Парижской Коммуны

В области внешней политики правительство Парижской Коммуны и его Комиссия внешних сношений ставили перед собой двойную цель: 1) поддержание дружеских связей с другими коммунами страны для создания общефранцузской федерации коммун; 2) установление дружеских отношений с другими государствами, признание условий прелиминарного мирного договора и выплату Германии части военной контрибуции[728]. Выступая против милитаризма и реваншизма, Коммуна отстаивала принципы мира и дружбы народов, братства трудящихся всех стран.

---

723 P. O. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1919, p. 483–486.

724 B. Laurent. La Commune de 1871. Les postes, les ballons, le telegraphe, etc. Paris, 1934.

725 «Journal officiel» (Парижа), 3. IV 1871.

726 «Journal officiel» (Парижа), 6.1 V 1871.

727 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 192.

728 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I, стр. 36, 40.

5 апреля делегат внешних сношений Паскаль Груссе обратился к дипломатическим представителям иностранных держав с нотой, в которой извещал их об образовании правительства Коммуны и заявлял о его желании «крепить братские узы», связующие парижский народ с другими народами[729]. Ответа на это обращение не последовало. Почти все представители иностранных держав перебрались после событий 18 марта в Версаль. Английский посол лорд Лайонс остался в Париже, но не скрывал своего враждебного отношения к Коммуне. Посол США Уошберн вел себя двулично. В своих донесениях в Вашингтон он всячески чернил действия Коммуны. Он поддерживал связи с контрреволюционными элементами в Париже и пересылал в Версаль военные сведения, добытые шпионским путем, а в беседах с руководителями революционной власти уверял их в своем сочувствии ее программе. В дни последних боев Уошберн своим вероломным поведением способствовал ускорению разгрома Коммуны[730].

Чтобы оградить Париж и всю страну от возобновления немецкой агрессии, облегчить связи столицы с провинцией и обеспечить себе свободу рук для борьбы с версальской контрреволюцией, Центральный комитет национальной гвардии уже 19 марта объявил о своем намерении соблюдать условия предварительного мирного договора, заключенного 26 февраля. Идя по тому же пути, Коммуна предприняла ряд попыток договориться с немецкими властями об эвакуации оккупационных войск из окрестностей Парижа и выразила готовность уплатить германскому правительству часть военной контрибуции, возложив ее выплату на виновников войны (членов бывшего правительства Второй империи)[731]. 26 апреля для переговоров по этому вопросу военный делегат Клюзере встретился с уполномоченным германского правительства фон Гольштейном[732].

Переговоры эти, начатые Коммуной с целью улучшить стратегическое положение революционного Парижа и избежать войны на два фронта (против версальцев и против немцев), не достигли цели. Одной из причин этого было отсутствие у Коммуны реальной возможности уплатить германскому правительству хотя бы часть контрибуции. Но главной причиной неудачного исхода попыток коммунаров Парижа добиться действительного нейтралитета германского правительства в отношении гражданской войны во Франции была острая ненависть правящих кругов Германской империи к революционному пролетариату французской столицы. Выступления представителей германской социал-демократии в поддержку Коммуны еще более усиливали страх германской буржуазии и прусского юнкерства перед влиянием новой французской революции на подъем борьбы рабочего класса в Германии[733].

Яркое представление об антимилитаризме и интернационализме в политике Коммуны дает выступление одного из ее руководителей, рабочего Шарля Амуру, на многолюдном собрании в клубе Николая-на-Полях 14 мая, горячо встреченное присутствующими Амуру говорил: «Париж – победитель скажет Европе: мы не хотим больше войн, мы проливали нашу кровь во имя человечества, чтобы уничтожить тиранов, которые нас угнетали Тот, кто

---

729 «Journal officiel» (Парижа), 6.IV 1871.

730 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 388–391.

731 А. И. Молок. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 г. Л., 1939. стр. 57–59, 64–69.

732 Memoires du general Cluseret, t. II. Paris, 1887, p 1-15 (L'entrevue d'Aubervilliers); «Bismarck und die Friedensumerhandler 1871». Bearbeitet und eingeleitet von Hans Goldschmidt. Berlin und Leipzig, 1929, S. 100–106, N 57.

733 «Neue Preussische Zeitung», 28.111 1871; «Allgemeine Zeitung» (Augsburg), 6.IV 1871; «Ausserordentliche Beilage zur Allgemeinen Zeitung», 30.111 1871.

захочет войны, будет уничтожен во имя человечества…»[734]

Отклики на Коммуну в других странах. Генеральный совет Интернационала в дни Коммуны

Революция 18 марта и образование Парижской Коммуны произвели сильнейшее впечатление почти во всех странах мира. Особенно широкий отклик вызвали эти события в Германии, где с конца 60-х годов уже существовала марксистская в своей основе социал-демократическая партия. 2 апреля на 3-тысячном собрании рабочих Ганновера было принято обращение к рабочим Парижа, содержавшее горячие приветствия по адресу коммунаров[735].

Движение солидарности рабочих Германии с коммунарами Парижа приняло широкий размах. Многолюдные собрания в честь Коммуны происходили в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Лейпциге и многих других городах. Вильгельм Либкнехт в статье, напечатанной в газете «Фольксштаат», разъяснял сущность Коммуны как рабочего правительства, смысл и значение ее экономических и политических мер, подчеркивая ее интернационализм [736]. Та же газета разоблачала сговор версальских контрреволюционеров с немецкими милитаристами[737]. Огромное впечатление произвела речь Бебеля в рейхстаге 25 мая 1871 г. В этой речи Бебель выразил уверенность, что «не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: „Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и тунеядству!“ – станет боевым кличем всего европейского пролетариата»[738].

В Англии передовые рабочие и прогрессивные слои интеллигенции выражали глубокое сочувствие парижским коммунарам. Уже 22 марта на митинге в Лондоне было принято приветственное обращение к революционному Парижу. 16 апреля по улицам английской столицы прошла колонна манифестантов, которые несли красные знамена и плакаты с лозунгом: «Всемирная социальная республика». После митинга в Гайд-парке была принята резолюция, которая приветствовала коммунаров Парижа «как пионеров и строителей нового социального строя». Эта резолюция дошла до Парижа. На заседании Коммуны 24 апреля было принято ответное обращение, которое гласило: «Парижская Коммуна с симпатией получила обращение английских республиканцев и шлет им из Парижа, борющегося за коммунальные свободы и за освобождение пролетариата, свою искреннюю благодарность»[739].

Революционные события во Франции способствовали усилению рабочего движения в Англии, росту активности республиканских групп, выступлениям демократической интеллигенции в пользу Коммуны. Особенно решительно выступал в поддержку парижских коммунаров видный ученый и публицист Бизли, находившийся под влиянием Маркса. Чрезвычайно сочувственно писал о Коммуне публицист Томас Смит, примкнувший затем к Интернационалу и вступивший в переписку с Марксом. Горячим пропагандистом опыта Коммуны проявил себя журналист Роберт Рид, находившийся в Париже в дни Коммуны.

---

[734] «La Revolution politique et sociale», 16.V 1871.

[735] «Der Social-Demokrat», 21.IV 1871.

[736] «Volksstaat», 12.IV 1871.

[737] «Volksstaat», 8: 19; 26.IV 1871.

[738] «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Deutschen Reichstages», Bd. II. Berlin, 1871, S. 928.

[739] «Протоколы заседании Парижской Коммуны», т. I, стр. 261.

Иначе отнеслись к Коммуне оппортунистически настроенные представители рабочей аристократии Англии. Двое из них – Оджер и Лекрафт – под влиянием нападок буржуазных деятелей на Коммуну выступили с осуждением ее действий и выразили протест против того, что их имена были поставлены под воззванием Генерального Совета Интернационала по поводу Коммуны, на заседании Государственного Совета заявили о выходе из его состава[740].

С глубоким сочувствием встретили известие о революции 18 марта передовые представители итальянской общественности. 12 апреля Интернациональное демократическое общество во Флоренции приняло обращение к парижским коммунарам, в котором говорилось, что знамя Коммуны «является знаменем будущего», что она сражается «против эгоизма и привилегированных в великой битве за освобождение пролетариата»[741].

Герой национально-освободительного движения итальянского народа Гарибальди весьма сочувственно отнесся к революционным событиям во Франции. В письмах к друзьям он заявлял, что стоит за Коммуну, хотя, характеризуя ее сущность, на первый план выдвигал лозунг муниципального самоуправления. Многие итальянские рабочие и демократы приняли активное участие в вооруженной борьбе коммунаров Парижа[742].

Горячо приветствовали провозглашение Парижской Коммуны передовые рабочие Швейцарии. Одним из самых ярких проявлений солидарности швейцарских социалистов с парижскими коммунарами было пламенное обращение, принятое 15 апреля на собрании в Женеве. Авторы обращения приветствовали провозглашенную в столице Франции «Республику пролетариев» и заявляли, что «Париж возглавляет в настоящий момент дело создания нового социального строя»[743]. Среди подписавших этот документ было и два члена Русской секции Интернационала – Н. Утин и А. Трусов.

Сочувственные отклики на героическую борьбу парижских коммунаров исходили также от рабочих организаций и прогрессивной общественности Австрии, Венгрии, Бельгии, Испании, Болгарии, Чехии и ряда других стран Европы.

Живой отклик встретили события Парижской Коммуны в России. Правящие круги Российской империи и органы русской реакционной прессы открыто выражали свою злобную ненависть к коммунарам, грубо клеветали на них и призывали к беспощадной расправе с ними[744]. Отрицательно отнеслись к Коммуне и газеты умеренно либерального направления.

Передовые органы русской печати («Дело», «Отечественные записки», «Искра» и др.) выразили горячее сочувствие борьбе коммунаров и резко осудили жестокую расправу версальцев с ними[745]. «Мировая революция уже началась», – в таких словах отметил значение Парижской Коммуны молодой революционер бывший студент Технологического института Н. П. Гончаров, распространявший в Петербурге революционные листовки «Виселица». В последней листовке, датированной 26 (14) мая, он обращался ко всем

---

740 «Генеральный Совет Первого Интернационала, 1870–1871. Протоколы». М. 1965. стр. 157–158.

741 «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, стр. 377.

742 *P. Angrand.* Travailleurs italiens dans la Commune de Paris. – «Cahiers internationaux», 1958, N 95, p. 54–62.

743 «Journal officiel» (Парижа), 7.V 1871.

744 «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, стр. 307–316; С. *Д. Куниский.* Русское общество и Парижская Коммуна. М., 1962; С. *В. Оболенская.* Российские либералы о франко-прусской войне. – «Французский ежегодник 1969». М., 1971.

745 С. *Д. Куниский.* Русское общество и Парижская Коммуна, главы V, VII.

«честным людям» с призывом подняться на помощь «погибающему Парижу»[746]

«Смолкли честные, доблестно павшие», – так начиналось стихотворение, которое Н. А. Некрасов посвятил героической борьбе и трагической гибели коммунаров Парижа [747]. Гневно осуждал жестокую расправу версальской военщины с побежденными коммунарами Глеб Успенский, изобразивший версальский военный суд в виде «коллекции удавов»[748]. М. Е. Салтыков-Щедрин обличал «одичалых консерваторов современной Франции» за «ужасающую жестокость» их расправы с защитниками Коммуны [749]. «Отблески сияния» – так назвал свой роман из эпохи Коммуны, созданный в сибирской ссылке, Н. Г. Чернышевский[750].

Наряду с передовой частью интеллигенции, огромный интерес и глубокое сочувствие к Коммуне проявляли передовые рабочие России (А. Н. Петерсон, С. Н. Халтурин, В. Обнорский, С. Виноградов, К. Иванайнен и некоторые другие). Изучение опыта Коммуны оказало большое влияние на деятельность первых рабочих-революционеров, организаторов «Северного союза русских рабочих» и «Южнороссийского союза рабочих» [751].

Русские социалисты, находившиеся в Париже весной 1871 г., приняли (наряду с бельгийскими, польскими, итальянскими, венгерскими революционерами) активное участие в строительстве и борьбе Коммуны. Среди них были две замечательные русские женщины – Анна Васильевна Корвин-Круковская (по мужу Жаклар) и Елизавета Лукинична Дмитриева (урожденная Кушелева, по мужу Томановская)[752].

Участником Коммуны был выдающийся русский публицист, ученый-историк Петр Лаврович Лавров. Будучи членом одной из парижских секций Интернационала (секции Терн), Лавров горячо приветствовал провозглашение Коммуны, среди деятелей которой он имел близких друзей. Еще накануне Коммуны (в январе 1871 г.) он задумал издание 15 серий книжек «Наука рабочих» (курс знаний о природе, о человеческом обществе, об истории). После провозглашения Коммуны Лавров обратился к ее членам с предложением реформ в области народного образования[753]. «Существующее в Париже правительство честнее и умнее, чем какое бы то ни было перед этим в настоящем веке… – писал он в Петербург своей приятельнице Е. А. Штакеншнейдер. – В первый раз на политической сцене не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящего народа». «Борьба Парижа в настоящую минуту – борьба историческая, и он действительно находится теперь в первом ряду человечества»[754], – писал он тому же адресату в другом письме. В середине апреля Лавров

---

[746] «Литературное наследство», 1931, № 1 (предисловие и публикация С. Н. Валка).

[747] *И. Власов* и *С. А. Макашин.* Некрасов и Парижская Коммуна. – «Литературное наследство», т. 49–50. М., 1949.

[748] Г. *И. Успенский.* Больная совесть. – Полн. собр. соч., т. IV. М., 1949, стр. 341.

[749] *М. Е. Салтыков-Щедрин* Полн. собр. соч., т. VII. стр. 472–473.

[750] В. *Н. Шульгин.* Очерки жизни и творчества. Н. Г. Чернышевского. М., 1956.

[751] *О. Д. Соколов.* На заре рабочего движения в России. М., 1952.

[752] *И. С. Книжник-Ветров.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М. – Л., 1964, стр. 74-101, 185–190; С. *Д. Кунисекий.* Отклики в России… глава VI.

[753] *Б. С. Итенберг.* Россия и Парижская Коммуна. М., 1971, стр. 118–120.

[754] «Голос минувшего», 1916, № 7–8, стр. 121, 124.

выехал из Парижа и направился в Брюссель, а затем в Лондон с поручением от Коммуны к Генеральному Совету Интернационала. В Лондоне он познакомился и подружился с Марксом и Энгельсом. В 1880 г. была опубликована книга Лаврова «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.». Под влиянием Маркса Лавров правильно оценил в своей книге сущность Коммуны. «Это была, – подчеркивал он, – первая революция пролетариата»[755].

В Соединенных Штатах Америки события Парижской Коммуны вызвали резко враждебные нападки реакционных кругов. Передовые слои рабочего класса и демократической общественности выражали глубокое сочувствие парижским коммунарам. Секции Интернационала проводили собрания и демонстрации солидарности с Коммуной, публиковали брошюры с текстом работы Маркса о ней. «Это было восстание трудящихся против вековой бессовестной узурпации власти», – писал демократический публицист Линтон. «Слава побежденной Коммуне!» – добавлял он[756]. «Люди, руководившие Коммуной, – подчеркивал один из лидеров аболиционистов, Уэнделл Филлипс, – являлись самыми выдающимися, самыми чистыми и благородными патриотами Франции…» Знаменитый ученый Л. Г. Морган, одобряя принципы и действия коммунаров, резко осуждал кровавую бойню, устроенную версальской военщиной.

Генеральный Совет Интернационала и прежде всего Маркс, его идейный вождь, стремились возглавить и расширить кампанию солидарности рабочих организаций различных стран с коммунарами Парижа. «Для распространения правды о Парижской Коммуне Генеральным Советом была использована вся сложившаяся за шесть лет существования Интернационала организационная сеть, вся система связи с местными отделениями, с их органами печати и руководителями»[757]. 26 апреля Маркс сообщал Лео Франкелю, что «в письмах различных секретарей секциям на континенте и в Соединенных Штатах рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой величественной парижской революции»[758].

Уже на заседании Генерального Совета 21 марта с подробной информацией о событиях в столице Франции, основанной на личных впечатлениях, выступил Серрайе, которого дополнил Энгельс[759]. На следующем заседании Совета, происходившем 28 марта, было решено обратиться к парижскому народу с воззванием, и Марксу поручено было составить его[760]. На заседании 11 апреля Энгельс дал подробный анализ сложившейся в Париже обстановки. «Положение трудно, – говорил он, – шансы не так хороши, как две недели тому назад»[761]. 18 апреля обсуждался вопрос о предательском поведении социалиста Толена, депутата версальского Национального собрания, подло клеветавшего на Коммуну. Была принята резолюция утвердить решение об исключении Толена из Интернационала, как только подтвердится известие, что парижский Федеральный совет принял такое

---

[755] *Л. Лавров.* Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Л. – М. 1925, стр. 165–166.

[756] «The Radical», September 1871, p. 97, 103 (цит. по: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, стр 417); *S. Bernstein.* The Impact of the Paris Commune in the United States. – «The Massachusetts Review», summei 1971.

[757] «Карл Маркс. Биография». М., 1968, стр. 557.

[758] К. *Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 182.

[759] См. «Генеральный Совет Первого Интернационала 1870–1871. Протоколы», стр. 109–111.

[760] См. там же, стр. 115.

[761] Там же, стр. 120.

постановление[762].

Поддерживая связь с деятелями Коммуны, давая им практические советы, Маркс критиковал их тактические ошибки (особенно их пассивную позицию в первые две недели после восстания 18 марта), предостерегал коммунаров против влияния мелкобуржуазных интриганов. «Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты, – писал он 13 мая Френкелю и Варлену. – Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Все это не имело бы значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время»[763]. Выражая восхищение революционной активностью коммунаров, Маркс писал 12 апреля Кугельману: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан… История не знает еще примера подобного героизма!»[764]

Подчеркивая огромное значение революционных событий 1871 г., Маркс писал: «Борьба рабочего класса с клаесом капиталистов и его государством вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»[765]. «Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены, – говорил Маркс на заседании Совета 23 мая, – они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения»[766]. 30 мая – через два дня после того, как пали последние баррикады Парижской Коммуны, – Маркс огласил написанное им воззвание о гражданской войне во Франции. Оно было принято Советом единогласно[767].

Майская «кровавая неделя». Падение Коммуны

Первые схватки между коммунарами и версальцами начались в конце марта. К этому времени между правительством Тьера и командованием немецких оккупационных войск было заключено соглашение: версальцам было разрешено увеличить численность своей армии вдвое. 60 тыс. французских солдат были отпущены из плена.

---

762 См. там же, стр. 124.

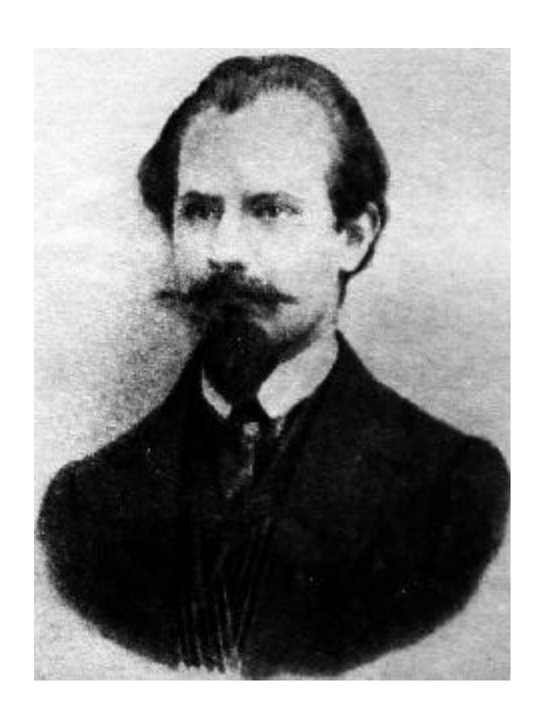
763 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 189.

764 Там же, стр. 172.

765 Там же, стр. 175.

766 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 629.

767 «Генеральный Совет Первого Интернационала 1870–1871. Протоколы», стр. 146.

Ярослав Домбровский

2 апреля версальская армия начала наступление на Париж. Возмущенные этим нападением коммунары потребовали организации немедленного похода на Версаль. Поход начался утром 3 апреля. Он был плохо подготовлен. Коммунары не взяли с собой достаточного количества полевых орудий, так как были уверены, что версальцы не окажут серьезного сопротивления. В ходе боев обнаружилась необоснованность этих расчетов. Форт Мон-Вальерьен, на нейтралитет которого рассчитывали коммунары, открыл сильный огонь по наступающим отрядам, которыми командовал член Коммуны Бержере. Он пытался продолжить наступление, но превосходящие по численности версальцы заставили коммунаров отступить. Отряд коммунаров под начальством члена Коммуны Флуранса был разбит. Сам он был захвачен жандармами и зверски убит. Другая колонна, которую вели члены Коммуны Эд, Ранвье и Авриаль, сначала успешно продвинулась вперед, но вскоре была остановлена и отброшена назад. Левая колонна, которою командовал член Коммуны Дюваль, достигла ближайших подступов к Версалю. Но нехватка артиллерии и снарядов помешала дальнейшему продвижению коммунаров. Утром следующего дня отряд Дюваля был окружен и взят в плен. Вероломно нарушив обещание сохранить жизнь пленным коммунарам, данное генералом Винуа, версальцы расстреляли Дюваля и двух других командиров национальной гвардии.

Валерий Врублевский

Неудачный исход боев 3–4 апреля побудил Военную комиссию Коммуны заняться реорганизацией вооруженных сил. Был принят ряд мер для укрепления порядка и дисциплины в войсках. Комендантом парижского укрепленного района был назначен талантливый и энергичный военачальник генерал Ярослав Домбровский. Другой видный польский революционер, Валерий Врублевский, командовал южным участком фронта. Общее руководство вооруженной борьбой было передано военному делегату генералу Клюзере. Но он придерживался ошибочной тактики пассивной обороны.

Соотношение военных сил складывалось крайне неблагоприятно для коммунаров. К концу апреля и началу мая число бойцов национальной гвардии на линии укреплений составляло только 15–16 тыс. человек, т. е. в восемь раз меньше, чем у версальцев.

30 апреля в связи с ухудшением положения на фронте Клюзере был смещен и арестован. На пост военного делегата был назначен бывший начальник главного штаба, кадровый офицер полковник Россель. Он предпринял ряд мер по укреплению и реорганизации вооруженных сил и совместно с Домбровским разработал план контрнаступления на Версаль. Но огромное численное превосходство версальцев привело к тому, что осуществить этот план оказалось невозможно. 9 мая пал форт Исси – важный опорный пункт коммунаров на южном участке фронта. Россель подал в отставку, написал вызывающее письмо на имя членов Коммуны, был смещен и арестован, но бежал из-под ареста[768]. Во главе Военной делегации был поставлен Делеклюз, стойкий революционер, но человек, малокомпетентный в военных делах.

В середине мая версальцы вплотную подошли к крепостному валу Парижа. 20 мая 300 версальских орудий начали яростный обстрел крепостной стены. 21 мая версальцы вторглись в Париж через разрушенные бомбардировкой и оставленные их защитниками ворота Сен-Клу, на которые указал солдатам один шпион. К утру 22 мая в Париж вступило около 100 тыс. солдат правительственных войск. К концу этого дня в руках армии Тьера находилась уже четвертая часть города.

Немецкие оккупационные войска, занимавшие восточную и северо-восточную часть

---

768 *Rossel.* Memoires, correspondance et proces. Presentes par Roger Stephane. Paris, 1960; *E. Thomas.* Le colonel Rossel. Paris. 1967.

окрестностей Парижа, пропустили отряды версальской армии[769], которые получили таким образом возможность проникнуть в город через пункты, откуда коммунары не ожидали появления врага и где они не подготовились к отпору.

Баррикады в Нейи

Вследствие этого уже 23 мая версальцы завладели высотами Монмартра[770].

Стойкое сопротивление встретила армия буржуазной контрреволюции на площади Согласия, где под руководством члена Коммуны полковника Брюнеля были возведены три редута, которые несколько сот бойцов в течение 50 часов отстаивали против двух версальских дивизий. Исключительную стойкость проявили и отряды коммунаров, действовавшие под общим руководством генерала Врублевского.

Особенно упорный характер приняла оборона коммунаров 25–27 мая, когда основной ареной борьбы стали рабочие кварталы восточной и северо-восточной части Парижа, особенно Бельвилль, где главным руководителем обороны был член Коммуны Габриэль Ранвье. С боем отстаивали здесь каждый квартал, каждую улицу героические бойцы первой пролетарской революции. Женщины не отставали от мужчин, дети подражали взрослым. Одна из самых кровопролитных схваток произошла на кладбище Пер-Лашез, где были расстреляны все взятые в плен коммунары. Только 28 мая, через неделю после начала непрерывных ожесточенных боев, было сломлено мужественное сопротивление защитников Коммуны[771].

В море крови потопили враги славную рабочую революцию 1871 г. Десятки тысяч лучших сынов и дочерей французского народа пали в борьбе за свободу и независимость своей родины, за освобождение ее трудящихся масс от капиталистического гнета. Многие видные деятели Коммуны, в том числе секретарь парижских секций Интернационала Варлен, прокурор Риго, член ЦК национальной гвардии Эдуар Моро, делегат общей безопасности Ферре, были расстреляны. Некоторые другие умерли от ран и болезней. 36 300 человек были преданы военным судам, заседавшим до 1876 г.

Обвиняемые проявили на суде исключительную стойкость. «Я не буду скрывать того, что есть, – заявил член Интернационала рабочий Жантон, – и скажу, что при империи я

---

769 Новые документы, опубликованные в 1956 г. французским историком Ж. Бурженом, дополняют уже известные из исторической и мемуарной литературы данные о сговоре Тьера с Бисмарком, об участии немецких оккупантов в подавлении Коммуны и о полицейской травле эмигрировавших коммунаров: C. *Bourgin.* Une entente franco-allemande. Bismarck, Thiers, Jules Favre et la repression de la Commune de Paris, mat 1871. – «Report from International Review of Socia l History», vol. I, 1956, part 1, p. 42–44, 47, 49–53.

770 T. Remy. La Commune a Montmartre. 23 mai 1871. Paris, 1970.

771 C. *Pelletan.* La semaine de mai. Paris, 1887; *П. Ангран.* Версальцьг. – «Новая и новейшая история», 1958, № 2; *А. И. Молок.* Белый террор во Франции в 1871 г. М., 1936.

боролся за республику, а при буржуазной республике буду бороться за республику социальную»[772]. «Вся моя жизнь принадлежит социальной революции, и я принимаю на себя ответственность за все свои действия без исключения», – сказала на суде бесстрашная коммунарка Луиза Мишель, «красная дева Монмартра»[773].

Общее число расстрелянных, заключенных в тюрьмы, сосланных на каторгу достигло 70 тыс. человек. Вместе с эмигрировавшими за границу рабочий и демократический Париж потерял не менее 100 тыс. своих лучших бойцов.

Уроки Коммуны и ее историческое значение

Коммуна просуществовала только 72 дня и пала в неравной Зорьбе с французской контрреволюцией, поддержанной немецкими милитаристами. Но, несмотря на короткий срок своего существования, она оставила неизгладимый след в истории освободительной борьбы рабочего класса Франции и всего мира.

Стена федератов 26 мая 1871 г. С картины Э. Пиккьо

Причины поражения Коммуны коренились прежде всего в крайне неблагоприятно сложившейся для нее обстановке внутри Франций. Отрезанность Парижа от провинции в результате блокады города армией версальской контрреволюции и немецкими оккупационными войсками, отсутствие союза между рабочим классом столицы и основной массой крестьянства, недостаточная зрелость и организованность пролетариата, состоявшего в большей своей части из трудящихся, занятых в мелких предприятиях полуремесленного типа, – таковы были важнейшие объективные причины поражения Коммуны. К ним присоединились причины субъективного порядка – отрицательное влияние мелкобуржуазных идеологических течений (особенно прудонизма и неоякобинизма), отсутствие во Франции рабочей партии марксистского типа, тактические ошибки руководителей движения, недооценка ими необходимости наступательной военной тактики и беспощадного подавления сопротивления врагов.

Опыт пролетарской революции 1871 г. подтвердил гениальный прогноз, сделанный Марксом в 1852 г. в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» о необходимости слома военно-полицейской и бюрократической машины буржуазного государства и замены ее принципиально новым типом государства. «Если ты заглянешь в последнюю главу моего „Восемнадцатого брюмера“, – писал Маркс 12 апреля 1871 г. Кугельману, – ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в

---

[772] «Gazelle des tribunaux», 18.XII 1871.

[773] «Gazelle des tribunaux», 18.1 1872.

другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте». «Как раз в этом, – добавлял Маркс, – и состоит попытка наших геройских парижских товарищей»[774].

В работе «Гражданская война во Франции», глубоко вскрывая корни и предпосылки революции 18 марта, Маркс яркими красками рисовал героическую борьбу коммунаров с версальцами, анализировал важнейшие мероприятия Коммуны в области социально-экономической политики и государственного строительства, характеризовал ее сущность как первого правительства рабочего класса, разоблачал преступный сговор французской буржуазии с прусскими юнкерами против Коммуны, клеймил кровавую жестокость ее палачей. Маркс предсказывал, что Коммуну «всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества» и что ее герои «навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса»[775].

Великое историческое значение Парижской Коммуны 1871 г. заключалось в том, что она была первым в истории опытом диктатуры пролетариата.

Опыт Коммуны убедительно показал необходимость самостоятельной политической партии пролетариата. В сентябре 1871 г. на Лондонской конференции Первого Интернационала была принята составленная Марксом и Энгельсом резолюция «О политическом действии рабочего класса». В этом документе подчеркивалось, что «против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами»[776].

«В ужасе от наследства» О. Домье.

Отстаивая в борьбе против оппортунистов учение Маркса и Энгельса и развивая его дальше, применительно к новой исторической эпохе – эпохе империализма, Ленин всесторонне изучал опыт революционного движения в России и в других странах. Много внимания уделял он изучению уроков Парижской Коммуны. «Дело Коммуны, – подчеркивал

[774] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч… т. 33, стр. 172.

[775] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366.

[776] Там же, стр. 427.

в 1911 г. Ленин, – это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно»[777].

В своем классическом труде «Государство и революция», анализируя опыт Коммуны 1871 г. с точки зрения задач пролетариата в вопросе о государстве, Ленин указывал, что «русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса»[778]. В статье «О двоевластии», опубликованной в апреле 1917 г., Ленин разъяснял, что Советы – «власть *того же типа,* какого была Парижская Коммуна 1871 года», перечислял «основные признаки этого типа»[779].

В докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров, представленном в январе 1918 г. III съезду Советов, Ленин напомнил о Парижской Коммуне и охарактеризовал ее как «первый опыт рабочего правительства», как «зачаток Советской власти»[780]. «Советская или пролетарская демократия родилась в России, – писал в 1919 г. Ленин. – По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой»[781].

Опыт Парижской Коммуны, подтвержденный и обогащенный опытом Великого Октября, сохраняет свое значение и в настоящее время.

Уже во время Коммуны рабочий класс Франции проявил себя как защитник ее подлинных национальных интересов и вместе с тем как борец за жизненные интересы пролетариата всех стран. «Патриотизм Коммуны неотделим от ее интернационализма».

Славные революционные традиции Парижской Коммуны – первого опыта диктатуры пролетариата в истории – живы до сих пор. Они вдохновляют рабочий класс и другие прогрессивные силы Франции в их борьбе за мир, за новую демократию, за социализм[782].

Столетняя годовщина Парижской Коммуны была широко отмечена в Советском Союзе, в других социалистических странах и на родине Коммуны – во Франции. «Парижская Коммуна – предвестница нового мира», – так определял значение пролетарской революции 1871 г. ветеран Французской коммунистической партии Жак Дюкло[783], председатель «Ассоциации друзей Парижской Коммуны».

9. Третья республика (1871–1899 годы)

«Республика без республиканцев»

---

[777] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 222.

[778] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 56.

[779] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 146.

[780] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 261.

[781] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 307.

[782] «Histoire du Parti communiste francais (Manuel)». Paris, 1964, p. 15.

[783] Jacques Duclos. La Commune de Paris a l’assaut du ciel. Paris, 1971, p. 7.

Революция 4 сентября 1870 г. и в особенности 72 дня Парижской Коммуны окончательно утвердили во Франции республиканский строй. Возврат к монархии был уже невозможен; народ да и значительная часть буржуазии не желали больше монархии, ни в одной из ее форм. Но парадоксальное своеобразие политической жизни Франции начала 70-х годов заключалось в том, что при антимонархических настроениях страны власть фактически находилась в руках монархистов, не скрывавших своего отвращения к республике и намерения восстановить во Франции режим монархии.

Национальное собрание, избранное в феврале 1870 г. для выполнения весьма ограниченной задачи – утверждения условий мира, продиктованных победителем – Германией, это собрание «реакционной деревенщины», и в 1870 г. не представлявшее подлинного мнения страны, выполнив свою миссию, отнюдь не склонно было сойти с политической сцены. Узурпировав права и власть, Национальное собрание и после подписания унизительного и тяжелого Франкфуртского мира продолжало выступать в самовольно присвоенной им роли высшего представительного и учредительного собрания страны[784].

В этом собрании, как уже говорилось, большинство принадлежало монархистам. Самые реакционные представители господствующих классрв, они после того, как при их деятельном участии была проиграна внешняя война против Германии и выиграна внутренняя – гражданская – война против собственного народа – Парижской Коммуны, – вновь обрели утраченную ими смелость. Им мало было мстительной расправы с побежденными коммунарами. До 1876 г. в Париже, да и в остальных городах Франции, действовали военно-полевые суды, приговаривавшие к смертной казни или верной гибели на каторге в Новой Каледонии десятки тысяч участников Коммуны или просто истинных французских патриотов, ставших жертвой доносов[785]. Они хотели уничтожить и республику, и демократические институты, и права, завоеванные народом в пяти революциях. Но, сходясь в своей вражде к народу и желании заменить республику монархией, они расходились в вопросе о форме монархии, или, вернее, о династии, которая должна была ее возглавить.

Три фракции монархистов соперничали между собой: легитимисты, орлеанисты и бонапартисты. Их взаимные распри, делавшие невозможным немедленное провозглашение монархии (если бы это зависело только от них), заставляли их по необходимости мириться с республикой. Старый орлеанист Тьер, став главой исполнительной власти, отдавал себе отчет в том, что в создавшемся положении во Франции возможна только республика. Конечно, она должна была быть консервативной. «Республика будет консервативной или ее не будет вовсе», – говорил Тьер. Консервативная республика это и была «республика без республиканцев», без республиканской конституции, без республиканских учреждений, без республиканского духа. Посол царской России князь Орлов после первого званого обеда у Тьера в пространном донесении в Петербург отмечал, что примечательной особенностью нынешнего главы французской республики является то, что он не скрывает, даже более того, как бы афиширует свое неодобрение республиканскому режиму[786].

Впрочем Тьер с его практическим умом понимал, что всякая попытка в сложившейся обстановке заменить республику монархией чревата серьезными осложнениями с неисчислимыми последствиями. Он твердо на этом стоял, и именно эта трезвая позиция и

---

784 См. «Парижская Коммуна 1871», т. I. М., 1961, гл. 7, стр. 230–272; «Murailles politiques francaises depuis le 4 septembre 1870», t. 1. Paris, 1873; «Annales de l’Assemblee nationale», t. 1–3. Paris, 1871; A. Thiers. Notes et. souvenirs. Paris, 1903; G. *May.* Le traite de Francfort… Paris – Nancy, 1909; G. *Hanotaux.* Histoire de la fondation de la Troisieme Republique, t. I. Paris, 1925; *Guillemin.* Cette curieuse guerre de 70. Paris, 1956.

785 P. Grousset et F. Jourde. Les condamnes politiques en Nouvelle-Caledonie. Geneve, 1871; A. Zevaes. Les proscrits de la Commune, Paris, 1936.

786 Архив внешней политики России, ф. Канцелярия, 1872 г., д. 80, лл. 9, 9а.

стала действительной причиной его конфликта с монархистским большинством собрания. 24 мая 1873 г. он должен был уйти в отставку, и его заменил на посту президента республики маршал Мак-Магон, герцог Маджента.

Старый маршал не слыл выдающимся умом Франции. Его военная репутация была еще менее безупречной, поскольку в его послужном списке значилось не только выигранное сражение в итальянской кампании, украсившее его имя, но и проигранные битвы в войне 1870 г., проигранная война, позор капитуляции Седана. Единственное, чем с должным основанием мог похвалиться генерал, – это свирепостью расправы над безоружными коммунарами и готовностью без рассуждений служить делу монархии, в какой бы форме она ни выступала.

Последнее было главной причиной, почему монархистское большинство собрания выбрало его. С таким президентом монархисты рассчитывали в кратчайший срок похоронить республику. Вопрос о династии, создававший им столько затруднений, был, наконец, разрешен путем соглашения между легитимистами и орлеанистами. Главою будущей королевской власти был признан граф Шамбор, он должен был войти на престол под громко звучащим именем Генриха V. Лучи славы Генриха Наваррского (Генриха IV) должны были озарить трон последнего представителя этой древней династии.

К осени 1873 г. все было подготовлено для восстановления монархии. Между легитимистами и орлеанистами была осуществлена «фузия», устранившая давнее соперничество двух конкурирующих монархистских партий. Роль генерала Монка добровольно брал на себя маршал Мак-Магон. Возглавляемый им государственный аппарат республики был поставлен на службу восстанавливаемой монархии. Все было подготовлено к торжественному провозглашению «законной власти», все вплоть до инициалов будущего короля на лампочках, которыми должен был быть иллюминован «ликующий Париж». Все было готово… если бы не непредвиденное инициаторами препятствие [787].

Народ Франции не хотел монархии. Французская буржуазия, умудренная опытом пяти революций, из которых две последние были еще свежи в памяти, не хотела испытывать судьбу и определенно высказывалась за сохранение республики. События осени 1873 г. подтверждали конкретным примером справедливость мысли В. И. Ленина о том, что французская буржуазия была перевоспитана, переделана французским народом из монархистской в республиканскую [788].

---

787 *P. C. Chesnelong.* Un temoignage sur un point d’histoire. La campagne monarchique d'bctobre 1873. Paris, 1895; *E. Daudet.* La verite sur l'essai de restauration monarchique. Paris, 1873 (оба автора – монархисты).

788 См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 84.

Мак-Магон. Карикатура

В сентябре в Париже и в ряде других городов Франции возникли «комитеты сопротивления». Газета Леона Гамбетта призывала всех республиканцев к объединению и сплочению против монархии [789]. За пределами легального сопротивления буржуазных республиканцев начиналось сопротивление народных масс, и оно, как показывал исторический опыт, являлось неодолимой силой. Ни рабочий класс, ни крестьянство, ни интеллигенция не хотели монархии – они этого не скрывали; не следовало ли опасаться новой гражданской войны? В этих грозных условиях престарелый претендент на трон решил отступить, не ввязываясь в бой. Он заявил, что, если белое знамя неприемлемо, он отказывается от трона. Вопрос о белом или трехцветном знамени, выдвинутый на передний план, был, конечно, только предлогом. Он давал благовидный повод, чтобы выйти из борьбы без ощутимых потерь.

Потерпев неудачу, монархисты, однако, не склонны были складывать оружие. В ноябре 1873 г. Национальное собрание провело закон о септенате, предоставлявший президенту семилетний срок полномочий. Монархисты надеялись, что они за этот срок сумеют в какой-либо подходящей форме достичь того, что не удалось в 1873 г.[790]

В 1873 г. Национальное собрание вынуждено было начать выработку конституции. Эта работа затянулась надолго, так как разнородное монархистское большинство не хотело республики, но не было в состоянии установить монархию. Наконец, 30 января 1873 г. большинством всего в один голос (353 против 352 голосов) Национальное собрание признало республику. Но эта принятая при столь парадоксальных обстоятельствах конституция Третьей республики оказалась одной из самых долговечных в истории республиканской Франции: она просуществовала свыше 60 лет, до начала второй мировой войны.

Конституция Третьей республики была менее демократичной, чем конституции Первой и Второй республик. В этом отражался процесс поправения буржуазии за истекшее время, а также исторические условия, в которых конституция была принята, – народ был лишен

---

[789] «La Republique francaise», N 671, 12.IX 1873; N 714, 25.X 1873.

[790] Жюль Симон писал в те дни: «Вы хотите за семь лет сделать то, что вам не удалось в течение трех месяцев» («Republique francaise», N 740, 20.XI 1873).

возможности непосредственно влиять на конституционное законодательство. Конституция 1875 г. устанавливала две палаты вместо одной, вводила частично институт пожизненных сенаторов[791], усиливала исполнительную власть в лице главы государства и подчиненных правительству местных органов, наконец, определяла место пребывания парламента и правительства не в столице, а в Версале, укрытом от взоров и страстей народа Парижа.

Но даже при всех своих недостатках утверждение республиканской конституции было косвенной победой народа и шагом вперед в общественном развитии Франции. Это не замедлило сказаться на первых же парламентских выборах 1876 г.: монархисты потерпели поражение, буржуазные республиканцы обрели в палате депутатов большинство.

Ежегодный митинг у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез в Париже. 1883. Картина И. Е. Репина

В эти годы, когда шла еще борьба за республику и исход ее не был ясен, буржуазные республиканцы во главе со своим знаменитым лидером Леоном Гамбетта обещали широкую программу демократических и социальных реформ. Они были щедры на обещания, ибо видели, что борьба еще не закончена, и понимали, что без поддержки народных масс, рабочего класса в особенности, им не одолеть своих противников справа. Так называемый «кризис 16 мая» это снова подтвердил.

Мак-Магон в 1877 г. чувствуя, как у него из-под ног ускользает почва, как слабеют позиции монархистов, попытался создать правительственный кризис, подвести страну к необходимости восстановления монархии[792]. Народ выступил против новой угрозы республике. Второй рабочий конгресс в Лионе единодушно высказался в поддержку республики. На перевыборах в палату депутатов сплотившийся блок республиканцев одержал внушительную победу. Надежды Мак-Магона на армию не оправдались. Он был вынужден отступить. В январе 1879 г., видя безнадежность своей позиции, Мак-Магон досрочно сложил президентские полномочия. Главою государства был избран один из влиятельных руководителей умеренных республиканцев, Жюль Греви.

Борьба за республику закончилась победой республиканцев. Эта победа не могла быть достигнута, если бы республику не поддержал рабочий класс. Французский пролетариат поддерживал республику не только косвенно – самым фактом своего существования, напоминавшим о прошлых революциях, начинавшихся с требования республики, грозной тенью Парижской Коммуны, нависшей над годами, последовавшими за «майской» неделей. Он вел за нее и прямую, непосредственную борьбу – республика была первой буквой в политическом алфавите рабочих требований.

После разгрома Парижской Коммуны рабочее движение во Франции было, казалось, отброшено на много лет назад. Пролетариат лишился не только своей лучшей, передовой

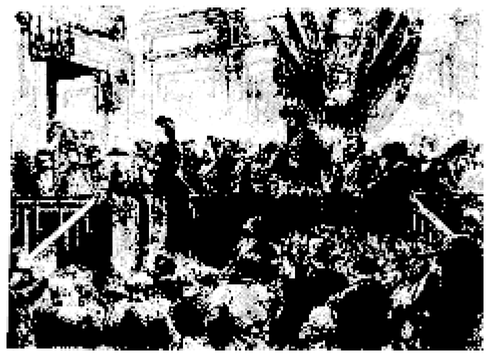
---

[791] Сенаторы избирались двустепенными выборами сроком на девять лет, с обновлением одной трети каждые три года. 75 сенаторов избирались пожизненно. Сенат был создан как консервативный противовес палате депутатов.

[792] A. Zevaes. Au temps du seize mai. Paris, 1932; Ch. de Freycinet. Souvenirs, t. I. Paris, 1913.

части, погибшей на баррикадах Коммуны или расстрелянной по приговору военно-полевых судов. До 1876 г. господствующие классы, солидарные в своей ненависти к коммунарам, через всю систему судилищ и полицейского сыска продолжали мстительное преследование участников героической борьбы рабочего класса весной 1871 г.

Реакция господствовала и в ином смысле. Она торжествовала и в рядах самого рабочего движения. Начавшие возрождаться с 1872–1873 гг. новые рабочие организации, преимущественно синдикаты или просветительные союзы, страшились не только всякого упоминания о революции, о Коммуне, они открещивались от всякой политической борьбы, они чурались даже слова «политика». Идейное влияние на синдикальные организации, возникшие в первой половине 70-х годов, приобрел Ж. Барбере, мелкобуржуазный реформист, отвергавший любую форму революционной деятельности и даже стачки считавший крайне вредными и опасными для рабочих. Позитивная программа Барбере предусматривала создание производственных кооперативов – в них он видел основной путь разрешения социального вопроса[793].

Рабочий конгресс в Париже в 1876 г.

Антиреволюционные идеи Барбере получили известное распространение среди рабочих, деморализованных и напуганных разгромом Коммуны или остававшихся во власти цеховых пережитков. В 1876 г. в Париже состоялся I рабочий конгресс, созванный синдикальными и кооперативными организациями, находившимися под идейным воздействием барберетизма. Знаменательно, что организаторы конгресса запретили участие в его работе интеллигентам; они опасались, как бы их не втянули в обсуждение политических вопросов. На конгрессе торжествовали идеи аполитизма, умеренного просветительства, надежды на мирное, постепенное улучшение условий жизни. Один из делегатов, рабочий Корсен, говорил на конгрессе: «Надо, чтобы крестьянин знал, что мы так же, как он, не хотим революции. Она не облегчает нашего положения и сеет только разрушения и нищету». Работница Гардуин заявляла: «Как Дантон требовал смелости, так мы требуем просвещения»[794].

Но, наряду с этими преобладавшими первоначально реформистскими, антиреволюционными направлениями, в недрах рабочего движения зарождались и новые тенденции. В 1873 г. в Париже сложилась небольшая группа социалистов, преимущественно из студентов (Г. Девилль, В. Марук и др.), получившая известность под именем «кружка на бульваре Сен-Жермен»[795]. Недостатком этой настроенной по-боевому социалистической

---

[793] I. Barberet. Le mouvement ouvrier a Paris de 1870 a 1874. Paris, 1879; idem. Le travail en France, t. I. Paris, 1886.

[794] «Seance du Congres ouvrier de France. Session de 1876 tenue a Paris du 2 au 10 octobre». Paris, 1877, p. 242, 429.

[795] O. *Zetkin*. Der Sozialismus in Frankieich seit der Pariser Kommune. Berlin, 1893, S. 8.

организации было отсутствие связей с рабочим классом. Но в 1876 г. в Париже стала выходить газета «Эгалите», редактируемая Жюлем Гедом, а позже и Полем Лафаргом. Значение этой газеты было очень велико. Оно было не только в том, что новый печатный орган был обращен к рабочим и, следовательно, пытался соединить социализм с рабочим движением, но главным образом тем, что это была газета, пытавшаяся распространить марксизм на французской почве [796].

При всех отдельных ошибках, промахах и просчетах Геда и Лафарга, которые порою подвергались критике Маркса и Энгельса[797], заслуги этих социалистов во французском и в международном рабочем движении в лучшую пору их деятельности были очень велики. Они были не только талантливыми пропагандистами и популяризаторами марксизма во Франции. С изумительной энергией и неутомимостью они делали все возможное, чтобы освободить французское рабочее движение от сковывавших его пут мелкобуржуазного реформистского социализма и перевести на прочные позиции научного коммунизма. Ценою упорных усилий Геду и Лафаргу удалось сплотить из довольно разнородных первоначально элементов блок коллективистов, отвергавших антиреволюционную идеологию и практику сторонников Барбере. Коллективисты в идейном отношении не были однородны; но, пока главной задачей было преодоление влияния барберетистских антиреволюционных тенденций, внутренние разногласия отодвигались, отходили на второй план.

На III рабочем конгрессе в Марселе в 1879 г. коллективисты одержали победу. Конгресс принял принципиально важные решения, объявив себя социалистическим рабочим конгрессом и признав необходимость создания самостоятельной рабочей социалистической партии[798].

В 1880 г. на съезде в Гавре было оформлено создание Рабочей партии. Партия приняла программу, вводную теоретическую часть которой написали Маркс и Энгельс[799]. В течение ряда лет программа Французской рабочей партии оставалась образцом для всего международного рабочего движения.

Развитие внутриполитической борьбы в стране в значительной мере осложнялось весьма напряженным внешнеполитическим положением. Франкфуртский мир не принес – да и не мог по самому своему характеру принести – истинного примирения между двумя соседними державами. Отторжение Эльзаса и Лотарингии не только лишало Францию двух промышленно развитых провинций, но и создавало стратегически крайне невыгодную конфигурацию ее восточных границ. Могли ли во Франции с этим примириться? Главные авторы Франкфуртского мира Бисмарк и Мольтке давали на этот вопрос отрицательный ответ. Они отдавали себе отчет в том, что продиктованные ими побежденной стороне условия завязывают новый узел противоречий [800]. И эти новые и ими же созданные противоречия они готовы были разрешать истинно прусским способом. Они заняли по отношению к Франции открыто враждебную позицию. Чуть что они бряцали оружием, провоцировали конфликты, создавали атмосферу военной тревоги. Следует считать весьма вероятным, что в окружении «железного канцлера», в верхах германской военщины в те годы были готовы вновь развязать против Франции превентивную войну, если только

---

[796] *И. Д. Белкин.* Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции. М., 1952.

[797] См., например, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35. стр. 185–191.

[798] Seances du Congres Ouvrier Socialiste de France, 3e session tenue a Marseille du 20 au 31 octobre 1879. Marseille, 1880; J. *Guesde.* Ca et la. Paris, 1914.

[799] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 246, 574–575.

[800] «Die Grosse Politik der europaischen Kabinette. 1871–1914» (далее – Gr. Pol.), Bd. I. N 95.

международная обстановка будет этому благоприятствовать[801].

Трудность внешнеполитического положения Франции определялась прежде всего тем, что после разгрома 1870–1871 гг. она не имела фактически боеспособной армии – надо было заново создавать всю военную систему, – а также союзников и оставалась, как это доказали испытания войны, в состоянии полной внешнеполитической изоляции.

В Берлине все это знали. Германский посол в Париже граф Арним в 1873 г. доносил, что французская шпага имеет в настоящее время не большую ценность, чем бельгийская[802]. Это положение более всего соответствовало интересам руководителей Германской империи. «Враждебность Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой», – цинично писал Бисмарк[803] и делал все от него зависящее, чтобы она такой оставалась.

Именно в этих целях германская дипломатия, поддерживаемая зависимой от правительства печатью, систематически, из года в год (в течение 1872–1875 гг.) провоцировала инциденты и конфликты с Францией, поднимала невероятный шум по поводу первых шагов к реорганизации французской армии, накаляла предельно политическую атмосферу, подталкивала ход событий до грани войны. Позднее Ромен Роллан, вспоминая то время, писал: «Не проходило года, чтобы зловещие птицы не предвещали нам войны на следующее лето». В его памяти сохранился «кулак бисмарковской Германии, занесенный над нашей юностью»[804].

Наиболее опасной для Франции стала спровоцированная Германией военная тревога 1875 г. Из донесений германских послов в Париже фон Арнима, Гогенлоэ германское военное и политическое руководство было хорошо осведомлено о том, что Франция в военном отношении столь слаба, что ни о каких активных действиях помышлять не может[805]. Тем не менее, придравшись к принятому в марте 1875 г. во Франции закону об увеличении состава полка с трех до четырех батальонов, германская печать, а вслед за ней и должностные лица подняли большой шум о якобы исходящей со стороны Франции угрозе. Фон Бюлов, статс-секретарь германского министерства иностранных дел, утверждал, что, если он лично готов поверить, что французы «не имеют в данный момент враждебных Германии намерений, то германский генеральный штаб смотрит на это иначе: он считает, что конечной целью [французских] вооружений является война против Германии, и учитывает все связанные с этим последствия»[806]. По-видимому, правящие круги Германии были склонны спровоцировать конфликт с Францией.

---

801 В. М. Хвостов. Дипломатия в новое время. «История дипломатии», т. II. М., 1963, Стр. 32–59; Gr. Pol., Bd I, N 22, 23, 24, 28; A. Waldersee. Denkwurdigkeiten…, Bd. I. Stuttgart – Berlin, 1925; H. Herzfeld. Deutschland und das geschlagene Frankreich. 1871–1873. Berlin, 1924.

802 «Le Proces d’Arnim. Recueil complet des documents politiques et autres pieces a I’audience public». Paris, 1875, p. 98–99.

803 Gr. Pol., Bd. I, № 95.

804 *Ромен Роллан.* Спутники. М., 1938, стр. 30.

805 О военной тревоге 1875 г. см.: *А.* С. *Ерусалимский.* Военная тревога 1875 г. – «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН». М., 1925; «История дипломатии», т. II; *Ю. В. Борисов.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. М., 1951; *А. 3. Манфред.* Традиции дружбы и сотрудничества. М., 1967, стр. 83-116. «Le Proces d’Arnim», p. 161; Gr. Pol., Bd. I, № 156; G. *Hanotaux.* Histoire de la France contemporaine, t. III. Paris, (s. a.); *H. Herzfeld.* Die deutsch-franzosische Kriegsgefahr von 1875. Berlin, 1922; *H. Holborn.* Bismarks europaische Politik zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz. Berlin, 1925.

806 Archives du ministere des affaires etrangeres (далее Arch, du min. des af. etr.), 079, Allemagne, Ambassade de France a Berlin, t. 17, p. 28a.

Дети фабрики

Напуганное опасностью, французское правительство обратилось в Петербург за поддержкой. Как и в 1873 г., и в 1874 г. оно возлагало основные надежды на умеряющее воздействие России на Германию. Хотя русский царь и был связан с германским и австро-венгерским монархами «союзом трех императоров», заключенным в 1873 г., интересы России не допускали дальнейшего усиления Германии, в особенности за счет Франции. Князь Горчаков в беседе с французским послом в Петербурге генералом Лефло 12 апреля 1875 г. вновь повторил свою известную, не раз произнесенную им формулу: «На все эти так называемые угрозы (он считал французские опасения несколько преувеличенными. – *Ред.)* может быть только один ответ – будьте сильными» [807] . Александр II, принявший французского посла через три дня, дал ему столь же успокоительные заверения: «Если бы Германия все же начала кампанию без причин или по ложному предлогу, то она оказалась бы перед лицом Европы в таком же положении, как Бонапарт в 1870 г.» И он добавил: «Я надеюсь, что наши отношения останутся такими же, как сегодня, – хорошими и сердечными… у наших обеих стран общие интересы…»[808]

В Берлине не могли не считаться с занятой Россией позицией. Развязывание конфликта с Францией было возможно – Бисмарк отдавал себе в этом ясный отчет – только при условии нейтралитета России. Это значило, иными словами, что провоцировать войну с Францией можно только с разрешения России. Германская дипломатия пыталась в начале 1875 г. добиться сделки с Россией: получить свободу рук против Франции в обмен за поддержку русских претензий на Ближнем Востоке. Эта попытка не имела успеха.

С начала военной тревоги 1875 г. русское правительство оказало политическую и моральную поддержку Франции. Более того, оно сделало прямое представление Берлину, дав ясно понять, что не одобряет враждебных Франции акций. Поскольку одновременно с обращением к русскому правительству Франция предприняла демарш и в Лондоне, английское правительство со своей стороны также высказалось в этом духе. Бисмарк, встревоженный таким развитием событий, забил отбой. Германская дипломатия была вынуждена отступить по всему фронту.

Понесенное поражение вызвало крайнее раздражение Бисмарка, в особенности против князя Горчакова, которого он считал главным виновником своей неудачи[809]. Однако и после провала 1875 г. политические и военные руководители кайзеровской Германии не оставили мыслей о повторении с лучшим результатом иеудавшейся в 1875 г. попытки. В 1877 г., когда

---

807 Arch, du min. des af. elr., t. 250. Russie, p. 207a-208 (ср. «Documents diplomatiques francais», 1 serie, t. 1, N 393).

808 Arch, du min. des af. etr., t. 250. Russie, p. 211.

809 См. О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. II. М., 1941, стр. 158–161.

Россия глубоко ввязалась в восточный кризис, Бисмарк, считая сложившуюся обстановку благоприятной для своих планов, возобновил свои предложения России. Сущность этих предложений очень точно определил Д. А. Милютин, в то время военный министр. Бисмарк «сулил полную поддержку свою России в восточном вопросе, не только дипломатическую, но и материальную, войском и деньгами, если только мы предоставим Германии беспрепятственно расправиться с Францией»[810].

Россия и на этот раз отвергла предложения Германии. Угроза агрессии со стороны Германии была вновь предотвращена. Однако намечавшееся было в 70-х годах стремление Франции к сближению с Россией не было осуществлено. В силу ряда причин внешняя политика Франции на какое-то время отклонилась от ранее избранного курса.

Гладильщица. Анри де Тулуз-Лотрек

Со времени мирового экономического кризиса 1873 г. в экономическом развитии Франции произошли существенные изменения.

На протяжении почти всего XIX в. Франция занимала по уровню промышленного производства второе место, уступая, хотя и значительно, лишь Англии. В конце XIX в. она занимала в мировом промышленном производстве уже четвертое место, а по темпам прироста промышленной продукции стала значительно отставать от стран более молодого капитализма – США, Германии, России и др.

Замедление промышленного развития страны стало одной из отличительных особенностей французской экономики конца века.

Например, по производству чугуна Франция и Германия стояли на довольно близких позициях. Во Франции в 1869 г. было произведено 1381 тыс. т чугуна, а в Германии лишь немногим больше – 1413 тыс. т. 30 лет спустя, в 1899 г., производство чугуна во Франции удвоилось – оно составило 2578 тыс. т[811]; в Германии за это же время оно увеличилось почти в 6 раз и составило в 1899 г. 8143 тыс. т. Такое же отставание в темпах роста промышленности наблюдалось и в ряде других отраслей тяжелой индустрии.

Чем это объяснялось? Тут действовал комплекс причин. Сказывался прежде всего значительный урон, нанесенный хозяйству страны войной 1870–1871 гг. и огромной по тем временам – пятимиллиардной – контрибуцией, выплаченной победителю. Бесспорно тяжелое

---

810 Д. А. Милютин. Дневник, т. II. М., 1950, стр. 144.

811 «Annuaire statistique. Statistique generale de la France». Paris, 1900, p. 494.

влияние на экономику страны в целом имело и отторжение от Франции двух промышленно наиболее развитых провинций – Эльзаса и Лотарингии. Замедление темпов промышленного роста страны должно быть поставлено также в связь с особенностями аграрного развития Франции, в частности с развитием и распространением парцеллярного хозяйства [812]. Порожденные системой парцелльного хозяйства ограниченность, узость остававшегося почти застойным внутреннего рынка, не стимулировавшего быстрого промышленного роста, также должна быть принята во внимание. Наконец, известное значение имела слабость естественных ресурсов – бедность углем и невысокое качество (до применения способа томасирования) железной руды. Франция должна была ввозить в страну уголь и, до определенного времени, железо, что ставило, понятно, французскую тяжелую промышленность в невыгодное положение по сравнению с конкурирующими с нею странами. Эти же причины предопределили и особенности французской промышленности.

Конечно, и во Франции, как и в других капиталистических развитых странах, конец XIX в. был отмечен ростом процесса концентрации производства. Крупнейшим центром металлургической и военной, в частности, промышленности стали предприятия Шнейдера в Крезо, непрерывно расширявшиеся. Другим мощным центром металлургической промышленности стали заводы в Лонгви (на северо-востоке Франции), объединившиеся в 1876 г. в крупный металлургический синдикат. Тогда же – в 70-х годах – возник ряд акционерных компаний в других отраслях промышленности.

Однако при всех этих процессах, подтверждавших, что и во Франции совершался переход капитализма к монополистической стадии развития, ее промышленность, как и экономика в целом, сохранила ряд своеобразных черт. Это сказывалось прежде всего в особенности структуры промышленности. Наряду с крупным производством по-прежнему значительную роль играли средняя и мелкая промышленность. Наиболее многочисленные мелкие предприятия обнаруживали большую живучесть. Производство так называемых «парижских изделий» – предметов роскоши и моды, одежды и других предметов потребления – было сосредоточено преимущественно на мелких предприятиях. Но эти старые традиционные отрасли производства, опиравшиеся на завоеванную репутацию на внутреннем и международном рынках, по самому своему характеру, не требуя ни солидной энергетической базы, ни особой технической вооруженности, оказывались порою более конкурентоспособными, чем предприятия тяжелой промышленности. Отсюда их устойчивость, их живучесть.

Замедление темпов промышленного развития страны и количественное преобладание мелкого и среднего производства, будучи следствием определенных исторических условий, в свою очередь оказывали обратное влияние и на развитие сельского хозяйства.

Если исходить из данных официальной статистики, то Францию в конце XIX в. следует считать все еще аграрно-индустриальной страной. В 1876 г. сельское население составляло 67,9 % всего населения. 20 лет спустя, в 1896 г., оно, по официальным данным, было равно 60 %. Однако цифры эти в значительной мере условны [813]. Самодеятельное сельское население было в действительности меньшим. В конце XIX в. собственно в сельском хозяйстве было занято уже менее половины населения[814].

---

[812] Следует напомнить в этой связи, что еще Маркс указывал, что система парцеллирования прямо и косвенно задержала развитие промышленности (см, «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 249).

[813] По официальному определению французской статистики, «городским должно считаться население каждой местности, имеющей более 2 тыс. жителей, связанных вместе, а сельским – каждая община, количество жителей которой ниже этого числа». Нетрудно представить, что в числе населенных пунктов, имеющих менее 2 тыс. жителей (и числящихся, следовательно, как сельские), было немало городских поселков.

[814] «Statistique agricole de la France, publiee par le Ministere de l’Agriculture… Resultats generaux de l’enquete decennale de 1892». Paris, 1897; *Flour de Saint-Cenis.* La propriete rurale en France. Paris, 1902; *A. Compere Morel.* La question agraire et le socialisme en France. Paris, 1912; *Auge-Laribe*- L'evolution de la France agricole. Paris, 1912;

Дробление крестьянской собственности на протяжении столетия привело к преобладанию парцеллярного и мелкого хозяйства в деревне. Хозяйство с наделом земли меньше 1 га и от 1 до 10 га, т. е. парцеллярные и мелкие хозяйства, по переписи 1892 г., составляли 85 % всех хозяйств. Весьма многочисленны были также безземельные крестьяне. Сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев, по данным Компер-Мореля, насчитывалось около 4 млн.

В литературе вопроса приводилось немало разных подсчетов распределения земельной собственности во Франции. Сближая эти расчеты и округляя цифры, можно считать, что количественно немногочисленные крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне, т. е. капиталистические хозяйства, занимали 75 % сельскохозяйственной территории, а середняки, бедняки и рабочие с наделом, количественно (по числу хозяйств) в пять раз превосходившие первых, имели лишь 25 % сельскохозяйственной территории, т. е. в 3 раза меньше. Таким образом, во Франции шел, хотя и медленно, процесс концентрации земельных владений и параллельно рост числа парцеллярных хозяйств. Крайнее раздробление земельной собственности, затруднявшее применение сельскохозяйственной техники и иных усовершенствований, конкуренция дешевого заокеанского хлеба и фальсифицированных дешевых вин, сбивавших цены на рынке, привели к затяжному кризису сельского хозяйства во Франции, преодоленному лишь в начале XX в.

Оставаясь страной относительно отсталого сельского хозяйства и медленных темпов промышленного развития, Франция конца XIX в. была вместе с тем обладательницей огромного денежного капитала. Денежная аристократия уже давно, со времен Июльской монархии, была крупной силой. Но в конце XIX в. обнаружилось нечто новое. Уже не индивидуальный капитал, не алчные, упорные, одержимые манией обогащения стяжатели-ростовщики, вроде Гобсека или Нюсингена из галереи образов «Человеческой комедии» Бальзака, даже не казавшаяся в середине века всесильной биржа господствовали в финансовом и «деловом» мире. Власть, решающая роль переходит в конце века к крупным банкам. Несколько больших, ведущих банков подчиняют себе финансовые учреждения страны, контролируя их через акционерные общества, через сберкассы, через «дочерние» банковские учреждения.

Французские банки, достигшие еще в середине века значительной мощи, к концу столетия сосредоточили в своих руках огромные многолетние накопления капиталов и сбережений различных слоев. За тридцать с лишним лет стоимость ценных бумаг, принадлежавших французским капиталистам, поднялась с 33 млрд, франков в 1869 г. до 85-100 млрд. фр. в 1906 г.[815]

Процесс концентрации банковского хозяйства шел значительно быстрее концентрации промышленности. Уже в 80-90-х годах вся банковская система во Франции фактически находилась под контролем и в той или иной мере и зависимости от четырех крупнейших банков: Национальной учетной конторы, Лионского кредита, Генерального общества и Парижско-Нидерландского банка. Судьба этих могущественных банков была неодинаковой; но каким бы метаморфозам они ни подвергались, могущество финансовой олигархии возрастало. Всесилие банков вело к господству узкого круга финансовых королей – Ротшильдов, Верне, Мале и **т.** д. – богатейших семейств, тесно связанных родственными связями, но конкурирующих между собой. Главенствуя в нескольких крупнейших банках, они подчиняли себе всю банковскую систему и связанные с ней отрасли

Ю. Г. Тройский. Эволюция структуры сельскохозяйственного производства во Франции за последнее столетие. – «Проблемы всеобщей истории». Казань, 1967, вып. 1; он *же.* Крестьянское движение во Франции в конце XIX в. – «Уч. зап. по новой и новейшей истории», т. III. М., 1957; *А. Шнеерсон.* Аграрный вопрос во Франции. М., 1948.

815 *A. Neymarh.* La situation iinanciere cle la France. Paris, 1908, p. 24. В эти суммы не включены французские капиталы, инвестированные за границу.

промышленности[816].

Однако огромные капиталы, сконцентрированные французскими банками, лишь в незначительных размерах шли на оплодотворение отечественной экономики. В. И. Ленин писал: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны»[817]. Это глубокое обобщение В. И. Ленина, данное им в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма», полностью подтверждается примером Франции. Французские финансисты предпочитали не помещать капиталы во французскую промышленность и сельское хозяйство, так нуждавшееся в них, а вывозили их за границу.

В 70-х годах французские капиталы вкладывались в Турцию, в строительство железных дорог в Испании, в страны Латинской Америки. С конца 70-х – начала 80-х годов крупные французские капиталы устремились в Австро-Венгрию, в Россию – в угольные копи Польши, в Донбасс, в железные рудники Кривого Рога, в предприятия Горловки; они проникали в горнодобывающую, нефтяную промышленность, в городское хозяйство России. За 20 лет с 1869 по 1890 г. французский капитал, помещенный за границей, удвоился и достиг крупной суммы – 20 млрд. фр.

С 80-х годов французский экспорт капитала стал принимать преимущественно характер вывоза ссудного капитала. Это значило, что большая часть экспортируемых капиталов уже не вкладывалась в иностранную промышленность, а вывозилась в форме государственных займов – на процентах. Начиная с 1888 г. французские банкиры стали предоставлять крупные займы царскому правительству на весьма выгодных условиях. Тем самым французский экспорт капитала приобретал ярко выраженный ростовщический характер. Позже В. И. Ленин определит французский империализм как ростовщический[818]. Ростовщический характер французского экспорта капитала задерживал экономическое развитие страны, консервировал экономический уклад Франции – большой удельный вес мелкого производства в промышленности и сельском хозяйстве, наряду с немногочисленными высокоразвитыми промышленными предприятиями и концентрированным банковским хозяйством.

Наконец, предваряя последующее изложение, отметим пока в общей форме, что одновременно с развитием финансового капитала начинается интенсивная колониальная экспансия. Между двумя этими процессами существовала несомненная связь. В. И. Ленин на нее прямо указывал: «Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие *финансового* капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века обострение аннексионистской (колониальной) политики»[819]. Именно в конце XIX в. Франция совершает самые крупные колониальные захваты и становится обладательницей второй в мире, после Англии, колониальной империи[820].

---

[816] J. *Bouvier*. Les Rothschild. Paris, 1960; *idem*. Le Krach de l'Union Generale 1878–1885. Paris, 1960; *idem*. Le Credit Lyonnais de 1863 a 1882, v. I–II. Paris, 1961; J. *Lescure*. Epargne en France. Paris, 1914; *Lysis*. Contre l'oligarchie financiere en France. Paris, 1908; *A. Raffalovich*. Le marche financier en 1894/1895. Paris, 1895; C. *Hegemann*. Die Entwicklung des franzosischen Grossbankbetriebes. Munster, 1908; *B. Mahrens*. Die Entstehung und Entwicklung der grossen franzosischen Kreditinstitute. Stuttgart-Berlin, 1911; *Ю. Б. Соловьев*. Франко-русский союз в его финансовом аспекте (1895–1900). – «Французский ежегодник. 1961». М. 1963.

[817] *В, И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 360.

[818] *В. И. Ленин*. Поль. собр. соч., т. 27, стр. 362.

[819] Там же, стр. 389.

[820] В 1880 г. французские колониальные владения составляли: по площади – 0,7 млн. кв. миль, по населению – 7,5 млн. человек, в 1899 г. их площадь составляла уже 3,7 млн. кв. миль, а население – 56,4 млн.

Эти особенности экономического развития Франции в конце XIX столетия накладывали отпечаток и на ее социальное развитие. В стране зрелого капитализма, вступавшего в монополистическую стадию, рядом с могущественной финансовой буржуазией, рядом с сильной промышленной, колониальной и землевладельческой буржуазией и – на другом полюсе – неоднородным по своему составу, но весьма активным, опиравшимся на боевые революционные традиции пролетариатом, большое место занимали многочисленные промежуточные социальные группы: сельская и городская мелкая буржуазия и так называемые «средние слои» Такая расстановка классовых сил в значительной мере определяла и развитие политической борьбы в Третьей республике.

«Республика буржуазных республиканцев»

Вынужденная отставка Мак-Магона в 1879 г. и избрание президентом Жюля Греви знаменовали новый этап в истории Третьей республики. Угроза реставрации монархии, нависавшая в 70-е годы над страной, была отныне снята. Республиканский строй утвердился; ему больше не угрожала никакая опасность. Наступило новое время, время «республики республиканцев», когда уже никто не препятствовал, не мешал осуществлению давно возвещенной программы реформ. Народ, вынесший на своих плечах главную тяжесть борьбы за республику, с нетерпением ожидал широких демократических преобразований, обещанных республиканскими лидерами в дни острых схваток с монархистско-реакционными силами.

Отражением общественных настроений тех лет была огромная популярность в народе, в стране великого поэта Виктора Гюго. Избранный в январе 1876 г. сенатором, Гюго мужественно выступал против сил реакции, требовал амнистии коммунарам, отстаивал требования демократии. Празднование 80-летия Гюго в 1882 г. превратилось в грандиозную национальную демонстрацию.

Однако буржуазные республиканцы, достигнув власти, не обнаруживали торопливости в реализации ранее данных обещаний. Уже на пороге прихода к власти Леон Гамбетта дал понять, что правительственная политика республиканцев не будет полностью соответствовать их прежним обещаниям. «Я человек правительства, а не оппозиции, – говорил Гамбетта 7 января 1878 г. в Марселе, – чего я хочу, это – прихода к власти французской демократии, так как один год власти плодотворнее десяти лет героической оппозиции»[821]. Это было как бы предвосхищением последующей политики оппортунизма. Но Леон Гамбетта, самый влиятельный и популярный из буржуазных республиканцев, не был в их среде самым умеренным, и потому возглавляемая им группировка «республиканский союз» фактически осталась за пределами правительства.

Непосредственное руководство правительственным аппаратом оказалось в руках наиболее правой части умеренных республиканцев – так называемого «левого центра». Им поручил новый президент республики Жюль Греви формирование кабинета, и это соответствовало его собственным политическим настроениям. Люди разных, даже противоположных взглядов сходились на том, что отличительными чертами президента «республики республиканцев» была его личная честность и его … буржуазность. Правый историк Бенвилль писал, что Жюль Греви – это «само олицетворение умеренности, скромности и буржуазного благоразумия»[822]. Свидетель из противоположного лагеря бывший видный деятель Парижской Коммуны, руководитель партии бланкистов Эдуар

(см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 374).

[821] J. *Reinach.* Le ministere Gambetta Paris. 1884, p. 122.

[822] J. *Bainville.* La troisieme Republique. Paris, 1935, p. 86.

Вайян подчеркивал у Греви ту же черту: «Его (Греви) буржуазность очевидна, огромна»[823].

Не удивительно поэтому, что президент поручил формирование правительства одному из самых консервативных и осторожных представителей умеренных республиканцев, Генри Ваддингтону. В предшествующем кабинете Дюфора Ваддингтон был министром иностранных дел и прославился на этом посту главным образом тем, что во время Берлинского конгресса 1878 г., к удивлению современников, более всего старался установить дружбу с Бисмарком: недаром князь Орлов писал, что французский министр иностранных дел – «англичанин по рожденью и вкусам и пруссак из страха»[824].

Конечно, не случайно, что, возглавив правительство, Ваддингтон попросил остаться на своем посту министра финансов, занимавшего ранее эту должность крупнейшего миллионера Леона Сэ.

Правительство Ваддингтона, находившееся у власти в течение десяти месяцев (февраль – декабрь 1879 г.), за это время успело провести лишь одну прогрессивную меру из многих обещанных в свое время буржуазными республиканцами – Правительство и парламент перенесли свое местопребывание из Версаля в Париж.

Неудовлетворенность народа правительственной политикой побудила Греви поручить руководство кабинетом более гибкому политику – Шарлю де Фрейсине, возглавлявшему во время войны вместе с Гамбетта штаб обороны в Туре и слывшему человеком, близким к левым кругам. Но Фрейсине, открыто не порывая, сумел незаметно отдалиться от Гамбетта и от левых. «Человек эллипсов и кривых», как его называли журналисты, мастер сглаживания острых углов, Фрейсине искал срединную, примиряющую линию. Возглавляемое им правительство, находившееся у власти целый год (сентябрь 1879 г. – сентябрь 1880 г.), что по тем временам во Франции было необычным, провело целый ряд реформ[825].

Фрейсине, ранее противившийся амнистии коммунарам, убедившись, что это требование, поддержанное всем народом, приобретает угрожающий характер, уже в июле внес в палату проект полной амнистии. В защиту амнистии в палате выступал Распайль, в сенате горячую речь произнес Виктор Гюго[826]. Герои Парижской Коммуны, внушавшие страх многим буржуа [827], вернулись на родину и заняли почетные места в рядах демократического движения. День взятия Бастилии-14 июля – был официально провозглашен национальным праздником республики. «Марсельеза» стала государственным гимном. Правительство объявило распущенными иезуитские общества, а другие религиозные конгрегации были поставлены под его контроль.

Законы, проведенные правительством Фрейсине, были встречены сочувственно народом. Это были внешне эффектные меры – вся Франция пела с воодушевлением «Марсельезу», вся страна с большим подъемом впервые отпраздновала 14 июля как национальный праздник. Беда была в другом – эти меры были недостаточны; они были лишь малой долей обещанной программы реформ, требований, выдвигаемых народом.

---

[823] «Ni Dieu – ni Maitre», 4.XI 1880.

[824] «Русско-германские отношения 1873–1914» (Документы из секретного архива б. министерства иностранных дел). М., 1922, стр. 88.

[825] О деятельности Фрейсине см. прежде всего его собственные мемуары: *Ch. M. Freycinet.* Souvenirs, t. II, 1878–1893. Paris, 1913, а также многочисленные свидетельства современников.

[826] См. *Виктор Гюго.* Собр. соч., т. 15. М., 1956, стр. 681–683.

[827] Возвращение коммунаров порождало в буржуазных кругах такой страх, что в правительстве даже обсуждали проект назначения генерала Галифе губернатором Парижа (см. *J. Adam Lambert).* Apres l’abandon de la Revanche. Paris, 1908, p. 307).

И следующее правительство – первое правительство Жюля Ферри (сентябрь 1880 г. – октябрь 1881 г.) было вынуждено продолжать буржуазно-демократические реформы. Были проведены через парламент законы о свободе собраний, закон о свободе печати, отменявший обязательные раньше денежные залоги для издания газет; была осуществлена широкая реформа народного образования. Министерство Ферри осуществило на практике роспуск религиозных конгрегаций, с которыми Фрейсине вел преимущественно словесную борьбу. Были приняты и проведены в жизнь законы об обязательном светском обучении детей от 7 до 13 лет, о светском среднем женском образовании и т. д.

Конечно, все эти реформы 1879–1881 гг. имели прогрессивное значение и способствовали в известной мере демократизации политического строя Третьей республики. Но они далеко не соответствовали ни ожиданиям народа, ни старой республиканской программе. Буржуазные республиканцы смогли прийти к власти лишь благодаря поддержке народа. В течение многих лет они обещали проведение широких реформ: демократизацию конституции, уничтожение верхней палаты, ликвидацию должности президента, широкое социальное законодательство, охрану интересов труда, изменение налоговой политики, отделение церкви от государства и т. п. Получив на выборах, благодаря поддержке народа, прочное большинство в парламенте и почувствовав себя вполне уверенно, буржуазные республиканцы сочли, что теперь следует строго дозировать осуществление программы реформ. Они намеренно, вполне обдуманно затягивали проведение реформ, ограничиваясь либо самыми необходимыми, либо второстепенными мерами, сопротивляясь, сколь возможно, осуществлению главных пунктов своей предвыборной программы. По свидетельству вполне авторитетного в этих вопросах Шарля Фрейсине, Жюль Ферри уже в период своего первого министерства был убежденным противником реформ. «Невозможно каждое утро делать революции, нельзя каждый день изобретать новости», – говорил Ферри[828]. Реформы, проведенные правительством Ферри, доказывали не его склонность к широким демократическим преобразованиям, как это утверждали его биографы-апологеты[829], они были вырваны у правительства пролетариатом, народом.

Программа буржуазных республиканцев, после того как они стали «партией власти» и перестали быть оппозицией, была уже совсем иной. «Не будем приносить наших интересов в жертву нашим симпатиям. Будем сильными и будем богатыми – вот цель, к которой должны мы стремиться», – говорил Жюль Ферри[830]. Это была в сущности перефразированная старая программа Гизо: «Обогащайтесь!», «Будем сильными и будем богатыми!» Эти призывы примерно одинаковы по содержанию.

Салтыков-Щедрин, посетивший как раз в эти годы Францию, метко и зло определил дух, господствующий «в республике республиканцев»: «…вместо проклятых вопросов, самая благонадежная каплунья мудрость!.. Теперь у него (французского буржуа. – *Ред.)* своя собственная республика, республика спроса и предложения, республика накопления богатства и блестящих торговых балансов, республика, в которой не будет ни „приключений“… ни горизонтов… Эта республика обеспечила ему все… обеспечила сытость, спокой и возможность собирать сокровища»[831]

Эта «республика накопления богатств» искала возможности собирать сокровища не только у себя дома, но и за морем Она вставала на путь энергичной колониальной экспансии. Весною 1881 г. правительство Жюля Ферри, действуя в интересах финансовых групп и

---

828 *Ch. de Freycinet.* Souvenirs, t. П, p. 189.

829 См., например, *A. Rambaud.* Jules Ferry. Paris, 1903.

830 Цит. по: *R. David.* La Troisieme Republique… Paris, 1934, p. 158.

831 *М. Е. Салтыковь-Щелуин.* За рубежом. М., 1935, стр. 407.

опираясь на политическую и дипломатическую поддержку бисмарковской Германии, организовало военную экспедицию в Тунис. Поводом для нее послужили якобы имевшие место нападения воинственного племени крумиров на французских солдат, охранявших границы Алжира. Анри Рошфор был недалек от истины, когда на страницах своей газеты, в статье «Ищите крумиров» писал, что «крумиров выдумали, их нет … мы идем сражаться против невидимого врага» и что «правительство Ферри дало бы 30 тыс. фр. тому, кто показал бы хоть одного живого крумира»[832].

Тем не менее в апреле 1881 г. французские дивизии вторглись на территорию Туниса, вслед за тем 2 мая был высажен 8-тысячный десант под командованием генерала Бреара; не встречая сопротивления, французские войска окружили дворец бея, расположили против него две артиллерийские батареи, после чего генерал Бреар дал бею на подпись «договор о союзе». Бей, не дожидаясь истечения срока в несколько часов, предоставленного ему для перевода документа, поставил подпись под этим «договором». «Договор» в Бардо 12 мая 1881 г. устанавливал протекторат Франции над Тунисом[833].

Последовавшая за этим «договором о союзе и гарантиях» оккупация Туниса французскими войсками привела к восстанию туземных племен, заставивших французские войска втянуться в несправедливую длительную истребительную войну, стоившую и французской стороне весьма дорого – людские жертвы и материальные потери были велики.

Ближайшим внешнеполитическим последствием оккупации Туниса было, как и рассчитывал Бисмарк, подталкивавший Францию к захвату Туниса[834], резкое обострение франко-итальянских отношений. Заключенный еще в октябре 1879 г. союз между Германией и Австро-Венгрией, направленный против Франции и России, был теперь стараниями германской дипломатии расширен. Двойственный союз был превращен в Тройственный – к нему присоединилась Италия. 20 мая 1882 г. был заключен договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией. И хотя германская пресса, маскируя истинную сущность, называла союз срединных монархий «лигой мира», в действительности образование Тройственного союза означало создание в Европе агрессивной военно-политической группировки держав, возглавляемой Германией[835].

Внешнеполитические позиции Франции заметно ухудшились.

На парламентских выборах 1881 г. республиканцы одержали полную победу над монархистами. Республиканцы получили 457 мест в палате депутатов против 90 мандатов разных монархистских группировок. Но на этих выборах против умеренных республиканцев выступали отделившиеся от них радикалы. Крайне левые, или радикалы, во главе со своим лидером Жоржем Клемансо (1841–1929) выдвинули требования старой республиканской программы, от которых практически отказались умеренные республиканцы, дополнив их рядом программных пунктов Рабочей партии. Главными требованиями радикалов на выборах 1881 г. были демократический пересмотр конституции, прогрессивно-подоходный налог, социальное страхование рабочих, отделение церкви от государства. В области внешней политики радикалы, прежде всего Клемансо – один из лучших ораторов палаты,

---

[832] H. Rocheforl. Les aventures de ma vie, t. IV. Paris, (s. a.), p. 244.

[833] «Ministere des Affaires Etrangeres. Documents Diplomatiques. Affaires de Tunisie. 1870–1886». Paris. 1881, Doc. Dtp. Fr., Affaires de Tunisie, avril-mai 1881. Paris. 1881; Doc. Dtp Fr., t. III, N 353, 355, 358, 382, 416–417, 428–429, 436, 442, 455, 456, 465, 472; Doc. Dip. Fr., t. IV, N 2, 9, 21; «Annales de la Chambre des Deputes… 1881», t. III. Paris, 1882, p. 129–139, 152–156.

[834] Doc. Dip. Fr., t. II, N 369; Gt. Fol., Bd. III, N 657; J. Adam. Apres l’abandon de la Revanche, p. 70–77; А. З. Манфред. Внешняя политика Франции, 1871–1891. М. 1952. стр. 226–335.

[835] «История дипломатии», т. II. стр. 134–188; *A. Billot.* La France et l'Italie. Histoire des annees troubles 1881–1899, t. I–II. Paris, 1905.

решительно осуждали колониальную политику и требовали сосредоточения всех сил страны для предстоящей борьбы с Германией. Радикалов поддерживали средняя и мелкая буржуазия и часть рабочих, первоначально даже довольно значительная.

Поскольку на выборах 1881 г. из всех буржуазно-республиканских партий наибольшее число голосов получил «республиканский союз» Леона Гамбетта, ему было поручено сформировать кабинет.

Кабинет Гамбетта, впервые возглавившего правительство, еще до его образования прозвали «великим министерством». От него ожидали многого. Однако правительство знаменитого лидера республиканцев продержалось у власти всего 73 дня. Уже при формировании правительства (ноябрь 1881 г.) Гамбетта столкнулся с немалыми трудностями. Возглавляемая Жюлем Ферри «республиканская левая» и другие партии буржуазных республиканцев отказались от вхождения в состав правительства. Гамбетта должен был составить кабинет только из членов Республиканского союза. Предложенный Гамбетта проект пересмотра конституции не удовлетворил ни левых, ни правых. Палата отвергла проект, и Гамбетта должен был уйти в отставку[836]. Вскоре при обстоятельствах, все еще не вполне выясненных, он умер.

У мусорного ящика. Т. Стейнлен

В феврале 1883 г. к власти снова пришел Жюль Ферри. Второе правительство Ферри было одним из длительных – оно продержалось до апреля 1883 г. Считаясь с растущим общественным недовольством и настроениями палаты, правительство Ферри должно было пойти на некоторые реформы: был упразднен институт пожизненных сенаторов, был принят закон о свободе профессиональных союзов (1884 г.), была установлена выборность мэров. Но эти законы прогрессивного характера были проведены в палате главным образом усилиями левых парламентских групп, считавшихся с повышением политической температуры в стране.

Второе правительство Жюля Ферри начало свою деятельность в момент обострения экономических трудностей и социальных противоречий. Банкротство в январе 1882 г. банка «Юнион женераль» и последовавший за этим «великий крах» в банковском мире были лишь началом острого экономического кризиса, охватившего все отрасли хозяйства и затянувшегося на долгие месяцы[837].

---

[836] L. Gambella. Discours et plaidoyers politiques, t. VII–XI. Paris, 1883–1885; idem. Letrres… recueillies et annotees par D. blalevy et E. Pillias, Paris, 193.8. *J. Reinach.* Le ministere Gambetta. Paris. 1884.

[837] *J. Bouvier.* Le krach le l’Union generale. 1878–1885. Paris, 1960; «Annuaire statistique», v. 20. Paris, 1900, p. 492–494; «L'Economiste francais», 1882–1883.

Экономический кризис повлек за собой ухудшение положения трудящихся и, как следствие этого, подъем массового рабочего движения. В 1882 г. было зарегистрировано наибольшее число забастовок с начала Третьей республики-182; в них участвовало свыше 40 тыс. рабочих[838]. Несмотря на то, что большинство стачек закончилось поражением рабочих, в следующем, 1883 г. забастовочная борьба рабочих продолжалась с возрастающим упорством. Крупная, отличавшаяся большим ожесточением забастовка развернулась в 1884 г. на угольных копях Казимира Перье в Анзене. Правительство Ферри – впервые после подавления Коммуны – двинуло против бастующих войска. То же самое повторилось в 1886 г., когда снова была применена военная сила против бастующих горняков в Деказвилле[839]. Новый лозунг, выдвинутый Ферри, – «опасность слева» (в речи 14 октября 1883 г. в Гавре) – был направлен не столько против радикалов, как это нередко изображается в литературе, сколько против пролетариата, против «социальной опасности»[840].

Разрыв между буржуазными республиканцами, переходящими от саботажа реформ к консервативной политике и открытому применению репрессий, и рабочим классом, против которого направлялись удары карательной политики «республики республиканцев», становился все более полным.

Рабочие освобождались от иллюзий. Буржуазные республиканцы, в которых они видели в 70-х годах, в период борьбы против монархистов, своих Союзников, теперь предстали в истинном свете. «Оппортунизм (т. е. буржуазный республиканизм. – *Ред.)* все более и более разоблачается как воинствующий авангард реакции…», – писал в январе 1881 г. Эдуар Вайян [841]. Еще более резко выступала Луиза Мишель. «Враг – это Гамбетта!» – заявила она 17 декабря 1880 г., перефразируя старый лозунг Гамбетта – «клерикализм – вот враг!» Последующая политика сменявших друг друга правительств буржуазных республиканцев еще более способствовала освобождению рабочего класса от наивных иллюзий прежних лет.

Жюль Гед

838 «L’Ecoiiomisie francais», N 12, 22. III 1890, p. 365; «L’Egalite», N 3, 26.X 1882.

839 «Almanach rie la question sociale pour 1892». Paris, 1893; *E. Dolieans.* His toire du mouvement ouvriere. 1871–1936. Paris, 1948.

840 *A. Rambaud* Jules Ferry, p. 205.

841 *Dieu* – ni Maine, N 27, 2.1 1881.

Классовая зрелость пролетариата росла. Это проявлялось не только в подъеме массового рабочего движения, но и в распространении социалистических идей в пролетарской среде, в успехах Рабочей партии.

Возглавляемая Жюлем Гедом и Полем Лафаргом Рабочая партия стала первой во Франции пролетарской партией, открыто провозгласившей верность марксизму. Заслуги Геда и Лафарга в популяризации и пропаганде идей марксизма на французской почве в тот период были весьма велики. Гед не щадил себя: он отдавал себя целиком делу служения рабочему классу; живя в нужде, превозмогая болезни, он неутомимо выступал на сотнях рабочих собраний, терпеливо разъяснял рабочим их задачи, убеждал колеблющихся, приобщал к социализму все новые и новые слои пролетариев. Жюль Гед писал весной 1879 г. Марксу: «Перерубить канат, который удерживает еще наших трудящихся в фарватере радикализма или буржуазного якобинизма, и показать им всю никчемность полюбовных или мирных решений (кооперация, банк и т. д.) – таким должен быть и таким был наш двойной план, теперь быстро приближающийся к успешному завершению»[842].

И он, и его друзья проявляли огромную энергию для достижения этой цели. Рабочая партия росла количественно, но ее влияние было шире организационного охвата рабочих. Энгельс еще в мае 1880 г. писал Августу Бебелю: «И во Франции дела идут отлично. Наши коммунистические воззрения там повсюду прокладывают себе дорогу…»[843]. Отражением роста влияния партии был успех начавшей выходить в 1881 г. новой ежедневной газеты, издаваемой гедистами, «Ле ситуайен», тираж ее достигал 25 тыс. экземпляров[844].

Однако французскому рабочему движению были присущи и слабости. Главной из них была раздробленность рабочего движения, распадение его на соперничающие, порою даже враждующие организации.

В 1880 г. возвратившиеся во Францию после амнистии коммунары-бланкисты, примкнувшие первоначально к Рабочей партии, затем создали свою собственную партию – Центральный революционный комитет, возглавляемую после смерти в 1881 г. О. Бланки Эдуаром Вайяном. При несомненной преданности революционному делу и готовности идти ради него на жертвы бланкисты в то же время проявляли склонность к сектантству, обособлялись от Рабочей партии, оставались чужды марксизму. Позже часть бланкистов стала обнаруживать готовность к сотрудничеству с радикалами[845].

---

[842] «Французский ежегодник. 1962». М., 1963, стр. 446–447.

[843] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 353.

[844] Fridrich Engels, Paul et Laura Laforgue. Correspondance. Textes recueillies, annotes et presentes par E. Bottigelli, t. I. Paris, 1956, p. 67.

[845] См. *M. Dommanget.* Edouard Vaillant. Un grand socialiste. 1840–1915. Paris, 1956.

Поль Лафарг

Немало рабочих, в особенности ремесленных, и беднейшие слои городской мелкой буржуазии испытывали влияние анархистов. Часть анархистов в период борьбы с кооператорами-барберетистами входила в блок коллективистов. Принятие на Гаврском съезде в основном марксистской программы обострило разногласия и привело к размежеванию анархистов и марксистов. Анархисты организовали в 1882 г. ряд террористических покушений, значение которых было раздуто начатыми против них преследованиями. В 1883 г. правительство организовало процесс против анархистов и приговорило многих из участников анархистского движения, в том числе П. А. Кропоткина и Эмиля Готье, к разным срокам тюремного заключения[846]. Этот процесс лишь способствовал популярности анархистов.

Вне влияния Рабочей партии по-прежнему находились отдельные разрозненные, большей частью очень мелкие синдикаты – профессиональные союзы.

Наконец, в рядах самой Рабочей партии вскоре после ее создания развернулась острая внутренняя борьба. Как уже говорилось, Рабочая партия сложилась в 1879–1880 гг. как блок разных групп коллективистов, объединенных общей враждебностью к реформистскому направлению кооператоров-барберетистов. После победы коллективистов на Марсельском конгрессе 1879 г. и принятия партией в 1880 г. марксистской программы можно было ожидать, что руководящее ядро партии во главе с Гедом и Лафаргом обеспечит развитие партии в боевую, пролетарскую марксистскую партию. Старания Жюля Геда и Лафарга, несмотря на некоторую их склонность к сектантскому догматизму, были направлены к этому[847].

Однако в партии постепенно начали все громче раздаваться иные голоса. Часть коллективистов, блокировавшихся ранее сфранцузскими марксистами, выступила против них. Революционномарксистскому направлению в партии было противопоставлено иное – мелкобуржуазно-реформистское; его главными лидерами были бывшие сподвижники Бакунина Поль Брусе и деятель Парижской Коммуны Бенуа Малой. Брусе и Малой, отвергая идеи марксизма, в особенности Марксову теорию социалистической революции,

---

846 См. *П. А. Кропоткин.* Записки революционера. М. 1931; J. *Maitron.* Histoire du mouvement anarchiste en France (1880–1914). Paris, 1951.

847 J. *Guesde.* Collectivisme et revolution. Paris, 1879; *idem.* Le socialisme du jour au jour. Paris, 1899.

проповедовали эклектические, путаные взгляды, заимствованные у Прудона, у Бакунина, у буржуазных радикалов. Постепенно в их шумных, крикливых выступлениях отчетливо определилось главное: они хотели превратить Рабочую партию в партию реформ, ограничить задачи рабочего класса практически достижимым в буржуазном обществе, встать на путь «осуществления идеалов по кускам»[848].

Эти утопистско-реформистские устремления в конце концов конкретизировались в идеях «муниципального социализма», провозглашенного бруссистами столбовой дорогой рабочего движения. Завоевание социалистами на местных выборах наибольшего числа мест в муниципалитетах объявлялось главной задачей рабочего класса. Естественно, что эта дезориентировавшая пролетариат идея встретила решительные возражения Геда и Лафарга, справедливо отвергавших и всю сумму реформистских взглядов, всю теорию и практику «поссибилизма».

Принципиальные разногласия, обостренные резкой взаимной полемикой, сделали неизбежным разрыв. На очередном конгрессе Рабочей партии в Сент-Этьенне в 1882 г. произошел раскол[849]. Гедисты, оказавшиеся в Сент-Этьенне в меньшинстве, открыли собственный конгресс в Роанне; они сохранили за партией старое наименование.

Сторонники Брусса и Малона, которых теперь стали обычно называть поссибилистами, создали организацию Революционносоциалистическая рабочая партия, федерация социалистических трудящихся Франции. Однако это громкое и длинное название ни в малой мере не соответствовало содержанию партии – она не была ни социалистической, ни революционной. Энгельс справедливо считал поссибилистов *«хвостом радикальной буржуазной партии* »[850].

Размежевание гедистов с их противниками в рабочем движении справа и слева – барберетистами, поссибилистами, анархистами – было неизбежно; марксизм должен был развенчать различные мелкобуржуазные идеи, имевшие распространение среди французских рабочих и тянувшие их назад. Без этой острой идейной борьбы было невозможно привести большинство рабочего класса к научному социализму. Но в то же время сама раздробленность организаций пролетариата, отражая определенные исторические условия, ослабляла действенную силу рабочего класса, ограничивала его возможности влиять на непролетарские слои трудящихся и в конечном счете определять общий ход политической борьбы. Мелкая буржуазия, весьма многочисленная во Франции, видя острую борьбу между рабочими организациями, шла не за рабочим классом, а за радикалами, отдавая им на выборах свои голоса.

Второе правительство Жюля Ферри, применяя политику кнута и пряника к трудящимся страны, все явственнее проявлявшим свое недовольство, пыталось в то же время отвлечь общественное внимание активной внешней политикой. Колониальные захваты приняли такой масштаб и проводились с такой энергией, каких не знала еще история Франции. Колониальная экспансия велась одновременно в ряде направлений. В Северной Африке были расширены владения в Алжире путем насильственного присоединения к этой французской колонии области Мцаба; была доведена до конца политика подчинения и закабаления Туниса. Одновременно продолжалось начатое еще раньше завоевание Западного Судана, земель, расположенных вдоль Нигера. С 1875 г. тянулась война против Дагомеи. В 1883 г. правительство Ферри возобновило агрессию против Мадагаскара; французский колониализм запустил свои щупальца в Конго, настойчиво и упорно стремился к

---

[848] *Friedrich Engels, Paul* et *Laura Laforgue* . Correspondance, f. I, p. 68–97; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 185–191, 219, 279–280, 310–315, 319–320.

[849] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 185–191, 219, 279–280, 310–315, 319–320.

[850] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 338.

территориальным завоеваниям в Северо-Восточной Африке, в частности в зоне побережья Баб-эль-Мандебского пролива.

Но главным предприятием правительства Ферри, «венцом» его колониальной политики была захватническая война в Индокитае. Хотя сам Жюль Ферри и пытался обосновать необходимость этой войны высокими мотивами – цивилизаторской якобы миссией, выполняемой Францией по велению истории [851], действительные мотивы заинтересованности правительства в этой войне были совершенно иные. Как это было установлено в свое время французской печатью, война в Тонкине отвечала интересам не только влиятельных финансовых групп и спекулянтов, но и самого премьер-министра, участвовавшего в закулисных финансовых операциях через посредство своего родственника, некоего Бовье-Шафура[852].

Как бы там ни было, но эта воина против народа Вьетнама, начатая в 1883 г. и переросшая вскоре в войну с Китаем, не только не принесла военных лавров французскому оружию, но развернулась крайне неудачно. Французские войска несли большие потери, солдаты гибли от тропической лихорадки; военные операции не приносили успеха. Война затягивалась; росли людские потери и материальный ущерб. 27–28 марта 1885 г. французская армия под командованием генерала Негрие потерпела поражение под Ланг-Сонгом и бежала с поля боя. Когда известие о Ланг-Сонге достигло Парижа, буря негодования, разразившаяся в палате, смела правительство Ферри. Вчера еще могущественный премьер по тайной лестнице, скрываясь, выбирался из палаты, чтобы не попасть в руки толпы, кипевшей яростью против презираемого всеми «Ферритонкинца», «Феррипруссака» [853].

Проходившие в октябре 1885 г. выборы в первом туре неожиданно дали перевес монархистски-реакционным партиям, объединившимся в блок – так называемый «консервативный союз». Это было возмездие за антидемократическую внутреннюю и авантюристическую внешнюю политику буржуазных умеренных республиканцев.

Опасность справа побудила республиканцев объединиться, и во втором туре они одержали победу над правыми монархистскими группами. Но впервые половину республиканских мест в палате завоевали радикалы, умножившие свою популярность благодаря резкой критике колониальной политики Ферри. В целом выборы 1885 г. свидетельствовали о широком общественном недовольстве политикой умеренных республиканцев.

В декабре 1885 г. президентом республики на новый срок был переизбран Жюль Греви. Правительства Фрейсине (январь-декабрь 1886 г.) и радикала Гобле (декабрь 1886 г. – май 1887 г.) были составлены из представителей обеих партий – умеренных республиканцев и правительственных радикалов. При отсутствии у обоих правительств положительной программы в вопросах внутренней политики общественным вниманием без труда овладел военный министр в правительствах Фрейсине и Гобле генерал Буланже, выдвинутый на этот пост Клемансо. Появление Буланже во главе военного министерства совпало по времени с резким ухудшением отношении с Германией.

Германия Бисмарка охотно поддерживала Францию в ее колониальных захватах. Эта

---

[851] *J. Ferry.* Tonkin et la merepatrie. Paris, 1883; *idem.* Discours et opinions, t. V. Paris. 1890, p. 120; *LU. Qualid* Le privilege de la banque de l'lndo-Chine et les questions des banques coloniales. Paris, 1923; *A Chirac.* L’agiotage sous la troisieme Republique, t. II. Paris, 1888.

[852] *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895 гг. М., 1956; *L. Fiaux¦* Pages d’histoire contemporaine Un malfaiteur public – Jules Ferry. Paris, 1886; *Edouard Ca· vaillon.* La France ferrycide. Paris, 1888.

[853] «Annales de la Chambre des deputes». Session ordinaire de 1885, t. I, p. 804–805; «Lanterne», N 2901, 31.III 1885.

политика обостряла колониальное соперничество Франции с Англией и Италией и усиливала международную изоляцию Франции. Когда же с падением правительства Ферри колониальная политика отошла на второй план, отношения Германии к Франции не замедлили измениться. Вместо франко-германской дружбы наступило резкое ухудшение отношений обеих держав. Провоцирующей стороной вновь выступала Германия. В конце 1886 г. в руководящих военных и политических кругах этой страны возобладало мнение, что международная обстановка, прежде всего обострение англо-русских противоречий и трудности, испытываемые Россией на Балканах, создает благоприятные условия для разжигания конфликта с Францией. Генерал Вальдерзее, руководитель генерального штаба, в декабре 1886 г. писал: «Основательно взвесив шансы, я считаю, что для нас было бы наилучшим спровоцировать войну против Франции» Примерно тех же мыслей придерживался и Бисмарк [854] [855].

С января 1887 г. инспирированная германским канцлером печать начала яростную кампанию против Франции. Военная *тревога* 1887 г. и связанный с нею острый европейский кризис вновь показали слабость международных позиций Франции. Франция сумела выйти из этого опасного для нее конфликта лишь благодаря позиции, занятой Россией; отказ России поддержать агрессивные замыслы Германии заставил Бисмарка отступить[856].

Военная тревога 1887 г. в немалой мере способствовала росту популярности генерала Буланже. Хотя сам Буланже не склонен был вести дело к войне, его словесная бравада и нападки на него германской прессы создали ему репутацию «генерала реванша». В короткий срок имя генерала стало одним из наиболее почитаемых в стране. Разразившийся осенью 1887 г. крупный политический скандал – президент Греви должен был досрочно покинуть свой пост вследствие обнаруженных в его окружении злоупотреблений – еще более способствовал популярности генерала.

В конце 1887–1888 – начале 1889 г. республика оказалась в состоянии острого кризиса. Буланжистское движение, т. е. движение сторонников генерала Буланже, быстро превратилось в грозную общественную силу, объединившую в своих рядах широкие разнородные социальные и политические слои, недовольные режимом и политикой буржуазных республиканцев. Буланжистский кризис был продолжением – в извращенных и уродливых формах – того политического кризиса, который нарастал во Франции с начала 80-х годов. Лафарг был прав, называя буланжистское движение «синдикатом недовольных» [857]. Но среди недовольных были общественные силы, которые хотели повернуть ход событий влево, и были силы, стремившиеся использовать генерала для восстановления монархии. Сам Буланже, рассчитывая обмануть и тех и других, вступил в тайную связь с орлеанистами и бонапартистами, получая от монархистских организаций деньги[858].

В январе 1889 г. буланжистский кризис достиг своей кульминации. Но в день, назначенный для переворота, у генерала не хватило решимости. Опасаясь ареста, Буланже бежал за границу. Раскрытие связей Буланже с монархистами также способствовало его

---

[854] *A. Waldersee.* Denkwurdigkeiten, Bd. I, S. 301.

[855] Gr. Pol.. Bd. V, N 1025, S. 150. «Мы рассматриваем войну с Францией как довольно близкую», – писал в декабре 1886 г. Бисмарк.

[856] См. *В. М. Хвостов.* Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. – «Исторические записки», т. 18. М… 1946.

[857] П. Лафарг. Соч., е. II, стр. 187.

[858] *A. Dansetic.* Le boulangisme et le parti royal. Paris, (s. a); *P. Barlatier·* L'aventure tragicomique du grand general Boulanger. Paris, 1949.

дискредитации. Буланжистское движение еще быстрее, чем создалось, распалось и сошло с политической сцены.

Политический кризис конца 80-х годов скомпрометировал буржуазно-республиканские партии. На радикалах лежала ответственность за выдвижение Буланже и поддержку его на первом этапе движения. На умеренных республиканцев падала тень в связи со скандальной отставкой Жюля Греви. В начале 90-х годов разразился новый, еще более крупный скандал – крах Панамского общества, раскрывший коррупцию в среде буржуазных республиканцев [859]. Многие видные политические деятели из среды буржуазных республиканцев должны были сойти с политической сцены.

Единственной политической силой, усилившей свои позиции в стране, было социалистическое движение.

Празднование 100-летия Великой французской революции в 1889 г. подняло престиж рабочего класса и социалистов. Не погрязшие в интригах и злоупотреблениях буржуазные республиканцы, а социалисты, сохранившие чистыми руки, являлись наследниками революции. 14 июля 1889 г. в Париже открывался учредительный конгресс II Интернационала, на который возлагалось тогда так много надежд. В 1890 г. во исполнение решений Парижского конгресса 1 мая во многих городах рабочими были организованы внушительные демонстрации.

Еще более крупные первомайские демонстрации состоялись в 1891 г. В Фурми полиция открыла огонь по безоружным демонстрантам; было убито 10 и ранено 30 человек[860]. Расстрел в Фурми вызвал возмущение всей трудящейся Франции. На дополнительных выборах в парламент социалисты выдвинули кандидатом Поля Аафарга, находившегося в тюрьме за свои выступления в Фурми. Это была «кандидатура протеста». Острая избирательная борьба закончилась победой пролетариата, и Аафарг из тюрьмы проследовал в палату депутатов.

В 1892 г., когда правительство снова прибегло к вооруженной силе – на этот раз для подавления забастовки горняков в Кармо, – социалисты вновь выставили на дополнительных выборах своего кандидата от Кармо – им был Жан Жорес, и кандидат рабочих снова победил.

На парламентских выборах 1893 г. социалистические партии впервые добились крупного успеха. Они собрали более 700 тыс. голосов и провели в палату 30 депутатов, в том числе таких видных деятелей, как Жюль Гед, Эдуар Вайян и др. В палате к ним присоединились 20 депутатов из левых группировок, называвших себя «независимыми социалистами». Среди них были крупные ораторы – Жан Жорес, быстро завоевавший положение первого трибуна в палате, Александр Мильеран, Рене Вивиани и др. Социалистическая группа в парламенте насчитывала теперь 50 человек, она стала крупной силой[861].

Активизировалось в стране и массовое рабочее движение. В октябре 1886 г. на конгрессе в Лионе различные профессиональные организации – синдикаты объединились в федерацию синдикатов. Первоначально политическое влияние в федерации синдикатов принадлежало гедистам, и это, несмотря на некоторые их сектантские ошибки, сказывалось благотворно на ее деятельности.

С созданием федерации синдикатов забастовочная борьба рабочего класса приняла более организованные формы и стала проходить успешнее. Параллельно с организацией

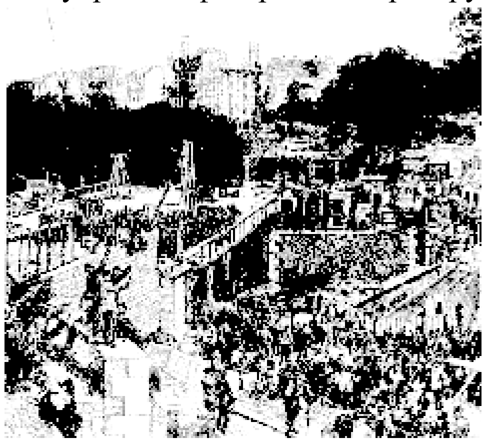
---

[859] J. *Bouvier.* Les deux scandales de Panama. Paris, 1964.

[860] «Le Socialiste», N 33, 34, 6, 13.V 1891; *M.* Domimmgef. Histoire du Premier Mai. Paris, 1953; *C. Willard.* La Fusillade de Fourmies. Paris, 1957.

[861] *C. Willard.* Les guesdistes. Le mouvement socialiste en France (1893–1905). Paris, 1965, p. 67–75.

синдикатов по профессиональному признаку во Франции организовывались профессиональные объединения по территориальному признаку – биржи труда. Первая биржа труда была создана в Париже в 1887 г., вслед за тем были организованы биржи труда во многих провинциальных городах. В феврале 1892 г. представители 13 бирж труда на съезде в Сент-Этьенне постановили учредить федерацию бирж труда во Франции[862].

Забастовка строителей 1888 г.

Так возникли два профсоюзных объединения во Франции, во многом дублировавшие друг друга. Рядом с ними возникли и действовали и иные, более замкнутые, организации, например организация «Рыцарей труда», деятельность которой была впервые подробно освещена в одном из последних трудов Мориса Домманже[863].

Разобщенность синдикальных организаций, естественно, ослабляла их; и в федерации синдикатов, и в федерации бирж труда почти одновременно родилось желание объединить борьбу обеих профсоюзных организаций. В сентябре 1895 г. на конгрессе в Лиможе делегаты от обоих объединений и от 126 нефедерированных синдикатов постановили создать единую профсоюзную организацию – Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ). Однако федерация бирж труда продолжала сохранять автономию.

Образование Всеобщей конфедерации труда, провозгласившей себя организацией, стоящей на позициях классовой борьбы и стремящейся к уничтожению капитализма, было крупным успехом французского рабочего движения. Но с самого начала в развитии этой сильной профессиональной организации стали играть большую роль анархо-синдикалистские элементы[864].

Объективные задачи борьбы требовали и объединения политических партий рабочего класса. Однако, несмотря на несомненное стремление рядовых рабочих к единству, политические организации рабочего класса в начале 90-х годов продолжали дробиться.

В 1890 г., в октябре, на конгрессе в Шательро партии поссибилистов от нее откололось ее левое, рабочее крыло во главе с бывшим участником Коммуны Жаном Аллеманом. Новая партия приняла название Рабочей революционно-социалистической партии и выступила внешне как крайне революционная партия. Не подлежит сомнению, что в рядах аллеманистов было немало рабочих, искренне стремившихся найти эффективные средства борьбы. Но программа партии – путаная и эклектичная – представляла собой противоречивое

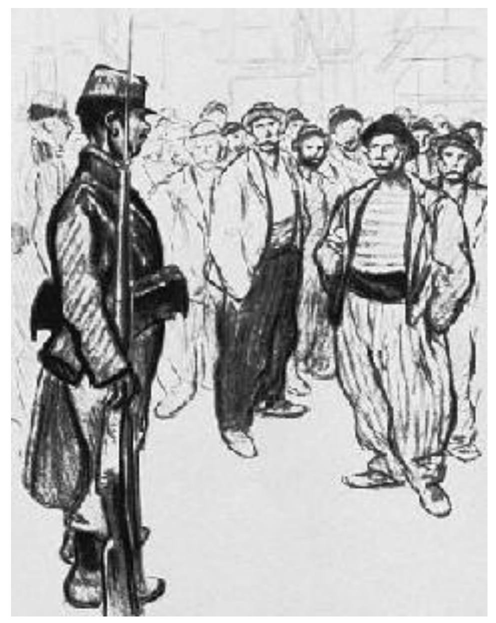
[862] *Т. В. Милицина.* Борьба течений во французском профессиональном движении в конце 19 и начале 20 в. М., 1937; *F. Pelloutier.* Histoire de Bourses du Travail. Paris, 1902.

[863] M. Dommanget. La chevalerie francaise du travail. Lausanne, 1967.

[864] *J. Bvuhat* et *M. Piolot.* Esquise d’une histoire de la CGT. Paris, 1966.

сочетание прудонистских и анархистских идей с некоторыми формулами, заимствованными из марксистской терминологии [865]. Идеи «прямого действия», всеобщей стачки, приоритета экономической борьбы над политической, подчеркнутое пренебрежение к «доктринам», пышно расцветшие в рядах аллеманистской партии, составили затем во многом основу теории и практики анархо-синдикалистов [866].

Гедисты, бланкисты, аллеманисты, «независимые социалисты», поссибилисты – пять соперничающих политических партий боролись за преобладающее влияние в рядах рабочего класса. Анархисты, разделенные в свою очередь на ряд группировок, также имели влияние на какие-то группы рабочего класса и городской мелкой буржуазии. Раздробленность сил пролетариата ослабляла его выступления, возможность его влияния на непролетарские слои трудящихся. Объединение и сплочение сил рабочего класса становилось важнейшей задачей дня.

Стачка. Т. Стейнлен. 1898 г.

Борьба сил демократии и реакции

Рост рабочего движения и социалистических партий, уроки буланжистского кризиса, показавшего всю беспочвенность надежд на восстановление монархии, заставили и буржуазные партии встать на путь перестройки своих рядов и политических методов.

Старые монархистские партии и клерикальные организации, боровшиеся до сих пор против республики и республиканских учреждений, заявили о том, что они прекращают эту борьбу и присоединяются к республике. В 1890 г. кардинал Лавижери, действовавший по соглашению с римским папой Львом XIII, призвал католиков признать существующий во Франции режим и прекратить против него борьбу. Этот призыв был полностью поддержан влиятельными лидерами монархистов. Герцог де Караман – от имени бонапартистов, граф Альбер де Мен и Ж. Пиу – от имени монархистов и клерикалов – заявили о «присоединении» к республике[867]. Их целью было завоевание изнутри влияния в стране. «Ключи от дома не в

865 *J. Allemane.* Notre programme develpppe et commente. Paris, 1895.

866 *Т. Милицина.* Аллеманисты. «Социалистическое движение во Франции», М., 1934; *M. Charnay.* Les Allemanistes. Paris, 1912.

867 *A. Debidour.* L'Eglise catholique et l'Etat, t. 2. Paris, 1906, Ch. I. Там же в приложении даны тексты выступлений Лавижери (р. 499–500) и папской энциклики (р. 534); см. также: *Leon de Cheyssac.* Le Ralliement –

руках республиканцев, а во всеобщем избирательном праве и здесь мы должны их найти», – раскрывал замыслы клерикалов Ж. Пиу. А. де Мен развернул энергичную деятельность, стремясь проложить пути влиянию католицизма в рядах рабочего класса и трудящихся вообще. Под его руководством были созданы католические крестьянские организации[868] и т. д.

В отличие от радикалов, отвергавших сотрудничество с «присоединившимися» и разоблачавших корыстные цели их маневра, «умеренные республиканцы» охотно приняли протянутую им руку. Они давно уже сами отказались от политики реформ и превратились в консервативно-реакционную силу. Сближение с присоединившимися означало консолидацию всех правых собственнических общественных групп. У них появились теперь и общие интересы: совместная борьба против рабочего класса, общая позиция в вопросах экономической политики – в 90-х годах были проведены протекционистские законы, отвечавшие интересам обеих групп; сближение позиций в вопросах внешней политики.

Европейский кризис 1887 г. вновь показал, что в лице кайзеровской Германии Франция имеет непримиримого и крайне опасного противника. Политика заигрывания с Германией, проводимая правительствами Жюля Ферри, была отставлена и теперь единодушно осуждалась; нельзя было больше предаваться самообману.

Но колониальная политика, которую в 1885 г., в дни Ланг-Сонга, осуждали в палате с таким единодушием, вскоре, хотя и в более осторожных формах, была возобновлена. Это объяснялось прежде всего тем, что в колониальных завоеваниях были заинтересованы могущественные финансовые группы, оказывавшие влияние на политику правительства. Энергичную поддержку колониальной экспансии оказывали и «присоединившиеся». И католическая церковь, направлявшая в колонии миссионеров, и военщина – высшее офицерство, остававшееся в значительной мере кастово-дворянским, были заинтересованы в новых колониальных походах.

С конца 80-х – начала 90-х годов Франция вела ряд так называемых «малых» колониальных войн. Это были по большей части необъявленные и ничем не спровоцированные захватнические, завоевательные войны против народов Африки и Азии. В Северной Африке продолжались почти не прекращавшиеся военные операции против восставших народов колоний – Алжира и Туниса, в течение многих лет шло завоевание Сахары; в Западной Африке велась длительная война ради завоевания Дагомеи, шли непрекращавшиеся войны против мальгашского народа на о-ве Мадагаскар[869].

Территориальные захваты в Африке обостряли давнее колониальное соперничество с Англией[870]. Правительство Фрейсине искало путей смягчения этих противоречий. Соглашением 5 августа 1890 г. был решен на основе двустороннего компромисса ряд спорных вопросов в завоевательной политике обеих колониальных держав в Африке[871]. Но оно обходило молчанием наиболее острый вопрос франко-английских противоречий – вопрос об Египте, где англичане почти полностью оттеснили французов, – да и не могло

---

une page d histoire politique. Paris, 1906, p. 67–96.

[868] *P. Dabry.* Les catholiques republicains. Histoire et souvenirs. 1890–1903. Paris, 1905; *H. Rollet.* L.'action sociale des catholiques en France (1871–1901). Paris, 1947.

[869] *C. Hanotaux* et *A. Martineaux.* Histoire de colonies francaises et de l'expansion de la Fiance dans le monde, t. IV. Paris, 1934.

[870] J. *Darcy.,* France et Angleterre. Cent annees de rivalite coloniale… Paris, 1908; *E. Lemonon.* L'Europe et la politique britannique. Paris, 1912.

[871] Doc. Dipl. Fr., 1 serie, t. VIII, N 141; C. *Hanotaux* et *A. Martineaux.* Histoire de colonies francaises, t. IV, p. 241.

надолго стабилизовать отношения в других районах Африки.

С Италией, хотя к 1889 г. ожесточенная экономическая война была несколько смягчена, возникали – на той же почве колониализма – новые трения. Интересы французских и итальянских колонизаторов сталкивались в районе побережья Красного моря, Абиссинии[872]. Италию надо было рассматривать как противника, несмотря на все старания французской дипломатии оторвать ее от Тройственного союза.

В условиях международной изоляции и возрастающей напряженности отношений с Германией усилия французской дипломатии были направлены на достижение максимально тесного сближения с Россией. С конца 80-х годов расширились и экономические связи двух стран, в частности финансовые. Русское правительство разместило на французском денежном рынке ряд крупных займов. Позже, в XX в. прогрессировавший экспорт французских капиталов в Россию привел к некоторой финансовой зависимости царского правительства от французских кредиторов. Но даже для XX в. эту финансовую зависимость не следует переоценивать; ее надо понимать ограничительно, а в 80-90-х годах XIX в. о ней вообще не приходится говорить. Сближение Франции и России определялось главным образом не мотивами экономического порядка, а прежде всего стратегическими соображениями.

Созданная Германией первая в Европе военно-политическая группировка держав – Тройственный союз – была направлена своими остриями против Франции и России. Сближение этих двух стран было естественным ответом на создание агрессивного блока центральных держав. Установив дружеские отношения с Францией, оказывая ей поддержку, русское правительство до поры до времени отвергало стремления Франции к установлению формального союза между двумя странами. Но, когда в 1890 г. Германия расторгла так называемый договор о «перестраховке» и отношения с ней и России, и Франции заметно ухудшились, когда в 1891 г. был вновь возобновлен Тройственный союз и получили широкое распространение слухи о присоединении к нему Англии, царское правительство дало понять, что оно готово пойти навстречу французским предложениям. Во время визита в Кронштадт французской эскадры под командованием адмирала Жерве состоялся обмен письмами между представителями обоих правительств (Н. К. Гире – А. Рибо), положивший начало союзу двух государств. 17 августа 1892 г. была заключена военная конвенция, точно определявшая поенные обязательства обоих государств[873]. 27 декабря 1893 г. – 4 января 1894 г. обмен письмами (Монтебелло – Гире) подтверждал вступление в силу военной конвенции[874]. Тем самым военно-политический союз Франции и России получал окончательное завершение.

---

[872] A. Billot. La France et l’Italie, histoire des annees troubles, t. II. Paris, 1905.

[873] *В. Н. Ламзлорф* Дневник 1891–1892. М., 1934; Doc. Dipl. Fr-, t. VIII, N 430, 434, 438, 439, 514, 517; t. IX, N 436, 440, 441, 444, 447, 448, 449, 453; *А. М. Зайончковский.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1929; *В. М. Хвостов.* Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955; *А. З. Манфред.* Внешняя политика Франции. 1871–1891 гг. М., 1952, стр. 526–533.

[874] Doc. Dip. Fr., t. X, N 488.

Французские колонизаторы на Мадагаскаре «The Illustrated London News». 12.X 1895

Франко-русский союз возник как ответ на созданный Германией Тройственный союз. В секретном «Общем обзоре министерства иностранных дел в царствование императора Александра III» говорилось: «Со своей стороны, стремясь именно к упрочению мира, Россия вступила в соглашение с Францией, которое и *является противовесом союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии»* [875]. В этих последних словах и был определен истинный смысл этого договора.

Заключение союза с Россией создало для Франции «новое положение» в Европе и мире, как о том заявил тогда же, в сентябре 1891 г., Фрейсине[876]. Оно подняло вес и авторитет Франции в системе держав, вывело ее из состояния изоляции, в значительной мере ослабило опасность германской агрессии.

Но франко-русский союз был не только средством обуздания германской агрессии. Будучи заключен между двумя капиталистическими государствами, он был использован ими для колониальной политики. Застраховав себя в известной мере благодаря союзу с Россией от неожиданностей германской агрессии, Франция активизировала политику колониальных захватов. В 1893 г. был установлен протекторат над Лаосом. В 1894–1896 гг. был окончательно завоеван Мадагаскар и шло покорение Северной Африки и Судана. Обострение колониального соперничества с Англией приводило нередко к острым конфликтам; в 1898 г. конфликт из-за Фашоды едва не привел к войне между ними.

С возвратом к колониальным войнам резко возросло значение высшего офицерства. Умеренные республиканцы охотно шли на сближение не только с бывшими клерикалами и монархистами, но и с милитаристскими кругами. Общность интересов – борьба против социализма, против демократии и колониалистская политика империалистических колониальных войн – сплачивала теперь все эти разнородные правые группировки в единый реакционный лагерь.

«Социализм – вот враг!» – бросил лозунг премьер-министр Шарль Дюпюи в ноябре 1893 г. в одном из своих выступлений. Этот новый лозунг отражал далеко зашедшую эволюцию буржуазных республиканцев за 13 лет пребывания у власти – от борьбы против

---

[875] ЦГИА, ф. № 677, д. 352, л. 4 (курсив наш. – *Ред.*).

[876] *P Albin.* L'Allemagne el la France en Europe 1885–1894. Paris, 1913, p. 321.

клерикализма к борьбе против социализма. И хотя Дюпюи призывал к борьбе против социализма, действительное содержание этого лозунга было еще шире: правящие буржуазные партии объявляли войну не только социализму, но и демократии, атакуя социализм, они вели наступление и против демократии.

Жан Жорес

Современники это хорошо понимали. «Вы – дезертиры республиканской политики, мы, социалисты, будем ее продолжать!» – говорил Жан Жорес, обращаясь к Дюпюи, в палате 21 ноября 1893 г. [877] Жорес правильно определял существо дела – начиналась страя, непримиримая борьба между силами реакции и силами демократии.

В декабре 1893 г. было сформировано открыто правое правительство, возглавляемое одним из крупнейших капиталистов, владельцем угольных копей Казимиром Перье, слывшим в буржуазных кругах «человеком твердой руки». Впервые за годы буржуазной республики государственная власть оказалась непосредственно в руках миллионеров – это был открытый вызов демократии, свидетельство перехода реакции в наступление.

Действительно, воспользовавшись как поводом рядом анархистских покушений, правительство Казимира Перье в декабре 1893 г. приняло законы, ограничивающие свободу печати, и произвело множество арестов. Эти законы получили название «злодейских законов» и вызвали справедливое возмущение трудящихся, увидевших в них покушение на основы республики.

24 июня 1894 г. анархистом Казерио был убит в Лионе президент республики Сади Карно. Карно внушил к себе общее уважение своей безупречной честностью, и его убийство было осуждено прогрессивными общественными силами, включая сюда, понятно, и социалистов.

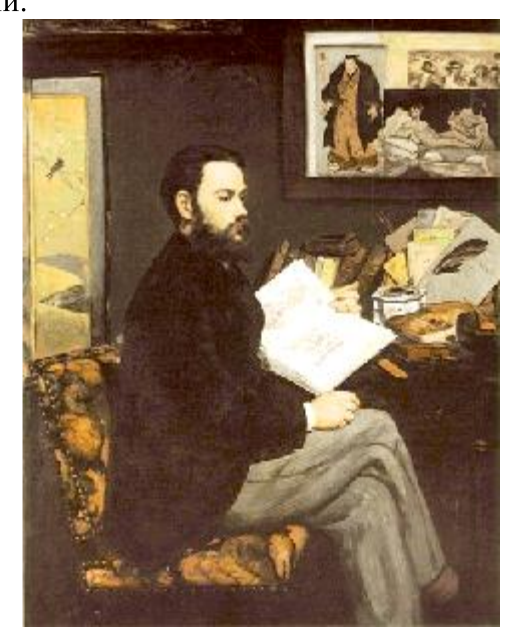
Правым большинством президентом республики был избран Казимир Перье. Избрание Казимира Перье президентом было открытым объявлением войны демократии. Действительно, силы реакции перешли в наступление. Несмотря на полную непричастность социалистов к убийству Карно, правительство провело через палату новый «злодейский закон» о «мерах для подавления анархистской агитации», фактически ликвидировавший конституционный режим и представлявший правительству возможность расправиться с социалистами и демократами.

Социалисты приняли брошенный им вызов. Отмежевываясь от анархистов, от методов

---

[877] J. Jaures. Oeuvres. Etudes socialistes, v. I, 1888–1897. Paris, 1931, p. 240.

индивидуального террора, они повели смелую атаку против «злодейских законов», против наступления реакции и против «президента реакции» Казимира Перье. В первых рядах атакующих шел Жан Жорес. В обличительных речах в палате депутатов, выступая защитником Жеро-Ришара на его нашумевшем процессе[878], Жорес наносил разящие удары лагерю реакции и его лидеру Казимиру Перье[879]. «Президент реакции» не выдержал этого сосредоточенного огня. В январе 1895 г. он досрочно сложил свои полномочия. Падение Казимира Перье было первой крупной победой, одержанной силами демократии над объединенным лагерем реакции.

Эмиль Золя. Портрет работы Э. Мане

Но правые силы отнюдь не склонны были отступать. Вместо Казимира Перье президентом республики был избран бесцветный политический деятель Феликс Фор (1895–1899), известный, однако, своей близостью к правым кругам. Образованное в ноябре 1895 г. министерство радикалов во главе с Леоном Буржуа, выдвинувшее программу реформ (подоходный налог, пенсии для престарелых и пр.), сразу же натолкнулось на сопротивление правых партий в палате и сенате. Радикалы не решались вступить в борьбу с реакцией, апеллируя к народу. Правительство Буржуа в апреле 1896 г. подало в отставку. Сменившее его министерство Жюля Мелина (1896–1898), «медоточивого кляузника», как называл его Анатоль Франс, опиравшееся на голоса правых и умеренных, стало одним из самых реакционных правительств того времени. И в области экономической, и во внутренней, и во внешней политике оно проводило открыто реакционный курс. Воинствующий шовинизм, культ шпаги, клерикальное мракобесие, пропагандируемые публицистикой Поля Деруледа, Анри Рошфора, переметнувшегося в лагерь реакции, Э. Дрюмона, почти официально поддерживались правительством.

Передовая, прогрессивная Франция не принимала этой реакционной политики и была полна решимости дать ей отпор. После победы над Казимиром Перье в рядах демократии укрепилась вера в свои силы.

В этой накаленной политической атмосфере, в условиях, когда оба противоположных

---

878 См. А. З. Манфред. Очерки истории Франции XVIII–XX вв. М., 1961, стр. 394–416. Журналист Жеро-Ришар был предан суду за оскорбление главы государства в опубликованной им статье. Жеро-Ришар был осужден, по вскоре же избран депутатом палаты.

879 J. James. Discours parlteina nlaires, t. I. Paris, 1904.

лагеря были готовы идти в атаку на противника, первый самый неожиданный повод мог послужить началом ожесточенной схватки сил демократии и сил реакции.

В 1897 г. внимание французской общественности было привлечено к имевшему уже трехлетнюю давность делу бывшего капитана французской армии Альфреда Дрейфуса. В 1894 г. Дрейфус, офицер генерального штаба, еврей по национальности, был приговорен военным судом по обвинению в выдаче военных секретов Германии, к вечному заключению на Чертовом о-ве. Дрейфус, и на суде, и позже, отрицал свою вину. В 1897 г. брат Альфреда Дрейфуса направил военным властям письмо, в котором доказывал, что капитан Дрейфус был невиновен и осужден преднамеренно, чтобы отвести кару от действительного виновника – им был венгерский авантюрист, служивший ранее в австрийской армии и иностранном легионе, а затем ставший офицером французского генштаба, Эстергази. Одновременно виновность Эстергази была установлена и начальником французской контрразведки, полковником Пикаром. В палате депутатов были сделаны запросы правительству, но Мелин решительно подтвердил правильность решения военного суда. Эстергази, пользовавшийся поддержкой генералитета и парижской аристократии, был полностью реабилитирован военным судом, занявшимся разбором его дела, а полковник Пикар, не скрывавший своего мнения, был в феврале 1898 г. уволен с военной службы[880].

В январе 1898 г. Эмиль Золя опубликовал в газете Клемансо «Орор» открытое письмо президенту республики, озаглавленное «Я обвиняю». Он обвинял высшие военные власти и военный суд в сознательном, преднамеренном осуждении невинного. Письмо Золя произвело громадное впечатление во всем мире. А. П. Чехов в те дни писал: «…от его (Золя. – *Ред.)* протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться»[881]. Золя был предан суду. Процесс знаменитого писателя, смело бросившего обвинение высшим военным властям, еще более накалил общественную атмосферу в стране. Реакционно милитаристские круги травили Золя и его сторонников. Все прогрессивные силы нации выступили на его защиту. Дело Дрейфуса переросло в дело Дрейфуса – Золя. По существу значение «дела» было неизмеримо шире – два непримиримых лагеря столкнулись в этом частном вопросе: реакционные, шовинистические, милитаристские круги и прогрессивная, трудовая, мыслящая Франция.

Процесс Золя длился три недели и стоял в центре внимания всего мира. Знаменитого писателя защищал Лабори, завоевавший своей смелой и умной защитой мировую известность. Несмотря на очевидную правоту Золя, суд под давлением распоясавшейся реакции приговорил его к годичному тюремному заключению. Золя должен был бежать из Франции. Осуждение Золя было воспринято реакционно националистическими бандами как сигнал к наступлению на демократию. На улицах начались бесчинства, террористические акты против известных деятелей демократии, погромы, нападения на редакции прогрессивных газет.

Наступление реакции вызвало активное противодействие всех свободолюбивых демократических сил. Вся страна разделилась на два лагеря: их называли дрейфусары и антидрейфусары, но теперь речь шла не только о реабилитации невинно осужденного человека, речь шла о большем – о защите демократии, демократических институтов, оказавшихся под угрозой разгрома.

Цвет интеллектуальной Франции выступил против мракобесия и реакции. Крупнейший французский писатель, стоявший долгое время в стороне от общественной борьбы, Анатоль

---

880 J. Reinach. Histoire de l’Affaire Dreyfus, t. I–VII Paris, 1901–1911; L. Leblois. L’Affaire Dreyfus. Paris, 1929; T. Reinach. Histoire sommaire de l’Affaire Dreyfus. Paris, 1924; «M. -F. Labori, ses notes, manuscrits, sa vie». Paris, 1947.

881 А. П. Чехов. Собр. соч., т. 12. М., 1957, стр. 210.

Франс теперь втягивается в сражение. Франс не только создает в эти годы «Современную историю» – литературный памятник той бурной эпохи, но он участвует в повседневных схватках с противником, выступает на митингах, в печати и т. д. Октав Мирбо, Шарль Пеги, Ромен Роллан, Э. Реклю, левобуржуазные политические деятели Клемансо, Шерер-Кестнер и др. встали на защиту демократии.

Позиция социалистических партий первоначально была неопределенной. Первым, кто решительно и смело выступил против реакции, был Жан Жорес; в течение всех этих бурных лет он сражался на передовой линии огня. Жорес был прав, когда утверждал, что «не только в интересах человечества, но и в прямых интересах пролетариата протестовать, как мы это делаем, против беззаконий, раскрытых процессом Дрейфуса»[882]. Гед, хотя и приветствовал выступление Золя, как «великий революционный акт», после колебаний занял позицию невмешательства; эту сектантскую позицию занимала и вся Рабочая партия[883].

Но к осени 1898 г. в самом ходе дела Дрейфуса наступил перелом: самоубийство лжесвидетеля полковника Анри, скандальное бегство Эстергази доказали широким общественным кругам преднамеренную ложь военного суда и поддерживавших его высших властей.

Поль Лафарг в августе 1898 г. в письмах к Геду писал, что продолжение политики невмешательства равносильно самоубийству партии [884]. В местных, провинциальных организациях партии также все громче звучали голоса, требовавшие активного вмешательства социалистов в борьбу. Но руководство Рабочей партии продолжало придерживаться сектантской политики невмешательства.

Лишь когда реакционно-националистические банды перенесли борьбу на улицы, когда Франция оказалась на пороге гражданской войны, когда в октябре по собственному почину начали бастовать железнодорожники и строительные рабочие Парижа, социалистические организации поняли, что хотя с опозданием, но надо вступать в борьбу. В октябре – ноябре 1898 г. Рабочая партия и одновременно аллеманисты призвали к сплочению и объединению сил социализма. 15 января 1899 г. был оформлен Комитет социалистического единства, в состав которого вошли по семь делегатов от каждой из пяти социалистических организации Вступление в борьбу пролетариата и объединившихся социалистических организаций оказало решающее влияние на исход сражения сил демократии с силами реакции.

Попытка националистических банд во главе с Полем Деруледом 23 февраля 1899 г., во время похорон скоропостижно умершего Феликса Фора, организовать государственный переворот потерпела полную неудачу. Но реакционеры не отчаивались. 2 июля банды «золотой молодежи» устроили враждебную новому президенту Эмилю Лубе демонстрацию. Это было выступление не столько против Лубе, сколько против республики. В воскресенье, 11 июля, по призыву объединившихся социалистических организаций на улицы столицы вышел парижский народ. Это было могучее народное движение в защиту республики – таких мощных народных выступлений Франция не видала со времени революции. На следующий день, 12 июля, консервативное министерство Шарля Дюпюи по интерпелляции Вайяна было свергнуто палатой.

Вступление в борьбу народа со всей очевидностью показало, что реакция потерпела поражение, что силы демократии берут верх.

В момент, когда победа демократии казалась уже несомненной, когда была создана важнейшая предпосылка полного ее успеха – наладилось наконец единство социалистических организаций и, следовательно, единство рабочего класса, буржуазия

---

882 *J. Jaures.* Les preuves. Affaire Dreyfus. Paris, 1898.

883 C. *Willard.* Les guesdistes…, p. 410–412.

884 Ibid-, p. 415; *В. М. Долин.* Люди и идеи, стр 174–178. ibid., p. 419–421.

искусным маневром сумела расстроить ряды демократии и предотвратить ее дальнейшее продвижение вперед.

22 июля 1899 г. было сформировано правительство «республиканской концентрации», возглавленное Вальдек-Руссо. В это правительство вошли все направления республиканизма. На его правом фланге был бывший палач Коммуны генерал Галифе, занявший пост военного министра, на его левом фланге – социалист Александр Мильеран, получивший портфель министра торговли и промышленности[885]. Включение социалиста Мильерана в состав правительства Вальдек-Руссо было хорошо рассчитанным тактическим ходом буржуазии, внесшим замешательство и разброд в ряды социализма и в конечном счете сорвавшим с таким трудом налаженное социалистическое единство.

Действительно, «казус Мильерана» породил острую борьбу внутри социалистического движения. Жюль Гед, Лафарг и другие гедисты, Эдуар Вайян и бывшие бланкисты выступили с открытым осуждением поведения Мильерана. Вступление социалиста в буржуазное правительство осуждали и аллеманисты.

Однако и внутри этих партий нашлись люди и даже отдельные организации, одобрявшие шаг Мильерана и связывавшие с ним определенные надежды и расчеты. Жорес и близкие к нему социалисты открыто поддержали вступление Мильерана в правительство. «Казус Мильерана» из внутренней французской проблемы вскоре превратился в острый вопрос международного социалистического движения[886].

Для Франции создание кабинета Вальдек-Руссо и связанный с ним «казус Мильерана» означали завершение долголетнего этапа борьбы реакции и демократии, начало нового периода борьбы, проходящей в более сложных условиях. Силы демократии взяли верх над реакцией, но оказались не в состоянии реализовать свою победу. Раскол в социалистическом движении, порожденный «казусом Мильерана», существенно ослабил наступательные действия пролетариата, а следовательно, и демократии, раздробил их ряды, сместил общественное внимание от вчера еще жгучих вопросов к новым проблемам и тем самым на какое-то время задержал наступление демократических сил.

10. Франция в начале XX века (1900–1914 годы)

Французский ростовщический империализм

В начале XX в. Франция окончательно превратилась в страну монополистического капитала, где уже полностью сложились все основные черты, свойственные империалистической стадии развития капитализма.

В эти годы во Франции происходил быстрый рост концентрации производства, увеличение числа монополий и их дальнейшее укрепление. Монополии стали основой хозяйственной жизни страны. Концерн «Шнейдер-Крезо» объединял основные предприятия военной промышленности. В химической промышленности крупнейшим монополистическим объединением стала компания «Сен-Гобен»[887]. Появились крупнейшие объединения монополистов и в других отраслях промышленности. В 1892 г. возникла

---

[885] P. Reynaud. Waldek-Rousseau. Paris, 1913; Waldek-Rousseau. Pour la Republique. Paris, 1904; J. Cailloux. Mes memoires, t. 1. Paris, 1942.

[886] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 6–9; «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, стр. 292–302; J. Guesde et J. Jaures. Les deumethodes. Lille, 1900; C. Willard. Les guesdistes, p. 422–438.

[887] «Le Monde des affaires en France de 1830 a nos jours», Paris, 1952, p. 172–208; «La France d’aujourd’hui». Paris, 1964, p. 258–273.

организация «Центральное объединение шахтовладельцев», с 1900 г. существовало «Объединение горно-металлургических предприятий», с 1903 – «Центральный комитет французских судовладельцев». «Комите де форж» в начале XX в. объединял около 250 металлургических компаний, производивших около $^3/_4$ всего чугуна и стали во Франции[888].

Крупные предприятия создались и в области торговли. Возникли и бурно увеличивали свои капиталовложения крупные универмаги, как, например, «Лувр», «Прэнтан», «О Бон Марше», имевшие собственные мастерские с количеством рабочих, превышавшим 15 тыс. человек. Капитал «О Бон Марше» в 1852 г. составлял 21 млн. фр., а в 1891 г. он достиг 160 млн. фр.

Одновременно во Франции еще более быстрыми темпами происходила концентрация банков, шел процесс сращивания банков с промышленностью и образования финансового капитала. Финансовая олигархия стала главной силой всей экономической и политической жизни страны. В начале XX в. во Франции особенно развивался вывоз капитала, который значительно преобладал над вывозом товаров.

Монополистические союзы французских капиталистов, не ограничиваясь разделом между собой внутренних рынков страны, принимали участие в борьбе международных монополий за раздел всего мира в области экономики. Наряду с этим, французский империализм продолжал вести борьбу за территориальный раздел мира, за колонии. Эта борьба все обострялась в связи с тем, что к началу XX в. мир оказался большей частью поделенным. В силу закона неравномерности развития капиталистических стран в начале XX в. появились новые, империалистические противоречия, возникли новые, империалистические группировки, складывались антагонистические блоки стран, готовившие первые империалистические войны. Французский империализм принимал самое активное участие в создании этих новых союзов и в подготовке войн.

Таким образом, в начале XX в. во Франции «старый капитализм» с его свободной конкуренцией остался позади и перерос в свою высшую стадию – империализм. «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне в 1898–1914 гг.» [889]

Начавшийся с 1897 г. в стране экономический подъем захватил все отрасли промышленного производства и в особенности металлургическую. Открытие Томаса, давшее возможность выплавлять чугун из железных руд французской Лотарингии, способствовало развитию этого промышленного района, где возникли десятки новых чугуноплавильных и сталепрокатных заводов. Всемирная выставка в 1900 г. в Париже также оказала некоторое влияние на развитие французской металлургии, получившей в связи с этим большие заказы. Металлургический картель поддерживал цены на высоком уровне. Высокие таможенные тарифы, связанные с политикой протекционизма, также способствовали развитию французской промышленности [890]. В результате во Франции за последние пять лет минувшего века выплавка чугуна повысилась на 35 %, а производство стали выросло почти в 2 раза.

В это время началось использование во Франции электрической энергии. В департаментах Сены и Луары появились фабрики и заводы, работавшие на электрической энергии. Стремление к расширению применения электроэнергии вызывалось в первую очередь недостаточными ресурсами каменного угля в стране.

Экономический подъем сопровождался ростом внешней торговли, усиленным ввозом

---

888 E. Levasseur· Questions ouvrieres et industrielles en France sous la Troisieme Republique. Paris, 1907, p. 39–43.

889 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164.

890 «Le Monde des affaires en b rance de 1830 a nos joins», p. 80 130.

сырья и машин, ростом внутреннего движения грузов, повышением доходов железных дорог и увеличением вексельного портфеля французского банка.

Начавшийся в 1900 г. кризис временно приостановил это развитие французской экономики. Он затронул прежде всего металлургическую промышленность. Производство чугуна с 1900 по 1901 г. упало на 12 %, добыча железной руды – на 11,1, производство стали – на 9 %. Кризис 1900 г., будучи мировым, вызвал сокращение экспорта Франции, даже изделий легкой промышленности, которые не встречали конкуренции на мировых рынках; сократился вывоз предметов роскоши – парижских изделий, дамской одежды и белья, искусственных цветов, тонкой стеклянной и фарфоровой посуды, произведений искусства.

После сравнительно кратковременной депрессии последовал новый подъем (с 1905 г.): начался процесс переоборудования французской металлургической промышленности и переход предприятий к использованию новейшей техники[891]. Быстрому росту французской металлургии в это время способствовали многочисленные русские военные заказы, вызванные потребностями русско-японской войны. Усиленное железнодорожное строительство во французских колониях – Алжире, Индокитае и Западной Африке – также содействовало росту металлургической промышленности во Франции. Одновременно развивались машиностроительная и электрическая промышленность и судостроение.

Экономический подъем начала XX в. сопровождался значительным ростом внешней торговли и особенно – ростом финансовых операций.

Мировой кризис 1907 г. во франции проявился значительно слабее, чем в других крупных капиталистических странах, а с 1909 по 1914 г. во Франции вновь происходил весьма значительный рост промышленной продукции, в частности металлургии, который выразился в следующих цифрах (в тыс. т):

	1909 г.	1913 г.
Чугун	3 574	5 207
Сталь	3 040	3 600
Алюминий	6,1	13,5

Усиленно развивалась электрификация промышленности. К 1913 Г. в долинах Альп возник ряд новых электрометаллургических, электрохимических и изготовляющих взрывчатые вещества заводов. Появились лесопильни, писчебумажные фабрики и другие предприятия легкой промышленности, работавшие на электроэнергии. Военные заказы в связи с Балканскими войнами и ростом милитаризма способствовали развитию строительной, металлургической и машиностроительной промышленности. Затруднении переживала текстильная промышленность Франции в связи с конкуренцией импортируемых из других стран более дешевых изделий массового производства, особенно искусственного шелка. Таким образом, рост промышленной продукции во Франции в целом продолжался до начала первой мировой войны и лишь в легкой индустрии еще в 1913 г. обнаружилось некоторое падение производства.

Итак, совершенно отчетливо виден рост производства во Франции в начале XX в. от цикла к циклу. Картина роста станет наиболее ясной, если взять показатели важнейшей продукции **в** крайних границах этого периода (в млн. т)[892]:

---

891 J. *Lescure*. Les crises generales el periodiques de surproduclion. Paris, 1923, p. 193–194.

892 «Annuaire statistique», t. 40, 1924. Resume retrospectif. Paris, 1925, p. 58; t. 42, 1924. Resume retrospectif. Paris, 1927. p. 59; J. Lcscure. Les crises generales et periodiques de surproduction, p. 185–187.

	1900 г.	1913 г.
Чугун	2,7	5,2
Сталь	1,9	3,6

Весьма показательны и сравнительные данные добычи железной руды: в 1905 г. было добыто 7395 тыс. т, в 1910 г. – 14 606 тыс. г, в 1913 г. – 21 819 тыс. т.[893]

Несмотря на недостаток природных ресурсов и прежде всего каменного угля, в конце XIX и особенно в начале XX в. вырос общий энергетический баланс Франции. Так, с 1870 по 1913 г., т. е. за 43 года, он увеличился более чем в 10 раз.

В начале XX в. во Франции развивались такие новые отрасли промышленности, как производство электроэнергии, авиационная и автомобильная промышленность; по автомобилестроению перед первой мировой войной Франция вышла на второе место в мире. Развивалась судостроительная промышленность, способствовавшая увеличению тоннажа торгового флота Франции в довоенные годы XX в. в полтора раза[894].

Развитие промышленности во Франции сопровождалось значительным процессом концентрации производства. Наиболее быстрыми темпами концентрации отличались металлургическая, горная, бумажная и полиграфическая промышленность.

Принимая во внимание значительное увеличение валовой продукции в соответствующих отраслях, приводимые ниже данные о количестве предприятий по важнейшим отраслям французской экономики наглядно иллюстрируют процесс концентрации:

	1892 г.	1908 г.	1913 г.
Металлургическая	4 585	4 262	2 240
Горная	2 874	3 075	2413
Текстильная и конфекционная	6 164	6318	4 479
Пищевая	8 036	10 888	8 228
Химическая и кожевенная	2 996	3 270	2 961
Бумажная и полиграфическая	3 330	3 236	967

Итак, сравнительно быстрый процесс концентрации производства во Франции в начале XX в. не подлежит сомнению. Тем не менее накануне первой мировой империалистической войны по концентрации производства Франция продолжала еще отставать от других передовых капиталистических стран. Она оставалась еще страной аграрно-индустриальной. К 1911 г. в сельских местностях проживало 56 % населения и 40 % населения было занято сельскохозяйственным трудом. В промышленности в том же, 1911 г., было занято только 35,8 % населения.

Парцеллярный характер французского сельского хозяйства продолжал суживать внутренний рынок и задерживать население в земледелии прямым и косвенным путем. Статистические данные конца XIX и начала XX в, представляют картину медленного повышения урожайности и медленного технического прогресса французского сельского хозяйства.

В начале XX в. площади под пшеницей незначительно сократились, а урожайность несколько увеличилась. Валовый сбор пшеницы с 1891 по 1900 г. в среднем составлял ежегодно 85 006 тыс. ц, а с 1901 по 1910 г. он увеличился до 89 128 тыс. ц. Сбор с одного гектара также незначительно увеличился. Накануне войны 1914–1918 гг. по уровню урожайности пшеницы Франция стояла на десятом месте в Европе.

---

[893] «Ministere du Commerce. Rapport general sur l’industrie francaise, sa situation son avenir», t. 1. Paris, 1919, p. 61.

[894] Ю. *Кучинский.* История условий труда во Франции. М., 1930, стр. 209.

В области животноводства Франция также отставала от других стран, несмотря на то, что аграрный кризис конца XIX в. привел к росту животноводства, травосеяния и разведения огородных культур. Об отсталости французского животноводства свидетельствует тот факт, что на одну тысячу гектаров сельскохозяйственной площади во Франции в 1912 г. приходилось всего 262 головы крупного рогатого скота, тогда как на ту же площадь в Германии имелось 395 голов, в Англии – 367, а в Бельгии – 727.

С начала XX в. особенно усилился процесс классового расслоения во французской деревне. В 1908 г. 38 % всех сельских хозяйств Франции имели менее 1 га земли каждое; 46 % сельских хозяйств владели участками земли от 1 до 10 га. На долю этих двух групп, составлявших 84 % всех хозяйств, приходилось лишь 28,8 % всей обрабатываемой земельной площади Франции; 71,2 % обрабатываемой земельной площади находилось в руках всего 893,9 тыс. землевладельцев. Отчетливо выделяется также и процесс поляризации в деревне, выражающийся в увеличении числа мелких землевладений – парцелл при одновременном росте количества крупных и особенно крупнейших (от 50 до 200 га) землевладений. Процесс поляризации в деревне вел к вымыванию и разорению середняцких землевладений[895].

Одной из причин отставания французской промышленности от других стран, наряду с парцеллярным характером французского сельского хозяйства, был также характерный для Франции усиленный вывоз капиталов. Если Франция в 1872 г. вывезла капиталов всего на сумму 10–12 млрд, фр., то в 1900 г. вывоз французских капиталов составил 30 млрд, фр., а в 1914 г. достиг 60 млрд. фр. В то время как промышленная продукция Франции выросла с 1870 по 1914 г. в 3 раза, общая сумма помещенного за границей французского капитала выросла в 6 раз. Франция в отношении вывоза капиталов твердо стояла на втором месте в мире после Англии.

В начале XX в. во Франции возник ряд новых крупных банков. В 1908 г. насчитывалось 266 банков, из которых не менее 55 находилось в Париже. Располагая многочисленными отделениями в провинции, они смогли привлечь капиталы из самых глухих и отдаленных районов страны. С 1875 г. до начала XX в. (1907 г.) коммерческий портфель французских банков увеличился в 10 раз, колоссально выросли вклады по текущим счетам, выросла общая сумма предоставляемых банками кредитов и авансов.

Быстро возрастало количество новых акционерных обществ. В 1896 г. их было создано 500, а в первые годы XX в. ежегодно возникало по 600–700, а в 1907 г. – 1000 новых компаний.

Экспорт капитала играл все большую роль во французской экономике. Годовой экспорт капитала за десятилетие 1890–1899 гг. составил 648 млн. фр., за десятилетие 1900–1909 гг. – 1368 млн. фр.[896] И хотя в предвоенные годы несколько увеличились капиталовложения во французскую промышленность, однако темпы их роста оставались значительно более низкими, чем темпы роста экспорта капитала.

Черты французского империализма, как «ростовщического империализма»[897], окончательно определились в начале XX в. Но французский капитал в основном вывозился в ссудной форме. Иными словами, Франция вкладывала вывозимые ею капиталы не в промышленность и торговлю кредитуемого ею государства, а предоставляла их в виде государственных займов и ценных бумаг, употребляя их таким образом в рост под проценты. В 1902 г. 55 % помещенных за границей французских капиталов было вложено в

---

[895] См. А. И. Шнеерсон. Аграрный вопрос во Франции. М., 1948, стр. 19–28; Ю. Г. Трунекий. Основные тенденции экономической эволюция французской деревни (1862–1962). – «Уч. зап. Казанского мед. ин-та», 1969, вып. 70. «Проблемы всеобщей истории», сб. 2.

[896] *Ю. Кучинский.* История условий труда во Франции, стр. 214.

[897] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 362.

государственные и муниципальные займы и лишь 25 % оказались помещенными в промышленность и транспорт иностранных государств. По данным 1.908 г., во французскую промышленность и торговлю было вложено 9,5 млрд, фр., а в облигации и иностранные ценности – 104,4 млрд, фр., т. е. в 10 раз больше[898]. Общая сумма дохода от процентов, полученных Францией по ее иностранным инвестициям, в 1913 г. достигла 2300 млн. фр.[899]Но если до конца XIX в. основой для образования «избытков» ссудного капитала, шедшего на вывоз за границу, являлись накопленные прибыли внутри страны, то в последующий период основным резервуаром для экспорта капитала все больше становятся доходы предыдущего вывоза капитала, что представляло собой не что иное, как паразитизм в квадрате.

Особенности развития французского империализма, как ростовщического, определили и основное направление вывоза французских капиталов. Большая их часть была помещена в европейских странах, особенно в России. До первой мировой войны около 40 % капиталовложений Франции в Европе падало на Россию. И именно здесь особенно ярко проявилась роль Франции как политического банкира. Кредитные судьбы многих других государств решались в то время также на парижской бирже. Предоставление кредитов употреблялось как средство политического давления. Так, в 1913 г. 75 % государственных займов Сербии, Болгарии, Румынии и Греции были размещены на парижской бирже.

В свои колониальные владения Франция вкладывала капиталов значительно меньше. Эти вложения не достигали 10 % французского экспортного капитала, хотя с начала XX в. Франция стала развивать добычу железной руды в Алжире и Тунисе, добычу угля в Индокитае и в значительно большей степени, чем прежде, использовать природные ресурсы своих колоний. Кроме того, в начале XX в. возросло значение колоний как рынка для французских изделий. Все же французский империализм тогда лишь в малой степени использовал свои преимущества крупнейшей колониальной державы, владевшей площадью в 10,6 млн. кв. км с населением в 55,5 млн. человек.

Развитие французского империализма, как ростовщического, приводило к усиленной концентрации банков, и в этом отношении Франция занимала первое место среди других государств. Процессу мощной концентрации банков содействовала сложившаяся во Франции практика централизованных инвестиций французских капиталов в иностранные ценности через крупные парижские банки[900]. Три крупных французских банка («Лионский кредит», «Генеральное общество» и «Национальная учетная контора») имели в 1870 г. всего 64 отделения и кассы по всей Франции, в 1890 г. они насчитывали 258 отделений и касс. В 1909 г. эти три банка увеличили число отделений и касс до 1229, т. е. в 5 раз. Одновременно значительно возрос и размер капиталов этих трех банков: с 200 млн. фр. своего и 427 млн. фр. чужого в 1870 г. до 887 млн. фр. своего и 4363 млн. фр. чужого. Наряду с указанными тремя крупнейшими депозитными банками во Франции имелся еще ряд крупных банков[901], к числу которых относились «Парижско-нидерландский банк», «Объединенный парижский банк» (эмиссионные банки, выпускавшие ценные бумаги) и «Торгово-промышленный кредит» (депозитный банк).

Характерной особенностью экономической и политической жизни Франции являлось господство финансовой олигархии. Анатоль Франс справедливо писал по этому поводу: «После того как Франция освободилась от власти королей, императоров, трижды

---

898 *Ю. Кучинский.* История условии труда во Франции, стр. 215.

899 «Мировые экономические кризисы», т. I. М., 1937, стр. 338.

900 «Мировые экономические кризисы», т. I, стр. 303.

901 «Le Monde des affaires en Fiance de 1830 a nos jours», p. 32–55.

провозглашала свободу, она подпала под власть финансовых компаний, завладевших богатствами страны». Всевластие финансовом олигархии наглядно показывает структура и порядок управления Французского банка, который в сущности в начале XX в. являлся всеобъемлющей организацией французского финансового капитала. Французский банк полностью находился в руках финансовой олигархии. Даже Клемансо, правивший твердой рукой, жаловался на недостаток власти и на вопрос, кто же в таком случае ею обладает, ответил: «Члены правления Французского банка». «Финансовый капитал, – писал В. И. Ленин, – такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью…»[902]

Ростовщический характер французского империализма обусловил превращение Франции в значительной мере в государство-рантье. Довоенная Франция отличалась огромным количеством мелких рантье, число которых достигало примерно 2 млн. человек при 40 млн. населения[903]. Средние слои – мелкие рантье и мелкая буржуазия были опорой Третьей республики и избирательной базой радикальной партии. Численное, социальное и политическое значение средних слоев продолжало возрастать в начале XX в., и только мировая война 1914–1918 гг. нанесла им первый мощный удар[904].

Несмотря на очевидные успехи французской экономики в начале XX в., Франция значительно отставала по темпам развития от передовых империалистических стран. Вследствие ряда причин и особенно в связи со все увеличивающимся вывозом капитала, французская промышленность развивалась в начале XX в. более медленно, чем в конце XIX в., о чем свидетельствуют данные по 25-летиям. Так, за 25 лет с 1884 по 1909 г. общая продукция промышленного производства выросла почти на 75 %, а за 25 лет с 1909 по 1934 г. – только на 25 %[905].

Отставание развития французской промышленности от передовых стран и замедление темпов развития французской экономики сказались на уменьшении доли Франции в мировом промышленном производстве. Так, если эта доля в 1900 г. исчислялась в 7 %, то в 1913 г. она составляла 6 %. Уменьшалась и роль Франции в мировой внешней торговле. В 1900 г. на ее долю приходилось 9 % всей мировой торговли, а в 1913 г. – 8 %.

Этот процесс замедления роста ряда отраслей промышленности не коснулся, однако, особенно накануне первой мировой войны, военной промышленности, которая почти не отставала от других стран. «Современный милитаризм, – писал В. И. Ленин, – есть результат капитализма. В обеих своих формах он – „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях… и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата»[906].

Стремясь возможно лучше подготовиться к наступающей войне, французское правительство систематически увеличивало военные бюджеты государства. В этом же направлении действовали и колониальные захваты, которые продолжались не менее

---

[902] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379; см также: Augustin Натоп et X.Y.Z. Les Maitres de la France. Paris, 1937.

[903] А. И. Шнеерсон. Финансовый капитал во Франции. М., 1937, стр. 27.

[904] См. М. Торез. Современная Франция и Народный фронт. М., 1937, стр. 16.

[905] Ю. Кучинский. История условий труда во Франции, стр. 205.

[906] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

энергично, чем в предшествующий период [907]. Так, в 1900 г. расходы военного и морского министерства составили 1046 млн. фр. из общих расходов в 3745 млн. фр., а в 1905 г. из такой же общей суммы расходов бюджета на военное и морское министерство было выделено уже 1092 млн. фр.[908] В последующие годы военный бюджет продолжал расти.

Рост военных расходов особенно тяжело отражался на французском населении. Податные платежи и косвенные налоги на душу населения нигде в мире не достигали такой высоты, как во Франции, где перед 1914 г. они были выше, чем в Англии, на одну пятую и выше, чем в Германии, на одну треть.

Если принять военные расходы во Франции на душу населения за 100 %, то в 1913 г. приходилось на душу населения военных расходов: в Англии – 82 %, в Германии – 72, в Италии – 40, в Австро-Венгрии – 22 и в России – 32 %. Эти данные неопровержимо показывают, что французское население значительно больше страдало от бремени милитаризации, чем население других стран. Однако если исчислять военные расходы в абсолютных цифрах, то во Франции они были меньше, чем в Германии и России: в 1913 г. они равнялись (в млрд, марок): в Англии – 1,54, во Франции – 1,64, в России – 1,84, в Германии – 2,0[909].

И рост военных расходов, и экономические кризисы перепроизводства 1900 и 1907 гг. повлекли за собой ухудшение материального положения трудящихся масс.

В начале XX в. французские рабочие получали более низкую зарплату за равный труд, чем английские, американские и частично немецкие пролетарии. Одновременно в эти же годы происходил рост цен на предметы первой необходимости, что неопровержимо доказывает происходившее тогда во Франции снижение реальной зарплаты рабочих. Данные официальной статистики, сами по себе недостаточные и заниженные, тем не менее все же дают представление о быстром росте цен на самые необходимые товары. Если принять за 100 цены на мясо, картофель, молоко, рыбу и другие продукты, являющиеся средними за годы 1891–1900, то в следующее десятилетие эти цены увеличились примерно на 10–19 %[910]. А с 1910 г. началось еще более быстрое повышение цен. В ряде промышленных городов происходили демонстрации против дороговизны.

Кроме увеличения цен на предметы первой необходимости, материальное положение французского пролетариата ухудшалось еще и в связи с быстрым повышением стоимости квартир, что в свою очередь свидетельствовало о снижении реальной зарплаты. Средняя реальная квартплата для всех категорий жилищ увеличилась с 290 фр. в год в 1900 г. до 300 фр. в 1908 г.[911]

Переход к империализму повлек· за собой также усиление степени эксплуатации и ухудшение условий труда рабочего. Об этом убедительно свидетельствует увеличение числа несчастных случаев на производстве. Так, если в 1901 г. раненых от несчастных случаев насчитывалось среди рабочих 257 тыс. человек, то в 1911 г. их число достигло 474 тыс.[912]

---

907 *R. Cirardcl.* La Societe militaire dans la France contemporaine, 1815–1939. Paris, 1953, p. 180–207; *Monleilhcl.* Les Institutions militaires de la France, 1814–1924. Paris, 1926.

908 *E. Levasseur.* Questions ouvrieres et industrielles en France…, p. 634; *A. Neymarch.* Finances contempor tines, t. II. Les budgets 1872–1903. Paris, 1904.

909 *Ю. Кучинский.* История условий труда во Франции, стр. 220.

910 «Ministere du Travail. Statistique generale de la France. Salaires et cout de l’existence a diverses epoques jusqu’en 1910». Paris, 1911, p. 34, 36, 39 (далее – «Salaires et cout de l’existence»).

911 Ibid., p. 87.

912 «Cahiers du communisme», 1953, N 6–7, p. 738.

Усиление эксплуатации пролетариата в эпоху империализма неизбежно приводило к обострению противоречия между трудом и капиталом.

Количество стачек в первое пятилетие XX в. возрастало, общее число их участников увеличивалось, как и число потерянных рабочих дней, а процент поражений рабочих в стачечном движении значительно снижался[913].

Радикалы у власти

В условиях становления империализма, обострения классовых противоречий, роста рабочего движения, политической сознательности и активности пролетариата французская буржуазия вынуждена была перейти к управлению государством новыми методами. Относясь к числу наиболее опытных и искушенных правящих классов, она в целях сохранения своего влияния на известные слои рабочего класса и трудящихся масс должна была в условиях продолжавшегося полевения в стране мириться с переходом руководства государством в руки радикалов – самой левой среди буржуазных партий Франции.

Давно существовавшие различные группы радикалов в 1901 г. организационно оформились в единую Республиканскую партию радикалов и радикал-социалистов[914]. Оформление партии усилило влияние радикалов, которое вообще было значительным, особенно в провинции. «Главный орган радикалов „Депеш де Тулуз“, – пишет известный французский историк Морис Бомон, – царствовал на четверти всей французской территории»[915]. Радикалы еще раньше сформулировали свои основные программные требования: борьба с клерикализмом и отделение церкви от государства, установление светского образования, установление прогрессивного всеобщего подоходного налога, пересмотр конституции с целью демократизации учреждений, реформа армии и сокращение срока военной службы. Эти требования вошли позже в официальную программу партии, принятую в 1907 г. на конгрессе в Нанси.

Победа левых партий на выборах 1902 г. привела к власти первый устойчивый кабинет радикалов во главе с Эмилем Комбом. До этого времени Комб не считался крупным политическим деятелем, хотя не раз избирался сенатором и в 1896 г. входил в радикальный кабинет Леона Буржуа в качестве министра народного образования. Но этот простой, невысокий, плотный, энергичный старик был известен своим твердым, убежденным антиклерикализмом.

Комб ожидал встретить в палате бурный протест правых партий, о чем он говорил редактору газеты «Матэн» Стефану Лозану накануне голосования доверия кабинету[916]. Он не ошибся. Но он поразил своих врагов, зрителей и даже друзей хладнокровием и выдержкой, когда спокойно-ироническим и даже веселым взглядом обводил беснующуюся оппозицию, которая стучала пюпитрами, лаяла и мяукала и выкрикивала среди этого невообразимого шума слова «поп» и «расстрига»[917]. Несмотря на крайнюю враждебность правых партий, кабинет Комба продержался у власти с 7 июня 1902 г. до 24 января 1905 г.

---

913 «Statistique des greves…» Paris, 1900–1914; см. также: В. М. Далин. Стачки и кризис синдикализма и современной Франции. М., 1935, стр. 218–228.

914 O. *Carrere* et C. *Bourgin.* Manuel des partis politiques en France. Paris, 1924, p. 129, 130.

915 *M. Baumont.* Gloires et tragedies de la III Republique. Paris, 1956, p. *272.*

916 «Le Matin», 10.VI 1902.

917 *И. Е. Кудрин.* Галерея современных французских знаменитостей. СПб., 1906, стр. 205–207.

Главной своей задачей кабинет Комба поставил борьбу с клерикализмом. Деятельность католических организаций стала поистине угрожающей. Не только радикалов, но и умеренных буржуазных республиканцев крайне беспокоил также рост недвижимого имущества католических организаций, которое только за последние 20 лет увеличилось на 350 млн. фр. и к 1900 г. превысило сумму в 1 млрд, фр.[918] Опасным казалось также и превышение количества учеников, обучающихся в духовных школах, по сравнению с учениками светских школ.

27 июня 1902 г. правительство Комба издало декрет о закрытии 125 школ, основанных конгрегациями. Это были главным образом женские начальные школы, которыми руководили монахини. 10 июля был издан закон о закрытии в 8-дневный срок 3000 школ религиозных орденов. 54 мужские конгрегации, из которых 28 занимались проповеднической деятельностью, 25 – преподавательской и 1 – торговлей (продажей ликера «Шартрез»), были объявлены распущенными. Палата депутатов поддержала Комба. 7 июля 1904 г. министерство Комба издало закон об упразднении на территории метрополии конгрегационистского преподавания вообще. В октябре 1904 г. правительство Комба внесло проект закона об отделении церкви от государства.

Антиклерикальная деятёльность кабинета Комба опиралась на поддержку преобладавшего в палате левого блока. Но постепенно, особенно после внесения закона об отделении церкви от государства, политика правительства Комба стала встречать противодействие не только открытых реакционеров, но и умеренных буржуазных республиканцев. В январе 1905 г. министерство Комба, подвергшееся резкой критике со стороны клерикалов, правых и умеренных, подало в отставку, хотя ни разу не оказывалось в меньшинстве.

Борьба с клерикальной реакцией была необходима и прогрессивна, но министерство Комба выдвинуло ее на первый план в момент резкого обострения классовых противоречий, роста рабочего и социалистического движения. Поэтому политика Комба в сущности отвлекала рабочих от их основной задачи – борьбы против капитализма и французской монополистической буржуазии. Антиклерикальная политика удачно прикрывала отказ от проведения других социальных реформ, и не случайно министерство Комба, несколько лет продержавшееся у власти, не провело никакого другого социального закона. А сам Комб, пытаясь оправдаться, говорил одному капиталисту: «Почему вы меня ненавидите? Разве я вмешиваюсь в ваши дела? Разве мы трогаем ваши капиталы?»

Деятельность министерства Комба показывает, что радикальная партия, придя к власти, ни в коей мере не пыталась затронуть монополистическую буржуазию и не сделала никаких шагов к действительному выполнению щедро обещанных ею в избирательных кампаниях социально-экономических и политических реформ. Она выполнила только часть своих обещаний, связанную с антиклерикальной борьбой, которую радикальное министерство Комба вело значительно решительнее, чем министерство умеренного республиканца Вальдек-Руссо. Деятельность радикальной партии, несомненно, облегчалась сравнительной слабостью социалистического и профсоюзного движения в стране.

С переходом к XX в. особенно обострились все свойственные империализму противоречия, и прежде всего противоречия между различными финансовыми группами и между империалистическими державами в связи с усилением борьбы за передел мира, и противоречия между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов. В конце XIX в. уже сложились два больших, угрожающих друг другу блока: Германия, Австро-Венгрия и Италия, с одной стороны, Франция и Россия – с другой. Опираясь на союз с Россией, империалистическая Франция, сумевшая овладеть огромной колониальной империей и обладающая мощным финансовым капиталом, сохраняла свое место в ряду великих держав.

---

[918] «L’Annee Politique 1900» par Andre Daniel. Paris, 1901, p. 453–465.

Укрепление франко-русских отношений было в это время первейшей задачей французской дипломатии, которой почти бесконтрольно руководил после отставки Аното в 1898 г. Теофиль Делькассе. Он сохранял портфель министра иностранных дел бессменно до 1905 г.

Делькассе (1852–1923) принадлежал к партии умеренных буржуазных республиканцев и был известен как ярый реваншист. В 80-х годах он даже исполнял должность секретаря реваншистской Лиги патриотов и принимал участие в движении Буланже. Делькассе весьма активно и энергично проводил политику в интересах французской буржуазии и фактически держал в своих руках все нити колониальной и внешней политики страны в эти годы. Он был, как признают даже некоторые современные буржуазные историки, «первым парламентским лобби» во Франции[919].

Делькассе был мастером тайной дипломатии, он редко выступал в парламенте, мало говорил, мало что объяснял. Он продолжал после своей вынужденной отставки в 1905 г. не только выполнять ряд важнейших дипломатических поручений, но в сущности был душой внешней политики Франции вплоть до первой мировой войны. Когда Абель Ферри показал Делькассе в июле 1914 г. депеши министерства иностранных дел и услышал его замечания, ему показалось, как он писал в своем секретном дневнике, что перед ним «внезапно маленький карлик стал расти и поравнялся с Бисмарком. Он говорил, он вспоминал прошлое, и мне казалось, что я видел, как работает маленький паук, в сети которого только что бросилась Германия…»[920]

В основе внешнеполитической концепции Делькассе лежало твердое убеждение, что самым опасным врагом Франции является Германия. Отсюда его стремление, с одной стороны, обеспечить создание сильной армии и флота, а с другой – укрепить свою страну союзом с Россией, опираясь на который, расширять ее международные связи путем переговоров и соглашений с другими державами, в первую очередь с Англией и Италией. Став министром иностранных дел, Делькассе немедленно прервал переговоры с германским послом во Франции Мюнстером, принял ряд мер к улаживанию отношений с Англией и назначил послом в Лондон одного из самых способных дипломатов, Поля Камбона, пост французского посла в России передал Морису Бомпару, а в Мадриде – Жюлю Камбону[921]. Делькассе говорил: «Я не хотел бы покинуть свой пост до тех пор, пока не создам союза с Англией»[922]. Большое внимание Делькассе уделял улучшению отношений с Италией, где в полном согласии с ним действовал его давнишний друг посол Баррер.

Однако Делькассе мог семь лет бессменно руководить внешней политикой Франции только потому, что его деятельность вполне отвечала интересам французской монополистической буржуазии. Почувствовав себя достаточно окрепшей, она сочла возможным начать непосредственную и всестороннюю подготовку к реваншу, тем более что сама Германия, быстро двигавшаяся по пути экономического развития и милитаризма, открыто заявляла о своих новых претензиях на европейские и колониальные территории.

Стремление Германии к переделу мира, обострение всех империалистических противоречий, особенно англо-германских, создавали объективные условия, благоприятствовавшие осуществлению основных целей французской внешней политики в этот период. Именно в силу того, что англо-германские противоречия становились основными противоречиями империализма, Франция не воспользовалась трудностями

---

919 *R. Priouret.* La Republique des deputes. Paris, 1959, p. 172.

920 «Les Carnets secrets d’Abel Ferry (1914–1918)». Paris, 1957, p. 25.

921 *M. Bompard.* Mon ambassade en Russie (1903–1908). Paris, 1937, p. VI.

922 *R. Pinon.* France et Allemagne. Paris, 1913, p. 116.

Англии в связи с англо-бурской войной и не выступила против нее с оружием в руках, несмотря на то, что тяжкий урон, нанесенный французской внешней политике в Фашоде, был еще у всех в памяти.

В конце февраля 1900 г. Германия предложила России и Франции вмешаться в англо-бурскую войну[923]. Делькассе не сообщил об этом предложении никому из представителей печати и парламента. В конце ноября 1900 г. президент Крюгер прибыл в Париж. Французское правительство сделало все возможное, чтобы этот визит не принял «враждебного Англии характера»[924], хотя общественное мнение во Франции продолжало открыто выражать свое сочувствие бурам.

В разгар англо-бурской войны, в январе 1901 г. умерла английская королева Виктория. На похороны была отправлена французская делегация, глава которой адмирал Бьенэме был весьма доволен оказанным в Англии приемом. Действительно, король Эдуард VII держался с подчеркнутой любезностью по отношению к французскому послу и делегации Франции[925].

Задавшись целью оторвать Россию от Франции и лицемерно заверяя французских дипломатов в желании тесно сотрудничать с их страной, император Вильгельм заигрывал с Россией. Делькассе был весьма встревожен. Он предписал послу Монтебелло отправиться к русскому министру иностранных дел Ламздорфу, сообщить ему о тревоге во Франции и заявить, что правительство республики просит императора сообщить официальную дату своего визита во Францию до того, как он встретится с Вильгельмом[926]. Лубе направил личное письмо Николаю II и царь принял приглашение посетить Францию в сентябре 1901 г. Визит во Францию царской четы продолжался с 17 по 21 сентября. Обсуждались все важнейшие проблемы внешней политики, по большинству которых выявилось взаимное согласие союзных держав.

А 20 мая 1902 г. президент французской республики Лубе прибыл в Царское Село; на следующий день состоялись большие маневры русской армии в Красном Селе. 23 мая визит окончился, и французская эскадра покинула Кронштадт. 28 мая Лубе возвратился в Париж. Французская пресса приветствовала эту демонстрацию франко-русского союза.

Одновременно с укреплением франко-русского союза французская дипломатия стремилась улучшить отношения со своими соседями на юге – Италией и Испанией[927]. Для этого необходимо было прежде всего попытаться оторвать Италию от Тройственного союза. Осуществление этой задачи было поручено главным образом Камиллу Барреру, французскому послу в Риме с 1897 до 1924 г. Французские историки и авторы мемуаров весьма положительно оценивают Баррера как дипломата, подчеркивая его большое влияние на политических деятелей и правительство Италии[928]. Сущность французской политики по отношению к Италии, заключавшуюся в сговоре между этими державами о разделе колониальных территорий и в финансовом нажиме на нее, откровенно выразил в инструкциях французскому послу в Риме министр иностранных дел Рибо: «Наша политика должна заключаться в том, чтобы быть любезными с Италией, не задевая ее, но вместе с тем не предоставлять ей никаких займов до тех пор, пока она не убедится в бесплодности своего

---

923 *A. Combarieu.* Sept ans a l’Elysee avec le president Emile Loubet. Paris, 1932, p. 50–52.

924 Ibid., p. 98.

925 Ibid., p. 112.

926 Ibid., p. 135.

927 См. «История дипломатии», т. II. М., 1963, стр. 552.

928 J. *Laroche.* Au Quai d’Orsay avec Briand cl Poincare, p. 9.

союза с Германией и Австро-Венгрией»[929].

Первое секретное соглашение между Францией и Италией касалось раздела сфер их влияния на северном побережье Африки. Италия признавала за Францией свободу действий в Марокко, взамен чего получала согласие на свободу действий в Триполитании. Соглашение было заключено в форме обмена 1 января 1901 г. письмами, датированными 14 и 16 декабря 1900 г., между французским послом Баррером и министром иностранных дел Италии Висконти-Веноста.

Улучшение франко-итальянских отношений проявилось и открыто. В апреле 1901 г. итальянская эскадра прибыла с официальным визитом в Тулон. Лубе, приехавший туда для встречи, получил высший итальянский орден, после чего состоялся обмен телеграммами между президентом и королем. В тексте телеграмм употреблялись выражения: «Италия – дружественная Франции страна» и «Франция – дружественная Италии страна». Тем самым, по мнению французов, «Европа получила уведомление» об изменении характера франко-итальянских отношений[930].

Возобновление Тройственного союза в 1902 г. отнюдь не повлияло на франко-итальянские отношения. 4 июня посол Италии в Париже Торниелли передал Делькассе секретную декларацию, заверявшую его, что «в возобновлении Тройственного союза нет ничего прямо или косвенно враждебного Франции, никакого обязательства, которое могло бы нас заставить в каком-либо случае принять участие в нападении на нее, словом, никакого постановления, угрожающего безопасности и спокойствию Франции»[931].

Через несколько месяцев было заключено еще одно соглашение, также сохранявшееся в течение многих лет в глубокой тайне. 1 ноября 1902 г. состоялся обмен идентичными по содержанию нотами между Баррером и министром иностранных дел Италии Принетти. По существу это был настоящий договор о нейтралитете между Францией и Италией. В нем подтверждалось соглашение о разделе колоний и указывалось: «В случае, если Франция прямо или косвенно сделается объектом нападения со стороны одной или нескольких держав, Италия сохранит строгий нейтралитет. То же самое будет в случае, если Франция вследствие прямого вызова окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу объявления войны»[932]. Таким образом, Франция сумела обезопасить себя со стороны Италии, которая, подписав соглашение о нейтралитете, фактически отказалась от участия в Тройственном союзе против нее. В дальнейшем французская дипломатия продолжала укреплять отношения с Италией, о чем убедительно свидетельствовал визит итальянской королевской четы во Францию с 14 по 18 октября 1903 г.

Подготовка ответного визита Лубе в Италию была чрезвычайно осложнена непримиримо враждебной позицией римского папы, считавшего себя главой светской власти в Риме. Тем не менее в марте 1904 г. парламент вотировал кредит в 450 тыс. фр. на путешествие президента в Италию, которое состоялось 23–29 апреля того же года. Вскоре после возвращения Лубе из Рима и Неаполя, Жорес опубликовал в «Юманите» текст письма папы, оскорбительного для Франции. Вынужденное порвать отношения с Ватиканом, французское правительство усиленно укрепляло свои отношения с Италией.

Стремясь путем тайных соглашений с Италией обеспечить себе дипломатическим

---

929 «Documents diplomatiques francais», serie I, t. VIII, doc. N 183, p. 264.

930 *A. Combaricu.* Sept ans a l’Elysee, p. 123.

931 *Ю. В. Ключников* и *А. Сабанин.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I. M., 1926, стр. 303–304.

932 Там же, стр. 305.

путем захват в недалеком будущем такого лакомого куска, как Марокко, французские политики не забывали и о необходимости урегулировать предварительно этот вопрос с другой своей южной соседкой – Испанией. Переговорами с этой страной с начала 1901 г. занимался лично Делькассе. 6 октября 1904 г. было подписано франко-испанское соглашение о Марокко. «Делят Марокко», – писал по этому поводу В. И. Ленин[933], Договорившись о доле Испании в Марокко, французы пригласили в мае – июне следующего года короля Испании посетить Париж. Несмотря на покушение там на испанского короля, этот визит свидетельствовал об укреплении франко-испанских отношений.

В начале XX в. на Дальнем Востоке резко обострилась борьба империалистических держав за сферы влияния. 30 января 1902 г. был заключен договор Японии с Англией, который обеспечивал Японии финансовую помощь и создавал для нее благоприятные международные условия в случае вооруженного столкновения на Дальнем Востоке.

Франция и Россия были обеспокоены англо-японским договором, но он затрагивал прежде всего Россию. 16 марта была опубликована совместная франко-русская декларация по поводу англо-японского союза, которая в сущности ни к чему Францию не обязывала. Русский посол во Франции Урусов, сообщая о впечатлении, произведенном опубликованием этой декларации на общественное мнение, отмечал, что в общем оно было благоприятным и «главной причиной тому было сознание большего скрепления союза с Россией»[934].

Французская дипломатия по-прежнему считала союз с Россией основой своей политики, но теперь она все больше стремилась использовать его в своих империалистических интересах. Франция готова была уладить конфликт на Дальнем Востоке, легко пожертвовав империалистическими интересами России. Зато ее руководители желали заручиться решительной помощью России в осуществлении планов овладения Францией Марокко и Сиамом. «Наконец, и особенно, – писал по поводу беседы об этом Делькассе с Лубе генеральный секретарь последнего, – президент желает заставить императора энергично поддерживать Францию в целях установления ее влияния в Сиаме и Марокко»[935].

13 января 1904 г. Япония фактически предъявила России ультимативные требования. Но Делькассе еще две недели вел в Париже переговоры с японским послом во Франции Мотоно. 21 января Делькассе писал своему послу в Токио относительно возможности русско-японского соглашения: «По моему мнению, заключение этого соглашения не неосуществимо»[936]. Неожиданно 27 января Мотоно категорически отверг посредничество Франции[937]. Япония была готова к войне. Она имела не только союз с Англией, но в октябре 1903 г. получила заверения канцлера Бюлова в том, что Германия сохранит нейтралитет в этой войне[938]. 8 февраля 1904 г. Япония вероломно напала на Порт-Артур, и началась русско-японская война, обнажившая техническую отсталость царской России. Эта отсталость чрезвычайно обеспокоила французскую дипломатию, рассчитывавшую прежде всего на использование мощной русской армии. Теперь ей необходимо было энергичнее изыскивать дополнительные возможности, чтобы противостоять усиливающейся Германии.

---

933 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 504.

934 АВПР, ф. Канцелярия, д. 74, ч. I, 1902 г., л. 66.

935 A. Combarieu. Sept ans a l’Elysee…, p. 185.

936 «Documents diplomatiques francais», serie II, t. IV, N 205, p. 280.

937 Ibid., N 220.

938 Б. Бюлов. Воспоминания. М. – Л., 1935, стр. 255.

Русско-японская война ускорила перегруппировку империалистических держав вокруг двух враждебных центров – Германии и Англии.

Одновременно с ростом англо-германских противоречий усиливались противоречия между Германией и Францией. Эльзас и Лотарингия, имевшие ранее прежде всего военно-стратегическое значение, приобрели с изобретением Томаса также большое экономическое значение. Резко усиливались противоречия по колониальным вопросам – обе страны стремились к захвату Марокко. Все это создавало предпосылки для сближения Франции и Англии. Нападение Японии на Россию лишь ускорило решение вопроса.

В мае 1903 г. Эдуард VII прибыл в Париж. В личной беседе президент и король пришли к соглашению по всем вопросам внешней политики. Делькассе, как это видно из инструкции, направленной им 11 мая 1903 г. французским послам, возлагал большие надежды на переговоры с Англией. «Мы вправе приветствовать, – писал он, – визит короля Эдуарда и надеяться, что он не будет бесполезен для нашей политики» [939]. Делькассе поручил французскому послу в России Бомпару выяснить, не повредили ли франко-русскому союзу переговоры Франции с Англией. Бомпар с удовлетворением убедился, что нет[940].

Однако между Францией и Англией оставалось немало трудных, нерешенных вопросов. 4 июля 1903 г. Лубе и Делькассе отправились с ответным визитом в Лондон. В Англии французской делегации устроили торжественный прием, а король на обеде в Букингемском дворце произнес тост, в котором были слова: «Франция и Англия, бывшие некогда врагами, ныне являются друзьями и союзниками». Будучи в Лондоне, 7 июля Делькассе начал конкретные переговоры с Ленсдауном, который также стремился к улаживанию отношений с Францией. Затем переговоры продолжил в Лондоне Поль Камбон. Наконец, 8 апреля 1904 г. Ленсдаун и Камбон подписали соглашение, известное в истории под именем «сердечного согласия» и положившее начало Антанте.

В соглашении, направленном против Германии, ни словом не упоминалось об этой стране. В нем лишь говорилось об урегулировании колониальных споров между Англией и Францией. Оно состояло из трех частей: 1) Конвенция о Ньюфаундленде и Западной Африке; 2) Декларация о Египте и Марокко; 3) Декларация о Сиаме, Мадагаскаре и Гебридских островах. К договору было приложено секретное соглашение о Египте и Марокко, состоявшее из трех статей [941]. Основным вопросом был, конечно, вопрос о Марокко и Египте. В предназначенном для опубликования тексте указывалось, что английское правительство не имеет намерения изменять политическое положение Египта, а французское – Марокко. Но в статьях секретного соглашения предусматривалось, что оба правительства могут «в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении Египта и Марокко» [942]. Остальные части договора улаживали вопрос о разделе Сиама на сферы влияния по реке Менам (Западный Сиам – сфера влияния Англии, Восточный – Франции), а также ряд более мелких колониальных споров.

Но такое кардинальное решение англо-французских колониальных разногласий означало в тех условиях, что обе страны готовились к совместной войне против основного соперника – Германии. В. И. Ленин указывал: «1904: Договор Англии с Францией (8. IV): делят Африку (готовятся к войне с Германией)» [943]. Это было дальнейшее оформление

---

939 «Documents diplomatitjues fiancais». Scrie II, t. Ill, doc. 237, p. 323.

940 M. Bonipard. Mon Ambassade en Russie…, p. 5.

941 Ю. В. Ключников и А. Сабанин. Международная политика новейшего времени…, ч. I, стр. 313–316.

942 Секретные статьи о Марокко стали известны только в 1911 г.

943 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669.

антигерманского блока держав.

Создание англо-французской Антанты было одобрено и русским правительством, несмотря на его разногласия с Англией по ряду колониальных проблем.

Дружеский характер франко-русских отношений не нарушился в общем и во время русско-японской войны. Однако именно тогда особенно ясно проявилась чрезвычайная заинтересованность французского правительства в использовании вооруженных сил русской армии в своих империалистических целях. Русско-японская война представляла известный рубеж в русско-французских отношениях. С момента этой войны и связанного с ней ослабления России влияние Франции в франко-русском союзе заметно усиливается. Необходимо впрочем отметить, что Россия, несмотря на войну, перебросила на Дальний Восток из состава своей европейской армии, насчитывавшей 984 тыс. солдат, всего лишь 60 тыс.[944]

Французская дипломатия была явно заинтересована в скорейшем прекращении русско-японской войны, и потому Делькассе, не выходя из рамок нейтралитета, все же старался оказать России некоторую помощь. Об этом говорилось даже в ежегодном отчете русского министерства иностранных дел за 1904 год: «Правительство Франции делало и продолжает делать все совместимое с соблюдением нейтралитета для облегчения нашего положения как воюющей стороны»[945]. Кроме того, французы понимали, что, несмотря на поражения, Россия еще очень сильна, а высокие боевые качества русского солдата отчетливо проявились даже и в этой неудачной войне. Начальник германского генерального штаба Шлиффен отмечал тогда: «Русский солдат считается одним из лучших в мире Его выдержка и презрение к смерти общеизвестны»[946].

5 сентября 1905 г. подписанием Портсмутского мира была закончена русско-японская война. Но царское правительство оказалось перед лицом первой русской революции, на подавление которой ему потребовались новые займы. Однако предоставление займа французское правительство поставило в зависимость от позиции России по марокканскому вопросу, заявив, что заем не может быть дан России, пока не будет урегулирован конфликт с Германией [947] . Это вынуждало Россию занять позицию безоговорочной поддержки Франции. В результате, Франция, возглавлявшаяся тогда правительством радикалов, предоставила России в 1906 г. огромные средства (2250 млн. фр., г. е. 843 750 тыс. руб.), которые царское правительство бросило на подавление первой русской революции.

В. И. Ленин, говоря о займе 1906 г., отмечал, что буржуазия «дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышом, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат»[948]. Буржуазная Франция использовала таким образом свое все возрастающее влияние на Россию в явно реакционных целях, совершенно презрев собственное революционное прошлое.

После окончания русско-японской войны и предоставления в 1906 г. займа России франко-русское военное и дипломатическое сотрудничество вновь укрепилось. В области

---

[944] «Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette», Bd. XIX, Th. I. Berlin 1925, Nr. 6032, S. 176 (далее – «Die grosse Politik»).

[945] АВПР, ф. Отчеты, 1904 г., д. 133, л. 171.

[946] «Die Grosse Politik», Bd. XIX, Th. II, N 6193, S. 423.

[947] *M. Bompard.* Mon ambassade en Russie…, p. 149.

[948] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 445.

военной это нашло свое выражение в организации систематических совещаний генеральных штабов Франции и России. В области дипломатической это проявилось прежде всего в позиции России в период первого марокканского кризиса.

Цепко держась за уже захваченные колониальные владения, империалистическая Франция усиленно готовилась к ожесточенной борьбе за пока не поделенное Марокко, богатое полезными ископаемыми и имеющее большое стратегическое значение. В 1899–1900 гг. Франция заняла ряд оазисов в южной части Марокко. После того как Испания 3 октября 1904 г. присоединилась к англо-французскому договору от 8 апреля 1904 г., Франция предоставила султану заем, взамен которого получила право контроля над важнейшими таможнями. Полиция в Танжере была подчинена французским офицерам. В феврале 1905 г. Франция предъявила султану требования о реорганизации марокканской армии с помощью французских инструкторов, о контроле над финансами страны, об отказе от влияния в Марокко других государств. Неожиданно для французов Абд-эль-Азис отказался принять этот проект, означавший установление протектората над Марокко.

Отказ султана объяснялся позицией Германии, капитал которой в начале XX в. тоже усиленно проникал в Марокко. Ослаблением России в период русско-японской войны решила воспользоваться немецкая дипломатия, которая сочла момент благоприятным, чтобы потребовать своей доли в Марокко. 31 марта 1905 г. Вильгельм II, прибывший на яхте в Танжер, произнес речь о решимости Германии защищать свои интересы в Марокко, султана которого он назвал «независимым монархом». 11 и 12 апреля Бюлов направил своим послам в Лондоне, Петербурге и Вене циркуляры о требовании Германии созвать международную конференцию восьми держав, подписавших в 1880 г. Мадридский договор, установивший международное правовое положение Марокко[949].

Премьер-министр Рувье, как он сказал русскому послу, опасался войны, учитывая, что если Англия и разобьет еще слабый германский флот, то все-таки Германия может напасть на Францию «пока Россия, занятая на Дальнем Востоке, не в силах прийти на помощь своей союзнице»[950]. Англия, конечно, не могла заменить русскую армию, и это не хуже Рувье понимал Делькассе. Последний, однако, был твердо убежден, что Германия только запугивает французов, но войны сама не начнет. Тем не менее германская пресса подняла шумную антифранцузскую кампанию, и напуганный Рувье настоял на отставке Делькассе, объявленной 7 июня 1905 г.

В Германии ликовали. Делькассе считался ее опаснейшим врагом[951]. И после того как, по выражению Витте, «Делькассе слетел», Бюлову был пожалован княжеский титул. Но Германия не умерила своих претензий и отвергла попытки Рувье уладить дело двусторонними переговорами. Она требовала международной конференции и угрожала. Рувье был явно растерян, но не мог пойти на соглашение с Германией за счет разрыва с Россией и Англией. И он подтвердил прежнюю внешнеполитическую линию французского правительства.

Начавшиеся переговоры о прекращении русско-японской войны заставили германскую дипломатию взять более примирительный тон, и 8 июля было достигнуто предварительное соглашение об условиях созыва международной конференции. В Париже поддержке со стороны России на предстоящей конференции придавали большое значение. Рувье в беседе с Нелидовым дал понять, «хотя и очень издали, – как сообщал посол, – что поддержка, оказываемая его правительством русскому финансовому кредиту во Франции, является и проявится еще в будущем как бы оплатой за добрые услуги России в марокканском

---

[949] A. Tardieu. La conference d’Algesiras. Paris, 1907, p. 475–479.

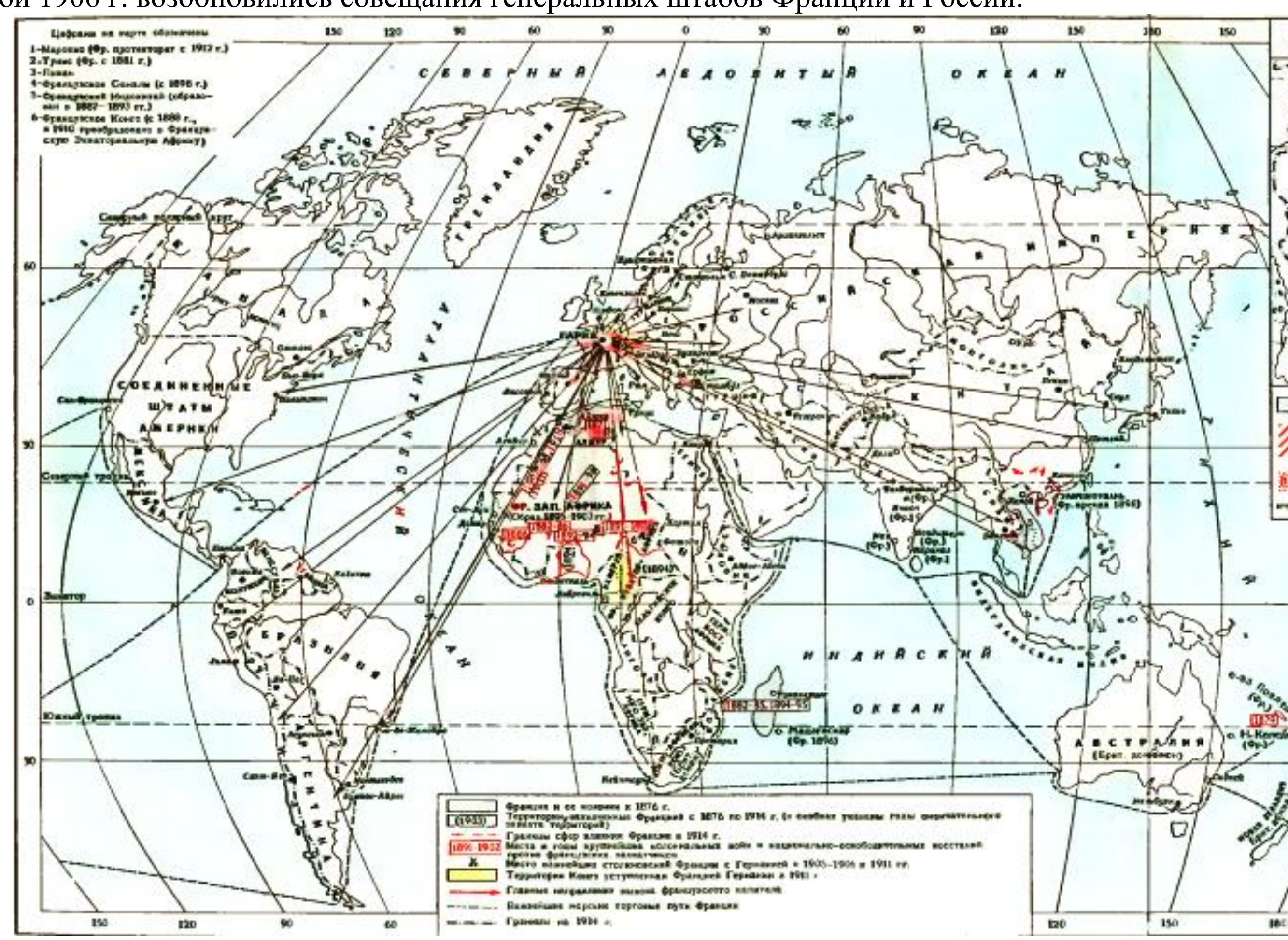
[950] АВПР, ф. Канцелярия, т. 86-а, д. 161.

[951] Б. Бюлов. Воспоминания, стр. 285, 286, 298; «Русский Вестник», 1906, № 7, стр. 349–350.

вопросе»[952]. Получив уведомление от Витте, что Россия полностью поддержит Францию на конференции, Рувье устроил России аванс в 100 млн. руб. в счет будущего займа. 11 января русский министр финансов Коковцев подписал соответствующее соглашение.

С 15 января по 7 апреля 1906 г. проходила Альхесирасская конференция с участием 11 европейских государств, США и Марокко. Германия оказалась полностью изолированной на конференции, если не считать слабой поддержки со стороны Австро-Венгрии. Русский представитель на конференции граф Кассини, получив соответствующие инструкции, поддержал все притязания Франции. Он сообщал Ламздорфу: *«Я* делаю все от меня зависящее, чтобы оказать поддержку Франции»[953]. Заключительный акт конференции от 7 апреля 1906 г. признал формальную независимость Марокко и экономические свободы для всех держав. Однако Франция получила преобладающую и руководящую роль в финансовых и военных делах и, в частности, право руководить марокканской полицией.

Марокканский кризис закончился победой французской дипломатии и привел к более тесному сближению Франции, России и Англии. В январе 1906 г. начались переговоры между французским и английским генеральными штабами. После пятилетнего перерыва весной 1906 г. возобновились совещания генеральных штабов Франции и России.

Колониальные захваты Франции в конце XIX в.

Подъем рабочего движения в 1905–1906 годах и влияние Первой русской

---

952 АВПР, ф. Канцелярия, д. 86-а, л. 398; R. Poideven. Financys et relations internationales. 1887–1914. Paris, 1970.

953 «Красный архив». 1930, т. 4–5, стр. 12.

революции

В связи с подъемом массового рабочего движения с начала XX в. усилилось стремление рабочего класса к созданию единой пролетарской партии. В 1901 г. гедисты и бланкисты объединились в единую Социалистическую партию Франции. В 1902 г. другие социалистические группировки во главе с Жоресом, Брианом и Вивиани, объединившись с аллеманистами и поссибилистами, образовали Французскую социалистическую партию. Таким образом создались две крупные партии социалистов, которые продолжали действовать независимо друг от друга.

Решение Амстердамского конгресса II Интернационала в 1904 г. о создании единых национальных социалистических организаций явилось одной из причин объединения французских социалистов. Важнейшим фактором, ускорившим это объединение, было также влияние русской революции 1905 г. В апреле 1905 г. на конгрессе в Париже была создана Французская объединенная социалистическая партия (СФИО), куда вошли все ранее существовавшие социалистические партии и группы. При объединении всеми группами совместно была выработана «хартия единства», в которой подчеркивалось, что «социалистическая партия… полностью поддерживая осуществление немедленных реформ, требуемых рабочим классом, является не партией реформ, а партией классовой борьбы и революции»[954].

«Хартия единства» заставила значительную часть бывших независимых социалистов, например Бриана, Вивиани, Жеро-Ришара, отказаться войти в новую партию, что было, конечно, положительным для нее фактором. Однако в целом объединение французских социалистов произошло не в результате разгрома оппортунистов, а в силу компромисса с ними. Новая партия не стала однородной ни в классовом, ни в идейном отношении. Руководящая роль в ней постепенно перешла к Жану Жоресу и его сторонникам.

Жан Жорес (1851–1914) был выдающимся политическим деятелем, чуждым карьеризму, искренне и глубоко преданным рабочему классу и социалистическому движению. «Я имею право сказать, – писал он, – что с тех пор, как занимаюсь общественной деятельностью… моим идеалом всегда была социальная республика, республика организованного и суверенного труда. И именно за нее я боролся с самого первого дня, со всей своей неопытностью и незнанием»[955].

Этот невысокий, плотный и коренастый человек, который, спускаясь с верхних скамей левой, шел к парламентской трибуне тяжело, «как маленький слон»[956], был превосходным оратором. Он начал свою деятельность как представитель левой буржуазной партии и никогда до конца не понимал марксизма. Но он шел в течение своей политической жизни справа налево, мужественно сражаясь против сил реакции. Он поддерживал идею всеобщей стачки, хотя принимал ее только как наименьшее зло и только как средство воздействия на правительство для проведения реформ. «В пылу борьбы против крайне реакционных правительств, – писал Жорес, – которые нам угрожали и собирались выбросить нас из республики, отлучить от права на национальную жизнь, я обращался с призывом к бурной энергии пролетариата, как я сделаю это в любой момент, если правительство попытается запретить коллективизму и рабочему классу свободную и легальную эволюцию»[957]. Жорес

---

954 *J. Carrere* et G. *Bourgin.* Manuel des partis politiques en France. Paris, 1924, p. 148–149; см. также: C. *luillard.* Le mouvement socialiste en France 1893–1905. Les guesdistes. Paris, 1965, p. 572–590.

955 J. Jaures. Discours parlementaires, t. 1. Paris, 1904, p. 3.

956 R. Priouret. La Republique des deputes, p. 148.

957 J. Jaures Discours parlementaires, t. 1, p. 4; см. также A. 3. Манфред Очерки истории Франции XVIII–XX вв. М., 1961; Н. Н. Молчанов. Жорес. М… 1969.

был также искренним противником войн. Но убеждение, что войны при капитализме не являются неизбежными, даже в условиях того времени, порождало у него иллюзии, и поэтому он приветствовал создание англо-французской Антанты 1904 г. и укрепление франко-русского союза.

В первое время после создания объединенной партии гедисты и бланкисты критиковали жоресистов. Но, поскольку сами они в ряде вопросов не были последовательными марксистами, через несколько лет они приняли многие оппортунистические положения реформистов, постепенно отказываясь от революционной тактики, а в конечном счете и от борьбы за диктатуру пролетариата, выдвигая тактику парламентаризма в качестве основного метода борьбы.

В погоне за голосами крестьянства на выборах серьезные ошибки оппортунистического характера гедисты допустили еще в 90-х годах в аграрной программе, разработанной в основном Лафаргом, и в аграрном вопросе вообще. Весьма серьезные ошибки сектантского характера были у них и в вопросе о взаимоотношениях социалистической партии с профессиональным движением рабочего класса. Они не поддерживали идею всеобщей стачки, за которую выступали широкие массы, и отрицали ее революционное значение. А группа бланкистов во главе с Эд. Вайяном считала всеобщую стачку основным средством революционной борьбы.

Несмотря на то, что во Франции в начале XX в. в связи с ухудшением положения трудящихся и обострением классовой борьбы наблюдался заметный рост профсоюзного движения, только в 1902 г. на съезде ВКТ в Монпелье было осуществлено окончательное слияние федерации бирж труда с основным профсоюзным объединением и была создана единая организация ВКТ. Это явилось несомненным успехом французского рабочего класса и сопровождалось быстрым ростом числа профсоюзов и увеличением числа их членов[958].

После 1902 г. общее количество членов ВКТ значительно увеличилось, деятельность ее организаций активизировалась. Она превратилась в руководящую силу французского забастовочного движения. Однако роль и значение ВКТ в борьбе французского рабочего класса ослаблялись тем, что руководство ею перешло в основном в руки анархо-синдикалистов, не стремившихся к объединению значительной массы пролетариата. В эти годы большая часть французского пролетариата вообще не входила в синдикаты. Наибольшее количество организованных рабочих имелось среди горняков, передовой части французского пролетариата, наименьшее – среди сельскохозяйственного пролетариата.

История международного, и в том числе французского, рабочего и социалистического движения в эпоху II Интернационала была историей борьбы, как отмечал В. И. Ленин, «двух основных тенденций в рабочем движении, революционного и оппортунистического социализма»[959]. Гедисты, олицетворявшие революционную тенденцию во французском социализме, не смогли понять особенностей новой эпохи – эпохи перехода к империализму, не поняли, что новой и основной задачей французского пролетариата становилась борьба за подготовку социалистической революции, поскольку объективные условия для ее осуществления, т. е. необходимые материальные предпосылки, к началу XX в. вполне сложились в стране. Гедисты не сумели в начале XX в. объединить французский рабочий класс вокруг программы и тактики марксизма, не уяснили, что их очередная задача, как сознательного авангарда в рабочем движении, «уметь, – по замечанию В. И. Ленина, – *подвести* широкие… массы к… новому их положению, или, вернее, уметь руководить *не только* своей партией, но и этими массами в течение их подхода, перехода на новую

---

[958] J. Bruhal et M. Piolot. Esquisse d'une histoire de. la C. G. T. (1895–1965). Paris, 1966.

[959] В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 120.

позицию»[960].

Если в первые годы XX в. французской буржуазии в общем удавалось справляться с рабочим движением путем отвлечения пролетариата от борьбы за его насущные классовые интересы активной антиклерикальной политикой, то в условиях нового подъема революционного движения во Франции в 1905–1906 гг. и влияния русской революции 1905 г. этого оказалось недостаточно. Русская революция встретила широкое сочувствие среди огромной массы рабочих, служащих и значительной части передовой интеллигенции. В январе – марте 1905 г. по всей Франции происходили многочисленные демонстрации, митинги и собрания солидарности с русской революцией. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи в газете «Юманите». Об этом сообщал также в совершенно секретной депеше крайне обеспокоенный событиями русский посол в Париже Нелидов [961]. Особой силы движение солидарности достигло в феврале, когда на многочисленных митингах выступали в защиту русской революции Жорес, Гед, Вайян, Анатоль Франс и многие другие. В один из февральских дней митинги и демонстрации состоялись одновременно в 39 городах. В феврале 1905 г. передовая интеллигенция и левые политические деятели создали Общество друзей русского народа во главе с Анатолем Франсом. Активными членами общества были также профессор Сеньобос, Э. Реклю, Псишари, писатели Поль и Виктор Маргерит, Октав Мирбо, художник Стейнлен и др. Общество организовало многочисленные собрания и митинги в защиту русской революции, издавало брошюры, воззвания и выступало против предоставления займа России. «Юманите» выступила инициатором повсеместного сбора средств для оказания помощи русским революционерам[962].

Росло число стачек. Стачечная борьба все чаще стала принимать политический характер и доходить до открытых вооруженных столкновений. В апреле были введены войска в Лимож для расправы с забастовавшими рабочими фарфоровых заводов. Летом вооруженное столкновение имело место в Лонгви. В ноябре происходила забастовка рабочих портовых арсеналов Шербура, Бреста, Тулона.

Рост революционного движения во Франции, усиленный влиянием русской революции, предопределил и окончательное решение вопроса об отделении церкви от государства. Министерство Комба было сменено кабинетом республиканца-оппортуниста Мориса Рувье – представителя финансового мира, связанного с банком Ротшильда. Правительство Рувье, вынужденное считаться с настроением масс, провело внесенный Комбом законопроект об отделении церкви от государства, хотя сам Рувье был против этого законопроекта. Палата поддержала законопроект; Бриан с блеском защищал его. По новому закону, обнародованному 9 декабря 1905 г., государство прекращало с 1 января 1906 г. денежное субсидирование церкви, но свобода религии не затрагивалась, и все церкви могли беспрепятственно продолжать свою деятельность.

Развитие стачечного движения поднялось на высшую ступень; в 1906 г. развернулось массовое движение за 8-часовой рабочий день.

Революционное движение 1905–1906 гг., особенно готовившаяся к 1 мая всеобщая стачка, напугало правящие классы. Началось паническое бегство парижан на юг и за границу, капиталы стали утекать из страны. Накануне 1 мая Париж был окружен воинскими частями, а в столице находились 45 тыс. солдат, в том числе 4 пехотных полка, 4

---

960 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 78; см. о гедистах: *C. Willard.* Le mouvemenl socialiste en France 1893–1905. Les guesdistes.

961 «Красный архив», 1925, т. 9, стр. 40.

962 См. А. 3. Манфред. Очерки истории Франции XVIII–XX вв-, стр 417–482; Н. М. Лукин. Избр. труды, т. III. М. 1963, стр. 302–342.

кавалерийских и 10 драгунских. Министр внутренних дел Жорж Клемансо, вызвав руководителей ВКТ, заявил им, что «1 мая Париж будет буквально в состоянии осады»[963]. Ряд руководителей ВКТ был арестован.

Первомайская забастовка успешно началась в Париже, где бастовало около 200 тыс. человек, и в ряде других промышленных городов. Движение продолжалось в мае и в июне, но уже с гораздо меньшей силой. Это позволило правящим классам в основном преодолеть кризис.

Министерство Клемансо

Еще в марте 1906 г. министерство Рувье было сменено кабинетом радикала Сарьена, в состав которого вошли политически столь различные деятели, как Клемансо, Бриан, Пуанкаре. Такой кабинет не мог быть жизнеспособным. После его отставки в октябре 1906 г. новый президент республики Арман Фалльер назначил премьер-министром «престарелого дебютанта»[964] Клемансо, достигшего тогда 65-летнего возраста. Клемансо в то время был крупнейшей политической фигурой. За ним недаром закрепилось прозвище «тигра» и «свергателя министров».

Клемансо, несмотря на свою очень левую позицию в 70-90-х годах, оказался твердым и решительным защитником интересов буржуазии[965]. Его кабинет бессменно продержался почти три года. В. И. Ленин писал в 1908 г.: «Расстрел рабочих войсками, действующими по приказу „радикального“ правительства, – при Клемансо стал едва ли не более частым явлением, чем прежде» [966].

Используя в тот период в качестве главного метода борьбы с революционным движением вооруженную расправу, Клемансо одновременно применял и свои обычные демагогические приемы. Формируя кабинет, он создал новое министерство труда и гигиены, во главе которого поставил бывшего социалиста Рене Вивиани, а военное министерство поручил дрейфусару Пикару. Прах Золя был торжественно перенесен в Пантеон. С первых дней министерство Клемансо заявляло о стремлении к демократии и о решимости провести реформы[967]. Но это были слова, дела были иными. Правительство Клемансо стало на путь решительного подавления забастовочной борьбы пролетариата и крестьянского движения.

В 1906 г. продолжалась массовая борьба пролетариата за 8-часовой рабочий день. Но в июле 1906 г. рабочие добились лишь принятия закона о еженедельном отдыхе. Впрочем, в тексте закона допускалось такое большое количество изъятий, что фактически всю вторую половину 1906 и весь 1907 г. французские трудящиеся боролись за его применение. В 1906–1907 гг. стачки продолжались. В 1907–1909 гг. началось движение государственных служащих, вызванное их низкой зарплатой и отсутствием права создавать свои профсоюзы.

В 1905–1909 гг. в стране развивалось и революционное движение крестьянства.

В начале XX в. резко ухудшилось положение мелких крестьян, владельцев парцелл, и особенно крестьян-виноделов в южных департаментах страны: Эро, Гар, Од и Восточные Пиренеи. Крестьяне-виноделы тяжело страдали от резкого снижения цен на вино и от

---

[963] R. Priouret. La Republique des deputes, p. 207.

[964] *M. Baumont.* Gloires et tragedies de la 111 Republique, p. 283.

[965] *J. Julliard* . Clemenceau – briseur des greves. Paris, 1965.

[966] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 180.

[967] В декларации от 5 ноября 1906 г. Клемансо перечислил 17 реформ, однако о них лишь упоминалось в общей форме (G. *LUormser.* La Republirue de Clemenceau. Paris, 1961, p. 208).

трудностей его сбыта. Они не могли выдержать конкуренции крупных капиталистических хозяйств и разорялись. К этому добавлялись новые расходы, связанные с возобновлением виноградников, пострадавших от филлоксеры. Все это вызвало к жизни широкое массовое движение крестьян, направленное против крупных винодельческих фирм, производивших ради удешевления вин их подслащивание сахаром, т. е. фальсификацию. Крестьяне-виноделы юга избрали демонстрации и бойкот налогов в качестве методов борьбы за свои требования[968]. В 1907 г. была организована первая демонстрация в городе Безье, в которой участвовало около 150 тыс. человек. Не менее крупные демонстрации состоялись и в других городах южной Франции: в Перпиньяне, Каркасоне, Ниме и особенно в Монпелье. В Нарбонне демонстрация кончилась столкновением с вооруженными силами правительства. Но солдаты 17-го пехотного полка, подавляющее большинство которых оказалось крестьянами – уроженцами здешних мест, перешли на сторону восставших. Они силой овладели правительственным пороховым складом, запаслись боеприпасами и дружно двинулись на Безье, отбрасывая войска правительства, посланные против них. Во Франции была сложена песнь о солдатах 17-го полка, которая стала одной из любимых песен В. И. Ленина. Правительство вскоре подавило движение.

Ж. Клемансо

Итак, первые годы XX в., особенно после 1905 г., во Франции характеризовались широким массовым движением рабочего класса, мелких служащих и крестьян. Происходили прямые военные столкновения стачечников с войсками правительства, что свидетельствовало о резком обострении классовой борьбы.

В. И. Ленин, который с декабря 1908 г. по июль 1912 г. жил во Франции[969], был связан с французскими деятелями социалистического движения Полем и Лаурой Лафарг и др., присутствовал на рабочих собраниях и внимательно следил за развитием классовой борьбы. Он подчеркивал в эти годы, что во Франции «„мирная“ обстановка парламентской борьбы

---

968 См. *Ю. И. Хаинсон.* Революционное выступление французских виноградарей в 1907 г. – «Новая и новейшая история», 1957, № 3.

969 Ленин жил в Париже на ул. Мари-Роз, дом 4, в маленькой квартире из двух комнат и кухни («Lenine et la France». Paris, 1954, p. 7).

сменяется сценами настоящей гражданской воины»[970].

Правительство радикалов взяло на себя задачу подавления революционного движения методом грубой вооруженной расправы. Обращаясь к стачечникам, Клемансо откровенно говорил: «Я первый среди полицейских шпиков»[971]. Радикальной партии усиленно помогали ренегаты социализма Бриан и Вивиани. «„Радикальносоциалистическое“ министерство Клемансо-Бриана насильничает не хуже юнкерски-консервативного министерства Бюлова», – писал в 1908 г. В. И. Ленин[972].

Однако к лету 1909 г. стачечное движение пошло на убыль. Расправа со стороны правительства, отсутствие единства рабочего класса, слабость социалистической партии, широкое распространение среди рабочего класса анархо-синдикализма с присущей ему революционной фразой и левацкими ошибками – все это временно помешало развертыванию массового движения во Франции.

Действия правительства радикалов резко критиковали социалисты, особенно Жорес, который, отказавшись от своей прежней поддержки радикалов, решительно разоблачал истинный характер политических маневров Клемансо. В «Юманите»[973] Жан Жорес каждодневно освещал ход борьбы пролетариата, его ожесточенные схватки с буржуазией. Будучи прекрасным оратором, отличным публицистом, неутомимо борясь за интересы трудящихся и применяя иногда гибкую умелую тактику, Жорес все же придавал чрезмерное значение завоеванию большинства в парламенте.

Гедисты в объединенной партии не играли своей прежней роли левого крыла социалистического движения, хотя они и критиковали некоторые реформистские ошибки большинства партии. Лично Гед не шел на соглашения с представителями буржуазии. Но он не смог извлечь уроков из опыта русской революции 1905–1906 гг. Гедисты, страдая догматизмом, не смогли наметить и поддержать новые формы внепарламентской борьбы. Гедизм перерождался в центризм, прикрывающий по сути реформизм своей формальной критикой оппортунизма. Догматизм неизбежно приводил к сектантству, отрыву от масс, что особенно сказалось в вопросе об отношении гедистов к профсоюзному движению. Наиболее левую позицию среди гедистов занимал Поль Лафарг, который еще раньше, во время дела Дрейфуса, протестовал против тактики «скрещенных рук», проводившейся Ж. Гедом.

Отказ социалистической партии от руководства профсоюзами предоставил простор анархо-синдикализму, бывшему в некоторой мере реакцией на господство реформизма. Неправильное отношение социалистов к массовому рабочему движению неизбежно приводило к малочисленности партии. В момент объединения партия насчитывала 35 тыс. членов, в ноябре 1906 г. – 43000 и в 1908 г. – 49 300 членов.

В условиях подъема классовой борьбы в партии возникали левые течения. Они отражали революционное настроение и протест рядовых членов против реформизма и догматизма. Но слабое и неоформленное левое крыло не могло изменить политику партии. И потому объективные условия, создававшие возможность наладить в это время союз пролетариата и крестьянства и готовить их к решающим классовым боям, не были использованы накануне первой мировой войны.

Реформизм жоресистов и догматизм гедистов толкали часть французского пролетариата к анархизму. Но в основе сильного распространения анархо-синдикализма во Франции лежали причины социально-экономического порядка. Они крылись в особенностях

---

970 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 181.

971 С. *UJormser.* La Republique de Clemenceau, p. 206.

972 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

973 См. «Юманите» за 1909 г.

экономического развития Франции, сохранявшего в конце XIX и начале XX в. все еще в значительных размерах мелкое производство и, следовательно, большое количество ремесленников, т. е. именно тот слой, который больше других восприимчив к анархо-синдикализму. Среди французского пролетариата имелся, конечно, слой рабочей аристократии, однако он не был столь широк и многочислен, как в Англии. Несмотря на разницу между ними, оба эти слоя пролетариата легко поддавались влиянию буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Критический анализ различных анархистских и анархо-синдикалистских теорий показывает, как отмечал В. И. Ленин, что «миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное миросозерцание»[974].

Впервые анархо-синдикалистские идеи были высказаны еще на II конгрессе французских профсоюзов в Лионе в 1878 г., но особенно широкое распространение они получили с момента создания федерации бирж труда, во главе которой стал один из видных деятелей анархо-синдикализма, Фернан Пеллутье, с 1895 г. и до своей смерти в 1901 г. занимавший пост секретаря федерации. В основе идей Пеллутье лежало эклектическое сочетание прудонизма и анархизма. Политическую деятельность он считал ненужной и вредной для рабочего класса, отвергал необходимость захвата пролетариатом государственной власти, высказывался за мирную, легальную всеобщую стачку, которую противопоставлял вооруженному восстанию. Буржуазию он призывал «предотвратить грозу» и сделать уступки с целью «умиротворить толпу, которая приходит в раздражение»[975].

Анархо-синдикалисты считали, что единственной пролетарской организацией, способной совершить социалистическую революцию, являются профсоюзы (синдикаты), а не политическая партия пролетариата, которая не должна вмешиваться в деятельность синдикальных организаций. В Амьенской хартии, программном документе анархо-синдикализма, принятом в 1906 г. на съезде ВКТ, указывалось, что Всеобщая конфедерация труда «объединяет, вне зависимости от какого-либо политического направления, всех трудящихся, являющихся сознательными сторонниками борьбы за уничтожение наемного труда»[976].

Классовой борьбе под руководством политической партии пролетариата анархо-синдикалисты противопоставляли так называемое «прямое действие» против буржуазии и буржуазного государства непосредственно самих рабочих без какого бы то ни было вмешательства парламента и политических партий. В. И. Ленин, решительно критикуя подобного рода теории, писал: «… анархисты во *всех* странах, указывая на ошибки с.-д. парламентариев, зовут бросить „нерасчетливую возню с буржуазным парламентаризмом“ и сосредоточить „все эти силы“ на „прямом действии“ организации. Но это ведет к дезорганизации и подмене широкой и всесторонней работы выкрикиванием „лозунгов“, бессильных в своей оторванности»[977]. Основными формами «прямого действия» анархо-синдикалисты считали стачки, бойкот, саботаж. Вершиной этой тактики признавалась всеобщая стачка.

Однако вожди анархо-синдикализма, исходя из теории «активного меньшинства», не создавали массовых синдикатов и растрачивали силы авангарда пролетариата на неподготовленные выступления. Такими были призывы ко всеобщей стачке в 1908 г. после

---

[974] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 131.

[975] F et *M. Pelloutier.* La vie ouvriere en France. Paris, 1900, p. 53; *F. F. Ridley.* Revolutionary Sindicalism in France. The Direct Action of its Time. Cambridge Univ. Press. 1970.

[976] «La Charte d’Amiens». Texte de la resolution adoptee au Congres de la C. G. T. a Amiens du 8 au 14 oct. 1906. – «Cahiers de l’Institut Maurice Thorez», № 16, 1969, p. 79.

[977] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 404–405.

провокаций Клемансо и в мае 1909 г. в помощь забастовавшим почтовикам в Париже и в департаменте Сены. Этот призыв встретил решительное сопротивление правореформистских руководителей некоторых синдикатов и не нашел отклика в широких массах. После этой неудачи руководители ВКТ больше не решались призывать ко всеобщей стачке.

Другим существенным способом прямых действий анархо-синдикалисты считали саботаж, утверждая, что это чисто пролетарский метод борьбы. Идеи саботажа проповедовал в газете «Ла гер сосиаль» Гюстав Эрве. В газете всегда отмечались акты саботажа под общим весьма красноречивым заголовком: «Есть чему порадоваться молодцам». Решительным сторонником метода саботажа был также Пуже, который посвятил этому вопросу брошюру[978].

В. И. Ленин отмечал, что тактика анархо-синдикалистов, «сводящаяся к отрицанию политической борьбы, разъединяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо»[979]. Позже В. И. Ленин писал: «Анархо-синдикалист отвергает „мелкую работу“, особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию „великих дней“ при неумении собирать силы, создающие великие события»[980]. В. И. Ленин подчеркивал, что между анархо-синдикализмом и старым «экономизмом» русских социал-демократов имеется «не мало черт сходства»[981].

Анархо-синдикализм в период своего расцвета имел и теоретических «попутчиков», в том числе известного социолога Жоржа Сореля[982], «путаника», по определению Ленина[983]. В 90-х годах он был сторонником ревизионизма, а затем перенес свои симпатии на синдикализм.

Должен быть также отмечен и Юбер Лагарделль, выступивший первоначально как ученик Пеллутье. В своем основном произведении «Рабочий социализм» Лагарделль выдвинул теорию «социализма учреждений», доказывая, что при помощи синдикатов, борющихся против государства и хозяев, пролетариат постепенно создаст рабочее государство внутри государства капиталистического[984]. Таким образом, Лагарделль отказывался от революционной борьбы и принижал роль политической партии пролетариата. Лагарделль попытался обосновать свои ложные теоретические положения ссылками на Маркса, грубо искажая при этом основные идеи марксизма. Руководимый Лагарделлем журнал «Мувман сосиалист» систематически занимался в 1905–1908 гг. ревизией марксизма. По существу это был, как писал Ленин, «ревизионизм слева»[985]. Не случайно Лагарделль позже стал социал-шовинистом, а в 1942 г. министром правительства Виши.

К числу теоретиков синдикализма относился и известный анархист Эмиль Пуже – один

---

[978] *E. Pouget.* La Sohotage. Paris, 1911, p. 32–54.

[979] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 131–132.

[980] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66.

[981] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 190.

[982] *G. Sorel.* Reflexions sur la violence. Paris, 1936.

[983] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18. стр. 310.

[984] *H. Lagardelle.* Le Socialisme ouvrier. Paris, 1911.

[985] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25.

из первых анархистов, призывавших к ведению работы в синдикатах. Он заявлял, что борьба против существующего строя по плечу не всему рабочему классу, а лишь его «сознательному меньшинству», которое «обязано действовать не считаясь с остальной массой». Большинство пролетариата, по мнению Пуже, представляет собой серую массу, на которую «преобладающее влияние» оказывают «избранные элементы рабочего класса»[986].

Анархо-синдикалисты в сущности не могли и не хотели объединить широкие массы французского пролетариата.

Следует, однако, отметить, что в обстановке обострения классовой борьбы в стране и господства реформизма в социалистической партии Всеобщая Конфедерация Труда в эти годы получила поддержку и со стороны революционных слоев французского пролетариата в ряде отраслей индустрии (металлисты, строители, железнодорожники и т. д.), которые искали новых форм внепарламентской борьбы.

Огромное большинство рабочего класса находилось накануне первой мировой войны вне профсоюзных организаций, а значительная часть последних не входила в ВКТ, несмотря на то, что *ее* деятельность расширялась и число членов увеличивалось. Слабое развитие профсоюзного движения и отсутствие руководства со стороны социалистической партии не давали возможности для осуществления через синдикаты широкой связи между передовыми и отсталыми слоями пролетариата, между рядовой массой рабочего класса и его авангардом. В целом, однако, вся многолетняя пропаганда социалистических идей, проводившаяся партией, ее центральным органом «Юманите», виднейшими ее представителя·? ми Ж. Жоресом, Ж. Гедом, Э. Вайяном, П. Лафаргом, М. Кашеном и др., давали свои плоды. Идеи социализма все шире проникали в рабочие массы и в крестьянские районы. Непрестанно росло количество социалистических избирателей.

Министерство Бриана и рабочее движение

Сменивший Клемансо на посту премьер-министра Аристид Бриан (1862–1932) начал свою политическую деятельность в рядах социалистов и выдвинулся как ярый пропагандист всеобщей стачки. В. И. Ленин справедливо писал о Бриане: «Он изменил рабочему классу и продался буржуазии» [987]. В 1906 г. Бриан впервые вошел в правительство. 24 июля 1909 г. Бриан сформировал «министерство трех ренегатов», включив в него бывших социалистов Мильерана и Вивиани. Представляя свой кабинет депутатам палаты, Бриан покаялся в своем революционном прошлом и заявил: «Во мне родился новый человек – человек, который желает достойно выполнить возложенные на него обязанности»[988].

Пытаясь оправдать доверие буржуазии, Бриан стремился проводить политику сглаживания классовых противоречий путем подчинения рабочего класса буржуазному влиянию. Его правительство в этих целях провело 5 апреля 1910 г. давно обсуждавшийся закон о пенсиях для рабочих и крестьян, устанавливавший обязательное страхование всех низкооплачиваемых лиц наемного труда с 65-летнего возраста[989]. Но этот закон, как сказал Гед, «предоставлял пенсии лишь покойникам», и рабочие встретили его враждебно. Орган синдикатов, газета «Ла батай синдикалист» охарактеризовала закон как «жульнический» и

---

[986] «Mouvement Socialiste», N 142, 1904, p. 45.?. *Pouget.* Confederation Generale du Travail. Paris, 1908, p. 35. *J. Maitron.* Histoire du mouvement anarchiste en France (1880–1914). Paris, 1951.

[987] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 297.

[988] «Annales le la Chambre des Deputes, 9 Legislature. Debats parlementaires. Session ordinaire de 1909», t. II. Paris, 1909, p. 1540.

[989] «Journal officiel», 15.IV 1910.

обвиняла государство в краже собранных с рабочих налогов на пенсии в сумме 14 млрд. фр., которые будут фактически употреблены не на улучшение положения трудящихся, а на подготовку «к войне гражданской и международной»[990].

Проходившие в апреле-мае 1910 г. парламентские выборы показали сдвиг влево. Из 597 мест радикалы и радикал-социалисты получили 252, независимые социалисты – 30, а Объединенная социалистическая партия провела в палату 74 депутата вместо 55 в 1906 г. Новая палата оставила у власти кабинет Бриана, проголосовав 404 голосами против 121 за доверие.

Полевение народных масс выразилось не только в результатах голосования, но и в усилении с апреля 1910 г. стачечного движения. Оно продолжалось до осени, когда после увольнения председателя федерации машинистов и кочегаров Тоффена национальный синдикат железнодорожников 11 октября объявил всеобщую стачку на всех железнодорожных линиях Франции.

Всеобщая стачка железнодорожников продолжалась всего восемь дней. Рабочие выступили дружно и держались твердо, но не на всех железных дорогах; там, где были сильны реформисты, стачка не была поддержана. Чрезвычайную энергию проявил и Бриан, фактически переведший железнодорожников на положение мобилизованных. Военными силами правительства были заняты все важнейшие пункты Северной железной дороги. «По существу, – писал в „Юманите“ Жорес, – политика главы правительства сводится к милитаризации бастующих рабочих»[991]. Армия была двинута на обслуживание железных дорог, и всем, кто не вернется на работу, пригрозили увольнением. Стачечный комитет, заседавший в помещении «Юманите», был арестован.

25 октября вопрос о стачке обсуждался на чрезвычайной сессии палаты. Социалисты требовали отставки кабинета, а Гед предложил предать суду премьер-министра за злоупотребление армией. Бриан защищался, ссылаясь на необходимость национальной обороны, и патетически восклицал: «Посмотрите на мои руки – они не запятнаны ни единой каплей крови»[992]. Он, однако, не упомянул о многочисленных беззаконных арестах. Бриан получил большинство в 146 голосов. 2 ноября он подал в отставку, а на следующий день уже составил новый кабинет. Но второе министерство Бриана, в котором явно усилились правые, оказалось недолговечным и 27 февраля 1911 г. было опрокинуто. Таким образом, ренегаты социализма накануне войны возглавляли буржуазные правительства и проводили политику французской монополистической буржуазии.

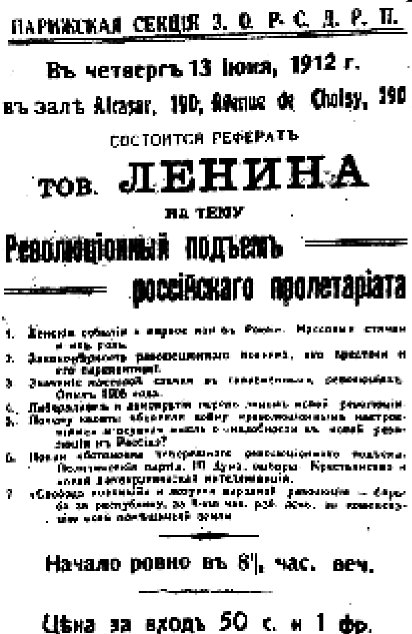
---

[990] «La Bataille Syndicaliste». 13.V 1911.

[991] «L'Humanite», 17.X 1910.

[992] «Annales de la CLambie des Deputes, 10 Legislature. Debats parlementaires. Session extraordinaire de 1910», t. unique. Paris, 1911, p 99, 113, 124, 126.

Жан Жорес на антивоенном митинге в Пре-Сен-Жерве

ПАРИЖСКАЯ СЕКЦІЯ З. О. Р. С. Д. Р. П.

Въ четвергъ 13 іюня, 1912 г.

въ залѣ Alcasar, 190, Avenue de Choisy, 190

состоится рефератъ

тов. ЛЕНИНА

на тему

Революціонный подъемъ российскаго пролетаріата

Начало ровно въ 8½ час. веч.

Цѣна за входъ 50 с. и 1 фр.

Объявление о выступлении В. И. Ленина в Париже

Неудача стачки железнодорожников привела к предвоенному кризису синдикализма. Часть лидеров ВКТ во главе с А. Жуо стала проводить политику «исправления прицела» и начала переходить на сторону реформизма. Но стачечное движение продолжалось особенно в связи с резким ухудшением материального положения рабочего класса. С 1910 г. начали значительно повышаться цены на хлеб, мясо, сахар и другие продукты первой необходимости при сохранении номинальной заработной платы на прежнем уровне[993]. На 1 мая 1911 г. ВКТ назначила демонстрацию, однако новое правительство радикала Мониса (2 марта – 23 июня 1911 г.) силой помешало ее проведению. Летом того же года началось движение крестьян-виноделов в Шампани, куда в связи с этим направили войска, которые были выведены лишь несколько месяцев спустя. Обострение классовой борьбы проявлялось, как отмечал В. И. Ленин, – «в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается с внезапной силой»[994].

Внешняя политика Франции

Французская дипломатия, заключив договор об Антанте с Англией, предприняла меры к тому, чтобы содействовать ускорению заключения англо-русского соглашения. Во время совещания генеральных штабов в 1906 г. русский генерал Палицын задал вопрос, может ли Россия рассчитывать на помощь Франции в случае войны с Англией, как это было установлено на предыдущем совещании генеральных штабов в 1901 г. Французский представитель генерал Брен уклонился от ответа. Но на этот вопрос ответил новый министр иностранных дел Франции Леон Буржуа, когда в беседе с Нелидовым сказал: «При существующих ныне между Францией и Англией дружеских сношениях и при явном стремлении лондонского кабинета к сближению с Россией нет оснований для обсуждения

---

993 «Юманите» опубликовала в это время ряд статей о росте цен и тяжелом положении пролетариата («L’Humanite», 1; 2; 14; 21.1; 9.II; 21.III; 6; 12; 23–27.VIII; 12.IX 1910).

994 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 181.

мер, которые отнюдь не оправдывались бы обстоятельствами»[995].

Альхесирасская конференция, как говорилось выше, показала сотрудничество России и Франции с Англией. В годовом отчете министерства иностранных дел России за 1906 г. отмечалось, что на этой конференции «впервые проявилась новая группировка Европейских держав (России, Англии и Франции), при которой Германия с Австро-Венгрией остаются в изолированном положении»[996].

Эта новая группировка окончательно оформилась 31 августа 1907 г. с подписанием англо-русского соглашения по урегулированию разногласий обеих держав в Персии, Афганистане и Тибете.

Теперь окончательно определились два враждебных блока держав. В. И. Ленин замечал по поводу русско-английского соглашения 1907 г.: «…делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)»[997].

Действительно, это было так. Клемансо, давая 28 июля 1908 г. инструкции новому французскому послу в Петербурге Жоржу Луи, говорил: «Я думаю о войне и нахожу, что она неизбежна… Нам надо держаться наготове, и при поддержке, которую мы получим со стороны Англии и России… и, может быть, также при поддержке Италии… мы можем победить. Во всех случаях это будет война за существование. Если мы будем побеждены, нас раздавят»[998].

В эти годы продолжались демонстрации укрепления франкорусского союза, как это было, например, во время посещения президентом Фалльером Ревеля в 1908 г. и в период пребывания в 1909 г. в Шербуре царской четы. Во Франции, как писал в 1910 г. министру иностранных дел Сазонову поверенный в делах Неклюдов, «все понимают, что русско-французский союз – особенно при наличности нашего соглашения с Англией – есть единственная база, на которую может опираться французская политика и которая обеспечивает Франции безопасность и сохранение мира без ущерба ее достоинства»[999].

Политику всемерного укрепления франко-русского союза продолжал проводить и бывший министр иностранных дел Извольский, назначенный послом в Париж в 1910 г. Правда, Извольский, по мнению французов, был слишком жаден к личному успеху, слишком любил закулисные дипломатические комбинации и, «может быть, даже не был безразличен к финансовому влиянию», как осторожно пишет П. Ренувен[1000]. Но его назначение расценивалось в Париже как факт особого внимания России к своему союзнику.

После Альхесирасской конференции французская дипломатия предприняла ряд мер к овладению Марокко, в результате чего в сентябре 1908 г. возник франко-германский инцидент в Касабланке. Но два месяца спустя германская дипломатия согласилась передать разбор конфликта в гаагский трибунал, который решил дело в мае 1909 г. в основном в пользу Франции. 9 февраля 1909 г. в Берлине было подписано Жюлем Камбоном и германским дипломатом Кидерлен-Вехтером соглашение о Марокко. В нем говорилось о независимости Марокко и о равенстве договаривающихся держав в отношении коммерческой и промышленной деятельности в этой стране. Но за Францией признавались

---

[995] АВПР, ф. Секретный архив, д. 374, л. 186–187.

[996] АВПР, ф. Отчеты, 1906 г., д. 136, л. 12.

[997] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669.

[998] Жорж Луи. Записки посла. М., 1925, стр. 15.

[999] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.». М., 1922, стр. 18.

[1000] P. Renouvin. Histoiie des relations internationales, t. VI, Paris, 1955, p. 174, 175.

«особые политические интересы, тесно связанные с укреплением порядка и внутреннего мира». Проникновение Франции в Марокко продолжалось.

В мае 1911 г. французские войска вступили в Фец. Первые недели германская дипломатия хранила молчание. Зато немецкие газеты решительно требовали либо прямого раздела Марокко, либо компенсации за счет других колоний Франции.

Во Франции были обеспокоены. Жозеф Кайо, министр финансов в кабинете Мониса, попытался начать тайные переговоры с Германией. Действуя через доверенное лицо, директора пароходной компании в Конго Фондера, Кайо предложил Германии в качестве компенсации часть французского Конго. Начались длительные закулисные переговоры[1001]. Тем временем 1 июля 1911 г. в Агадир вошла германская канонерская лодка «Пантера».

Этот неожиданный «прыжок „Пантеры“» произвел ошеломляющее впечатление. В Англии его расценили как прямую угрозу. Английский флот в Средиземном море и часть «внутреннего флота» получили условный приказ: «Будьте наготове». 21 июля министр финансов Д. Ллойд Джордж произнес речь, в которой сделал серьезное предупреждение Германии[1002]. Французская пресса горячо приветствовала речь Ллойд Джорджа. Газета «Журналь де Деба» писала, что она «имеет такое же значение, как посылка крейсера в марокканские воды». Зато пангерманская печать бесновалась.

Именно после этой речи германская дипломатия решила воспользоваться предложением Кайо, ставшего с конца июня премьер-министром, о неофициальных переговорах. Они шли через Фондера и О. Ланкена[1003]. Но 18 августа переговоры были прерваны.

Война не разразилась в тот момент потому, что к ней не были готовы главные участники конфликта. Еще не была окончательно готова Германия, а тем более ее союзники – Италия и Австро-Венгрия. Русское правительство стремилось в период Агадирского кризиса к мирному разрешению конфликта, о чем Извольский говорил де-Сельву 19 августа[1004]. Фактически реорганизация русской армии началась лишь в 1908 г. и России нужно было не менее двух лет, чтобы она была в состоянии «выдержать войну с Германией с уверенностью в успехе»[1005].

4 сентября 1911 г. переговоры между Францией и Германией возобновились. 14 октября соглашение о Марокко было парафировано, а 4 ноября договор был подписан в Берлине Жюлем Камбоном и Кидерлен-Вехтером. 28 ноября крейсер «Берлин», сменивший «Пантеру», получил приказ вернуться в Германию. По договору Франция уступила Германии 250 тыс. кв. км в Конго взамен 1–5 тыс. км в Камеруне и признания ее протектората над Марокко. В декабре 1911 г. договор был ратифицирован 393 голосами против 36[1006]. Социалисты во главе с Жоресом и Вайяном решительно выступили против политики колониальных захватов, но все буржуазные партии ее защищали.

Режим протектората был официально признан султаном Мулай-Гафидом 30 марта 1912 г. в конвенции, подписанной в Феце. 28 апреля генеральным резидентом в Марокко был

1001 «История дипломатии», т. II, стр. 704–707; France. Ministere des Affaires Etrangeres. Documents diplomatiques. Affaires du Maroc. VI 1910–1912. Paris, 1912, doc. N 399; «Die grosse Politik», Bd. XIX, № 10578.

1002 «British Documents on the Origins of the War», t. VIT The Agadir Crisis. London, 1932, N 412, p. 391.

1003 *J. Caillaux.* Agadir, ma politique exterieure. Paris, 1919, p. 167–168.

1004 АВПР, ф. Канцелярия, д. 104.

1005 «Материалы по истории франко-русских отношений…», стр. 702.

1006 C. *Bonnefous.* Histoire politique de la Troisieme Republique, t. I. Paris, 1956, p. 267.

назначен генерал Лиоте. Спустя несколько месяцев враждебный Франции султан Мулай-Гафид был заменен его более сговорчивым братом Мулай-Юсефом. Франция приступила к энергичному освоению захваченной богатейшей добычи. 27 ноября 1912 г. состоялось подписание договора о Марокко между Францией и Испанией, который лишал последнюю многого, что ей было обещано в 1904 г.

Агадирский кризис вызвал во всех странах огромную волну шовинизма и особенно усилил гонку вооружений. Политика соглашения с Германией, проводившаяся Кайо, встретила резкую критику. Кайо вынужден был подать в отставку, и премьер-министром стал Раймон Пуанкаре.

Предвоенные годы

Французская буржуазия накануне войны упорно стремилась к сплочению своих сил. «Против социалистического пролетариата, – говорил В. И. Ленин, – все теснее сплачивается вся буржуазия, от радикальной до реакционной, и все больше стираются границы между той и другой… Такое сплочение – верный признак крайнего обострения классовых противоречий»[1007].

Стирание граней между буржуазными партиями накануне войны представляло характерную особенность тех лет. Общее полевение в стране привело на целое десятилетие левобуржуазные партии радикалов и «республиканских социалистов» к власти. Хозяином в стране оставалась монополистическая буржуазия. Находясь у власти, радикалы и «независимые» социалисты проводили все более реакционную, правую политику.

Накануне войны французская буржуазия стремилась использовать все свои резервы, в том числе католическую церковь. Восстановление связей с Римом, утверждал Пуанкаре, сохранит и поднимет на высшую ступень «коллективное самосознание и единство национального чувства, составляющее славу и бессмертие народов»[1008].

Перед первой мировой войной во Франции явно активизировалась деятельность реакционно-националистических элементов. Их новая организация «Аксьон франсез» («Французское действие») создала свои боевые вооруженные отряды «Королевские молодчики». С 1908 г., когда еженедельный орган «Аксьон франсез» становится ежедневной газетой, деятельность этой реакционной группы расцветает пышным цветом. Руководители газеты и организации Шарль Моррас, Леон Доде и др. считают необходимым «установление традиционной, наследственной, антипарламентской и децентрализованной монархии»[1009].

Процветавшее и ранее в Третьей республике преклонение перед армией с начала XX в. превратилось в подлинное восхваление милитаризма. «Вокруг идеи армии, – пишет французский историк Рауль Жирарде, – создавалось единство Франции»[1010]. В стране существовал культ армии. Все большее внимание уделялось вооружению армии и строительству морского флота и авиации.

В 1911 г. палата подробно обсуждала вопрос о верховном командовании армии, 59-летний генерал Жоффр был назначен главой генерального штаба Франции[1011]. Еще

1007 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 294.

1008 *W. M. Fullerlon.* Les grands problemes de la politique mondiale. Paris, 1915, p. 115.

1009 *Ch. Mourras.* L’Enquete sur la monarchie. Ed. definitive. Paris, 1924, p. 101; M[is] *de Rous.* Charles Maurras et le nationalisme de l’Action Francaise. Paris, 1927, p. 18.

1010 *R. Cirardet.* La Societe militaire dans la France contemporaine. 1915–1939. Paris, 1953, p. 193.

1011 «Memoires du marechal Joffre (1910–1911)», t. I. Paris, 1932, p. 29–40.

большее внимание военным проблемам уделяло правительство Раймона Пуанкаре (январь 1912 г. – январь 1913 г.), принявшее закон от 29 марта 1912 г. о реорганизации воздушного флота и морскую программу от 13 февраля 1912 г., согласно которой французский флот к 1 января 1920 г. должен был иметь 28 линкоров, 10 эскадренных разведчиков, 52 миноносца.

Культивировавшийся во Франции милитаризм имел две стороны – внешнюю и внутреннюю. Он имел сугубо классовый характер и предназначался для подавления рабочего движения. Милитаризм служит, подчеркивал В. И. Ленин, «главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса». Кроме того, милитаризм неизбежно связан с подготовкой к войне[1012].

Стремление французской дипломатии консолидировать силы Антанты, связанное с усилением агрессивности германского империализма, представляло характерную черту всей предвоенной внешней политики Франции. В первую очередь политические деятели Франции заботились об установлении самых тесных отношений с Россией в области военно-стратегической. Уже с 1909 г. ежегодно в различные военные округа России откомандировались французские офицеры, а с 1911 г. начались регулярные командировки русских офицеров во французскую армию. Еще большее внимание уделялось усилению контакта между генеральными штабами обеих стран. Если за 18 лет, с 1893 по 1911 г., состоялось всего шесть совместных совещаний штабов, то с 1911 г. они становятся ежегодными. В августе 1913 г. в Красном Селе состоялось девятое совместное совещание генеральных штабов, принявшее решение о том, что «теперь еще больше, чем раньше, ввиду значительного увеличения относительного военного могущества Германии в Тройственном союзе поражение немецких войск остается первой и основной целью союзных армий»[1013].

Параллельно между Россией и Францией велись переговоры о заключении военно-морской конвенции, имевшей целью установление согласованных действий флотов. 16 июля 1912 г. русско-французская морская конвенция была подписана адмиралом Аивеном и морским министром Григоровичем со стороны России, Делькассе и начальником морского штаба Обером – со стороны Франции. Эта секретная конвенция предусматривала совместные действия морских сил, совещания начальников морских штабов обеих стран; срок ее действия был приравнен к сроку действия военной конвенции 1892 г. [1014] Одновременно Ливен и Обер подписали «Конвенцию об обмене информацией между русским и французским флотом». «Эта конвенция, – писал Пуанкаре, – отныне устанавливает между нашими флотами постоянный и систематический контакт, и я имею честь сообщить, что правительство республики ее одобряет»[1015].

О чрезвычайной заинтересованности французского правительства в укреплении связей с Россией свидетельствует также поездка премьера Пуанкаре в августе 1912 г. в Петербург. В Париже были обеспокоены медленными темпами подготовки России к войне. Пуанкаре имел ряд бесед с русскими политическими деятелями по основным вопросам международной политики. Французская пресса весьма сочувственно отнеслась к поездке Пуанкаре и с удовлетворением отмечала общность интересов обеих стран. А сам Пуанкаре по возвращении в беседе с журналистами подчеркивал «сердечность оказанного ему приема и прочность существующих между обеими странами отношений»[1016]. Однако Пуанкаре не

[1012] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 188.

[1013] «Материалы по истории франко-русских отношений…», стр. 715–716.

[1014] «Ministere des Affaires Etrangeres. Documents diplomatique. L’Alliance franco-russe». Paris, 1918, N 100–106, p. 135–138.

[1015] Ibid., N 107, p. 139.

[1016] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 254–255.

мог не прийти к выводу о крайней медленности подготовки России к войне и о необходимости оказать ей помощь путем предоставления нового займа. Вскоре были начаты переговоры по этому вопросу.

Консолидация сил Антанты предусматривала также укрепление франко-английских отношений. Вскоре после 1904 г. начались, как называл их Эдуард Грей, военно-морские «собеседования»[1017]. Несмотря на отсутствие письменных соглашений, Англия и Франция установили тесную связь в целях подготовки предстоящей войны против общего врага – империалистической Германии. В августе 1912 г. Пуанкаре, будучи в Петербурге, сообщил Сазонову, что между Францией и Англией имеется устное соглашение о поддержке английскими войсками Франции в случае нападения на нее Германии[1018].

Однако французская дипломатия стремилась связать свою союзницу более определенными обязательствами, и вскоре для этого представилась благоприятная возможность. Обеспокоенная ростом германского военно-морского флота, Англия сочла необходимым сосредоточить свои военно-морские силы в Северном море. Но это вызывало необходимость усилить флот Франции в Средиземном море, где проходили важнейшие коммуникации Британской империи. Французское правительство не возражало против снятия части своего флота с побережья Ла-Манша, но лишь при условии формального соглашения. Последнее было заключено в форме обмена письмами 22–23 ноября 1912 г. между Э. Греем и П. Камбоном. В эти дни хорошо информированный Извольский писал, что «существующие военные и морские соглашения в самое последнее Время получили еще большее развитие, так что в настоящую минуту англо-французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франкорусская конвенция»[1019]. Вскоре во Францию приехал начальник английского генерального штаба генерал Вильсон для обсуждения ряда вопросов, связанных с возможными военными действиями. Визит Вильсона был секретным, и о нем, как и о самом обмене письмами, были информированы лишь несколько человек во Франции, в Англии и в России[1020]. 8 марта 1913 г. была заключена секретная морская конвенция между Англией и Францией, содействовавшая дальнейшему укреплению Антанты.

Визит Пуанкаре в Россию совпал с обострением борьбы на Балканах. Французские правящие круги особенно интересовались вопросом о заключении Союза между Сербией и Болгарией, как средстве увеличения сил Антанты в предстоящей войне с Германией. После оформления 13 марта 1912 г. этого союза Пуанкаре приветствовал его «как фактор усиления военной мощи балканских государств», но вместе с тем выразил свои опасения по поводу возможных в этой связи осложнений, поскольку Франция не желала вступать в войну ради интересов балканских государств. В это время во Франции вообще господствовало мнение, что Турция значительно сильнее Балканских стран[1021].

Но в октябре 1912 г. началась первая балканская война, в которой Турция быстро потерпела поражение. Это вызвало резкое изменение позиции Франции. Если в начале войны

[1017] P. Renouvin. Histoire des relations Internationales, t· VI, p. 220; Haldane. Before the War. London, 1920, p. 33.

[1018] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 256.

[1019] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 309.

[1020] Письма Э. Грея и П. Камбона были впервые зачитаны в палате общин 3 августа 1914 г. и во французской палате депутатов – на следующий день. До этого они хранились в тайне.

[1021] Colonel *Lnmouche*. Quinze ans d’hisloire balkanique (1904–1919). Paris, 1929, p. 122.

французское правительство не собиралось поддерживать Россию в случае ее вынужденной войны с Австро-Венгрией из-за Балканских стран, то с декабря 1912 г., когда ясно выявились высокие боевые качества болгарской и сербской армий, оно стало проявлять весьма воинственные настроения. В то время как еще недавно, писал Извольский в Петербург, – «французское правительство и здешняя печать были довольно склонны обвинять нас в подстрекательстве сербов и доминирующей нотой была фраза: „La France ne veut pas faire la guerre pour un port serbe“ („Франция не хочет воевать за сербский порт“) ныне здесь с недоумением и нескрываемым опасением относятся к кажущемуся нашему равнодушию перед фактом австрийской мобилизации. Опасения эти не только высказываются французскими министрами в разговорах со мною и нашим военным агентом, но проникают также в широкую публику и в газеты самых разнообразных оттенков»[1022]. Правящие круги Франции даже пытались оказать давление на Россию с целью использовать в 1912 г. силы всех балканских государств против Германии, пока Балканский союз еще не распался, чего они явно опасались.

В ноябре 1912 г. Турция запросила перемирия и начались трудные и длительные переговоры. В январе 1913 г. военные действия возобновились, но Турция опять потерпела поражение. После сложных переговоров 30 мая 1913 г. мирный договор между Турцией и Балканскими странами был подписан.

Первая балканская война привела к еще большему обострению противоречий как между империалистическими державами в борьбе за гегемонию на Балканах, так и между самими Балканскими странами. 29 июня 1913 г. болгарские войска начали вторую балканскую войну, разрушив непрочный Балканский союз. Румыния присоединилась к Сербии, Турция – к Болгарии. Но в конце июля потерпевшая поражение Болгария вынуждена была сдаться. 30 июля началась мирная конференция в Бухаресте между Болгарией, Сербией, Грецией, Румынией и Черногорией. Великие державы на ней не присутствовали, но практически оказывали влияние на все ее решения.

10 августа 1913 г. Бухарестским миром закончилась вторая балканская война, которая привела к новой расстановке международных сил. Ослабленная Турция и разгромленная Болгария отходили в лагерь Тройственного союза, Сербия и Черногория оставались в лагере Антанты, Греция, получившая с помощью Франции значительные территории, и Румыния занимали колеблющуюся позицию. Балканские войны не привели к мировой войне, так как великие державы еще не были к ней готовы.

Особенно важное значение в канун первой мировой империалистической войны приобрел вопрос об отношении профсоюзов и социалистических партий к войне и милитаризму. Еще в начале XX в. гедисты и жоресисты решительно осуждали милитаризм и войны. Социалисты и профсоюзы вели антимилитаристскую пропаганду, которая находила распространение не только среди трудящихся, но и в некоторых интеллигентских и мелкобуржуазных кругах.

После объединения партии в вопросе об отношении к войне и милитаризму стали намечаться три течения: оппортунистическое большинство (жоресисты и бланкисты), центристское (гедисты) и «ультралевое» (эрвеисты). Ни Жорес, ни Гед, ни Вайян не рассматривали вопросы войны и милитаризма с единственно правильной, марксистской точки зрения.

Гедисты не понимали необходимости борьбы против надвигавшейся опасности мировой войны. Они не только не разъясняли рабочему классу ее империалистический характер, поскольку сами его не поняли, но и считали ненужной антимилитаристскую деятель-, ность на том основании, что войны при капитализме неизбежны, и следовательно, нужна борьба против капитализма, а не против милитаризма. Эту мысль Гед высказывал на конгрессах в Лиможе и Нанси, а также на Штутгартском конгрессе II Интернационала в

1022 «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 311.

1907 г.[1023]

«Ультралевые» позиции отстаивал Гюстав Эрве, который требовал борьбы с военной опасностью и призывал «ответить на всякое объявление войны, откуда бы оно ни исходило, военной забастовкой и восстанием» [1024]. Критикуя эту резолюцию, В. И. Ленин писал: «…приняв эрвеистскую тактику, пролетариат обрек бы себя на бесплодную работу: всю свою боевую готовность (ведь говорится о восстании) он употребил бы на борьбу с следствием (войной), оставляя существовать причину (капитализм)» [1025]. Совершенно ошибочным было также утверждение Эрве, будто пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет. «Пролетариат, – подчеркивал В. И. Ленин, – не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь *постольку,* поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с. – д. „патриотизма“»[1026]. Перед самой войной Эрве отказался от своих взглядов и с первых дней войны стал ультрашовинистом.

Несмотря на то, что лидеры социалистов продолжали призывать к борьбе против милитаризма и войны, в действительности они все больше сосредоточивали свое внимание на парламентских формах деятельности и сами начинали постепенно переходить на позиции буржуазного патриотизма. Французские социалисты занимали очень нечеткие позиции в период балканских войн 1912–1913 гг. Призывая пролетариат протестовать против вмешательства держав в эти войны, реформисты вместе с тем считали необходимым заключение соглашения между Англией, Францией и Германией [1027]. Гедисты в своем журнале «Сосиалисм» вообще почти не касались этой проблемы.

Но революционные тенденции в рабочем и социалистическом движении, развивавшиеся в стране в это время и связанные с подъемом стачечной борьбы, вызвали к жизни массовое выступление против балканских войн. Особенно внушительной была 100-тысячная демонстрация 17 ноября 1912 г. в Париже. В других городах Франции состоялись народные антивоенные демонстрации. «Вероятно еще долго, – писала газета „Правда“, – Париж будет вспоминать этот красный день 17 ноября» [1028]. Антивоенные настроения народа с новой силой проявились в 1913 г., когда встал вопрос о продлении срока военной службы.

В связи с приближением войны буржуазия стремилась найти человека, способного подготовить страну в морально-политическом и военно-техническом отношении к надвигавшейся схватке. Не случайно поэтому в январе 1913 г. президентом республики был избран Раймон Пуанкаре [1029]. Хотя в палате было радикальное большинство и наряду с Пуанкаре был выдвинут радикальный кандидат Паме, Пуанкаре получил большинство голосов благодаря поддержке правых депутатов. В третьем туре Паме получил 323 голоса, а

1023 «VII Congres socialiste International tenu a Stuttgart du 16 au 24 aout 1907» Bruxelles, 1908, p. 111–112.

1024 Ibid., p. 111, 121–125.

1025 *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 17, стр. 190.

1026 Там же.

1027 «L’Humanite», 13; 14; 20.X 1912.

1028 «Правда», 13.XI 1912.

1029 Биографию Пуанкаре см.: J. *Chastenet.* Raymond Poincare. Paris, 1948.

Пуанкаре только 309. Пуанкаре отказался от требования Комба и Клемансо снять свою кандидатуру в пользу Памса и в четвертом туре, после закулисного сговора, был избран 429 голосами. «…Карьера Пуанкаре, – говорил В. И. Ленин, – типичная карьера буржуазного дельца, продающего себя по очереди всем партиям в политике и всем богачам „вне“ политики»[1030].

Став президентом, Пуанкаре прежде всего занялся политической подготовкой страны к войне. «Для французского правительства, – говорил он русскому послу, – весьма важно иметь возможность заранее подготовить французское общественное мнение к участию Франции в войне»[1031]. Второй важнейшей задачей нового президента республики была военно-техническая подготовка Франции к войне, которая выразилась в увеличении срока военной службы.

Подготовку к проведению закона о трехлетней военной службе Пуанкаре начал еще будучи премьер-министром. Став президентом, Пуанкаре 4 марта 1913 г. созвал Высший военный совет, который единогласно высказался «в пользу трехлетней воинской повинности, для всех абсолютно одинаковой и без всяких льгот»[1032].

6 марта военный министр внес на утверждение парламента срочно разработанный законопроект. В нем предусматривалось увеличение численного состава французской армии в мирное время примерно на 160 тыс. человек и немедленное применение нового срока службы с оставлением в армии солдат призыва 1911 г.[1033] В борьбу за проведение закона сразу включилась буржуазная пропаганда. Газеты самых разнообразных направлений требовали новых ассигнований на армию и закона о трехлетней военной службе.

В 1913 г. Объединенная социалистическая партия и ВКТ выступили против закона о трехлетней военной службе, рассматривая его как братоубийственный шаг, ведущий к новой войне. Против нового закона в Париже и в провинции прошло несколько крупных стихийных демонстраций. В середине мая начались волнения среди солдат. Они охватили парижский гарнизон и десятки полков на германской границе, например в Туле, Бельфоре и др. Солдаты демонстрировали по улицам городов под лозунгом «Долой трехлетнюю службу!», пели «Интернационал» и «Слава 17-му полку».

Решительно боролся против закона Жан Жорес. Руководимая им газета выделила специальный раздел «Против трехлетней военной службы», в котором призвала всех подписать «Народную петицию протеста»[1034] и помещала сведения о ходе народной борьбы по всей Франции. Одновременно против нового закона активно боролись во главе с Жоресом депутаты социалистической партии в самом парламенте. Жорес выдвинул свой проект об уменьшении срока казарменной службы и военном обучении молодежи, составленный на основе его книги «Новая армия». В свою очередь Вайян выдвинул проект о всеобщем вооружении народа и замене постоянной армии народной милицией[1035]. Но эти, как и другие проекты социалистов были отклонены. Эта энергичная кампания против трехлетней военной службы значительно повысила авторитет социалистической партии в самых

[1030] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 294.

[1031] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 323.

[1032] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 343.

[1033] Там же, стр. 344.

[1034] «L’Humanite», 4; 5; 8; 9.IV 1913.

[1035] *A. Dunois.* L’action socialiste au parlement. 1910–1914. Paris, 1914, p. 23; «Annales de la Chambre des Deputes. Debats parlementaires, Session ordinaire de 1913», t. I, p. 815, 816, 857.

широких массах.

Положение в стране складывалось столь напряженное, что новый премьер-министр Луи Барту (21 марта – 3 декабря 1913 г.) готовил жестокие репрессии не только против солдат, но и против социалистов и ВКТ, которую он даже грозил распустить в связи с поддержкой, оказанной Конфедерацией антимилитаристской деятельности учителей.

Несмотря на мощную кампанию протеста, 19 июля закон о трехлетней военной службе был принят палатой. Социалисты, однако, добились, что призывники 1911 г. не были оставлены на третий год.

1914 год характеризовался обострением напряженности во внутренней жизни Франции. Учитывая полевение масс, партия радикалов еще на съезде в 1913 г. избрала Жозефа Кайо своим новым председателем и выдвинула в программе требования об отмене закона о трехлетней военной службе и о введении прогрессивноподоходного налога. Министр финансов в кабинете Думерга Жозеф Кайо при обсуждении бюджета на 1914 г. предложил установить налог в размере 2,5 % на капиталы, превышающие 30 тыс. фр. Эта мера должна была дать правительству 190 млн. фр. в год. Предусматривавшийся, кроме того, налог на ренту дал бы дополнительно еще 150 млн. фр.[1036] Бюджетная комиссия палаты приняла предложение Кайо, но сенат категорически отверг его.

Правые партии – выразители интересов финансовой олигархии, резко выступая против налогов на ренту и капитал, начали травлю Кайо. Особенно отличался на этом поприще редактор газеты «Фигаро» Кальметт. 13 марта 1914 г. «Фигаро» опубликовала компрометирующие Кайо личные документы. Доведенная до отчаяния, жена Кайо 17 марта, явившись на свидание с Кальметтом, убила его. Кайо вышел в отставку[1037].

Выборы, проходившие 26 апреля и 10 мая 1914 г., показали значительный сдвиг влево. Они ознаменовались победой социалистической партии, собравшей 1385 тыс. голосов и получившей 102 места в новой палате; радикалы получили 136 мест, независимые социалисты и республиканцы-социалисты – 30 мест. Таким образом, левые партии располагали в новой палате 268 местами из 602. Реакционные партии собрали всего 42 места. Буржуазные партии центра все вместе получили 290 мест. Но партии центра не составляли единой компактной группы и фактически по большинству вопросов стояли на правых позициях.

Все 102 депутата-социалиста в новой палате голосовали против кабинета Вивиани, поскольку он согласился с законом о трехлетней военной службе. Жорес еще раз выступил в палате против этого закона. Социалистическая фракция голосовала и против предоставления правительству займа в 805 млн. фр., предназначенного на подготовку к войне.

14 и 15 июля в Париже проходил чрезвычайный конгресс социалистической партии, на котором Жорес повел за собой основную часть делегатов. За его предложение о всеобщей стачке против войны было подано 1690 мандатов, а за предложение Жюля Геда, высказавшегося против стачки, только 1174 мандата. Партийные массы видели во всеобщей стачке средство активной борьбы против войны. Незадолго до конгресса, на конференции социалистов департамента Сена 364 голосами против 58 была принята резолюция о необходимости «пропагандировать всеобщую стачку в качестве решительного средства борьбы с опасностью войны». Активная антивоенная деятельность Жореса вызывала тревогу среди правящих классов.

Агадирский кризис и балканские войны значительно усилили международную напряженность. Оба враждебных империалистических лагеря готовились к войне.

Впереди в этой безудержной гонке вооружения шла Германия. Ее представители

1036 C. *Bonnefous.* Histoire politique de la Troisieme Republique, t. I. Paris, 1956, p. 386.

1037 *Beau de Lomenie.* Les responsabilites des dynasties bourgeoises, t. III. Sous la Troisieme Republique. La Guerre et l’immediat apresguerre (1914–1924)·. Paris, 1954, p. 31.

требовали реванша за марокканское поражение. Жюль Камбон уже слал тревожные донесения в Париж о воинственных настроениях в Германии. 27 марта 1911 г. рейхстаг принял закон об увеличении вооруженных сил. 14 июня 1912 г. новый закон дополнил военную программу Германии. В результате численность германской армии в мирное время доводилась до 645 тыс. [1038] Увеличивались военно-воздушные части и строительство военно-морского флота. Документы свидетельствуют, что Германия стремилась закончить все приготовления, чтобы начать войну в 1914 г. Так, русский военный агент в Швейцарии Гурко сообщал в апреле 1913 г.: «Насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 года, настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел бы без войны, в том случае, если Россия не успеет своевременно увеличить свои вооруженные силы» [1039].

Уже с начала 1913 г. немецкая печать усилила свои враждебные выступления против Франции. Празднование юбилея 1813 г. – освобождение Пруссии от наполеоновского господства – превратилось в антифранцузскую демонстрацию, сопровождавшуюся замалчиванием роли России в освобождении Пруссии. А 7 апреля германский канцлер Бетман-Гольвег произнес вызывающую речь в рейхстаге о вражде германцев и славян и о росте антигерманских настроений во Франции.

Страны Антанты также вооружались быстрыми темпами и готовились к войне. В 1912–1913 гг. во Франции была проведена реорганизация и увеличение армии. Численность французской армии в 1913 г. увеличилась на 31,6 %. В 1910 г. расходы на армию, флот и на все вооруженные силы составляли 935 932 тыс. руб.; в 1911 г. они достигли 978 170 тыс. руб.; в 1912 г. – 1 007 834 тыс. руб. и в 1913 – 1 196 552 тыс. руб.[1040]

Особенно волновало французское правительство неудовлетворительное состояние военной подготовки России. Готовясь к войне, французское правительство рассчитывало на помощь русской армии, без которой, как это все понимали, Франция, конечно, не надеялась победить Германию. Пуанкаре, став президентом, принял срочные меры и оказал непосредственное давление на Россию с целью ускорить ее подготовку к войне. Ей был предоставлен новый заем. Кроме того, в марте 1913 г. послом в Петербург вместо «ничем не примечательного бюрократа» [1041] Жоржа Ауи был назначен Теофиль Делькассе. Это свидетельствовало о чрезвычайном значении, придаваемом во Франции отношениям с Россией.

О подлинных целях нового посольства писал Пуанкаре в личном письме царю. «Доверяя знаменитому политику, специально посвятившему себя изучению международных вопросов, – писал Пуанкаре Николаю II, – миссию представлять себя у вашего величества, правительство Франции искало случая еще раз скрепить союз наших двух сторон… Большое военное усилие, к которому французское правительство намеревается прибегнуть, чтобы поддержать равновесие европейских сил, делает сейчас особенно неотложными соответствующие мероприятия, насчет необходимости которых пришли к соглашению генеральные штабы обеих союзных стран. Г-н Делькассе будет держать в курсе дела ваше величество и свое правительство относительно этих вопросов, как и всех остальных, которые

[1038] «Международные отношения эпохи империализма», т. XX, ч. I, серия II, № 246. Записка Сухомлинова «О новой организации германской армии в мирное время», 29 июня 1912 г.

[1039] «Подготовка первой мировой войны». Документы прошлого. – «Военно-исторический журнал», 1939, № 2, стр. 136.

[1040] *А. А. Могилевич* и *М. А. Айрапетян.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940, стр. 89.

[1041] *M. Baumonl.* Gloires et tragedies de la III-e Republique, p 303.

касаются деятельности союза»[1042]. Делькассе пробыл в России на посту всего несколько месяцев. В январе 1914 г. в Петербург был назначен новый посол, Морис Палеолог, бывший начальник кабинета Делькассе в бытность последнего министром.

Каждый новый заем, который Франция предоставляла России, был безусловно выгоден для французских банкиров. Но по мере ослабления царской России французский капитал, предоставляя ей займы, выдвигал все более кабальные требования. Заем 1913 г. оказался очень обременительным, ибо его финансовые условия были гораздо более тяжелыми, чем условия предыдущих займов, предоставленных России.

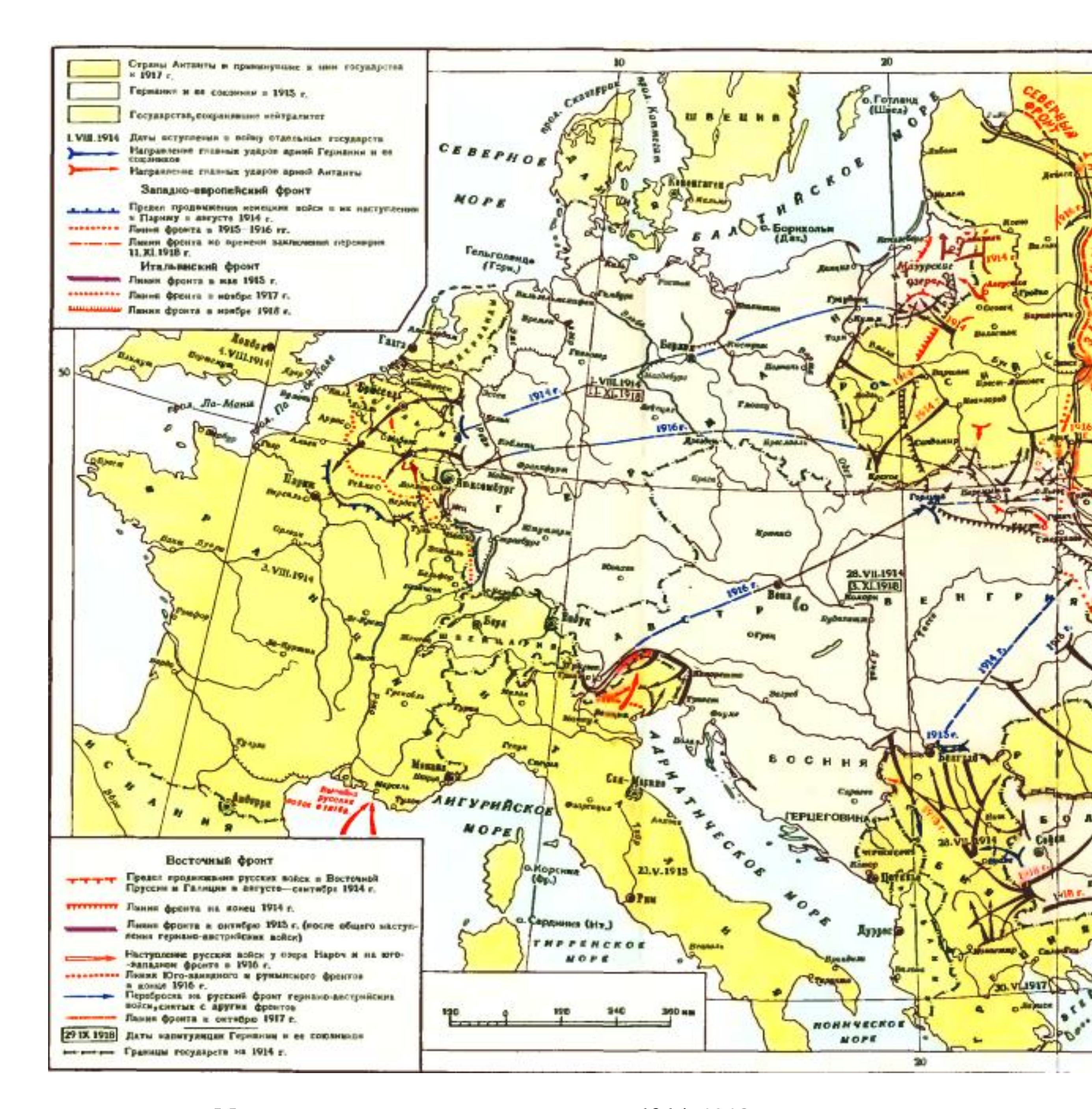
В декабре 1913 г. в связи с прибытием в Константинополь германской военной миссии Лимана фон Сандерса начался новый международный конфликт. Поскольку явное усиление германского влияния в Турции могло сделать Германию хозяйкой проливов, в Петербурге решительно выступили против миссии Лимана фон Сандерса. Франция в общем соглашалась поддержать Россию, хотя не в ее интересах было содействовать переходу проливов к России. Между двумя союзницами имелись серьезные противоречия по вопросу об их влиянии в Турции. О позиции Франции позже Делькассе писал Палеологу: «Говоря о французских интересах в Турции, действительно было бы трудно указать, где их нет»[1043]. Французская дипломатия опасалась непосредственных переговоров по вопросу о миссии Лимана, которые велись между Россией и Германией, и старалась сорвать их[1044]. После совместного выступления стран Антанты 16 января 1914 г. конфликт был урегулирован. Лиман был назначен маршалом, освобожден от командования корпусом в Константинополе и не имел в прямом подчинении воинских частей. Но это была лишь формальная уступка требованиям России. По существу Германия сохранила решающее влияние на военные дела в Турции.

Итак, французское правительство накануне первой мировой войны активно к ней готовилось и старалось урегулировать и закрепить в дипломатических документах и соглашениях свои взаимные обязательства как с Англией, так и с Россией. Но германский империализм со своей непрерывно возраставшей агрессивностью обгонял в вооружениях своих противников и вскоре привел Европу и мир к военному конфликту.

1042 «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 349.

1043 «Константинополь и Пролипы», т. II. М., 1927, стр. 334.

1044 «Livre Noir. Diplomatie d’avant guerre d’apres les documents des archives russes». Preface par R. Maichand, t. I. Paris, 1922, p. XV; *Liman von Sanders.* Cinq ans de Turquie. Paris, 1923.

Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.

11. Первая мировая война

Министра из их путешествия в Россию, приняло меры, чтобы быть готовым к любым событиям. В поденной записи МИДа России было указано: «Французский посол по поручению своего правительства заявил министру иностранных дел о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства»[1045]. В три часа ночи 1 августа Пуанкаре лично сообщил Извольскому, что совет министров еще раз подтвердил свое решение «самым полным образом выполнить обязательства, налагаемые на Францию союзным договором»[1046].

1045 «Международные отношения эпохи империализма» (далее МОЭИ), серия III, т. 5, док. № 172, стр. 182.

1046 «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.». М., 1922, стр. 525.

1 августа Германия объявила войну России, но Франция, продолжая заверять свою союзницу в верности, не объявляла войны Германии. Правда, в этот день приказом президента республики все французские сухопутные и морские силы были мобилизованы. Днем 1 августа на дверях мэрий появились приказы о мобилизации, во всех церквах и монастырях ударили в колокола[1047]. Но официально первым днем мобилизации во Франции считается воскресенье, 2 августа.

2 августа немецкие войска вступили в Люксембург, а отдельные части местами перешли французскую границу. И тем не менее ни Франция, ни Германия не объявляли друг другу войны, несмотря на то, что германское командование давно этого требовало, а германский канцлер Бетман-Гольвег уже 1 августа составил текст ноты с объявлением войны Франции.

Германский посол во Франции барон Шён с 24 июля пытался добиться разъединения России и Франции в предстоящем конфликте. 31 июля в 7 часов вечера Шён явился на Кэ д’Орсе, сообщил о германском ультиматуме России и предложил французскому правительству сохранять нейтралитет в случае войны Германии с Россией. Предложение носило ультимативный характер: Шён заявил, что срок ответа-13 часов следующего дня[1048]. При этом Шён умолчал, что получил инструкции из Берлина в случае согласия Франции на нейтралитет «заявить французскому правительству, что в качестве залога нейтралитета мы должны требовать передачи крепостей Туля и Вердена, которые мы заняли бы»[1049]. Согласие на эти требования означало бы добровольную капитуляцию Франции.

В назначенный срок Щён явился к Вивиани, который отказался обещать нейтралитет Франции, но и не объявил о войне на стороне России, не желая представлять Францию виновницей войны с Германией. Несмотря на вызывающий характер своих требований, Шён в свою очередь не заявил о войне и даже не взял свои паспорта. Он явно искал повода для разрыва отношений с Францией в такой форме, которая позволила бы объявить ее виновницей войны. Но французское правительство принимало все меры, чтобы не дать ни малейшего повода противнику, и само не объявляло войны, продолжая проводить мобилизацию.

Наконец, уступая требованиям генерального штаба, германское правительство вынуждено было взять на себя инициативу объявления войны Франции. 3 августа в 18 часов 45 минут Шён явился к Вивиани и объявил войну Франции под предлогом, будто французские летчики сбросили бомбы на немецкие железнодорожные пути в районе Нюрнберга. Не выслушав возражений Вивиани, Щён вернулся в посольство и спустя полчаса советник германского посольства вручил французам официальную ноту. «Ввиду указанных ранее агрессивных действий, – говорилось в этом документе, – Германия считает, что она находится в войне с Францией по вине последней»[1050]. Война считалась объявленной в 19 часов 30 минут 3 августа. В тот же день германское посольство выехало из Франции.

Предлог для объявления войны, изобретенный немцами, был неправдоподобен и фактами не подтверждался. «Когда 3 августа 1914 г., – писал позже бывший германский канцлер Бюлов, – за объявлением войны России последовало объявление нами войны Франции, это было мотивировано ложными основаниями. Французам было нетрудно доказать, что французские летчики не бросали никаких бомб на железнодорожный путь

1047 *H. Bordeaux.* Histoire d’une vie, t. IV. La guerre incertaine de la Marne a Verdun. Paris, 1957, p. 3–4.

1048 МОИЭ, серия III, т. 5, док. № 355, стр. 299.

1049 «Die deutschen Dokumente гит Kriegsausbruch», Bd. Ill, Berlin, 1927, Dok. N 491, S. 9.

1050 МОИЭ, серия III, т. 5, док. № 542, стр. 410.

Нюрнберг – Ингольштадт» [1051].

Чем объяснялось такое упорное нежелание Франции и Германии первыми объявлять войну? Подлинная причина этого заключалась в стремлении обмануть народные массы и представить войну империалистическую войной справедливой. Необходимость участия в войне многомиллионных народных масс заставляла буржуазию учитывать моральный фактор. В этом смысле первая мировая империалистическая война систематически подготовлялась задолго до ее начала. «Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений, – писал В. И. Ленин, – был пущен в ход … чтобы заразить массы шовинизмом»[1052].

Однако рабочий класс был настроен против войны. В конце июля начались антивоенные выступления французского пролетариата, против которых правительство приняло решительные меры. 26 июля официальный орган ВКТ «Батай синдикалист» напечатал крупным шрифтом: «На всякое объявление войны трудящиеся должны немедленно ответить революционной всеобщей забастовкой». На 29 июля намечался антивоенный митинг в Париже, но он был запрещен правительством [1053]. 30 июля были арестованы 100 социалистов и анархо-синдикалистов, активно боровшихся против войны и участвовавших в антивоенных манифестациях[1054]. Но не так легко было справиться с Жоресом, который решительно отказывался от всех предложений войти в правительство и прекратить борьбу против войны. Он призывал пролетариат всех стран к единству и выражал уверенность в его будущей победе.

25 июля Жорес произнес в Вез, рабочем квартале Лиона, перед избирателями свою последнюю речь, ставшую его политическим завещанием. Гневно обрушившись на тайную дипломатию капиталистических держав, в том числе Франции, он призывал бороться против надвигающейся войны. «Граждане, – говорил он, – если буря грянет, мы, социалисты, тотчас же примем меры, чтобы спасти всех нас от преступления, которое совершают наши правители, а пока, если у нас есть какие-либо средства, если у нас остается еще хотя несколько часов, мы удвоим усилия, чтобы предотвратить катастрофу». Единственным шансом сохранить мир оставалось, по мнению Жореса, «объединение всех своих сил пролетариатом» Франции, Англии, Германии, Италии и России и их борьба против войны[1055].

Поведение Жореса вызывало яростную ненависть националистически настроенных буржуазных кругов. В июльских номерах некоторых реакционных газет, например «Пари-Миди», почти открыто призывали к убийству Жореса, клеветнически заявляя, что он «продался немцам» и «губит национальное дело». Руководимая Шарлем Моррасом «Аксьон франсез» писала: «Мы никого не хотим призывать к политическому убийству, но пусть г-н Жорес трепещет».

Опасаясь массового антивоенного выступления, 27 и 28 июля военный министр Мессими потребовал ареста виднейших деятелей социалистического и профсоюзного движения на основании заблаговременно составленного особого «списка Б», включавшего 3 тыс. имен, а министр внутренних дел Мальви попытался договориться с лидерами социалистов и профсоюзов о поддержке ими правительства. 29 и 30 июля Мальви начал

[1051] *Б. Бюлов.* Воспоминания. М. – Л., 1935, стр. 440, 441.

[1052] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 329.

[1053] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 519.

[1054] МОЭИ, серия III, т. 5, № 296.

[1055] J. *Jaures.* Defense de la Paix. Classiques francais du socialisme. Paris, 1937, p. 70.

тайные переговоры по этому вопросу.

Но не было никакой надежды договориться с наиболее популярным лидером социалистов Жаном Жоресом. 28 июля социалисты потребовали созыва палаты для обсуждения вопроса о войне. 31 июля Жорес в сопровождении друзей отправился на Кэ д'Орсе к Вивиани с целью уговорить его предотвратить войну. Жореса принял Абель Ферри. Жорес заявил ему, что социалисты будут продолжать борьбу против войны. «Люди слишком возбуждены… – предостерег его Ферри. – Вы рискуете, может случиться самое худшее». На это Жорес ответил: «Хуже войны ничего не будет!»[1056]

Вечером, как обычно, Жорес отправился обедать в кафе «Круассан» на углу улицы Монмартр. Неожиданно раздались два выстрела. Стреляли с улицы через открытое окно. Направленные в затылок пули смертельно ранили Жореса. Его убийца роялист Рауль Виллен был оправдан в марте 1919 г. Подлое убийство из-за угла заставило замолчать народного трибуна, которого так опасалась французская буржуазия.

Но правящие классы Франции старались договориться с рядом лидеров социалистов и Конфедерации труда и использовали убийство Жореса в своих целях. 1 августа Мальви уже беседовал с Жуо и другими социалистическими и профсоюзными лидерами и предложил им войти в состав правительства, на что тогда они не решились из опасения вызвать недовольство народных масс, все еще стоявших за всеобщую стачку против войны. Но тем не менее переход социалистических и профсоюзных вождей на позиции социал-шовинизма уже произошел. Революционно настроенные массы трудящихся были дезориентированы, что способствовало быстрому распространению шовинизма. Активность масс резко упала.

2 августа в парижском зале Ваграм состоялось закрытое собрание представителей социалистической партии, обсуждавшее единственный вопрос – о войне. Резко сказалось отсутствие Жореса. Секретарь партии Дюбрейль в своем выступлении признал войну справедливой для Франции: «Печальная судьба насильно приводит нас к оборонительной войне», – заявил он. Вслед за ним в духе шовинизма высказались Вайян, Лонге, Компер-Морель, Самба и др.[1057] Старый бланкист Эдуар Вайян, еще недавно выступавший за всеобщую стачку против войны, опубликовал статью, в которой призывал социалистов выполнить до конца свой долг солдата «ради Франции, ради Республики, ради Человечества!» С начала войны и Жюль Гед перешел на позиции оборончества, а затем вместе с Марселем Самба вступил в буржуазное правительство.

2 августа руководство ВКТ тоже открыто перешло на позиции социал-шовинизма, предав интересы пролетариата, превратившись в прислужников буржуазии. В изданном ВКТ манифесте руководство перекладывало вину за свое предательство на плечи трудящихся масс, не сумевших, по его мнению, проявить единодушия в борьбе против войны. Измена руководства ВКТ имела крайне отрицательные последствия для французского народа, она ослабила рабочее движение и способствовала усилению капиталистической эксплуатации. Лидеры социалистов и ВКТ помогли французской буржуазии даже похороны Жореса превратить в патриотическую манифестацию.

После смерти Жореса руководство газеты «Юманите» перешло к Пьеру Реноделю. Это знаменовало резкий поворот в ее политической линии, она превратилась в одну из многих социал-шовинистических газет. 4 августа в ее передовой, написанной Реноделем, говорилось, что все социалисты будут голосовать за военные кредиты, требуемые правительством.

В тот же день это и произошло на торжественном объединенном заседании

[1056] *Жан Фревилъ.* Рождение Французской коммунистической партии. М., 1951, стр. 19; «Les carnets secrets d'Abel Ferry (1914–1918)». Paris, 1957, p. 26–27; G. *Tctrd.* Essais sur Jean Jaures, 1959, p. 132–133; C. *Pinzani.* Jean Jaures, l'Internationale et la guerre. Paris, 1970.

[1057] «L'Humanite», 3.VIII 1914.

французской палаты депутатов и сената. Это чрезвычайное заседание было проведено как яркая демонстрация «единства» французской нации[1058]. Социалисты вместе с депутатами других партий единогласно голосовали за военные кредиты, введение военного положения и цензуры, т. е. за уничтожение тех буржуазно-демократических свобод, которые существовали в стране до войны. Продемонстрировав наличие «национального единства», парламент отсрочил свои заседания на неопределенное время.

Благодаря измене социалистов и лидеров профсоюзного движения французская буржуазия с легкостью провела всеобщую мобилизацию. Вопреки пессимистическим предположениям французских военных, на сборные пункты не явилось всего от 1 до 3 % мобилизованных.

Во Франции целью войны была объявлена защита независимости страны, свободы и прав всех народов Европы. В действительности же вопрос о том, какая группа империалистических держав нанесла первый военный удар, или первая объявила войну, не имел значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об оборонительной войне были обманом народа, служили лишь прикрытием ее подлинных целей.

Административный аппарат Французской объединенной социалистической партии, ВКТ, кооперативных и муниципальных организаций был поставлен на службу буржуазной пропаганды шовинизма. Значительная часть народных масс была настроена против войны, но оказалась не подготовленной к революционной антивоенной борьбе. Антимилитаристская пропаганда до 1914 г. колебалась между бесплодным анархизмом, эрвеизмом и мелкобуржуазным пацифизмом реформистов. Даже те из левых СФИО и синдикатов, которые возмущались предательством реформистов и центристов, в начале войны не нашли в себе силы, особенно после убийства Жореса, громко заявить о своем протесте.

Вследствие измены социалистов французский рабочий класс был временно дезорганизован. Но в массе своей он остался верен принципам интернационализма и классовой борьбы[1059]. Перед ним стояла задача создания своей пролетарской марксистской партии, партии нового типа. После краха II Интернационала, проявившегося не в разрыве международных связей, а в измене вождей социал-демократических партий идеям революционного социализма, единственной партией, оставшейся до конца верной пролетарскому интернационализму и выдвинувшей правильные лозунги борьбы, была партия большевиков. «Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну, – писал В. И. Ленин, – есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны…»[1060]

Первые месяцы войны. Битва на Марне

Начиная войну, германское правительство использовало момент наиболее выгодного для него соотношения сил. После 1914 г. положение могло измениться в пользу Антанты, поскольку с 1915 по 1917 г. намечалось выполнение больших программ перевооружения русской и французской армий. «Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, – писал В. И. Ленин, – на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние

[1058] «Annales de la Chambre des Deputes. II Legislature. Debats parlementaires. Session de 1914», t. II. Paris, 1915, p. 906–907.

[1059] См. *М. Эрколи (П. Тольятти).* Борьба Ленина против социал-шовинизма в годы первой мировой империалистической войны. – «Коммунистический интернационал», 1941, № 1, стр. 18.

[1060] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 22.

усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»[1061].

Цели участников войны 1914–1918 гг. были империалистическими. Подобно империалистам Германии, Австро-Венгрии, Англии, Италии и России, французская буржуазия преследовала захватнические цели. Французская империалистическая буржуазия стремилась не только вернуть Эльзас и Лотарингию, но и добиться отторжения от Германии земель по левому берегу Рейна, присоединить Саарскую область, разрушить военное, экономическое и политическое могущество Германии и установить свою гегемонию в Европе. Она стремилась расширить свою колониальную империю путем захвата Сирии, Палестины, других арабских территорий, а также колоний Германии. «Ведет войну Франция буржуазная, – писал В. И. Ленин, разоблачая утверждения французских социал-шовинистов о справедливом характере войны, – Франция реакционная, союзница и друг царизма, „всемирный ростовщик“… защищающий свою добычу, свое „священное право“ на колонии, на „свободу“ эксплуатировать мир при помощи своих миллиардов, отданных взаймы слабым или менее богатым народам»[1062].

Идя на развязывание мировой войны, империалисты рассчитывали укрепить свое положение. Империалисты во Франции, как и в других странах, не ожидали тех последствий, которые она в действительности принесла, и не предполагали, что она породит Великую Октябрьскую революцию в России.

Военные планы противников были разработаны задолго до начала войны. В основе стратегии Германии лежал план, окончательно разработанный еще в 1905 г. генерал-фельдмаршалом графом Шлиффеном. Согласно этому плану, в начале войны Германия должна была на Восточном (русском) фронте оставить только завесу, а все свои силы сосредоточить на Западном, нанести молниеносный удар, окружить и взять Париж.

Однако германские правящие круги, приняв план Шлиффена, допустили ряд существенных просчетов. Германский генеральный штаб не обеспечил необходимого для его осуществления перевеса сил. К началу войны Германия располагала армией в 1600 тыс. человек, тогда как у Франции и Англии имелось 1570 тыс. солдат[1063]. Кроме того, план Шлиффена, разрабатывавшийся в основном в конце XIX и в самом начале XX в., исходил из факта резкого ослабления России и не предусматривал войну против Англии, мощный экономический и военный потенциал которой оказался на стороне Франции. И, наконец, германский генеральный штаб слишком переоценил качественное превосходство своих сил и недооценил боевые качества противника, особенно русской армии, и значение Восточного фронта вообще.

1061 Там же, стр. 16.

1062 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30. стр. 263–264.

1063 *Н. А. Таленский.* Первая мировая война. М., 1944, стр. 11.

Альбер Тома выступает перед рабочими завода Крезо

Французский генеральный штаб, подобно германскому, в течение более 40 лет разрабатывал план операций в предстоящей войне. Последний из разработанных французским генеральным штабом план № 17 носил пассивно-выжидательный характер и отличался противоречивостью. План в целом до начала войны не был известен никому даже из высшего командования. Жоффр утверждал, что планом операции является основная идея, которая вынашивается в голове главнокомандующего, но не запечатлевается письменно. Лишь из директивы № 1 главнокомандующего генерала Жоффра от 8 августа 1914 г. высшее командование узнало о задачах армии [1064].

Германское командование не случайно планировало молниеносную войну. Лишь при этом условии Германия имела некоторые шансы одержать победу в войне на два фронта, ибо общее превосходство сил было не на ее стороне. Страны Антанты располагали значительно большими ресурсами, запасами продовольствия и военного сырья. По окончании мобилизации Антанта в целом имела почти 11-миллионную армию, в том числе 5 460 955 в России, 3 781000 – во Франции и около 1 млн. – в Англии. Германия располагала армией в 3 822 000 человек и Австро-Венгрия – 2 300 000 человек. По численному составу команд военно-морского флота и по количеству судов Антанта значительно превосходила Германию[1065]. Перспективы дальнейшего развертывания сил и соотношение экономических ресурсов были также более благоприятны для стран Антанты. Но германская армия была лучше подготовлена к войне, и германское командование рассчитывало использовать свои преимущества: более быстрое развертывание, большую подвижность и некоторое превосходство в технике, особенно в тяжелой артиллерии.

Первые недели войны действительно выявили временные преимущества германской армии и показали, что спасение Франции таилось в провале немецкого плана молниеносной войны. В начале августа 1914 г. в Европе образовалось три фронта: Западный фронт протяжением в 700 км от Северного моря до Швейцарии, русский, или Восточный, растянувшийся на 1200 км от Балтийского моря до румынской границы, и Балканский – вдоль Дуная и Савы.

[1064] *А. М. Зайончкоеский.* Мировая война 1914–1918 гг. т. I. М., 1931, стр. 47.

[1065] Там же, стр. 21, 32.

Военные действия начались 2 августа, когда передовые части германской армии заняли Люксембург. Затем в течение полутора недель немцы захватили Бельгию, а спустя еще 7 дней начались непрерывные бои с французами.

Воздушный бой в небе над Парижем

Пограничное сражение, развернувшееся на 250-километровом фронте между реками Мозелем и Шельдой, окончилось поражением французов. 1-я армия генерала Клука, которая, согласно плану Шлиффена, должна была обойти Париж, 24 августа перешла франко-бельгийскую границу и быстро надвигалась на столицу Франции. Немецкая кавалерия подходила к окрестностям Парижа, а самолеты систематически бомбили город. Английский посол в Париже 30 августа записал в своем дневнике: «Бои идут в Компьене, и немцы имеют такое подавляющее численное превосходство, что через несколько дней могут оказаться в Париже…»[1066] Быстрое вторжение немецкой армии в пределы Франции способствовало распространению в стране «добросовестного оборончества» и облегчало буржуазии проведение политики «единства нации».

После первых серьезных поражений на фронте, желая поддержать престиж правительства, социалисты вошли в его состав. 26 августа Рене Вивиани с помощью Бриана переформировал свой кабинет, образовав, по выражению Клемансо, «косоглазое» министерство и включив в него Жюля Геда в качестве министра без портфеля и Марселя Самба – министра общественных работ. Наряду с социалистами в министерство вошли Рибо, Мильеран, Делькассе и Бриан, который фактически стал его главой. Бриан предложил пост и Клемансо, но тот резко отказался войти в правительство, «не внушающее ему доверия»[1067]. Несколько позже, в мае 1915 г. социалист Альбер Тома занял в правительстве пост государственного секретаря по военному снабжению.

28 августа социалисты выпустили манифест, подписанный их парламентской группой, постоянной административной комиссией партии и административным советом «Юманите», в котором подчеркивалось, что «речь идет о будущем нации, о жизни Франции. Партия не знает здесь никаких колебаний»[1068]. Таким образом, французская социалистическая партия

[1066] Лорд Берти. За кулисами Антанты. М. – Л., 1927, стр. 26.

[1067] *E. Beau de Lomcnie.* Les responsabilites des dynasties bourgeoises, t. III. Paris, 1954, p. 44; *P. Пуанкаре* На службе Франции, т. I. М-, 1936, стр-98-100.

[1068] «L’Humanite», 28.VIII 1914.

стала политическим отрядом буржуазии, проводником ее влияния в рабочем движении. «Гигантскую силу оппортунистам и шовинистам, – писал В. И. Ленин, – дал *их союз* с буржуазией, правительствами и генеральными штабами»[1069].

Со 2 на 3 сентября все правительственные учреждения, парламент, совет министров, а также дипломатический корпус срочно выехали из столицы в Бордо. Отъезд из Парижа был подготовлен в рекордно короткие сроки – в течение 4 часов – и скорее походил на паническое бегство.

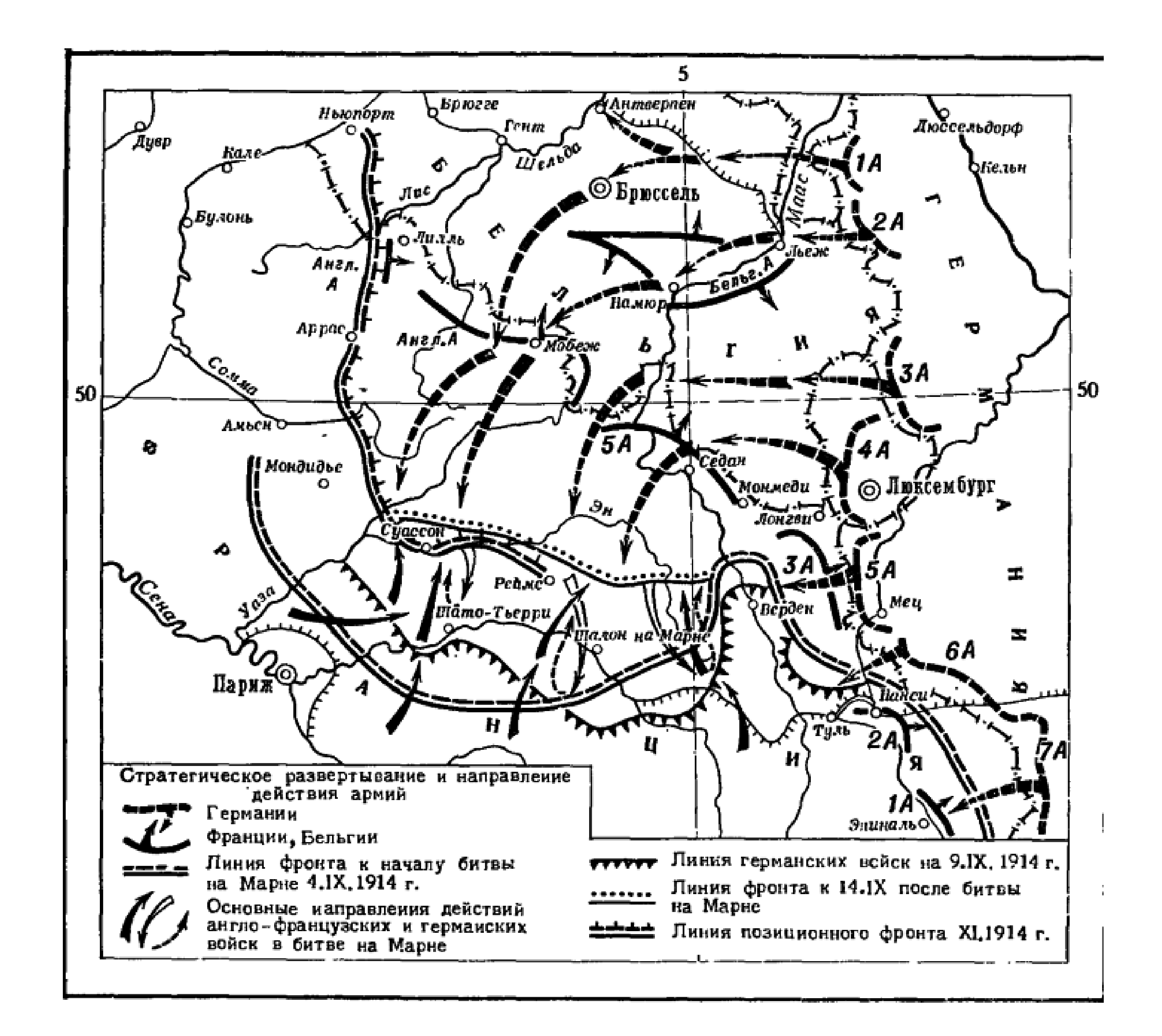
Оказавшись в тяжелом положении, французское правительство и командование стали возлагать особенно большие надежды на помощь со стороны русской армии. Опираясь на франко-русскую военную конвенцию и последующие решения генеральных штабов обеих стран, французское правительство с первых дней войны напоминало России о необходимости бросить свои основные силы против Германии, а не Австро-Венгрии. «Военный министр, – писал 31 июля русский военный агент, – просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии…»[1070]. Чрезвычайно активно действовал в Петербурге в этом направлении энергично инструктируемый в соответствующем духе из Парижа[1071] посол Палеолог, который уже 4 августа настойчиво спрашивал у русского главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича: «Через сколько дней, ваше высочество, Вы перейдете в наступление?». 18 августа Игнатьев сообщал в Петербург, что французский военный министр «совершенно серьезно полагает возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы» и напоминает о принятом совместно решении начать наступление на русско-германском фронте на двадцатый день мобилизации[1072].

1069 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 252.

1070 МОЭИ, серия III, 1. 5. док. № 356, стр. 229.

1071 Р. Пуанкаре. На службе Франции, т. I. стр· 159, 162.

1072 «Кто должник?». М., 1962, стр. 229.

Битва на Марне

Русская армия развернулась на северо-западном фронте против Германии и на юго-западном против Австро-Венгрии. Но в первые недели войны ее главной трудностью были слишком быстрые сроки начала наступления, предусмотренные военным планом, – на 14-й день мобилизации – на Восточную Пруссию и на 19-й день – на Галицию. В сущности эти сроки были нереальными, ибо к этому времени могла быть готова лишь $^{1}/_{3}$ русских вооруженных сил при почти полной неготовности тыла.

Крайне неудачный для Антанты ход военных действий на Западном фронте заставлял французское правительство особенно настоятельно требовать немедленного наступления на Восточном фронте. И русское командование вынуждено было начать две крупнейшие операции фронтового масштаба – Восточно-прусскую и Галицийскую, хотя еще не было закончено сосредоточение войск и не были устроены тыловые учреждения[1073]. Этим был облегчен важнейший стратегический результат военной кампании 1914 г. – поражение германских армий на Марне.

Ради спасения 8-й армии, потерпевшей поражение от русских войск в Восточной Пруссии, германское командование вынуждено было ослабить ударное крыло своих армий

1073 См. «Восточно-прусская операция. Сб. документов». М., 1939.

на Западном фронте в самый критический для Франции момент. Об этом писали в своих мемуарах Пуанкаре, Эррио и многие другие политические деятели Франции [1074]. Действительно, когда немецкие армии шли непосредственно на французскую столицу, в ночь с 28 на 29 августа генерал Мольтке дал приказ снять гвардейский резервный корпус, 11-й армейский корпус и 8-ю кавалерийскую дивизию с Западного фронта и срочно переправить их на Восточный фронт[1075]. Эти части были сняты именно с правого фланга немцев, обходившего Париж, вследствие чего армия генерала Клука, будучи ослабленной, вынуждена была изменить направление движения с юго-западного на южное, и с 30 августа она уже шла не на Париж, а на Мо, и к вечеру 3 сентября главные силы ее стояли на реке Марне. Французы получили драгоценное время, чтобы оправиться от первых поражений и подготовить контрнаступление. Французский посол в России Палеолог писал 29 августа о Восточно-прусской операции: «Каков бы ни был окончательный результат, достаточно уже того, что борьба продолжается, что английские и французские войска имеют время переформироваться в тылу и продвинуться вперед» [1076]. Кроме того, для отправки в Восточную Пруссию в эти дни был задержан в тылу в районе Меца, еще один корпус германских войск, который ранее направлялся для укрепления ударного крыла на Западном фронте.

Воспользовавшись самоотверженной помощью русской армии, французский главнокомандующий Жоффр принял меры к усилению левого фланга своих армий – между 4-й и 5-й армиями развернулась 9-я армия генерала Фоша, а в районе Амьена начала составляться новая, 6-я армия генерала Монури. Одновременно военным генерал-губернатором Парижа был назначен известный своей энергией генерал Галлиени. 4 сентября Жоффр, подталкиваемый Галлиени, поставил перед армиями союзников новую задачу. Она заключалась в осуществлении двойного охвата немцев – левым флангом в районе Парижа, правым – У Вердена.

С 5 по 9 сентября на равнинах между Верденом и Парижем развернулось генеральное Марнское сражение, в котором участвовали 6 англо-французских и 5 германских армий, т. е. более 100 пехотных и кавалерийских дивизий, или около 2 млн. человек. К исходу 8 сентября ясно выявилось поражение немцев. 9 сентября правофланговые германские армии начали отход на реку Эн, а затем отступили и армии центра.

Главной причиной поражения германских войск был недостаток сил, их несоответствие грандиозному по размаху плану Шлиффена. И в этом отношении большое влияние на исход Марнского сражения оказали действия русской армии, которые заставили в решающий момент германское командование перебросить крупные силы на Восточный фронт. Тем самым германское командование не могло обеспечить на Западном фронте необходимый перевес сил. Действительно, в битве на Марне немцы располагали 44 пехотными и 7 кавалерийскими дивизиями, а у англичан и французов имелось уже 56 пехотных и 10,5 кавалерийских дивизий[1077].

Но после марнской победы французское командование не использовало имевшихся возможностей для дальнейшего развития успеха. Сражение на реке Эн, проходившее с 13 по 15 сентября, принесло ему лишь частичный успех. В октябре и ноябре имели место

[1074] Р. Пуанкаре. На службе Франции, т. I, стр. 119; E. Herriot. Jadis. D une guerre a l'autre. 1914–1936. Paris, 1952. p. 19.

[1075] «Der Weltkrieg 1914 bis 1918». Bd. II. Berlin, 1925, S. 207.

[1076] М. Палеолог. Царская России во время мировой войны. Пг., 1923, стр. 122.

[1077] *Н. А. Таленский.* Первая мировая война, стр. 28–29; *А. М. Зайончков· ский.* Мировая война 1914–1918, т. I, стр. 113–123.

кровопролитные сражения во Фландрии, но силы сторон истощились, уравновесились и к середине ноября активные операции прекратились. На Западе началась позиционная война.

В течение всех этих месяцев русская армия продолжала, сражаясь на Восточном фронте, оказывать огромную помощь своему союзнику. Почти одновременно с Восточно-прусской операцией русский юго-западный фронт начал 18 августа Галицийскую операцию, которая после занятия Львова 3 сентября открыла дорогу на Венгрию. В результате этой блестящей победы русских австро-венгерские армии были разгромлены. Но к середине декабря и на Востоке установился позиционный фронт.

В целом военная кампания 1914 г. явилась первым этапом поражения германской коалиции, ибо немцам удалось отразить наступление русских армий в пределы Германии лишь ценой тяжелых потерь и неудач на Марне и во Фландрии. Австрийская армия была разбита в Галиции и в Сербии, турецкая – у Сары-камыша. План молниеносной войны провалился. Неизбежно вставала перспектива длительной войны на два фронта, в которой шансов у Германии было значительно меньше, чем у Антанты.

Французская дипломатия во время войны

После первых поражений на Западном фронте дипломаты Антанты поторопились достичь соглашения о дальнейшем укреплении своей коалиции. 29 августа Пуанкаре записал в своем дневнике: «Сэр Эдуард Грей сказал Полю Камбону, что он, как и мы, считает, что союзники должны обязаться друг перед другом не заключать сепаратного мира…»[1078]

5 сентября 1914 г. в Лондоне английским министром Греем, русским послом Бенкендорфом и французским – Полем Камбоном была подписана совместная «Декларация о незаключении сепаратного мира»[1079]. Этот документ укрепил Антанту и свидетельствовал о намерении ее участников вести войну до победы.

Первостепенное значение для французской дипломатии имело поддержание тесных и дружественных отношений с Россией. «Отрываясь от России, – писал французский посол в Петербурге, – мы потеряли бы необходимую и незаменимую опору нашей политической независимости»[1080].

С самого начала и до конца войны общая численность русских вооруженных сил значительно превосходила силы Франции. В России было призвано не менее 13 300 000 человек и не более 15 128000 человек (по разным официальным источникам), тогда как во Франции – 8 317 000 человек[1081].

Союзники России не оказали ей поддержки в боевом снабжении в той мере, как на это рассчитывали в генеральном штабе и как это было выгодно им самим. Об этом позже откровенно писал английский премьер-министр Ллойд Джордж: «Мы могли бы лучше всего помочь России, если бы мы отправили ей часть того военного снаряжения, которое мы без толку растрачивали в боях, не приводивших ни к чему, кроме и без того огромных потерь в рядах собственных войск»[1082].

Мало того, французское правительство и командование, не удовлетворяясь уже

1078 *Р. Пуанкаре.* На службе Франции, т. I, стр. 115.

1079 *Ю. В. Ключников* и *А. Сабанин.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, стр. 19, док. № 13.

1080 *М. Палеолог.* Царская Россия во время мировой войны, стр. 20.

1081 *А. М. Вайончковский.* Мировая война 1914–1918, т. I, стр. 20–21.

1082 Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. II. М., 1934, стр. 327.

оттягиванием на русские фронты огромных сил противника, потребовали отправки на территорию самой Франции сотен тысяч отборных русских солдат.

Для этого французское правительство направило в Петербург бывшего министра и председателя палаты депутатов Думера. Его главной целью было «добиться посылки во Францию русских солдат»[1083]. Он требовал ежемесячной отправки на французский фронт 40 тыс. русских солдат. Русское командование вынуждено было направить во Францию две бригады, которые прибыли туда в 1916 г. и вступили в бой в составе 4-й французской армии.

Не успели еще эти войска прибыть во Францию, как французское правительство, обеспокоенное слухами о возможном заключении Россией сепаратного мира, направило весной 1916 г. в Петербург новую миссию во главе с Тома и Вивиани. Вивиани, рассказывая французскому послу Палеологу о целях миссии, заметил, что им поручено настаивать на отправке во Францию 400 тыс. русских солдат, партиями по 40 тыс. человек.

В ином плане складывались взаимоотношения между Францией и Англией. Основные силы на Западном фронте составляли французские войска. Англия выставила в первые дни войны всего восемь полевых, три кавалерийские и две пехотные индийские дивизии, и это количество войск сохранялось до конца 1914 г. Несмотря на крайнее недоверие к французам командующего английской армией фельдмаршала Френча, англичане приняли участие в Марнском сражении. Однако это не способствовало установлению тесных связей между союзниками. Лорд Берти в феврале 1915 г. констатировал: «В настоящее время нет достаточной координации между армиями союзников, что дает преимущество германскому командованию»[1084].

Координация военных действий Франции, России и Англии была самым слабым местом во взаимоотношениях союзников.

Одной из важнейших задач французской дипломатии являлась борьба за привлечение нейтральных держав. Между Францией и Германией шла жестокая дипломатическая борьба за Италию.

26 апреля 1915 г., выторговав большие территориальные уступки, а также обещание Англии предоставить заем в 50 млн. ф. ст., Италия заключила секретное соглашение со странами Антанты. Соглашение из 16 статей было подписано в Лондоне Греем, Полем Камбоном, русским послом в Лондоне Бенкендорфом и итальянским послом Империали. В нем указывалось, что по мирному договору Италия удовлетворит свои территориальные притязания за счет Австрии. Выторговав и другие выгодные условия, 3 мая итальянское правительство расторгло договор о Тройственном союзе, а спустя 20 дней объявило войну Австро-Венгрии. Но до конца августа 1916 г. Италия формально оставалась в мире с Германией. Вступление в войну Италии не дало Антанте тех выгод, на которые она рассчитывала.

Не менее ожесточенная борьба между Антантой и Тройственным союзом шла за вовлечение в войну Болгарии, Румынии и Греции. 14 октября 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне Германии, пообещавшей ей территориальные приобретения за счет Сербии.

Но в отношении Румынии, вступление которой в войну не одобрялось русским верховным командованием, Франция проявляла исключительную энергию. Колебания Румынии кончились лишь 17 августа 1916 г., когда она заключила договор с державами Антанты, обязавшись объявить войну Австро-Венгрии взамен обещания передать ей Трансильванию, часть Буковины и Банат. 28 августа Румыния вступила в войну, но после того, как германская армия нанесла ей серьезное поражение, уже в октябре России пришлось взять на себя румынский фронт.

[1083] МОИЭ, серия III, т. 9, стр. 439, док. № 423.

[1084] Лорд Берти. За кулисами Антанты, стр. 26, 46.

Вступления в войну Греции дипломатия Антанты добилась лишь в 1917 г. В том же году вступили в войну и США. К этому времени борьба за нейтральные державы потеряла свою остроту.

Империалистические цели участников войны, включая Францию, находили свое выражение с начала мирового конфликта прежде всего в переговорах о дележе будущей добычи, иными словами – в обсуждении условий будущего мирного договора.

Несмотря на взаимное недоверие и противоречивые империалистические интересы, страны Антанты могли решать проблемы будущего мира только совместно. Первым контуры будущего мира попытался наметить Сазонов. 14 сентября 1914 г. он изложил французскому и английскому послам свои «неофициальные» предложения[1085]. Эти предложения были в основном одобрены Англией, однако Грей решительно возражал против передачи Франции Рейнской области. Уже с этого времени наметились резкие противоречия между Францией и Англией по германскому вопросу. «Политика в отношении Рейнской области в том виде, какой придавала ей Франция, – писал Андре Тардье, – с самого начала не понималась британскими министрами»[1086].

В связи с вступлением Турции в войну на стороне Германии перед Антантой возникла проблема империалистических притязаний к этой стране. Зная о давнишних намерениях царской России в отношении Константинополя и Проливов, французская дипломатия в контакте с английской попыталась опередить восточного союзника. 3 января 1915 г. было принято решение о совместной англо-французской операции против Дарданелл, которая началась 25 февраля. В эти дни английский посол в Париже сделал в своем дневнике характерную запись: «Здесь… считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы Московит не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и Проливов»[1087]. Но Дарданелльская операция окончилась неудачей для союзников.

4 марта 1915 г. Сазонов направил французскому и английскому послам памятную записку с просьбой дать формальные обязательства удовлетворить требования России в отношении Турции. Французы не торопились с ответом. Они не давали никакого письменного обязательства в Петербурге, а Делькассе в беседах с Извольским отделывался отговорками. Определенные круги французской буржуазии, имевшие финансовые интересы в Турции, требовали интернационализации Константинополя и нейтрализации Проливов.

Но 12 марта Англия согласилась принять требования России. И все же только 10 апреля французское посольство в Петрограде направило вербальную ноту на имя Сазонова о том, что правительство республики дает согласие на памятную записку от 4 марта о Константинополе и Проливах, но «при условии, что война будет доведена до победного конца, и при условии осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других и о местах, как это сказано в русской памятной записке»[1088].

Но в русской памятной записке ничего подобного не говорилось, и Делькассе допустил неточность, впрочем весьма выгодную для Франции. Сазонов не возражал против явного искажения смысла своей памятной записки, в которой говорилось лишь об обещании проявить «сочувствие осуществлению планов» союзников после овладения Россией Проливами, тогда как, согласно французскому тексту, сначала должно было произойти

[1085] «Константинополь и Проливы», т. I. М., 1925, стр. 222; МОИЭ, серия III, т. 6, ч. 1, стр. 247–248, док. № 256.

[1086] *А. Тардье.* Мир. М., 1943, стр. 145.

[1087] Лорд *Берти.* За кулисами Антанты, стр. 51.

[1088] «Константинополь и Проливы», ч. 1, № XCIX, стр. 295.

осуществление планов союзников на Востоке, а затем уже – приобретение Россией Проливов.

При этом планы Франции на Востоке были весьма обширны. В середине марта 1915 г. Делькассе уведомил русское правительство о притязаниях Франции на Сирию, причем Палеолог утверждал, что «в понятие „Сирия" входит и „Палестина"»[1089]. В течение последующих месяцев между Францией и Англией шли сложные и трудные переговоры о разделе Азиатской Турции. В начале 1916 г. в Лондон с этой целью был направлен французский уполномоченный Жорж Пико, который обсуждал эту проблему и вопрос о создании независимого арабского государства с английским уполномоченным Сайксом.

В январе 1916 г. союзные армии окончательно покинули район Дарданелл и были сосредоточены в салоникском лагере. И вдруг в феврале, неожиданно для союзников, русская армия перешла в наступление на кавказском фронте и заняла крупнейшую крепость Эрзерум, откуда шли пути на Трапезунд и Багдад. Затем русская армия, разделив отступающих турок на три части, двинулась к югу в месопотамском направлении. В апреле русские заняли Трапезунд.

Успешное и широкое наступление русских войск заставило Францию ускорить переговоры с Англией, дабы совместно попытаться ограничить возможные приобретения России, все ближе продвигавшейся к Мосульскому нефтяному району. В конце февраля 1916 г. Пико и Сайкс были направлены в Петроград для согласования с Россией притязаний своих стран[1090]. Чрезмерные требования Франции и Англии вызвали ряд возражений в России, и лишь после длительного обсуждения 26 апреля Сазонов вручил Палеологу записку, в законченной форме подводившую итоги переговоров. В тот же день в ответной ноте на имя Сазонова Палеолог повторил текстуально пункты, указанные в записке Сазонова[1091]. Таким образом состоялось подписание франкорусского соглашения. 9 и 16 мая по тому же вопросу между Францией и Англией произошло подписание «соглашения Сайкс – Пико»[1092]. Франция добилась согласия на присоединение Сирии, Малой Армении, Киликии, значительной части Курдистана и даже части восточной Анатолии. Кроме того, в качестве сфер влияния за ней признавались часть Аравии, расположенная к северу от границы Неджда, и Мосульская область с ее нефтеносным районом.

С октября 1915 г. министром иностранных дел стал Аристид Бриан и тогда же был создан на Кэ д'Орсе генеральный секретариат во главе с Жюлем Камбоном[1093]. После объявления Италией войны Германии итальянскому послу в Лондоне в октябре 1916 г. были переданы документы, касающиеся соглашения об Азиатской Турции. В 1917 г. Италии была «выделена» значительная территория в южной и юго-западной Анатолии, включая Адалию, Конью, Айдин и Смирну[1094].

В последующие годы все более лихорадочно велись дополнительные тайные

[1089] «Раздел Азиатской Турции» (по секретным документам б. министерства иностранных дел). М., 1924, стр. 129, док. № XXVIII, XXIX. Делькассе после возражения России согласился не на полное, а лишь на частичное обладание Палестиной (там же, № XXXI, стр. 130).

[1090] «Раздел Азиатской Турции», № LXIX, LXX, стр. 152.

[1091] Там же. № CIII, CIV, стр. 185–188.

[1092] *J.О. В. Ключников* и *А. Сабанин.* Международная политика новейшего времени…, ч. II. М., 1926, док. № 32, стр. 40–43.

[1093] J. *Laroche.* Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincare. 1913–1936. Paris, 1957, p. 30.

[1094] См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 225–228, 231–233, 241–243, 248–249, 253–260, 285–286.

переговоры между Францией и другими странами Антанты относительно будущего раздела захваченной добычи. Но до победы Антанты было еще далеко.

Военные действия и внутреннее положение в 1915–1916 годах

В течение 1915 г. на Западном фронте не было крупных боев. Это стало возможным потому, что германское командование приняло решение перенести в 1915 г. главный удар своих армий на Восточный фронт, чтобы вывести Россию из войны и заставить после этого западные державы, которые окажутся один на один со всеми силами германской коалиции, пойти на уступки.

В 1915 г. русский фронт стал основным. С начала войны до апреля 1915 г. немцы перебросили с Западного фронта на Восточный 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Кроме того, из общего числа вновь сформированных дивизий против России были направлены 8. Россия притянула на себя также всю австро-венгерскую армию в составе 46 пехотных дивизий.

Не удивительно, что во второй половине 1915 г. немецкие армии, пользуясь превосходством сил и крайне тяжелым состоянием русских войск, лишенных вооружения и снаряжения, добились значительных успехов и заняли территорию Польши, Прибалтики и Галиции. Но главной своей цели – выхода России из войны – германское командование все же не добилось.

25 сентября началась крупная операция французов в Шампани и англичан – в Артуа. Но союзникам не удалось прорвать фронт противника, несмотря на большие потери.

Не оправдала надежд союзников и вступившая в войну Италия. В 1915 г. итальянские войска провели четыре сражения на реке Изонцо, но не добились успеха из-за низких боевых качеств итальянской армии и ее слабого технического оснащения. Огромным разочарованием для Франции и Англии явился провал Дарданелльской операции. В декабре 1915 г. Галлиполи был эвакуирован. В октябре того же года войска союзников высадились в Салониках (64 тыс. французов и 86 тыс. англичан).

Несмотря на неудачный для союзников ход военных действий, военная кампания 1915 г. все же не привела к осуществлению планов германской коалиции в войне, ибо, приняв на себя главный удар армии противника, Россия отступила, но из войны не вышла и обеспечила Франции и Англии время для развертывания их сил и ресурсов.

Война принимала все более затяжной характер, и это оказало значительное влияние на всю внутреннюю политическую жизнь Франции. После окончательной стабилизации фронта 22 декабря 1914 г. французские официальные учреждения вернулись в Париж. В тот же день состоялось заседание палаты депутатов, принявшей решение не прерывать деятельности парламента до конца войны и заседать два-три дня в неделю.

Французская экономика оказалась не подготовленной к такой длительной войне. Правительство не сумело быстро и четко приспособить к условиям войны ни работу промышленности, ни сельское хозяйство, ни деятельность административных государственных учреждений. В феврале 1915 г. в совете министров не могли выяснить, сколько же во Франции имеется ружей.

В то время как значительная часть народа жертвовала жизнью в этой империалистической войне, правительство помогало всякого рода предпринимателям и просто проходимцам безудержно на ней наживаться[1095]. Так, например, акционерная компания Гочкис, поставлявшая пулеметы для армии и располагавшая к началу войны акционерным капиталом в 4 млн. фр. и реальным в 6100 тыс. фр., объявила свои прибыли за два с половиной года войны в размере 42 475 тыс. фр. За вычетом 23 337 тыс. фр., согласно установленному позже налогу, это составило среднюю прибыль за год в 7700 тыс. фр., тогда

[1095] E. Beau de Lomcnie. Les responsabilites des dynasties, boingeoises, t. Ill, p. 71.

как за 1911–1913 гг. ее средняя ежегодная прибыль не превышала 697 тыс. фр. Таким образом, во время войны компания получила прибыли в 11 раз больше довоенных[1096].

Общество «Гном и Рона», производившее авиационные моторы, продавало до 31 августа 1916 г военной администрации части мотора по цене в 7,10 и 21,7 фр… в то время как в действительности после пересмотра цен оказалось, что они стоят 4,5 и 6,25 фр.[1097] На этом общество заработало в 1915 и 1916 гг. за всеми вычетами 24 200 тыс. чистой прибыли. Другая авиационная фирма «Сальмсон», основанная в 1913 г. с капиталом в 2400 тыс. фр., получила в 1914–1916 гг. чистой прибыли 30 млн. фр.[1098]

Конечно, несмотря на вопиющие злоупотребления, военная промышленность развивалась. 1 апреля 1915 г. Мильеран заявил в палате, что производство снарядов увеличилось на 600 %. Но оно могло бы развиваться с гораздо меньшими затратами, в конечном счете падавшими на плечи трудящихся масс.

В первый же год войны из-за оккупации части территории и мобилизации в армию значительной части деревенского населения снизилось производство по всем видам сельскохозяйственной продукции. Если в 1913 г. Франция произвела 87 млн. ц пшеницы, то в 1915 г. – лишь 60 млн. Примерно в той же пропорции упал урожай овса и других видов зерновых культур. Значительно снизился урожай картофеля: со 135 млн. ц в 1913 г. до 93 млн. в 1915 г. Поголовье скота сократилось. Если в 1913 г. во Франции имелось 3 200 000 лошадей, то в 1915 г. их насчитывалось лишь 2 200 000. За то же время поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 2 млн. голов, поголовье овец – на 4 млн. и свиней – на 2 млн. Недостаток продуктов привел к резкому повышению цен на них, против чего власти не приняли никаких мер.

Французское правительство постепенно теряло авторитет. Президент республики Пуанкаре не смог направлять деятельность правительства, хотя и неизменно руководил его заседаниями. Прибывший с фронта Абель Ферри в феврале 1915 г., потрясенный неосведомленностью министров, тут же на заседании записал: «Это ужасно, на какой неопределенности покоится судьба народов. Кто из наших солдат, которые идут на смерть, мог бы вообразить подобную бездну?»[1099]

Министерский кризис, давно назревший, начался 13 октября 1915 г. с уходом в отставку Делькассе. 30 октября был объявлен состав нового кабинета, возглавленного Брианом, взявшим и портфель министра иностранных дел. В состав кабинета вошли ряд бывших премьеров и видные деятели Франции Комб, Дени Кошен, Фрейсине, Леон Буржуа, Гед, Вивиани, Рибо и др. В министерской декларации Бриан назвал новый кабинет «правительством национального единения», объявляя его целью победу, а непосредственным лозунгом – «все для войны». За доверие правительству проголосовало 515 депутатов, 25 – воздержались и 1 был против.

Французская социалистическая партия продолжала прежнюю политику полной поддержки буржуазного правительства. Гед, Самба и Тома входили в правительство, как и раньше. Конечно, старый социалист Гед, сидя рядом с крупным капиталистом Рибо, чувствовал себя далеким всему этому. «Обычно он остается неподвижным и молчаливым во время заседаний совета министров, – замечал Ферри, – и в то же время скованным и

1096 «Annales de la Chambre des Depules. Documents parlementaires, t. LXXXXI, Session ordinaire de 1917», part II. Paris, 1918, p. 2184–2192, N 4072.

1097 «Annales de la Chambre des Deputes», part I. Paris, 1918, p. 629–631, N 3271.

1098 «Annales de la Chambre des Deputes», t. LXXXXII. Session ordinaire de 1918, part. I. Paris, 1919, p. 306–312, N 4411.

1099 «Les carnets secrets d'Abel Ferry», p 48.

пристально наблюдающим»[1100]. Но если Гед плохо разбирался в практических вопросах, то Самба и Тома чувствовали себя в подобной обстановке как рыба в воде. Альбер Тома продолжал с большой энергией заниматься военной промышленностью и вопросами снабжения.

Социалистическая партия, перейдя на позиции шовинизма и «классового мира», решительно высказалась против стачечного движения.

Аналогичную позицию «мира в промышленности» заняли и лидеры профсоюзного движения. Но этот отказ от борьбы не только за политические, но и экономические требования трудящихся неизбежно приводил к еще большему ухудшению их положения.

А положение французского народа со времени начала войны резко ухудшилось. Прикрываясь патриотической шумихой, правящие классы создали в стране военный режим для трудящихся, ликвидировав в сущности буржуазно-демократические свободы. Рабочий день, особенно на военных предприятиях, доходил иногда до 12 часов. Средняя реальная зарплата французского рабочего понизилась. Если принять ее за 100 в 1900 г., то в 1914 г. она составляла 105, а в 1915 г. упала до 95.[1101] Война приостановила подъем рабочего движения, профсоюзы потеряли вследствие мобилизации более половины своих членов, а ряд мелких союзов и федераций распался. Стачечное движение почти прекратилось.

И все же в первые годы войны некоторая часть рабочих выступала против «классового мира», предъявляя свои требования и отказываясь безропотно принять на себя все издержки войны. Так, парижские землекопы 1 мая 1915 г. приостановили работы, несмотря на грозившие военные репрессии. В 1915 г. уже насчитывалось 98 стачек с общим охватом 9344 человек.

Еще осенью 1914 г. начались первые выступления против войны. Против политики «классового мира», проводимой руководителями ВКТ во главе с Жуо, выступил ряд синдикалистов, в основном руководители журнала «Ви увриер», в том числе П. Монатт и секретарь федерации металлистов А. Мерргейм[1102]. Голоса протеста начали раздаваться и в социалистической партии. В мае 1915 г. одна из крупнейших в СФИО федерация Верхней Вьенны приняла резолюцию, осуждавшую пропаганду шовинизма и милитаризма, а департаментская газета партии «Попюлер дю сантр» критиковала в том же духе лидеров партии. В той или иной мере позицию федерации Верхней Вьенны поддержали федерации Роны, Изеры и Парижа (сторонники Лонге). Так возникло движение меньшинства, занимавшее центристскую позицию, но все же заявившее о стремлении «возродить и укрепить Интернационал» и добиться мира.

На проходившей в сентябре 1915 г. в Циммервальде международной конференции социалистов, где левое крыло делегатов возглавлял В. И. Ленин, Францию представляли секретарь Союза металлистов А. Мерргейм и секретарь Союза бочаров социалист Бурдерон. Французские делегаты, примкнув к большинству конференции, отвергли программу циммервальдской левой, но подписали общую декларацию вместе с немецкими делегатами и одобрили манифест к пролетариату Европы, в котором говорилось о классовом долге рабочих и выставлялось требование мира без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение. Объективно тем самым французские делегаты вместе со всем циммервальдским большинством делали *«шаг вперед* к действительной борьбе с

1100 Ibid., p. 59.

1101 *Ю. Кучинский.* История условий труда во Франции. М., 1950, стр. 231.

1102 Жан Фревиль. Рождение Французской коммунистической партии, стр. 40–41; см. также: Г. Морозов, Р. Собсович. Очерки истории профсоюзного движения во Франции. М., 1961, стр. 69; В. М. Дилин. Люди и идеи. М., 1970, стр. 203–293.

оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним»[1103].

Оппортунистическое руководство СФИО, намеренно замалчивавшее Циммервальдскую конференцию, 9 ноября 1915 г. на заседании Постоянной административной комиссии партии решительно осудило Мерргейма и Бурдерона. Пьер Ренодель, руководивший «Юманите», практически не давал возможности французским циммервальдистам излагать свои взгляды на страницах партийной газеты, называя меньшинство партии «пораженцами»[1104].

Хотя центристское меньшинство в партии не решилось присоединиться к циммервальдским резолюциям, оно все-таки усиливало свою оппозицию шовинистическому руководству. На конгрессе социалистической партии в декабре 1915 г. впервые за время войны вскрылись серьезные разногласия внутри СФИО по общей политике партии. Бурдерон выступил с настоящим обвинением против Постоянной административной комиссии и парламентской группы. Он критиковал участие социалистов в буржуазном правительстве и заявил, что отныне в партии есть «непримиримое меньшинство»[1105]. Вокруг федерации Верхней Вьенны сгруппировалось меньшинство из федераций Изеры, Роны, Буш-дю-Рон, Воклюз и Верхней Марны. Бурдерон отказался примкнуть к резолюции большинства, и циммервальдцы получили на конгрессе 76 голосов. Идеи интернационализма, хотя и медленно, но все же получали распространение среди рабочих масс и начали проникать и в армию. Но в 1916 г. Францию ожидали тяжелые испытания.

Германское командование, придя к выводу о невозможности добиться полной капитуляции России, приняло решение нанести поражение Франции. Объектом наступления стала крепость Верден – опора правого фланга французского фронта, захват которой открыл бы немцам путь на Париж.

С 21 по 25 февраля немецкие войска попытались штурмом овладеть Верденом, но все их массированные удары оказались тщетными Затем они еще в течение нескольких месяцев старались овладеть крепостью, но опять безуспешно. Французы оказали героическое сопротивление. Дорога от Бар-Ледюк до Вердена протяжением в 75 км и шириной в 7 м получила название «священной», ибо по ней с февраля до октября 1916 г. во время боев за Верден, беспрерывно курсировали машины, подвозившие солдат, продовольствие и снаряды. За 24 часа по ней проходило до 6 тыс. автомашин, т. е. в среднем каждые 14 секунд. 18 марта, согласно просьбе французского командования, русские войска начали наступление у озера Нарочь. Эта операция сковала силы немцев на востоке, и атаки против Вердена были ослаблены.

Защищая Верден, французское командование в согласии с английским готовило крупную, технически хорошо подготовленную, контрнаступательную операцию на р. Сомме, начавшуюся 1 июля. После упорных двухнедельных боев немцы все же удержали фронт. Но еще 4 июни, чтобы помочь Франции и Италии, на русском юго-западном фронте началась одна из наиболее значительных операций – так называемый Брусиловский прорыв. Она показала высокие боевые качества русской армии и вынудила немецкое командование в самый ответственный для него момент снять 11 дивизий у Вердена и направить на Восток. Австрийское командование также сняло с итальянского фронта 6 дивизий для отправки против России. Английский военный историк Лиддел Гарт, касаясь событий 1916 г., справедливо писал: «В последний раз Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и

[1103] В. И. Ленин. Полн. собр. соч, т. 27, стр. 41.

[1104] R. Manevy. Histoire de la presse 1914 a 1939. Paris, 1945, p. 41.

[1105] Жан Фревиль. Рождение Французской коммунистической партии, стр. 46; А. А. Трембицкая. Парижская группа большевиков и социалистическое движение во Франции в начале первой мировой войны. – «Уч. зап. Гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 370, М., 1970, стр. 123–193.

несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России»[1106].

Итоги кампании 1916 г. выявили явные преимущества Антанты, общее превосходство ее сил, особенно в связи с применением новой техники. 15 сентября англичане пустили танки, что оказалось полной неожиданностью для немцев. Германская коалиция в 1916 г. перешла к стратегической обороне на всех фронтах.

Однако военные действия на Западном фронте, значительно активизировавшиеся по сравнению с 1915 г., привели Францию к серьезным материальным потерям в технике и живой силе. К ноябрю 1916 г. Франция потеряла убитыми и умершими от ран больше 1100 тыс. человек и 250 тыс. французских солдат находилось в плену[1107]. Это вызвало серьезное недовольство деятельностью главнокомандующего Жоффра, которого значительная часть палаты депутатов уже давно обвиняла в неудачном ведении и затягивании войны.

27 декабря 1916 г. Жоффр был отстранен от командования, но получил звание маршала Франции, специально для него восстановленное в декабре 1916 г. Премьер Бриан назначил новым главнокомандующим генерала Нивеля, не имевшего даже тех скромных положительных качеств, которыми обладал Жоффр.

Нарастание кризиса

В 1916 г. продовольственное положение Франции чрезвычайно ухудшилось. Производство зерна, которого требовалось ежегодно 86 млн. т, упало до 58 млн. [1108] Вследствие резкой нехватки товаров необходимо было прибегнуть к ввозу их из-за границы, а расширение импорта вызвало кризис транспорта, усилившийся в связи с подводной войной, уничтожившей многие французские суда. Страна испытывала крайнюю нужду в угле.

Недостаток товаров вызвал повышение цен, что повело к снижению средней реальной зарплаты. Одновременно удлинился рабочий день, были введены ночные смены и сверхурочные часы, особенно на военных предприятиях.

Состав французского рабочего класса за время войны изменился. Наряду с женщинами и подростками, заменившими мобилизованных, широко использовался труд иностранных рабочих. Но все же ядро пролетариата сохранилось, особенно за счет квалифицированных рабочих, отзываемых с фронта для оборонной промышленности, и несмотря на усиление репрессий, рабочее движение в стране развивалось. В 1916 г. произошло уже 314 стачек (общее количество участников – 41409 человек и 235907 потерянных рабочих дней) [1109]. Особенно крупной была декабрьская стачка парижских металлистов и рабочих Обервилье. Кроме требований повышения зарплаты и ограничения прибылей капиталистов забастовщики выступали против правительства и особенно против министров-социалистов. В годы войны углубился также разрыв между руководящей верхушкой ВКТ и трудящимися массами, среди которых постепенно росли антивоенные настроения.

О растущем революционном сознании в армии и народных массах свидетельствовало и появление знаменитой книги Анри Барбюса «Огонь», написанной в окопах в 1916 г. Эта «простая и беспощадно правдивая», по словам М. Горького, книга будила ненависть к

1106 Б. Лиддел Гарт. Правда о войне 1914–1918 гг. М., 1935, стр 187.

1107 Лорд Берти. За кулисами Антанты, стр. 122.

1108 *E. Herriot.* Jadis, p. 61.

1109 *Ю. Кучинский.* История условий труда во Франции, стр. 262.

поджигателям войны и указывала революционный выход. Недаром она была встречена в штыки французской реакцией.

Продолжал свою работу и Комитет по восстановлению международных связей, возникший после Циммервальдской конференции. Он, правда, отказался признать необходимость создания III Интернационала и заявил, что его основная задача – бороться за мир. Лозунги Комитета вызвали критику В. И. Ленина, считавшего, что «борьба за мир *без* революционной борьбы есть пустая, лживая фраза… единственный путь к избавлению от ужасов войны заключается в революционной борьбе за социализм»[1110]. Вместе с тем В. И. Ленин поддерживал связь с Комитетом, и для помощи парижской группе большевиков в распространении взглядов циммервальдской левой была направлена в Париж Инесса Арманд.

Желая «от всего сердца сделать что-нибудь для французских левых»[1111], В. И. Ленин в феврале 1916 г. написал письмо о задачах оппозиции во Франции. Письмо было отпечатано в Женеве на французском языке и нелегально распространялось во Франции. Ленин требовал от циммервальдцев ясного определения их отношения к социал-шовинистам и центристам, он критиковал Бурдерона и Мерргейма за боязнь раскола, он уверял, что французы быстро научатся новым условиям нелегальной работы и систематической подготовке революционного движения масс. «Я верю в французский революционный пролетариат, – писал В. И. Ленин. – Он подтолкнет и французскую оппозицию»[1112]. Ленин показал французским левым путь дальнейшей борьбы за подлинно пролетарскую партию.

На национальном совете СФИО, собравшемся 9 апреля 1916 г., выявились, с одной стороны, рост оппозиции, с другой – ее слабые стороны. Циммервальдцы объединились с центристами – сторонниками Лонге и вместе собрали 960 голосов против 1996[1113]голосов оппортунистического большинства.

На международную Кинтальскую конференцию, проходившую с 24 по 29 апреля 1916 г., прибыли от Франции три депутата-социалиста: Александр Блан, Пьер Бризон и Раффен-Дюжанс. Все трое принадлежали к группе Лонге и по прибытии на конференцию предупредили, что не являются уполномоченными меньшинства и могут отвечать лишь за свои личные действия. Однако они приняли манифест Кинтальской конференции, обязывавший социалистов не участвовать в правительстве и не голосовать за военные кредиты. А вернувшись из Кинталя, Бризон стал выпускать первую еженедельную газету меньшинства «Ла ваг», которая получила широкое распространение. В июне все трое кинтальцев голосовали в палате против военных кредитов, подвергаясь жестоким нападкам со стороны националистов.

Социалистическое движение во Франции к этому времени раскололось на три течения. Первое – социал-шовинистов, представителями которых были Тома, Самба, Ренодель и др. Это течение стояло на позиции классового сотрудничества. Второе течение – центризм Прежние центристы в условиях войны превратились в социал-пацифистов. Вождями этого течения были Лонге, Прессман, П. Фор и др. Социал-пацифисты высказывались против раскола с социал-шовинистами и тем самым прикрывали их измену делу рабочего класса.

Третье течение – левое. Оно начало формироваться вокруг Комитета по восстановлению международных связей и включало в себя группы социалистов, оставшихся верными делу классовой борьбы (Ф. Лорио и др.). К этому течению примыкали лучшие

[1110] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 41.

[1111] «Lenine et la France». Paris, 1954, p. 41.

[1112] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 239.

[1113] «Cahiers du communisme», numero special. Decembre 1950, p. 12.

представители синдикального движения, а также революционной интеллигенции, принимавшие непосредственное участие в войне, такие как Раймон Лефевр, Анри Барбюс, Поль Вайян-Кутюрье и др.

Эти три группы в левом течении опирались на пролетариат, особенно на металлистов, и на французское крестьянство и солдатские массы. Дезорганизованный вследствие измены руководства СФИО и ВКТ рабочий класс постепенно возвращался к идеям интернационализма и классовой борьбы.

Назревание революционного кризиса – рост недовольства и возмущения масс – явилось одной из причин поворота империалистических стран от политики империалистической войны к политике империалистического мира [1114].

Действительно, в конце 1916 – начале 1917 г. появился ряд конкретных предложений о заключении мира между воюющими коалициями. Однако все они выдвигали грабительские империалистические условия. Особенно упорно свои тайные демарши, имевшие целью заключение империалистического мира, осуществляла Германия. Главное внимание ее было обращено на Россию, которую неоднократно пробовали принудить к сепаратному миру, серьезные попытки были предприняты и в отношении Франции.

Но ни тайные, ни явные переговоры о мире в то время не были завершены, поскольку ведущие империалистические группировки не считали себя побежденными и не соглашались на компромиссные условия мира. Поэтому империалистическая война продолжалась в условиях нарастания революционного кризиса в странах обеих коалиций.

Во Франции обострение политического кризиса вызвало резкие нападки депутатов на правительство Бриана за недостаточно активную деятельность как во внутренней, так и во внешней политике. 7 декабря в палату были внесены 18 различных, в основном резко критических, резолюций о деятельности правительства. За доверие было подано 344 голоса, против – 160, в число которых входили и 43 голоса социалистов.

С целью упрочить положение кабинета Бриан переформировал его еще 13 декабря 1916 г. Он вывел из правительства «достопочтенных старцев» – Фрейсине, Комба, Мелина, Геда, а также Леона Буржуа, Пенлеве, Марселя Самба и генерала Рока. Он назначил военным министром генерала Лиоте (руководившего колонизацией Марокко), министром общественных работ, транспорта и снабжения – Эдуарда Эррио, и оставил министрами: Вивианн. Мальви, Рибо, Лаказа, Тома, Клемантеля и Думерга. Получив вотум доверия, он дополнил кабинет девятью заместителями, в числе которых оказался и быстро нажившийся на военных заказах капиталист Лушер.

Но попытки Бриана удержаться у власти не увенчались успехом. В конце января 1917 г. он подвергся суровой критике в связи с французской политикой в Греции 14 марта в результате секретного заседания палаты, где обсуждался вопрос о тяжелом состоянии французской авиации, произошло падение кабинета Бриана. 20 марта новое правительство было сформировано Рибо. Бриан в него не вошел, но почти все его министры остались.

Новое правительство оказалось перед лицом важнейших событий – в России началась буржуазно-демократическая революция. Монархия была свергнута и образовано Временное правительство во главе с Львовым. 26 марта новый министр иностранных дел Милюков заявил о сохранении прежних союзов, в том числе с Францией. Февральская революция в России оказала существенное влияние, наряду с другими причинами, на вступление в войну США.

В таких условиях готовилась (с ноября 1916 г.) французским командованием новая наступательная операция между Реймсом и Суассоном. Ее должны были осуществить в феврале 1917 г. французские и английские армии одновременно с готовившимся наступлением на русском, итальянском и салоникском фронтах. Вследствие неподготовленности операция была перенесена на апрель.

[1114] См *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30. стр. 339–340.

Как рассказывал на секретном заседании палаты, специально рассматривавшей в июле 1917 г. вопрос об апрельском наступлении, его участник Ибарнегаре, битва началась в 6 часов утра 16 апреля, а уже в 7 часов она была проиграна. Спустя 15 минут после начала наступления открыли огонь тысячи немецких пулеметов, уничтоживших десятки тысяч французских солдат. Несмотря на то, что командованию стало известно, что план операции Нивеля попал в руки немцев, битва, получившая название «бойни Нивеля», продолжалась до 5 мая. «Наступление Нивеля, – записал в своем дневнике английский посол в Париже, – обошлось в 140 тыс. жертв убитыми, ранеными и пленными, его армии совершенно деморализованы и отказываются сражаться»[1115]. 15 мая Нивель был отставлен, его пост передан генералу Филиппу Петэну, руководившему защитой Вердена, а впоследствии обесславившему себя капитуляцией перед Германией в 1940 г. и предательством национальных интересов Франции. Генерал Фош был назначен начальником французского генерального штаба.

Провал наступления Нивеля послужил непосредственным толчком к началу массового восстания во французской армии. Глубокими причинами восстания явились: все ухудшавшееся положение страны в тылу и на фронте, непрерывные мобилизации в армию, а также влияние русской Февральской революции и движения русских солдат во Франции, организовавших Советы в своих частях.

Положение русских экспедиционных войск во Франции, составлявших около 90 тыс. человек, было чрезвычайно тяжелым. Французское командование не обеспечило им даже самых элементарных жизненных условий[1116]. Сражались русские части очень стойко. 1-я и 3-я бригады участвовали в боях под Реймсом: их бросили на штурм форта Бремон, и они прошли 26 линий проволочных заграждений. Погибло более 70 % личного состава бригад.

После штурма Бремона оставшихся русских солдат перебросили в лагерь Ля Куртин, где и вспыхнуло восстание. В целях его подавления французское командование осадило лагерь и систематически его обстреливало. Лишь после долгой обороны 20 сентября 1917 г. истощенные голодом 8515 русских солдат вынуждены были сдаться. 110 из них были преданы суду, 600 сформированы в две безоружные маршевые роты и направлены в лагеря, остальные – на салоникский фронт [1117]. Другие восставшие бригады русского экспедиционного корпуса также были расформированы по приказу Клемансо от 24 декабря 1917 г.

В мае – июне 1917 г. после поражения Нивеля создалось угрожающее положение во французской армии, охваченной революционными настроениями. 20 мая солдаты ряда воинских частей отказались идти на фронт и потребовали немедленного прекращения войны и заключения мира без аннексий и контрибуций. 30 мая солдаты 36-го и 129-го полков двинулись на помощь рабочим, забастовавшим в Париже, но были встречены артиллерийским огнем правительственных войск. 7 июня главнокомандующий Петэн восстановил смертную казнь для нарушивших дисциплину солдат. Восстание охватило 75 пехотных, 12 артиллерийских полков и 23 стрелковых батальона[1118].

Одновременно с революционным движением в армии развернулось широкое забастовочное движение во многих городах Франции.

По сравнению с предыдущими годами войны в 1917 г. забастовочное движение было особенно сильным. Только на июнь падало 285 стачек с количеством участников свыше

[1115] Лорд Берти. За кулисами Антанты, стр. 144.

[1116] «Красный архив», 1940, № 4 (101), стр. 228–235.

[1117] «Красный архив», 1940, № 2 (99), стр. 55, 69.

[1118] «Революционное движение во французской армии в 1917 г,». М. – Л., 1934, стр. 258.

108 тыс. человек. Всего же в этом году бастовало 293 810 человек с общим количеством потерянных дней в 1 481 621. В 1918 г. при диктатуре Клемансо общее число стачечников составило 176 187 человек, а число потерянных ими рабочих дней – лишь 979 634[1119]. Стачечное движение охватило не только Париж, но и Руан, Лион, Ренн, Нант, Сен-Назер, Тулузу и другие города. Рабочие выдвинули требования о повышении зарплаты, улучшении условий труда, сокращении рабочего дня.

Положение трудящихся действительно резко ухудшалось. Цепы на хлеб и другие товары возрастали. Были введены карточки на хлеб. Через несколько месяцев новый министр снабжения Виолетт ввел два постных дня в неделю и карточки на сахар. Ощущался резкий недостаток продуктов. Огромные очереди стояли у магазинов.

Но одновременно стачечное движение приобретало и политическую окраску. 1 мая 1917 г. ВКТ выпустила воззвание, приветствовавшее русскую революцию. Федерация металлистов, число членов которой с 1914 по 1917 г. возросло с 7 тыс. до 200 тыс. человек, призывала рабочих выступать против войны: «Мы сумеем, если потребуется, объединиться с нашими русскими и немецкими товарищами, чтобы выступить единым фронтом с трудящимися всего мира против захватнической войны»[1120]. Комитет по восстановлению международных связей организовал митинг в честь русской революции, на который явилось 10 тыс. человек, была принята резолюция, в которой говорилось, что «революция в России – сигнал к мировой революции». Комитет защиты профсоюзных свобод раздавал рабочим прокламацию: «Повсюду восставшие народы должны освободиться от своих классовых врагов для того, чтобы поставить на их место депутатов от рабочих и солдат, перешедших на сторону народа» [1121] . Левые синдикалисты выступили против политики классового единения.

Таким образом, в 1917 г. во Франции назревал революционный кризис, положение французской буржуазии становилось угрожающим. Лишь с большим трудом правительству удалось путем репрессий, с одной стороны, и частичных уступок – с другой, ослабить стачечное движение. Поражение революционного движения в тылу и на фронте было связано прежде всего с его стихийностью, с отсутствием руководства со стороны профсоюзных организаций и со стороны социалистической партии.

Революционные события усилили разногласия в социалистической партии и заставили ее занять более левые позиции, чтобы не потерять влияния на массы. Поэтому, когда 13 сентября 1917 г. было образовано министерство Пенлеве, социалисты в него не вошли, хотя им был предложен ряд портфелей. Формально не входя в кабинет, социалисты по существу продолжали прежнюю политическую линию и поддерживали буржуазное правительство. Но кабинет Пенлеве просуществовал всего месяц. В исключительно напряженной обстановке буржуазия предпочитала иметь у власти человека, способного на диктаторские действия, а на эту роль Пенлеве не подходил. 13 ноября, после того как во Францию проникли известия об Октябрьской революции в России, Пенлеве был заменен Жоржем Клемансо, установившим в стране подлинную диктатуру и осуществлявшим ее железной рукой.

Великая Октябрьская Революция в России. Окончание первой мировой войны

Придя к власти, 76-летний Клемансо в первой же своей речи в палате заявил: «Я

[1119] Ю. Кучинский. История условий труда во Франции, стр. 262.

[1120] Жан Фревиль. Рождение Французской коммунистической партии, стр. 56, 57; А. П. Кожевникова. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917–1920 гг. М… 1959.

[1121] А. Гильбо. Социализм и синдикализм во Франции во время войны. Пг., 1920, стр. 48.

выступаю перед вами с единственным помышлением о ничем не ограниченной войне. Всех пораженцев – к военному суду! Никакой пацифистской кампании! Ни измены, ни полуизмены! Мой девиз: везде я веду войну, во внутренней политике я веду войну, во внешней политике я веду войну. Я продолжаю вести войну и буду продолжать вести ее до последних минут, которые будут принадлежать нам»[1122]. В декабре 1917 г. он начал судебное дело по обвинению в «сообщничестве с неприятелем». Обвиняемым был Мальви, который входил во все министерства с августа 1914 г. до сентября 1917 г. и сослужил большую службу буржуазии своим умелым подходом к социалистическим и синдикалистским лидерам. Клемансо добился осуждения и изгнания его из Франции на пять лет[1123]. Он добился также осуждения Жозефа Кайо.

В условиях перехода к открытой диктатуре буржуазии проходило дальнейшее усиление революционных настроений во Франции.

Большое влияние на французское революционное движение оказала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Французская империалистическая буржуазия заняла резко враждебную позицию по отношению к русской революции, а затем приняла самое активное участие в организации интервенции против Советской России. Французские империалисты надеялись таким образом вернуть вложенные в России капиталы и предохранить свою страну от революционного влияния. Для французской дипломатии вообще выгодно было иметь прежнюю Россию, где французские империалисты благодаря своим капиталовложениям могли бы принимать закулисное, но решающее участие в направлении политики.

Французское правительство, исходя из этих соображений, явилось одним из первых инициаторов вооруженной интервенции в Советскую Россию. Франция через своего посла Нуланса поддерживала движение белогвардейцев и различные контрреволюционные правительства на территории Советской России.

В мае 1918 г. по прямому заданию французского генерального штаба начался мятеж 40 тыс. пленных чехословаков в Сибири. Действия французских империалистов в России закончились организацией интервенции в районе Черного моря. Антисоветская политика правящих классов встречала резкое противодействие со стороны французского пролетариата, который со всей решительностью выступил на стороне Советской России.

Путем жесточайшего террора Клемансо временно добился в 1918 г. некоторого снижения стачечного движения. Революционное движение в армии и среди французского пролетариата беспощадно подавлялось правительством, однако были случаи, когда даже ему не удавалось одержать верх. Так, когда по приказу Клемансо был арестован секретарь синдиката металлистов Андриё, в ответ забастовали рабочие прилуарских территорий, и «французские солдаты отказались выступить на фронт в самый опасный момент из-за ареста т. Андриё, которого пришлось правительству освободить, чтобы двинуть войска»[1124].

После вступления США в войну во Францию к февралю 1918 г. прибыло 200 тыс. американских солдат, а к июню того же года их численность достигла примерно 1 млн. Но большинство американских солдат не было направлено на фронт, хотя положение французской армии было очень тяжелым, а сосредоточено в одном месте с тем, чтобы американская армия сама нанесла немцам решающий удар.

В таких условиях война продолжалась. К 1918 г. ясно обозначилось преобладание военно-экономической мощи Антанты, особенно в связи с вступлением в войну США.

1122 «Annales de la Chambre das Deputes, III Legisl. Debats parlementaires. Session ordinaire de 1917», t. unique, part. III. Paris, 1919, p. 3053.

1123 *L. J. Malvy.* Mon crime. Paris, 1921, p. 35–42, 270–282.

1124 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 69.

Поэтому немецкое командование спешило нанести удар противнику до прибытия войск из США. К началу 1918 г. у Антанты насчитывалось 274 дивизии, а у германской коалиции 370; Германия еще сохраняла превосходство в артиллерии, хотя в отношении авиации и танков перевес был на стороне войск Антанты. Замысел немецкого командования заключался в том, чтобы направить удар против английских войск между Аррасом и Ла-Фером и, разъединив англичан и французов, отбросить английские силы к Ла-Маншу.

Но эта операция была заранее поставлена под удар, ибо, располагая лишь незначительным превосходством сил, немцы после заключения Брест-Литовского договора оккупировали Украину, что удерживало по-прежнему значительную часть германских войск. В марте 1918 г. немецкое командование держало на востоке. 70 дивизий, из которых 43 были германские, а летом 1918 г., в разгар боев на Западном фронте, против России продолжали действовать 50 дивизий, из них 33 – германские [1125].

Нерешительная тактика Антанты позволила Германии в 1918 г. активно развернуть военные действия. В марте началось немецкое наступление на Амьен, и немцам удалось продвинуться на 60 км. С 9 по 30 апреля военные действия были перенесены из Пикардии во Фландрию, в долину реки Лис. Немцы продвинулись на 65 км, но опять не добились прорыва фронта. 27 мая началась новая операция против французов в Шампани между Реймсом и Суассоном. Немецкие войска достигли реки Эн и форсировали ее. 30 мая их центр вышел на р. Марну, но не смог ее перейти. К 7 июня бои прекратились. Однако 15 июля они снова были возобновлены германским командованием с целью нанесения последнего удара. Как объяснили солдатам, это было «сражение за мир».

И тогда последовал контрудар со стороны 10-й французской армии генерала Манжена. 18 июля из леса Виллер-Коттре внезапно, без артиллерийской подготовки, двинулись под прикрытием огневого вала 1500 орудий 340 танков, за которыми шли 16 дивизий пехоты. Наступление сопровождалось действиями 40 авиаэскадрилий. Немцы остановили вскоре продвижение французов, но моральное впечатление от этого удара было очень велико. Именно за эту операцию Фошу, назначенному в марте 1918 г. главнокомандующим войсками союзников, было присвоено звание маршала Франции.

8 августа войска Фоша, опять внезапно, атаковали немцев у Амьена и отбросили их на старые позиции. С 26 сентября армии Антанты перешли в общее наступление. 28 сентября начальник германского штаба генерал Людендорф потребовал от своего правительства заключения перемирия. Немецкие войска продолжали медленно отступать. На 14 ноября Фош наметил вторжение своих войск в Лотарингию и Рейнскую область.

Но 7 ноября 1918 г. в 9 часов вечера автомобиль под белым флагом с германским уполномоченным Эрцбергером пересек линию траншей, подъехал к местечку Ордруа и был окружен французскими солдатами. Германская делегация пересела в вагон с опущенными шторами, и 8 ноября их поезд подошел к станции Ретонд в Компьенском лесу, где стоял вагон Фоша. Не теряя времени на переговоры, Фош предъявил немцам условия перемирия и дал им 72 часа на размышления, с правом снопиться со своим правительством. При этом он заявил, что если к 11 часам утра 11 ноября перемирие не будет подписано, военные действия немедленно возобновятся. Но в Германии в это время уже произошла революция. Монархия была свергнута, и император бежал из страны.

11 ноября в 12-м часу дня в Париже раздался первый из 101 выстрела, возвестивших об окончании первой мировой войны. Война длилась 4 года, 3 месяца и 26 дней. Она стоила человечеству свыше 10 млн. убитыми и 20 млн. изувеченными, а также миллионов гражданского населения, погибшего от голода и эпидемий.

Франция вступила в новый период своего исторического развития. Народные массы, миллионы солдат, возвращавшихся с фронта, вдохновлялись примером Великой Октябрьской социалистической революции, надеждами, что над Францией взойдет заря

[1125] См. *Н. А. Таденский.* Первая мировая война, стр. 117.

социального освобождения[1126]. 1919–1920 годы стали годами небывалого обострения классовой борьбы в стране.

Хронологическая таблица

1789

1 января Королевский указ о созыве Генеральных штатов

март – апрель Народные волнения в Камбре.

Продовольственные волнения в Марселе, Эксе, Тулоне. Волнения рабочих в Дюнкерке *27–28 апреля* Волнения рабочих в Париже

5 *мая* Открытие Генеральных штатов

17 июня Депутаты третьего сословия провозглашают себя Национальным собранием

20 июня Клятва в Зале для игры в мяч

9 июля Принятие национальным собранием названия «Учредительное собрание»

11 июля Отставка Неккера

14 июля Взятие Бастилии. Начало революции

17 июля Формальное признание Людовиком XVI народной победы

Июль – август Подъем революционного крестьянского движения и «великий страх» имущих классов

4 -1*1 августа* «Ночь чудес». Декреты Учредительного собрания об отмене привилегий дворянства и духовенства *26 августа* Принятие Учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина

5–6 октября Поход народных масс в Версаль и переезд в Париж короля и Учредительного собрания

13 октября Учреждение «Социального кружка»

2 ноября Декрет о передаче церковных имуществ в распоряжение нации

1790

15 января Принятие нового административного деления Франции на департаменты, дистрикты, кантоны и коммуны

15 марта Аграрный декрет Учредительного собрания: отмена «личных» феодальных повинностей частичная отмена триажа

14 июля Провозглашение Франции конституционной монархией

19 июня Отмена дворянских титулов

1791

16 февраля Декрет об упразднении цехов и отмене их привилегий

апрель – май Стачечное движение рабочих в департаменте Нор за повышение заработной платы

14 июня Принятие закона Ае Шапелье, воспрещавшего организацию рабочих союзов и собраний

20 июня Бегстве Людовика XVI и его семьи в Варенн

25 июня Возвращение Людовика XVI в Париж в качестве пленника

16 июля Раскол Якобинского клуба и открытие клуба Фейянов

17 июля Расстрел республиканской демонстрации на Марсовом поле

27 августа Подписание Пильницкой декларации. Образование первой коалиции

3 сентября Принятие конституции Учредительным собранием

13 сентября Подписание конституции Людовиком XVI

28 сентября и Декрет о предоставлении свободы рабам, вступившим

16 октября на французскую территорию

[1126] См. *Ж. Дюкло.* Октябрь 17 года и Франция. М., 1967.

30 сентября Закрытие Учредительного собрания

1 октября Открытие Законодательного собрания

1792

январь Продовольственные волнения в Париже, в департаменте Верхней Гаронны, во Фландрии и в Артуа

7 февраля Заключение австро-прусского союза против Франции

9 февраля Декрет о конфискации имущества эмигрантов

27 *февраля – 10 марта* Крестьянские восстания в ряде департаментов *20 апреля* Объявление Францией войны Австрии

11 июля Декрет, объявлявший отечество в опасности

25 *июля* Манифест герцога Брауншвейгского

10 августа Народное восстание и свержение монархии; образование революционной коммуны Парижа и Временного исполнительного комитета

11 августа Декреты Законодательного собрания об отрешении короля от власти и созыве Национального конвента

14, 20 -22 *и* 25-*28 августа* . Аграрные декреты

23 августа Сдача крепости Лонгви войскам коалиции

2 сентября Взятие Вердена войсками герцога Брауншвейгского

2-5 *сентября* Массовый террор против аристократии («сентябрьские события») в Париже и в провинции

20 сентября Победа революционных войск при Вальми. Декрет о секуляризации актов гражданского состояния

21 сентября Открытие Национального конвента. Декрет Конвента об упразднении королевской власти. Установление республики

2 *октября* Декрет об учреждении Комитета общественной безопасности

12 октября Занятие Вердена французскими войсками

6 ноября Победа армии генерала Дюмурье при Жемаппе

3 декабря Декрет о предании суду Людовика XVI

1793

1 января Учреждение Конвентом Комитета национальной обороны

21 января Казнь Людовика XVI

1 февраля Объявление Францией войны Англии и Голландии

7 *марта* Объявление Францией войны Испании

9-10 марта Волнения в Париже, руководимые бешеными

9 -*28 марта* Учреждение чрезвычайного уголовного трибунала для борьбы с контрреволюцией

март Начало контрреволюционного восстания в Вандее и Бретани

6 *апреля* Учреждение Комитета общественного спасения

4 *мая* amp;apos; Первый декрет о максимуме

31 мая – 2 июня Народное восстание в Париже. Изгнание жирондистов из Конвента

2 июня – **27** *июля 1794* Период якобинской диктатуры

июнь Аграрное законодательство Конвента

24 июня Принятие Конвентом конституции 1793 г.

13 июля Убийство Марата

17 июля Декрет о полном уничтожении феодальных прав и привилегий

27 *июля* Введение смертной казни за спекуляцию

1 августа Декрет об изгнании пз Франции подданных враждебных ей стран и о предании суду Марии-Антуанетты

2 августа Декрет о передаче Комитету общественного спасения всей полноты власти

23 августа Декрет о всеобщей мобилизации мужчин и женщин на защиту отечества

4 -5 сентября Народные волнения в Париже

6 -7 *сентября* Победа французских революционных войск при Гондсхооте

29 сентября Введение всеобщего максимума

5 *октября* Декрет Конвента о введении революционного календаря

12 октября Декрет Конвента о разрушении мятежного Лиона

75-*16 октября* Сражение при Ваттиньи

24 -31 октября Процесс и казнь жирондистов

19 ноября Прокламация Конвента «Война дворцам, мир хижинам»

19 декабря Освобождение Тулона от англо-испанских интервентов.

Декрет о введении обязательного бесплатного обучения в начальных школах

26 -27 *декабря* Победа генерала Гоша над австрийцами при Вейсенбурге

1794

4 февраля Декрет об уничтожении рабства в колониях

26 февраля и 3 марта Декреты о конфискации имущества врагов революции *(вантоз)* и о разделе его среди неимущих

14 чарта Арест эбертистов

24 марта Процесс и казнь Эбера, Роисена и других эбертистов

31 марта Арест Дантона, Камилла Демулена и других дантонистов

2-5 *апреля* Процесс и казнь дантонистов

13 апреля Казнь Шометта, Гобеля и Люсили Демулен

7 *мая* Введение культа «верховного существа»

18 мая Победа французской армии при Туркуэне

8 июня Торжественное празднование принятия закона о «верховном существе»

10 июня (22 прериаля) Декрет о реорганизации Революционного трибунала

26 июня Победа французской армии при Флерюсе

9 июля Выступление Робеспьера в Якобинском клубе с разоблачением «ложных террористов»

27 *июля (9 термидора)* Контрреволюционный переворот

28 июля Казнь Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и их сторонников

28 июля Упразднение Парижской коммуны

31 июля Реорганизация Комитета общественного спасения

1 августа Отмена декрета 22 прериаля

12 ноября Закрытие Якобинского клуба

24 декабря Отмена максимума

1795

Январь Образование Батавской республики на территории Бельгии

/-2 *апреля* Жерминальское восстание

5 *апреля* Базельский мирный договор с Пруссией

16 мая Гаагский мирный договор с Голландией

20 -23 мая Прериальское восстание

22 июля Базельский мирный договор с Испанией

22 августа Принятие термидорианским Конвентом Конституции

III года (введена в действие 26 октября 1795 г.) 5 *октября* Контрреволюционный мятеж в Париже

27 октября – Период Директории

9 ноября 1799 г.

1796

апрель -октябрь 1797 Итальянский поход Бонапарта

12 апреля Победа над австрийскими войсками при Монтенотто

10 мая Поражение австрийской армии под Лоди

10 мая Арест Бабефа и Буонарроти

15 мая Заключение мира с Пьемонтом

5 *августа* Победа при Кастильоне

15–17 ноября Победа французских войск при Арколе

1797

14 января Победа французских войск при Риволи

февраль – май Процесс против Бабефа и бабувистов

18 апреля Леобенские соглашения

27 мая Казнь Бабефа и Дарте

4 сентября (18 фрюктидора) Устранение части реакционных депутатов

17 октября Кампоформийский мирный договор с Австрией

1798

19 мая Отплытие французского флота из Тулона в Египет

9 *июня* Занятие острова Мальта

2 *июля* Высадка французских войск в Александрии

1 августа Разгром французской эскадры в сражении под Абукиром

1799

январь Вступление французских войск в Неаполь. Провозглашение Партенопейской республики

12 марта Объявление войны Австрии

апрель Поход Суворова в Италию. Поражения французской армии

16 октября Возвращение Бонапарта из Египта в Париж

9 ноября (18 брюмера) Государственный переворот. Установление консульства

13 декабря Закон о введении конституции VIII года

1800

13 февраля Основание Французского байка

18 марта Судебная реформа

15 -20 мая Переход французских войск через Альпы

14 июня Сражение при Маренго. Поражение австрийских войск

15 июня Подписание перемирия между Австрией и Францией

2 *декабря* Победа французских войск над австрийскими при Гогенлиндене

1801

9 февраля Люневильски5 мирный договор между Францией и Австрией

16 июля Подписание конкордата между папой Пнем VII и Бонапартом

8 октября Подписание в Париже мирного договора между Францией и Россией

1802

Выход в свет сочинения А. де Сен-Симона «Письма женевского обитателя к своим современникам»

27 *марта* Подписание Амьенского мирного договора с Англией

19 мая Учреждение ордена Почетного легиона

20 мая Указ о восстановлении рабства в колониях

2 *августа* Провозглашение Наполеона Бонапарта пожизненным консулом

4 августа Принятие конституции X года

1803

12 мая Разрыв дипломатических отношений между Францией и Англией

1 декабря Закон о введении рабочих книжек

1804

февраль Раскрытие англо-роялистского заговора (арест Моро, Пишегрю, Кадудаля и др.)

21 марта Расстрел герцога Энгиенского

21 марта Закон о введении гражданского кодекса

18 мая Сенатский указ об учреждении Империи. Принятие Наполеоном титула императора французов

25 *августа* Коронование Наполеона в Париже

1805

5 *августа* Образование третьей коалиции

20 октября Капитуляция австрийской армии в Ульме

21 октября Уничтожение французского и испанского флота адмиралом Нельсоном при Трафальгаре

13 ноября Вступление Наполеона в Вену

2 *декабря* Битва при Аустерлице

26 *декабря* Договор в Пресбурге между Францией и Австрией

1806

1 января Восстановление грегорианского календаря

30 марта Провозглашение Жозефа Бонапарта королем неаполитанским

5 *июня* Провозглашение Людовика Бонапарта королем Голландии

12 июля Образование Рейнского союза. Избрание Наполеона протектором Рейнского союза

6 *августа* Отказ австрийского императора от титула императора Священной римской империи

15 сентября Образование четвертой коалиции против Франции

14 октября Разгром прусских войск при Иене и Ауэрштедте

27 *окгября* Вступление французских войск в Берлин

21 ноября Подписание декрета о континентальной блокаде

28 ноября Вступление французских войск в Варшаву

26 *декабря* Битва при Пултуске между русскими и французскими войсками

1807

6 февраля Битва при Прейсиш-Эйлау между французскими и русскими войсками

14 июня Сражение между русскими и французскими войсками при Фридланде

25 *июня* Первая встреча Наполеона с Александром I в Тильзите

7 *июля* Подписание в Тильзите договора о мире и союзе между Россией и Францией

1808

6 *июня* Провозглашение Жозефа Бонапарта королем Испании

5 *июля* Закон о работных домах

20–23 июля «Байленская катастрофа» – сдача французских войск под командованием генерала Дюпона испанским партизанам

27 *сентября - 14* октября Свидание Наполеона и Александра I в Эрфурте

12 октября Подписание Эрфуртского соглашения о возобновлении союза между Францией и Россией

4 декабря Вступление французских войск в Мадрид

1809

17 мая Присоединение папских владений к Французской империи. Упразднение светской власти папы 5-*6 июля* Битва при Ваграме. Разгром австрийских войск

13 - 14 октября Подписание Шеннбрунского (или Венского) мирного договора с Австрией

1810

10 апреля Вступление Наполеона в брак с Марией-Луизой, дочерью австрийского императора

9 июля Постановление сената о присоединении Голландии к Франции

31 декабря Новый русский таможенный тариф. Протест Наполеона против тарифа

1812

24 февраля Договор о совместных действиях Франции и Пруссии против России

14 марта Договор Наполеона с Австрией о совместных действиях против России

22-26 *июня* Переход армии Наполеона через Неман

7 сентября Бородинское сражение

14 - 16 сентября Занятие Москвы французами

5 *октября* Миссия Лористона в главный штаб русской армии с предложением открыть мирные переговоры

18 октября Отступление французской армии из Москвы

23 *октября* Неудачная попытка свержения империи в Париже под руководством генерала Мале

26-*28 ноября* Переход французской армии через Березину

14 декабря Переход остатков французской армии через Неман

18 декабря Возвращение Наполеона в Париж

1813

25 *марта* Прокламация о свободе народов, изданная Кутузовым в Калише

2 *мая* Сражение при Люцене. Успех Наполеона

20 мая Сражение между французскими и русско-прусскими войсками при Бауцене

27 *июня* Заключение союзной конвенции между Австрией, Пруссией и Россией

27 *августа* Победа Наполеона в сражении под Дрезденом

16–18 октября Битва под Лейпцигом («битва народов»). Поражение французской армии

5 *декабря* Отступление французских войск за Рейн

1814

начало года Упадок экономической жизни Франции. Рост общественного недовольства в стране

4 февраля -19 марта Шатильонский конгресс

1 марта Заключение в Шомоне оборонительно-наступательного союза между Россией. Великобританией, Австрией и Пруссией

30 марта Битва под стенами Парижа и капитуляция Парижа

31 марта Вступление союзных войск в Париж

1 апреля Образование временного правительства под председательством Талейрана

2 *апреля* Декрет о низложении Наполеона

4 апреля Отречение Наполеона

11 апреля Парижский мирный договор между союзными державами и Наполеоном

30 мая Заключение в Париже мирных договоров союзных держав с Францией

3 мая Въезд Людовика XVIII в Париж

4 июня Утверждение Людовиком XVIII конституционной хартии

сентябрь – июнь *1815* Участие Франции в Венском конгрессе

5 декабря Закон о возврате непроданных национальных имуществ их прежним собственникам – эмигрантам

1815

февраль Усиление революционного движения и оппозиционных настроений против Бурбонов

1 марта Высадка Наполеона во Франции

7 *марта* Вступление Наполеона в Гренобль

10 марта Вступление Наполеона в Лион

13 марта Декларация союзных держав в Вене против Наполеона

18 марта Переход маршала Нея с войсками на сторону Наполеона

19 марта Бегство Людовика XVIII нз Парижа

20 марта Вступление Наполеона в Париж

25 *марта* Союзный договор России, Англии, Австрии и Пруссии против Наполеона

18 июня Битва при Ватерлоо

22 *июня* Подписание Наполеоном акта отречения от престола; провозглашение императором французов его малолетнего сына под именем Наполеона II

6 -8 июля Вступление войск союзных держав в Париж

8 июля Возвращение Людовика XVIII в Париж

15 июля Сдача Наполеона англичанам в Рошфоре

15 июля Ордонанс Людовика XVIII о предании суду сторонников Наполеона

20 ноября Второй Парижский мирный договор

7 декабря Расстрел маршала Нея

1816

5 *мая – июнь* Восстание и казнь Лидъе в Гренобле

9 ноября Народное восстание в Тулузе

1817

Январь – июнь Волнения в ряде департаментов на почве неурожая и дороговизны хлеба

5 февраля Принятие нового (цензового) избирательного закона

1818

10 марта Закон о военной службе

1820

13 февраля Убийство герцога Беррийского

29 июня Принятие нового избирательного закона (о «двойном голосовании»)

конец 1820-начало 1821 Организация тайного общества французских карбонариев

1821

20 марта Попытка восстания в Гренобле

5 *мая* Смерть Наполеона на острове св. Елены

14 декабря Образование ультрароялистского министерства графа Виллеля

1822

1 января Неудачное выступление карбонариев в Бельфоре

24 февраля Неудачное выступление карбонариев под руководством генерала Бертона в Туаре

12 октября Запрещение лекций Гизо и Кузена в Парижском университете

1823

7 *апреля* Начало вторжения французских войск в Испанию

24 мая Занятие Мадрида французскими войсками

1824

16 сентября Смерть Людовика XVIII. Граф д'Артуа становится королем под именем Карла X

2 и 9 декабря Ордонансы об увольнении из армии офицеров и генералов Империи

1823

20 апреля Принятие закона о «святотатстве»

27 *апреля* Принятие закона о миллиардном вознаграждении эмигрантов

30 ноября Массовая антиправительственная демонстрация на похоронах генерала Фуа

конец года Торгово-промышленный кризис

1827

20 октября Победа соединенной англо-франко-русской эскадры над турецко-египетским флотом при Наварине

19-*20 ноября* Уличные волнения и баррикадные бои в Париже

1828

осень – *начало 1830* Волнения сельского населения департаментов Арьеж и Верхняя Гаронна (так называемое движение «де-муазелей»)

1829

8 августа Образование ультрароялистского министерства Полиньяка

1830

май – июнь Военная экспедиция в Алжир

26 июля Опубликование шести королевских указов – так называемых «ордонансов Полиньяка»

27 июля Вооруженное восстание в Париже

28 июля Протест депутатов против ордонансов. Баррикадные бои по всему Парижу

29 июля Победа восставшего народа в Париже. Образование временного правительства в Ратуше

30 июля Образование республиканского «Общества друзей народа»
2 *августа* Отречение Карла X от престола
7 *августа* Провозглашение на соединенном заседании палат герцога Орлеанского королем французов
14 августа Опубликование новой конституционной хартии
2 октября Закрытие «Общества друзей народа»
15–21 декабря Суд над бывшими министрами. Демонстрации в рабочих кварталах Парижа
1831
15 февраля Народные волнения в Париже. Разгром дома парижского архиепископа
19 апреля Новый избирательный закон (понижение избирательного ценза)
21 -23 *ноября* Восстание рабочих в Лионе
23 ноября – 3 *декабря* Лион в руках рабочих
3 *декабря* Подавление восстания в Лионе войсками маршала Сульта
1832
Первая железная дорога во Франции (между Сент-Этьеном и Лионом).
10–12 января «Процесс 15-ти» (Бланки и других членов «Общества друзей народа»).
5-6 *июня* Республиканское восстание в Париже
1834
14 -22 *февраля* Стачка ткачей в Лионе
9-13 апреля Восстание в Лионе
14 апреля Бойня на улице Транснонен в Париже
апрель Вооруженные столкновения народа с войсками в ряде провинциальных городов
1836–1840 Период частых министерских кризисов
1837 Образование тайного «Общества времен года» под руководством Бланки
1839
12–13 мая Восстание в Париже, организованное «Обществом времен года»
1840
январь Процесс руководителей «Общества времен года»
15 *декабря* Перенесение останков Наполеона 1 в Париж, в Дом инвалидов
1844
Покорение Алжира французскими войсками *февраль* Выход в свет «Немецко-французских ежегодников», издаваемых К. Марксом и А. Руге
апрель – май «Великая стачка» угольщиков в Рив-де-Жье
1845
11 января Распоряжение французского министерства внутренних дел о высылке Карла Маркса из Франции
1845–1847 весна Крестьянские волнения и городские голодные восстания
1847
9 июля Банкет в Шато-Руж и начало банкетной кампании в пользу избирательной реформы
начало февраля Листовки в Лионе с призывом к вооруженному восстанию против монархии
22 - 23 февраля Начало революции в Париже. Столкновение народа с войсками
24 февраля Победа народного восстания. Отречение Луи-Филиппа. Образование Временного правительства
25 февраля Провозглашение Республики. Социальные декреты Временного правительства
26 -28 февраля Декреты об открытии в Париже национальных мастерских для безработных и создании «Правительственной комиссии по рабочему вопросу»
3 *марта* Приглашение К. Маркса Временным правительством вернуться во Францию

3 *марта* Декрет об отмене налога на соль

9 марта Декрет об отмене тюремного заключения за долги

17 марта 100-тысячная народная демонстрация в Париже

16 апреля Массовая демонстрация парижских рабочих на Марсовом поле и на ипподроме

23 *апреля* Выборы в Учредительное собрание

27 апреля Декрет об отмене рабства в французских колониях

4 мая Открытие заседаний Учредительного собрания в Париже

15 мая Выступление народных масс в Париже. Неудачная попытка распустить Учредительное собрание

22 мая Закрытие клуба Бланки и клуба Распайля в Париже

26 мая Арест Бланки

4 июня Дополнительные выборы в Учредительное собрание

7 *июня* Принятие Учредительным собранием закона против революционных демонстраций

23- *26 июня* Вооруженное восстание парижских рабочих

27 *июня* Декрет Учредительного собрания о ссылке без суда участников июньского восстания

28 июня Утверждение Кавенькка главой исполнительной власти Французской республики

$ июля Роспуск национальных мастерских

28 июля Декрет о надзоре за клубами

9 сентября Закон об отмене сокращения рабочего дня на один час

6 октября Введение системы паспортов для рабочих

4 ноября Принятие Национальным собранием конституции Второй республики

10 декабря Избрание Луи-Наполеона Бонапарта президентом республики

13 декабря Восстановление тюремного заключения за долги

23 декабря Решение правительства об интервенции против Римской республики

1849

январь – апрель Революционное брожение среди крестьян

2 *марта* Объединение социалистов и левых республиканцев для совместной борьбы с реакцией

30 апреля Поражение генерала Удино под Римом

13 мая Выборы в Законодательное собрание

28 мая Открытие заседаний Законодательного собрания

3 июня – 2 *июля* Пребывание Карла Маркса в Париже, контакты с тайными рабочими обществами

13 июня Демонстрация «Горы» в Париже. Протест против нарушения конституции

15 июня Массовое вооруженное восстание в Лионе

19 июня Закон о закрытии клубов

1850

10 марта Дополнительные выборы в Законодательное собрание. Успех демократических кандидатов

15 марта Закон о передаче народного образования под контроль духовенства («закон Фаллу»)

31 мая Отмена всеобщего избирательного права

2 *июля* Реакционный закон о печати

1851

весна – осень Экономическая депрессия

2 *декабря* Бонапартистский государственный переворот

1852

11 января Роспуск национальной гвардии

14 января Введение новой конституции

17 февраля Декрет о полном подчинении печати государственной администрации

10 марта Уничтожение университетской автономии

7 *ноября* Сенатус-консульт о восстановлении наследственной империи и присвоении Луи-Наполеону Бонапарту имени Наполеона III

21 -22 *ноября* Плебисцит, санкционировавший это решение

2 *декабря* Провозглашение Луи-Наполеона императором французов

1854

27 марта Объявление войны России

1855

июнь Всемирная выставка в Париже

26-27 *августа* Попытка восстания в Анжере

1856

30 марта Подписание Парижского мирного договора

1858

14 января Покушение Феличе Орсини на Наполеона III

февраль – март Процесс и казнь Орсини

27 *февраля* Принятие Законодательным корпусом закона об общественной безопасности

27 *июня* Договор Франции с Китаем в Тяньцзине

20–21 июля Пломбьерское соглашение Наполеона III и Кавура

1859

апрель – июль Австро-итало-французская война

1860

23 *января* Подписание торгового договора с Англией

24 марта Подписание в Турине договора об уступке Ниццы и
Савойи Франции

5 *октября* Захват и разгром французскими войсками Пекина

24 октября Заключение неравноправного договора с Китаем

1862–1867 Военная экспедиция в Мексику

1864

25 *мая* Отмена закона Ле-Шапелье

сентябрь Свидание Наполеона 111 с Бисмарком в Биаррице

1865

январь Организация в Париже первой французской секции Интернационала

1866

29 июля Опубликование обращения парижской секции Интер
национала против австро-прусской войны *декабрь* Вывод французских войск из Рима

1867

16 марта Рабочие волнения в Рубэ

3 *ноября* Сражение французских войск с гарибальдийцами при Ментане

4 ноября Демонстрация членов Интернационала и левых республиканцев в Париже против вмешательства в итальянские дела

1868

8-*20 марта* Судебный процесс членов бюро парижской организации Интернационала

22 *мая* Второй процесс бюро Парижской организации Интернационала

ноябрь Судебный процесс над Делеклюзом

1870

10 января Убийство журналиста В. Нуара принцем Бонапартом

12 января Демонстрация на похоронах В. Нуара

19 -25 *января* Стачка на предприятиях Шнейдера в Крезо

13 марта Первая общефранцузская конференция секций Интернационала в Лионе

23 *марта – 1 мая* Новая стачка на предприятиях в Крезо

19 апреля Образование федерации парижских секций Интернационала

8 *мая* Плебисцит по вопросу о режиме Второй империи

21 *мая* Сенатский указ о новой конституции

22 июня – 8 июля Третий судебный процесс над руководством парижских секций Интернационала

19 июля–26 февраля 1871 Франко-прусская война

23 июля Первое воззвание Генерального совета Интернационала о франко-прусской войне

4 августа Поражение французской армии при Вейсенбурге

6 *августа* Поражение французской армии при Фрешвиллере и Форбахе

14 августа Попытка бланкистского восстания в Париже

2 *сентября* Седанская битва

4 сентября Революция в Париже. Падение Второй империи. Образование «Правительства национальной обороны»

19 сентября Начало осады Парижа прусской армией

24 сентября Капитуляция крепости Туль

29 октября Капитуляция крепости Мец

31 октября Народное выступление в Париже

1 ноября Начало переговоров Бисмарка с Тьером

1871

6 *января* Опубликование «Красной афиши»

22 января Народное выступление в Париже

28 *января* Капитуляция Парижа

8 *февраля* Выборы в Национальное собрание

12 февраля Открытие заседаний Национального собрания в Бордо

17 февраля Избрание Тьера главой нового правительства

24 февраля Избрание Центрального комитета национальной гвардии Парижа

24–28 февраля Вооруженные демонстрации в Париже

15 марта Временная оккупация части Парижа германскими войсками

9 марта Согласие Бисмарка на пропуск французских войск через центральную зону

11 *марта* Закрытие префектом полиции 6 республиканских и социалистических газет в Париже. Военный суд приговаривает Бланки к смертной казни за участие в событиях 31 октября

15 марта Возвращение Тьера в Париж. Разработка плана разоружения рабочих предместий

17 марта (в ночь на 18) Угрожающая прокламация правительства Тьера против ЦК национальной гвардии и поддерживающих его рабочих кварталов Парижа

18 *Марта* Пролетарская революция в Париже

19 *Марта* Первое обращение Центрального комитета национальной гвардии к народу

22 марта Постановление ЦК национальной гвардии, объявлявшее национальную гвардию единственной вооруженной силой

23 *марта-4 апреля* Коммуна в Марселе

24 *марта* Постановление Центрального комитета о помощи нуждающимся, об отсрочке квартирной платы, о безвозмездном возвращении из ломбарда вещей ценностью не выше 15 франков

26 *марта* Выборы в Коммуну

28 *марта* Торжественное провозглашение Парижской Коммуны

29 *марта* Декрет об уничтожении постоянной армии и замене ее всеобщим вооружением народа

2 апреля Установление максимального жалования для чиновников. Начало военных действий версальцев против Коммуны

3 апреля Декрет Коммуны об отделении церкви от государства и национализации церковных имуществ. Декрет Коммуны о привлечении к судебной ответственности членов версальского правительства и секвестре их имущества

3-*4 апреля* Неудачная вылазка национальной гвардии против версальцев

8 и 10 апреля Декреты Коммуны о пенсиях раненым и об обеспечении вдов и детей погибших национальных гвардейцев

17 апреля Декрет о рассрочке платежей по долговым обязательствам

24 апреля Декрет Коммуны о реквизиции пустующих помещений

25 *апреля* Доклад К. Маркса на заседании Генерального совета Интернационала о событиях в Париже

27 *апреля* Декрет о запрещении произвольных штрафов и вычетов из заработной платы

28 апреля Обращение Коммуны к сельскому населению

29 апреля Отступление из форта Исси

7 *мая* Создание Комитета общественного спасения

4 мая Падение форта Мулен-Саке

9 мая Занятие версальскими войсками форта Исси

10 мая Подписание во Франкфурте-иа-Майне мирного договора между представителями версальского правительства и Германской империи

72 *мая* Воззвание Комитета общественного спасения к парижскому народу

14 мая Захват версальскими войсками форта Ванв

75 *мая* Воззвание Коммуны к большим городам Франции с призывом о помощи

16 мая Низвержение Вандомской колонны

27 *мая* Последнее официальное заседание Парижской Коммуны. Вторжение версальских войск в Париж через ворота Сен-Клу

22-*28 мая* Кровавая майская неделя

27 *мая* Захват версальцами кладбища Пер-Лашез

28 мая Падение последней баррикады на улице Рампонно. Расстрел версальцами Варлена

30 мая Принятие Генеральным советом Интернационала составленного К. Марксом воззвания по поводу гражданской войны во Франции

август Уничтожение национальной гвардии

7 *августа* – 2 *сентября* Судебный процесс против членов Коммуны и Центрального комитета национальной гвардии

1872

16 февраля Осуждение Бланки версальским военным судом

14 марта Закон о запрещении организаций Интернационала во Франции

27 *июля* Закон об обязательной трехгодичиой военной службе

июль Увеличение существующих и введение новых косвенных налогов

1872–1875 Выход в свет французского перевода «Капитала»

1873–1874 Военная экспедиция в Тонкин

1873

24 мая Отставка Тьера и избрание президентом маршала Мак-Магона

20 ноября Принятие закона о септенате

1875

30 января Признание Национальным собранием республики

март – май «Военная тревога». Германо-французский конфликт

1876

3-10 октября Первый рабочий конгресс в Париже

1877

январь – март «Военная тревога»

май Подготовка президентом государственного переворота

май – октябрь Судебные процессы и полицейские преследования республиканцев

сентябрь Провал попытки реставрации монархии во Франции

18 ноября Выход в свет первого номера газеты «Эгалите»

1878

январь Рабочий конгресс в Лионе

1 мая Открытие в Париже Всемирной выставки

1879

29 января Вынужденная отставка Мак-Магона

30 января Избрание Жюля Г реви президентом республики

февраль – декабрь Министерство Ваддингтона

октябрь Третий рабочий конгресс в Марселе. Победа коллективистов

29 декабря-23 сентября 1880 Министерство Фрейсине

1880

29 марта Декрет о закрытии учебных заведений и монастырей иезуитов

71 июля Декрет об амнистии участников Коммуны

14 июля Первое официальное празднование годовщины взятия Бастилии

23 сентября -10 ноября 1881 Министерство Жюля Ферри

ноябрь Конгресс социалистов в Гавре. Принятие программы французской Рабочей партии

1881

12 мая Подписание договора о французском протекторате над Тунисом

29 июля Принятие закона о свободе печати

14 ноября–26 января 1882 Министерство Гамбетта

1882

30 января – 29 июля Второе министерство Фрейсине

сентябрь Конгресс Рабочей партии в Сент-Этьенне. Размежевание гедистов и поссибилистов

1883

27 *февраля – 30 марта* Министерство Жюля Ферри 7885

февраль Судебные процессы против социалистов и анархистов. Военная экспедиция на Мадагаскар *март* Военная экспедиция в Тонкин

1884

21 марта Закон о слободе профессиональных союзов

5 *апреля* Закон о самоупраплснни городских и сельских коммун

11 мая Договор с Китаем в Тяньцзине

1885

28 декабря Вторичное избрание Жюля Греви президентом

1886

7 *января* Образование третьего министерства Фрейсине

14 января Официальное установление французского протектората над Камбоджей

26 января Забастовка углекопов в Деказвнле

22 июня Принятие закона об изгнании членов бывших династий

1887 Образование гедистской Национальной федерации синдикатов

январь «Военная тревога»

1887–1889 Буланжистское движение

1887

22 мая Рабочая демонстрация у Стены федератов на кладбище Пер-Лашез

октябрь Договор о Суэцком канале

2 *декабря* Вынужденная отставка президента Греви

3 декабря Избрание президентом Сади Карно

1888

3 апреля-14 февраля 1889 Радикальное министерство Флоке *14 ноября* Создание

Института Пастера

декабрь Крах общества Панамского канала

1889

2 *апреля* Открытие Эйфелевой башни

6 мая Открытие в Париже Всемирной выставки в ознаменование столетия революции 1789 года

14–21 июля Первый конгресс II Интернационала в Париже

1890

февраль – май Война в Дагомее

1 мая Первая первомайская демонстрация в Париже

май Раскол поссибилистской Федерации социалистических рабочих Франции. Образование Революционно-социалистической рабочей партии («аллеманисты»)

1891

1 мая Расстрел рабочих в Фурми. Столкновение с войсками в Лионе и Сен-Кантеие

16 августа Забастовка горняков в Кармо

1892

16 февраля Энциклика папы Льва XIII о признании Французской республики.

17 августа Подписание русско-французской военной конвенции

21 -22 *сентября* Празднование столетия со дня провозглашения первой республики

декабрь Конгресс Рабочей партии в Марселе. Принятие аграр*ной* программы

1893

22 января Избрание Ж. Жореса в палату депутатов от Кармо

4 апреля – 25 *ноября* Министерство Дюпюи

октябрь Посещение русской эскадрой Тулона

3 декабря – 22 мая 1894 Министерство Казимира Перье

12 декабря Ограничение свободы печати

1894

4 января Оформление франко-русского союза

24 июня Убийство в Лионе президента Сади Карно анархистом Казерио

27 *июня* Избрание Казимира Перье президентом республики

28 июля Законы против анархистов

октябрь Шестой национальный конгресс синдикатов в Найте. Принятие резолюции о всеобщей стачке

22 декабря Осуждение Дрейфуса

1895

15 января Отставка президента республики Казимира Перье

17 января Избрание Феликса Фора президентом республики

сентябрь Изобретение кинематографии Люмьером. Создание Всеобщей конфедерации труда

1 ноября – 23 апреля 1896 Радикальное министерство Леона Буржуа

1896

29 апреля – 15 июня 1898 Министерство Мелина

20 июня Аннексия Мадагаскара

1897

18 августа Отъезд президента Фора в Россию

13 января Открытое письмо Эмиля Золя президенту Фору («Я обвиняю»)

7-23 февраля 1898 Судебный процесс против Эмиля Золя. Стачка железнодорожных и строительных рабочих в Париже

11 июля Оккупация Фашоды

июль – декабрь Ожесточенная борьба за пересмотр дела Дрейфуса

11 декабря Эвакуация французских войск из Фашоды

1899

15 января Оформление Комитета социалистического единства

16 февраля Смерть президента республики Феликса Фора

18 февраля Избрание Эмиля Лубе президентом республики

23 февраля Попытка государственного переворота, организованная Лигой патриотов во время похорон Феликса Фора

11 июля Народная демонстрация в защиту республики

22 июля Образование министерства Вальдек-Руссо с участием Мильерана

1901

май Оформление социалистической партии Франции

1902

7 *июня-24 января 1905* Министерство Комба

27 июня Декрет о закрытии школ, основанных конгрегациями

октябрь – декабрь Всеобщая стачка горняков в Кармо

1904

8 апреля Образование англо-французской Антанты

18 апреля Основание Ж. Жоресом газеты «Юманите»

октябрь Проект закона об отделении церкви от государства

3 октября Присоединение Испании к аигло-французскому договору от 8 апреля

6 октября Франко-испанское соглашение о Марокко

1905

Январь – март Правительство **М.** Рувье

1906

февраль Создание «Общества друзей русского народа»

март – апрель Вооруженное столкновение в Лиможе

23 апреля Объединительный конгресс Французской социалистической партии и Социалистической партии Франции *ноябрь* Стачка рабочих морских портов во Франции

декабрь Закон об отделении церкви от государства

1905–1906 Первый марокканский кризис

1906

17 января Избрание Фальера президентом республики

март – май Стачка горняков Севера и Па-де-Кале

12 июля Решение кассационной палаты о невиновности Дрейфуса

13 июля Закон о еженедельном отдыхе

октябрь Амьенский конгресс Всеобщей конфедерации труда

23 октября – 20 июля Министерство Клемансо *1909*

1907

8 марта Забастовка электриков Парижа

июль Движение крестьян-виноделов на юге Франции. Восстание 17 пехотного полка

1908

июль Стачка в Дравейле

1909

12 марта Забастовка почтовых служащих

24 июля–2 ноября 1910 Министерство Бриана

1910

11–12 октября Всеобщая забастовка железнодорожников

1911

январь – апрель Движение крестьян-виноделов в Шампани

27 *июня – январь 1912* Министерство Кайо

1 июля Появление германской канонерской лодки «Пантера» в Агадире. Второй марокканский кризис

4 ноября Подписание франко-германского договора о Марокко и Конго

1912

январь – январь 1913 Министерство Пуанкаре
30 марта Установление французского протектората над Марокко
16 июля Подписание русско-французской морской конвенции
август Визит Пуанкаре в Петербург
17 ноября Стотысячная демонстрация в Париже
1913
17 января Избрание Пуанкаре президентом республики
январь – март Министерство Бриана
6 марта Предложение правительства восстановить трехлетний срок военной службы
март – декабрь Министерство Барту
19 июля Закон о трехлетней военной службе
9 декабря – июль 1914 Министерство Думерга
1914
17 марта Убийство Кальметта г-жей Кайо
14 июля – 29 октября 1915 Министерство Вивиани
20–23 июля Визит Пуанкаре и Вивиани в Петербург
31 июля Убийство Жореса
1 августа Всеобщая мобилизация во Франции
3 *августа* Объявление Германией войны Франции. Вступление Франции в первую мировую войну
4 августа Голосование французских социалистов за военные кредиты
2 сентября Правительство и парламент переезжает в Бордо
6 -12 сентября Битва на Марне
ноябрь Возвращение правительства в Париж
1915
18 марта Дарданелльская экспедиция
май Наступление французских войск в Артуа
23 мая Вступление Италии в войну
сентябрь Наступление французских войск в Шампани
6 октября Высадка англо-французских сил в Салониках
30 октября -12 декабря 1916 Коалиционное правительство Бриана
1916
февраль Бои под Верденом
июль – ноябрь Англо-французское наступление на Сомме
1917
3 *апреля* Вступление в войну США
апрель Провал наступления французской армии генерала Нивеля. Забастовочное движение в департаменте Луары
май – июнь Массовые восстания в армии
13 сентября - 13 ноября Министерство Пенлепе
17 ноября - 18 января 1920 Второе министерство Клемансо
1918
8 января 14 пунктов президента Вильсона
15–16 июня Неудачное наступление германских войск в Шампани
18 июля Контрнаступление французских войск
8 *августа* Франко-английское наступление в районе Амьена
26 сентября Генеральное наступление союзных войск под командованием генерала Фоша
11 ноября Компьенское перемирие с Германией

Библиография
Работы к тому в целом

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Нищета философии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.

Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф. Соч.* Т. 7.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф. Соч.* Т. 8.

Маркс К. Гражданская война во Франции. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 17.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф. Соч.* Т. 19.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.

Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф. Соч.* Т. 22.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. – Полное собр. соч. Т. 11.

Ленин В. И. Карл Маркс. – Полное собр. соч. Т. 26.

Ленин В. И. Социализм и война. (Отношение РСДРП к войне). – Полное собр. соч. Т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). – Полюе собр. соч. Т- 27.

Ленин *В. И.* Тетради по империализму – Полное собр. соч. Т. 28.

Ленин *В. И.* Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г. – Полное собр. соч. Т. 32.

Ленин *В. И.* Государство и революция. – Полное собр. соч. Т. 33.

Ленин *В. И.* Как буржуазия использует ренегатов. – Полное собр. соч. Т. 39.

Ленин *В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме. – Полное собр. соч. Т. 41.

Lenine V. /. A propos de la France. T. 1–2. M., 1970.

Источники

Archives parlementaires de 1787 a 1860. Recueil complet des debats legislatifs et politiques des chambres francaises. Fonde par J.. Madival et E. Laurent… P. 1862–1913.

Buchez P. -J. -B. et Roux *P. -S.* Circulaires, instiuctions et autres actres, emanes du Ministere de l'Interieur, ou relatifs a ce departement de 1797 a 1821 inclusivement. 2 ed. T. 1–6. P., 1821-34.

Clercq A. J. H. Recueil des traites de la France… T. I. 1713–1802; T. 2, 1803–1815, P., 1864.

Collection complete des lois, decrets, ordonnances, reglements et avis du Conseil d'Etat (de 1788 a 1813 inclusivement par ordre chronologique), publ. sur les editions officielles… par J. B. Duvergier. V. 1–78. P., 1824–1878.

Duguit L., Monnier H., Bonnard R. Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. (Textes). 7-e ed. P., 1952.

Cille B. Les sources statistiques de l'histoire de France. Des enquetes de XVlII-e siecle a 1870. Geneve-Paris, 1964.

Les lois francaises de 1815 a 1914. Accompagnees des documents politiques, les plus importants. 4-e ed., P., 1933.

Les sources de 1 histoire de France depuis des origines jusqu'en 1815, par A. Molinier, H. Hauser, E. Bourgeois e. a. Pt. 1–3. P., 1909–1912.

Справочные издания и библиография

Annuaires statistiques de la France. Vol. 1-35. P., 1878–1919.

Bibliographie critique des principaux travaux parus sur l'histoire de 1600 a 1914 (Travaux de langue francaise ou relatifs a l'histoire de France). Annee 1932–1935. P., 1935–1937.

Caron B. Bibliographie des travaux publies de 1866 a 1897 sur l'histoire de la France depuis 1789. P., 1912.

Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier francais. Publ. sous la dir. de J. *Maitron.* T. 1–7. 1789–1871. P., 1965–1970.

Dolleans E. et *Crozier M.* Mouvements ouvriers et socialistes. Chronologie et bibliographie. Angleterre, France, Allemagne, Etats-Unies (1750–1918). P., 1950.

Repertoire methodique de l'histoire moderne et contemporaine de la France. Red. sous la dir. de G. Briere, P. Caron e. a. Annees 1898–1914. P., 1899–1918; annees 1912–1914 reimp. 1932.

Литература

Волгин В. П. История социалистических идей, ч. 1–2. М. – Л., 1928–1931.

Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960.

Далин В. М. Люди и идеи. (Из истории реполюциошгого и социалистического движения по Франции). М. 1970.

История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко (отв. ред.). Т. 2. Изд. 2-е, перераб. М., 1963.

Лукин Н. М. Избранные труды, т. 1–3. Ред. коллегия: В. П. Волгин и др. М., 1960–1963.

Манфред А. 3. Очерки истории Франции XVIII–XX вв. Сб. статей. М., 1961.

Манфред А. 3. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967.

Потемкин Ф. В. Промышленная революция по Франции, т. 1–2. М., 1971.

Audiganne A. Les populations ouvrieres et les industries de la France dans le mouvement social du XIX s. T. 1-II. P., 1851.

Bruhat J. Histoire du mouvement ouvrier francais. P-, 1952.

Dolleans E. et *Dehove G.* Histoire du travail en France. Mouvement ouvrier et legislation sociale. V. 1–2. P., 1953–1955.

Droz J-, Cenet L. et *Vidalenc* J. Restaurations et revolutions (1815–1871). P., 1953 (L'epoque contemporaine. V. I).

Hanolaux C. Histoire de la France contemporaine. 2 ed. T. 1–4. P.. 1904–1908.

Histoire de la France contemporaine deputs la Revolution jusqu'a la paix de 1919. Publ. sous la dir. d'E. Lavisse. T. 1-10. P., 1920–1922.

Histoire economique et sociale de la France. Sous la red. de E. Labrousse et F. Braudel. T. 2. P., 1970.

Kuczinski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Frankreicli von 1789 bis in die Gegenwart. 2-e Aufl. B., 1955. Пер.: *Кучинский Ю.* История условий труда во Франции. М., 1950.

Levasseur E. Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en Fiance de 1789 a 1870. 2-e ed. V. 1–2. P., 1903–1904.

Lhomrne J. La Grande bourgeoisie au pouvou (1830–1880). Essai sur 1 histoire sociale de la France. P., 1960.

Michelet J. Histoire du XIX-e siecle. V. 1-III. P., 1875.

Montreuil J. (G. Lefranc). Histoire du mouvement ouvrier en France. Des origines a nos jours. P., 1946.

Remond R. La vie politique en France depuis 1789. T. 1–2. P., 1965–1969. *Sagnac Ph.* La

formation de la societe francaise moderne. V. 1–2. P., 1945-46. ¦See *H.* Histoire economique de la France. T. 2. (1789–1914). P., 1951.

Weil G. Histoire du parti republicain en France 1814–1870. P., 1928. Пер.: Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870. М., 1906.

Великая Французская революция (гл. 1)

Источники

Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Пер. с франц. Э. А. Желубовской. Коммент. В. М. Далина. Вступ. статья В. П. Волгина. Т. 1–2. М., 1963.

Марат Ж. П. Избранные произведения. Сост. В. П. Волгин и А. 3. Манфред. Коммент. В. М. Далина. Т. I–III. М., 1956.

Робеспьер Максимилиан. Избранные произведения. В 3-х томах. (Пер. с франц.). Сост. и вступит, статья А. 3. Манфреда. М., 1965.

Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794).

Сб. документов и материалов. Под ред. II. М. Лукина. М., 1927. Французская революция в провинции и на фронте. (Донесения комиссаров Конвента). Пер. под ред. и с предисл. А. К. Джипелегопа. М. – Л., 1924. Les actes le la Commune de Palis pendant la Bevolution (1789–1792). Publ. par S. Lacroix. Ser. 1–2. P., 1894–1914.

Buchez Ph. J. B. et *Roux P.* Histoire parlementaire de la Revolution fiancaise ou Journal des Assemblees nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 1-40. P., 1834-48.

Cahiers de doleances du Tiers etat du bailliage de Rouen pour les Etats generaux de 1789. Publ. par M. Bouloiseau. T. 1–2. Rouen, 1960.

Cahiers de doleances du Tiers Etal de la senechaussee de Chateau-du-Loire pour les Etals Generaux de 1789. Publ. par P. Bois. Gap, 1960.

Les comites des droits feodaux et de legislation et l’abolition du regime seigneurial (1789–1793). Doc. publ. par Ph. Sagnac et P. Caron. P., 1907.

Les commissaires de ln Legislative et du Conseil executif en aout et sept. 1792. (Doc. publ. par P. Caron). P., 1913.

Les francais ont la parole… Cahiers de doleances des Etats generaux presentes par Pierre Gouberl et Michel Denis. Suivis d’un glossaire pratique de la langue de quatre-vingt-neuf. P., 1964.

Correspondance de Babeuf avec l’Academie d’Arras (1785–1788). Publ. sous la dir. de M. Reinhard. P., 1961.

Les elections et les cahiers de Paris en 1789. Documents recueillis, mis en ordre et annotes par Ch. L. Chassin. T. 1–4. P., 1888-89.

The Maclure collection of French Revolutionary materials. Ed. by J. D. Hardy, e. a. Philadelphia, 1966.

Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets du Ministere de l’interieur. Publ. par P. Caron. T. 1–5. P., 1910-58.

Les partages des biens communaux… Publ. par G. Bourgin. P., 1908.

La pensee revolutionnaire en France et en Europe 1789–1799. Textes choisis et presentes par J. Godechot. P., 1964.

Quellen zur Geschichte des Rheinlandes im Zeitalter der franzosischen Revolution 1780–1801. Gesam. und hrsg. von J. Hansen. Bd. 1–4. Bonn, 1931-38.

Recueil des actes du Comite de salut public, avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif provisoire. Publ. par A. Aulard. T. 1-27. P., 1889–1933 Nouv. ed.: P., 1964. – Пер. в извлеч.: Французская революция в провинции и на фронте. (Донесения комиссаров Конвента). М. – Л., 1924.

Recueil de documents relatifs aux seances des Ltats generaux. Mai-juin 1789. Prep. par l’Inst.

d’histoire de la Revol non frarcaise de la Fac. des lettres et sciences humaines de Paris sous la dir. de G. Lefebvre. T. 1–2. P.,1962.

Recueil des textes legislatifs et administratifs concernant les biens nationaux. T. 1–3. P., 1926-44.

Robespierre M. Oeuvres completes. T. 1-10. Ed. prep. sous la dir de M. Bouloiseau, G. Lefebvre, A. Soboul. P., 1910-67.

Suint-Just A. L. Oeuvres completes. T. 1–2. P., 1908.

Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793–1794. Hrsg. von W. Markov und A. Soboul. Mit einem Vorwort von L. Lefebvre. B., 1957.

La Societe des Jacobins. Recueil des documents. Red. et introd. par A. Aulard. T. 1–6. P., 1889-97.

Библиография

Martin A. et *Walter* G. Catalogue de l’histoire de la Revolution francaise. T. 1–5.

Ecrits de la periode revolutionnaire. P., 1936-55.

Monglond A. La France revolutionnaire et imperiale. Annales de bibliographie methodique et description des livres illustres. V. 1–7. Grenoble. 1930-53. *Walter* G. Repertoire de l’histoire de la Revolution francaise. Travaux publies de 1800 a 1940. Vol. 1–2. P., 1941-51.

Литература

Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971.

Лолин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794). М., 1963.

Захер М. Движение «бешеных». М., 1961.

Зильберфарб И. И. Идеи и традиции Великой французской революции. М. 1971.

Из истории якобинской диктатуры (1793–1794). Труды Межвузовской науч. конференции. Одесса, 1962.

Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966.

Кореев Н. И. Историки французской революции. Т. 1–3. Л., 1924–1925. *Кореев Н. И.* Революционные комитеты парижских секций 1793–1795. С прилож. неизданных документов. СПб., 1913.

Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789–1793. Пер. с франц. под ред. автора. М., 1919.

Лукин Н. М. Избранные труды. Т. I. М., 1960.

Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция XVIII в. М. 1956.

Манфред А. З. Марат. М., 1962.

Тарле Е. В. Жерминаль и Прериаль. – Соч. в 12-ти томах. Т. 6. М., 1959. *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. – Соч. в 12-ти томах. Т. 2. М. 1957.

Французская буржуазная революция 1789–1794. Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М., – Л., 1941.

Фридлянд Г . С. Дайтон. Изд. 3-е. М., 1965.

Фридлянд Г. С. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. Изд. 2-е. М… 1959.

Штранге М. М. Русское общество и французская революция. 1789–1794 гг. М… 1956.

«Annales historiques de la Revolution francaise». P., 1924-… («Annales revolutionnaires» с 1908 г.).

Aulard A. Histoire politique de la revolution francaise. Origines et developpement de la democratie et de la republique (1789–1804). P., 1901. Пер.: *Олар А.* Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804.

Пер. с франц. Изд. 4-е. М. 1938.
Babeuf et les problemes du babouvisme. M. Dommanget, V. M. Daline, A. Soboul, e. a. (Colloque international de Stockholm. 21 aoŭt 1960), P., 1963.
Bouloiseau M. la Republique jacobine. 10 aout 1972 – 9 thermidor an II. P., 1972.
Braech F. La commune du 10 aout 1792. P., 1911.
Cobb R. Les armees revolutionnaires. V. I–II. P., 1961-63.
Cobb R. Terreur et subsistances. 1793–1795. P., 1965.
Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968.
Dommanget M. Sur Babeuf et la Conjuration des egaux. P., 1970.
Dommanget M. Sylvain Marechal. P., 1950.
Droz J. L 'Allemagne et la Revolution francaise. P., 1949.
Codechot J. La grande nation. L'expansion revolutionnaire de la France dans le monde de 1789 a 1799. T. 1–2. P.. 1956.
Codechot J. Les institutions de la France sous la Revolution et l'Empire. *Y.,* 1951.
Codechot J. Les Revolutions (1770–1799). P, 1963.
Jacob L. Hebert, le Pere Duehesne, chef des sans-cullottes. P., 1960.
Jakobiner und Sans-culotten. Beitrage zur Geschichte der franzosischen Revolutions-regierung. 1793–1794. Hrsg. von W. Markov und A. Soboul. B., 1956.
Jaures J. Histoire socialiste de la revolution francaise. Ed. par A. Mathiez. T. 1–8. P., 1922-24. Nouv. ed.: T 1–6. Sous la red d'A. Soboul. P., 1969–1972. Пер.: *Жорес Ж.* История Великой французской революции. Т. 1–3. М., 1920-23.
Labrousse C. E. La crise de l'economie francaise a la fin de l'ancien regime et au debut de la Revolution francaise. P., 1944.
Lefebvre C. Etudes sur la Revolution francaise. Introd. par A. Soboul. 2-me ed. rev. P., 1963.
Lefebvre C. Etudes orleanaises. T. 1–2. P., 1962-63.
Lefebvre C. La grande peur de 1789. P., 1932.
Lefebvre G Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise. 3-e ed. P., 1972.
Lefebvre C. Questions agraires au temps de la terreur. Strasbourg, 1932. Пер.: Л*ефевр Ж.* Аграрный вопрос в эпоху террора (1793–1794). Л., 1936.
Lefebvre C. La revolution francaise. P., 1963.
A magyar jakobinusok iratai, 1–3. k. szerk. Benda Kalman. Budapest, 1952-57.
Marhow W. Exkurse zu Jacques Roux. B., 1970.
Mathiez A. La Revolution francaise. Nouv. ed. T. I–III. P., 1965. Пер.:
Матъез А. Французская революция. Т. 1–3. М. – Л., 1925-30.
Mathiez A. Girondins et montagnards. P., 1930.
Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. P., 1927. Пер.: *Матьез А.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., – Л., 1928.
Maximilien Robespierre. 1758–1794. Mit einem Vorw. von G. Lefebvre. Hrsg. von W. Markov. B., 1961.
Rade. G The Crowd in the French Revolution. L., 1967.
Rude C. Revolutionary Europe. 1783–1815, London – Glasgow, 1964.
Saitta A. Filippo Buonarroli. T. 1–2. Roma, 1950.
Soboul A. Paysans, sans-culottes et Jacobins. P., 1966.
Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an IL Mouvement populaire et gouvernement revolutionnaire, 2 juin 1793-9 thermidor an IL P., 1958. Пер.: Собуль *А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство. 2 июня 1793-9 термидора II год. Ред. и вступ. статья А. 3. Манфреда. М., 1966.
Soboul A. La Revolution francaise. T. 1–2. P., 1964.
Tonne s s on K. D. La defaite des sans-culottes. Mouvement populaire et reaction bourgeoise en l'an III. Oslo – Paris, 1959.
Williams A. Artisans and Sans-culottes. Popular Movements in France and Brilain during the French Revolution. L. 1968.

Падение первой республики. Консульство и империя (гл. 2–3)

Источники

Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. А. Трачевского. Т. 1–4. 1800–1808. СПб., 1890-93.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. T I–VIL М., 1960–1970.

Наполеон I. Избранные произведения. Предисл. П. А. Жилина. М., 1956. Отечественная война 1812 г. Сборник документов н материалов. Сост. А. В. Предтеченский и др. Под ред. Е. В. Тарле. Л. – М., 1941.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964.

Bertrand H. C. Cahiers de Sainte-Helene, 1818–1819. V. 1–2. P., 1949–1951.

Kampf und Freiheit. Dokumente zur Zeit der nationalen Erhebung. 1789–1815.

Hrsg. von F. Donath und W. Markow. B., 1954.

Las Cases de. Le Memorial de Sainte-Helcne. V. 1–2- P-, 1951.

Napoleon I. Correspondance publ. par ordre de l’empereur Napoleon III. T. 1-32. P., 1858–1869.

Napoleon I. Lettres, ordres et apostilles de Napoleon I, extraits des archives parus.

Ed. par S. d’Huart. Avantpropos par M. Dunan. P., 1965.

Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil des documents. Par A. Aulard. T. 1–5. P., 1898–1900.

Paris sous le Consulat. Recueil des documents. Par A. Aulard. T. 1–3. P., 1903–1906.

La police secrete du Premier Empire. Bulletins quotidiens adresses par Fouche a l’empereur. Publ. par J. Grassion. Pref. de M. Reinhard. P., 1963-64. (Nouv. ser. T. 4, 5).

Talleyrand Ch. M. Memoires du prince de Talleyrand. Publ. par le duc de Broglie. T. 1–5. P., 1891–1892. Пер.: *Талейран.* Мемуары. Ред. Е. В. Тарле. М., 1959.

Библиография

Danois G. Bibliographie Napoleonienne francaise. Jusqu’en 1908. V. 1–3. P., 1909–1911.

Литература

Добролюбский К. П. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы по Франции в 1794–1795 гг. Одесса, 1949.

Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М. – Л., 1966.

Манфред А. 3. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

Нарочницкий А. Л. Об историческом значении континентальной блокады. – «Новая и новейшая история», М., 1965, № 6.

Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. Сб. статей. М., 1965.

Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.

Стендаль. Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне. – Собр. соч. в 15-ти томах. Т. II. М., 1959.

Тарле Е. В. Наполеон. – Соч. в 12-ти томах. Т. 7. М., 1959.

Тарле Е. В. Талейран (1754–1838). – Соч. в 12-ти томах. Т. 11. М., 1961.

Тарле Е. В. 1812 год. М., 1959.

Тарле Е. В. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. – Соч. в 12-ти томах. Т. 3. М., 1958.

Bourgin G. et *Codechot J.* L'Italie et Napoleon (1796–1814). P., 1936.
Calvet H. Napoleon. P., 1943.
Castelot A. Histoire de Napoleon Bonaparte. T. 1-III. P., 1969.
Chabert A. Essai sur les mouvements des prix et des revenus en France de 1798 a 1820. Pref. de E. Labrousse. T. 1–2. P., 1945-49.
Chandler D. G. The Campaigns of Napoleon. L., 1967.
Charles-Roux F. L’Angleterre et l’expedition francaise en Egypte. T. 1–2. Le Caire. 1925.
Connelly O. Napoleon’s Satellite Kingdoms. N. Y. – L., 1965.
Crouzet F. L'economie britannique et le Blocus continental (1806–1813). T. 1–2. P., 1958.
Droz J. Le romantisme allemand et l’etat. Resistance et collaboration dans l’Allemagne napoleonienne. P., 1966.
Dunan M. Napoleon et l’Allemagne (1806–1810). Le systeme continental et les debuts du royaume de Baviere. P., 1949.
La France a l’epoque napoleonienne. P., 1970.
Fugier A. Napoleon et l’Espagne. 1799–1808. T. 1–2. P., 1930.
Fugier A. Napoleon et l'Italie. 8-e ed. P., 1947.
Codechot J. Les commissaires aux armees sous le Directoire. T. 1–2. P., 1941.
Codechot J. Napoleon. P., 1969.
Jouvenel B. de Napoleon et 1 economie dirigee. Le blocues continental. P., 1942.
Lefebvre G. Le Directoire. 2-e ed. P., 1950.
Lefebvre G. Napoleon. 5-me ed. P., 1965.
Lefebvre C. Les thermidoriens. P., 1937.
Maurois A. Napoleon. P., 1964.
Madelin L. Histoire du Consulat et de l’Empire. T. 1-16. P., 1937-54.
Mathiez A. La reaction thermidorienne. P., 1929. – Пер.: *А. Матъез.* Термидорианская реакция. М., 1931.
Mathiez A. Le Directoire du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V. P., 1934.
Melchior-Bonnet B. La conspiration du general Malet. P., 1961.
Ollivier A. Le Dixhuit brumaire. P., 1959.
Soboul A. La 1-re Republique. (1792–1804). P., 1968.
Soboul A. Le directoire et le consulat (1795–1804). P., 1967.
Tersen E. Napoleon. P., 1969.
Thiry I. La chute de Napoleon 1. T. 1–2. P., 1938-39.
Thiry J. Wagram. P., 1966.
Thomton M. J. Napoleon after Waterloo. Engiand and the St. Helena Decision. Stanford, 1968.
Vandal A. L’avenement de Bonaparte, v. 1–2. P., 1903–1905. Пер.: А. Вандаль. Возвышение Наполеона. СПб., 1905.
Vandal A. Napoleon et Alexandre I. L’alliance franco-russe pendant le premier empire. V. 1–3. P., 1893–1894. Пер.: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 1–3. СПб., 1910-13.
Villat L. La Revolution et l'Empire (1789–1815). V. 1–2. P., 1936.
Woloch I. Jacobin Legacy. The Democratie Movement under the Direclory. Princeton, 1970.

Франция в период реставрации Бурбонов (1814–1830) и июльская революция 1830 г. Июльская монархия (1830–1848) (гл. 4–5)

Классики марксизма-ленинизма

Энгельс Ф . Закат и близость падения Гизо. – Позиция французской буржуазии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4.
Энгельс Ф. Правительство и оппозиция во Франции. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч.,

т. 4.

Энгельс Ф. Прудон. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 6.

Энгельс Ф. Рабочий класс Франции и президентские выборы. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 6.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. – Полное собр. соч., т. 2.

Источники

Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1812–1820). Т. 1–3. СПб., 1901–1908.

Изложение учения Сен-Симона. Пер. с франц. Э. А. Желубовской и Ф. Б. Шуваевой. Под ред. и с введ. В. П. Волгина. М. – Л., 1947.

Сен-Симон А. Избранные сочинения. (1819–1825). Пер. с франц. А. И. Рубина. Предисл. В. П. Волгина. Т. 1–2. М. – Л., 1948.

Фурье Ш. Избранные сочинения. Пер. с франц. и коммент. И. И. Зильберфарба. Вступит, статья В. П. Врлгина. Т. 1–4. М. – Л., 1951-54.

Bourgin G· et *Bourgin H.* Le regime de l'industrie en France de 1814 a 1830. Recueil de textes. Vol. 1–3. P., 1912-42.

Buchez P. I. *B.* et *Roux P.* C. Recueil des circulaires et des instructions emanees du Ministere de l'Interieur de 1831 a 1837 inclusivement, et des circulaires et instructions emanees du Ministere du Commerce et des Travaux publics de 1831 a 1839 inclusivement. T. 1–3. P., 1848-49.

Proudhon P. J. Carnets… Texte inedit et integral etabli sur les manuscrits autographes avec annol. et appareil critique de P. Haubtmann. V. 1–2. P., 1960-61.

Литература

Бутенко В. Из истории революционного движения во Франции в эпоху Реставрации. Саратов, 1918.

Волгин В. П. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961.

Зильберфарб И . Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964.

Иоаннисян А. Р. Шарль Фурье. М., 1958.

Орлик О. В. Россия и Французская революция 1830 года. М., 1968.

Потемкин Ф. В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937.

Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. – Соч. в 12-ти томах. Т. 6. М., 1959.

Чернышевский Н. Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X. – Полное собр. соч. Т. 5. М., 1950.

Чернышевский Н. Г. Июльская монархия. – Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1950.

Aguet J. P. Les greves sous la Monarchie de juillet (1830–1847). Geneve, 1954.

Beck P. H. Louis Philippe and the July Monarchy. Princeton, 1965.

Bertier de Sauvigny G. La Restauration. Nouv. ed. rev. et augrn. P., 1963.

Blanc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. 6-e ed. P., 1846.

I. L. *Bory.* 29 juillet 1830. P., 1972.

Charlety 5. La Monarchie de juillet. P., 1921.

Contamine H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration. 1814–1830. P., 1970.

Daumard A. La bourgeoisie parisienne de 1815 a 1848. P., 1963.

Dommanget M. Auguste Blanqui des origines a la Revolution de 1848. P., 1969.

Droz J. De la Restauration a la Revolution. 1815–1848. P., 1970.

Gain A. La Restauration et les biens des emigres. T. I–II. Nancy, 1929.

Gille B. Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste, 1815–1848. P., 1959.

Codart I. *La* Revolution de 1830 a Lyon. P., 1930.
Griewank K. Der Wiener Kongress und die europaische Restauration 1814/15. 2. Aufl. Leipzig, 1954.
Leuilliot P. L’Alsace au debut du XlX-e siecle. Essais d’histoire politique, economique et religieuse (1815–1830). P., 1960.
Lucas-Dubreton J. Le culte de Napoleon. 1815–1848. P., 1960.
Lucas-Dubreton J. Louis XVIII. P., 1925.
Oecshlin J. J. Le Mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. Son ideologie et son action politique (1814–1830). P., 1960.
Perreux G. Au temps des societes secretes. La propagande republicaine au debut de la Monarchie de Juillet (1830–1835). P., 1931.
Ponteil F. La monarchie parlementaire 1815–1848. P., 1949.
Resnick D. Ph. The White Terror and the Political Reaction after Waterloo. Cambridge, 1966.
Rude F. Le mouvement ouvrier a Lyon de 1827 a 1832. P., 1944.
See H. La vie economique de la France sous la monarchie censitaire. 1815–1848. P., 1927.
Spitzer A. B. Old Hatreds and Young Hopes. The French Carbonari against the Bourbon Restoration. Cambridge (Mass.), 1971.
Tudesq A. J. Les grands notables en France (1840–1849). Etude historique d’une psychologie sociale. V. 1–2. Bordeaux, [1964].
Vidalenc J. La restauration (1814–1830). P., 1966.
Vigier Ph. La monarchie de Juillet. 2-e ed. P., 1965.

Революция 1848 г. Вторая республика (гл. 6)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Кавеньяк и июньская революция. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 6.
Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 7.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 8.
Маркс К. Буржуазия и контрреволюция. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. *Энгельс Ф.* Революция в Париже. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. *Энгельс Ф* . Июньская революция. (Ход восстания в Париже). – *Маркс. К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 5.
Энгельс Ф. Введение к рабоге Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22.
Ленин В. И. Луиблановщина. – Полное собр. соч. Т. 31.
Ленин В. И. Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? – Полное собр. соч. Т. 32.

Источники

Революция 1848 года во Франции (февр. – июнь) в воспоминаниях участников и современников. М. – Л., 1934.
Бланки Л. О. Избранные произведения. Пер. с франц. и коммент. Ф. Б. Шуваевой. Вступит, статья В. П. Волгина. М., 1952.
Assemblee nationale constituante. 1848–1849. Compte rendu des seances. P., 1850.
Assemblee nationale constituante. Rapport de la Comission d enquete sur l'insurrection du 23 juin et sur les evenements. T. I–III. P., 1848.
Assemblee nationale legislative. 1849–1851. Compte rendu des seances. P.. 1852.
Les associations ouvrieres encouragees par la Deuxieme republique. Doc. ined. publ. par O.

Festy. P., 1915.
Blanqui L. A. Critique sociale. T. 1–2. P., 1885.
1848. La Revolution racontee par ceux qui l’ont vue. Textes choisis et pres, pai J. Suffel. P., 1948.
Proces-verbaux du Gouvernement provisoire et de la Commission du pouvoir executif. P., 1950.
Recueil complet des actes du gouvernement provisoire. Pt. 1–2. P., 1848.
Tocqueville A. Souvenirs… Nouv ed. P., 1944. Пер.: *Токвиль А.* Воспоминания… М., 1893.

Литература

Бендрикова Л. А. Французская историография революции 1848–1849 гг. во Франции (1848–1968). М., 1969.
Застенкер Н. Революция 1848 года во Франции. М., 1948.
Либкнехт *В.* Революция в Париже в 1848 г. М., 1918.
Молок А. И. Июньские дни 1848 г. в Париже. М., 1948.
Молок А. И. Карл Маркс и июньское восстание 1848 года в Париже. *Л.* – М., 1934.
Революции 1848–1849. Под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. Т. 1–2. М. 1952. Библиогр.: Т. 2, стр. 485–562.
Собулъ А. Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции. Пер. с Франц. Вступит, статья А. В. Адо. М. 1960.
Actes du Congres historique du centenaire de la revolution de 1848. P, 1949.
Angrand P. Etienne Cabet et la revolution de 1848. P., 1948.
Armand F. Les fourieristes et les luttes revolutionnaires de 1848 a 1851. P., 1948.
Aspects de la crise et de la depression de l’economie francaise au milieu du XIX siecle, 1848–1851. Etudes sous la direction de E. Labrousse. P., 1956.
Bernstein S. Blanqui. P., 1971.
Blanc L. Histoire de la revolution de 1848. T. 1–2. P., 1870. Пер. *Блан Л.* История революции 1848 года. СПб., 1907.
Bourgin G. 1848. Naissance et mort d’une republique. P., 1948.
Bruhal J. L’Europe, la France et le mouvement ouvrier en 1848. P., 1948.
Castille H. Histoire de la Seconde Republique francaise. T. I–IV. P., 1854-56.
Cornu A. Karl Marx et la Revolution de 1848. P., 1948.
Doulry J. Histoire de la Revolution de 1848 en France. P., 1948.
Dommanget M. Blanqui en 1848. P., 1972.
1848. Le livre du Centenaire. Ouvrage publ. sous la dir. de Ch. Moulin. P., 1948.
Dolleans E. et *Puech J.* Proudhon et la revolution de 1848. P, 1948.
Duveau G. 1848. P., 1965.
Etudes. Recueil publ. par la soc. d’histoire de la Revolution 1848. De A. Armengaud, M. Dommanget, J. Droz e. a. Nancy, 1954.
Guillemin H. La tragedie de quarante huit. P., 1948.
Hugo V. Souvenirs personnels, 1848–1851. P., 1852.
Seignobos Ch. La Revolution de 1848. Le Second empire (1848–1859), P., 1921.
Soboul A. Quarante huit. P., 1947.
Vermorel A. Les hommes de 1848. P., 1869 Пер.: *Верморелъ А.* Деятели сорок восьмого года. М. – Пг., 1923.
Vermorel A. Les hommes de 1851. P., 1869. Пер.: *Верморелъ А.* Деятели 1851. СПб., 1870.
Vigier Ph. La Seconde Republique. 2me ed. P., 1970.
Wassermann S. Les clubs de Barbes et de Blanqui en 1848. P., 1913.

Вторая империя (гл. 7)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 8.

Маркс К. Ближайшие перспективы во Франции и Англии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 11.

Маркс К. К истории союза с Францией. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. *Маркс К.* Франция Бонапарта Малого.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. *Маркс К.* Англо-французский союз. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. *Маркс К.* Кризис во Франции. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 12.

Маркс К. Покушение на Бонапарта. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. *Маркс К.* Перспективы войны во Франции. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 13.

Маркс К. Положение Луи-Наполеона. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. *Маркс К.* Финансовое положение Франции. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 15.

Энгельс Ф. Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 7.

Энгельс Ф. Последняя уловка Наполеона. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. *Энгельс Ф.* Борьба во Франции. (Заметки о войне). – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., Т. 17.

Энгельс Ф. Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 19.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Критика французской системы ведения войны. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 11.

Ленин В. И. Тетрадь записей материалов к статьям. 18 брюмера. – Ленинский сборник. XVI. М. – Л., 1931.

Источники

Annales du Senat et du Corps legislatif. Sessions de 1861 a 1870. P., 1861–1871. *Bismarck O.* Politische Schriften. 1869–1871. – Die Gesammelten Werke. Bd. 6. 2. Aufl. B., 1931. Пер.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Под ред. А. С. Ерусалимского. Т. 2. М., 1940.

Blanqui A. La patrie en danger. P., 1871.

Chodzko L. (Angeberg D’). Recueil des traites, conventions, actes, notes, capitulations et pieces diplomatiques concernant la guerre franco-allemande. T. 1–5. P., 1873.

Documents diplomatiques du gouvernement provisoire et de la Comission du pouvoir executif. T. 1–2. P., 1953.

Enquete parlementaire sur les actes du Gouvernement de la defense nationale. T. 1–7. P., 1872–1876.

Gambetta L. Discours et plaidoyers politiques. Publ. par J. Reinach. T. I–II. P., 1881–1885.

Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871. Recueil des documents, publ. par le Ministere des affaires etrangeres. T. 1-29. P., 1910–1932. Proces-verbaux des seances du Conseil du Gouvernement de la defense nationale (4 sept. 1870-16 fevr. 1871), publ, d’apres les manuscrits originaux de A. Dreo. P., 1905.

Литература

Гюго В. Наполеон малый. – Собрание сочинений. Т. 5. М., 1954.

Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

Лукин *Н М.* Избранные труды. Т. II–III. М., 1962-63.

Тарле Е. В. Крымская война. Ч. 1–2. Соч. в 12-ти томах. Т. 8–9. М., 1959. *Чернышевский Н. Г.* Франция при Людовике-Наполеоне. – Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1950.

Allison J. M. S. Thiers and the French Monarchy. Hamden, 1968.

Bourgin G. La guerre de 1870–1871 et la Commune. Iconographie de l'epoque reunie sous la dir. de M. Terrier. P., 1971.

Bury J. P. T. Gambetta and the National Defence. L., 1936.

Chastenet J. Gambetta. P., 1968.

Chuquet A. La guerre de 1870-71. P., 1895.

Conchon G. Nous, la Gauche, devant Louis-Napoleon. P., 1969.

Danseite A. Histoire du Second empire. [T. I]. P., 1961.

Dommanget M. Blanaui et l'opposition revolutionnaire a la fin du Second Empire. P., 1960.

Duveau G. La vie ouvriere en France sous le Second empire. 5-e ed. P., 1946. *Greenberg L. M.* Sisters of Liberty. Marseille, Lyon, Paris and the Reaction to a Centralized State, 1868–1871. Cambridge (Mass.), 1971.

Johnson D. Guizot. Aspects of French History 1787–1874. London – Toronto, 1963..

Lambert A. Jules Favre. Le siege de Paris. P., 1965.

Lefevre A. Sous le Second empire; chemins de fer et politique. P., 1951.

Lefevre G. Politique interieure du second Empire. P., s. d.

Lescure J. Des crises generales et periodiques de surproduction. P., 1923.

L'Huillier F. La lutte ouvriere a la fin du Second Empire. P., 1957.

Moltke H. Geschichte des deutsch-franzosischen Krieges von 1870–1871. B., 1891. Пер.: *Мольтке Г.* История германо-французской войны 1870–1871 гг. М. 1937.

Payne H. C. The Police State of Louis Napoleon Bonaparte, 1851–1860. Seattle, 1966.

Simon]. Le Gouvernement de la defense nationale. P., 1874.

Sorel A. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande. T. 1–2. P., 1875. *Tchernoff I.* Le parti republicain au coup d'etat et sous le Second empire. P., 1906.

Weil G. Histoire du parti republicain en France. 1814–1870. P., 1964.

Welschinger H. La guerre de 1870. Causes et responsabilites. 4-e ed. T. 1–2. P., 1911.

Wormser G. Gambetta dans les tempetes. P., 1964.

Парижская Коммуна 1871 г. (гл. 8)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Гражданская война во Франции. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 17.

Маркс К. Проект резолюции Генерального Совета о Французской секции 1871 года. Резолюция Генерального Совета, принятая на заседании 7 ноября 1871 года. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 17.

Маркс К. Выписки из газет от 18 марта до 1 мая 1871 г. – «Архив Маркса и Энгельса». Т. III–VIII.

Маркс К. Выписки из газет от 1 апреля до 23 мач 1871 г. и от 28 августа, 16–22 сентября 1870 г. – «Архив Маркса и Энгельса». Т. XV.

Энгельс Ф. Воззвание «Гражданская война во Франции» и английская пресса. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 17.

Энгельс Ф. К годовщине Парижской Коммуны. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.

Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции». – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22.

Ленин В. И. Уроки Коммуны. – Полное собр. соч. Т.16.

Ленин В. И. Памяти Коммуны. – Полное собр. соч. Т. 20.

Маркс К., Энгельс Ф. и *Ленин В. И.* О Парижской Коммуне. (Сборник. Сост. К. Н.

Сванидзе). М., 1971.

Источники

Мишель Л. Коммуна. М. – Л., 1926.

Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах. (Под ред. А. И. Молока). Л., 1925.

Парижские коммунары о религии и церкви. (Сборник документов и материалов). (Под общ. ред. А. И. Молока). М., 1971.

Первый Интернационал и Парижская Коммуна. Документы и материалы. М., 1972.

Протоколы заседаний Парижской Коммуны. Под ред. В. П. Волгина и др. Т. 1–2. М. 1959-60.

Bourgin C. et *Hcniiol C.* Proces-verbaux de la Commune de 1871. T. 1–2. P.,1924-45.

Actes du gouvernement de la defense nationale du 4 sept. 1870 au 8 fevr. 1871, V. 1–7. P., 1873-75.

Actes du gouvernement revolitionaire de Paris. Decrets ordres, proclamations, rapports militaires. P., 1871.

Annales de l'Assemblee Nationale. Compte rendu in extenso des seances. Annexes. V. 1–45. P., 1871-76.

Annales de la Chambre des deputes (nouv. ser.). Debats parlementaires. P., 1881-99.

Enquete parlementaire sur les actes du Gouvernement de la defense nationale. V. 1–5. P., 1872-75.

Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars. I. Rapports. II. Deposition des temoins. III. Pieces justificatives. V. 1–3. P., 1872.

La Commune de 1871. (Articles parus au «Journal officiel» de la Commune, ses decrets, affiches, proclamations et textes d'autres journaux). P., 1964.

Proces des communards. Presentes par J. Rougerie. P., 1964.

Vuillaume M. La semaine sanglante. Journal d'un communard. (Mai, 1871). Geneve – Paris, 1964.

Библиография

Парижская Коммуна. Библиографический указатель литературы. К 70-летней годовщине. Сост. Р. М. Инглези и Т. В. Кремлева. М., 1941.

I Интернационал и Парижская Коммуна. Указатель лит., вышедшей в СССР. 1917–1970. (Сост. Е. А. Гутерман и др.). Под ред. И. А. Бах, Б. А. Каменецкого. М. 1971.

Печать Первого Интернационала и Парижской Коммуны. Сводный каталог изд., хранящихся в б-ках СССР. М·, 1964.

Литература

Государство и право Парижской Коммуны. Отв. ред. А. Ф, Шебанов. М… 1971.

Данева-Михова Х. Парижката Комуна 1871, София, 1971.

Дмитриев В. Г. Поэт-коммунар. Жизнь и творчество Эжена Потье, создателя «Интернационала». М., 1966.

Дунаевский В. А. Парижская Коммуна в трудах В. И. Ленина. М. 1971. История Парижской Коммуны 1871 года. (Редколлегия: Желубовская Э. А., Манфред А. 3., Машкин М. Н., Молок А. И., Оболенская С. В., Потемкин Ф. В.). М., 1971.

Итенберг Б. С. Россия и Парижская Коммуна. М., 1971.

Книжник-Ветров И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М. – Л., 1964.

Куниский С. Д. Русское общество и Парижская Коммуна. Отклики в России на

франко-прусскую войну и Парижскую Коммуну. М., 1962.
Лукин Н. М. Парижская Коммуна 1871 года. – Избр. труды. Т. II. М., 1962. *Маркович Светозар.* Париска Комуна и Интернационала. Београд, 1963.
Молок А. И. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года. Л., 1939.
Молчанов Н. Н. Шарль Делеклюз. Эжен Варлен. Герои Парижской Коммуны. М., 1971.
Парижская Коммуна. Под ред.: Э. А. Желубовской, А. 3. Манфреда, А. И. Молока, Ф. В. Потемкина. Т. 1–2. М., 1961.
Парижская Коммуна 1871 года. Время, события, люди. Под общ. ред. А. И. Молока. М. 1970.
Хейфец Ф. А. Парижские коммунары. М., 1961.
Choury M. La Commune au coeur de Paris d’apres les documents inedits. P., 1967.
Пер.: *Шури М.* Коммуна в сердце Парижа. М., 1970.
Choury M. La Commune au Quartier Latin. P., 1961.
Choury M. Paris livre. Les origines de la Commune. P., 1960. Пер.: *Шури М.* Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны. М., 1961.
La Commune de 1871. Sous la dir. de J. Bruhat. J. Dautry, E. Tersen. P., 1961. Пер.: Парижская Коммуна 1871. Под ред. Ж. Брюа, Ж. Дотри, Э. Терсена. М. 1964.
Daulry]. et *Scheler L.* Le Comite central republicain des vingt arrondissements de Paris (Septembre 1870 – mai 1871). D’apres les papiers inedits de Constant Martin et les sources imprimees. P., 1960.
Dessal M. Un Revolutionnaire jacobin Charles Delescluze 1809–1871. P., 1952. *Dommanget M.* Blanqui, la guerre de 1870-71 et la Commune. 2. ed. P., 1947.
Пер.: *Домманже М.* Бланки. Л., 1925.
Duclos J. La Commune de Paris a l’assaut du ciel. P., 1970.
Faucher J. A. La Veritable histoire de la Commune. T. 1–3. P., 1960.
Grajewska S. Komuna Paryska 1871. r. Warszawa, 1961.
Guesde J. La Commune de 1871. P., 1937.
Guillemin H. Les origines de la Commune. T. 1–3. P., 1956–1960.
Home A. The Fall of Paris. The Siege and the Commune 1870-71. L., 1965.
Lefebvre H. La proclamation de la Commune 26 mars 1871. P., 1965.
Lefrancais G. Etude sur le mouvement communaliste a Paris en 1871. Neuchatel, 1871.
Lefrancais G. Souvenirs d’un revolutionnaire. Bruxelles, 1902.
Lcpelletier E. Histoire de la Commune de 1871. V. 1–3. P., 1911–1913. *Lissagaray P. O.* Histoire de la Commune de 1871. P., 1919. Пер.: Л*иссагарэ П.*
История Коммуны 1871 г. СПб., 1906.
Olivesi A. La Commune de 1871 a Marseille et ses origines. P., 1950.
Paris au front d’insurge. La Commune en images. Ch. Feld avec la collab. de F. Hincker. P., 1970.
Prat J. H. Histoire du Faubourg Saint-Antoine. P., 1962.
Remy T. La Commune a Montmartre 23 mai 1871 P., 1970.
Soria G. Grande histoire de la Commune. T. 1–5. P., 1970–1971 *Wyczanska K.* Polacy w Komunie paryskiej 1871. r. Warszawa, 1957.

Третья республика Франция в начале xx века (гл. 9, 10)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Введение к программе Французской рабочей партии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 19
Энгельс Ф. Вопреки всему. Приветствие французским рабочим к Первому мая

1893 г. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22.
Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. – *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22.
Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. – Полное собр. соч. Т. 16.
Ленин В. И. Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг 20 ноября (3 декабря) 1911 г Полное собр. соч. Т. 20.
Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании. – Полное собр. соч. Т. 21.
Ленин В. И. Значение избрания Пуанкаре. – Полное собр. соч. Т. 22.
Ленин В. И. Социализм и война. (Отношение РСДРП к войне). – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Тетради по империализму. – Полное собр. соч. Т. 28.
Engels F., Lafargue L. et P. Correspondance. Textes recueillis et presentes par E. Bottigelli. V. 1 3. P., 1956-59.

Источники

Лафарг П. Сочинения. Т. 1–3. М. – Л., 1925-31.
Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов. М., 1922.
Международный социалистический конгресс в Париже. 23–27 сентября 1900 г. [Б. м. и г.]
Annales de la Chambre des deputes. Debats parlementaires. P., 1881–1917. Annales du Senat et de la Chambre des deputes. P, 1876–1917.
Annales du Senat. Debats parlementaires. Sessions 1881–1918. P., 1881–1919. *Blum L.* Les congres ouvriers et socialistes francais T 1–2. P. 1901. Пер.:
Блюм Л. Французские рабочие и социалистические конгрессы. М., 1906. Documents diplomatiques francais (1871–1914). Serie 1–3. P., 1929-55.
Guesde J. Ca et la. P., 1914. Пер. в извлеч.: *Гед Ж. Речи,* произнесенные в Палате депутатов. СПб., 1908.
Jaures J Oeuvres. Textes rassembles, presentes et annotes par M. Bonnafous. T. 1 9. P, 1931-39.
Le proces Dreyfus devant le Conseil de guerre de Rennes (7 aout.9 sept. 1899).
Compte rendu stenographique. T. 1–9. Lyon, 1900.
Statistique des greves survenues pendant l’annee… P., 1894–1917.

Библиография. Справочники

Brecy R. Le mouvement syndical en France 1871–1921. Essai bibliographique. P., 1963.
Dictionnaire des parlementai) es francais. Notices biographiques sur les ministres, deputes et senateurs francais de 1889 a 1940. Publ… sous la dir. de J. Jolly. Precede de la liste des ministeres de la France de 1871 a 1940, des presidents du Senat de 1876 a 1940…. T. 1–2. P., 1960–1962.

Литература

Антюхина-Московченко В. И. История Франции. 1870–1918. М., 1963. *Белкин И. Д.* Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. М., 1952.
Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мир. М, 1951.
Далин В. М. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М. – Л., 1935.
Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию. Сборник статей. Под ред. И. С. Галкина М., 1955.

История Второго Интернационала. Под ред. Л. И. Зубока и др. Т. I–II. М., 1965–1966.

Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871–1891 годов. М., 1952.

Милицина Т. В. Борьба течений в профессиональном движении во Франции. М. 1937.

Молчанов Н. Н. Жорес. М., 1969.

Момджян Х. Н. Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954.

Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960.

Социалистическое движение во Франции. Сб. статей под ред. Н. М. Лукина. М., 1934.

Трунский Г. Основные тенденции экономической эволюции французской Деревни (1862–1962). – «Уч. зап. Казанского пед. ин-та», 1969, вып. 70.

Хвостов В. М. Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955. *Шнеерсон А. И.* Аграрный вопрос во Франции. М. 1948.

Auclaire M . La vie de jean Jaures, ou la France d'avant 1914. P., 1954.

Auge-Laribe M. La politique agricole de la France de 1880 a 1940. P., 1950. *Baumont M.* La Troisieme Republique. Lausanne, 1968.

Bonnefous G. Histoire politique de la Troisieme Republique. T. 1–2. P., 1956-57.

Bourgin G. Manuel des partis politiques en France. P., 1928.

Boussel P. L'affaire Dreyfus et la presse. P., 1960.

Bouvier J. Le Credit Lyonnais de 1863 a 1882. V. 1–2. P., 1961.

Bouvier J. Les deux scandales de Panama. P., 1964.

Bouvier J. Le Krach de l'Union generale 1878–1885. P., 1960.

Brown R. G. Fashoda Reconsidered. The Impact of Domestic Politics on French Policy in Africa 1893–1898. Baltimore – London, 1970.

Bruhat J. et *Piolot M.* Esquisse d'une histoire de la C. G. T. (1895–1965). P., 1967. Пер.: *Брюа Ж.* и *Пиоло М.* Очерки истории всеобщей конфедерации труда Франции. М., 1959.

Brunschwig H. Mythes et realites de l'imperialisme colonial francais (1871–1914). P.. 1960.

Chapman G. The Third Republic of France. The First Phase. 1871–1894. N. Y., 1962.

Charnay M. Les Allemanistes. P., 1912.

Chastenei J. Histoire de la Troisieme Republique. V. 1–4. P., 1952-55. *Compere-Morel A.* Jules Guesde. Le socialisme fait homme. 1845–1922. P., 1937.

Compere-Morel A. La question agraire et le socialisme en France. P., 1912.

Dansette A. Le boulangisme. P., 1946.

Danseite A. Les affaires de Panama. P., 1934.

Derjler L. The Third French Republic 1870–1940. Princeton, 1966.

Dolleans E. Histoire du mouvement ouvrier 1871–1936. 3-e ed. P., 1948.

Dommanget M. Auguste Blanqui au debut de la 111-e Republique (1870–1880). P.. 1971.

Dommanget M. Histoire du Premier Mai. P., 1953.

Dommanget M. La chevalerie – du Travail francaise, 1893–1911. Contribution a l'histoire du socialisme et du mouvement ouvrier. Lausanne, 1967.

Dommanget M. Edouard Vaillant. Un grand socialiste. 1840–1915. P., 1956.

Dommanget M. Histoire du Drapeau Rouge, des origines a la guerre de 1939. P., 1966.

Droz J. Le socialisme democratique. 1864–1960. P., 1966.

Duclos J. De Napoleon III a De Gaulle. P., 1964.

Erlanger Ph. Clemenceau. P-, 1968.

Coguel F. Geographie des elections francaises de 1870 a 1951. P., 1951.

Goldberg H¦ The Life of Jean Jaures. Madison, 1962.

Hanotaux G. Histoire de la fondation de la Troisieme republique. T. 1–4. (1870–1876). P., 1925-26.

Hardy G. Histoire de la colonisation francaise. P., 1928.

Hegemann C. Die Entwicklung des franzosischen Grossbankbetriebes. Munster, 1908.

Herzfeld H. Die deutsch-franzosische Kriegsgefahr von 1875. B., 1922.

Histoire des divers partis socialistes de France. Publ. sous la dir. de M. Zevaes. P., 1912-23.

Julliard J. Clemenceau briseur de greves. P., 1965.
Julliard J. Fernand Pelloutier et les origines du syndicalisme d'action directe. P., 1971.
Lefranc G. Le mouvement socialiste sous la troisieme republique. (1875–1940). P., 1963.
Levasseur E. Questions ouvrieres et industrielles en France sous la Troisieme Republique. P., 1907.
Ligou D. Histoire du socialisme en France (1871–1961). P., 1962.
Maitron]. Histoire du mouvement anarchiste en France (1880–1914). 2-ed. P-, 1955.
Nere J. Le boulangisme et la presse. P., 1964.
Nere J. La Troisieme Republique (1914–1940). P., 1965.
Noland A. The Founding of the French Socialist Party(1893–1905). Cambridge, 1956.
Olle-Laprune J. La stabilite des ministres sous la Troisieme Republique 1879–1940. P., 1962.
Parel J. Le mouvement ouvrier francais. Syndicalisme et socialisme. 1872–1914. Villenomble, 1971.
Posse E. H. Der Marxismus in Frankreich. 1871–1905. B., 1930.
Reinach J. Histoire de l'Affaire Dreyfus. T. *I* -VII. P., 1901–1911.
Seignobos Ch. Le declin de l'Empire et l'etablissement de la Ill-e republique. L'evolution de la Ill-e republique (1875–1914). (Histoire de France contemporaine publ sous la dir. de E. Lavisse. T. 7–8.) P., 1921.
Sobolewski M. Od drugiego cesarstwa do Piatej republiki. Z dziejow politycznych Francji. 1870–1958. Warszawa, 1963.
Tetard G. Essais sur Jean Jaures suivi d'une bibliographie methodique. Colombes, 1959.
Varlet J. Paul Lafargue, theoricien du marxisme. P., 1933.
Vidal J. Le mouvement ouvrier en France de la Commune a la guerre mondiale. 2-e ed. P., 1938.
Willard C. Le mauvement socialiste en France (1893–1905). Les guesdistes. P., 1965.
Wormser G. La Republique de Clemenceau. P., 1961.
Zevaes A. L'Affaire Dreyfus. 5. ed. P., 1931.
Zcvaes A. Jules Guesde (1845–1922). P., 1928.

Первая мировая война (гл. 11)

Классики марксизма-ленинизма

Ленин В. И. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии. – Полное собр. соч. Т. 17
Ленин В. И. Война и российская социал-демократия. – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Вопрос о мире. – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Европейская война и международный социализм. – Полное собр. соч. Т. 27.
Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Крах II Интернационала. – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне. – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Реферат на тему «Пролетариат и война». 1 (14) октября 1914 г. – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Социализм и война. (Отношение РСДРП к войне). – Полное собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. – Полное собр. соч. Т. 27.
Ленин В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала. – Полное собр. соч. Т. 27.

Ленин В. И. О задачах оппозиции во Франции. (Письмо к тов. Сафарову). 28 января (10 февраля) 1916 г – Полное собр. соч. Т. 27.
Ленин В. И. Честный голос французского социалиста. – Полное собр. соч. Т. 27.
Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. – Полное собр. соч. Т. 30.
Ленин В. И. О брошюре Юниуса. – Полное собр. соч. Т. 30.
Ленин В. И. О лозунге «разоружения». – Полное собр. соч. Т. 30.
Ленин В. И. Принципиальные положения к вопросу о войне. – Полное собр. соч. Т. 30.
Ленин В. И. Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г. – Полное собр. соч. Т. 32.

Источники

Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. Пер. с англ. М. – Л., 1927.
Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. Вып. 4. 1914–1917. Под ред.
М. Н. Покровского. М. – Л… 1931.
Революционное движение во французской армии в 1917 г. (Письма солдат и матросов). Предисл. Ф. Нотовича. – «Историк-марксист». Т. 4 (38).
L’Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. (Aoŭt 1914-7 nov. 1917). Vol. 1–2. Publ. par A. Scherer et J. Grunewald. P.. 1962–1966.
Les carnets secrets d’Abel Ferry (1914–1918). P-, 1957.
Clemenceau C. Discours de guerre. P., 1934.
Clemenceau G. Grandeur et misere d’une victoire. P., 1930.
Foch F. Memoires pour servir a l’histoire de la guerre de 1914–1918. Vol. 1–2. P., 1931. Пер.: *Фош Ф.* Воспоминания. (Война 1914–1918 гг.). М… 1939.
Jaures J. Contre la guerre et la politique coloniale. P., 1959. Пер.: *Жорес Ж.*
Против войны и колониальной политики. М., 1961.
Legislation de la guerre de 1914. Lois, decrets, arretes ministerielles. Vol. 1–7. P., 1915–1917.
Malvy L. -J. Mon crime. P., 1921.
Poincare R. Au service de la fiance. Vol. 1–4. P., 1927–1929. Пер.: *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Т. 1–2. М., 1936.
Rolland R. Le journal des annees de guerre. P., 1952.
Tardieu A. La paix. P., 1921.

Библиография

Bibliographie zur militarischen Geschichte Frankreichs im Weltkrieg. 2. Aufl. Stuttgart, 1938.
Bloch C. Bibliographie methodique de l'histoire economique et sociale de la France pendant la guerre. P., 1924.

Литература

Бангке С. С. Борьба за создание Коммунистической партии Франции. М., 1936. *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М., 1961.
Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Изд. 3-е. Т. 1–2. М.,1938.
Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (Февраль – октябрь). М… 1958.
Barres M. Chronique de guerre. P., 1934.
Ducasse A., *Meyer* J., *Perreux* G. Vie et mort des Francais. 1914–1918. P., 1960. *Ferro M.* La grande guerre. 1914–1918. Pref. de P. Renouvin. P., 1969.
Histoire politique de la grande guerre. Publ. sous la dir. de A. Aulard. Avec la collab. de E.

Bouvier et A. Ganem. P., 1924.
Laloy E. A. F. La guerre mondiale, ses origines et l’apresguerre d'apres leurs principaux historiens. P., 1930.
Pingaud A. Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre. T. 1–3. P., 1938–1940.
Renouvin P. La crise europeenne et la premiere guerre mondiale. (1904–1918). P. 1969.
Renouvin P. Les orisines immediates de la guerre (28 juin-4 aout 1914). 2-e ed. P., 1927.
Rosmer A. Le mouvement ouvrier perdant la guerre. T. I. De l’union sacree a Zimmerwald. P., 1936. T. II. De Zimmerwald a la revolution russe. P., 1959.

Составитель: канд. ист. наук М. Н. Соколова.